- - МАЙ 2008

Проверено 1984 г.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

книга шестьдесятъ вторая.

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКАГО КАБИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ. Духовская ул., собств. домъ.
1894.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

шестьдесятъ второй книги Временника Лицея

Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право. Ординарнаго профессора *Н. С. Сувогова*. . . . . I—VII 1—128

Государственный совѣтъ въ Россіи. Т. I. (Продолженіе) Испр. должн. Экстраординар. профессора *В. Г. Щеглова* . . . . . 753—880

Антрополого-позитивная школа Уголовнаго права въ Италіи. (Окончаніе). Ординарнаго профессора *А. К. Вульферта* . . . . . 401—566 I—II

Юридическая библіографія № 33-й . . 1—48

LXII книга вышла 12 апрѣля 1894 года;
въ ней 30 листовъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КЪ ВОПРОСУ

О ЗАПАДНОМЪ ВЛІЯНІИ НА ДРЕВНЕ-РУССКОЕ ПРАВО.

По поводу книги проф. А. С. Павлова: „Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права", Москва, 1892.

Н. С. Суворова,

Ординарнаго профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія М. Х. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.

1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ *С. Шпилевскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1888 году я издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“, гдѣ была мною сдѣлана попытка указать въ нашихъ древнихъ юридическихъ памятникахъ элементъ, который до сихъ поръ не былъ въ нихъ замѣченъ нашими учеными изслѣдователями,—вліяніе западно-католическаго церковнаго права. Недавно профессоръ московскаго университета А. С. Павловъ подвергъ это мое сочиненіе подробному и обстоятельному разбору. Разборъ помѣщенъ почтеннымъ ученымъ критикомъ въ нѣсколькихъ нумерахъ журнала: „Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за 1891 и 1892 гг., кромѣ того явился и въ видѣ отдѣльной книжки: „Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права“, Москва, 1892 г. Къ разбору профессоръ Павловъ приступилъ, по его словамъ, въ виду того, что мое изслѣдованіе „уже по новости своего содержанія и по рѣдкой оригинальности историческихъ воззрѣній и методологическихъ пріемовъ автора, безспорно заслуживаетъ самаго тщательнаго, подробнаго, хотя бы нѣсколько и запоздалаго разсмотрѣнія“. Ознакомившись съ содержаніемъ рецензіи профессора Павлова, читатель едва-ли вынесетъ изъ этой рецензіи другое впечатлѣніе, кромѣ того, что, „оригинальность историческихъ воззрѣній и методологическихъ пріемовъ моихъ“ означаетъ въ сущности нѣчто весьма непохвальное: отсутствіе логики, неосновательность въ соединеніи съ смѣ-

лостію и неумѣлость (см. въ особенности стр. 25, 102, 129 и 160 разбора), мало того, даже тенденціозное пристрастіе къ западу и антипатію къ востоку (стр. 48, 70, 149, 162) Чуждый на самомъ дѣлѣ какихъ-либо предвзятыхъ симпатій и антипатій и цѣня всего дороже историческую правду, я тѣмъ менѣе считалъ себя вправѣ оставить безъ отвѣта критическій разборъ моей книги, что спорные между мною и профессоромъ Павловымъ вопросы, по выраженію его самого, имѣютъ „высокій научный интересъ“, и что солидная ученая репутація, вполнѣ заслуженная А С. Павловымъ, могла-бы внушать читателямъ его разбора вѣру въ истинность всего того, что содержится въ этомъ разборѣ, безъ самостоятельной провѣрки прочитаннаго, которая притомъ даже и невозможна для большинства читателей, не имѣющихъ подъ руками разныхъ ученыхъ изданій памятниковъ, не говоря о рукописныхъ сборникахъ. Опытъ показываетъ, что иногда не только читатели, читающіе про себя и для себя, а и рецензенты вновь выходящихъ книгъ, затрудняются достать и прочитать самыя эти книги, а пишутъ рецензіи съ другихъ рецензій. Это случилось напр. съ моимъ „Курсомъ церковнаго права“. Въ томъ же самомъ духовномъ журналѣ, въ которомъ профессоръ Павловъ помѣстилъ разборъ моего сочиненія о „Слѣдахъ католич. церк права“, нѣсколько ранѣе нѣкій духовный рецензентъ, не потрудившійся прочитать моего „Курса“, составилъ рецензію моей работы на основаніи появившихся въ печати рецензій г. Заозерскаго (въ Прав. Обозр. за 1889 г. сент.) и г. Бердникова (въ Учен. Зап. Казан. унив. за 1890 г. ноябрь—декабрь), а между тѣмъ онъ весьма рѣшителенъ въ своихъ сужденіяхъ: по его приговору, авторъ Курса, т. е. я, вынесъ изъ изученія западной науки лишь *презрѣніе къ православной церкви*. Ученые профессора духовныхъ академій, очевидно, настолько импонировали своимъ авторитетомъ рецензенту-любителю духовнаго

просвѣщенія, что онъ счелъ возможнымъ ограничиться изученіемъ ихъ рецензій, не читая самой книги рецензируемой, для того чтобы высказать о ней столь рѣшительное сужденіе. Тоже самое и тѣмъ болѣе должно было повториться съ моими „Слѣдами“ и съ рецензіей профессора Павлова, говорю: *тѣмъ болѣе* потому, что рецензія принадлежитъ извѣстному ученому, сужденія котораго должны имѣть большій вѣсъ, чѣмъ сужденія рецензентовъ моего „Курса“. Прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ со времени появленія рецензіи проф. Павлова, и рецензія его была рецензирована, на этотъ разъ уже въ свѣтскомъ журналѣ (Русск. Обозр, 1892 г.), между тѣмъ какъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ по изданіи мною „Слѣдовъ“, ни у кого не являлось желанія рецензировать ихъ. Рецензентъ „Русскаго Обозрѣнія“, хотя и въ очень приличной формѣ, въ сущности выразилъ то же самое, что выражено было рецензентомъ „Чтеній общ. люб. дух. просв.“. Да и мудрено было вынести изъ рецензіи проф. Павлова на мою книгу другое впечатлѣніе: неосновательность, неумѣлость, да еще приэтомъ тенденціозное пристрастіе къ западу—таковы и въ самомъ дѣлѣ качества моей работы, по оцѣнкѣ почтеннаго ученаго. Проф. Павловъ держится „православной“ теоріи „свѣта съ востока“, отрицая всякое вліяніе запада на востокъ, потому только, что, по православной теоріи, свѣтъ долженъ быть всегда съ востока, а не съ запада, даже и *въ области исторіи права.* Я, напротивъ, считаю нужнымъ отличать отвлеченно-религіозную сферу богословскихъ вопросовъ и практическую сферу церковнаго порядка и въ этой послѣдней сферѣ приписываю западной церкви не только самостоятельную правообразовательную дѣятельность, но и вліяніе на востокъ вообще и въ частности на древне-славянское церковное право. Возраженія проф. Павлова, изложенныя въ его рецензіи на мои „Слѣды“, не поколебали этого моего убѣжденія въ главномъ и существен-

номъ и—самое большое—заставили меня отказаться лишь отъ нѣкоторыхъ детальныхъ положеній, или, лучше, предположеній, которыя и мною самимъ высказывались какъ гипотезы. Но оставаясь при прежнемъ убѣжденіи, я тѣмъ не менѣе считаю долгомъ принести мою глубокую благодарность почтенному А. С. Павлову, не смотря на его неблагосклонный отзывъ о моихъ оригинальныхъ историческихъ воззрѣніяхъ и методологическихъ пріемахъ,—благодарность за то, что своимъ разборомъ онъ вывелъ мое сочиненіе изъ забвенія и далъ толчокъ къ дальнѣйшей разработкѣ темы о западномъ вліяніи на древне-русское право. Пусть благосклонный читатель и смотритъ на мой отвѣтъ проф. Павлову съ этой именно точки зрѣнія дальнѣйшей разработки указанной темы, а не съ точки зрѣнія полемики, вызванной уколами самолюбія.

Разобранное проф. Павловымъ сочиненіе: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“ начинается съ разсмотрѣнія т. н. краткой редакціи закона суднаго, послѣ чего я перехожу къ „Заповѣди св. отецъ“, которая, по моему мнѣнію, составляетъ славянскій переводъ латинскаго пенитенціала, затѣмъ разсматриваю обширную редакцію закона суднаго, нѣкоторыя древне-русскія правила о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ, и въ заключеніе высказываю нѣсколько замѣчаній объ уставахъ, носящихъ имена князей Владиміра и Ярослава. Таковое расположеніе отдѣловъ изслѣдованія условливалось тѣмъ соображеніемъ, что краткая и обширная редакціи закона суднаго суть разныя литературныя произведенія, и что на послѣдней изъ нихъ отразилось прямое вліяніе „Заповѣди св. отецъ“, почему разсужденіе объ этой послѣдней и помѣщено въ серединѣ между разсмотрѣніемъ краткой и разсмотрѣніемъ обширной редакціи закона суднаго. Профессоръ Павловъ расположилъ свои возраженія въ другомъ порядкѣ.

Онъ задался цѣлью доказать восточное происхожденіе „Заповѣди св. отецъ“ и потому начинаетъ съ разбора той части моего изслѣдованія, которая разсуждаетъ объ этомъ памятникѣ, не безъ основанія разсчитывая, что, доказавъ всю тщетность моихъ усилій отстоять западное происхожденіе „Заповѣди св. отецъ“, рецензентъ тѣмъ самымъ дискредитируетъ предъ читателемъ и всѣ остальные мои поиски слѣдовъ западно-католическаго церковнаго права въ древне-русскихъ памятникахъ, такъ какъ въ другихъ отдѣлахъ изслѣдованія мнѣ дѣйствительно приходилось не разъ опираться на фактъ существованія славянскаго перевода латинскаго пенитенціала, какъ не подлежащій сомнѣнію. Если-бы я предвидѣлъ возраженія рецензента противъ латинскаго происхожденія „Заповѣди св. отецъ“, то, вѣроятно и самъ началъ бы свое изслѣдованіе съ этого памятника, несмотря на указанное выше соображеніе о вліяніи „Заповѣди“ на обширную редакцію закона суднаго, чѣмъ и опредѣлился для меня, какъ сказано, вышеозначенный распорядокъ въ моемъ изслѣдованіи. Но разъ высказаны подобныя возраженія, я охотно измѣняю планъ этого моего дополнительнаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе что и для читателя, который бы взялъ на себя трудъ сопоставленія и сравнительной оцѣнки возраженій профессора Павлова и моихъ отвѣговъ на эти возраженія, гораздо удобнѣе разсматривать отвѣты на возраженія въ порядкѣ самыхъ возраженій, чѣмъ перелистывать книгу для отысканія соотвѣтствующаго возраженію отвѣта. Итакъ я буду говорить: 1) о западномъ происхожденіи мерзебургскаго пенитенціала и „Заповѣди св. отецъ“, 2) о западномъ вліяніи на законъ судный въ обѣихъ его редакціяхъ, 3) о слѣдахъ западно-католическаго вліянія въ древнерусскихъ правилахъ о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ, 4) о церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава.

Н. С.

I. О западномъ происхожденіи мерзебургскаго пенитенціала и «Заповѣди св. отецъ».

Въ предисловіи къ своему сочиненію: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“ я заявилъ о неизвѣстномъ доселѣ въ наукѣ фактѣ существованія въ славянскомъ переводѣ *латинскаго* пенитенціала. Въ самомъ сочиненіи я объясняю, что изъ латинскихъ пенитенціаловъ, изданныхъ до настоящаго времени западно-европейскими учеными *наиболѣе близокъ мерзебургскій* пенитенціалъ [1]), но что возможно предполагать и существованіе латинскаго пенитенціала, „весьма близкаго къ мерзебургскому, кратчайшаго и древнѣйшаго чѣмъ мерзебургскій, не тождественнаго съ нимъ, и что такимъ образомъ нельзя навѣрное сказать, слѣдуетъ-ли принимать мерзебургскій пенитенціалъ за оригиналъ славянской „заповѣди св. отецъ“, или за близкій къ оригиналу латинскій покаянный уставъ [2]). Поэтому, не считая невозможнымъ послѣдняго предположенія, я сдѣлалъ нѣсколько сопоставленій статей славянской заповѣди съ другими латинскими пенитенціалами, чтобы показать, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда славянская заповѣдь не имѣетъ себѣ образца въ мерзебургскомъ пенитенціалѣ, возможно предполагать существованіе для славянскаго переводчика образца въ *латинскомъ* же пенитенціалѣ, хотя и не открытомъ еще наукой [3]). Наконецъ,

---

[1]) Poenit. Merseburg. *a.* по изд. Вассершлебена.

[2]) Стр. 110, 112 и 124 назв. моего изслѣдов.

[3]) Прилож. I къ н. с. стр. XVIII и XXVII.

такъ какъ этотъ послѣдній во всякомъ случаѣ еще не открытъ, я счелъ нужнымъ издать параллельный текстъ *мерзебургскаго* пенитенціала, какъ наиболѣе близкаго къ славянской переводной „Заповѣди св. отецъ“, вмѣстѣ съ текстомъ этой заповѣди.

Проф. Павловъ начинаетъ свой разборъ съ неточнаго изложенія моего взгляда на латинскій пенитенціалъ, изданный Вассершлебеномъ подъ именемъ poenit merseburg. a, который будто бы я признаю безусловно за оригиналъ для славянскаго переводчика[4]). Приписавъ мнѣ то, чего я не думалъ и не говорилъ, рецензентъ, когда приходится ему разсуждать объ указанныхъ выше сопоставленіяхъ „Заповѣди“ съ другими латинскими пенитенціалами[5]), дѣлаетъ за меня такой выводъ: „значитъ (авторъ) признаетъ заповѣдь не только переводомъ съ мерзебургскаго пенитенціала, но и *компиляціей* (курсивъ проф. Павлова) изъ разныхъ латинскихъ сборниковъ того-же содержанія“. И затѣмъ отъ себя прибавляетъ: „это уже новость, къ которой почтенный авторъ насъ ничѣмъ не приготовилъ, и о которой, поэтому, мы ничего сказать не можемъ“. Къ этой новости я дѣйствительно никого не подготовлялъ, да и самъ не былъ подготовленъ къ тому, чтобы кто нибудь такъ неточно могъ истолковать мой взглядъ на отношеніе между мерзебургскимъ пенитенціаломъ и славянскимъ переводомъ латинскаго пенитенціала.

Начавъ съ неточности, проф. Павловъ и продолжаетъ неточностію. Разсматривая представленныя мною отрицательныя доказательства западнаго происхожденія мерзебургскаго пенитенціала, рецензентъ смѣшиваетъ мерзебургскій пенитенціалъ съ валицеллянскимъ 1, такъ что читающій рецензію могъ бы вынести изъ нея ложное представленіе, будто

---

[4]) Павловъ, стр. 7.
[5]) Стр 25 ibid.

въ мерзебургскомъ пенитенціалѣ есть правило, объявляющее пость въ субботу необязательнымъ и будто на полѣ рукописи этого именно „занимающаго насъ“ пенитенціала средневѣковой глоссаторъ сдѣлалъ примѣчаніе, смыслъ котораго тотъ, что подобное правило чуждо римской, и напротивъ принадлежитъ восточной церкви. На самомъ дѣлѣ, и правило это, и замѣтка на полѣ содержатся не въ мерзебургскомъ, а въ валицеллянскомъ 1 пенитенціалѣ, и я съ тѣмъ большимъ правомъ могъ бы заявить себя неподготовленнымъ отвѣчать на это возраженіе проф. Павлова, что имѣю уважительныя основанія (высказанныя мною въ моемъ изслѣдованіи) считать мерзебургскій пенитенціалъ болѣе древнимъ, сравнительно съ валицеллянскимъ, и что не отрицаю вліянія восточной церкви на западное церковное правообразованіе, а напротивъ утверждаю, что въ это послѣднее вошло и восточное церковное право, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ. Пусть въ валицеллянскомъ читаются и означенное выше правило, и означенная выше глосса, могъ бы отвѣтить я профессору Павлову, да въ мерзебургскомъ—то ихъ нѣтъ, а онъ-то именно и „занимаетъ насъ“. Этого я, однако, не сдѣлаю и разсмотрю по существу каждое изъ возраженій проф. Павлова противъ западнаго происхожденія мерзебургскаго пенитенціала, этого наиболѣе близкаго изъ латинскихъ пенитенціаловъ къ славянской „Заповѣди св. отецъ“.

Проф. Павловъ находитъ, что правило о несоблюденіи поста въ субботу людьми, проходящими покаяніе за грѣхи, могли практиковать и пропагандировать на западѣ только греческіе монахи, у котораго былъ подъ руками номоканонъ Іоанна Постника. Получилась бы удивительная несообразность, по мнѣнію ученаго рецензента, если бы признать, что римская церковь издавна предписывала своимъ членамъ соблюдать постъ по субботамъ, съ другой освобождала отъ этого поста епитимійцевъ, тѣхъ именно лицъ, которыя обя-

заны были къ усиленнымъ подвигамъ поста и покаянія. О томъ, существовалъ ли номоканонъ Іоанна Постника ранѣе составленія мерзебургскаго пенитенціала, будетъ рѣчь ниже. Здѣсь отмѣтимъ только, что сопоставляемыя рецензентомъ мѣста изъ номоканона Постника и изъ валицеллянскаго пенитенціала, изъ которыхъ первое принимается почтеннымъ рецензентомъ за „прямой источникъ“ послѣдняго, далеко не соотвѣтствуютъ одно другому ни со стороны содержанія, ни со стороны литературной формы, на которую также не излишне обращать вниманіе, когда приходится судить о заимствованіяхъ одного автора у другаго. Въ греческомъ номоканонѣ говорится: „σαββάτῳ καὶ κυριακῇ μὴ ἔν τινι βρώματι ἢ πόματι τὸ οἰνοῦν ἐπιτιμᾶσθαι, ἀλλ' εἶναι ἀκώλυτον εἰς πάντα, ὡς πάντες οἱ μὴ ἔχοντες ἐπιτίμιον [6]). А въ валицеллянскомъ читается: „Qui tota septimana jejunat pro peccatis, sabbato et dominico die manducet et bibat quicquid ei aptum fuerit, custodiat tamen se a crapula ventris vel ebrietate, quia omnis luxuria de ebrietate nascitur“ (послѣднія слова, напечатанныя курсивомъ, не приведены проф Павловымъ). А непосредственно передъ цитированнымъ мѣстомъ въ валицеллянскомъ пенитенціалѣ читается чисто латинское разсужденіе: omnis itaque poenitens non hoc solum debet jejunare, quod illi mandatum est a sacerdote, verum etiam postquam compleverit ea, quae illi jussa sunt, debet quantum ipsi visum fuerit jejunare sive IIII feria. sive parasceve. Si enim egerit ea, quae illi sacerdos praeceperit, peccata ei remittentur. Si vero postea ex sua voluntate jejunaverit, mercedem sibi acquirit et regnum coelorum“ [7]). Та-

---

[6]) Morinus, Comment. de disc. in admin. sacr. poen. Venetiis, 1702, p. 623.

[7]) Schmitz, Bussbücher und die Bussdisciplin d. Kirche, Mainz, 1883, стр. 242. Послѣ словъ: „acquirit et regnum coelorum“ непосредственно слѣдуетъ: „Qui ergo tota septimana“ etc. А затѣмъ далѣе слѣдуютъ правила о выкупѣ поста извѣстною денежною суммою.

кимъ образомъ у Іоанна Постника говорится, что *вообще никому* не слѣдуетъ поститься въ субботу и воскресный день, а въ латинскомъ пенитенціалѣ говорится о людяхъ, проходящихъ покаяніе за грѣхи, и притомъ о такихъ, которые, *исполнивъ* возложенную на нихъ епитимію, совершаютъ еще излишнія дѣла покаянія, и этимъ-то именно лицамъ, какъ скоро они простираютъ свое усердіе до того, что постятся сплошь цѣлую недѣлю, не бывъ къ тому обязаны, составитель пенитенціала производитъ, такъ сказать, зачетъ, снимая съ нихъ обязанность субботняго поста въ возмѣщеніе тѣхъ излишнихъ подвиговъ, которые совершены ими втеченіе недѣли. Это разсужденіе я называю чисто латинскимъ, такъ какъ оно вполнѣ согласуется съ духомъ римской церкви и романо-германскаго христіанства: постъ въ субботу по общему правилу обязателенъ, но отъ этой обязанности, по мнѣнію составителя пенитенціала [8]), *диспензируются* тѣ, которые и безъ того цѣлую седьмицу провели въ постѣ, не бывъ къ тому обязаны, такъ что не только доставили должное *удовлетвореніе* за свои грѣхи, но и совершили нѣчто бо́льшее и излишнее. Отсюда видно, что отвѣтственность за недоразумѣніе, которое заставило Шмитца направить свои аргументы исключительно въ ту сторону, что разрѣшеніе отъ поста въ субботу не можетъ служить признакомъ восточнаго происхожденія валицеллянскаго пенитенціала, должна падать только и единственно на библіотекаря или на глоссатора.

Проф. Павловъ не находитъ возможнымъ приписать какой

---

[8]) Что слова: „qui tota septimana“ представляютъ собою субъективное мнѣніе составителя пенитенціала, доказывается отсутствіемъ ихъ не только въ мерзебургскомъ, но и въ весьма близкой къ валицеллянскому монтекассинской рукописи № 372. (См. о ней Schmitz, Arch. für kathol. Kirchenr. B. XXXIV, стр. 233 и сл. и въ Bussbücher, стр. 397 и сл.), въ которой правила о наложеніи покаянія стоятъ подъ заголовкомъ: “Poenitentiarium summorum pontificum“.

нибудь западной и въ особенности римской церкви происхожденіе того правила мерзебургскаго пенитенціала, которымъ запрещается употреблять въ пищу кровь и удавленину. Запретительнаго постановленія орлеанскаго собора 533 г. и посланія папы Григорія III къ св. Бонифацію рецензенту мало, для того чтобы допустить возможность происхожденія на западѣ подобнаго запрещенія, на томъ основаніи, что папа Григорій III былъ сиріецъ родомъ, и слѣдовательно могъ дать руководство германскому апостолу Бонифацію не какъ папа римскій, соображающій свои дѣйствія съ традиціями и съ практикой римской церкви, а какъ сиріецъ, вводящій въ западную практику восточныя начала церковнаго порядка. Само собою разумѣется, что это предположеніе и само по себѣ есть не что иное, какъ разсужденіе „вообще“, и притомъ весьма сомнительное, такъ какъ и восточный человѣкъ, находясь въ положеніи римскаго епископа, скорѣе долженъ былъ говорить римскимъ, чѣмъ восточнымъ языкомъ, подобно тому какъ напр. грекъ папа Захарія въ посланіи къ Пипину ссылается на декреталы своихъ предшественниковъ [9]) и что во всякомъ случаѣ члены орлеанскаго собора состояли не изъ сирійцевъ. Но, кромѣ того, проф. Павловъ упускаетъ изъ вида массу другихъ свидѣтельствъ, отчасти приведенныхъ Шмитцемъ, какъ Регинонъ и Оттонъ бамбергскій, отчасти опущенныхъ. Къ этимъ послѣднимъ нужно отнести рядъ запретительныхъ правилъ въ разныхъ латинскихъ пенитенціалахъ. Съ особенною подробностію трактуется этотъ предметъ въ такъ называемомъ римскомъ пенитенціалѣ, который, по словамъ Галитгара, извлеченъ имъ „e scrinio romanae ecclesiae“. Тутъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: „si quis manducaverit sanguinem aut morticinum aut idolis immolatum, et non fuit ei necessitas, jejunet

---

[9]) Mansi, Concil. coll. XII, 326 sqq.

hebdomadas duodecim“ [10]). И затѣмъ ниже: „si quis canis aut vulpis, sive accipiter aliquid mortificaverint, sive de fuste, sive de lapide, sive sagitta, quae non habet ferrum, mortuum fuerit, haec omnia suffocata sunt, non manducentur, et qui manducaverit, jejunet hebdomadas sex“ [11]). А въ ирландскомъ сборникѣ каноновъ содержится тоже самое запрещеніе, и даже съ ссылкой на *Іеронима*. „Hieronimus ait: suffocatum aut per manus hominum gentili more, aut per se ipsum lege mortis aut per bestias aut per ignem aut per aquam aut per aliam quamcunque mortis causa efficitur, inlicitum est, morticinum est enim, quia absque effusione sanguinis emittit vitam et in quo moriatur anima“ [12]). Положимъ, А. С. Павловъ всѣ западные пенитенціалы производитъ съ востока, но вѣдь если бы церковныя воззрѣнія запада въ разсматриваемомъ пунктѣ были противоположны восточнымъ церковнымъ взглядамъ, составители латинскихъ пенитенціаловъ, черпая изъ предполагаемаго проф. Павловымъ греческаго источника, по меньшей мѣрѣ воздержались бы отъ внесенія въ свои сборники постановленій, совершенно противорѣчащихъ обычной западной практикѣ. Поэтому, болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ мнѣніе рецензента, представляется мнѣніе извѣстнаго *западнаго* ученаго Ассемана, который, будучи по происхожденію такъ же сирійцемъ, какъ и Григорій III, считаетъ за несомнѣнное, что запрещеніе употребленія въ пищу крови дѣйствовало во всей силѣ и на западѣ [13]). Правда, папа Николай I въ своемъ отвѣтѣ болгарамъ не воспрещаетъ безусловно употреблять въ пищу животныхъ и птицъ, убиваемыхъ безъ про-

---

[10]) Morinus, p. 567, по Schmitz'y с. 44 на стр. 480.

[11]) Morinus, p. 568, Schmitz, стр. 488. Ср. также въ разныхъ латинскихъ пенитенціалахъ у Вассершлебена на стр. 122 с. 14, на стр. 137 с. 12 и 15, на стр. 191 с. 6, на стр. 243, XIII, 2 и др.

[12]) Wasserschleben, Die irische Canonensammlung, Leipz. 1885, S. 216.

[13]) Assemani, Bibliotheca juris orientalis canonici et civilis, Romae, 1762, lib. IV, p. 505 sqq.

литія крови какимъ-либо желѣзнымъ орудіемъ, однимъ лишь ударомъ человѣка, а, становясь на точку зрѣнія Августина, не придаетъ вопросу объ употребленіи въ пищу животныхъ съ пролитіемъ и безъ пролитія крови особой важности, такъ какъ оскверняетъ человѣка не то, что въ уста входитъ, а что изъ устъ исходитъ. Но папская политика и ранѣе Николая I высказывалась иногда въ духѣ снисхожденія къ новообращеннымъ, не требуя отъ этихъ послѣднихъ всего того, что входило въ обычный укладъ христіанской жизни. Напр. папа Григорій В. далъ въ подобномъ смыслѣ инструкціи англосаксонскому миссіонеру Августину относительно допустимости браковъ въ запрещенныхъ общимъ церковнымъ правомъ степеняхъ родства. Когда епископъ Феликсъ изъ Сициліи высказалъ по этому поводу свои педоумѣнія, такъ какъ-де онъ отъ роду не слыхалъ и въ декреѣахъ предшественниковъ Григорія В. не читалъ ничего, чѣмъ могло бы быть оправдано это отступленіе отъ общаго церковнаго порядка, папа отвѣтилъ ему, что данное снисхожденіе сдѣлано имъ только для новообращеннаго англосаксонскаго народа, чтобы слишкомъ строгія требованія не повели за собой совращенія новообращенныхъ снова въ язычество (ne a bono quod coeperunt metuendo austeriore recederet) [14]). А папа Николай въ отношеніи къ болгарамъ тѣмъ легче долженъ былъ допустить снисхожденіе въ отношеніи къ пищѣ, что могъ сослаться на великій авторитетъ Августина, возвышенный взглядъ котораго, конечно, не былъ достояніемъ всей массы западнаго христіанства, такъ какъ масса всегда склонна придавать большее значеніе внѣшности и формальности, точнымъ правиламъ о томъ, что дѣлать и чего не дѣлать, что ѣсть и чего не ѣсть, чѣмъ августиновскому взгляду. Не всталъ папа Николай I въ противорѣчіе и съ мерзебургскимъ пенитен-

---

[14]) Mansi, X, 424—426.

ціаломъ, чего опасается проф. Павловъ, такъ какъ мною разъяснено [15]), что хотя папа и послалъ болгарамъ латинскій пенитенціалъ въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ пенитенціалъ имѣлся въ его рукахъ, ничего въ немъ не измѣняя и ничего изъ него не опуская, но, не придавая ему оффиціально-обязательнаго значенія, онъ рекомендовалъ болгарамъ обращаться къ усмотрѣнію епископовъ, какъ къ главному регулятиву въ вопросахъ о покаяніи (а слѣдовательно и о постѣ, и о пищѣ); епископы же, натурально, должны были руководиться ясно выраженною папскою политикою. Слѣдовательно, нельзя сказать, что новообращенные болгары получили отъ папы на одинъ и тотъ же вопросъ два противоположные отвѣта: утвердительный въ собственномъ посланіи папы и отрицательный въ присланномъ имъ пенитенціалѣ.

Далѣе проф. Павловъ „не совсѣмъ ясно понимаетъ“, какимъ образомъ общія соображенія о сходствѣ или даже тожествѣ статей мерзебургскаго пенитенціала съ содержаніемъ другихъ западныхъ пенитенціаловъ, особенно ирландско-британскихъ, „устраняютъ мысль о происхожденіи мерзебургскаго пенитенціала изъ восточнаго источника, на который такъ внушительно указываютъ вышеприведенныя черты въ его содержаніи“ (т. е. освобожденіе отъ поста въ субботу и запрещеніе употреблять въ пищу животныхъ, убитыхъ безъ пролитія крови—о „внушительности“ этого указанія было сейчасъ сказано). Я долженъ признаться, что возраженія проф. Павлова противъ моихъ „общихъ“ соображеній много удивили меня; подобныхъ возраженій я всего менѣе могъ ожидать отъ столь компетентнаго ученаго, какъ почтенный А. С. Павловъ. Свои возраженія онъ опять начинаетъ неточностію, и неточностію немаловажною. Противъ моей ссылки на сборникъ Діонисія Малаго, какъ на образчикъ или примѣръ за-

---

[15]) Слѣды и проч., стр. 104.

паднаго церковнаго правообразованія, въ которое и восточное церковное право вошло, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ, и которое, однако, должно быть признано западнымъ, а не восточнымъ церковнымъ правообразованіемъ, рецензентъ замѣчаетъ: „вѣрнѣе было бы сказать, что сборникъ правилъ греческихъ соборовъ *цѣликомъ* переведенъ Діонисіемъ и дополненъ правилами только *одного* западнаго собора — карѳагенскаго 419 г.“. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не вѣрно: восточная церковь дѣйствительно всегда оставалась при своихъ восточныхъ правилахъ, дополненныхъ только карѳагенскими канонами, въ діонисіевское же церковное право, которое Шмитцъ называетъ справедливо jus commune западной церкви, входили, какъ не безызвѣстно проф. Павлову, кромѣ соборныхъ каноновъ, decretales римскихъ епископовъ, что хотя Діонисій порознь составлялъ два сборника, одинъ каноновъ, другой декреталовъ, только соединенное изъ обоихъ сборниковъ цѣлое должно быть принимаемо и принимается за кодексъ западнаго общаго церковнаго права. Понятно, что, съ привхожденіемъ новаго элемента, западное церковное правообразованіе получило свой особенный обликъ, хотя восточные каноны и вошли въ его составъ, какъ одинъ изъ элементовъ. Вотъ почему въ франкскихъ капитулярахъ[16]) и въ разныхъ мѣстныхъ сборникахъ какъ напр. Рабана Мавра[17]), въ ирландскомъ[18]) и у Регинона[19]), воспроизводятся не только постановленія восточныхъ

---

[16]) См. Capitul. generale 769—771 an., Capit. ecclesiastic. 789, Capitul. Francofurt. 794, Capitul. Aquisgran. 802 и 813, Capitul. missis dominicis 802 an. Monumenta Germaniae, Legum t. 1.

[17]) См. въ CXI т. патрологіи Миня, series latina, „Poenitentium liber“ Рабана Мавра ad apchiepiscopum Otgarium.

[18]) См. объ этомъ Вассершлебена введеніе въ Jrische Canonensammlung стр. XVII—XVIII.

[19]) Reginonis, De causis et discipl. eccles. стр. 34. 40—41, 64—67, 72—75, 78 и пр.

соборовъ, но и декреталы папъ Иннокентія I, Геласія, Симплиція, Льва Великаго, Григорія В., Сириція, Симмаха и проч. А упомянутые мѣстные сборники показываютъ еще большее богатство правообразованія, содержа въ себѣ постановленія мѣстныхъ соборовъ, извлеченія изъ житій святыхъ, франкскіе капитуляры, наряду съ восточными канонами и съ декреталами папъ. Прилагая это „общее“ соображеніе къ пенитенціаламъ, какъ своеобразному продукту западнаго церковнаго правообразованія, я говорю, что если бы и на латинскихъ пенитенціалахъ отразилось восточное вліяніе, то удивляться этому было бы нечего, такъ какъ и восточное церковное право всегда составляло необходимый элементъ въ западномъ правообразованіи, и что отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что подлинника латинскихъ пенитенціаловъ нужно искать на востокѣ.

Изъ того, что большинство правилъ мерзебургскаго пенитенціала встрѣчается и въ другихъ западныхъ пенитенціалахъ, продолжаетъ проф. Павловъ, никто, конечно, не выведетъ заключенія, что всѣ или почти всѣ такіе сборники западная церковь получила отъ восточной, а сдѣлаетъ только тотъ выводъ, что мерзебургскій пенитенціалъ былъ однимъ изъ самыхъ старшихъ и наиболѣе употребительныхъ на западѣ. Но какъ разъ послѣдняго вывода и невозможно сдѣлать. Если бы было доказано, что мерзебургскій пенитенціалъ есть не одинъ изъ самыхъ старшихъ, а самый древній, тогда бы еще можно было сколько нибудь серьезно разсуждать о томъ, что подлинникъ самаго древняго изъ латинскихъ пенитенціаловъ составленъ грекомъ, и что съ этого же греческаго подлинника переводилъ и славянскій переводчикъ. Между тѣмъ, не считая того, неизвѣстнаго еще пока наукѣ, подлиннаго оригинала, который былъ передъ глазами славянскаго переводчика (о возможности существованія таковаго говорилось выше), Вассершлебенъ, мнѣніе котораго

нужно признать довольно авторитетнымъ, указываетъ цѣлый рядъ франкскихъ пенитенціаловъ, болѣе древнихъ, сравнительно съ мерзебургскимъ, какъ-то: poenitentiale Hubertense, poenitent. Floriacense и въ особенности poenitent. Romanum, poenit. Parisiense и poenit. Bobiense [20]). Всѣ они принадлежатъ, говоритъ Вассершлебенъ, VII столѣтію, или, самое большее, первой половинѣ VIII столѣтія, между тѣмъ какъ мерзебургскій принадлежитъ болѣе позднему времени. Такъ какъ мерзебургскій пенитенціалъ полнѣе вышеупомянутыхъ древнѣйшихъ франкскихъ пенитенціаловъ, т. е. въ каждомъ изъ этихъ послѣднихъ, въ отдѣльности взятыхъ, отсутствуютъ нѣкоторыя правила мерзебургскаго пенитенціала, и напротивъ то, что содержится въ каждомъ древнѣйшемъ порознь, можно найдти въ мерзебургскомъ; то предполагаемый проф. Павловымъ грекъ—составитель греческаго оригинальнаго пенитенціала долженъ былъ сдѣлать одно изъ двухъ: или составить на греческомъ языкѣ компиляцію изъ древнѣйшихъ латинскихъ пенитенціаловъ, да еще въ добавокъ принимая въ соображеніе постановленія *западныхъ соборовъ* оксеррскаго и агдскаго [21]),—тогда въ результатѣ получился бы подлинникъ для мерзебургскаго пенитенціала,—или же предполагаемый грекъ долженъ былъ составить подлинникъ для одного изъ укомянутыхъ древнѣйшихъ пенитенціаловъ, составители же остальныхъ воспроизводили, съ большими или меньшими варіяціями, этотъ основной греческій уставъ, а составитель мерзебургскаго компилировалъ всѣ эти отдѣльные древніе пенитенціалы. Но, предполагая первое, проф. Павловъ рискуетъ умалить значеніе грека до роли простого компилятора изъ латинскихъ источниковъ, такъ что для восточнаго происхожденія мерзебургскаго пенитенціала ничего бы не выиг-

---

[20]) W a s s e r s c h l e b e n, Bussordnungen, стр. 57—58.

[21]) Conc. Autissiodor. a. 578 c. 1, 3, 4. cf. 26, 27, 32 Merseburg. Conc. Agath. a. 506 c. 9, cf. 28 Merseburg. W a s s e r s c h l e b e n, ibid.

рывалось. Предполагая же послѣднее, проф. Павловъ ничего не выиграетъ для восточнаго происхожденія „Заповѣди св. отецъ“, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ перевода ея прямо съ греческаго на славянскій языкъ, потому что славянскому переводу наиболѣе соотвѣтствуетъ мерзебургскій, чѣмъ римскій, парижскій и проч, и слѣдовательно переводъ дѣлался уже съ латинскаго, а не съ греческаго языка. Впрочемъ, проф. Павловъ не оставляетъ читателя въ сомнѣніи на счетъ своей мысли: онъ высказывается именно за восточное происхожденіе мерзебургскаго пенитенціала. „Память о его старшинствѣ, и, смѣемъ прибавить, о его восточномъ происхожденіи“, говоритъ почтенный рецензентъ, „сохранялась даже въ позднѣйшихъ рукописяхъ (IX—X в.), въ которыхъ онъ является хотя въ измѣненной и дополненной редакціи, но за то съ миніатюрой византійскаго стиля (не греческій ли монахъ-духовникъ, замѣчается въ скобкахъ, принимающій исповѣдь кающихся?) и съ надписью: item alii canones poenitentiales vetustiores“. Неизвѣстно, почему poenit. valicellan. II, о которомъ идетъ рѣчь, принимается проф. Павловымъ за измѣненную и дополненную редакцію именно мерзебургскаго, а не какого нибудь другаго пенитенціала; объ этомъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ сожалѣть, что Шмитцъ прямо утверждаетъ, что каноны, составляющіе содержаніе валицел. II пенитен., заимствованы изъ poenit. roman.[22]). Что надпись: „item alii canones poenitentiales vetustiores“ могла относиться столько же къ латинскимъ, сколько и къ греческимъ канонамъ, въ этомъ едва ли возможно какое-либо сомнѣніе. О миніатюрѣ византійскаго стиля рецензентъ говоритъ, на основаніи слѣдующихъ словъ Шмитца: „nach einem Bilde im byzantinischen Stil und nach der Schrift zu schliesen gehört das Breviarium dem 9 oder 10 Jahrhundert an“[23]). Я не видалъ,

[22]) Bussbücher, 344.
[23]) Стр. 342.

какъ и проф. Павловъ, этой миніатюры, и потому не могу говорить ни за, ни противъ того, что миніатюра изображаетъ собою греческаго монаха-духовника, но изъ самаго содержанія пенит. валиц. II могу заключить, что составитель его обнаружилъ довольно любопытную тенденцію приписывать древнимъ вселенскимъ соборамъ никейскому и халкидонскому постановленія латинскихъ пенитенціаловъ объ убійствѣ, враждѣ и истребленіи чужого имущества и о наказаніи за эти преступленія покаяніемъ, соединеннымъ съ изгнаніемъ [24]). Тенденцію эту мы будемъ позднѣе имѣть въ виду при обсужденіи найденнаго проф. Павловымъ греческаго текста 1 кан. мерзеб. Но проф. Павловъ не ограничивается увѣреніемъ въ существованіи греческаго подлинника для мерзебургскаго пенитенціала. Онъ знаетъ, что франкскіе пенитенціалы неминуемо уводятъ изслѣдователя на британскіе острова, такъ какъ франкскіе пенитенціалы составляютъ лишь одну изъ формацій западнаго пенитенціальнаго права. Наукой точно установлено, что британскіе пенитенціалы проникли на континентъ Европы въ государство франковъ, что даже въ самой Британіи пенитенціальное право прошло двѣ стадіи или представляетъ двѣ различныхъ формаціи: ирландско-британскую или кельтическую и англосаксонскую, и что наконецъ обѣ эти формаціи оставили неизгладимые слѣды на франкскихъ пенитенціалахъ. Вассершлебенъ и Шмитцъ,—эти первоклассные спеціалисты по западному пенитенціальному праву не сходятся между собою во многихъ весьма важныхъ пунктахъ, и въ частности Шмитцъ отрицаетъ существованіе особой группы франкскихъ пенитенціаловъ, считая ихъ за несамостоятельное смѣшеніе англосаксонскихъ и римскихъ, т. е. содержащихся въ jus commune, правилъ и предпочитая называть ихъ римскими, между тѣмъ какъ Вассершлебенъ

---

[24]) Cap. 7, 12 и 55 по нумераціи Шмитца.

отрицаетъ существованіе римскихъ, причисляя ихъ къ франкскимъ. Но и тотъ и другой одинаково признаютъ три формаціи западныхъ пенитенціаловъ.

Мнѣ въ моемъ изслѣдованіи было совершенно достаточно (хотя проф. Павловъ и упрекаетъ меня въ краткости) указать на эту историческую преемственность формацій, изъ которыхъ формація, представляемая мерзебургскимъ пенитенціаломъ, есть уже *третичная*, чтобы избавить себя отъ необходимости доказывать, что третичная формація, неразрывно связанная съ двумя предшествующими, имѣющая въ этихъ предшествующихъ формаціяхъ свои корни не только съ точки зрѣнія содержанія, но и съ точки зрѣнія литературной формы выраженія, не могла явиться какъ переводъ съ греческаго. Единственное, что оставалось бы сдѣлать для поддержанія гипотезы о существованіи греческаго подлинника для мерзебургскаго пенитенціала, это утверждать, что нѣкоторый, оставшійся неизвѣстнымъ въ исторіи, грекъ геніально схватилъ объ предшествующія формаціи пенитенціаловъ ирландско-британскихъ и англосаксонскихъ и, принявъ въ соображеніе потребности франкской или вообще западной церкви, составилъ покаянный уставъ на греческомъ языкѣ, который и сдѣлался родоначальникомъ и мерзебургскаго, и всѣхъ франкскихъ пенитенціаловъ, какъ называетъ ихъ Вассершлебенъ, или римскихъ, какъ называетъ ихъ Шмитцъ. Исторія, какъ сказано, ничего не говоритъ намъ о такомъ грекѣ; но исторія говоритъ напр. о шотландскомъ монахѣ Колумбанѣ, который, въ концѣ VI в. прибывъ на континентъ Европы, основалъ здѣсь нѣсколько монастырей, и съ именемъ котораго остался пенитенціалъ, такъ сказать переходный отъ древне-британскихъ къ франкскимъ. Въ пенитенціалѣ Колумбана мы найдемъ болѣе десятка правилъ, какъ по содержанію, такъ и по литературной формѣ изложенія или весьма сходныхъ, или даже тожественныхъ съ правилами

мерзебургскаго пенитенціала [25]). Но въ томъ же самомъ пенитенціалѣ Колумбана найдемъ мы и нѣчто другое, а именно массу каноновъ, заимствованныхъ изъ ирландскаго пенитенціала Виньяя [26]); въ числѣ послѣднихъ есть такіе, которыя можно найдти и въ мерзебургскомъ пенитенціалѣ [27]); но есть и такіе, которыхъ въ мерзебургскомъ нѣтъ, зато въ мерзебургскомъ читаются многіе каноны, которыхъ нѣтъ ни у Колумбана, ни у Виньяя. Спрашивается: если бы существовалъ греческій подлинникъ для мерзебургскаго пенитенціала (и вмѣстѣ для славянской „Заповѣди св. отецъ“); то когда и гдѣ могъ бы быть составленъ греческій оригиналъ? Отвѣтъ, конечно, не труденъ: разъ доказано, что хотя бы одинъ канонъ мерзебургскаго ведетъ свою родословную отъ ирландца Виньяя, жившаго въ V в.,—значитъ греческій подлинникъ мерзебургскаго не могъ явиться раньше этого Виньяя и гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ британскихъ острововъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ же объяснить то обстоятельство, что мерзебургскій, по всѣмъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ признакамъ, принадлежитъ къ особой фамиліи пенитенціаловъ, время и мѣсто возникновенія которыхъ опредѣлены уже западною наукою съ достаточною ясностію? Время—не раньше прибытія на континентъ Колумбана, мѣсто—континентъ Европы, именно Италія или Бургундія, гдѣ Колумбанъ основалъ монастыри. Проф. Павловъ предвидитъ это затрудненіе и думаетъ преодолѣть его предположеніемъ, которое мало вяжется съ высказаннымъ имъ ранѣе и позднѣе

---

[25]) Ср. мерз. 1 и Колумб. В. 1, мерз. 4 и Кол. В. 3., мерз. 5 и Кол. В. 5, мерз. 6 и Кол. В. 20, мерз. 12 и Кол. В. 8, мерз. 16 и Кол. В. 11, мерз. 17 и Кол. В. 12, мерз. 18 и Кол. В. 18, мерз. 24 и Кол. В. 9 и 21, мерз. 47 и Кол. В. 20, мерз. 49 и Кол. В. 24, мерз. 68 и Кол. А. 10.

[26]) Виньяй, Viniaus или Finianus родился въ 450 г. въ Ирландіи, нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Галліи. затѣмъ отправился къ епископу Давиду въ Британію, оттуда въ послѣдніе годы V в. вернулся въ Ирландію. Wasserschleben, Bussordn. 10.

[27]) Ср. въ особенности кан. 1 и 12 мерзеб. съ кан. 23 и 27 Виньяя.

повторяемымъ [28]) убѣжденіемъ въ существованіи греческаго подлинника для мерзебургскаго пенитенціала: „позволительно“, говоритъ рецензентъ, „высказать предположеніе, что греческій подлинникъ мерзебургскаго пенитенціала, въ *первичной своей формаціи*, былъ извѣстенъ и авторамъ древнѣйшихъ западныхъ пенитенціаловъ ирландско-британскихъ“. Здѣсь мысль проф. Павлова получаетъ очевидно дальнѣйшее развитіе: греческій подлинникъ, значитъ, пережилъ нѣсколько формацій, только неяснымъ остается, каждый ли разъ являлся на сцену исторіи грекъ для того, чтобы начать новую формацію западныхъ пенитенціаловъ, такъ что слѣдовательно всѣ послѣдовательныя формаціи имѣли, каждая, своимъ прототипомъ греческій подлинникъ, или же дальнѣйшія формаціи происходили уже на латинскомъ языкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ о переводѣ мерзебургскаго пенитенціала и славянской „Заповѣди“ съ греческаго, конечно, нельзя было бы и говорить, потому что для рѣшенія вопроса о переводѣ нужно установить не тотъ отдаленный источникъ, откуда первоначально могла бы истекать болѣе или менѣе значительная часть содержанія переводнаго устава, а источникъ ближайшій, которому переводъ соотвѣтствуетъ и по содержанію, и по внѣшней литературной формѣ. Если напр въ пенитенціалѣ Виньяя найдется всего лишь нѣсколько статей, болѣе или менѣе совпадающихъ съ статьями мерзебургскаго пенитенціала, а въ болѣе древнихъ, сравнительно съ Виньяемъ, покаянныхъ уставахъ Ирландіи и Британіи даже и такого совпаденія не замѣчается, и если притомъ западная наука имѣетъ средства отдѣлить въ пенитенціалахъ континентальныя наслоенія (присущія и мерзеб. пенит.) отъ британскихъ правилъ [29]), то отсюда уже съ необходимостію слѣдовало бы

[28]) Стр. 49.

[29]) У Вассершлебена напр. съ точностію обозначено, какія статьи во франкскихъ пенитенціалахъ заимствованы изъ британскихъ, или по крайней мѣрѣ имѣютъ свой образецъ въ этихъ послѣднихъ.

заключить, что та формація, которую предстaвляетъ собою мерзебургскій пенитенціалъ, явилась на латинскомъ языкѣ, а не какъ переводъ съ греческаго. Итакъ проф. Павлову, заявившему, что мерзебургскій пенитенціалъ есть переводъ съ греческаго, остается лишь доказывать существованіе греческаго подлинника для первичной формаціи западныхъ пенитенціаловъ, именно ирландско-британскихъ. Онъ это и дѣлаетъ. Доказательства этого любопытнаго положенія состоятъ въ слѣдующемъ: въ одномъ ирландскомъ пенитенціалѣ читается: „poenitentia homicidii VII anni in pane et aqua vel X, ut dicit Monochema“. Какой греческій источникъ скрывается подъ варварски искаженнымъ названіемъ Monochema, Вассершлебенъ не объясняетъ, и мы объяснить не можемъ, продолжаетъ проф Павловъ; но въ высшей степени важно то, что въ этомъ источникѣ находилось правило, которое, по сроку епитиміи, назначаемой въ немъ за убійство (10 лѣтъ), совершенно совпадаетъ съ 1 пр. мерзебургскаго пенитенціала и славянской „Заповѣди св. отецъ“.—Нѣсколько ниже присоединяется еще одинъ аргументъ, именно, что, по предположенію Вассершлебена, первоначальные церковные порядки и учрежденія въ Ирландіи и Шотландіи образовались не безъ вліянія *египетскихъ* монастырей и пустынножительскихъ колоній, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ирландскій сборникъ, въ которомъ содержатся многочисленныя извлеченія изъ Vitae Patrum et monasteriorum Aegypti. Вся эта аргументація по отношенію къ британскимъ островамъ скрѣпляется наконецъ апріорнымъ (по собственному выраженію проф. Павлова) положеніемъ, что восточная церковь, въ развитіи новой пенитенціальной системы (въ отличіе отъ древней системы публичныхъ церковныхъ покаяній) опередила западную на нѣсколько столѣтій и приготовила для нея многочисленные образцы своей практики, которыми прежде всего воспользовалась ирландско-британская церковь, никогда

не знавшая дисциплины публичныхъ покаяній.—Разберемъ эту аргументацію. Вопервыхъ, откуда видно, что Монохема (предполагая даже, что это есть искаженное имя какого-нибудь греческаго монаха, а не туземца), на котораго ссылаются Canones Hibernenses [30]), писалъ пенитенціалъ? Развѣ не могъ составитель ирландскихъ каноновъ ссылаться на правило, практиковавшееся въ жизни какимъ нибудь авторитетнымъ монахомъ и устно высказывавшееся имъ хотя бы тому же составителю ирландскихъ каноновъ? Вовторыхъ, почему это „въ высшей степени“ важенъ десятилѣтній срокъ, о которомъ говорится въ ирландскихъ канонахъ? Если бы еще возможно было доказать, что десятилѣтній срокъ покаянія за убійство есть срокъ обычный для *восточныхъ* пенитенціаловъ, что его можно найдти у Никифора и у Θеодора Студита, и въ котельеровскомъ номоканонѣ, и у Постника, тогда былъ бы пожалуй нѣкоторый резонъ придавать значеніе ирландскому канону, если не въ качествѣ аргумента за существованіе греческаго епитимейника, какъ образца для ирландскихъ пенитенціаловъ, то для опредѣленія вообще силы вліянія восточной церкви на британскіе острова, подобно тому какъ на эту силу указывалъ бы и тотъ фактъ, что въ ирландскомъ сборникѣ дѣлаются ссылки на житія египетскихъ монаховъ. Между тѣмъ, этого-то мы и не видимъ: не только разныя другія восточныя покаянныя пвавила, но и самъ „знаменитый“, по выраженію проф. Павлова, номоканонъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Іоанна Постника, не держатся указаннаго десятилѣтняго срока покаянія за убійство [31]). Такимъ образомъ сила вліянія восточнаго церковнаго права на британскую церковную жизнь не ста-

---

[30]) Wasserschleben, Bussordnung. 136.

[31]) У Θеодора Студита 3 л. срокъ (Περὶ ἐξαγορεύσεως καὶ τῶν ταύτης διαλύσεων κανόνες) въ патрол. Миня т. XCIX ser. gr. Въ котельер. номоканонѣ (прав. 223) срокъ разный: 15 л., 8 л., 6 л , 12 л. (пр. 223, 229, 230, 530). У Іоанна Постника 3 л. (Σύντ. IV, 442. Leunclavius, Jus graecorom. I, 58).

новится тяжеловѣснѣе вслѣдствіе того, что Монохема рекомендовалъ 10-лѣтній срокъ покаянія за убійство, да и то еще альтернативно: или 7, или 10. Ссылки ирландскаго сборника на житія египетскихъ монаховъ, конечно, свидѣтельствуютъ объ этомъ вліяніи, но въ томъ же самомъ сборникѣ дѣлаются ссылки на Іеронима, Августина, Григорія В, Исидора севильскаго, на папскіе декреталы, на галльскіе и на мѣстные ирландскіе соборы и пр.[32]), и изъ всего этого слѣдуетъ не болѣе того, что вывелъ отсюда Вассершлебенъ, а именно, что нельзя согласиться съ тѣми писателями, по мнѣнію которыхъ, въ ирландско-шотландской церкви до IX в. „kaum eine schwache Spur von Kenntniss des griechischen zu finden sei“[33]). Равнымъ образомъ, никакого вывода нельзя сдѣлать въ пользу существованія греческаго оригинала для *англосаксонскихъ* пенитенціаловъ изъ того, что родоначальникъ ихъ Θеодоръ, архіепископъ кентербюрійскій, былъ родомъ грекъ изъ Тарса. Этотъ грекъ хорошо зналъ и восточные, и западные церковные порядки, и былъ посланъ папой Виталіаномъ въ Британію съ спеціальною миссіей, такъ сказать, синтетическаго характера – связать общею церковной дисциплиной чуждавшіяся одна другой церкви кельтическую и англосаксонскую, съ принятіемъ въ соображеніе національныхъ особенностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ уклоненія отъ основъ общаго церковнаго порядка. Пенитенціала онъ не составлялъ не только на греческомъ, но и на латинскомъ языкѣ, а явившійся подъ его именемъ пенитенціалъ не только проникнутъ въ сильной степени англо-саксонскимъ элементомъ, но и дѣлаетъ кромѣ того ссылки на ирландскіе пенитенціалы (libellus Scottorum)[34]). На мое положеніе, что присутствіе греческаго элемента, наряду съ другими элемен-

---

[32]) Wasserschleben, Die irische Kanonensammlung, XVIII—XX.
[33]) Ibid. XXII.
[34]) *Вассершлебенъ*, Bussordn. стр. 183 и 191.

тами, въ какихъ-либо латинскихъ сборникахъ, не дѣлаетъ этимъ сборниковъ греческими, проф. Павловъ иронически замѣчаетъ [35]): „пусть составители латинскихъ пенитенціаловъ, пользуясь греческими источниками, налагали на нихъ печать своей національности, но заимствованія отъ этого не переставали быть заимствованіями, точно такъ же какъ римское право, рецепированное римско-германскими народами и во многихъ пунктахъ радикально ими измѣненное, все таки остается и называется римскимъ“. Сравненіе не совсѣмъ подходящее: рецепированное въ Германіи римское право оставляло такъ мало мѣста для національнаго права, что дѣйствительно могло называться римскимъ правомъ, съ прибавкой впрочемъ: „heutiges römisches Recht“. Напротивъ, во Франціи, гдѣ національный элементъ оказался болѣе силенъ, римское право, видоизмѣненное національными юридическими воззрѣніями, и называлось французскимъ, а не римскимъ правомъ. Болѣе подходящею къ нашему спорному вопросу была бы такая аналогія: римское право еще въ эпоху изданія законовъ XII таблицъ включило въ себя греческіе элементы, и въ особенности вліяніе греческаго элемента на римскую юридическую жизнь усилилось со времени пуническихъ войнъ; въ системѣ римскаго права остались неизгладимые слѣды греческаго вліянія, какъ hypococha, anatocismus, hypotheca, lex Rhodia de jactu и проч., въ дигестахъ есть даже мѣста, изложенныя на греческомъ языкѣ [36]), и все таки міровую извѣстность получило не греческое, а римское право... А въ отношеніи къ *переводу* укажу и еще одну аналогію. Въ своемъ изслѣдованіи о 50-й главѣ кормчей книги проф. Павловъ разъяснялъ проф. Горчакову, по поводу включенія

---

[35]) Стр. 9.

[36]) О существѣ рецепціи см. прекрасную статью Лоренца Штейна: „Zur europäischen Rechtsgeschichte. Das Wesen der Receptionen und die Recepti n des griechischen Rechts im römischen Recht (Zeitschr. f. d. Privat und öffentl. Recht der Gegenwart, B. 1, 722—737.

въ эту главу буллы римскаго папы Павла V и сочиненія константинопольскаго хартофилакса Мануила, что норма можетъ быть и внѣцерковнаго, или вовсе не церковнаго происхожденія, но если она усвоена законодательною властію данной помѣстной церкви и издана ею отъ своего лица, то она и принадлежитъ этой власти, отъ нея въ юридическомъ смыслѣ и происходитъ[37]). Теперь допустимъ, что въ XVIII или въ XIX столѣтіи 50-я глава Кормчей книги была бы переведена на нынѣшній болгарскій или на румынскій языкъ. То обстоятельство, что въ составѣ 50-й главы есть латинскіе и греческіе элементы, не помѣшало бы сказать, что переводъ сдѣланъ все таки съ русской кормчей книги Наконецъ „апріорное“ положеніе проф Павлова, что восточная церковъ въ развитіи своей пенитенціяльной системы опередила даже британскую церковь и составила для нея образцы практики, есть положеніе чрезвычайно рискованное. Ниже мы увидимъ, что проф. Павловъ дѣлаетъ чрезвычайныя и, надобно сказать, довольно безуспѣшныя попытки доказать, что Іоаннъ Постникъ, жившій въ концѣ VI в., имя котораго носитъ масса восточныхъ епитимейниковъ, дѣйствительно написалъ таковой епитимейникъ. Но оказывается, что проф. Павловъ и этимъ не довольствуется и даже, такъ сказать, измѣняетъ „знаменитому“ номоканону Іоанна Постника. Онъ желаетъ доказать, что еще въ V столѣтіи, а можетъ быть даже и въ четвертомъ, нѣкоторый неизвѣстный грекъ, можетъ быть вышеупомянутый Монохема, составилъ греческій пенитенціалъ, изъ котораго потомъ и стали черпать и кельты, и англосаксы. Но вѣдь извѣстно, что кто желаетъ доказать слишкомъ много, тотъ рискуетъ ничего не доказать. Что касается состоянія пенитенціальной практики въ восточной церкви въ V в., нужно сказать, что послѣ отмѣны

---

[37]) *Павловъ*, 50-я гл. Кормч. кн., Москва, 1887, стр. 220.

патріархомъ Нектаріемъ публичнаго церковнаго покаянія, если и существовала на востокѣ какая-либо опредѣленная дисциплина, то только въ монастыряхъ и въ приложеніи только къ монахамъ. Насколько монахи, къ которымъ, какъ къ врачамъ, могли обращаться мірскіе люди для уврачеванія своихъ душевныхъ болѣзней [38]), держались какой нибудь опредѣленной системы, не говоря уже о какомъ-либо писанномъ уставѣ, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній. Относительно же британскихъ острововъ, наука располагаетъ достаточными данными для того, чтобы судить о порядкахъ жизни на этихъ островахъ. Замѣтимъ, прежде всего, что проф. Павловъ выразился весьма поспѣшно [39]), будто первыя сѣмена христіанства „несомнѣнно“ посѣяны были въ Британіи и Ирландіи греческими миссіонерами. Такъ какъ относительно этого факта нѣтъ точныхъ историческихъ свѣдѣній и въ особенности нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы когда либо константинопольское церковное правительство снаряжало спеціальную миссію на острова, то съ неменьшею несомнѣнностію можно думать и такъ, что христіанство въ Британіи распространено было какимъ либо природнымъ британцемъ, побывавшимъ на востокѣ и познакомившимся съ восточными монастырями. Насколько затѣмъ отразилось на британскихъ церковныхъ порядкахъ вліяніе восточной церкви, Вассершлебенъ разсуждаетъ такъ: „древнѣйшая исторія древне-британской и гибернійской церкви покрыта густымъ мракомъ; только съ V в. источники становятся обильнѣе и вѣрнѣе; безъ постоянной и непосредственной связи съ Римомъ и съ другими церквами, развила она свой юридическій порядокъ и дисциплину самостоятельно на собственныхъ соборахъ, изъ постановленій которыхъ

---

[38]) См. объ этомъ въ моихъ изслѣдованіяхъ: „Объемъ дисципл. суда“, гл. 1 и „Къ вопросу о тайной исповѣди“, стр. 52 и сл. П ср. ниже.

[39]) Стр. 18.

сохранились впрочемъ лишь немногія. Въ противоположность догматическимъ борьбамъ, которыя въ теченіе столѣтій потрясали и раздѣляли восточную церковь, на британскихъ островахъ мы находимъ предпочтительную склонность къ практическому христіанству. Утонченное образованіе восточныхъ христіанъ, вліянія греческой философіи были чужды для простой и наивной естественности новообращенныхъ. Ученіе, которое они вѣрующею душой приняли отъ миссіонеровъ, передали они вѣрно и своимъ потомкамъ; ихъ практическій смыслъ указывалъ имъ на жизнь, на установленіе церковнаго порядка, на поддержаніе и распространеніе христіанской нравственности и дисциплины. Это направленіе въ особенности благопріятствовалось и поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ монастырей преимущественно исходила религіозно-церковная дѣятельность. Строгая монастырская дисциплина и опредѣленія монашескихъ уставовъ сдѣлались въ этомъ отношеніи нормою и образцомъ въ широкихъ кругахъ“[40]). На британскихъ островахъ, какъ извѣстно, сложился своеобразный строй церковной организаціи, въ которомъ высшій церковный авторитетъ принадлежалъ настоятелямъ монастырей, епископы же находились въ подчиненіи у монастырскихъ настоятелей, и уже этого одного достаточно, чтобы видѣть громадную разницу между восточною организаціей и британскою. Въ 1873 г. была издана англо-ирландскимъ правительствомъ послѣдняя часть великой книги древняго закона, заключающая въ себѣ т. н. Corus Bescna, т. е. обычное право. Ученые издатели въ предисловіи къ этому изданію говорятъ слѣдующее: „Первоначальные миссіонеры, вводя христіанство въ другихъ странахъ, лежавшихъ внѣ предѣловъ римской имперіи, устанавливали одновременно и подобную латинской церковную организацію. Въ

[40]) Bussordn. 5—6.

Ирландію принесено было только христіанское ученіе, организація же церкви развилась соотвѣтственно съ началами того гражданскаго общества, въ которомъ она была учреждена. Подобно тому какъ вся нація дробилась на независимыя племена, и церковь состояла изъ независимыхъ монастырей. Хаосъ, изъ котораго не вышло еще общество, весьма вѣрно воспроизведенъ въ церкви, лишенной іерархическаго управленія, вполнѣ національной въ томъ смыслѣ, что она вѣрно отражала въ себѣ національныя идеи, но отнюдь не національной въ томъ смыслѣ, который обыкновенно придаютъ этому слову, понимая подъ нимъ такую организацію церкви, которая распространяется на всю территорію, занимаемую націей[41]). Наконецъ, въ отношеніи къ пенитенціаламъ въ частности, не излишне имѣть въ виду замѣчаніе историка-криминалиста Вильды, что западные пенитенціалы, уже по формѣ своей, согласуются съ народными правами, такъ что часто единственное различіе состоитъ лишь въ томъ, что по народнымъ правамъ полагается за извѣстное дѣяніе денежный штрафъ, а по пенитенціаламъ за тоже дѣяніе опредѣленное время поста[42]).—Изъ всего сказаннаго можно, какъ кажется, сдѣлать такой выводъ, что и на британскихъ островахъ не могло существовать „первичной формаціи мерзебургскаго пенитенціала“ на греческомъ

---

[41]) Эти свѣдѣнія заимствуются изъ статьи проф. В. В. Сокольскаго: „Вліяніе кельтическаго и германскаго права на систему каръ и покаяній западной церкви“ (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1882 г. мѣсяцы іюль, сент., окт. и ноябрь). Статья эта, на которую я указывалъ и въ моихъ предшествующихъ трудахъ (см. Объемъ дисц. суда, стр. 104 и Курсъ церк. права, I, стр. 259), представляетъ собою весьма удачный и полезный для науки опытъ работы русскаго юриста надъ каноническимъ матеріаломъ. Въ названной статьѣ читатель можетъ найдти любопытныя данныя о соотношеніи между родомъ, какъ гражданской единицей, и монастыремъ, какъ церковной общиной, а также объ отношеніи между брегопами, вѣщателями свѣтскаго права, и монашескими властями, практиковавшими дисциплинарный судъ (сент. стр. 23 и сл.).

[42]) Wilda, Das Srafrecht der Germanen, Halle, 1842, стр. 115.

языкѣ. Теперь оставимъ британскіе острова и переправимся на континентъ, вмѣстѣ съ проф. Павловымъ, который, въ дополненіе къ сказанному имъ объ Ирландіи и Британіи, ссылается на существованіе греческихъ монастырей въ Римѣ и всего болѣе въ южной Италіи (Magna Graecia) и за тѣмъ приводитъ два факта изъ X и XI в. свидѣтельствующіе о томъ, что греческіе монахи пользовались большимъ уваженіемъ въ Италіи и, когда кто-либо обращался къ нимъ съ покаяніемъ въ учиненныхъ ими преступленіяхъ, приноравливались къ германскимъ воззрѣніямъ. Св. Нилъ Младшій посовѣтовалъ вдовѣ капуанскаго дукса Ландульфа (лонгобарда), въ дополненіе къ положенной на нее епископами за убійство епитиміи, выдать одного изъ своихъ сыновей родственникамъ убитаго, съ тѣмъ чтобы эти поступили съ выданнымъ, какъ хотятъ. О св. Варѳоломеѣ, ученикѣ св. Нила Младшаго, извѣстно, что передъ нимъ исповѣдывался въ своихъ грѣхахъ порочнѣйшій изъ порочныхъ папъ XI вѣка Бенедиктъ IX, и что Варѳоломей указалъ папѣ прекратить на всегда священнодѣйствіе, каковое предписаніе и было немедленно исполнено. „Если такіе примѣры встрѣчаются даже около половины XI в., почти наканунѣ формальнаго и окончательнаго раздѣленія церквей“, говоритъ А. С. Павловъ, „то мы въ правѣ предполагать, что въ прежнія времена авторитетъ греческихъ духовниковъ между разноплеменнымъ населеніемъ Италіи былъ еще выше, особенно втеченіе болѣе чѣмъ столѣтняго періода (642—752), въ продолженіе котораго на папскомъ престолѣ возсѣдали 12 лицъ восточнаго (греческаго и сирійскаго) происхожденія, когда въ самой римской церкви введены были разные греческіе обряды и праздники и даже признаны (папой Константиномъ) правила трулльскаго собора“[43]). Само собою разумѣется, что изъ всего этого никакъ нельзя соз-

[43]) Стр. 10—13.

дать *прямого* аргумента въ пользу существованія греческаго подлинника для мерзебургскаго пенитенціала, особенно въ „первичной“ его формаціи, которую британскіе монахи, по предположенію проф. Павлова, должны были знать уже въ V, а пожалуй даже и въ IV столѣтіи. Но покрайней мѣрѣ все, сейчасъ сказанное, не можетъ ли служить *косвеннымъ* аргументомъ, давая возможность взвѣсить и оцѣнить вліяніе эллинизма вообще и греческихъ монаховъ въ особенности на церковную дисциплину Италіи, начиная съ самой эпохи возникновенія монашества? Отвѣтить нужно отрицательно. Отъ древней великой Греціи, на которую Римъ наложилъ свой законъ и свой языкъ еще за долго до Р. Хр., къ VIII вѣку не оставалось въ Италіи почти никакого слѣда. Старинный итальянскій ученый Моризани [44]) утверждаетъ даже, что до VIII в. ни въ Сициліи, ни въ Бруттіи, ни въ Калабріи церковнаго греческаго обряда не существовало. Южная Италія находилась въ церковномъ подчиненіи Риму, откуда и исходили руководящія нормы церковнаго порядка, какъ это видно напр. изъ epistola decretalis ad episcopos per Siciliam, per Lucaniam et Bruttios constitutos папы Геласія, а также изъ другихъ декреталовъ другихъ папъ на имя викаріевъ Сициліи и Кампаніи, или напр. изъ того факта, что когда Григорій В. переработалъ геласіанскій сакраментарій, въ *Сициліи* (которая когда-то составляла ядро великой Греціи) послышался ропотъ: сициліанцы роптали на то, что папа взялъ будто-бы больше изъ обрядовъ константинопольской церкви, чѣмъ сколько онъ умалилъ ея вліяніе, оспаривая за ея епископомъ титулъ вселенскаго патріарха, а напротивъ Григорій В.

---

[44]) Josephi Morisani, De protopapis et deutereis graecorum et catholicis eorum ecclesiis. Neapoli, 1768, стр. 157 и сл. Ср. Diehl, Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne. Paris, 1888, p. 241. Диль совершенно согласенъ съ Лепорманомъ, что южная Италія съ VIII в. испытала *новую* эллинизацію, послѣ того какъ втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ была латинскою.

съ своей стороны возражалъ: „num vestrae ecclesiae numquid traditionem a graecis acceperunt? unde habent ergo hodie ut subdiaconi lineis in tunicis procedunt, nisi quia hoc a matre sua romana ecclesia perceperunt?“[45]). Поэтому говорить о вліяніи греческихъ монаховъ на южную Италію, до VIII в. нельзя, тѣмъ болѣе что въ Италіи существовала своя знаменитость—бенедиктинскій монастырь въ Монтекассино близь Неаполя. Греческихъ монаховъ въ Римѣ и въ равеннскомъ экзархатѣ было дѣйствительно много въ VII и VIII вв. отчасти потому, что многіе греки являлись въ Римъ, спасаясь отъ религіозныхъ преслѣдованій со стороны моноѳелитовъ и иконоборцевъ византійской имперіи и оставались въ Римѣ или временно, или на постоянное жительство, отчасти потому, что политика императоровъ Константа II, Юстиніана Ринотмета и др. прямо благопріятствовала усиленію греческаго элемента въ Италіи; вліяніемъ императорской политики объясняется и то, что, втеченіе 642—752 гг., послѣдовательный рядъ грековъ или сирійцевъ на папскомъ престолѣ только разъ былъ прерванъ римлянниномъ Григоріемъ II. Но самъ же Диль, на котораго ссылается А. С. Павловъ въ доказательство вліянія эллинизма на Италію за время существованія экзархата, говоритъ, что церковное вліяніе эллинизма отразилось лишь на богослуженіи, поскольку включены были въ литургію нѣкоторые греческіе гимны и внесены въ церковный календарь нѣкоторые греческіе праздники[46]). Рядъ папъ грековъ также ничего не доказываетъ: оппозиція этихъ грековъ Константинополю, въ которомъ господствовали то моноѳелитская, то иконоборческая партія, а равнымъ образомъ оппозиція ихъ трулльскому собору говорятъ намъ о томъ же, что выше

---

[45]) Morisani, стр. 161—162. Ср. Hegel, Gesch. der Städteverfassung von Jtalien seit der Zeit der römischen Herrschaft bis zum Ausgang des zwölften Jahrhundertes! Leipz. 1847, стр. 161 и сл.

[46]) Diehl, стр. 262 и сл.

было замѣчено относительно папы Григорія III, т. е. что и грекъ въ положеніи римскаго епископа мыслилъ и дѣйствовалъ по римски, а не по гречески. Послѣдній грекъ—папа Захарія блистательно доказалъ это, принявъ себѣ, какъ представитель св. Петра, въ подарокъ отъ Пипина равеннскій экзархатъ, безъ возврата его византійскому императору. Маленькое замѣчаніе, вскользь сдѣланное А. С. Павловымъ, о признаніи папой Константиномъ правилъ трулльскаго собора должно быть нѣсколько дополнено. Юстиніанъ II Ринотметъ потребовалъ отъ римскаго епископа, которымъ тогда былъ сиріецъ Сергій, подписи подъ актами трулльскаго собора, но Сергій отказался на томъ основаніи, что на этомъ соборѣ „quaedam capitula extra ritum ecclesiasticum fuerant (т. е. не согласовались съ римской практикой) и заявилъ, что онъ скорѣе готовъ умереть, чѣмъ „novitatum erroribus consentire“. Императоръ послалъ въ Римъ протоспатарія Захарію, чтобы арестовать папу и привести его въ Константинополь, какъ раньше сдѣлано было это съ папой Мартиномъ I, по приказанію императора Константа, принуждавшаго папу принять моноѳелитскій τύπος. Сергію, однако, удалось избѣжать участи Мартина, потому что изъ равеннскаго экзархата и изъ герцогства пентапольскаго явились толпы солдатъ защищать папу, и самъ протоспатарій спасся отъ народной ярости только благодаря папѣ. Когда Юстиніанъ, свергнутый съ престола, вновь возвратилъ себѣ власть, онъ снова двинулъ вопросъ о признаніи въ Римѣ трулльскаго собора, но уже не насильственными мѣрами, а прося папу Іоанна VII (родомъ грека) составить соборъ, съ тѣмъ чтобы выдѣлить изъ трулльскихъ каноновъ тѣ, которыя не одобряются римскою церковью, и остальные утвердить. Папа Іоаннъ не сказалъ на это ни „да“, ни „нѣтъ“, а просто отправилъ обратно присланный къ нему экземпляръ. О папѣ Константинѣ (родомъ сирійцѣ) извѣстно, что императоръ при-

зывалъ его къ себѣ въ Никомидію, сдѣлалъ ему блестящій пріемъ и разстался въ наилучшихъ отношеніяхъ, причемъ сопровождавшій папу діаконъ Григорій, впослѣдствіи папа Григорій II (родомъ римлянинъ) отвѣтилъ на всѣ вопросы императора самымъ удовлетворительнымъ образомъ (optima responsione unamquamque soluit quaestionem). О чемъ они говорили, неизвѣстно. Историки, правда, не сомнѣваются, что разговоръ былъ именно о трулльскихъ канонахъ, но въ тоже время убѣждены, что папа Константинъ вступилъ на тотъ средній, примирительный, путь, который предлагался раньше папѣ Іоаннѣ VII, т. е. дѣло порѣшено было въ смыслѣ одобренія тѣхъ лишь трулльскихъ каноновъ, противъ которыхъ римская церковь ничего не имѣла возразить,—отъ того-то даже и римскій дьяконъ Григорій оказался въ состояніи удовлетворить императора своими отвѣтами на его вопросы. Въ этомъ же смыслѣ высказался позднѣе и папа Іоаннъ VIII[47]). Отсюда слѣдуетъ, что папы признали трулльскіе каноны только по ихъ содержанію, по скольку они не уклонялись отъ практики римской церкви, подобно тому какъ приняты были въ западное церковное право т. н. апостольскія правила, не смотря на оффиціальное отрицаніе папами ихъ подлинности.

Ссылка проф. Павлова на факты изъ жизни преподобныхъ Нила и ученика его Варѳоломея мало пригодны для той цѣли, въ виду которой приводитъ ихъ почтенный рецензентъ. Если бы фактъ, подобный тому, какой разсказывается въ житіи св. Нила, случился гдѣ-либо въ Месопотаміи, Египтѣ, Ѳракіи, или, всего лучше въ Болгаріи и другихъ славянскихъ странахъ, тогда бы еще можно было указывать на него, какъ на доказательство того, что восточная церковь устраивала порядки церковной жизни въ варварскихъ стра-

---

[47]) См. объ этомъ Assemani, Bibliotheca, l. V, p. 89—98 и Hefele, Conciliengeschichte, III, 345—347.

нахъ, приноравливаясь къ юридическимъ воззрѣніямъ варварскихъ народовъ, да и то единичный фактъ самъ по себѣ давалъ бы слишкомъ мало основаній для большаго или меньшаго обобщенія. Событіе же, на которое указываетъ проф. Павловъ, случилось въ Италіи, и греческій монахъ, давшій преступнику духовный совѣтъ, только подчинился дѣйствовавшему уже до него западному церковному порядку. Совѣтъ показываетъ, что совѣтнику хорошо извѣстно было правило, содержавшееся въ мерзебургскомъ и въ другихъ западныхъ пенитенціалахъ, явившихся за нѣсколько столѣтій до Нила, и гласившее между прочимъ, что убійца, сверхъ покаянія, долженъ выдать себя головой родственникамъ убитаго въ ихъ распоряженіе. Для св. Нила подобное знакомство съ западными церковными порядками было вполнѣ естественно. Такъ о немъ же разсказывается, что, предвидя опустошеніе Калабріи сарацинами, которыхъ греки призвали на помощь противъ латинянъ, онъ отправился въ Кампанію къ монтекассинцамъ, былъ принятъ ими съ величайшимъ почетомъ и получилъ отъ нихъ на жительство монастырь Vallelucе[48]). Затѣмъ имя св. Нила историками, изображающими эпоху, которую переживала Италія въ X—XI вв. ставится обыкновенно рядомъ съ именемъ св. Ромуальда, основателя ордена камальдуловъ, и съ монахами изъ Клюньи, т. е. въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ нравственномъ возрожденіи западной церкви[49]), которая поэтому и смотрѣла на него, не какъ на чужого, а какъ на своего италійца, хотя и говорившаго греческимъ языкомъ и державшагося греческаго церковнаго обряда. Не только вдова капуанскаго дукса, но императоры западной имперіи и папы знали и уважали его,

---

[48]) Baronius, Annales ecclesiastici, t. X, Coloniae Agrippinae, 1503, подъ 980 an. pag. 966.

[49]) См. Dresdner, Kultur und Sittengeschichte der italienischen Geistlichkeit im 10 und 11 Jahrundert. Breslau, 1890, стр. 18—19, 126, 170. 330.

именно какъ одного изъ лучшихъ италійскихъ людей [50]). Вѣроятно, не будетъ рискованнымъ сдѣлать изъ сказаннаго тотъ выводъ, что святому Нилу хорошо были извѣстны требованія церковныхъ пенитенціаловъ, имѣвшихъ практическое дѣйствіе въ Италіи. Онъ не нашелъ возможнымъ примѣнить къ вдовѣ дукса перегринацію, которая требовалась пенитенціаломъ [51]), но, что возможно было примѣнить къ ней въ ея положеніи, примѣнилъ. О томъ же св. Нилѣ разсказывается въ анналахъ Баронія [52]), что, когда онъ пришелъ въ бенедиктинскій монастырь и собесѣдовалъ съ монахами монтекассинскими, ему между прочимъ предложенъ былъ вопросъ, какъ онъ смотритъ на субботній постъ. Святой отвѣтилъ не такъ, какъ отвѣтилъ бы грекъ, опирающійся на вышеприведенное [53]) и обращаемое проф. Павловымъ въ свою пользу мѣсто изъ номоканона Постника и на 55 пр. трул. собора, а словами апостола: „ядый не ядущаго да не укоряетъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ“. Мы, говоритъ святый, хорошо дѣлаемъ, постясь въ субботу, чтобы не быть сообщниками манихеевъ, для которыхъ этотъ день есть день плача, и которые осуждаютъ ветхій завѣтъ, какъ не отъ Бога преданный, а вы хорошо дѣлаете постясь, потому что такимъ образомъ очищаете и подготовляете себя къ должному празднованію св. воскресенія. Тоже самое нужно сказать и объ ученикѣ св. Нила Варѳоломеѣ, настоятелѣ криптоферратскаго монастыря. Насколько подѣйствовали слова его на

---

[50]) Напр. объ Оттонѣ II извѣстно, что онъ состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Нилу и къ Ромуальду (Dresdner, 57), а объ Оттонѣ III, что онъ положилъ даже свою корону въ руки Нила и, когда случилось святому прибыть въ Римъ, вышелъ на встрѣчу ему вмѣстѣ съ папой и посадилъ его на папскомъ престолѣ, цѣлуя ему руки, все равно какъ императоръ Генрихъ II говорилъ Ромуальду: „о если бы моя душа была въ твоемъ тѣлѣ“! (Dresdner, 279—280).

[51]) О перегринаціи будетъ сказано ниже.

[52]) X, p. 967.

[53]) См. выше стр. 4.

папу, судить затруднительно. О папѣ Бенедиктѣ IX извѣстно, что онъ былъ *посаженъ* на папскій престолъ, будучи 12-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, такъ какъ глава могущественнѣйшей въ Римѣ аристократической партіи, графъ тускуланскій, отецъ этого мальчика и братъ умершаго папы Іоанна XIX, желалъ тѣмъ самымъ закрѣпить за своей фамиліей господство въ Римѣ. Этотъ оригинальный папа, успѣвшій въ какой нибудь десятокъ лѣтъ своего папствованія удивить міръ своею порочностію, былъ призванъ на судъ императоромъ Генрихомъ III и избѣжалъ анаѳемы добровольнымъ отреченіемъ отъ папства, но все таки былъ низложенъ на соборѣ, а послѣ опять старался вернуть себѣ утраченную власть, хотя и безуспѣшно [54]). Подѣйствовала или не подѣйствовала епитимія, наложенная св. Варѳоломеемъ на папу, фактъ, разумѣется, остается,—фактъ величайшаго почтенія даже порочнаго папы къ святому человѣку, но фактъ исключительный, не допускающій никакого обобщенія. Нѣчто подобное и почти въ тоже самое время сдѣлалъ Гильдебрандтъ, который, будучи простымъ монахомъ въ Клюньи, далъ совѣтъ епископу изъ Лотарингіи Брунону, назначенному въ папы императоромъ Генрихомъ III, сложить съ себя первосвященническіе знаки и въ одеждѣ смиреннаго пилигрима явиться въ Римъ. Благочестивый Брунонъ такъ и сдѣлалъ: босымъ пилигримомъ вошелъ онъ въ церковь св. Петра и объявилъ клиру и народу, что хотя онъ пришелъ сюда по желанію римскихъ депутатовъ и по волѣ императора, но что главное для него—каноническое избраніе, и что онъ съ радостію возвратится въ свое отечество, если выборъ падетъ не на него. Онъ и сдѣлался папой подъ именемъ Льва IX [55]). Подобнаго

[54]) Hefele, IV, § 538.

[55]) Hefele, ibid. 717—718. См. подобные же факты изъ житія св. Ромуальда у *Моргна*, p. 328. Почитаемые въ Италіи подвижники, какъ видно, часто давали именитымъ грѣшникамъ совѣты отречься отъ міра, или понести какое нибудь тяжелое покаяніе.

рода „эпизоды“ не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о существованіи греческаго подлинника для мерзебургскаго пенитенціала; они не даютъ даже основанія сказать, что „если такіе примѣры встрѣчаются даже около половины XI вѣка, почти наканунѣ формальнаго и окончательнаго раздѣленія церквей, то въ прежнія времена авторитетъ греческихъ духовниковъ былъ еще выше“. Высокъ былъ именно въ удивительную эпоху X—XI вв. авторитетъ тѣхъ греческихъ и латинскихъ монаховъ, которые остались чистыми среди распущеннаго феодальнаго міра, когда даже и монастырскіе настоятели, не исключая монтекассинскаго аббата, жили какъ феодалы-воители, позабывъ монашескія правила, когда всѣ церковныя должности продавались за деньги, или отдавались недостойнымъ людямъ, безъ всякихъ соображеній о каноническихъ требованіяхъ. А въ эпоху предполагаемаго проф. Павловымъ возникновенія греческаго подлинника для мерзебургскаго пенитенціала едва-ли даже и существовали греческіе монахи тамъ, гдѣ впослѣдствіи жили св. Нилъ и ученикъ его св. Варѳоломей.

Далѣе рецензентъ старается обезсилить мои положительные аргументы въ пользу западнаго происхожденія мерзебургскаго пенитенціала, основанныя на несомнѣнно — западныхъ, по моему мнѣнію, чертахъ, которыми отмѣченъ этотъ пенитенціалъ, каковы: постъ на хлѣбѣ и водѣ, покаяніе, соединенное съ изгнаніемъ и странствованіемъ, покаяніе духовныхъ лицъ, соразмѣряемое съ ихъ іерархическими степенями, воспрещеніе духовнымъ лицамъ продолжать супружеское сожитіе съ женами и воспрещеніе поста по найму, каковой постъ, какъ бытовое явленіе, долженъ былъ практиковаться именно на западѣ между варварскими народами, а не въ греческомъ населеніи византійской имперіи. О покаяніи, соединенномъ съ изгнаніемъ и странствованіемъ, придется говорить много и долго, придется сдѣлать цѣлую и

даже длинную „экскурсію“, въ чемъ я заранѣе прошу извиненія у почтеннаго А. С. Павлова, который не любитъ моихъ „экскурсій“, хотя и самъ допускаетъ иногда „экскурсы“. Поэтому отложимъ пока на время тему о перегринаціи и пересмотримъ, что говоритъ проф. Павловъ противъ другихъ моихъ аргументовъ.

Проф. Павловъ провѣрилъ, съ свойственною ему ученою добросовѣстностію, массу греческихъ епитимейниковъ и нашелъ въ нихъ нѣсколько примѣровъ назначенія епитиміи ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι. И все таки мое положеніе, что формула: „на хлѣбѣ и водѣ“, говоря вообще, непзвѣстна восточнымъ номоканонамъ, остается во всей силѣ. Если о западныхъ пенитенціалахъ, особенно о франкскихъ, говорится, что имъ свойственна эта формула, то это значитъ, что не нужно отыскивать въ нихъ, такъ сказать, днемъ съ огнемъ эту формулу и считать, сколько разъ употреблена она, потому что на каждой страницѣ и чуть не на каждой строкѣ сама собою бросается въ глаза. А въ восточныхъ покаянныхъ уставахъ что мы видимъ? Ни монашескія правила Василія В., ни правила Никифора, составляющія въ восточныхъ рукописяхъ, по выраженію Питры, цѣлое jus Nicephorianum, ни епитимейникъ Ѳеодора Студита, ни даже номоканонъ Іоанна Постника, который, по признанію самого проф. Павлова, есть самый характерный восточный епитимейникъ, въ большинствѣ списковъ совсѣмъ не имѣютъ этой формулы. Насколько разныя епитимейныя правила, изданныя Питрою въ Spicilegium Solesmenze подъ именами восточныхъ отцовъ и соборовъ, могутъ приниматься за чистыхъ представителей восточнаго типа епитимейниковъ, будетъ рѣчь ниже. А что касается котельеровскаго номоканона, въ которомъ формула: „ἐπιτιμάσθω ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι“ встрѣчается *шесть* разъ въ статьяхъ, стоящихъ почти *рядомъ*, то мнѣніе проф. Павлова справедливо, что это стояніе рядомъ указываетъ на единство

источника, изъ котораго взяты эти статьи въ котельеровскую компиляцію, только какого источника? Всего въ этой компиляціи 548 статей, и компиляторъ почему-то облюбовалъ, такъ сказать, эту формулу, говоря объ епитиміяхъ за грѣхи плотскіе, и потомъ не только забываетъ о ней, говоря о всякихъ другихъ грѣхахъ, но даже и когда ему приходится вернуться къ тѣмъ же плотскимъ грѣхамъ (ст. 261, 283, 465, 535 и 536). Между тѣмъ въ западныхъ пенитенціалахъ прямо бросается въ глаза систематическая выдержанность: за всякое преступленіе должно быть столько-то лѣтъ поста и изъ нихъ столько-то лѣтъ на хлѣбѣ и водѣ,—эта черта отражается и на славянской „Заповѣди св. отецъ“.

Тоже самое нужно сказать о покаяніи духовныхъ лицъ, соразмѣряемомъ съ ихъ іерархическими степенями. Номоканонъ Іоанна Постника, взглядъ котораго долженъ служить для проф. Павлова руководящимъ при обсужденіи вопроса, обычно или необычно такое покаяніе восточнымъ покаяннымъ уставамъ, не только не соразмѣряетъ сроковъ покаянія за тотъ или другой грѣхъ съ степенью священства, такъ чтобы напр. епископу назначалось столько-то лѣтъ поста или покаянія, пресвитеру столько-то, дьякону столько-то, но высказываетъ *принципъ*, что вообще лицамъ духовнаго сана не назначается другой епитиміи, кромѣ воспрещенія священнодѣйствія [56]). Въ одномъ изъ предыдущихъ моихъ изслѣдованій [57]), которое теперь проф. Павловъ приводитъ противъ меня самого, я обосновалъ не то положеніе, что въ восточной церкви, со временъ трулльскаго собора, епитимія назначалась не только мірянамъ, но и духовнымъ лицамъ, а желалъ доказать г. Заозерскому, что епитимія, воз-

---

[56]) „Τοῖς γαρ τοιούτοις (т. е. іереямъ, архіереямъ и дьяконамъ) οὐ δίδοται οἱαδήποτε ἐπιτίμησις, ἢ βρώσεως, ἢ πόσεως, ἢ κοινωνίας τὸ σύνολον κράτησις, ἀλλὰ μόνον ἡ παῦσις τῆς ἱερωσύνης“. (Morinus, Comment. 621).

[57]) Къ вопросу о тайной исповѣди, стр. 172—178.

лагаемая на духовныхъ лицъ, содержала въ себѣ временное или навсегда устраненіе отъ священнослуженія и поэтому не могла быть чуждою судебно-дисциплинарнаго характера. Въ то время, когда я составлялъ мое изслѣдованіе: „Къ вопросу о тайной исповѣди“, я не имѣлъ ближайшаго повода заняться сопоставленіемъ восточныхъ и западныхъ пенитенціаловъ въ подлежащемъ нашему обсужденію пунктѣ, но и тогда уже я призналъ *замѣчательнымъ*, что въ западныхъ пенитенціалахъ назначеніе духовнымъ лицамъ покаянія, наряду съ особенно-дисциплинарными наказаніями, представляется общимъ правиломъ, тогда какъ въ восточныхъ номоканонахъ большею частію духовнымъ лицамъ опредѣляются лишь изверженіе и запрещеніе, а не такія или другія *дѣла покаянія*. Что же касается далѣе соразмѣренія числа лѣтъ покаянія съ іерархическою степенью, то апріорнаго положенія проф. Павлова, что это само собою понятно, такъ какъ кому дано больше, съ того-де больше и взыщется, очень недостаточно, а нужно смотрѣть, насколько это положеніе проведено въ пенитенціалахъ. Что же мы видимъ, и что привелъ противъ моего взгляда проф. Павловъ, вѣроятно потратившій не мало времени на отысканіе во всѣхъ извѣстныхъ ему, изданныхъ и неизданныхъ, номоканонахъ того, что ему нужно? Въ изданномъ мною въ первый разъ въ печати вѣнскомъ номоканонѣ анонима есть нѣсколько статей, изъ которыхъ въ одной говорится объ епитиміи архидіакону, въ другой—патріарху, въ третьей—епископу за плотской грѣхъ. Но насколько свойственно не соизмѣреніе, а даже самое назначеніе епитимій духовнымъ лицамъ, видно изъ того, что самъ же составитель—анонимъ повторяетъ правило Постника: ὅ ἱερεὺς ἐπιτίμιον οὐκ ἔχει, εἰ μὴν ἀποχὴν τῆς ἱερωσύνης [58]). Въ котельеровскомъ номоканонѣ изъ 548 статей въ трехъ гово-

---

[58]) Слѣды западн. кат. пр. Прилож. II, 14.

рится объ епитиміи духовнымъ лицамъ за блудъ, а именно 20 л. епитиміи епископу (кан. 140), 9 л. пресвитеру (142), 6 л. дьякону (146). Послѣдняя статья отдѣлена отъ двухъ первыхъ четырьмя статьями, трактующими напр. о пролитіи священникомъ Св. Даровъ, объ изблеваніи ихъ отъ пьянства. Обращая вниманіе на эту, повидимому, мелочь, я желаю сказать слѣдующее: въ вопросѣ о томъ, переведенъ, или не-переведенъ съ греческаго мерзебургскій пенитенціалъ, не излишне обращать вниманіе на литературно-редакціонную форму статей. Въ восточныхъ пенитенціалахъ мнѣ не приводилось встрѣчать, да и А. С. Павлову, какъ видно изъ приведенныхъ имъ аргументовъ, при всемъ обширномъ его знакомствѣ съ греческими епитимейниками, конечно болѣе обширномъ, чѣмъ мое, не приводилось также встрѣчать *ни одной* статьи, въ которой бы *заразъ* опредѣлялось покаяніе грѣшникамъ разныхъ степеней по такой напр. формулѣ: мірянину назначается три года покаянія, одинъ изъ нихъ на хлѣбѣ и водѣ, дьякону 7 л., 3 изъ нихъ на хлѣбѣ и водѣ, священнику 10 л., 3 изъ нихъ на хлѣбѣ и водѣ, епископу 12 лѣтъ. Если же мы развернемъ которое нибудь изданіе западныхъ пенитенціаловъ—Шмитца, или Вассершлебена, то намъ не нужно будетъ разыскивать и считать подобныя статьи, онѣ сами собою бросятся въ глаза. Вотъ это самое я и имѣлъ въ виду, когда говорилъ въ моемъ изслѣдованіи, что постъ на хлѣбѣ и водѣ и соразмѣреніе покаянія съ іерархическими степенями, „вообще говоря“, необычны восточнымъ пенитенціаламъ; фразу эту не беру назадъ и теперь, не смотря на ироническое отношеніе къ ней проф. Павлова, потому что ничего неосновательнаго не вижу въ ней. Къ сказанному прибавлю еще одно замѣчаніе, для разъясненія того, почему именно въ западныхъ, а не въ восточныхъ, пенитенціалахъ могла явиться точная регламентація покаянія лицъ духовныхъ. Въ британскихъ монастыряхъ духовенство, какъ выше

было разъяснено, состояло изъ монаховъ и должно было подчиняться монастырской дисциплинѣ, при которой весьма легко было регламентировать сроки и контролировать самое прохожденіе покаянія. На континентѣ покаянныя опредѣленія о клирикахъ, перенесенныя сюда шотландскими монахами, нашли для себя подготовленную почву въ обычаѣ отсылать низложенныхъ духовныхъ лицъ въ монастыри [59]), а вскорѣ затѣмъ въ установленіи общежитій для духовенства, въ которыхъ клирики должны были жить подъ дѣйствіемъ полумонашескихъ правилъ (regula canonica) [60]). Напротивъ, на востокѣ въ эпоху, недалекую отъ Іоанна Постника, явился юстиніановскій законъ относительно монаховъ, имѣющихъ духовный санъ и вступающихъ въ бракъ, что они извергаются изъ клира и должны подумать, какой отвѣтъ они дадутъ Богу за свое преступленіе [61]), т. е. дѣло оставляется на ихъ совѣсть, безъ какого-либо регламентированнаго покаянія.

Далѣе слѣдуетъ воспрещеніе духовнымъ лицамъ продолжать супружеское сожитіе съ женами, на которое я смотрю, какъ на западную черту въ мерзебургскомъ пенитенціалѣ и какъ на доказательство его латинскаго происхожденія. Профессоръ Павловъ не согласенъ и съ этимъ. Онъ возражаетъ, что въ славянской „заповѣди“ говорится о *добровольномъ* оставленіи клирикомъ своей жены и о возобновленіи сожитія съ нею послѣ возведенія на высшую степень, латинскій же пенитенціалъ говоритъ объ *обязательномъ* безбрачіи клириковъ высшихъ степеней, съ прибавкой даже, что нарушающій это обязательство клирикъ учиняетъ прелюбодѣяніе. Признаюсь, что возраженіе это не совсѣмъ понятно.

---

[59]) Schmitz, Bnssbücher, 135 и сл.

[60]) О возникновеніи „канонической жизни“ на западѣ Европы очень хорошо у Hatch'a, Die Grundlegung der Kirchenverfassung Westeuropas im frühen Mittelalter, въ нѣмецк. переводѣ Гарнака, 1888, стр. 89 и сл.

[61]) Nov. V c. 8: „ἐκβαλλέσθω παντοίως τοῦ κλήρου... γινώσκων ὁποίαν ὑπὲρ τούτου δώσει τῷ μεγάλῳ θεῷ τὴν ἀπολογίαν“.

Рецензентъ желаетъ опровергнуть латинское происхожденіе мерзебургскаго пенитенціала, а между тѣмъ указываетъ на несоотвѣтствіе славянской „Заповѣди“ мерзебургскому пенитенціалу и, повидимому, примиряется съ тѣмъ, что въ названномъ пенитенціалѣ дѣйствительно проведена чисто-латинская мысль, въ славянской же заповѣди этой мысли не содержится. Вѣдь отсюда вытекало бы лишь то, что славянскій переводчикъ смягчилъ латинскую мысль, не находя возможнымъ введенія обязательнаго безбрачія духовенства въ новообращенномъ народѣ, что не доказывало бы еще греческаго происхожденія славянской „Заповѣди“. Но, главное, существуетъ-ли на самомъ дѣлѣ это несоотвѣтствіе? Мерзебургскій пенитенціалъ говоритъ: „si quis clericus vel cujuslibet superioris gradus, qui uxorem habuit, et post conversationem vel honorem iterum eam agnovit, sciet se adulterium commisisse“ etc. Славянская заповѣдь говоритъ: „аще которъıи причьтьникъ, или вѧщьшю чт҃ь имѣꙗ, ѡставль женоу, чт҃ь приметь и пакъı ю приметь и проч. Откуда проф. Павловъ вывелъ, что славянская заповѣдь говоритъ о добровольномъ оставленіи клирикомъ своей жены, а латинская о недобровольномъ? Тотъ кто „uxorem habuit“ и оставилъ ее чтобы „принять честь“, вѣдь также предполагается дѣйствующимъ добровольно, потому что никакого церковнаго закона никогда не существовало, по которому бы можно было любого женатаго мірянина противъ воли развести съ женой и заставить принять санъ. Что въ славянской заповѣди выпалъ мотивъ: „sciat se adulterium commisisse“, этимъ нисколько существо дѣла не измѣнилось, потому что и съ восточной точки зрѣнія нельзя бы было мотивировать воспрещеніе продолженія сожительства чѣмъ-либо другимъ, кромѣ этого мотива. Значитъ просто мы видимъ тутъ урѣзку, которая, на взглядъ переводчика, имѣла мало значенія. Лучше бы было обратить вниманіе на то, что славянскій перевод-

чикъ, обозначая духовный санъ словомъ „честь“ долженъ былъ имѣть передъ глазами скорѣе латинское „honor“, чѣмъ греческое „τιμή“. Хотя въ законодательствѣ Юстиніана встрѣчаются примѣры употребленія слова: „τιμή“ въ примѣненіи къ духовному сану (nov. VI c. 1 § 8, nov. CXXIII c. 2 § 1, c. 21 § 1, c. 15); но объ Юстиніанѣ можно сказать, что онъ, издавая законы даже и на греческомъ языкѣ, мыслилъ и выражался какъ римлянинъ. Объ употребленіи же слова: „τιμή“ въ примѣненіи къ духовному сану на языкѣ пенитенціаловъ мнѣ ничего неизвѣстно. Проф. Павловъ старается связать славянское правило съ 30 прав. трулльскаго собора. Соборъ дѣйствительно говоритъ о священникахъ въ варварскихъ церквахъ, которые, въ нарушеніе апостольскаго правила, запрещающаго изгонять жену подъ видомъ благоговѣнія, разлучаются, по взаимному согласію, съ своими супругами: таковымъ опредѣлено не продолжать уже ни подъ какимъ видомъ брачнаго сожительства. Раньше трулльскій соборъ въ 13 пр. призналъ неправильнымъ западный церковный порядокъ, въ силу котораго удостоенные рукоположенія въ духовный санъ обязываются не сообщаться съ своими женами, и сопзволилъ на ненарушимость супружескаго сожитія священнослужителей, причемъ сдѣлалъ неудачную ссылку на карѳагенскіе канопы, которые не только обязываютъ духовныхъ лицъ „въ урочныя времена“ воздерживаться отъ своихъ сожительницъ, но требуютъ безусловно прекращенія супружескаго сожитія [62]). Въ 30 своемъ правилѣ соборъ опять имѣетъ въ виду не какія-либо варварскія церкви *въ предѣлахъ константинопольскаго патріархата*, какъ думаетъ проф Павловъ, а тѣ же страны западнаго христіанства, подчиненныя римской церкви, противъ практики которыхъ направлено 13 прав., какъ говоритъ Гефеле [63]): въ концѣ VII в., когда составился трулльскій со-

---

[62]) Карѳаг. пр. 4, 34 и 80 пр. по славян. кн. правилъ.

[63]) Conciliengesch. III, 335.

боръ, не было въ составѣ константинопольского патріархата ни германскихъ, ни славянскихъ варварскихъ церквей,—относительно же существованія христіанскихъ церквей у гунновъ, аваровъ и другихъ варварскихъ народовъ не германскаго и не славянскаго происхожденія, съ которыми Византія приходила въ соприкосновеніе, исторія умалчиваетъ. А если и существовали греческія церкви въ варварскихъ странахъ, напр. въ Крыму и на Кавказѣ, то нѣтъ историческихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы было сказать, что въ этихъ варварскихъ странахъ положеніе дѣлъ было таково, чтобы вызывалась имъ необходимость подобнаго закона, т. е. чтобы предъ принятіемъ сана женатые расходились съ своими женами. Вальсамонъ въ толкованіи какъ на 28 халкид. канонъ, подчиняющій церкви въ варварскихъ странахъ константинопольскому патріархату, такъ и на занимающій насъ 30-й трул. канонъ, указываетъ въ примѣръ варваровъ на руссовъ и алановъ. Но о руссахъ-христіанахъ въ эпоху трулльскаго собора говорить, конечно, нельзя. А что касается алановъ (около Кавказа), самъ Вальсамонъ въ 30 трул. говоритъ, что какъ онъ ни распрашивалъ разныхъ епископовъ, изъ Россіи приходившихъ, и самого митрополита аланскаго, узналъ только, что этотъ канонъ не имѣетъ къ тѣмъ странамъ никакого примѣненія, хотя онѣ и варварскія. Трулльскій соборъ, хотя онъ потомъ и не былъ признанъ на западѣ за вселенскій, восточною іерархіею и императоромъ Юстиніаномъ II разсматривался какъ вселенскій и правила свои, составленныя въ восточномъ духѣ, издавалъ для всего христіанства вообще. Такимъ-то образомъ и произошло, что нѣкоторыя правила трулльскія оказалось невозможнымъ принять на западѣ, и что императоръ употреблялъ всякія мѣры къ тому, чтобы вынудить у римскаго епископа признаніе трулльскаго собора. Говоря о варварскихъ церквахъ, соборъ имѣлъ въ виду не что иное, какъ Италію, которая въ зна-

чительной своей части была подвластна византійскому императору, но ни въ какой своей части не входила въ составъ константинопольскаго патріархата до временъ иконоборства, когда Левъ Исавръ, чтобы наказать папу за его оппозицію императорскимъ предписаніямъ, направленнымъ противъ иконопочитанія, не только конфисковалъ обширныя патримоніи римской церкви въ Калабріи и Сициліи, но и изъялъ изъ подъ власти римскаго епископа тѣ части южной Италіи, на которыя простиралась власть императорская, вмѣстѣ съ провинціями восточнаго Иллирика (Ахаія, оба Эпира—старый и новый, Θессалія и проч.), съ подчиненіемъ этихъ церковныхъ провинцій константинопольскому патріархату [64]). Правда еще до Льва Исавра, архіепископъ равенскій, опираясь на поддержку равеннскаго экзарха и императорской политики, стремился къ независимости отъ Рима и даже получилъ оффиціально отъ императора Константа II титулъ: „αὐτοκέφαλος“, но этотъ инцидентъ ко времени трулльскаго собора былъ исчерпанъ, и притомъ же въ пользу подчиненія какой-либо части Италіи константинопольскому патріарху ничего не говорилъ-бы, такъ какъ даже равеннскій экзархатъ находился подъ властію не константинопольскаго патріарха, а римскаго епископа [65]). Вникнемъ затѣмъ въ смыслъ 30-го канона трулльскаго собора: если какой нибудь священникъ въ варварскихъ церквахъ возмнитъ сдѣлать болѣе того, что указывается апостольскимъ правиломъ, воспрещающимъ изгонять жену подъ видомъ благоговѣнія, т. е. въ духѣ ложно понятаго аскетизма, и, по взаимному соглашенію съ супругомъ, прекращаетъ брачное съ нимъ сожительство, то пусть онъ и выдерживаетъ свой обѣтъ, какъ безповоротный, навсегда и безусловно, да и это постановляется только въ видахъ снисхожденія къ немощной совѣсти и къ недостатку у

---

[64]) Hefele, III, 407.
[65]) Diehl, Etudes, 271.

варварскихъ народовъ благоустроеннаго порядка [66]), т. е. благоустроенный порядокъ и общее правило должны состоять въ томъ, чтобы священники даже и по взаимному согласію съ женами не оставляли супружескаго сожитія съ ними. Проф. Павловъ, придающій почему-то значеніе тому обстоятельству, что въ славянской „заповѣди“ отсутствуетъ мотивъ (напоминаніе о томъ, что супружеское сожитіе для духовнаго лица было бы прелюбодѣяніемъ), даетъ мнѣ право спросить его: какъ могъ славянскій переводчикъ, выходя изъ восточнаго міровоззрѣнія, выразившагося въ правилѣ трулльскаго собора, опустить неизмѣримо болѣе важный мотивъ, что только лишь на время и въ видѣ уступки слабости человѣческой допускается для духовнаго лица прекращеніе сожительства съ женою? Мы видѣли, что славянская заповѣдь, какъ и мерзебургскій пенитенціалъ, безусловно не допускаютъ продолженія супружескаго сожитія для лицъ, принявшихъ духовный санъ. Поищемъ лучше на западѣ, нѣтъ ли тамъ какихъ нибудь каноновъ, болѣе подходящихъ къ занимающему насъ вопросу. На соборѣ агдскомъ (Agatha, concil. Agathoclense) 506 г. въ южной Галліи, почти за 200 лѣтъ до трулльскаго собора было постановлено канономъ 9-мъ, что если женатые дьяконы или священники желаютъ вернуться къ сожительству съ своими женами, то должны имѣть прилженіе декреталы папъ *Иннокентія* и *Сириція*, которыя и приложены къ этому канону, а декреталы названныхъ папъ

---

[66]) Въ славян. кн. прав. занимающій насъ канонъ читается такъ: „желая вся творити къ созиданію церкви, разсудили мы и въ иноплеменническихъ церквахъ обрѣтающихся священниковъ благоустрояти. Того ради, аще они за должное вмѣняютъ далѣе поступати апостольскаго правила, запрещающаго изгоняти жену свою подъ видомъ благоговѣнія, и болѣе установленнаго творити мнятъ, и сего ради, по согласію съ своими супругами, удаляются отъ сообщенія другъ съ другомъ: опредѣляемъ, да не имѣютъ болѣе сожительства съ женами ни подъ какимъ видомъ, дабы симъ образомъ явили они намъ совершенное доказательство своего обѣта. Сіе же попустили имъ не ради чего иного, развѣ токмо малодушнаго помысла ихъ и еще чуждыхъ и неблагоустроенныхъ нравовъ“.

требуютъ, чтобы таковые невоздержные клирики были лишаемы всякихъ церковныхъ достоинствъ и должностей и лишь тѣмъ, которые не знали, что продолженіе супружескаго сожитія воспрещено, дозволено оставаться въ должностяхъ подъ условіемъ воздержанія на будущее время [67]). Точно также на соборѣ маконскомъ (concil. Matisconense) 581 г. было опредѣлено, что клирики высшихъ степеней, продолжающіе супружеское сожитіе, подлежатъ низложенію [68]). Но всего лучше обратиться въ Британію, которая, по предположенію проф. Павлова, руководилась восточными образцами въ своей практикѣ. Уже раньше мы отъ мерзебургскаго пенитенціала черезъ Колумбана восходили къ Виньяю; такое же восхожденіе возможно для насъ и въ данномъ случаѣ. И у Виньяя, и у Колумбана мы находимъ какъ разъ то же самое правило, которое находится въ мерзебургскомъ пенитенціалѣ и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ намъ возможность познакомиться съ тѣми урѣзками и варіантами, которыя позволяли себѣ составители пенитенціаловъ, дѣлая свои заимствованія одинъ у другаго.

Въ пенит. Виньяя находимъ слѣдующее: „Si quis fuerit clericus diaconus aut alicujus gradus et laicus ante cum filiis et filiabus suis cleventella sua propria habitet et redeat ad carnalem desiderium et genuerit filium ex cleventella sua vel dicat, sciat se ruina maxima cecidisse non minus peccatum ejus, ut esset clericus ex juventute sua et cum puella aliena peccasset, quia post votum suum peccaverunt et post

---

[67]) Hefele, II, 652.

[68]) Idem, III, 37. Дѣло въ томъ, что, хотя западная церковь издревле стремилась къ установленію безбрачія духовенства, но до Григорія VII дѣйствительность всегда болѣе или менѣе не соотвѣтствовала этому стремленію, такъ что напр. въ Италіи въ X—XI вв. едва ли даже не большая часть духовенства состояла изъ лицъ женатыхъ и продолжавшихъ жить съ женами (См. Dresdner, o. c. 308—311). Отсюда и запрещенія, нашедшія себѣ отголосокъ въ западныхъ пенитенціалахъ.

consecrati sunt a Deo et tunc votum suum irritum fecerunt, tribus annis poeniteat cum pane et aqua per mensuram et tribus aliis abstineat se a vino et a carnibus, et non ambo, sed separatim, et tunc in anno septimo junguntur et suum gradum recipiant“[69]).

У Колумбана уже читаемъ: „Si quis clericus aut diaconus vel alicujus gradus, qui laicus fuit in saeculo cum filiis et filiabus, post conversionem suam iterum suam cognoverit clientelam et filium iterum de ea genuerit, sciat se adulterium perpetrasse et non minus peccasse, quam si ab juventute sua clericus fuisset et cum puella aliena peccasset, quia post votum suum peccavit, postquam se Domino consecravit et votum suum irritum fecit; idcirco similiter septem annis in pane et aqua poeniteat“[70]).

Въ мерзебургскомъ видимъ очень краткую редакцію: „Si quis clericus vel cujuslibet superioris gradus, qui uxorem habuit, et post conversationem vel honorem iterum eam agnovit, sciat se adulterium commisisse. Jdcirco si diaconus, V annos poeniteat, II ex his in pane et aqua, si sacerdos, VII, III in pane et aqua“[71]). Но, какъ кажется, виньяевско-колумбановское правило осталось не безъ вліянія еще на одинъ канонъ (28) мерзебургскій: „Si quis clericus, postquam se Deo vovit, iterum ad secularem habitum, sicut canis ad vomitum, reversus fuerit vel uxorem duxerit, X annos ambo poeniteant, III ex his in pane et aqua, et nunquam postea in conjugio copulentur. Quod si noluerint, sancta sinodus vel sedes apostolica separabit eos a communione et convivio omnium catholicorum. Similiter et mulier, postquam se Deo vovit, si talem scelus admiserit, pariter sententiae subjaceat“.

Разсматривая всѣ эти послѣдовательно слагавшіяся редак-

---

[69]) *Вассерилебенъ*, Bussordn., стр. 114 § 27.
[70]) Ibid., стр. 356, Can. VIII (XX).
[71]) Can. 12.

ціи и сравнивая ихъ съ постановленіемъ трулльскаго собора, мы видимъ: 1) супружеское сожитіе духовныхъ лицъ послѣ посвященія разсматривается какъ нарушеніе *обѣта* добровольнаго, т. е. съ той-же точки зрѣнія, съ какой взглянулъ на это явленіе *впосльдствіи* трулльскій соборъ; 2) осужденіе сожительства идетъ, такъ сказать, crescendo: у Виньля сожительство не называется еще прелюбодѣяніемъ, и даже, повидимому, предполагается возможнымъ, послѣ понесенія виновнымъ покаянія, не только возстановленіе въ церковныхъ должностяхъ, но и возобновленіе супружескаго сожитія, въ виду того, что за нарушеніе обѣта поканіе уже отбыто, но затѣмъ у Колумбана и въ мерзебургскомъ супружеская жизнь, по понесеніи покаянія, представляется уже невозможною, какъ преступное дѣло, подлежащее суду мѣстнаго собора или папскому суду; 3) между тѣмъ какъ трулльскій соборъ допускалъ оставленіе женатыми духовными лицами ихъ женъ только какъ явленіе временное, не согласующееся съ требованіями правильнаго церковнаго порядка и самъ же въ своихъ правилахъ 13 и 30 высказался, что поводомъ къ законодательному регулированію имъ этого вопроса послужили дошедшія до него свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Римѣ и въ варварскихъ церквахъ, и что въ этомъ регулированіи соборъ не имѣлъ предшественниковъ [72]), западные пепитенціалы, въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ западной церкви, единственно и безусловно нормальнымъ признаютъ прекращеніе всякаго супружескаго сожитія духовными лицами;

---

[72]) Въ ранѣе существовавшихъ восточныхъ канонахъ высказано было общее запрещеніе *епископамъ*, *пресвитерамъ* и *дьяконамъ* изгонять своихъ женъ подъ видомъ благоговѣнія (прав. апост. 5), безъ всякаго исключенія, а трулльскій соборъ допускаетъ разлученіе съ женами подъ видомъ благоговѣнія, въ видѣ снисхожденія къ немощной совѣсти и въ видѣ временной переходной мѣры. Что же касается епископовъ, то, получивъ свѣдѣнія о томъ, что нѣкоторые изъ африканскихъ и ливійскихъ епископовъ не оставляли, и по принятіи епископскаго сана, супружескаго сожитія съ женами, соборъ безусловно и безъ всякихъ исключеній и послабленій запретилъ таковое сожитіе.

4) изъ того, что трулльскій соборъ видитъ въ возобновленіи супружескаго сожитія *нарушеніе обѣта*, какъ и западные пенитенціалы, слѣдовало-бы скорѣе заключить, что трулльскій соборъ имѣлъ достаточныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ и какое міровоззрѣніе существуетъ въ западныхъ странахъ (о чемъ свидѣтельствуютъ и другія его правила, направленныя противъ западной церковной практики), чѣмъ предполагать вліяніе трулльскаго собора на Виньля, Колумбана и мерзебургскій пенитенціалъ.

Далѣе указаніе мое на постъ по найму, который запрещается въ мерзебургскомъ пенитенціалѣ, какъ на бытовую черту, свойственную западнымъ народамъ, проф. Павловъ старается обезсилить общими соображеніями о томъ, что и восточная церковь имѣла дѣло съ варварами, какъ и западная, и что слѣдовательно-де и у тѣхъ варваровъ, съ которыми имѣла дѣло восточная церковь, долженъ былъ существовать постъ по найму [73]). Почтенный профессоръ забываетъ, что вѣдь и варваръ варвару рознь, не всѣмъ варварамъ одна цѣна. Объ юридическихъ воззрѣніяхъ тѣхъ варваровъ, которые могли образовать изъ себя епископіи, упоминаемыя халкидонскимъ соборомъ въ его 28 прав.[74]), вѣроятно самъ рецензентъ имѣетъ мало свѣдѣній, а я долженъ даже признаться, что не имѣю никакихъ, и тѣмъ легче могу обойдтись безъ нихъ въ данномъ случаѣ, что въ эпоху халкидонскаго собора не существовало никакихъ восточныхъ пенитенціаловъ, назначающихъ за грѣхи постъ, который-бы затѣмъ варвары старались отбыть денежнымъ выкупомъ или черезъ подставныхъ лицъ. Юридическія же воззрѣнія запад-

---

[73]) *Павловъ*, стр. 18—19.

[74]) По мнѣнію проф. Павлова, халкидонскій соборъ имѣетъ въ виду епископіи въ Персіи, Арменіи, Грузіи и Скиѳіи. Le Quien (Oriens christianus, tom. I, Parisiis, 1740, p. 1248 и 1348) разумѣетъ подъ варварскими странами европейскія страны близъ Дуная и Кавказа.

ныхъ народовъ достаточно выяснены наукой: извѣстно, какъ они смотрѣли на преступленіе и наказаніе,—извѣстно, какимъ образомъ одно и тоже слово: „Busse“ стало обозначать и штрафъ въ уголовномъ смыслѣ, и епитимію или штрафъ въ церковномъ смыслѣ,—извѣстны факты и документы, которыми удостовѣряется, что къ церковнымъ епитиміямъ въ юридическомъ быту примѣнено было начало замѣнъ и выкуповъ, и что наконецъ даже въ нѣкоторыхъ пенитенціалахъ оформлено это начало [75]), тогда какъ другіе пенитенціалы стали бороться съ нимъ, къ числу каковыхъ принадлежитъ и мерзебургскій. Подтвержденіе всему сказанному желающій можетъ найдти у криминалистовъ—историковъ, какъ Вильда [76]) и Дюбуа [77]), и въ изданіи пенитенціаловъ Вассершлебена [78]) и Шмитца [79]), и, конечно, нашедши, придетъ къ убѣжденію, что у западныхъ варваровъ существовала цѣлая *система права*, чего нельзя сказать ни объ азіятскихъ, ни о другихъ варварахъ, съ которыми имѣла дѣло восточная церковь въ эпоху возникновенія пенитенціаловъ. Да еще кромѣ того не излишне принять въ соображеніе и то значеніе, которое имѣла въ варварскомъ юридическомъ быту *западно-римская церковная* идея сатисфакціи и заслугъ (merita) [80]). Въ этомъ отношеніи Гарнакъ [81]) дѣлаетъ весьма тонкое замѣчаніе. Ука-

[75]) Напр. Cummean. у Вассершлебена, Bussordn. 462 и сл. Мерзебургскій, равно какъ валицеллянскій, допуская замѣну поста денежными пожертвованіями, не допускаютъ поста по найму. О злоупотребленіяхъ, къ какимъ приводилъ на практикѣ принципъ выкуповъ и замѣнъ, см. въ моемъ изслѣдованіи: „Объемъ дисц. суда, стр. 143—144.

[76]) Das Strafr. d. Germ. 10 и сл. 115, 270 и сл. 314—320, 528—536.

[77]) Du Boys, Histoire du droit criminel des peuples modernes considérée dans ses rapports avec les progrès de la civilisation depuis la chute de l'empire romain jusqu'au XIX siècle, Paris, 1854 t. I, 140 sqq. 153—156, 179—180, 431 и сл., 519.

[78]) Bussordn. S. 7—10. 28.

[79]) Bussbüch. 146—149. Ср. также проф. *Сокольскій*, Ж. М. Н. П., назв. выше статья, окт. 293—298.

[80]) Ср. объ этомъ Объемъ дисц. суда, гл. 2.

[81]) Lehrbuch der Dogmengeschichte, Freiburg, 1888, B. II, 177—178.

завъ на важное значеніе для всей латинской церковности того обстоятельства, что первыми богословами латинянъ (правильнѣе бы было сказать—первыми богословами, писавшими на латинскомъ языкѣ) были юристъ Тертулліанъ и правитель церкви (Kirchenfürst) Кипріанъ, Гарнакъ продолжаетъ: „уже у Кипріана „satisfacere Deo“ имѣетъ точный смыслъ,—это значитъ вернуть милость Божію и утолить гнѣвъ Божій посредствомъ покаянныхъ упражненій, и понятіе „promereri“ относится главнымъ образомъ къ bona opera, къ постамъ и милостынямъ; *уже съ половины III в. на латинскомъ западѣ* развилась церковная система обязательственныхъ дѣйствій (Leistungen) по отношенію къ Богу, которая все болѣе и болѣе, подобно сѣти, втягивала въ себя всѣ отношенія людей къ Богу; система эта проникнута мыслію, что тяжесть преступленій и тяжесть исполнительныхъ, въ строго-юридическомъ смыслѣ, дѣйствій по отношенію къ Богу должны быть поставлены въ соотношеніе между собою, и что равнымъ образомъ заслуги, оказываемыя человѣкомъ предъ Богомъ, имѣютъ твердую, нормированную *цѣнность*. Не въ романо-германское время эта идея впервые появилась въ церкви, какъ обыкновенно думаютъ, и не продуктъ германскаго уголовнаго права составляетъ эта мысль: идея „сатисфакцій“ и „заслугъ“ принадлежитъ всецѣло и сполна уже римскому времени и получила строгое развитіе уже въ это время. Что христіанинъ долженъ примириться съ Богомъ, что выраженія скорби, страданія, имущественныя лишенія суть средства для этого примиренія, что Богъ обращаетъ при этомъ строгое вниманіе на *количество* примиренія, но что, съ другой стороны, тѣже самыя средства, какъ скоро они практикуются безъ необходимости погашать какой-нибудь *долгъ*, суть *заслуги*,—все это было ходячимъ у латинянъ со временъ Кипріана. Всѣ эти мелочныя и низкую ступень юридическаго и нравственнаго міровоззрѣнія изобли-

чающія опредѣленія, которыя любятъ относить на счетъ варварскихъ націй, установились въ церкви еще до вторженія германцевъ, и положеніе Ансельма: „necesse est ut omne peccatum satisfactio aut poena sequatur“, хотя этого положенія въ такомъ рѣзкомъ формулированіи мы не нашли бы въ древности, вполнѣ соотвѣтствуетъ мысли Кипріана и его преемниковъ“. Правъ ли Гарнакъ, считая идею удовлетворенія или искупленія вины предъ Богомъ низменною и мелочною,—это вопросъ для насъ въ настоящемъ случаѣ посторонній: во всякомъ случаѣ съ римлянами никакого юридическаго и нравственнаго паденія не случилось, когда въ латинской церкви получила обращеніе эта идея, потому что она есть исконный древне римскій взглядъ [82]). Но что церковная почва запада именно, а не востока, должна была благопріятствовать возникновенію варварскихъ пенитенціаловъ, и что между латинскою дисциплиной и германскимъ правомъ существовало внутреннее соотвѣтствіе, въ этомъ дѣйствительно едва-ли возможно какое-либо сомнѣніе [83]). Неизвѣстно, какъ поступилъ бы грекъ изъ Тарса, по имени Ѳеодоръ, если бы патріархъ константинопольскій возложилъ на него миссію устроенія церковныхъ дѣлъ у гунновъ или аваровъ; но, бывъ отправленъ папой Витальяномъ въ Британію, этотъ грекъ составилъ напр. такія рѣшенія, съ ссылками на libelli Scottorum: если кто убьетъ человѣка мстя за своего родственника, пусть понесетъ покаяніе какъ убійца, 7 лѣтнее или 10 лѣтнее; если однако пожелаетъ возмѣстить родственникамъ убитаго оцѣночную сумму, покаяніе будетъ легче на

---

[82]) Ср. Объемъ дисц. суда, стр. 10 и сл. и литературу, тамъ указанную.

[83]) Въ другомъ мѣстѣ Гарнакъ (III, 294) замѣчаетъ: „Ueberschaut man den Zustand der germanischen Recbts-Entwickelung in der Zeit der Merovinger und vergleicht ihn mit der kirchlichen Bussdisciplin, wie sie sich bis zu Gregor I hin auf lateinischen Boden selbstständig ausgebildet hat, so ist man erstaunt darüber, wie leicht sich diese Systeme ineinander schieben lassen und wirklich ineinander geschoben haben“.

половину [84]),—или другое рѣшеніе: кто часто совершалъ кражу, покаяніе тому будетъ 7 лѣтнее, или сколько присудитъ священникъ, смотря по тому, насколько онъ можетъ возмѣстить потерпѣвшимъ сумму вреда, имъ причиненнаго; совершавшій кражи и раскаявшійся въ томъ, долженъ во всякомъ случаѣ примириться съ потерпѣвшимъ и возмѣстить причиненный имъ вредъ,—тѣмъ самымъ онъ сократитъ свое покаяніе на многое время, если же не пожелаетъ, или будетъ не въ состояніи возмѣстить, долженъ отбыть установленный срокъ покаянія сполна [85]). „Свѣтъ съ востока“ вліялъ на составителя этихъ рѣшеній не болѣе, чѣмъ на св. Патриція, подъ предсѣдательствомъ котораго составлялись въ Ирландіи въ V в. соборы, и который назначалъ 7 лѣтнее покаяніе альтернативно съ уплатой стоимости семи служанокъ (septem ancillarum pretium,—стоимость служанки была мѣриломъ цѣнности въ Ирландіи) [86]), или на епископа Давида, подъ предсѣдательствомъ котораго состоялось въ VI в. нѣсколько соборовъ въ Британіи, и который за блудъ съ дѣвицей или вдовой присуждалъ виновнаго къ выдачѣ приданаго родителямъ женщины и, кромѣ того, еще къ 1 году покаянія [87]).

На британскіе же острова приводитъ насъ и послѣдній аргументъ, который выдвигаетъ проф. Павловъ противъ западнаго происхожденія мерзебургскаго пенитенціала. Почтенный ученый нашелъ въ числѣ изданныхъ Питрою въ Spicilegium Solesmense, недосмотрѣнныя мною, два правила на греческомъ языкѣ, которыя во всемъ своемъ содержаніи оказываются буквально, или почти буквально сходными съ пра-

---

[84]) Poenit. Theod. I, 4, § 1 Wasserschleben, S. 187.

[85]) Ibid. I, 3, § 3.

[86]) Canon Hibern. 8. Wasserschleben, 141. А въ ирландскомъ сборникѣ Патриціи представляется получающимъ указанія отъ римскаго престола (Die irische Canonensammlung, S. XXXV).

[87]) De libro Davidis, § 6, ibid S. 101.

вилами мерзебургскаго пенитенціала, и пришелъ къ тому „несомнѣнному“, на его взглядъ, выводу, что эти два правила суть случайно сохранившіеся и тѣмъ болѣе для насъ драгоцѣнные отрывки одного цѣлаго, одного краткаго греческаго епитимейника, который послужилъ подлинникомъ, или, можетъ быть, только отдаленнымъ источникомъ какъ для латинскаго мерзебургскаго пенитенціала, такъ и для сходной съ нимъ славянской „Заповѣди св. отецъ“ [88]). Одно изъ этихъ правилъ говоритъ о покаяніи за убійство, соединенномъ съ изгнаніемъ и странствованіемъ [89]), другое о покаяніи родителей, по небрежности которыхъ младенецъ умеръ безъ крещенія [90]). То обстоятельство, что первообразъ этихъ правилъ находится уже у Виньяя въ пенитенціалѣ V в., конечно, не могло смутить проф. Павлова, такъ какъ, по его мнѣнію, свѣтъ съ востока долженъ былъ падать и на Виньяя, и такъ какъ греческій подлинникъ переживалъ разныя формаціи, изъ которыхъ первичная восходитъ ко времени распространенія христіанства въ Британіи,—съ этой формаціи, составленной, можетъ быть, тѣмъ самымъ Монохемой, о коромъ упоминается въ одномъ изъ ирландскихъ каноновъ, и могъ прямо списать Виньяй свои правила. Однако проф. Павлова могло бы смутить, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что существованіе пенитенціаловъ на самомъ востокѣ въ V в. есть нѣчто недоказуемое, а также и то соображеніе, что то и другое правило помѣщаются не въ какихъ-либо обычныхъ восточнымъ рукописнымъ сборникамъ уставахъ или номоканонахъ, какъ напр. Никифора, Ѳеодора Студита, Іоанна Постника, а въ ряду какихъ-то фрагментарныхъ подложныхъ правилъ, приписываемыхъ то халкидонскому собору, то св. отцамъ Аѳанасію и Златоусту. Не въ

---

[88]) *Павловъ*, стр. 16.
[89]) Пр. 1 мерз. и славян. запов.
[90]) Пр. 61 мерз. и 42 слав. запов.

высшей ли степени странно было бы, что Іоаннъ Постникъ, патріархъ константинопольскій, авторскія права котораго на номоканонъ, извѣстный подъ его именемъ, проф. Павловъ старается отстоять во что бы то ни стало, составляя этотъ номоканонъ, совершенно игнорировалъ тотъ традиціонный греческій епитимейникъ, который, по словамъ проф. Павлова, еще за долго до Постника не только опредѣлялъ покаянную практику восточной церкви, но и бросалъ свой свѣтъ на далекій западъ? Не въ высшей-ли степени странно было бы то, что греческая церковь составила епитимейникъ, который и пошелъ въ ходъ на западѣ, переживая тамъ разныя формаціи, но о которомъ она сама потомъ забыла, такъ какъ ниодной изъ статей ниодной формаціи западныхъ пенитенціаловъ въ номоканонѣ Постника не содержится?

Поищемъ лучше другаго объясненія и остановимся прежде всего и главнымъ образомъ на томъ правилѣ, по которому за убійство полагается покаяніе, соединенное съ изгнаніемъ. Что извѣстно о примѣненіи этого покаянія на востокѣ до X вѣка, если не считать греческаго текста этого же самого правила? Извѣстно, что и на востокѣ, и на континентѣ западной Европы, если и предпринимались многими благочестивыми людьми путешествія къ святымъ мѣстамъ, какъ одинъ изъ возможныхъ различныхъ подвиговъ благочестія, какъ упоминаетъ напр. объ этомъ западный отецъ церкви Іеронимъ [91]); но до VIII в. неизвѣстно ниодного случая или примѣра назначенія такихъ путешествій въ видѣ церковнаго покаянія или въ видѣ епитиміи за грѣхи. Между тѣмъ на сѣверѣ покаяніе съ изгнаніемъ стало практиковаться съ первыхъ же временъ существованія христіанства на островахъ, какъ органическій элементъ, какъ интегрирующая часть, какъ живой членъ національной системы права.

---

[91]) Morinus, p. 327; Schmitz, 152—154.

Замѣчено, что для пониманія германскихъ народныхъ правъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе скандинавское право, какъ „das urthümlichste und vollständigste Bild germanischer Rechtsansichten und Rechtseinrichtungen“, по выраженію Вильды [92]). Значеніе это состоитъ въ томъ, что, благодаря ему, можно воспроизвести то состояніе, въ которомъ находились германскіе народы въ моментъ выступленія ихъ на сцену исторіи, и восполнить пробѣлы въ историческихъ свѣдѣніяхъ о нихъ. Нѣкоторые германскіе институты, говоритъ Вильда, прошли на сѣверѣ полный кругъ своего развитія, между тѣмъ какъ у народовъ, захваченныхъ потокомъ всемірно-историческихъ событій, это развитіе прерывалось, уклонялось отъ своего нормальнаго хода, затруднялось. Опредѣленія въ германскихъ народныхъ правахъ, которыя, при ихъ скудости, краткости и фрагментарной разорванности, могли бы быть непонятны, при свѣтѣ сѣвернаго права получаютъ совершенно опредѣленное положеніе и значеніе. Эти разсужденія Вильды вполнѣ примѣнимы и къ древнѣйшимъ кельтическимъ пенитенціаламъ Британіи и Ирландіи. Кельты британскіе, какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ ихъ права, вѣроятно еще въ доисторическія времена испытали на себѣ вліяніе исландскихъ и скандинавскихъ правъ, такъ что тѣ юридическіе памятники, которые сохранились до насъ, проникнуты, по мнѣнію изслѣдователей, германскими юридическими идеями.

Я буду по возможности кратокъ, чтобы моя „экскурсія“ на сѣверные острова не вышла очень длинною и утомительною. По первоначальному германскому воззрѣнію, всякое тяжкое преступленіе, какъ нарушеніе мира и права, наказывается исключеніемъ изъ общенія мира и права, такъ что лишенный мира становится не только въ положеніе ино-

---

[92]) O. c. 7.

странца—не члена общенія, но и врага своего народа,—даже болѣе того, онъ становится внѣ всякой юридической защиты, какъ Utlagr, Utlag, Wargus, какъ дикій волкъ, бродящій по лѣсамъ, всѣми преслѣдуемый и существующій лишь до тѣхъ поръ, пока его не убили. Человѣкъ, который самъ пользуется миромъ и убиваетъ лѣснаго проскрипта, не только не подлежитъ никакой отвѣтственности, но оказываетъ услугу обществу, которое вмѣняетъ ему эту услугу въ заслугу, насчетъ которой можетъ быть пріобрѣтена реабилитація въ обществѣ для какого-нибудь другаго проскрипта, или же самъ проскриптъ можетъ возвратить себѣ миръ, убивъ трехъ другихъ проскриптовъ [93]). Съ теченіемъ времени, суровость первоначальной Friedlosigkeit смягчается, постепенно переходя въ изгнаніе изъ страны, причемъ, для облегченія выхода преступника изъ страны стали допускать извѣстную помощь. Облегченіе бѣгства доходило до того, что корабельщикамъ, подъ страхомъ наказанія, предписывалось принимать бѣглеца на бортъ корабля; проскриптъ, перешагнувшій за границу своей страны, становился неприкосновеннымъ; тѣ, которые могли бы убить его въ отечествѣ не могли тронуть безнаказанно ни одного волоса на его головѣ въ чужой землѣ,—было въ обычаѣ даже давать преступнику пользованіе миромъ на всемъ протяженіи дороги или тропинки, которая вела его къ кораблю. Въ исландскихъ сагахъ является еще и болѣе мягкая форма лишенія мира. По истеченіи трехъ лѣтъ, виновный, надъ которымъ состоялся приговоръ объ изгнаніи, могъ вернуться съ чужбины на родину и сдѣлаться столь же неприкосновеннымъ, какъ если-бы онъ никогда не былъ осужденъ; но если бы онъ явился на родинѣ раньше срока, можно было убить его безнаказанно и подвергнуть имущество его конфискаціи [94]). Затѣмъ германское уголовное право всту-

---

[93]) Wilda. 278 и сл. Du Boys, I, 125 и сл.

[94]) Wilda, 297—298. Du Boys, I, 131 - 134.

паетъ въ новую фазу развитія: почти всѣ преступленія выкупаются деньгами [95]). Генезисъ, говоритъ Дю-Буа, представляется въ такомъ видѣ. Пока господствуетъ система наказаній, основанная на проскрипціи, общество не вмѣшивается ни въ денежныя мировыя сдѣлки между семьями, ни въ послѣдствія, отсюда проистекающія; вира факультативна; обиженный и семья могутъ принять ее или отвергнуть, и сдѣлка не имѣетъ другой санкціи и другой гарантіи исполненія, кромѣ добросовѣстности сторонъ. Далѣе, по собственной-ли инпціативѣ общественная власть принимаетъ къ свѣдѣнію эти мировыя сдѣлки, чтобы заставить уважать ихъ, или стороны сами, для того чтобы придать имъ болѣе аутентичности и силы, требуютъ присутствія и вмѣшательства власти, причемъ эти частные миры дѣлаются частными законами, охраняемыми общественною санкціей: тогда денежная композиція возвышается на степень юридическаго института [96]). На островѣ Готландѣ виру не нужно было представлять немедленно по учиненіи деликта. Законъ приглашалъ виновнаго въ этомъ случаѣ убѣжать въ одну изъ трехъ церквей страны подъ защиту мира, покровительствовавшаго имъ: гражданинъ долженъ былъ жить тутъ такимъ образомъ одинъ годъ какъ бы въ заключеніи, вдали отъ своихъ родственниковъ и завѣдомо для противника, и, пока оставался въ мѣстахъ убѣжища, его личность долженствовала быть неприкосновенною. Въ концѣ года онъ обязывался представить виру, а если семья потерпѣвшаго отказывалась принять ее, долженъ былъ возобновить свое предложеніе втеченіе слѣдующаго года [97]). Тутъ уже чувствуется вліяніе христіанской церкви и вмѣстѣ слышится отголосокъ еврейскаго законодательства объ убѣжныхъ городахъ. Въ еврейскомъ законодательствѣ право убѣ-

---

[95]) Wilda, 270.
[96]) Du Boys, 179—180.
[97]) Du Boys, 206—207.

жища было связано не съ храмами, такъ какъ храмовъ, кромѣ іерусалимскаго, не было, а съ шестью левитскими городами, въ которые виновные въ непредумышленномъ убійствѣ могли спасаться отъ мстителей [98]). Вліяніе ветхозавѣтнаго права на юридическій бытъ сѣверныхъ варваровъ, принявшихъ христіанство, съ чрезвычайною ясностію выступаетъ въ ирландскомъ сборникѣ, который, по предположенію издателя его Вассершлебена, составленъ былъ въ концѣ VII или въ началѣ VIII в. Въ сборникъ вошло около 500 мѣстъ изъ св. Писанія, и почти $^2/_3$ этого колпчества принадлежитъ Ветхому Завѣту: причина, говоритъ ученый издатель, очевидно та, что для множества отношеній и вопросовъ, которые должны были трактоваться въ этомъ сборникѣ, Ветхій Завѣтъ представлялъ обильный матеріалъ, напротивъ изъ Новаго Завѣта можно было извлечь весьма мало [99]). Книга XXVIII этого сборника, носящая заголовокъ: „De civitatibus refugii“ и воспроизводящая мѣста изъ ветхозавѣтнаго закона объ убѣжныхъ городахъ, явственно подставляетъ на мѣсто городовъ христіанскіе храмы [100]). Самая проскрипція (Friedlosigkeit) получила, такъ сказать, библейскій колоритъ. „И сказалъ (Господь Каину): что ты сдѣлалъ? голосъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ *отъ земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего отъ руки твоей.* Когда ты будешь воздѣлывать землю, она не станетъ болѣе давать силы своей для тебя; ты будешь *изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ.* И сказалъ Каинъ Господу: наказаніе мое больше, нежели снести можно. Вотъ Ты теперь *сгоняешь*

---

[98]) Исход. XXI, 13; Іисуса Навина XX, 7—8.

[99]) Jrische Canonensammlung, XIV.

[100]) Напр. въ гл. 3 этой книги, подъ заголовкомъ: „De eo quod debent rei civitatibus refugii defensi satisfacere his quibus rei sunt“, читается только слѣдующее правило, приписанное составителемъ собору агдскому: „placuit, ut homicidae a foribus ecclesiae non cito repellantur, et omni genere p enarum sint liberi, ita tamen, ut eis, quibus rei sunt, satisfaciant“.

меня съ лица земли, и отъ лица Твоего я скроюсь и буду изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ, и всякій, кто встрѣтится со мною, убьетъ меня. И сказалъ ему Господь: за то всякому, кто убьетъ Каина, отмстится всемеро. И сдѣлалъ Господь Каину знаменіе, чтобы никто, встрѣтившись съ нимъ, не убилъ его“[101]). Германское представленіе о дикомъ волкѣ (Utlag, Wargus) нашло для себя религіозную санкцію въ библейскомъ приговорѣ о Каинѣ, и точно также какъ Каинъ былъ отмѣченъ божественнымъ знаменіемъ, чтобы никто его не убивалъ подъ страхомъ божественнаго возмездія, и чтобы онъ казнился самымъ своимъ изгнанничествомъ и бродяжничествомъ, такъ и проскрипта, осужденнаго на изгнаніе и успѣвшаго убѣжать изъ земли, оскверненной его преступленіемъ, или воспользоваться церковнымъ убѣжищемъ, общественный миръ бралъ подъ свою защиту, объявляя его личность неприкосновенною. Но разъ проскрипція получила религіозный отпечатокъ и стала на религіозную почву, церковь сдѣлала и дальнѣйшій шагъ: изгнаніе должно быть соединено съ покаяніемъ; проскриптъ, пользующійся въ чужой землѣ миромъ и неприкосновенностію, все таки долженъ помнить свое преступленіе и искупить его покаяніемъ. Наглядное подтвержденіе этой связи національнаго права съ церковной дисциплиной мы находимъ въ древнѣйшихъ британскихъ пенитенціалахъ. Такъ называемый Synodus Aquilonalis Britanniae постановилъ, чтобы изгоняемый за грѣхъ съ женщиной или съ мущиной, отбывалъ въ монастырѣ другой страны или другаго рода (allerius patriae coenobio) 3 лѣтнее покаяніе въ заключеніи, а также чтобы совершившій святотатство понесъ 2 лѣтнее покаяніе въ изгнаніи вмѣстѣ съ братіей (т. е. опять таки въ монастырѣ чужой страны)[102]). Другой соборъ, т. н. Synodus luci Victoriae за кровосмѣше-

---

[101]) Быт. IV, 10—15.

[102]) Wasserschleben, Bussordn. 103 §§ 1. 3.

ніе съ матерью опредѣлилъ 3 лѣтнее покаяніе съ изгнаніемъ изъ страны на годъ (или, можетъ быть, на тотъ-же 3 лѣтній срокъ, или навсегда?)[103]). Но особенно замѣчательно 23 правило въ пенитенціалѣ Виньяя—замѣчательно во многихъ отношеніяхъ: вопервыхъ потому, что оно даетъ намъ возможность установить неразрывную связь его съ сѣверными варварскими правами, вовторыхъ потому, что изображаетъ, такъ сказать, полную обстановку покаянія, отбываемаго на чужбинѣ, и втретьихъ потому, что оно почти буквально воспроизводится и въ мерзебургскомъ пенитенціалѣ, и въ славянской „Заповѣди св. отецъ“, и въ найденномъ проф. Павловымъ греческомъ правилѣ, приписанномъ Аѳанасію и Златоусту. Въ правилѣ 23 у Виньяя опредѣлено слѣдующее: клирикъ, учинившій убійство ближняго своего, подлежитъ 10 лѣтнему изгнанію и долженъ понести 7 лѣтнее покаяніе въ другой странѣ, причемъ три года изъ этого семилѣтняго срока должны быть проведены на хлѣбѣ и водѣ въ опредѣленной порціи, затѣмъ на хлѣбѣ же и водѣ должны быть проведены три четыредесятницы (втеченіе всего назначеннаго срока), а по средамъ виновный долженъ воздерживаться отъ вина и мяса; по истеченіи такимъ образомъ 10 лѣтъ, если онъ велъ себя хорошо и получилъ отъ аббата или отъ священника, которому онъ былъ порученъ, свидѣтельство о поведеніи, можетъ быть принятъ въ свое отечество, подъ условіемъ однако сатисфакціи друзьямъ убитаго имъ ближняго; онъ долженъ лично явиться къ отцу или матери убитаго, если они находятся еще въ живыхъ, чтобы заплатить имъ долгъ почтительности и повиновенія намѣсто сына, котораго они лишились, и сказать имъ: „вотъ я вамъ за сына, и все, что вы скажете мнѣ, исполню“. Если же виновный не доставитъ вышеозначенной сатисфакціи, онъ не долженъ быть

---

[103]) Ibid. 104 § 6: „Qui moechatur matris est, III annis cum peregrinatione perenni“.

принимаемъ въ свое отечество никогда [104]). Шотландскій монахъ Колумбанъ, отправившійся въ концѣ VI в. на континентъ и составившій здѣсь пенитенціалъ, воспроизводитъ это правило Виньяя съ нѣкоторымъ сокращеніемъ, именно не описываетъ подробно образа покаянія, но въ концѣ прибавляетъ нѣсколько словъ, подтверждающихъ сдѣланное выше замѣчаніе о перепесеніи на проскрипта образа ветхозавѣтнаго Каина [105]). Изъ ирландскаго каноническаго сборника, кромѣ того, видно, что была попытка связать національное право съ общецерковнымъ, напр. цитируется Synodus Sardinensis, который якобы постановилъ, что ложный обвинитель долженъ наказываться перегринаціей [106]), или дѣлается ссылка на „disputatio romana“, по которой будто-бы виновный въ

---

[104]) „Si quis clericus homicidium fecerit et occiderit proximum suum et mortuus fuerit, X annis extorem fieri oportet, et agat poenitentiam VII annorum in alio orbe et tribus ex ipsis cum pane et aqua per mensuram peniteat, et tribus XLmis jejunet cum pane et aqua per mensuram et IIII abstineat se a vino et a carnibus, et sic impletis X annis, si bene egerit et cumprobatus fuerit testimonio abbatis seu sacerdotis qui cummissus fuerat, recipiatur in patria sua et satisfaciat amicis ejus quem occiderat, et vicem pietatis et obedientiae reddat patri aut matri ejus, si adhuc in corpore sunt, et dicat: ecce ego pro filio vestro, quecunque dixeritis mihi faciam. Si autem non satis egerit, non recipiatur in eternum“. Wasserschleben, S. 113.

[105]) C. 1 (XIII): „si quis clericus homicidium fecerit et proximum suum occiderit, decem annis exul poeniteat. Post hos recipiatur in patriam, si bene egerit poenitentiam in pane et aqua, testimonio comprobatus episcopi vel sacerdotis, cum quo poenituit et cui commissus fuit, ut satisfaciat parentibus ejus quem occidit, vicem filii reddens et dicens: Quaecunque vultis faciam vobis. Si autem non satisfecerit parentibus illius, nunquam recipiatur in patriam, sed more Cain vagus et profugus sit super terram“. Wasserschleben, S. 355. Нѣсколько позднѣе пенитенціалъ Рабана Мавра, отмѣченный уже реакціоннымъ духомъ, т. е. направленный противъ британскихъ, англо-саксонскихъ и франкскихъ пенитенціаловъ, наводнившихъ собою франкскую церковь, вѣрно воспроизводитъ идею сліянія убійцы-проскрипта съ Каиномъ: „parricidium quam sit detestabile crimen in judicio facto inter Cain et Abel fratrem suum, Dominus ipse ostendit, cum ad Cain parricidam ait: maledictus eris super terram etc., in quo etiam posuit signum, hoc est ut tremens et gemens profugus semper viveret, nec auderet jam uspiam sedes habere quietas“. Cp. Concil. Mogunt. 847 an. въ Monum. Germ. 1890, p. 181.

[106]) Jr. Canonensammlung. l. XVI, c. 13

неумышленномъ убійствѣ подлежитъ семилѣтней перегринаціи или пожизненному пребыванію въ той церкви, которая укрыла его отъ преслѣдованія [107]). На континентѣ перегринація, въ смыслѣ церковнаго наказанія, развилась не раньше VIII в.[108]), или, во всякомъ случаѣ, не раньше, чѣмъ шотландскіе монахи познакомили съ этимъ наказаніемъ континентъ Европы. На сколько благопріятную почву нашла себѣ перегринація на континентѣ Европы, это видно не только изъ франкскихъ пенитенціаловъ, но и изъ многихъ другихъ несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Въ сборникѣ формулъ, т. е. образцовъ *наиболѣе употребительныхъ* документовъ, составленномъ вѣроятно въ концѣ VIII в. сохранился для насъ слѣдующій любопытный образчикъ грамоты, которою снабжался преступникъ, имѣвшій отбыть покаяніе, соединенное съ изгнаніемъ, и которая, по выраженію Дюбуа, должна была служить вмѣстѣ и удостовѣреніемъ личности (certificat), и опасной грамотой, гарантирующею его, какъ находящагося въ мирѣ церковномъ и королевскомъ, отъ всякаго посягательства.

Формула есть письмо епископа, начинающееся привѣтствіемъ всѣмъ епископамъ, аббатамъ, аббатиссамъ, герцогамъ, графамъ, центенаріямъ, викаріямъ и ко всѣмъ вообще вѣрующимъ, и свидѣтельствующее о томъ, что предъявитель, имярекъ, совершившій, по наважденію дьявольскому, убійство отца, брата или племянника, проходитъ покаяніе перегрина,

---

[107]) L. XXVIII c. 5. Ссылки на общее церковное право, которыя дѣлаются въ этомъ сборникѣ, обозначаются обыкновенно слѣдующими выраженіями: „Synodus romana“, Romani dicunt“, „regula canonica dicit romana“, „disputatio romana“, „institutio romana“. Wasserschleben, XIX.

[108]) Schmitz, Bussbücher, 152. Впрочемъ, Шмитцъ дѣлаетъ неудачную попытку связать перегринацію съ тѣмъ изгнаніемъ, которому, на основаніи римскаго императорскаго законодательства, подвергались епископы, послѣ приговора о низложеніи, не желавшіе подчиниться этому приговору и употреблявшіе разныя мѣры къ тому, чтобы остаться на каѳедрѣ.

въ сообразность обычаю и каноническому установленію. Всѣ адрессаты приглашаются, когда придетъ къ нимъ означенный имярекъ, давать ему пристанище, хлѣбъ и воду, и не задерживать его отъ дальнѣйшаго странствованія по святымъ мѣстамъ для искупленія грѣховъ, памятуя, что за принятіе странника наградитъ ихъ Самъ Богъ, сказавшій, что кто принимаетъ страннаго, тотъ принимаетъ самого Христа [109]). Между тѣмъ какъ, по германскимъ народнымъ правамъ, въ томъ числѣ по законамъ франковъ салическихъ, всякій дав-
шій пріютъ и пропитаніе проскрипту, подлежалъ наказанію [110]),

---

[109]) Формула носитъ названіе: „Tracturia in peregrinatione“: „Dominis sanctis et apostolicis sedibus allocatis, episcopis, abbatibus vel abbatissis vel omnibus in Christo patribus, ducibus, comitibus, vicariis, centenariis et decanis, vel omnibus in Christo credentibus et Deum timentibus, ego in Dei nomine ille, acsi indignus peccator, ultimus omnium servorum Dei servus, episcopus videlicet sive abbas de civitate illa vel de monasterio illo, ubi pretiosus ille martyr seu confessor Christi humanitus corpore requiescit, salutem vobis perennem in Domino destinare curavimus. Cognoscatis siquidem, domni et Sancti patres, seu sorores in Christo, quia innotescimus vobis, eo quod peregrinus iste nomine ille, ex genere illo, ad nos venit et nobis innotuit adque consilium quaesivit de hoc videlicet facto, quod instigante adversario peccatis facientibus, proprio filio suo vel fratri suo sive nepote nomine ille interfecit, et nos pro hac causa secundum consuetudinem vel canonicam institutionem dijudicavimus, ut lege peregrinorum ipse praefatus vir annis tot in peregrinatione ambulare debet. Proprerea cognoscatis, sanctissimi patres, has literas, ut quandoque ad sanctitatem vestram venerit melius ei credatis, eo quod nullatenus pro alia causa ambulare dinoscitur, nisi, sicut superius diximus, pro peccatis suis redimendis, ut vos eum nullo modo detineatis, nisi tantum, quando ad vos venerit, mansionem ei et focum et panem et aquam largire dignemini, et postea sine detentione liceat ei ad loca sanctorum festinare. Sic exinde agite pro amore Dei et reverentia S. Petri, sanctissimi patres, ut vobis pius Dominus in illa beata seu immortali vita remunerare dignetur, quia in ipso perigrino Christo pavistis seu suscepistis considerantes videlicet, quod ipse Dominus dixit: Hospes fui et suscepistis Me“. Et: „Quod uni ex minimis istis fecistis, Mihi fecistis“. Quid plura? Ad sapientes semel sufficit loqui. Commendamus nos obnixe in vestris sacris precibus, ut nos meminere dignemini. Valete in Christo feliciter, sanctissimi patres, ut ad aeternam angelorum digni habeamini mansionem perpetuam. Facta hac epistola sub die illo“. Monumenta Germaniae historica, Formulae Merovingici et Carolini aevi, Hannoverae, 1886, ed. Carol. Zeumer. p. 278 № 17.

[110]) Du Boys, I, 121.

Карлъ Великій предписалъ доставлять перегринамъ, странствующимъ по землѣ ради Бога и для спасенія своей души, кровъ, огонь и воду [111]) и за убійство человѣка, проходящаго покаяніе, угрожалъ тройною вирою [112]). По мнѣнію Шмитца, перегринація съ VIII в. явилась въ двухъ формахъ: въ видѣ странствованія вообще по святымъ мѣстамъ, съ послѣдовательнымъ переходомъ изъ одного мѣста въ другое, и въ видѣ путешествія къ опредѣленному святому мѣсту, между прочимъ въ Римъ, куда должны были въ особенности направляться тѣ грѣшники, которые могли получить абсолюцію только отъ папы (casus reservati) [113]). Въ средневѣковыхъ хроникахъ и житіяхъ святыхъ нерѣдки разсказы, по которымъ можно составить себѣ представленіе объ отбываніи покаянія перегринами. Такъ анонимный салернскій хроникеръ разсказываетъ о лангобардскомъ сеньорѣ, по имени Дауферіѣ, который убилъ измѣннически герцога беневентскаго и былъ за то осужденъ на путешествіе къ гробу Господню. Онъ отправился, положивъ себѣ въ ротъ большой камень, котораго и не вынималъ втеченіе всего своего странствованія, за исключеніемъ того времени, когда нужно было пить воду и ѣсть черный хлѣбъ—единственную его пищу. Это суровое покаяніе доставило ему полную реабилитацію, по его возвращеніи въ беневентскій дукатъ. Или напр. въ житіи св. Марцеллина разсказывается еще болѣе удивительный фактъ. Въ началѣ IX в. одинъ дьякопъ въ Сполето убилъ не предумышленно своего брата, за что на него возложена была, въ видѣ епитиміи, перегринація на сѣверъ по ту сторону

---

[111]) Capitula 802 an.: „Praecipimus ut in omni regno nostro neque dives neque pauper peregrinis hospitia denegare audeant, id est sive peregrinis propter Deum ambulantibus per terram, sive cuilibet iteranti propter amorem Dei et propter salutem animae suae, tectum et focum et aquam nemo illi deneget". Steph. Baluzii, Capitul. reg. Francor. 1780, I, 370.

[112]) Ansegis. lib. IV s. 17.

[113]) Schmitz, Bussbücher, 143—143.

альповъ. Для того чтобы еще болѣе отягчить возложенное на него покаяніе, виновный заковалъ себѣ цѣпями тѣло и руки и, сгибаясь подъ этою тяжестію, пошелъ пѣшкомъ съ посохомъ перегрина. Побывавъ въ разныхъ святыхъ мѣстахъ, онъ прибылъ наконецъ въ Бретань, въ монастырь родопскій, гдѣ была гробница св. Марцеллина. Передъ мощами святаго онъ произнесъ горячую молитву, и лишь только окончилъ эту свою молитву, какъ цѣпи спали, и онъ ушелъ свободный и очищенный отъ крови своего брата: преступленіе его загладилось и покаяніе его окончилось [114]). На широкую распространенность перегринаціи указываютъ и тѣ стѣснительныя и запретительныя мѣры, которыя принимались противъ нея церковнымъ правительствомъ. Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ Дю-Буа, въ эпоху, когда не было ни дорогъ, ни почтовыхъ станцій, ни гостинницъ, путешествія, которыя нужно было совершить пѣшкомъ и безъ всякихъ житейскихъ удобствъ, были въ извѣстномъ отношеніи, сами по себѣ, суровымъ покаяніемъ. Однако, вкусъ къ авантюрамъ и къ чудесному, который всегда присущъ человѣку, но который въ особенности бываетъ развитъ во времена несовершенной цивилизаціи, находилъ для себя слишкомъ много удовлетворенія въ этихъ дальнихъ странствованіяхъ. Возвращаясь къ домашнему очагу, странники разсказывали съ наивнымъ удовольствіемъ о всемъ видѣнномъ ими, о мужествѣ и присутствіи духа, благодаря которымъ они избѣгали опасностей, угрожавшихъ имъ со стороны людей и стихій, причемъ, можетъ быть, и преувеличивали перенесенныя ими испытанія, хвалились съ излишествомъ и часто безъ основанія чудесами, предметомъ которыхъ они были, но могли умалчивать о тѣхъ искушеніяхъ, которымъ подвергались и противъ которыхъ не устояли. Пенитенціалъ Рабана Мавра (съ 822 по 842 г. на-

---

[114]) Du Boys, I, 449.

стоятель Фульды, съ 846 г. архіепископъ майнцскій) вооружается противъ находящихся въ изгнаніи и бродяжничающихъ покаяльниковъ, предающихся на чужбинѣ распутству и излиществамъ всякаго рода, и предписываетъ имъ отбывать покаяніе въ опредѣленномъ мѣстѣ. Но еще нѣсколько раньше, тотъ же самый императоръ Карлъ Великій, который желалъ облегчить путешествіе странниковъ, издалъ грозный законъ противъ шарлатановъ и фигляровъ, бродяжничающихъ по землѣ, и запретилъ имъ доступъ на территорію имперіи, не желая допускать на будущее время, чтобы они морочили легковѣрныхъ людей своими обманами: обманщики эти, какъ видно изъ закона, выставляли на показъ свои обнаженные и закованные въ желѣзо члены, говоря, что они исполняютъ наложенное на нихъ покаяніе. Если они учинили тяжкое уголовное преступленіе, разсуждаетъ императоръ, то гораздо лучше, чтобы они оставались въ одномъ и томъ же мѣстѣ, налагая на себя суровые труды и проходя покаяніе, регулированное канонами. Запрещеніе, очевидно, направлялось противъ перегринаціи, какъ неопредѣленнаго блужданія по разнымъ мѣстамъ, а не противъ самого путешествія къ опредѣленнымъ св. мѣстамъ. Въ томъ же запретительномъ смыслѣ высказывались и нѣкоторые соборы [115]). Насколько перегринація была явленіемъ, характеризующимъ именно западную церковную жизнь, доказывается тѣмъ примѣненіемъ, которое папы сдѣлали изъ нея въ эпоху крестовыхъ походовъ. Всѣ поняли смыслъ декрета, изданнаго Урбаномъ II на соборѣ клермонскомъ: „quicunque pro sola devotione, non pro honoris vel pecuniae adeptione ad liberandam ecclesiae Dei Hierusalem profectus fuerit, iter illud pro omni poenitentia ei reputabitur“, т. е. всякій, кто по мотивамъ лишь благочестія, но не ради пріі-

[115]) См. объ этомъ у *Моргина* въ lib. VII c. 15; Du Boys, I, 450; Ср. Hefele, IV, 127 (conc. Mogunt. 847 an. c. 20); Schmitz, 153.

обрѣтенія почестей и богатствъ, отправится въ Іерусалимъ съ цѣлью освобожденія церкви Божіей, тотъ будетъ считаться этимъ фактомъ своего путешествія исполнившимъ всякую, хотя бы и самую продолжительную эпитимію [116]).

Взглянемъ теперь на то греческое подложное правило халкидонскаго собора, на которое проф. Павловъ указываетъ, какъ на неотразимое доказательство восточнаго происхожденія мерзебургскаго пенитенціала и сравнимъ это правило съ 1 прав. мерзебург.

1 пр. мерзеб.

Si quis clericus homicidium fecerit et proximum suum occiderit, X annis exul poeniteat, postea recipiatur in patria, si bene egerit poenitentiam in pane et aqua, testimonio comprobatus episcopi vel sacerdotis, cum quibus poenituit et cui commissus fuit, et satisfaciat parentibus ejus quem occidit, vicem filii reddens et dicens: „quaecunque vultis faciam vobis“. Si autem non satisfecerit parentibus illius, nunquam recipiatur in patria, sed more Cain vagus et profugus sit super terram.

Греч. подложн. прав. халкид. собор.

Εἴ τις κληρικὸς φόνον ποιήσει, δέκα ἔτη μετανοείτω· τὰ γ΄ ἔτη ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι, καὶ μετὰ ταῦτα ὑποδεχέσθω ἐν τῇ πόλει αὐτοῦ, εἰ καλῶς διῆξε τὴν μετάνοιαν, μαρτυρούντος τοῦ ἐπισκόπου καὶ τῶν ἱερέων, μεθ᾽ ὧν μετενόησε· πληροφορῶν κατενώπιον πάντων, καὶ εν ὑποταγῇ τοῖς γονεῦσιν αὐτοὺ ἔσται, λέγων· „το θέλημα ὑμῶν ποιῶ ὑποτασσόμενος“. Εἰ δε τούτο οὐ ποιεῖ, μηδὲ ἐν τῇ πατρίδι δεχθήσεται, ἀλλ᾽ ἀπελθέτω κατὰ τὸν Κάϊν ἐπὶ γῆς ἀλλοτρίας.

Оказывается, что греческое правило есть почти буквальное воспроизведеніе соотвѣтствующаго правила какого нибудь латинскаго пенитенціала, едва ли впрочемъ мерзе-

---

116) Morinus, p. 327. Du Boys, 453—454.

бургскаго. Такъ какъ въ IX столѣтіи libri poenitentiales не только существовали въ большомъ количествѣ на западѣ, но даже наводняли, такъ сказать, западную церковь, которая даже должна была бороться противъ нихъ на соборахъ [117]), то грекъ могъ воспользоваться какимъ нибудь другимъ изъ безчисленнаго множества западныхъ пенитенціаловъ, поэтому онъ напр. упоминаетъ о 3 л. покаяніи на хлѣбѣ и водѣ изъ общаго срока десятилѣтняго покаянія, чего въ мерзебургскомъ нѣтъ, и что можно было найдти въ другихъ западныхъ пенитенціалахъ [118]). Но грекъ не внесъ въ греческій текстъ самаго характернаго слова, которымъ сразу долженъ былъ опредѣляться весь смыслъ покаянія: „exul poeniteat“, соображая, можетъ быть, что изъ дальнѣйшаго содержанія правила само собою выяснится, о какомъ покаяніи идетъ дѣло. А дѣло идетъ, очевидно, о такомъ покаяніи, которое процвѣтало на западѣ, и о которомъ хорошо должно было знать и греческое духовенство Италіи, особенно южной, гдѣ греки жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ лонгобардами, гдѣ города нерѣдко переходили изъ подъ власти византійскаго императора къ лонгобардскимъ дуксамъ и обратно, и когда самые дуксы Капуи, Салерно и даже Беневента становились иногда въ вассальную зависимость отъ греческаго императора. Выше было замѣчено, что не безъ знакомства съ занимающимъ насъ правиломъ Св. Нилъ въ X в. далъ совѣтъ вдовѣ капуанскаго дукса отдать родственникамъ убитаго одного изъ своихъ сыновей. Грекъ не опустилъ даже и Каина, этого ветхозавѣтнаго проскрипта, въ которомъ принявшіе христіанство германскіе народы видѣли прототипъ своихъ „Friedlöse“ и „Vargi“. Проф. Павловъ, опровергая мои аргументы въ пользу западнаго про-

---

[117]) Ср. Объемъ дисц. суда, стр. 135.

[118]) См. напр. т. н. poenit. Roman., poenit. Vindobon., poenit. Cummeani, poenit. Floriacens., не говоря уже о Виньяѣ.

исхожденія мерзебургскаго пенитенціала и приводя греческій текстъ подложнаго правила халкидонскаго собора, вѣроятно не вспомнилъ о замѣчательныхъ новеллахъ Константина Порфиророднаго и Мануила Компена объ убійцахъ и о правѣ убѣжища. Нѣтъ ничего удивительнаго, что если бы онъ вспомнилъ объ извѣстныхъ ему, конечно, новеллахъ обоихъ императоровъ, то сослался бы на нихъ въ подкрѣпленіе подложнаго правила халкидонскаго собора. Я, однако, вспоминаю объ этихъ новеллахъ и какъ бы прямо даю въ руки рецензенту оружіе противъ себя, въ дѣйствительности же вижу въ этихъ новеллахъ ясное доказательство того, что покаяніе съ перегринаціей было не обычнымъ для востока. На западѣ перегринація могла быть не только налагаема духовникомъ въ видѣ тайной епитиміи, но могла быть возложена на преступника формальнымъ церковнымъ судомъ,— именно когда преступнику, покрайней мѣрѣ пока еще не состоялось надъ нимъ церковнаго приговора [119]), удавалось воспользоваться правомъ церковнаго убѣжища, или когда отъ уголовнаго наказанія преступникъ ускользнулъ благодаря компромиссу и композиціи. Да и самое свойство преступленій, и вся обстановка удовлетворенія за эти преступленія (сатисфакція родителямъ убитаго, документъ отъ епископа, какъ выше приведенная формула и проч.) даютъ видѣть, что даже и въ пенитенціалахъ, не исключая и британскихъ, дѣло идетъ не о тайныхъ только преступленіяхъ, извѣстныхъ двумъ только лицамъ—грѣшнику и духовнику, а о преступленіяхъ болѣе или менѣе огласившихся. Новеллы Константина Порфиророднаго [120]), изданныя около половины X в. (945—959) показываютъ, что къ этому времени вліяніе западнаго міровоззрѣнія и западной практики проникло гораздо далѣе южной Италіи до самого Константинополя. Законъ Моисеевъ,

[119]) Wilda, 541.

[120]) Zachariae, Jus graecoromanum, III, Coll. III Nov. X и XI.

такъ начинается новелла, опредѣляетъ извлекать убійцу и изъ святилища; слѣды этого закона сохраняются и въ римскомъ законодательствѣ, исключившемъ прелюбодѣевъ, похитителей женщинъ, убійцъ и татей (?)[121]) отъ благодѣянія убѣжища. То обстоятельство, что, Юстиніанъ, построивъ великую церковь (софійскую), открылъ церковное въ ней убѣжище и для упомянутыхъ преступниковъ, не противорѣчитъ изданному имъ ранѣе закону. Противорѣчіе именно устраняется, по мнѣнію императора, такимъ примирительнымъ толкованіемъ, что храмъ собственно не долженъ служить убѣжищемъ для преступниковъ, совершившихъ предумышленное убійство, какъ этого требуетъ и законъ Моисеевъ, и слѣдовательно можетъ служить убѣжищемъ для тѣхъ, кто совершилъ убійство въ аффектѣ или случайно, напр. на охотѣ, но также и тогда, когда человѣкъ, совершившій убійство, избѣжалъ обвиненія и суда человѣческого, и затѣмъ, пришедши въ себя и сообразивъ глубину своего паденія, придетъ въ храмъ и признается предъ священникомъ въ совершенномъ имъ преступленіи. О другаго рода преступникахъ, которыхъ Юстиніанъ исключилъ изъ права убѣжища, новелла умалчиваетъ. Слѣдующая затѣмъ XI-я новелла желаетъ смягчить строгость предыдущаго закона, распространяя убѣжище и на виновныхъ въ предумышленномъ убійствѣ, распущенность же и необузданность, которыя могли бы явиться вслѣдствіе этого смягченія, надѣется уврачевать не только воздѣйствіемъ наказаній (τῷ καταδέσμῳ τῶν ἐπιτιμίων), но и лишеніемъ убійцы почти всего его имущества. Врачующія опредѣленія новеллы состоятъ въ слѣдующемъ:

1) убійца долженъ проводить жизнь въ покаяніи, какъ предписано канонами; но онъ подвергается, *въ силу этого за-*

---

[121]) Новеллой XVII-й Юстиніана было опредѣлено, что правомъ убѣжища не могутъ пользоваться три категоріи преступниковъ: убійцы, прелюбодѣи и похитители лицъ женскаго пола.

кона, вѣчному изгнанію изъ мѣста совершенія преступленія частію въ наказаніе, *частію для того чтобы видъ его не увеличивалъ скорби въ родственникахъ убитаго, а равнымъ образомъ для предупрежденія возможнаго съ ихъ стороны желанія мести,* излѣченія зла зломъ, такъ что за однимъ убійствомъ могло бы послѣдовать и другое. Поэтому-то убійца и долженъ быть абсолютно удаленъ изъ мѣста совершенія преступленія, не ходить и не проживать на той землѣ, *которая зіяющимъ ртомъ приняла кровь убитаго брата*;

2) кромѣ того, убійца лишается имущества, которое однако не въ казну поступаетъ, а распредѣляется, въ указываемыхъ законодателемъ доляхъ, между женою, дѣтьми, родственниками и монастыремъ, въ случаѣ если преступникъ, по собственной ли иниціативѣ, или по совѣту лицъ, наставляющихъ его на путь истинный, пожелаетъ поступить въ монашество, въ случаѣ же нежеланія поступить въ монашество, $^2/_3$ *изъ его имущества идутъ въ пользу родственниковъ убитаго.*

3) виновный въ убійствѣ не можетъ быть допускаемъ къ гражданской или къ какой-либо другой должности, а что касается тѣхъ, которые, по преизбытку злобы, приложили тщаніе къ убійству, т. е. совершили его съ предумышленіемъ, тѣ безъ всякихъ возраженій постригаются и *принудительно зачисляются въ монахи* и должны оставаться въ монастырѣ не только втеченіе срока, опредѣленнаго для покаянія, но на всю жизнь. Если же убійство совершено хотя и вольное, т. е. умышленное, но необдуманное, напр. въ аффектѣ, *виновные подвергаются вѣчному изгнанію, но къ монашеской жизни не принуждаются.*

Новеллѣ Мануила Комнена [122]) 1166 г. предшествуетъ обширный прологъ съ цитатами изъ библейскихъ текстовъ

---

[122]) Zachariae, t. III, Coll. IV nov. LXVIII.

на ту тему, что убійство не должно быть безнаказаннымъ. И древнѣйшій законъ, говоритъ Мануилъ, не допускаетъ убійцу въ священную ограду и безусловно закрываетъ для него храмъ милости и человѣколюбія, считая несправедливымъ, чтобы человѣкъ, имѣющій обагренныя кровью руки, избѣгъ угрожающаго ему по законамъ суда и наказанія. Эти опредѣленія вполнѣ согласны и *съ Моисеевымъ закономъ*, предписывающимъ брать убійцу у самого жертвенника. Константинъ Порфирородный опредѣлилъ относительно убійцъ, прибѣгающихъ *въ св. великую церковь*, чтобы всѣ вольные убійцы подвергаемы были, безъ всякаго послабленія, вѣчному изгнанію, съ рѣшительнымъ воспрещеніемъ бродить и показываться на той землѣ, которая приняла въ себя кровь ближняго, причемъ лица, совершившія убійство съ предумышленіемъ, вмѣстѣ съ вѣчнымъ изгнаніемъ, подлежатъ принудительному постриженію и пожизненному пребыванію въ монастырѣ, кромѣ того и другимъ наказаніямъ, *ничего не опредѣливъ о тѣхъ, которые не прибѣгаютъ въ св. великую церковь*, вѣроятно желая, чтобы по отношенію къ нимъ соблюдались безусловно государственные законы, и преступники подвергались бы опредѣленнымъ въ нихъ наказаніямъ. Итакъ повелла Константина для безсердечныхъ и проклятыхъ людей сдѣлалась поводомъ къ тому, чтобы съ великою безбоязненностію выходить на убійство и, ухватившись за этотъ поводъ, совершать столь омерзительное преступленіе, затѣмъ прибѣгать въ церковь и, представивъ грамоту о снисхожденіи (γράμμα συμπαθείας), возвращаться домой, гдѣ многіе изъ нихъ, не задумываясь, рѣшаются на второе и третье убійство, и больше, по причинѣ слабости и неавторитетности—чтобы не сказать сочувственности—перваго наказанія. Ибо сочувствіе и снисхожденіе бываетъ и называется справедливымъ въ отношеніи къ потерпѣвшимъ, а не къ сдѣлавшимъ злое,—его нельзя примѣнять безразлично. Та же часть

повеллы, которая *трактуетъ о вѣчномъ изгнаніи, сдѣлалась совершенно безполезною, ибо теперь нѣтъ и рѣчи о вѣчномъ изгнаніи, а всѣ убійцы безстрашно опять тамъ же бродятъ, гдѣ совершили преступленіе.* Ибо прежде *гражданскіе и военные начальники округовъ* (θέματα) старались предупредить одинъ другаго въ поимкѣ преступника, а теперь, какъ я узналъ, пишетъ императоръ, они руководятся, не помышляя о добрѣ, лишь исключительно гнусною корыстію и не только не ловятъ преступниковъ, когда случится убійство въ ихъ округѣ, но уже и обнаруженныхъ и захваченныхъ преступниковъ-убійцъ укрываютъ и пересылаютъ въ великую церковь. *О томъ, что дѣлается съ ними послѣ того, какъ они прибѣгутъ въ великую церковь, мнѣ неизвѣстно съ точностію, но слухи равнымъ образомъ ходятъ нехорошіе,* и изъ всего этого просто-напросто выходитъ, что на пространствѣ всей римской имперіи (ῥωμαικὴ ἐπικράτεια) убійцы каждый день безбоязненно совершаютъ преступленія. Итакъ вотъ какими обстоятельствами вызвано было изданіе новеллы Мануила Комнена. Для искорененія зла, императоръ постановляетъ слѣдующее:

1. Въ случаѣ совершенія убійства, должны быть приняты всѣ мѣры къ арестованію преступника и къ препровожденію его къ законнымъ властямъ. Если же ему удастся прибѣжать въ великую церковь Божію, то, послѣ понесенія имъ церковнаго наказанія, императоръ, какъ скоро онъ находится въ столичномъ городѣ, ссылаетъ его въ какую-либо провинцію, безъ права возвращенія въ мѣсто совершенія убійства; въ случаѣ отсутствія императора, префектъ распоряжается этимъ дѣломъ, согласно съ вышесказаннымъ, отправляя преступника въ отдаленную провинцію на пожизненное изгнаніе.

2. Если преступникъ совершитъ убійство не только умышленно (ἑκουσίως), но и съ предумышленіемъ (ἐκ μελετῆς), онъ

не принуждается къ постриженію, какъ постановлено новеллой Константина Порфиророднаго. Ибо если и добровольно прибѣгающаго къ постриженію каноническая строгость (ἀκρίβεια, subtilitas, какъ перевелъ Леунклавій) не тотчасъ допускаетъ до постриженія, но послѣ предварительнаго испытанія твердости его намѣренія, то было бы нераціонально и противорѣчило бы духовнымъ законамъ постригать кого-либо по принужденію, тѣмъ болѣе убійцу, настолько оставленнаго Богомъ, что онъ осквернилъ руки кровію братнею. Ибо нужно опасаться, чтобы человѣкъ, противъ желанія вступившій въ ангельскую жизнь, не обратилъ ангельскаго одѣянія въ посмѣшище. Поэтому, вмѣсто постриженія, преступникъ, совершившій предумышленное убійство, содержится пожизненно въ тюрьмѣ (ἐν φυλακῇ), и никогда не долженъ освобождаться изъ нея, даже по императорскому приказанію, по забывчивости данному. Съ имуществомъ виновнаго поступать согласно съ новеллой Константина.

3. А такъ какъ многіе изъ убійцъ, совершившихъ свое преступленіе предумышленно, прибѣгая потомъ въ св. великую церковь Божію, не потому чтобы совершено было ими убійство, *а изъ собственной выгоды (!) признаются въ немъ*, скрывая истину, то патріарху вмѣняется въ обязанность написать письма, содержащія въ себѣ обозначеніе наказанія, къ мѣстному епископу и подчиненному этому послѣднему клиру, также и къ мѣстному гражданскому судьѣ, и, какъ скоро изъ отвѣтныхъ писемъ ихъ онъ убѣдится, что совершено убійство, производитъ экзекуцію, причемъ лицо, совершившее предумышленное убійство, не должно, по причинѣ ложнаго его признанія, подлежать одинаковымъ наказаніямъ и епитиміямъ съ тѣмъ, кто впалъ въ это преступленіе случайно и непредвидѣнно.

4. Если же кто изъ убійцъ, прибѣжавшій въ св. великую церковь и осужденный на вѣчное изгнаніе, или на вѣчное

заключеніе въ оковы съ пожизненнымъ содержаніемъ подъ стражей, окажется разгуливающимъ свободно въ мѣстѣ совершенія преступленія, то, связанный мѣстнымъ практоромъ, онъ препровождается къ императору, и все имущество его, какое будетъ найдено, будетъ обращено въ пользу практора и доносчика пополамъ. Но, во всякомъ случаѣ, *судіи великой церкви по этимъ дѣламъ должны позаботиться о томъ, чтобы убійство наказывалось съ надлежащею каноническою строгостію*, чтобы не сокращались безразсудно сроки, и чтобы судьи не оказывались болѣе мягкими, чѣмъ слѣдуетъ, тамъ, гдѣ этого не должно быть. Экземпляры этой новеллы, подписанные начальниками судовъ и разосланные по церквамъ провинціи, должны быть положены тамъ на храненіе, *чтобы всѣ знали о ея содержаніи* и дѣйствовали сообразно съ нею.

5. Если учинившій предумышленное убійство, по доброй волѣ, пожелаетъ принять постриженіе, то онъ не тотчасъ принимается въ монашескій чинъ, но послѣ достаточнаго періода испытанія, по каноническимъ правиламъ, и въ этомъ случаѣ принудительно *содержится въ монастырѣ пожизненно*, безъ права выхода, хотя бы и просилъ объ этомъ. Монастырь же во всякомъ случаѣ долженъ быть въ другой провинціи, а не въ той, которая жадно поглотила пролитую человѣческую кровь.

Изложенное мною содержаніе новеллъ обоихъ императоровъ дать право сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) до Константина Порфирогенета въ византійскомъ правѣ не дѣлалось никакихъ попытокъ къ отмѣнѣ или измѣненію юстиніановскаго закона о наказаніи убійцъ, спасающихся отъ уголовнаго преслѣдованія подъ церковный кровъ, равно какъ не было подобныхъ попытокъ въ промежутокъ времени отъ Константина до Манупла Комнена.

2) наказаніе, которое опредѣляется убійцамъ, по общему

его характеру, соотвѣтствуетъ варварскому изгнанію, соединенному съ конфискаціей имущества и съ покаяніемъ, причемъ явственно выступаетъ ветхозавѣтный мотивъ—удаленіе братоубійцы изъ земли, поглотившей кровь убитаго брата, и вмѣстѣ варварскій мотивъ, или, лучше, мотивъ, которымъ руководилась западная церковь среди германскихъ народовъ —избѣжаніе мести, вражды и дальнѣйшихъ убійствъ, даже съ вознагражденіемъ родственниковъ убитаго [123]).

3) императоръ Мануилъ Комненъ есть лучшій свидѣтель практической безплодности закона императора Константина Порфирогенета: изгнаніе обратилось въ миѳъ, и даже императору неизвѣстно, что дѣлается со стороны духовенства съ преступниками, послѣ того какъ они прибѣгутъ въ великую церковь.

4) императоры говорятъ только объ убѣжищѣ въ великой Софійской церкви Константинополя, не распространяя право убѣжища на другіе храмы, и уже тѣмъ самымъ чрезвычайно съуживаютъ кругъ тѣхъ преступниковъ, къ которымъ могло быть примѣнено покаяніе, соединенное съ изгнаніемъ.

5) изъ новеллъ обоихъ императоровъ можно заключить объ отсутствіи организованной покаянной дисциплины, подобной той, съ которою намъ придется встрѣтиться позднѣе,

---

[123]) О правѣ убѣжища, какъ оно развилось въ римскомъ законодательствѣ христіанскихъ императоровъ, см. Объемъ дисц. суда, стр. 368 и сл. Римское законодательство направлялось къ созданію извѣстныхъ гарантій неприкосновенности для воспользовавшихся благодѣяніемъ убѣжища преступниковъ со стороны органовъ власти, или для должниковъ и рабовъ со стороны кредиторовъ и господъ. Эклога (§ 1) ничего не измѣнила въ этомъ отношеніи. На западѣ, какъ это видно напр. изъ правилъ соборовъ орлеанскаго 511 г. (пр. 1 у Hefele, II, 661) и майнцскаго 813 г. (пр. 39, Hefele, III, 762), церковное законодательство направлялось главнымъ образомъ къ гарантированію преступниковъ отъ частной мести, причемъ церковь, защищая преступника, независимо отъ церковнаго покаянія, которому она его подвергала, настаивала еще и на композиціи, на доставленіи удовлетворенія, по полюбовному соглашенію, пострадавшимъ отъ преступленія. Что въ Πεῖρα, LXVI, 27 обвиненіе въ убійствѣ сводится къ претензіи на денежное вознагражденіе, это также нужно объяснять вліяніемъ запада на востокъ, а не наоборотъ.

по поводу соображеній проф Павлова о процвѣтаніи на востокѣ публичнаго церковнаго покаянія. Императоръ говоритъ, что ему неизвѣстно, что дѣлается въ церкви съ воспользовавшимися правомъ убѣжища преступниками, и что послѣдніе находили даже какую-то выгоду признаваться въ преступленіяхъ, которыхъ они на самомъ дѣлѣ не совершали. Въ частности, въ отношеніи къ покаянію, соединенному съ перегрпнаціей, о которомъ мы почерпаемъ точныя свѣдѣнія изъ латинскихъ пенитенціаловъ и изъ другихъ, выше означенныхъ, историческихъ свидѣтельствъ, позволительно сдѣлать изъ приведенныхъ императорскихъ новеллъ тотъ выводъ, что, если, не смотря на императорскіе законы, этотъ родъ покаянія не могъ утвердиться въ дисциплинарной практикѣ восточной церкви, то едва ли и въ качествѣ эпитиміи, налагаемой духовенствомъ и слѣдовательно поставленной въ зависимость отъ доброй воли лица, перегринація могла стать бытовымъ явленіемъ восточной церковной жизни, тѣмъ болѣе, что о ней и какихъ-либо историческихъ свѣдѣній мы не имѣемъ, кромѣ тѣхъ, конечно, которыя впослѣдствіи будутъ открыты въ архивахъ. Что касается наконецъ въ особенности *клириковъ*, которые и по латинскимъ пенитенціаламъ, и по греческому правилу, указываемому проф. Павловымъ, должны подлежать покаянію, соединенному съ перегринаціей, то дошедшія до насъ свѣдѣнія, заставляютъ насъ думать, что византійскому церковному праву, напротивъ, совершенно несвойственно было присужденіе клириковъ къ какому бы то ни было покаянію, такъ какъ достаточнымъ для нихъ считалось изверженіе изъ сана (ср. выше с. 36—37). Патріархъ Константинъ Лихудъ по дѣлу о священникѣ, совершившемъ убійство, опредѣлилъ, что изверженіе виновнаго въ толпу мірянъ есть уже достаточное искупленіе за убійство [124]). Точно также Константинъ Хліа-

---

[124]) Σύντάγμα, V, 49.

ренъ, послѣ соборныхъ дебатовъ о томъ, слѣдуетъ ли подвергать наказанію тѣхъ, кто совершитъ убійство, защищаясь отъ разбойниковъ, и послѣ постановленія рѣшенія въ томъ смыслѣ, что всякій убивающій разбойника, при возможности избѣжать убійства, подлежитъ наказанію, добавилъ къ этому слѣдующее опредѣленіе: все сказанное относится къ мірянамъ, а что касается клириковъ, какимъ-либо образомъ совершающихъ убійство (т. е. вольное ли убійство, или при оборонѣ и проч.), то они подлежатъ извержению, безъ всякаго притомъ различія, кого они убиваютъ—непріятелей, разбойниковъ или кого-либо другаго [125]).

Какимъ образомъ могло явиться на греческомъ языкѣ правило, соотвѣтствующее 23-му Виньяя и 1-му мерзебургс. пенитенціала, объясненіемъ этого историкъ не затруднится. Грекъ южной Италіи, втянутый въ атмосферу западной церковной жизни, легко могъ придти къ мысли изложить на греческомъ языкѣ то самое правнло, которое онъ находилъ въ латинскихъ пенитенціалахъ, и которое притомъ находило себѣ обширное практическое примѣненіе какъ на западѣ вообще, такъ и въ Италіи въ частности, о чемъ свидѣтельствуютъ напр. вышеприведенные факты о пилигримахъ изъ Сполето и Салерно, и даже пожалуй приводимый проф. Павловымъ эпизодъ изъ житія св. Нила Младшаго. Грекъ притомъ не удовлетворился безыменнымъ правиломъ латинскаго пенитенціала, а возвысилъ его на степень канона вселенскаго халкидонскаго собора. Что въ южной Италіи проявлялась подобная тенденція, это также можно доказать: стоитъ только обратиться къ тому самому валицеллянскому II пенитенціалу, который содержится въ рукописномъ сборникѣ, украшенномъ миніатюрой византійскаго стиля, въ которой, какъ выше было упомянуто, проф. Павловъ подозрѣваетъ греческаго монаха-

---

[125]) Leunclavius, Jus graecoromanum, II, 265. Ср. ниже взгляды Зонары и Вальсамона по поводу 102 пр. трул. соб.

духовника. Пенитенціалъ составленъ на латинскомъ языкѣ, но восточное вліяніе дѣйствительно на немъ сказывается весьма ощутительно. О перегринаціи здѣсь говорится даже чаще, чѣмъ въ другихъ пенитенціалахъ. Статья, соотвѣтствующая 1 мерз. прав., излагается такъ: „Si quis clericus homicidium fecerit, X annos poeniteat, IV ex his in pane et aqua, verumtamen prius satisfaciat perentibus illius. Si presbyter odii meditatione homicidium fecerit, deponatur et in remoto loco vel in monasterio XII annos peniteat, VI ex his in pane et aqua“.

Въ пр. 3 говорится объ епископѣ, совершившемъ убійство, который подвергается 15 лѣтнему покаянію и низложенію, а затѣмъ всѣ дни своей жизни обязывается провести въ перегринаціи (atque cunctos dies vitae suae peregrinando finiat). Въ прав. 5 говорится о мірянинѣ, совершившемъ предумышленное убійство и безъ достаточнаго повода къ враждѣ: „rejectis armis in monasterium vadat, ibi usque ad mortem mortuus mundo vivat Deo“. Въ 6 пр. говорится объ убійцѣ отца, матери, брата, сына, кума или крестника и проч.: „XV annos poeniteat, V ex his peregrinando eat, aut in monasterio cum luctu poeniteat“. Но особенно замѣчательны тѣ статьи этого пенитенціала, въ которыхъ правила, видимо разсчитанныя на западную жизнь, приписываются вселенскимъ соборамъ, никейскому и халкидонскому.

Такъ подъ заголовкомъ: „Synodus calcedonensis“ читается слѣдующее (7-е) правило:

„Placuit sancto et magno concilio calcedonensi, ubi fuerunt sexcenti triginta episcopi, sub marciano principe, ut si quis vir suam uxorem sine causa occiderit, V annos exul fiat extra terminos suae patriae; deinde XV annos inermis poeniteat et eucharistiam Domini nisi ad exitum mortis non percipiat Si autem non sine causa, quamvis juxta mundanam legem hoc fecerit, tamen juxta Dei providentiam VII annos

poeniteat et aliam uxorem penitus non accipiat. Si vero nolens hoc perpetraverit, V annos peniteat. Et si qua mulier virum suum quacunque diabolica arte vel fraude occiderit, vel hoc consenserit, omnibus diebus vitae suae separata ab omnibus conjungatis mulieribus cum fletu et luctu peniteat et non mutet cibum, nisi die Dominico, et sacramentum Christi, nisi ad mortem, non percipiat".

Правил. 12 валицел. II:

„Qui propter vindictam patris vel fratris aut propinqui homicidium commiserit, licet alii diffinierint IIII annos peniteat, tamen placuit s-to Niceno concilio VII annos penitentiae; liquet enim, Dominum dixisse: Nolite reddere malum pro molo".

Правило 41 валицел. II подъ заголовкомъ: „Concilio Niceno":

„Si quis duxerit de propria cognatione in conjugio, hi tales non possunt judicari nisi prius separentur. Ratio autem judicii haec est, prout propinquitate manifestat, id est, si tertia XV annos peniteant, si quarta XIIII annos, si quinta XII, si VI-ta X annos, si septima VII. Districtio tamen tot annorum post divisionem subdatur poenitentiae sive manus sive amplius juxta prolixiores perpetrationes peccati. Si quis igitur propinquam suam ante completionem septime generationis uxorem duxerit, X annos peniteat, V in pane et aqua et illam ab se abjiciat, quod si facere noluerit, anathemate est excommunicatus".

Правило 55 валицел. II:

„Placuit sancte et magne synodo nicene, quae a CCCXVIII Episcopis sub Constantino Augusto est peracta, ut si quis ecclesiam Dei per odium vel aliquam intentionem malam dissipaverit vel violaverit sive per ignem sive per direptionem aliquam vel pro qualicunque causa violentie hoc fecerit vel etiam consenserit, anathematis vinculo religetur in

perpetuum et ab aliis omnino ecclesiis non recipiatur nisi cum satisfactione et digna emendatione id est per XV annos crebris jejuniis et eleemosynis et orationibus se redimat et quantum potest succense ecllesie ablata restituat".

Тѣ мѣста валицел. II-го, которыя говорятъ объ изгнаніи и пожизненномъ заключеніи въ монастыряхъ, съ различеніемъ притомъ убійства per odii meditationem отъ другихъ возможныхъ убійствъ, невольно напрашиваются на сравненіе съ вышеприведенными византійскими новеллами и даютъ возможность связать мысль этихъ законовъ съ тѣмъ кругомъ идей, который господствовалъ на западѣ [126]). Любопытно также, что западное германское измѣреніе родства по генераціямъ или по поколѣніямъ, а не по степенямъ, ставшее на западѣ вмѣстѣ и каноническимъ счисленіемъ (computatio canonica), ставится подъ защиту никейскаго собора, а не какого нибудь западнаго авторитета. Котельеровскій номоканонъ, который изъ всѣхъ греческихъ канонаріевъ, носитъ наиболѣе варварскія черты [127]), показываетъ, что и населенію, говорившему греческимъ языкомъ, германское измѣреніе родства и запрещеніе браковъ въ родствѣ осталось не безъизвѣстно [128]). А изъ опредѣленія патріарха Сисинія отъ X вѣка видно, что счисленіе это не осталось неизвѣстнымъ и константинопольско-

---

[126]) Рукописный сборникъ, въ которомъ содержится валиц. II, Шмитцъ относитъ къ X или даже къ IX вѣку. Bussbücher, 342.

[127]) Канонаріи съ именемъ Іоанна Постника, какъ можно безошибочно заключить изъ ихъ содержанія, разсчитаны на культурную жизнь не отличавшихся чистотою нравовъ византійцевъ, и отражаютъ на себѣ эту жизнь, а не варварскую.

[128]) К. 158: „ὁρίζομεν δὲ καὶ τοῦτο οὐ παρὰ γνώμην θεοῦ, ἀλλὰ τῇ βουλῇ καὶ τῇ γνώσει αὐτοῦ· ἵνα καὶ τοὺς συγγενεῖς καὶ οἰκειουμένας τιμᾶν ἕως τετάρτης γονεᾶς· εἰ δὲ καὶ δυνατὸν πέμπτης, καὶ ἕκτης, καὶ ἑβδόμης· κατὰ τὸ διωρισμένον ὑπὸ τῶν ἁγίων πατέρων καὶ ἀποστόλων μὴ γαμεῖν· διότι ἐξ αὐτῶν ἀμορμίξιαι γίνονται". Ср. к. 254. Котельеровскій номоканонъ отличается между прочимъ и желаніемъ приписать древнимъ соборамъ, какъ напр. гангрскому и антіохійскому, невозможныя правила.

му церковному правительству [129]). Слѣды вліянія запада на востокъ для историка не представляютъ ничего страннаго, если онъ приметъ въ соображеніе то ближайшее соприкосновеніе востока съ западомъ, которое установилось въ Италіи весьма рано, а позднѣе распространилось и на цѣлый востокъ, когда латинянами основаны были на востокѣ цѣлыя государства, когда даже и въ Константинополѣ основана была латинская имперія. Такъ напр. императоры давали монастырямъ такія грамоты, которыя имѣли свой несомнѣнный образецъ не въ римскомъ правѣ, а въ латинскихъ грамотахъ этого рода. Т. н. иммунитеты на западѣ прошли извѣстный генезисъ, прежде чѣмъ они превратились въ феодальный суверенитетъ. Послѣдній, какъ совершенно не согласовавшійся съ основными началами византійскаго государственнаго строя, не могъ быть усвоенъ византійскою имперіей, хотя основанныя на востокѣ латинскія государства были чисто феодальныя, да и то еще вопросъ, не были ли греческіе деспотаты, образовавшіеся въ разныхъ мѣстахъ въ XII—XIV столѣтіяхъ, отраженіемъ началъ феодализма. Но иммунитетъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ государствѣ франковъ еще во времена меровинговъ [130]) и у лонгобардовъ [131]), былъ усвоенъ и Византіей. Справедливо замѣчаютъ [132]), что западный средне-

---

[129]) Т. н. τόμος Σισιννίου въ Σύντ. V, 11.

[130]) См. формулы Маркульфа въ Monumenta Germaniae по изданію Цеймера на стр. 43, 44, 107, 126. Ср. Hegel, Gesch. der Städteverfassung von Jtalien, 67 и сл.

[131]) Contuzzi, Jstituzioni di diritto canonico ad uso delle università, Napoli, 1885—1886, vol. II, 104—105.

[132]) Contuzzi, 109—110. Ср. Bernard, Traité théorique et pratique de l'extradition, Paris, 1883, стр. 90—91. Послѣдній говоритъ объ иммунитетахъ съ точки зрѣнія предпринятаго имъ изслѣдованія о выдачѣ преступниковъ въ ея историческомъ развитіи, и приходитъ къ тому выводу, что иммунитетъ, первоначально и въ принципѣ жаловавшійся только духовенству, распространился потомъ и на мірянъ, и такимъ образомъ, рядомъ съ церковнымъ убѣжищемъ, возникло еще территоріальное убѣжище въ патримоніальномъ доменѣ всякаго вассала, которому дарованъ былъ королевскій иммунитетъ. А намъ, съ на-

вѣковой иммунитетъ, превратившійся потомъ въ феодальный суверенитетъ, возникъ прежде всего въ церкви, которая, въ лицѣ своихъ епископовъ, имѣла обширнѣйшія патримоніи, населенныя не одними только рабами, но и свободными людьми. Римское право христіанскаго времени даровало христіанскимъ церквамъ разныя изъятія отъ тяжелыхъ повинностей (munera sordida) и отъ чрезвычайныхъ налоговъ [133]). Духовенство лично также было изъято отъ чрезвычайныхъ государственныхъ тягостей, подобно тому какъ изъятія установлены были въ пользу профессоровъ, врачей, грамматиковъ [134]), а равнымъ образомъ для духовенства лично же установлены были извѣстныя судебныя изъятія и льготы [135]). Между тѣмъ на западѣ весьма рано церковные иммунитеты получили болѣе широкій объемъ, означая собою свободу отъ всякаго вмѣшательства свѣтскихъ финансовыхъ чиновниковъ и судей въ дѣла населенія иммунитетовъ, какъ несвободнаго, такъ и свободнаго. Напр. въ грамотѣ лонгобардскаго короля Ліутпранда церкви св. Маріи въ Кремонѣ содержится запрещеніе всякимъ властямъ входить въ пожалованныя земли „ad causas judiciarias audiendas, aut justitias faciendas, aut mansiones ponendas, aut paratas ordinandas, aut phreda, sive multas, sive leuda exigenda“ etc. [136]). Въ грамотѣ лонгобардскаго же короля Дезидерія монастырю св. Бенедикта въ Монтекассино жалуется монастырь св. Маріи in Laurentiaco со всѣмъ тѣмъ, что ему принадлежитъ—cum rusticis et colonis et famulis utriusque sexus, съ землями, виноградниками,

---

шей точки зрѣнія, можно сдѣлать отсюда тотъ выводъ, что, при множествѣ иммунитетныхъ округовъ и убѣжищъ, тѣмъ легче могло быть исполняемо на практикѣ предписаніе пенитенціаловъ о покаяніи въ изгнаніи („jugi exilio sub alio abbate pœniteat“), просто въ смыслѣ проживанія въ монастырѣ другаго округа.

[133]) L. 5 C. J. I, 2.

[134]) L. 6 C. J. X, 52.

[135]) См. Объемъ дисц. суда, 373—386.

[136]) Contuzzi, 104.

луганы и проч.... ita ut nullus judex publicus quislibet ex judicialia potestate in cellas et villas, aut agros seu loca sive reliquas possessiones nostri coenobii S. Benedicti, quas moderno tempore in quibuscunque paginis et territorio infra regni nostri dicione juste et legaliter possidet, vel quidquid deinceps divina pietas ipso loco voluerit augere, ad causas audiendas, vel fredi, aut tributa exigenda, vel mansiones aut paratas faciendas vel fidejussores tollendos, aut homines ipsius monasterii tam liberos quam servos, seu cartulatos vel offertos et qui super terra ipsius monasterii resident, nullatenus distringendos nec ullas redivitiones aut illicitas occasiones requirendos nostris futuris utrisque temporis ingredi audeat etc.[137]).

Сравнимъ теперь съ лонгобардскими грамотами новеллу императора Мануила Комнена 1158 г. о владѣніяхъ монастырей. Императоръ, желая умилостивить Бога и пріобрѣсти поддержку воинства Христова (т. е. монаховъ) противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, постановляетъ настоящей буллой, что все состоящее въ данный моментъ во владѣніи монастырей, лавръ и проч., хотя бы и безъ достаточнаго титула, должно разсматриваться какъ неприкосновенное владѣніе, основанное на настоящей буллѣ, все равно будутъ ли это колопы, недвижимыя имущества, ярмарки, пошлины, переправы, озера, рѣки и морскія права, причемъ всѣмъ вообще фискальнымъ чиновникамъ рекомендуется смотрѣть на недвижимыя имущества монастырей такъ, какъ если бы они вовсе не были подчинены ихъ должностной компетенціи и ихъ власти, *все равно какъ они не считаютъ напр. себя въ правѣ вторгаться въ чужія провинціи, имъ не подчиненныя*[138]). О су-

---

[137]) Luigi Tosti, Storia della Badia di Montecassino, vol. 1, Roma, 1882 (прилож. № 6, стр. 285).

[138]) Zachariae, III, Coll. IV, nov. LXI: οὕτω γὰρ θέλει ἡ βασιλεία μου τὰ τῶν δηλωθεισῶν μονῶν ἀκίνητα πάντα λογίζεσθαι ὑφ' ἑκάστου τῶν πρακτόρων, ὡς μὴ ὄντα ὑπὸ τὴν ἑαυτοῦ ἀρχὴν τὲ καὶ ἐξουσίαν. καὶ ὃν τρόπον οἱ πράκτορες ἐπὶ

дебномъ иммунитетѣ, правда, здѣсь не говорится, за то финансовый представляется съ тѣми же чертами, которыя мы находимъ на западѣ въ гораздо болѣе раннее время.

Проф. Павловъ, какъ выше было упомянуто, ссылается еще на одно греческое правило, соотвѣтствующее мерзебургскому 61-му объ епитиміи родителямъ, по небрежности которыхъ младенецъ умираетъ безъ крещенія. Первообразъ этого правила мы находимъ опять таки у Виньяя, хотя въ дальнѣйшихъ редакціяхъ западныхъ пенитенціаловъ оно подверглось уже значительнымъ измѣненіямъ.

§ 47 Виньяя читается такъ:

„Si quis fuerit cujus parvulus absque baptismum abscesserit et per neglegentiam perierat, magnum est crimen animam perdere, sed per penitentiam redimi potest, quia nullum crimen, quod non potest redimi per penitentiam quamdiu sumus in hoc corpore; annum integrum peniteant parentes cum pane et aqua et non maneant in unum lectum“ [139]).

У Θеодора кентербюр. соотвѣтствующее правило читается уже такъ:

„Si negligentia sit parentum, 1 annum poeniteant, et si moritur infans trium annorum sine baptismo, III annos pater et mater poeniteant“. Πρиэтомъ замѣчаніе, что Θеодоръ разсудилъ именно такъ въ одномъ случаѣ, который дошелъ до его свѣдѣнія: „hoc quodam tempore quo contigit ad eum delatum sic judicavit“ [140]).

Въ мерзебургскомъ, какъ и въ греческомъ правилѣ, говорится просто, что родители, по небрежности которыхъ дитя умретъ безъ крещенія, подлежатъ 3 л. покаянію, при-

---

τοῖς μὴ ὑποκειμένοις αὐτοῖς θέμασιν οὐδέν τι δίκαιον ἔχουσιν ἐνεργεῖν ἢ ὅλως ποιεῖν τι ἐπ' αὐτοῖς, οὕτως οὐδὲ ἐπὶ τοῖς τῶν μοναστηρίων ἀκινήτοις οἱ πράκτορες τῶν θεμάτων ὑφ' οὓς τελοῦσι τὰ τοιαῦτα ἀκίνητα, πράκτορες λογισθήσονται (стр. 454).

[139]) *Вассерштлебенъ*, Bussordn. 118.

[140]) Theod. I, 14 § 29 ibid. 200.

чемъ одинъ годъ на хлѣбѣ и водѣ, а въ латинскомъ, кромѣ того, значится еще, что два года (изъ трехъ) должны быть проведены безъ вкушенія вина и мяса.

„Si cujus infans sine baptismo per negligentiam mortuus fuerit, III annos poeniteat, I ex his in pane et aqua, II sine vino et carne.

Ἐι τινος παιδίον δι' ἀμελείαν αὐτοῦ ἀποθανεῖ ἀβάπτιστον, τρία ἔτη μετανοείτω ἐν ἄρτω καὶ ὕδατι.

Греческое правило возникло такимъ же образомъ, какъ и предыдущее правило объ убійствѣ. Грекъ взялъ его изъ латинскаго пенитенціала, но затѣмъ приписалъ его восточнымъ св. отцамъ Аѳанасію и Златоусту, мало заботясь о томъ, составляли ли когда нибудь подобныя правила упомянутые св. отцы. При близкомъ соприкосновеніи востока съ западомъ, въ Италіи ли, или, позднѣе, и на самомъ востокѣ, заимствованіе греками у латинянъ было явленіемъ весьма естественнымъ. По поводу сохранившихся въ монтекассинскомъ архивѣ рукописей отъ XI и XII вв., историкъ монтекассинскаго аббатства замѣчаетъ, что даже на внѣшней сторонѣ ихъ отразилось двоякое вліяніе—византійское и лонгобардское, а одна рукопись особенно замѣчательна: это псалтирь, писанный въ пять столбцовъ, изъ которыхъ одинъ писанъ на греческомъ языкѣ, но латинскими буквами, такъ что напр. первый псаломъ: „Блаженъ мужъ иже не иде“ изложенъ такъ: „Macarios o anir os u pareuthi“[141]). Въ виду подобныхъ фактовъ, позволительно заключить, что, при близкомъ соприкосновеніи грековъ съ латинянами, заимствованіе первыми у послѣднихъ какихъ нибудь правилъ не составляетъ чего-либо необъяснимаго.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что мерзебургскій пенитенціалъ не могъ явиться въ ка-

---

[141]) Tosti, II, 340.

чествѣ перевода съ греческаго языка, и мнѣ остается только повторить то, что было сказано въ рецензированномъ проф. Павловымъ моемъ трудѣ: „Слѣды“ и проч.: „въ пенитенціалѣ мерзебургскомъ, наравнѣ съ другими западными пенитенціалами, мы видимъ такія *несомнѣнныя* черты западнаго происхожденія, какъ постъ на хлѣбѣ и водѣ, покаяніе, соединенное съ изгнаніемъ и странствованіемъ, покаяніе духовныхъ лицъ, соразмѣряемое съ ихъ іерархическими степенями и воспрещеніе духовнымъ лицамъ продолжать супружеское сожитіе съ женами. Наконецъ нѣкоторыя бытовыя черты, отмѣченныя мерзебургскимъ пенитенціаломъ, свойственны не греческому населенію византійской имперіи, а варварскимъ германскимъ племенамъ, какъ постъ по найму“. Къ этому прибавлю еще пожалуй воспрещеніе охоты духовнымъ лицамъ[142]). Занятіе охотой, какъ бытовое явленіе, также болѣе свойственно западному духовенству, начинавшему усвоять черты развивавшагося постепенно феодальнаго баронства, чѣмъ восточному. Поэтому возвращаю по принадлежности профессору Павлову нѣкоторыя ироническія его замѣчанія и нѣкоторые упреки, которыя онъ сдѣлалъ мнѣ, считая свою точку зрѣнія единственно правильною, а мою неосновательною. Такъ его ироническое замѣчаніе о томъ, что я вознамѣрился оказать услугу европейской наукѣ своимъ изслѣдованіемъ, и что самъ онъ, проф. Павловъ, не особенно интересуется западноевропейскимъ вопросомъ о сравнительной древности двухъ редакцій пенитенціала, оказавшагося сходнымъ съ славянскою заповѣдью, и предпочитаетъ работу pro domo sua[143]), я считаю совершенно излишнимъ. Ужь гдѣ тутъ оказывать услуги европейской наукѣ, когда, даже и съ точки зрѣнія находящейся лишь въ зачаточномъ состояніи русской канонической науки, изслѣдованіе мое является какимъ-то

---

[142]) 30 мерзеб.

[143]) *Павловъ*, стр. 22—23.

сбродомъ произвольныхъ положеній, изъ которыхъ одно неосновательнѣе другаго? Но и безъ претензіи оказывать услуги западно-европейской наукѣ русскій ученый долженъ знать, что есть такіе вопросы, которыхъ нельзя разрѣшать замкнувшись въ стѣны своего дома. И проф. Павловъ доказалъ это всего лучше своимъ собственнымъ примѣромъ. Съ какою бы скромностію ни отрекался онъ отъ желанія сказать что нибудь такое, что имѣло бы общеевропейскій научный интересъ, и съ какою бы рѣшительностію ни увѣрялъ въ своей исключительной заботѣ pro domo sua, на самомъ дѣлѣ почтенный ученый произвелъ цѣлую революцію въ западной наукѣ. Неизвѣстно, узнаютъ ли западно-европейскіе ученые о нашемъ спорѣ, но если узнаютъ, то должны будутъ измѣнить свои взгляды на многія положенія, считавшіеся до сихъ поръ болѣе или менѣе установленными. Такъ они узнаютъ, что не латинскіе пенитенціалы переживали на западѣ разныя формаціи, а греческій покаянный номоканонъ, составленный еще до Виньяя, проходилъ эти послѣдовательныя формаціи, что каждая изъ этихъ послѣдовательно слагавшихся формацій, тотчасъ съ ея появленіемъ, задавала, такъ сказать, тонъ составителямъ западныхъ пенитенціаловъ и вызывала соотвѣтствующія формаціи въ этихъ послѣднихъ, что еще такимъ образомъ задолго до Іоанна Постника восточная церковь обладала пенитенціаломъ, который и бросалъ свой свѣтъ на западъ, но который почему-то не повліялъ на номоканонъ Іоанна Постника, что національное церковное право, развившееся на британскихъ островахъ есть восточное заимствованіе и проч. Убѣдятся ли западные ученые доводами проф. Павлова, это вопросъ другой; мнѣ кажется, что если бы профессору Павлову удалось отыскать греческій уставъ, содержаніе котораго вполнѣ совпадало бы съ мерзебургскимъ пенитенціаломъ, они съумѣли бы доказать, что греческій покаянный уставъ переведенъ съ мерзе-

бургскаго, а не наоборотъ. Не могу также признать справедливымъ и того упрека, который дѣлаетъ мнѣ почтенный профессоръ по поводу изданія мною текста славянской „Заповѣди“, параллельно съ латинскимъ пенитенціаломъ: я разрушилъ, по словамъ рецензента, оригинальный порядокъ статей славянской „заповѣди“ по *основному* ея списку (Румянц. Кормч.) и размѣстилъ ихъ въ порядкѣ латинскаго пенитенціала, причемъ издалъ и тѣ правила мерзебургскаго пенитенціала, соотвѣтствующихъ которымъ нѣтъ въ славянской „Заповѣди“, такъ какъ послѣдняя имѣетъ гораздо меньшее количество статей, чѣмъ сколько ихъ въ мерзебургскомъ пенитенціалѣ. Поэтому проф. Павловъ нашелъ нужнымъ, въ интересахъ русской науки, *переиздать* славянскую „заповѣдь св. отецъ“, помѣстивъ текстъ послѣдней во главѣ, какъ основной, а текстъ мерзебургскаго во второмъ столбцѣ, какъ производный и второстепенный, и изъ мерзебургскаго издалъ только тѣ статьи, соотвѣтствующія которымъ имѣются въ славянской „Заповѣди“. Повторить изданіе, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ полезно: кто не прочитаетъ моей книги, тотъ можетъ прочитать рецензію проф. Павлова и ознакомиться какъ съ славянскимъ памятникомъ, такъ и съ латинскимъ пенитенціаломъ. Но чтобы это необходимо было въ интересахъ науки, въ этомъ я рѣшительно сомнѣваюсь. Почему рецензентъ считаетъ румянцевскій списокъ, а не гейтлеровскій, за основной, этого онъ не пояснилъ. Но главное-то дѣло въ томъ, что, по убѣжденію проф. Павлова, славянская „Заповѣдь“, какъ и мерзебургскій пенитенціалъ, происходятъ изъ одного и того же общаго греческаго источника. И вотъ представимъ себѣ, что профессоръ-ли Павловъ, или кто-либо другой найдетъ въ архивахъ греческій пенитенціалъ „послѣдней формаціи“, совпадающій по количеству статей съ мерзебургскимъ, такъ что ученый міръ во очію увидѣлъ бы, что составитель мерзебургскаго пенитенціала просто напро-

сто перевелъ греческій номоканонъ, а славянскій переводчикъ, черпавшій изъ того же источника, и независимо отъ латинскаго пенитенціала, почему-то перевелъ не всѣ статьи, а многія опустилъ: тогда вѣдь могъ бы и *для русской науки* возникнуть вопросъ, почему славянскій переводчикъ одно переводилъ, а другое опускалъ, и для этого нужно бы было посмотрѣть сначала, что именно онъ перевелъ, и что опустилъ. Не болѣе справедливъ и тотъ упрекъ мнѣ профессора Павлова, что варварскую безграмотную латынь мерзебургскаго пенитенціала я издалъ съ нѣкоторыми исправленіями[144]): латинскій пенитенціалъ не въ первый разъ издается мною и проф. Павловымъ, а изданъ былъ уже гораздо раньше западными учеными, такъ что если бы какому-либо русскому ученому понадобилось имѣть точный текстъ для филологическихъ цѣлей, можно бы было найдти этотъ текстъ у Вассершлебена. Стало быть, при параллельномъ изданіи латинскаго пенитенціала съ славянскою „Заповѣдью“, вполнѣ естественно было ограничиться лишь цѣлью сопоставленія и желаніемъ сдѣлать латынь болѣе удобочитаемою. Можетъ быть, точное воспроизведеніе проф. Павловымъ варварской латыни клонилось къ тому, чтобы дать понять читателю, что никакой славянскій переводчикъ никогда не могъ бы, такъ сказать, унизить себя до перевода съ латинскаго устава, написаннаго безграмотно? Но вѣдь дѣло, какъ кажется, должно было происходить въ такую эпоху, которая не отличалась особою склонностію къ соблюденію грамматическихъ правилъ.

Считая доказаннымъ восточное происхожденіе латинскаго пенитенціала, рецензентъ дѣлаетъ еще нѣсколько добавочныхъ замѣчаній о томъ, что славянская „Заповѣдь“ (даже если бы было поставлено внѣ сомнѣній западное происхожденіе латин-

---

144) *Павловъ*, стр. 163, примѣч.

скаго пенитенціала), во всякомъ случаѣ не могла быть переводомъ съ мерзебургскаго. Извѣстная самостоятельность, которую проявилъ славянскій переводчикъ въ расположеніи статей сравнительно съ мерзебургскимъ пенитенціаломъ, а также въ добавленіи и въ опущеніи нѣкоторыхъ словъ и предложеній, представляется проф. Павлову непозволительною для переводчика. Въ этомъ отношеніи почтенный рецензентъ неумолимъ къ переводчикамъ съ латинскаго, но весьма благосклоненъ къ переводчикамъ съ греческаго языка Переводчикъ съ греческаго можетъ изъ двухъ уставовъ составить одинъ [145]), можетъ опускать цѣлыя фразы [146]), ставить на мѣсто однихъ псалмовъ другіе [147]), можетъ даже перевести съ греческаго такъ, что переводъ будетъ совсѣмъ не похожъ на подлинникъ [148]). Напротивъ славянскому переводчику съ латинскаго не дозволяется никакихъ уклоненій отъ текста подлинника, а равнымъ образомъ не допускается возможности, чтобы онъ самъ прибавилъ отъ себя какую-либо статью, или чтобы позднѣйшій славянскій переписчикъ сдѣлалъ отъ себя какую-либо

---

[145]) Какъ это сдѣлано напр. въ румынц. спискѣ номоканона Постника, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

[146]) Какъ это видно напр. изъ сравненія 1 пр. славянской „Заповѣди“ съ греческимъ подложнымъ правиломъ халкид. собора. Если греческое правило взято изъ епитимейника, представляющаго одну изъ формацій греческаго пенитенціала, служившаго образцомъ для западныхъ пенитенціаловъ, то, стало быть, и въ этомъ образцовомъ пенитенціалѣ упоминалось о Каинѣ, этомъ ветхозавѣтномъ прототипѣ изгнанника, между тѣмъ въ славянской заповѣди словъ, соотвѣтствующихъ греческимъ: „ἀλλ' ἀπελθέτω κατὰ τὸν Κάϊν ἐπὶ γῆς ἀλλοτρίας“ нѣтъ. Равнымъ образомъ, при сравненіи другаго указываемаго проф. Павловымъ, греческаго правила о покаяніи родителей младенца, умершаго безъ крещенія, съ латинскимъ правиломъ мерзеб. пенит. о томъ же предметѣ, оказывается, что въ латинскомъ правилѣ говорится много лишняго противъ греческаго (1 годъ на хлѣбѣ и водѣ, 2 года безъ вина и мяса). Латинскому переводчику, если онъ переводитъ съ греческаго, дозволяются проф. Павловымъ и такія прибавки, но переводчику съ латинскаго ни подъ какимъ видомъ.

[147]) Какъ опять въ номоканонѣ Постника по румынц. кормч. № 230.

[148]) См. ниже объ одной изъ молитвъ, содержащихся въ номоканонѣ Постника по рум. списку, относительно которой проф. Павловъ на стр. 46 въ прим. 2 замѣчаетъ, что она есть переводъ съ греческаго.

прибавку къ первоначальному переводу. Надо полагать однако, что старинные переводчики особенно такихъ статей, которыя разсчитывались на практическое примѣненіе, и въ составѣ которыхъ они находили что-либо неудобное для примѣненія, не оказывалпсь на высотѣ требованій, предъявляемыхъ наукой къ современному переводчику. Сдѣлать точный и буквальный переводъ подлинника далеко не всегда составляло вѣнецъ ихъ желаній: они переводили, но вмѣстѣ не теряли изъ вида и другой цѣли—перевести такъ, чтобы переводъ наиболѣе подходилъ къ условіямъ жизни, въ которыхъ находился переводчикъ. Въ этомъ смыслѣ и законъ судный людемъ могъ бы быть названъ переводомъ съ эклоги. Правильнѣе, конечно, будетъ называть такой переводъ передѣлкой; но, при сравненіи славянской „Заповѣди“ съ мерзебургскимъ пенитенціаломъ, мы не видимъ, чтобы переводчикъ дошелъ до радикальныхъ передѣлокъ, подобныхъ тѣмъ, какія замѣчаются при сравненіи славянскаго закона суднаго съ эклогой. Да если бы даже и дошелъ, все таки передѣлки не мѣшали бы сказать, что *подлинникомъ*, во всякомъ случаѣ *прямымъ источникомъ* для него служилъ латинскій пенитенціалъ, подобно тому какъ о составителѣ закона суднаго можно сказать, что прямымъ источникомъ для него служила византійская эклога[149]). Съ особенною подробностію рецензентъ разобралъ три статьи славянской заповѣди, неудовлетворительный или неправильный переводъ которыхъ съ соотвѣтствующихъ латинскихъ статей я отнесъ къ недомыслію переводчика. Весьма возможно, что я нанесъ тѣмъ самымъ славянскому переводчику незаслуженное оскорбленіе, такъ какъ онъ, можетъ быть, дѣйствовалъ вполнѣ сознатель-

---

[149]) Такъ и въ греческихъ рукописяхъ латинская статья могла варіироваться. Срав. напр. вышепривед. статью объ оставленіи младенца безъ крещенія и 29 ст. изданнаго мною номоканона анонима въ „Слѣдахъ“ и проч. Прилож. стр. XXXV.

но и имѣлъ свои резоны перевести такъ, а не иначе. Но тѣ соображенія, въ виду которыхъ проф. Павловъ считаетъ эти статьи переведенными съ греческаго, признать удовлетворительными не могу.

Первая изъ этихъ статей говоритъ о „математикѣ“. 34-й статьѣ латинскаго пенитенціала: „si quis mathematicus fuerit, id est per invocationem daemonum mentes hominum tulerit“ соотвѣтствуетъ 27 ст. слав. запов.: „аще кто клѧтъ боудѣть. то ли молитьсѧ сътонамъ. йли ймена ймъ творить чловчьска“. Проф. Павловъ полагаетъ, что и „mathematicus“ и „клѧтъ“ одинаково переведены съ греческаго ἐπαοιδός—заклинатель, и что дѣятельность заклинателей (ἐπαοιδοί, γόητες=incantatores) описывается греческими канонистами совершенно согласно съ настоящею статьей латинскаго пенитенціала и славянской „Заповѣди“[150]). При такомъ предположеніи, рецензентъ, вопервыхъ, вмѣсто одной трудности создаетъ двѣ: нужно будетъ объяснять не только то, почему славянскій переводчикъ передалъ греческое слово: “ἐπαοιδός“ славянскимъ „клятъ“, между тѣмъ какъ этотъ греческій терминъ всегда переводился на славянскій языкъ словомъ: „обавникъ“, но и то, почему латинскій переводчикъ употребилъ слово: „mathematicus“, а не „magus“, не „incantator“, и не какое-либо другое подобозначущее слово, и употребилъ такъ удачно, что „математикъ“ и пошелъ въ ходъ, получилъ, такъ сказать, популярность у составителей латинскихъ пенитенціаловъ (Paris. 28, Hubert. 36, Vindobon. 37, Bobiens. 33, Roman. VII, 2 Cummeani, VII, 7. Poenit. XXXV Capitulor. XIX). Вовторыхъ „математики“, въ смыслѣ извѣстной категоріи преступниковъ, и по римскому праву выдѣлялись изъ ряда другихъ подобныхъ преступниковъ, и по каноническимъ правиламъ восточной церкви не смѣшивались съ

---

[150]) *Павловъ*, стр. 27.

ἐπαοιδοί, и въ толкованіяхъ канонистовъ точно также обособляются въ особую категорію. Проф. Павловъ, ссылающійся на толкованія Зонары и Вальсамона къ 3 пр. Григорія нисскаго, упустилъ изъ вида 36 пр. лаодик., толкованія къ нему канонистовъ и 27-й изъ отвѣтовъ Вальсамона на вопросы Марка александрійскаго. Прав. 36 лаод. запрещаетъ священнослужителямъ и клирикамъ быть волхвами или заклинателями, математиками или астрологами, или дѣлать т. н. предохранилища [151]). Канонисты точно также (Зонара, Вальсамонъ и Аристинъ) въ своихъ комментаріяхъ къ этому правилу ясно различаютъ μαθηματικοὺς ἢ ἀστρολόγους отъ ἐπαιδοί или γόητες [152]). Равнымъ бразомъ въ 27 отвѣтѣ Марку александрійскому Вальсамонъ различаетъ математику отъ другихъ запрещенныхъ лаодикійскимъ соборомъ профессій и ссылается на какого-то древняго интерпретатора, который подъ математикой діоклеціановскаго закона, принятаго и въ Базилики, разумѣетъ астрономію [153]). Въ древнѣйшемъ славянскомъ переводѣ лаодикійскаго канона, именно въ номоканонѣ изъ 50 титуловъ, находящемся въ рум. Кормч. № 230, обавникъ, соотвѣтствующій греческому ἐπαοιδός, не смѣшивается съ профессіею математика [154]). Неизвѣстно, существовала ли профессія математиковъ, какъ бытовое явленіе въ византійской имперіи. Если лаодикійскій соборъ упоминаетъ о ней, какъ о явленіи несомнѣнно бытовомъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ вѣкъ канонистовъ-комментаторовъ профессія эта все еще существовала, какъ нѣчто обособленное отъ другихъ сродныхъ профессій: канонисты имѣли

---

151) „Ὅτι οὐ δεῖ ἱερατικοὺς ἢ κληρικοὺς μάγους ἢ ἐπαοιδοὺς εἶναι, ἢ μαθηματικοὺς ἢ ἀστρολόγους, ἢ ποεῖν τα λεγόμενα φυλακτήρια“.

152) Σύντ. III, 203—206.

153) Σύντ. IV. 462: καὶ ὁ παλαιὸς φησί μαθηματικὴν εἶπε τὴν ἀστρονομίαν.

154) ꙗко не достоить свщ҃никомъ. ли клирикомъ. вълхвомъ ли ѡбаньникомъ ли звѣздьникомъ. ли творити рекомъıꙗ хранитвъı. Л. 32 рум. кормч.

предъ собой текстъ канона, который и старались истолковать, не отступая отъ терминологіи интерпретируемаго канона, хотя, видимо, затрудняются интерпретаціей, такъ что Вальсамонъ даже астрономію отожествляетъ съ „математикой“, ссылаясь на какой-то прежній юридическій авторитетъ. Но что на западѣ, „математики“ существовали подъ такимъ именно названіемъ и не только въ Италіи, какъ ошибочно думаетъ Шмитцъ, но и въ франкскомъ государствѣ, объ этомъ убѣдительнѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ Рабанъ Мавръ, архіепископъ майнцскій, писавшій какъ разъ въ ту эпоху, когда пенитенціалы получили распространеніе и вызвали противъ себя реакцію со стороны церковнаго правительства. Въ разсужденіи: „De magicis artibus“ [155]) Рабанъ Мавръ, съ ссылкой на Исх. XXII, Левит. XIX и XX, Второзак. XVIII, даетъ понятіе о разныхъ видахъ волшебства. Это мѣсто къ разсужденіи Мавра настолько любопытно само по себѣ, какъ историческое свидѣтельство о разныхъ видахъ волшебниковъ IX в. и настолько важно въ частности для спорнаго между мною и проф. Павловымъ вопроса о математикахъ, что я постараюсь передать его содержаніе сполна. „Magi sunt, такъ начинаетъ авторъ, qui vulgo malefici ob facinorum magnitudinem nuncupantur. Hi permissu Dei elementa concutiunt, turbant mentes hominum minus in Deo confidentium“. Это общее понятіе. Затѣмъ, въ частности: некромантиками называются тѣ, которые вызываютъ умершихъ и заставляютъ ихъ предсказывать и отвѣчать на вопросы, употребляя, съ цѣлью вызыванія, кровь трупа, ибо, какъ говорятъ, демоны любятъ кровь. Гидромантиками называются тѣ, которые, смотря въ воду, вызываютъ тѣни демоновъ, видятъ ихъ играющіе образы и слышатъ что-либо отъ нихъ. По Варрону, говоритъ Рабанъ, эта категорія вол-

[155]) См. въ патрологіи Миня, series latina, т. CX.

шебниковъ, ведущая, какъ говорятъ, свое происхожденіе изъ Персіи, подраздѣляется, по различію четырехъ стихій, на геомантію, гидромантію, аеромантію и пиромантію. Divini называются тѣ, которые мнятъ себя исполненными божества и съ хитрымъ обманомъ предугадываютъ людямъ будущее: ихъ два вида, смотря по способу ихъ дѣйствованія и по состоянію, въ какомъ они дѣйствуютъ,—состоянію спокойному или состоянію умоизступленія (ars et furor). Jncantatores называются тѣ, которые практикуютъ свое искусство словами (наговорами или заговорами). Arioli—тѣ, которые возсылаютъ молитвы возлѣ скверныхъ идольскихъ жертвенниковъ, приносятъ тамъ жертвы, и, при совершеніи жертвенныхъ церемоній, получаютъ отвѣты отъ демоновъ. Aruspices—это ararum inspectores, наблюдающіе за днями и часами при совершеніи сдѣлокъ и работъ и научающіе людей, что̀ они должны соблюдать въ то или другое время; они же наблюдаютъ и за внутренностями животныхъ, предсказывая по нимъ будущее. Augures—тѣ, которые наблюдаютъ за полетомъ и крикомъ птицъ и другими примѣтами, они же и auspices, поскольку они наблюдаютъ за птицами съ тѣмъ чтобы дать указаніе путешественникамъ, относительно того, что̀ эти послѣдніе должны соблюдать. Астрологи—тѣ, которые даютъ свои указанія на основаніи наблюденія за звѣздами. Genethliaci имѣютъ своею спеціальностію слѣдить за днями рожденія, ибо рожденіе людей они описываютъ 12-ю небесными знаками и по теченію звѣздъ стараются предсказать характеръ дѣйствія и судьбу раждающихся, т. е. кто подъ какимъ знакомъ родится, или какой исходъ жизни будетъ имѣть новорожденный: *эти люди въ народѣ или въ просторѣчіи называются математиками.* Прежде, замѣчаетъ Мавръ, наблюдатели за звѣздами назывались и магами, какъ это читается въ Евангеліи о волхвахъ, возвѣстившихъ рождество Христово, но впослѣдствіи этимъ названіемъ стали обниматься

одни математики: наука ихъ до Евангелія была дозволена, съ тѣмъ чтобы послѣ рождества Христова уже никто не истолковывалъ чьихъ-либо дней рожденія на основаніи наблюденія за небомъ [156]). Въ заключеніе Рабанъ Мавръ даетъ понятіе о horoscopi (предсказатели судьбы по часамъ рожденія), sortilegi (предсказатели будущаго по жеребью, или смотря по тому какой текстъ св. Писанія выпадетъ), salisatores (предсказатели судьбы, полагавшіе соль на какіе-либо члены тѣла).—Итакъ у Рабана Мавра мы видимъ вопервыхъ исчерпывающее перечисленіе всѣхъ категорій лицъ, прикосновенныхъ къ волшебной профессіи и смущающихъ mentes hominum minus in Deo confidentium, и вовторыхъ „математиковъ“ въ этомъ перечисленіи находимъ, какъ занимающихъ совершенно опредѣленное мѣсто,—мало того видимъ даже, что названіе „математиковъ“ было ходячимъ въ народѣ. Славянскій переводчикъ, можетъ быть, употребилъ слово: „клятъ“ въ смыслѣ проклятаго или отверженнаго, но все таки переводъ словъ: „mentes hominum tulerit“ словами: „*имена* имъ творитъ *человѣческая*“ едва ли не должны быть отнесены къ недомыслію.

Далѣе, по поводу 13-й статьи латинскаго пенитенціала: „si quis fornicaverit cum sanctimoniale vel Deo dicata, sicut in superiore sententia, unusquisque juxta ordinem suum poeniteat“ и соотвѣтствующей ей 13-й же статьи славянской

---

[156]) „Genethliaci appellati sunt propter natalium considerationes dierum. Geneses enim hominum per duodecim coeli signa describunt siderumque cursu nascentium mores, actus et eventa praedicare conantur, id est, quis quali signo fuerit natus, aut quem effectum habeat vitae qui nascitur. Hi sunt qui vulgo mathematici vocantur. Cujus superstitionis genus constellationis latini vocant, id est notationes siderum quomodo se habeant, cum quis nascitur. Primum autem idem stellarum interpretes magi nuncupantur, sicut de his legitur qui in Evangelio natum Christum annuntiaverunt. Postea hoc nomine soli mathematici dicti sunt; cujus artis scientia usque ad Evangelium fuit concessa, ut, Christo edito, nemo exinde nativitatem alicujus de coelo interpetaretur“.

„Заповѣди“: „аще кто съ чьрницеѭ блоудъ сътворить. понеже вѧщьши ѥсть наречена. г҃. лѣт҃. да покаѥтьсѧ ѿ хлѣбѣ и ѿ водѣ“, проф. Павловъ разсуждаетъ, что сопоставленіе латинскаго и славянскаго текста въ этомъ случаѣ, какъ подлинника и перевода, было бы своего рода „недомысліемъ“ съ моей стороны, и что славянскій переводчикъ имѣлъ передъ глазами въ „греческомъ подлинникѣ“ приблизительно такого рода фразу: „διότι μείζων λογίζεται“. Но въ такомъ случаѣ возникалъ бы еще болѣе трудный вопросъ: какимъ образомъ латинскій переводчикъ съ „греческаго подлинника“ могъ перевести эту греческую фразу латинскими словами: „sicut in superiore sententia“? Вѣдь очевидно эта статья въ мерзебургскій пенитенціалъ попала не случайно, она воспроизводится съ нѣкоторыми варіантами и въ разныхъ другихъ франкскихъ пенитенціалахъ, и всегда въ одномъ и томъ же контекстѣ: впереди стоитъ статья о продолженіи клирикомъ супружескаго сожитія, которое разсматривается какъ прелюбодѣяніе[157]), или же статья о прелюбодѣяніи вообще, какъ о нарушеніи супружеской вѣрности[158]), и затѣмъ слѣдуетъ статья о блудной связи съ посвятившей себя Богу женщиной, каковая связь разсматривается точно также какъ прелюбодѣяніе, почему и покаяніе назначается тоже, какъ въ предыдущей статьѣ, безъ обозначенія его[159]), или же, если покаяніе и обозначается, то съ добавленіемъ: id est[160]). Въ одномъ изъ

---

[157]) Hubert. 14, Vindobon. 13, Bobiens. 13, Roman. II, 4 (у *Вассершлебена*, стр. 379, 419, 408, 365).

[158]) Paris. 8 (ibid. стр. 413).

[159]) Въ Hubert, 14, мысль о тождествѣ покаянія выражается другими словами, съ сохраненіемъ того же смысла: „qui vero cum eisdem (т. е. consecratis Deo) fornicaverit, ita poenitet sicut ille, qui cum desponsata aut uxore alterius fornicaverit. Связь между двумя статьями о прелюбодѣяніи клирика, продолжающаго сожительство съ женою, и о прелюбодѣяніи съ монахиней сохраняется въ пенитенціалѣ римскомъ, не смотря даже на совершенное измѣненіе системы, сравнительно съ мерзеб. и другими пенитенціалами.

[160]) Vindobon. 13: „Si quis fornicaverit cum sanctemonialem feminam, juxta

пенитенціаловъ оба опредѣленія и о прелюбодѣяніи вообще, и о связи съ посвятившей себя Богу женщиной сведены въ одну статью, почему и ссылки на предыдущую статью, натурально, нѣтъ [161]). Очевидно латинскіе составители хорошо знали и понимали, что дѣлали, и никакъ не могли руководиться предполагаемымъ греческимъ текстомъ: διότι μείζων λογίζεται. Что славянскій переводчикъ составилъ свою статью о блудѣ съ черницею не независимо отъ подлинника (допустимъ даже греческаго, отразившагося и на латинскихъ пенитенціалахъ, чего на самомъ дѣлѣ, конечно, не могло быть) это ясно доказывается почти полнымъ совпаденіемъ первыхъ статей мерзеб. съ первыми статьями „Заповѣди“, и въ частности 13-й статьѣ одного соотвѣтствуетъ 13-я же статья другой, равно какъ и слѣдующая 14-я статья слав. заповѣди имѣетъ соотвѣтствующую себѣ 14-ю же статью въ мерз. пенит.

Такимъ образомъ „недомыслія“ съ моей стороны никакого не было и нѣтъ, если я сопоставлялъ и сопоставляю 13 мерзеб. съ 13 славян. Готовъ пожалуй снять и съ славянскаго переводчика упрекъ въ недомыслiи въ этомъ случаѣ, и думать, что переводчикъ имѣлъ извѣстную идею въ головѣ и сознательно отступилъ отъ подлинника. Въ предыдущей статьѣ 12-й, говоря о духовныхъ лицахъ, продолжающихъ супружеское сожитіе съ женами, онъ перевелъ латинскія слова: „si quis clericus vel cujuslibet superioris gradus“ фразой: аще которыи причьтьникъ или вящшю чти имѣи. Эта идея о „вящшей чести“ могла руководить имъ и при пе-

---

superiori sententiam in suo ordine unumquemque poeniteat, id est clericum III an. poenit., diaconus V, sacerdos XII annos, III ex h s in pane et aqua“.

[161]) Poenit. Sangali. (IV, 1 ibid. 427): „Si quis adulterium commiserit cum muliere alterius aut sponsa vel Deo sacrata vel virginem violaverit, diaconus V annos“. О другихъ іерархическихъ степеняхъ, кромѣ діакона, составитель почему-то умолчалъ, какъ нерѣдко, между прочимъ, поступаетъ и славянскій переводчикъ.

реводѣ 13 статьи: и съ черницею блудъ творить есть преступленіе, понеже вѧщьши ѥсть наречена. Такъ какъ затѣмъ, по опущеніи ссылки на предыдущее правило, нужно было означить срокъ и образъ покаянія, то переводчикъ и прибавилъ то, чего не было въ латинскомъ пенитенціалѣ: г҃. лѣт҃. да покаѥтьсѧ ѿ хлѣбѣ и ѡ водѣ.

Не болѣе удовлетворительны замѣчанія проф. Павлова и относительно третьей статьи о святотатствѣ. Въ латинскомъ пенитенціалѣ говорится: „si quis aliquid de ministerio s. ecclesiae.... fraudaverit". Въ слав. запов.: аще кто ѿ монастырьскыꙗ цркве тъкмо что оукрадеть. По мнѣнію рецензента, въ греческомъ текстѣ могло стоять огреченное латинское слово: μηνιστέριον, которое славянскій переводчикъ принялъ за μοναστήριον. Для подкрѣпленія этой „гипотезы", не лишнее бы было указать хотя одинъ примѣръ употребленія въ греческихъ номоканонахъ слова: μηνιστέριον въ смыслѣ церковной утвари. Между тѣмъ въ цѣломъ рядѣ латинскихъ пенитенціаловъ стоитъ одно и тоже слово: „ministerium" въ смыслѣ церковной утвари, принадлежащей церквамъ вообще, а не монастырю въ особенности[162]). Если снять и въ этомъ случаѣ съ славянскаго переводчика упрекъ въ недомысліи, то объяснить употребленіе имъ слова: „монастырскія церкви" можно было бы лишь такимъ образомъ, что въ эпоху появленія этого славянскаго перевода никакихъ другихъ церквей и не было, кромѣ монастырскихъ, поэтому онъ и счелъ возможнымъ болѣе общую, по содержанію, статью латинскаго пенитенціала редижировать въ смыслѣ святотатства, совершаемаго въ монастырской (только) церкви. Эта „гипотеза" подтверждалась бы и статьей 48 слав. запов., соотвѣтствующею 88 ст. мерзеб. Въ латинскомъ сказано: „si qui monas-

---

[162]) Paris. 33, Hubert. 43, Vindob. 42, Bobiens. 38, Roman. VII, 9, Sangall. VI, 12, Jud. Clem. 2 (Wasserschleben, стр. 415, 383, 419, 410, 370, 428, 434).

teria spoliant". Въ славянскомъ: „аще кто крадеть черницю". Переводчикъ, раньше изъ ministerium сдѣлавшій монастырскую церковь, встрѣтившись съ статьей, которая спеціально говоритъ объ ограбленіи монастырей, чтобы не повторяться, превратилъ монастырь въ черницу. Проф. Павловъ оставилъ безъ объясненій переводъ этой послѣдней статьи, вѣроятно затруднялсь указать, съ какого бы огреченнаго латинскаго слова могла явиться въ славянскомъ переводѣ „черница" вмѣсто монастыря, равно какъ оставилъ безъ вниманія переводъ слова: perjuraverit. Въ одной изъ двухъ рядомъ стоящихъ статей это слово переведено: „проклинаетьсѧ", а въ другой: „клнетьсѧ". Что это—недомысліе, или вольность? И то, и другая должны быть равно непріятны рецензенту.

Списокъ своихъ возраженій противъ западнаго происхожденія славянской „Заповѣди св. отецъ" и вмѣстѣ доказательствъ въ пользу восточнаго ея происхожденія, проф. Павловъ заканчиваетъ филологическимъ замѣчаніемъ относительно словъ: „аще кто отравленна дѣлѧ погубитъ чл҃вѣка". Рецензентъ находитъ невозможнымъ, чтобы слова „отравленія дѣля" представляли собою переводъ латинскаго безпредложнаго: veneficio, и полагаетъ, что они могли быть лишь переводомъ греческаго: „διὰ φαρμάκου". Но вѣдь переводчикъ здѣсь опять вкладываетъ въ переводъ свою мысль, все равно имѣлъ-ли онъ дѣло съ греческимъ: „διὰ φαρμάκου", или съ латинскимъ: „veneficio". И греческое и латинское слово одинаково говорятъ объ *орудіи*, посредствомъ котораго совершается убійство, а славянскій переводчикъ говоритъ *о питіи*, съ которою дается кому-либо губительное снадобье Значитъ славянскій переводъ не былъ бы точнымъ воспроизведеніемъ и предполагаемаго проф. Павловымъ греческаго διὰ φαρμάκου. Есть и безъ этого предположенія средство объяснить, почему славянскій переводчикъ передалъ латинское „veneficio„ словами:

„отравленія дѣля“. Онъ напр. встрѣчалъ нѣсколько разъ въ латинскомъ пенитенціалѣ предлогъ per и переводилъ его на разныя манеры: и съ предлогомъ, и безъ предлога и даже другими грамматическими оборотами [163]) и, по всей вѣроятности, настолько былъ знакомъ съ послѣдними, чтобы встрѣтившееся ему слово: „veneficio“ переводить такъ, какъ если бы тутъ стояли слова: „per veneficium“, и если латинскія слова: „per cupiditatem“ могли быть переведены: „скупости ради“, то и слово „veneficio“ какъ тожественное съ „per veneficium“ могло быть переведено: „отравленія дѣля“ (см. Valicell. I, 84 у Шмитца, 307).

Проф. Павловъ считаетъ свои возраженія противъ западнаго происхожденія мерзебургскаго пенитенціала и славянской заповѣди настолько уничтожающими положенія рецензируемой книги, что, и по поводу моихъ указаній на всякіе другіе „слѣды“ запада въ славянскихъ памятникахъ, самъ разсуждаетъ и читателя располагаетъ разсуждать приблизительно такъ: если оказалось неосновательнымъ положеніе о западномъ происхожденіи славянской заповѣди, то могутъ-ли быть основательными и всякія другія соображенія о какихъ-либо другихъ слѣдахъ западнаго вліянія на востокъ? Пріемъ не совсѣмъ осторожный, такъ какъ я теперь съ большею силой, чѣмъ это было сдѣлано въ рецензированной проф. Павловымъ книгѣ, могу употребить его въ свою пользу: ужь если западное вліяніе доходило до того, что переведенъ былъ на славянскій языкъ латинскій пенитенціалъ, то нечего удивляться, какъ скоро откроются и какіе-либо другіе слѣды западнаго вліянія. И прежде всего я могу употребить этотъ пріемъ по поводу

---

[163]) Такъ per necessitatem въ 6 мерз. переведено: „нужею“, а въ 31-мъ: „бѣдою“; per iram (40 мерз.)—„съ гнѣвомъ“; per cupiditatem (47 мерз.)—„*скупости ради*“; per negligentiam (61 мер.)—„за лѣностью“; per ebrietatem ant voracitatem, per infirmitatem (17 мерз.)—„аще кто объядся. аще кто болѣзнуетъ“.

дальнѣйшихъ возраженій проф. Павлова противъ моихъ соображеній о западномъ вліяніи на „Чинъ надъ исповѣдающимся“, который содержится въ томъ-же, изданномъ Гейтлеромъ, синайскомъ молитвенникѣ, въ которомъ находится и славянскій списокъ „Заповѣди“, имѣющій значительные варіанты, сравнительно съ румянцевскимъ спискомъ. Самъ же проф. Павловъ между „Чиномъ“ и „Заповѣдью“ признаетъ тѣсную матеріальную связь, „такъ какъ принятіе исповѣди и наложеніе епитимій на кающагося составляютъ начало и конецъ одного и того же дѣла, совершаемаго духовникомъ нераздѣльно“ [164]). Разумѣется, если бы „Чинъ надъ исповѣдающимся“ совпадалъ съ извѣстными наукѣ греческими чинопослѣдованіями исповѣди, тогда не о чемъ было бы и спорить; но въ томъ-то и бѣда, что совпаденія нѣтъ. Гейтлеръ и за нимъ я указали только двѣ молитвы въ этомъ „Чинѣ“, которыя имѣютъ свой образецъ въ греческихъ молитвахъ Проф. Павловъ исправилъ эту ошибку и указалъ вмѣсто двухъ, четыре молитвы, имѣющія образецъ въ греческихъ чинопослѣдованіяхъ исповѣди. Но вѣдь чинопослѣдованіе исповѣди состоитъ не изъ молитвъ только, а обнимаетъ весь порядокъ дѣйствій духовника съ того самого момента, когда приходитъ къ нему кающійся на исповѣдь, и до того момента, когда духовникъ отпускаетъ отъ себя исповѣдавшагося. Отчего же остальное содержаніе „Чина“ не соотвѣтствуетъ греческимъ уставамъ? Не забудемъ, что славянскій „чинъ“ предназначался для новообращеннаго въ христіанство славянскаго народа (болгаръ), и что, если повѣрить проф. Павлову, константинопольская церковь имѣла уже въ то время оффиціальные покаянные уставы, составленные патріархомъ константинопольскихъ Іоанномъ Постникомъ. Сдѣланное мною сопоставленіе одного мѣста изъ славянскаго

---

[164]) *Павловъ*, стр. 30.

„Чина“ съ наставленіемъ объ исповѣди Отмара, аббата с. галленскаго, вызываетъ въ проф. Павловѣ ироническое замѣчаніе, что всякій, „имѣющій очи видѣти“, увидитъ, что между сопоставляемыми текстами нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Мы увидимъ далѣе, какіе славянскіе тексты почтенный ученый можетъ считать *переводами* съ греческаго. Я говорю не о буквальномъ переводѣ, такъ чтобы сразу въ глаза бросилось совпаденіе славянскаго и латинскаго текста; но кто прочитаетъ не одинъ разъ и со вниманіемъ сравнитъ содержаніе того и другаго текста, тотъ пожалуй и найдетъ много сходнаго между ними. Наставленіе объ исповѣди Отмара имѣетъ то несомнѣнное преимущество предъ соотвѣтствующими мѣстами въ греческихъ чинопослѣдованіяхъ, надписанныхъ именемъ Іоанна Постника, что встрѣчается уже въ рукописныхъ кодексахъ IX вѣка [165]), а самъ авторъ умеръ въ 761 году, слѣдовательно писалъ около половины VIII столѣтія, и противъ авторства его никто никогда не возбуждалъ никакихъ сомнѣній. Напротивъ, чинопослѣдованія съ именемъ Іоанна Постника никто до сихъ поръ не могъ ввести въ глубь исріи далѣе X столѣтія. Неизвѣстно, къ чему приведутъ дальнѣйшія открытія въ архивахъ, и даже будутъ ли сдѣланы такія открытія, благодаря которымъ было бы установлено съ несомнѣнностію, что патріархъ Іоаннъ Постникъ дѣйствительно составилъ покаянные уставы, надписанные его именемъ въ рукописяхъ, писанныхъ—самое малое—черезъ 300 лѣтъ послѣ его смерти. Проф. Павловъ и греческій подлинникъ мерзебургскаго пенитенціала, и старинные списки номоканона Постника надѣется найдти въ архивахъ, и не только надѣется, но и обязываетъ вѣрить, что въ архивахъ они есть. Все архивы да архивы! *Наука*, однако, *должна* привести себѣ въ ясность, на чемъ основывается эта вѣра въ ар-

---

[165]) Wasserschleben, стр. IX и 437.

хивы, почему ей нужно ожидать этихъ будущихъ архивныхъ открытій, и нѣтъ-ли въ ряспоряженіи ея такихъ фактовъ, въ виду которыхъ подобная надежда представлялась бы недостаточно обоснованною?

Къ немалому смущенію для ученыхъ, старшій изъ списковъ номоканона Постника, восходящій къ X в., надписывается именемъ Василія, а не Іоанна [166]), а тѣ позднѣйшіе, въ которыхъ читается уже имя Іоанна, представляютъ автора то патріархомъ константинопольскимъ, то монахомъ и діакономъ, и притомъ еще ученикомъ Василія Великаго, жившаго приблизительно лѣтъ за 200 до Іоанна Постника. Въ спискахъ встрѣчаются анахронизмы, изъ которыхъ самъ проф. Павловъ указываетъ цитату изъ Іоанна Лѣствичника и упоминаніе о монахахъ и монахиняхъ малой и великой схимы [167]); а въ позднѣйшихъ редакціяхъ есть и другіе анахронизмы, напр. ссылка на патріарха Меѳодія (изъ IX в.) [168]). Св. Исидоръ Севильскій († 636) въ своемъ сочиненіи „De viris illustribus“, или иначе: „De scriptoribus ecclesiasticis“, дающій точныя біографическія и библіографическія свѣдѣнія о патріархѣ константинопольскомъ Іоаннѣ Постникѣ и упоминающій о написанномъ этимъ послѣднимъ сочиненіи о таинствѣ крещенія, ни слова не говоритъ о томъ, чтобы патріархъ Іоаннъ Постникъ писалъ какія-либо сочиненія объ исповѣди и покаяніи, хотя этотъ предметъ долженъ бы былъ интересовать автора, такъ какъ и самъ онъ писалъ однородныя сочиненія [169]). Но пусть это западный писатель, который могъ и не знать нѣкоторыхъ литературныхъ трудовъ Іоанна Постника. Всего удивительнѣе то, что патріархъ Фотій въ сво-

---

[166]) Мюнхен. библ. № 498. *Павловъ*, стр. 41.

[167]) *Павловъ*, стр. 46.

[168]) Въ той редакціи номоканона, которая напечатана въ синтагмѣ Раллиса и Потлиса (IV, 433).

[169]) *Морин*ъ, Comment. de admin. sacr. poen. 615. Ср. Fabricii, Bibliotheca latina mediae et infimae aetatis, t. III, p. 467.

емъ знаменитомъ библіографическомъ трудѣ (который обыкновенно называютъ Μυριοβίβλιον или Bibliotheca), обнявшемъ 280 прочитанныхъ имъ сочиненій, съ краткимъ изложеніемъ содержанія прочитанныхъ сочиненій, и содержащемъ даже извлеченія изъ однородныхъ съ предполагаемыми сочиненіями Постника сочиненій латинянина Іоанна Кассіана, не говоритъ ни слова объ Іоаннѣ Постникѣ [170]), что̀ онъ безусловно долженъ бы былъ сдѣлать, если бы въ его время употреблялся въ церковной практикѣ номоканонъ Іоанна Постника, какъ руководство для всѣхъ греческихъ духовниковъ. Но и этимъ еще не оканчиваются затрудненія для тѣхъ, кто желалъ-бы приписать авторство покаянныхъ уставовъ Іоанну Постнику. Не ранѣе, какъ съ конца XI в. начинаютъ высказываться у грековъ неблагопріятныя мнѣнія о покаянномъ уставѣ Постника. Въ концѣ XI в. Никонъ Черноризецъ, какъ бы предвидя, что впослѣдствіи русскій ученый проф. Павловъ будетъ стараться поставить въ связь номоканонъ Постника съ правилами трулльскаго собора [171]) отозвался объ этомъ номоканонѣ, какъ книгѣ неподлинной на томъ, между прочимъ, основаніи, что трулльскій соборъ, подробно и исчерпывающимъ образомъ (въ пр. 2-мъ) перечисляющій все, чѣмъ могла руководиться восточная церковь въ своей практикѣ, не упоминаетъ имени Іоанна Постника, и что даже соборъ 920 г. (т. н. соборъ соединенія при Константинѣ и Романѣ, по поводу 4-го брака Льва Философа, установившій, какому покаянію слѣдуетъ подвергать двоебрачныхъ и троебрачныхъ) не сослался на номоканонъ Постника, въ которомъ можно было найдти соотвѣтствующія статьи [172]). А въ началѣ XII в. состоялось даже оффиціальное осужденіе книги

---

[170]) Hergenröther, Photius Patriarch von Konstantinopel. III, 25.

[171]) Объ этомъ сейчасъ будетъ сказано.

[172]) *Горскій и Невоструевъ*, Описс. слав. рук. моск. синод. библ. отд. II, 3, № 226, описс. стр. 44—45.

Постника, какъ книги вредной, многихъ погубившей, со стороны константинопольскаго патріарха Николая Грамматика[173]). Какъ это мало вязалось бы съ традиціоннымъ авторитетомъ номоканона, молчаливо одобреннаго, по словамъ проф. Павлова, самимъ трулльскимъ соборомъ, втеченіе пяти столѣтій примѣнявшагося въ практикѣ церковной безъ всякихъ сомнѣній и возраженій, а потомъ вдругъ черезъ 500 лѣтъ оказавшагося не только подозрительнымъ со стороны его подлинности, но и вреднымъ съ точки зрѣнія церковной дисциплины! Распространеніе пенитенціаловъ по рукамъ духовниковъ и реакція противъ пенитенціаловъ со стороны церковнаго правительства наблюдаются, какъ извѣстно, и на западѣ. Но тамъ мы видимъ явленія, исторически правильно совершающіяся, въ ихъ естественномъ порядкѣ и доступной для человѣческаго разумѣнія связи. Въ VIII в. на континентѣ Европы распространяются пенитенціалы въ разнообразныхъ редакціяхъ съ именами составителей, и безъименные, и съ начала IX в. уже начинается реакція: соборы епископовъ, въ разныхъ мѣстахъ собиравшіеся, постановляютъ принять мѣры къ искорененію этихъ книжонокъ, quorum incerti sunt auctores, certi errores[174]); отдѣльные представители оффиціальнаго взгляда, какъ Рабанъ Мавръ, стараются составить такіе пенитенціалы, которые бы отвѣчали оффиціальнымъ церковнымъ взглядамъ. На востокѣ, напротивъ, если повѣрить проф. Павлову, что номоканонъ Постника дѣйствительно былъ написанъ патріархомъ Іоанномъ Постникомъ въ концѣ VI столѣтія, происходило нѣчто совершенно непостижимое и невѣроятное: номоканонъ составленъ не неизвѣстнымъ какимъ нибудь авторомъ, а патріархомъ, который первый назвалъ себя „вселенскимъ“, молчаливо одоб-

---

[173]) Συντ. IV, 425.

[174]) См. Обтемъ дисц. суда, стр. 135.

ренъ или подтвержденъ трулльскимъ соборомъ, дѣйствовалъ втеченіе пяти столѣтій, и потомъ черезъ пять сотъ лѣтъ наконецъ началась реакція; другой патріархъ, конца XI и начала XII ст., называетъ номоканонъ книгой опасной и вредной. Если бы даже руководство для греческихъ духовниковъ составлено было какимъ нибудь частнымъ анонимомъ въ концѣ VI в., то слѣдовало бы ожидать, что возраженія и сомнѣнія въ каноническомъ достоинствѣ этого руководства явились бы вскорѣ же послѣ того, какъ руководство разошлось по рукамъ духовниковъ и обратило на себя вниманіе церковнаго правительства, какъ это и было на западѣ. А обратить вниманіе на такое руководство церковное правительство тѣмъ болѣе должно было въ концѣ VI или въ началѣ VII в., что шестой или седьмой вѣкъ еще не такъ далеко отстоялъ отъ времени составленія суровыхъ покаянныхъ правилъ Василія Великаго, какъ десятый или одиннадцатый вѣка: вѣдь въ покаянномъ номоканонѣ Постника проведена другая система, чѣмъ въ правилахъ Василія Великаго и древнихъ соборовъ анкирскаго, I вселенскаго и другихъ—система, такъ сказать, интензивнаго покаянія при краткихъ срокахъ, между тѣмъ какъ древніе каноны назначаютъ покаяніе продолжительное, иногда даже пожизненное. Втеченіе пяти столѣтій могло бы даже и частное безъименное руководство, не встрѣтившее возраженій вслѣдъ за своимъ появленіемъ, пустить настолько глубокіе корни въ практику церковную, что черезъ 500 лѣтъ всякія возраженія и тѣмъ болѣе со стороны церковнаго правительства, охраняющаго создавшуюся вѣками практику, были бы неумѣстны. И напротивъ, если въ XI и XII вв. раздались голоса неодобрительные, то это значитъ, что церковно-общественное явленіе, вызвавшее эти голоса—распространеніе духовническихъ руководствъ съ именемъ Іоанна Постника, было явленіемъ недавнимъ для XI в. (какъ это и было на западѣ), которое и обратило на себя вниманіе не

только частныхъ лицъ, но и церковно-правительственныхъ. Поэтому я и теперь, какъ и въ рецензированномъ проф. Павловымъ изслѣдованіи, продолжаю считать болѣе вѣроятнымъ, что дошедшія до насъ съ именемъ патріарха Іоанна Постника греческіе покаянные уставы явились не раньше IX столѣтія въ отпоръ латинскимъ пенитенціаламъ.

Какъ отрицательные аргументы, т. е. возраженія проф. Павлова противъ означеннаго моего предположенія, такъ и приводимыя имъ положительныя доказательства подлинности покаянныхъ уставовъ Постника нисколько не обезсиливаютъ этого предположенія. Въ одномъ только пунктѣ возраженія рецензента основательны, именно въ отношеніи къ высказанному кардиналомъ Питрою и повторенному мною замѣчанію, что самая канонизація Іоанна Постника состоялась въ связи съ распространеніемъ его уставовъ. Но пусть имя Іоанна Постника внесено было въ агіологій въ седьмомъ еще вѣкѣ, какъ доказываетъ проф. Павловъ, вопросъ о подлинности надписанныхъ его именемъ уставовъ не подвигается отъ этого ни на шагъ къ своему разрѣшенію въ смыслѣ, благопріятномъ для проф. Павлова.

Еще задолго до IX в. Іоаннъ Постникъ почитался восточною церковною какъ святой,—прекрасно: стало быть, тѣмъ естественнѣе могли въ IX в. придти къ мысли скрѣпить распространяющіеся уставы авторитетомъ его почитаемаго имени. Странно, что проф. Павловъ, передавая мою ссылку на историческій фактъ вразумленій, представленій и жалобъ со стороны Григорія Великаго по поводу принятія Постникомъ титула вселенскаго патріарха, не воздержался отъ слѣдующаго неумѣстнаго вопроса: „и такъ сами греки сознавали, что Іоаннъ Постникъ *былъ не въ своемъ разумѣ*, когда отстаивалъ привиллегіи своего престола?“. Откуда вытекаетъ этотъ выводъ, извѣстно только одному рецензенту. Я думаю, что не только греки, но и самъ Григорій Великій не счи-

талъ патріарха Іоанна Постника дѣйствующимъ „не въ своемъ разумѣ“; вразумленія возможны въ отношеніи къ лицу, находящемуся въ полномъ обладаніи разумомъ, но неправильно разсуждающему и дѣйствующему. Исторія какъ будто и въ самомъ дѣлѣ мало оправдала тутулъ вселенскаго патріарха, который послѣ Іоанна Постника стали носить всѣ его преемники на константинопольской каѳедрѣ... Предположеніе мое, что уставы съ именемъ Постника выражаютъ собою извѣстную реакцію латинскимъ покаяннымъ уставамъ, вызываетъ со стороны проф. Павлова прежде всего слѣдующій вопросъ: что это за „оппозиція“, говоритъ онъ, состоящая въ подражаніи западнымъ образцамъ, въ исправленіи по нимъ церковной практики? Проф. Павловъ, видно, забылъ на этотъ разъ, какимъ образомъ выразился отпоръ католицизму въ русской церкви первой половины XVII в. Когда выяснилась потребность имѣть, въ отпоръ католицизму, катихизисъ, т. е. формулированіе православнаго вѣроученія, въ отличіе отъ другихъ вѣроисповѣданій, и требникъ, т. е. литургическое рукуводство для совершенія священнодѣйствій, эта потребность удовлетворена была такимъ образомъ, что составители православныхъ руководствъ приняли въ соображеніе католическую систему и католическій церковный порядокъ и даже многое заимствовали оттуда [175]). Система церковныхъ покаяній, говоритъ далѣе рецензентъ, о которой свидѣтельствуетъ такъ называемый Постниковъ номоканонъ, установилась на востокѣ за долго до раздѣленія церквей и совершенно независимо отъ какой-либо оппозиціи западу. Уже раньше проф. Павловъ въ своихъ замѣчаніяхъ о грузинскомъ номоканонѣ [176]) старался связать номоканонъ Постника съ 102 прав. трулльскаго собора 692 г. и найдти въ послѣднемъ

---

[175]) См. Курсъ ц. пр., I, 337—340.

[176]) Письмо къ академику Брессе въ Ученыхъ запискахъ Имп. Акад. Наукъ за 1874 г.

„молчаливое“ подтвержденіе этого номоканона. Теперь онъ снова дѣлаетъ это и снова сопоставляетъ выдержки изъ номоканона Постника съ 102 пр. трул. собора., хотя, повидимому, уже не рѣшается сказать навѣрно, соборъ-ли имѣлъ передъ собой покаянный номоканонъ, или напротивъ авторъ номоканона слѣдовалъ соборному правилу. Для читателя, „имѣющаго очи видѣти“,—употребляя выраженіе проф. Павлова,—сразу видно, что сходства между сопоставляемыми мѣстами гораздо менѣе, чѣмъ между вышеупомянутымъ наставленіемъ Отмара объ исповѣди и мѣстомъ изъ славянскаго „Чина надъ исповѣдающимся“, не смотря на то, что проф. Павловъ старался выбрать наиболѣе, такъ сказать, выпуклыя мѣста изъ *трехъ* разныхъ редакцій покаяннаго устава Постника. Но можетъ быть, по содержанію, если не по внѣшней формѣ, сопоставляемыя мѣста совпадаютъ? По внимательномъ разсмотрѣніи ихъ содержанія, окажется, что и смыслъ 102 пр. трул. соб., и смыслъ приводимыхъ проф. Павловымъ мѣстъ изъ покаяннаго номоканона разныхъ редакцій, и историческое отношеніе между 102 правиломъ и номоканономъ Постника, представляются проф. Павловымъ произвольно и неправильно.

102 пр. трул. соб. (Συντ. II, 548—549).

Δεῖ τοὺς ἐξουσίαν λύειν καὶ δεσμεῖν παρὰ θεοῦ λαβόντας, σκοπεῖν τὴν τῆς ἁμαρτίας ποιότητα, καὶ τὴν τοῦ ἡμαρτηκότος πρὸς ἐπιστροφὴν ἑτοιμότητα, καὶ οὕτω κατάλληλον τὴν θεραπείαν προσάγειν τῷ ἀῤῥωστήματι, ἵνα μὴ τῇ ἀμετρίᾳ καθ' ἑκάτερον χρώμενος, ἀποσφαλείη πρὸς τὴν

Νομοκάνων σὺν Θεῷ ἁγιωτάτου ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ιωάννου τοῦ Νηστευτοῦ περὶ ἐξαγορεύσεως διαφορᾶς καὶ περὶ ἁμαρτημάτων (Pitra, Spicil. Solesm., IV, 438).

Ὅτι δεῖ τὸν δεχόμενον τὴν ἐξομολόγησιν μὴ εἰς ὄγκον μηδὲ εἰς πλῆθος βλέπειν ἁμαρτημάτων, εἰ καὶ ὑπὲρ φύσιν εἰσὶ τὰ

σωτηρίαν τοῦ κάμνοντος. Οὐ γὰρ ἁπλῆ τῆς ἁμαρτίας ἡ νόσος, ἀλλὰ ποικίλη καὶ πολυειδὴς, καὶ πολλὰς τῆς βλάβης τὰς παραφυάδας βλαστάνουσα, ἐξ ὧν τὸ κακὸν ἐπὶ πολὺ διαχεῖται, καὶ πρόσω βαίνει, μέχρις ἄν σταίη τῇ δυνάμει τοῦ θεραπεύοντος. Ὥστε τὸν τὴν ἰατρικὴν ἐν Πνεύματι ἐπιστήμην ἐπιδεικνύμενον, πρότερον χρὴ τὴν τοῦ ἡμαρτηκότος διάθεσιν ἐπισκέπτεσθαι, καὶ εἴτε πρὸς τὴν ὑγείαν νεύει, ἢ τοὐναντίον, διὰ τῶν οἰκείων τρόπων προσκαλεῖται καθ' ἑαυτοῦ τὸ ἀῤῥώστημα, ἐφορᾶν, ὅπως τε τῆς ἐν τῷ μεταξὺ προνοεῖται ἀναστροφῆς, καὶ εἰ μὴ τῷ τεχνίτῃ ἀντιπαλαίει, καὶ τὸ τῆς ψυχῆς ἕλκος διὰ τῆς τῶν ἐπιτιθεμένων φαρμάκων αὐξάνει προσαγωγῆς, καὶ οὕτω τὸν ἔλεον κατ' ἀξίαν ἐπιμετρεῖν. Πᾶς γὰρ λόγος Θεῷ καὶ τῷ τὴν ποιμαντικὴν ἐγχειρισθέντι ἡγεμονίαν τὸ πλανώμενον πρόβατον ἐπαναγαγεῖν καὶ τρωθὲν ὑπὸ τοῦ ὄφεως ἐξιάσασθαι, καὶ μήτε κατὰ κρημνῶν ὠθῆσαι τῆς ἀπογνώσεως, μήτε τὸν χαλινὸν ὑπενδοῦναι πρὸς τὴν τοῦ βίου ἔκλυσίν τε καὶ καταφρόνησιν· ἀλλ' ἑνί γε τρόπῳ πάντως, εἴτε διὰ ἁμαρτήματα· ἀλλ' εἰς μόνην φορεῖ (ἐφορᾶν) τὴν τοῦ Θεοῦ εὐσπλαγχνίαν καὶ πᾶσαν ἱλαρότητα καὶ χρηστολογίαν ἔχειν τότε πρὸς τὸν ἐξομολογούμενον. Καὶ τὸν ἐξομολογούμενον δὲ πεπιστευμένον εἶναι, ὅτι ὥσπερ ὁ νηπτὴρ τὸν ῥύπον ὑποδέχεται τοῦ νυπτομένου, οὕτω καὶ αὐτὸν σαφῶς εἰδέναι χρὴ, ὅτι παρόμοιως ὁ τὴν ἐξομολόγησιν δεχόμενος τὰ τοῦ ἐξαγορεύοντος βαστάζειν βάρη".

Ιωάννου μοναχοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Νηστευτοῦ λόγος πρὸς τὸν μέλλοντα ἐξαγορεῦσαι τὸν ἑαυτοῦ πνευματικὸν υἱόν (Morinus, 628).

„Οὐ γὰρ ὅ θέλει ὀφείλει διδόναι ὁ επιτιμῶν τὸ ἐπιτίμιον, οὐδὲ ὅ πρέπει ἀπαιτεῖν, ἀλλ' ὅ φυλάξαι προαιρεῖται ὁ ἐπιτιμώμενος, ὅτι οὐ πρὸς τὴν αναλογίαν τῶν ἁμαρτημάτων παρὰ τοῖς χρηστοῖς εὐσπλάγχνοις καὶ χριστομίμητοις, καὶ τοῖς καλῶς διακρῖναι δυναμένοις, καὶ πρόσωπον, καὶ φύσιν, καὶ ὥραν, καὶ τόπον, καὶ ἀγνωσίαν, καὶ νεότητα, καὶ γῆρας,

τῶν αὐστηροτέρων τε καὶ στυφόντων, εἴτε διὰ τῶν ἀπαλωτέρων τε καὶ πραοτέρων φαρμάκων, κατὰ τοῦ πάθους στῆναι, καὶ πρὸς συνούλωσιν τοῦ ἕλκους ἀνταγωνίζασθαι, τοὺς τῆς μετανοίας καρποὺς δοκιμάζοντι, καὶ οἰκονομοῦντι σοφῶς τὸν πρὸς τὴν ἄνω λαμπροφορίαν καλούμενον ἄνθρωπον. Αμφότερα τοίνυν εἰδέναι ἡμᾶς χρὴ, καὶ τὰ τῆς ἀκριβείας, καὶ τὰ τῆς συνηθείας. Ἔπεσθαι δὲ ἐπὶ τῶν μὴ καταδεξαμένων τὴν ἀκρότητα τῷ παραδοθέντι τύπῳ, καθὼς ὁ ἱερὸς ἡμᾶς ἐκδιδάσκει Βασίλειος.

δίδονται τὰ ἐπιτίμια, ἀλλὰ πρός τὴν οἵαν εἶπον σύγκρισιν καὶ διάκρισιν, καὶ τοῦ διακρῖναι ὀφείλοντος καὶ πρόσωπον καὶ ὥραν καὶ φύσιν ἀναλόγως τοῦ ἐξομολογουμένου".

Ακολουθία καὶ τάξις ἐπὶ ἐξομολογουμένων συνταγεῖσα ὑπὸ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ιωάννου τοῦ Νηστευτοῦ (Morinus, 620).

(Послѣ выслушанія исповѣди, духовникъ говоритъ исповѣдавшемуся:) τί τέκνον ἰσχύεις φολάξαι; и затѣмъ идетъ слѣдующ. разсужденіе: κατὰ γὰρ ἰσχὺν καὶ προαίρεσιν τοῦ δεχομένου τὰ ἐπιτίμια δίδονται, καὶ οὐ κατὰ ἀναλογίαν τῶν ἡμαρτημένων αὐτῷ· ἐνδέχεται γὰρ τὸν μὲν ὀλίγα ἁμαρτάνοντα πρόθυμον ὄντα μέγα λαβεῖν ἐπιτίμιον, ἵνα μὴ μόνον ἄφεσιν ἁμαρτιῶν, ἀλλὰ καὶ στέφανον κομίσηται. τὸν δὲ πολλὰ πταίσαντα ῥάθυμον ὄντα μικρὰν ἔχειν ἐπιτίμησιν, ὡς ἂν μὴ καταποθῇ τῷ βάρει, καὶ ῥαθυμήσας ἀφέσῃ πάντα· οὐ γὰρ προσετάγημεν βάρη κουφίζειν καὶ βάρη ἐπιτεθεῖν. Χρηστὸς γὰρ ἐστὶν ὁ

τοῦ Χριστοῦ ζυγὸς, καὶ τὸ φορτίον ἐλαφρόν. Διακρίνειν δὲ ὀφείλει φιλευσπλάγχνως καὶ προσώπων διαφορὰν, καὶ καιρῶν, καὶ τόπων, καὶ γνώσεως, καὶ ἀγνωσίας, καὶ ἐν πᾶσι τῷ σκοπῷ τῶν ἁγίων πατέρων ἐξακολουθεῖν. (Послѣ ссылки на Златоуста и Василія В., которые говорятъ, что не временемъ опредѣляется покаяніе, а расположеніемъ души и образомъ покаянія, и на примѣры ниневитянъ, которымъ немного дней потребовалось для покаянія, а всего три дня, а также разбойника, которому даже и многихъ часовъ не понадобилось для покаянія, авторъ продолжаетъ:) ταῦτα οὖν εἰδὼς μὴ κατὰ τὴν ἀκρίβειαν τῶν θείων κανόνων διορίζειν τὰ ἐπιτίμια, ἀλλὰ κατὰ τὴν ποιότητα τοῦ προσώπου.

Трулльскій соборъ говоритъ, что *получившіе отъ Бога власть вязать и рѣшить* должны разсматривать качество грѣха и готовность согрѣшившаго къ обращенію и такимъ образомъ употреблять врачеваніе, соотвѣтствующее болѣзни грѣха, которая имѣетъ разные виды и развѣтвленія; такимъ образомъ духовный врачъ долженъ смотрѣть на внутреннее расположеніе согрѣшившаго и на его поведеніе при врачеваніи: если больной врачу не сопротивляется и прикладыва-

ваетъ къ ранамъ тѣ лѣкарства, которыя указаны врачемъ, въ такомъ случаѣ можно оказать ему и снисхожденіе, ибо у Бога, равно какъ и у того, на кого Богъ возложилъ пастырское попеченіе о душахъ, вся забота о томъ, чтобы заблудившуюся овцу найдти и ужаленную змѣемъ исцѣлить; этою именно мыслію (а не мыслію о сатисфакціи) и долженъ руководиться духовный врачъ при примѣненіи тѣхъ или другихъ врачебныхъ мѣръ—суровыхъ или вяжущихъ, или мягкихъ и легкихъ, чтобы и въ отчаяніе не повергать, и къ распущенности не поощрять; итакъ намъ слѣдуетъ, говорятъ въ заключеніе члены трулльскаго собора, знать и то и другое: καὶ τὰ τῆς ἀκριβείας, καὶ τὰ τῆς συνηθείας; въ отношеніи же къ тѣмъ, которые не принимаютъ совершенства, нужно слѣдовать преданному уставу, согласно съ постановленіемъ Василія Великаго.—Итакъ самъ соборъ ссылается на Василія Великаго и ссылается притомъ такъ, что можно съ точностію обозначить то правило, на которое онъ ссылается, такъ какъ послѣднія слова буквально взяты изъ 3 пр. Василія Великаго. Въ этомъ правилѣ рѣчь идетъ о дьяконѣ, совершившемъ блудъ по принятіи сана: для дьякона считается достаточнымъ изверженіе изъ сана безъ какого-либо другаго церковнаго наказанія, частію на основаніи древняго закона: „не отмстиши дважды за едино“, частію потому, что изверженіе есть лишеніе правъ безповоротное, между тѣмъ какъ міряне, проходящіе покаяніе, безповоротному лишенію правъ не подвергаются, такъ что и этого одного наказанія достаточно для виновнаго дьякона. Такъ слѣдуетъ, говоритъ Василій Великій, *по уставамъ* (τὰ ἐκ τῶν τύπων). Но вообще истинное врачеваніе есть удаленіе отъ грѣха, т. е. слѣдуетъ считать излѣченнымъ не того, кто понесъ положенное по уставамъ наказаніе, а того, кто дѣйствительно укрощаетъ свои страсти и перестаетъ грѣшить. Поэтому, говорится въ заключеніе правила, намъ должно знать и то

и другое—καὶ τὰ τῆς ἀκριβείας, καὶ τὰ τῆς συνηθείας, ἔπεσθαι δὲ ἐπὶ τῶν μὴ καταδεξαμένων τὴν ἀκρότητα τῷ παραδοθέντι τύπῳ. Итакъ трулльсскій соборъ буквально повторилъ въ концѣ 102 пр слова Василія Великаго. Какой же смыслъ имѣли эти слова у Василія Великаго? Что чему противополагается? Нужно, говоритъ онъ, обращать вниманіе и на точныя требованія правилъ относительно сроковъ покаянія, и на обычаи, привычки, *состояніе* или на *расположеніе души* преступника, т. е. на то, продолжаетъ-ли онъ грѣшить, или обуздываетъ свои страсти и тѣмъ являетъ лучшее доказательство своего излѣченія. Возможно, слѣдовательно, что низложенный за грѣхъ будетъ продолжать грѣшить, тогда онъ долженъ разсматриваться, какъ не принимающій совершенства покаянія,—къ нему и примѣняется буквально строгое каноническое правило объ изверженіи, безъ какихъ-либо дальнѣйшихъ врачебныхъ мѣръ, которыхъ онъ не принимаетъ. Или, вовторыхъ, возможно, что низложенный за грѣхъ будетъ стараться укрощать свои страсти,—такого больного, который самъ стремится къ излѣченію, нельзя оставить безъ врачебной помощи, а нужно указать ему лѣкарство, сообразное съ состояніемъ его духа.—Канонисты расходятся между собою въ пониманіи этого правила. Совершившій блудъ и низложенный за то, говоритъ Вальсамонъ въ толкованіи на это правило, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ заслужившій милосердіе Божіе тѣмъ только, что онъ низложенъ, если онъ пребываетъ еще въ грѣхѣ и не умилостивилъ Бога дѣлами покаянія; поэтому врачъ этого рода ранъ долженъ съ одной стороны знать точныя постановленія правилъ, т. е. наказаніе низложеніемъ за блудъ, а съ другой стороны не обязанъ безусловно слѣдовать этимъ постановленіямъ въ томъ смыслѣ, чтобы оставлять безъ епитиміи продолжающаго грѣшить и послѣ низложенія, напротивъ онъ отлучаетъ его, или налагаетъ на него другія епитиміи, какъ

и на мірянина, впадающаго въ грѣхъ [177]).

Выраженіе Василія Великаго: „въ отношеніи же къ тѣмъ, которые не принимаютъ совершенства, слѣдовать преданному уставу“ Вальсамонъ оставляетъ безъ объясненій; изъ ссылки его на 59 пр. Василія В., назначающее блуднику семилѣтнюю епитимію, можно бы было, повидимому, заключать, что не принимающій совершенства покаянія, не стремящійся къ высотѣ долженъ быть подвергнутъ, кромѣ низложенія, семилѣтнему покаянію безъ всякаго послабленія. Но, въ виду того, что говорится Зонарой и самимъ Вальсамономъ въ толкованіи на 102 трул. едва-ли правильно было бы такое заключеніе. Зонара, разумѣющій подъ уставами (τύποι), на которые ссылается Василій В., то, что установлено долговременнымъ обычаемъ, даетъ противоположенію Василія В. слѣдующій смыслъ: если грѣшникъ готовъ подчиниться точнымъ постановленіямъ каноновъ относительно сроковъ покаянія, съ нимъ и нужно поступать въ сообразность этимъ требованіямъ; если же онъ не принимаетъ совершенства, тогда должно поступать съ нимъ согласно съ преданнымъ уставомъ, т. е. съ обычаемъ. Слѣдовательно, никакія эпитиміи, по мнѣнію Зонары, непримѣнимы къ низложенному дьякону, который самъ не изъявляетъ готовности принять ихъ и такимъ образомъ не стремится къ высотѣ нравственнаго выздоровленія, не принимаетъ совершенства. Подъ „συνήθεια“ Зонара разумѣетъ тотъ самый уставъ (τύπος), по которому наказаніе соблудившаго дьякона ограничивается однимъ извержеміемъ (25 апост. пр.). Съ этимъ же мнѣніемъ сходится и Аристинъ, который совсѣмъ не пытается объяснить

---

[177]) Συντ. IV, 101: „ὥστε οφείλει ὁ ἰατρὸς τοῦ ψυκικοῦ αὐτοῦ τραύματος εἰδέναι μὲν καὶ τὴν ἀκρίβειαν, ἤγουν τὴν δια τῆς καθαιρέσεως κόλασιν τοῦ πορνεύοντος κληρικοῦ, μὴ ακολουθεῖν δὲ τούτῃ ἐξ ἀνάγκης, καὶ τὸν μετὰ τὴν καθαίρεσιν πορνεύοντα ἀνεπιτίμητον καταλιμπάνειν, ὡς ἤδη κολασθέντα διὰ τῆν καθαιρέσεως, ἀλλὰ καὶ αφορίζειν ὡς εἰς τόπον ἐλθόντα λαϊκοῦ καὶ ἀλλως ἐπιτιμᾶν κατὰ τὴν δύναμιν τοῦ ἰατρευομένου“.

смыслъ противоположенія въ 3 пр. Василія В., и довольствуется краткимъ замѣчаніемъ, что для низложеннаго дьякона достаточно одного наказанія—извержения, къ святому же причащенію онъ допускается безпрепятственно. Резюмируя содержаніе толкованій канонистовъ на 3 пр. Василія В., мы можемъ сказать, что если съ συνήθεια и связывается мысль объ обычаѣ (какъ это явственно сдѣлано Зонарой), то подъ обычаемъ разумѣется древнее каноническое право, суровость котораго состоитъ въ томъ, что оно точно соразмѣряетъ наказаніе съ преступленіемъ, помимо соображеній о возможномъ духовномъ уврачеваніи этого грѣшника, которое можетъ быть достигнуто приличною епитиміей, при томъ предположеніи, если самъ грѣшникъ стремится къ совершенству, къ совершенному покаянію, или къ совершенному уврачеванію. Таковъ дѣйствительно и есть смыслъ правила Василія В., только Зонара придалъ ему тотъ неправильный оттѣнокъ, будто отношеніе церкви къ дьякону, не стремящемуся къ совершенству, должно быть болѣе снисходительно, чѣмъ къ дьякону, обуздывающему свои страсти и являющему готовность къ уврачеванію Въ отношеніи къ первому должно дѣйствовать точно опредѣленное церковное правило о низложеніи; въ отношеніи къ второму должны имѣть мѣсто врачебныя мѣры, которыхъ самъ онъ желаетъ, стремясь къ совершенству.

Трулльскій соборъ въ 102 пр. говоритъ не о дьяконѣ, низложенномъ за блудъ, а вообще о грѣхахъ вѣрующихъ, и вышеприведенныя слова Василія В. обобщаетъ примѣненіемъ ихъ ко всѣмъ вѣрующимъ. Смыслъ получается такой: не слѣдуетъ, при врачеваніи грѣховъ, впадать ни въ ту, ни въ другую крайность—ни повергать въ отчаяніе тяжестію епитиміи, ни располагать къ разнузданности и распущенности легкостію ея, а напротивъ должно имѣть въ виду то и другое—и точныя требованія каноническихъ правилъ, и внут-

реннее настроеніе врачуемаго и условливаемое его состояніемъ снисхожденіе, въ отношеніи же къ тѣмъ, которые сами добровольно не стремятся къ совершенству, къ совершенному покаянію, поступать согласно преданному уставу, какъ Василій Великій учитъ, т. е. по буквѣ правилъ. Посмотримъ теперь, что сдѣлали канонисты XII в. изъ этого правила. Вальсамонъ, сначала отожествивъ, повидимому „τα τῆς συνηθείας“ съ „τὰ τῆς συμπαθείας“ связываетъ потомъ съ „συμπάθεια“ идею установившагося и утвержденнаго временемъ обычая: нужно знать, говоритъ онъ, и точные сроки каноническихъ епитимій, и болѣе снисходительные обычаи, и иногда излѣчивать болѣзни на точномъ основаніи каноновъ, когда больной не обременяется этого рода врачеваніемъ и охотно принимаетъ его, иногда же прибѣгать къ *обычнымъ и болье снисходительнымъ* лѣкарствамъ, когда врачуемые не такъ охотно подчиняются имъ, ибо этимъ обычнымъ или снисходительнымъ епитиміямъ никто не сталъ бы противиться. Какъ объяснить затѣмъ послѣднія слова: „въ отношеніи же къ непринимающимъ совершенства слѣдовать преданному уставу“, Вальсамонъ умалчиваетъ. Но мысль его очевидно та же, которая явственно выражена Зонарой, и которая совершенно не согласуется ни съ мыслію Василія В, ни съ мыслію 102 трул. Зонара также отожествляетъ „συνήθεια“ съ „συμπάθεια“ и также связываетъ съ „συμπάθεια“ идею долговременнаго обычая, забывъ, что въ толкованіи на 3 пр. Василія В. онъ связывалъ эту идею съ каноническимъ уставомъ (τύπος), т. е. съ точными постановленіями каноновъ о церковномъ наказаніи и, приводя слова Василія В. и трульскаго 102 правила, получаетъ неожиданный выводъ, будто бы для тѣхъ именно и должно быть допускаемо это обычное снисхожденіе, которые не принимаютъ совершенства покаянія [178]).

[178]) „Καὶ ὁ μέγας Βασίλειος ἐπὶ τῶν μὴ καταδεχομένων τὴν ἀκρότητα τῶν παραδοθέντων τ ύ π ω ν, ἕπεσθαι τῇ σ υ ν η θ ε ί ᾳ ἐδίδαξε“ (Συντ. II, 552).

Между тѣмъ какъ Василій В. и трулльскій соборъ съ совершенною ясностію рекомендуютъ въ отношеніи къ такимъ лицамъ слѣдовать τύπῳ, Зонара напротивъ говоритъ, что здѣсь нужно слѣдовать не τύπῳ, а συνηθεία. Между тѣмъ какъ, по мысли Василія В. и трул. 102 пр., ἀκρίβεια есть нѣчто нераздѣльно связанное съ τύπος и противополагаемое *снисхожденію*, основанному не на какомъ-либо обычаѣ, а на соображеніи *внутренняго состоянія* или расположенія грѣшника, на большей или меньшей готовности его къ совершенству, въ отношеніи же непринимающихъ совершенства рекомендуется держаться за τύπος и за ἀκρίβεια, канонисты Зонара и Вальсамонъ противополагаютъ каноническому уставу и канонической строгости *снисходительный обычай* практики своего времени, по которому снисхожденіе оказывалось именно грѣшникамъ, не принимающимъ совершенства.

Посмотримъ теперь, что говорятъ разныя мѣста, извлеченныя проф. Павловымъ изъ разныхъ уставовъ, носящихъ имя Іоанна Постника. *Принимающій исповѣдь*, говорится въ первомъ извлеченіи, не долженъ обращать вниманіе ни на тяжесть, ни на множество грѣховъ, хотя бы грѣхи были и противоестественны, но долженъ смотрѣть единственно на милосердіе Божіе и оказывать всякое снисхожденіе исповѣдающемуся, а этотъ послѣдній долженъ быть увѣренъ, что какъ, при омовеніи ногъ, снимается грязь съ омываемаго, такъ и принимающій исповѣдь береть на себя тягости исповѣдавшагося. Духовникъ не долженъ давать епитимію, какую онъ хочетъ, говорится въ другомъ извлеченіи, и не тѣмъ соображеніемъ долженъ руководиться, какая епитимія соотвѣтствуетъ или приличествуетъ грѣху, а тѣмъ, какую епитимію можетъ соблюсти грѣшникъ, ибо не по сравнительной точности грѣховъ налагаются епитиміи мягкими и милосердыми подражателями Христа, которые могутъ взвѣсить вообще личность, характеръ, часъ, мѣсто, невѣдѣніе, юность,

старость, но по соображенію качествъ и обстоятельствъ именно даннаго лица. Въ третьемъ мѣстѣ, послѣ вопроса со стороны духовника исповѣдавшемуся: какую, чадо, епитимію понести ты въ силахъ? говорится, что епитиміи даются по силѣ и произволенію принимающаго епитимію, а не по сравнительной тяжести грѣховъ, ибо и мало согрѣшившій иногда готовъ взять на себя большую епитимію, чтобы получить не только отпущеніе грѣховъ, но и вѣнецъ, а иногда, напротивъ, и тяжкій грѣшникъ оказывается лѣнивымъ къ принятію на себя и малой епитиміи. Нужно, чтобы и послѣдній не палъ подъ тяжестію и не отказался совсѣмъ оть епитиміи, ибо мы не на то поставлены, чтобы облегчать тягости и налагать тягости, иго Христово благо, и бремя Его легко. Духовникъ долженъ любвеобильно соображать различіе лицъ, временъ, мѣстъ, вѣдѣнія, невѣдѣнія и во всемъ преслѣдовать опредѣленную св. отцами цѣль... Зная все это, духовникъ не долженъ опредѣлять епитиміи на основаніи лишь точнаго смысла каноновъ, но смотря по *качеству лица.*

Таково содержаніе цитируемыхъ проф. Павловымъ извлеченій изъ покаянныхъ уставовъ, носящихъ имя Іоанна Постника. Спрашивается, что же общаго между этими извлеченіями и 102 пр. трулльскаго собора? Съ точки зрѣнія внѣшней литературной формы, сходство заключается только въ томъ, что въ одномъ изъ извлеченій, какъ и въ 102 трул., упоминается слово: „ἀκρίβεια". Съ точки зрѣнія содержанія, сходство въ томъ, что покаянные уставы, какъ и трулльскій соборъ, развиваютъ мысль о непридаваніи безусловной силы опредѣленіямъ каноническихъ правилъ о срокахъ покаянія, въ виду индивидуальнаго различія качествъ и обстоятельствъ жизни лица, подлежащаго врачеванію, но эта мысль въ пенитенціалахъ проводится гораздо дальше, чѣмъ это сдѣлано соборомъ: всевозможное снисхожденіе дѣлается для непринимающихъ совершенства покаянія,—это таже самая мысль,

которую формулировали и канонисты XII в., очевидно почерпнувъ ее не изъ правила трулльскаго собора, а изъ покаянныхъ уставовъ. Затѣмъ существенная разница въ содержаніи сопоставляемыхъ проф. Павловымъ мѣстъ состоитъ въ томъ, что трулльскій соборъ говоритъ о принявшихъ отъ Бога власть вязать и рѣшить, а покаянные уставы о духовникахъ, выслушивающихъ исповѣдь. Повидимому, это одно и тоже: выходя изъ современнаго понятія о духовникѣ, можно сказать, что каждый священникъ—духовникъ получаетъ, вмѣстѣ съ посвященіемъ, власть связывающую и разрѣшающую. Но мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось указывать на то [179]), что объяснять исторію существующимъ въ настоящее время церковнымъ порядкомъ нельзя, и переносить на отдаленное прошлое понятія, сложившіяся послѣ XII в, было бы неправильнымъ научнымъ пріемомъ. Разъясненія мои, какъ видно, проф. Павловъ не удостоилъ принять въ соображеніе и полагаетъ, что подъ получившими отъ Бога ἐξουσίαν λύειν καὶ δεσμεῖν трулльскій соборъ разумѣетъ духовниковъ, принимающихъ исповѣдь. Этого не могло быть по той причинѣ, что, во времена трулльскаго собора, духовниками обыкновенно были монахи, не имѣвшіе пресвитерскаго сана [180]). Къ нимъ обращались, какъ къ людямъ опытнымъ въ духовной жизни, независимо отъ того, имѣли-ли они священный санъ, или нѣтъ [181]). Былъ ли Іоаннъ *монахъ* и *дьяконъ*, въ которомъ проф. Павловъ видитъ позднѣйшаго патріарха Іоанна

---

[179]) Объемъ дисц. суда, стр. 111—115, 152—153, 158—167. Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ восточной церкви, стр. 52—68, 72—75, 151—155.

[180]) По словамъ Вальсамона, даже игумены въ XII в. часто не имѣли духовнаго сана (къ 6 кареаг. Συντ. Ш, 312).

[181]) Напр. тотъ протоспатарій, котораго судили на соборѣ 869 г. за лжесвидѣтельство противъ патріарха Игнатія, заявилъ на соборѣ, что онъ, сознавая свой грѣхъ, ходилъ къ монаху, живущему 40 лѣтъ на столпѣ, исповѣдался ему въ этомъ преступленіи и получилъ отъ него епитимію, подъ которою состоитъ и доселѣ. Morinus, 287.

Постника, дѣйствительно одно и тоже лицо съ патріархомъ, неизвѣстно, несомнѣнно одно, что въ составленномъ имъ канонаріѣ онъ представляетъ себя духовнымъ врачомъ, излѣчивающимъ болѣзни, т. е. отпускающимъ больнаго выздоровѣвшимъ [182]). Другихъ историческихъ свидѣтельствъ я не привожу, отсылая желающаго къ вышеозначеннымъ моимъ изслѣдованіямъ. Къ сказанному тамъ прибавлю одно свидѣтельство, дающее понять, какъ долго переживалъ въ церкви обычай исповѣдываться передъ монахами, не смотря на то, что церковное правительство и канонисты XII в. энергически боролись противъ выслушиванія исповѣди и разрѣшенія грѣховъ монахами—не священниками. Симеонъ солунскій въ XV в. писалъ: „если кого-либо изъ простыхъ, по необходимости и въ крайней нуждѣ, попросятъ принять исповѣдь, то такой пусть передастъ ее епископу, или имѣющему право священнослуженія, утвержденное грамотою. А намъ извѣстно, что это случается *съ весьма многими* изъ благоговѣйныхъ монаховъ. Помнить они должны, что разрѣшать сами собою, ни называть себя духовниками онн не могутъ, но если, по необходимости, принимаютъ исповѣдь и исповѣдуютъ, то, не будучи духовниками, они должны касающееся спасенія представлять кому слѣдуетъ, а если вблизи есть священнослужитель (т. е. епископъ или священникъ), должны обращающихся къ нимъ отсылать къ нему. Если же нѣтъ, въ такомъ случаѣ пусть примутъ исповѣдь, только послѣ пусть передадутъ ее отцу духовному. Все, что услышали и узнали отъ исповѣдавшагося, пусть они перескажутъ тому, кто имѣетъ власть рѣшить, черезъ это право разрѣшенія останется неприкосновеннымъ. Мы слышали, впрочемъ, что архіереями дается право совершать покаяніе и монахамъ, не получившимъ священства, но намъ кажется, это вовсе не

---

[182]) Morinus, 635 и: Къ вопросу о тайной исповѣди, стр. 72.

необходимо, такъ какъ принимающему исповѣдь нужно и благословлять, и читать молитвы, и преподавать требующимъ Св. Тайны,—словомъ быть священникомъ, такъ чтобы и совершать приношенія, предстательствовать и молиться о кающихся. На случай же самой крайней нужды, когда нѣтъ на лицо никого изъ посвященныхъ на то, конечно, можно дозволить принимать исповѣдь и благоговѣйнымъ монахамъ, только чтобы они не разрѣшали сами собою, но доносили объ этомъ мѣстному архіерею и чтобы рѣшеніе было сдѣлано имъ“ [183]). Такъ писалъ въ XV в. Симеонъ солунскій, черезъ долгое время послѣ того, какъ канонисты XII в положили немало усилій на то, чтобы пріурочить исповѣдь къ священнику, имѣющему притомъ же особое полномочіе на то отъ епископа. Духовническая практика монаховъ процвѣтала и въ принявшей христіанство Болгаріи, и притомъ въ такой непривлекательной формѣ, въ какой едва ли она и бывала когда-либо въ Византіи. Козьма, пресвитеръ болгарскій (X или XI в), говоритъ о затворникахъ, которые, „въ затворы влазятъ, по своя воля творятъ, и ту кормящеся, акы свинья въ хлѣвинѣ пребываютъ, приносимымъ радующеся, и того ради монастырска закона убѣжавше, не хотяще потрудитися, ни покоритися игумену, не могуще съ черньцы дне пребыти миромъ, хотяще же на земли честни быти, *завѣты и законы своя даютъ же намъ, исповѣдью рѣшаще и вяжуще несмыслы, сами отъ иныхъ требующе разрѣшенія*“ [184]). Но если сами монахи присвояли себѣ власть вяжущую и разрѣшающую, то весьма сомнительно, чтобы соборъ

---

[183]) Правосл. Собесѣдн. 1864, ч II, стр. 272—273.

[184]) Тамъ же стр. 315. Хотя эти слова находятся въ бесѣдѣ Козьмы пресвитера на богомиловъ, но, судя по связи рѣчи (такъ какъ далѣе „худымъ черницамъ“ авторъ противополагаетъ „добрыхъ черицовъ“), нужно думать, что порицаемое имъ затворничество есть явленіе церковной жизни, а не особенность богомильской ереси. Это видно и изъ того, что *завѣты и законы* свои, по словамъ Козьмы, эти черицы давали *намъ*, т. е. православнымъ.

трулльскій могъ смотрѣть на нихъ съ той же точки зрѣнія. Можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду пресвитеровъ мірскихъ, священниковъ бѣлаго духовенства? И на этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. Мы имѣемъ историческія свидѣтельства изъ гораздо болѣе поздняго времени, сравнительно съ временемъ трулльскаго собора, о томъ, что мірскіе священники считались просто на просто неспособными выслушивать исповѣдь [185]). Даже въ XII в. патріарху Марку александрійскому казалось сомнительнымъ, правильно-ли поступаетъ мірской священникъ, если выслушиваетъ, даже по особому *епископскому порученію*, а не произвольно, чью-либо исповѣдь [186]). Канонисты старались, какъ объяснено мною въ названныхъ изслѣдованіяхъ, установить именно ту точку зрѣнія, что компетентный духовникъ есть собственно епископъ, или, по его особому уполномоченію, пресвитеръ, причемъ желаніе подвести исповѣдь подъ древніе каноны о публичномъ покаяніи привело ихъ къ странному положенію, что выслушивать всякую исповѣдь долженъ собственно епископъ, а пресвитеръ только въ исключительныхъ случаяхъ отсутствія или болѣзни епископа. Да и то Вальсамонъ, старающійся подставить подъ трулльское выраженіе: „получившіе отъ Бога власть вязать и рѣшить“ и *того, кому епископъ поручитъ* [187]), принципіально держится того взгляда, что власть выслушивать помышленія людей и разрывать рукописанія грѣховъ дана Всесвятымъ Духомъ собственно только епископамъ [188]). Если бы соборъ трулльскій говорилъ о

---

[185]) Пр. 156 Никифора: „ἱερεὺς λαϊκὸς ὁ ἔχων γυναῖκα, οὔτε πνευματικὸς δύναται εἶναι, οὔτε μοναχοὺς κείρειν ἢ μικρόσχημον ἢ μεγαλόσχημον, ἀλλ' οὐδὲ λογισμῶν ἀνάδοχος χρὴ εἶναι καὶ ἐνδύειν σχῆμα μοναχοῦ· ὃ γὰρ οὗτος οὐκ ἔχει, πῶς θέλει διδόναι ἄλλοις“ (Titra, II, 341—342).

[186]) Патріархъ Маркъ обратился по этому поводу съ запросомъ къ Вальсамону, какъ къ спеціалисту по каноническому праву. Вопр. 22 (Συντ. IV, 465). Ср. Вальсам. къ 6 карѳаг.

[187]) Объемъ дисц. суда, стр. 163 и сл.

[188]) Συντ. IV, 536: „δέχεσθαι λογισμοὺς καὶ διαῤῥήσσειν ἁμαρτημάτων χειρόγρα-

духовникахъ, то онъ не могъ бы удовольствоваться молчаливымъ подтвержденіемъ покаяннаго номоканона, какъ желаетъ думать проф. Павловъ, а по меньшей мѣрѣ долженъ бы былъ установить руководящія точки зрѣнія по вопросу, кто имѣетъ право быть духовникомъ, и кто имѣетъ *власть* вязать и рѣшить, съ осужденіемъ тѣхъ, кто присвояетъ себѣ не подобающую власть. Но онъ не устанавливаетъ этихъ точекъ зрѣнія, потому что не о томъ говоритъ: онъ говоритъ только объ епископахъ, какъ имѣющихъ власть и дисциплинарную, и сакраментальную, въ духѣ древней церковной дисциплины, подъ врачевствомъ разумѣя церковное покаяніе, епископскимъ судомъ налагаемое, то самое, которое имѣлъ въ виду и Василій В. въ своемъ 3 правилѣ, хотя въ дѣйствительности, какъ ниже будетъ объяснено, публичнаго церковнаго покаянія въ духѣ Василія Великаго и древнихъ каноновъ уже не существовало во время трулльскаго собора. Исповѣдь передъ монахами могла быть въ это время церковно-бытовымъ явленіемъ, которое однако церковнымъ законодательствомъ и церковнымъ привительствомъ не было еще регулировано, подобно тому какъ и самое монашество лишь черезъ долгое время послѣ своего появленія обратило на себя вниманіе церковнаго правительства и получило опредѣленную каноническую постановку (на халкидонск. соборѣ). Исповѣдь, какъ институтъ, была твердо поставлена въ монастыряхъ для монаховъ и напротивъ не была обязательна для мірянъ, которые являлись къ чтимымъ за святость жизни монахамъ, не потому, чтобы кто-либо давалъ этимъ послѣднимъ власть вязать и рѣшить, а какъ добровольные паціенты, желавшіе найдти себѣ душевное успокоеніе, и сами монахи какъ надо думать, не вдругъ пришли къ мысли о при-

---

φα... μόνοις ἐπίσκοποις ἀπὸ τοῦ παναγίου δέδοται Πνεύματος". Слѣдовательно, если епископъ и поручаетъ кому-либо осуществленіе этой власти, послѣдняя будетъ только производная, делегированная.

надлежности имъ власти вяжущей и разрѣшающей [189]). Такимъ образомъ проф. Павловъ, отожествляя τοὺς ἐξουσίαν λύειν καὶ δεσμεῖν παρὰ Θεοῦ λαβόντας трулльскаго собора и τοὺς τὴν ἐξομολόγησιν δεχομένους покаянныхъ уставовъ, говоритъ не языкомъ трулльскаго собора, а языкомъ канонистовъ XII вѣка, для которыхъ уже не существовало никакого сомнѣнія въ томъ, что право выслушивать исповѣдь принадлежитъ только епископу и тому, кому епископъ поручитъ это дѣло. Между тѣмъ самъ соборъ, такъ сказать, предохранялъ проф. Павлова отъ этой ошибки. Ἀμφοτέρα τοίνυν εἰδέναι ἡμᾶς χρή, то и другое слѣдуетъ знать *намъ*, членамъ собора, епископамъ, а не кому-либо другому. Почтенный ученый, повидимому, не замѣтилъ слова: „ἡμᾶς“ потому что даже опустилъ его, излагая текстъ 102 пр. трул. Точно также и при объясненіи противоположенія: „ἀκρίβεια“ и „συνήθεια“, проф. Павловъ усвояетъ собору ту же мысль, какую усвояютъ ему канонисты и опять таки говоритъ языкомъ этихъ послѣднихъ, а не языкомъ собора. Подъ „ἀκρίβεια“, говоритъ почтенный ученый, нужно разумѣть точный смыслъ древнихъ правилъ, а подъ „συνήθεια“—тѣ смягченія, какія допускала практика, выраженіемъ которой служилъ т. н. Постниковъ номоканонъ. Приэтомъ забыты три вещи: 1) канонистъ, съ наибольшею ясностію формулировавшій противоположеніе въ этомъ именно смыслѣ (Зонара), самъ впалъ въ безъисходное противорѣчіе, въ одномъ случаѣ понимая подъ обычаемъ τύπος, древній строгій канонический уставъ, а въ другомъ снисходительный обычай, уклоняющійся отъ древняго устава; 2) противоположеніе между ἀκρίβεια и συνήθεια буквально взято трулльскимъ соборомъ изъ 3 прав. Василія В., поэтому проф. Павловъ, чтобы не быть непослѣдовательнымъ, долженъ бы былъ доказывать нѣчто недоказуе-

---

[189]) См. Къ вопр. о тайн. исп., стр. 58—68 и ср. ниже примѣч. 191.

мое, именно что и во времена Василія Великаго существовала уже обычная мягкая практика духовниковъ, „выраженіемъ которой служилъ т. н. Постниковъ номоканонъ“, другими словами въ самый моментъ наибольшаго развитія, такъ сказать расцвѣта, публично-покаянной дисциплины существовала уже другая параллельная система, практически отмѣнявшая первую; 3) противоположеніе между „ἀκρίβεια“ и „συγγνώμη“ возможно при всякой системѣ, и при суровой и при мягкой, при долгосрочной и краткосрочной. Непонятно, какимъ образомъ могъ проф. Павловъ обратить въ пользу своего взгляда слова покаяннаго номоканона: „ταῦτα οὖν εἰδὼς, μὴ κατὰ τὴν ἀκρίβειαν τῶν θείων κανόνων διορίζειν τὰ ἐπιτίμα, ἀλλὰ κατὰ τὴν ποιότητα τοῦ προσώπου“. Покаянные номоканоны дѣйствительно выражаютъ ту же мысль, какая выражена въ 3 пр. Василія В. и въ 102 трул., но совсѣмъ не ту, какую нашли въ 102 пр. канонисты. Составители покаянныхъ номоканоновъ противополагаютъ точнымъ каноническимъ опредѣленіямъ *не обычай*, а *состояніе или качество* лица, и поступаютъ такъ же, какъ поступали древніе соборы и отцы, хотя и отступаютъ отъ послѣднихъ (какъ выше объяснено) въ томъ отношеніи, что наибольшее снисхожденіе рекомендуютъ въ отношеніи къ тѣмъ, которые не принимаютъ совершенства. Точно такъ же, какъ въ 12 пр. 1 всел., въ 5 пр. анкир., 3 и 74 пр. Василія В. и въ 8 пр. Григорія Нисск., въ покаянныхъ уставахъ рекомендуется не однимъ только буквальнымъ смысломъ правилъ, назначающимъ тѣ или другіе опредѣленные сроки покаянія за тотъ или другой грѣхъ, руководствоваться при наложеніи церковнаго наказанія, а и принимать во вниманіе индивидуальность наказуемаго. И это совершенно понятно. Какъ при системѣ долгосрочнаго покаянія, по которой напр. за прелюбодѣяніе полагается 15 л. покаяніе, должна быть принимаема во вниманіе эта индивидуальность, такъ что налагающій покаяніе

волю государя и дѣйствовать на гражданскія дѣла, какъ верховному мѣсту суда и расправы". Указавши затѣмъ кратко на тѣ измѣненія, которымъ подвергся сенатъ при преемникахъ Петра I, Завадовскій останавливается особенно на царствованіи Павла Петровича. „Хотя отъ самой кончины императора Петра Перваго во всѣ времена властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государевою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ властвовать въ дѣлахъ, но никогда толико не успѣли въ униженіи сената, какъ въ послѣдніе годы". Завадовскій указываетъ на цѣлый рядъ признаковъ такого униженія сената при Павлѣ I. Это униженіе выражалось въ рѣшеніи въ немъ дѣлъ по большинству голосовъ „въ опроверженіе кореннаго права, что голосъ и одного сенатора силенъ былъ остановить дѣло", въ допущеніи апелляцій на рѣшенія сената, подаваемыхъ чрезъ генералъ-рекетмейстера, въ произвольномъ перерывѣ теченія дѣлъ въ сенатѣ и перерѣшеніи въ немъ дѣлъ, разъ уже разсмотрѣнныхъ въ сенатѣ. „Се образъ, замѣчалъ Завадовскій, порабощеннаго сената, въ которомъ молчать тяжко, говорить было бѣдственно".

Завадовскій предлагаетъ Александру произвести въ устройствѣ сената слѣдующія измѣненія. „Сенатъ, говоритъ онъ, по основанію своему, есть первое государственное правительство, снабдѣнное отъ государя и законодателя силою и всею исполнительною властью, потому управляетъ всѣми гражданскими мѣстами, въ имперіи высшей власти надъ собою не имѣетъ, кромѣ единой самодержавнаго государя; должность и обязанность его предохранять права и преимущества своего самодержца, соблюдать законы, пещись всемѣрно о исполненіи воли и повелѣній государя, всякой вообще пользѣ народной и о теченіи законнаго правосудія повсемѣстно. Изъ сихъ правъ изливается преимущество, чтобы *повелѣнія его исполняемы были, какъ именные государя указы*". *Сенатъ*

имѣетъ право „въ случаѣ потребъ государственныхъ, докладывая Е. И. В., *прибавлять по статьямъ доходовъ необходимую прибавку платы или податей. Судъ и расправа верховнымъ образомъ принадлежитъ сенату* по входящимъ въ оный *гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ;* ибо сколько невозможно одному государю удовлетворить всѣмъ первымъ, сколько по вторымъ *несвойственно священному сану царскому своимъ подписомъ утверждать казни*“. Только, гдѣ дѣло идетъ „о лишеніи дворянства, чиновъ и достоинства“, сенатъ долженъ подавать свои рѣшенія на конфирмацію государя. Завадовскій, далѣе, настаиваетъ на томъ, чтобы было возстановлено право сената рѣшать всѣ дѣла базапелляціонно, чтобы всѣ приговоры сената были единогласны, и чтобы рѣшенія департаментовъ сената считались окончательными безъ переноса ихъ въ его общее собраніе. Только въ случаѣ разногласія членовъ департамента или несогласія хотя бы одного сенатора съ общимъ ихъ рѣшеніемъ дѣло переходитъ въ общее собраніе сената; если же оно и здѣсь „не рѣшится единогласно“, то поступаетъ на Высочайшее усмотрѣніе. При докладѣ такихъ дѣлъ государю должны присутствовать „для объясненія причинъ, по которымъ разномыслящія стороны на то дѣло свои мнѣнія положили“, по одному депутату отъ каждой изъ нихъ. Жалобы на рѣшенія сената допускаются только въ особенно важныхъ, исключительныхъ случаяхъ; но обвинившіе сенатъ несправедливо подвергаются строгимъ наказаніямъ. Докладъ Завадовскаго предлагаетъ избирать членовъ сената изъ высшихъ сановниковъ, отличающихся высокими нравственными качествами и „свѣдѣніемъ государственныхъ законовъ“. Голосъ сенатора, подписавшаго протоколъ сената, долженъ имѣть значеніе, хотя бы сенаторъ былъ въ отсутствіи, вышелъ изъ службы или умеръ. Каждый изъ сенаторовъ имѣетъ право объявлять именные указы и представлять государю „о происходящемъ

вредѣ въ государствѣ и о беззаконникахъ ему извѣстныхъ". Каждому изъ сенаторовъ „должны быть открыты" всѣ очередныя дѣла департамента и исполненія по рѣшеннымъ уже дѣламъ Въ виду верховнаго исполнительнаго и судебнаго значенія сената „должно постановить, чтобы въ единой власти сената состояло точное и непосредственное управленіе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ имперіи, и чтобы одинъ государь или именной указъ могъ перемѣнить или остановить повелѣнія сената, который только могъ бы предписывать образъ исполненія законовъ и разрѣшать всѣ представляемыя ему недоразумѣнія". Сенату должно быть предоставлено право назначать и опредѣлять чиновниковъ по исполнительной части; для этого сенатъ избираетъ въ кандидаты на мѣста президентовъ коллегій, исключая первыхъ трехъ, губернаторовъ и на другіе высшіе посты и представлять на утвержденіе государю „Въ прочія, зависимыя отъ сената, мѣста по докладу герольдіи онъ опредѣляетъ самъ". Докладъ заявляетъ, чтобы „вниманіе мѣстъ присутственныхъ неразвлекаемое обращалось къ единому сенату и дабы никакое мѣсто и лице не могло взыскивать или подтверждать объ исполненіи, ни объявлять указовъ по дѣламъ, въ нихъ производящимся, мимо сената". Послѣдній же имѣлъ бы право издавать „побудительные указы по жалобамъ только на губернскія правленія и палаты и никакъ не входилъ бы въ дѣла апелляціонныя и слѣдственныя прежде, нежели войдутъ они къ нему по порядку". Наконецъ, сенатъ долженъ имѣть право „представлять государю, если бы законъ или указъ отъ него вышелъ противенъ прежде изданнымъ, вреденъ или неясенъ былъ; но когда бы по представленію о томъ, неугодно будетъ отмѣнить, тогда уже исполняется оный безмолвно" [1]).

---

1) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1862, II, смѣсь, 94—101 с.

Мнѣніе графа Завадовскаго было принято въ сенатѣ всѣми его членами и представлено государю отъ имени сената. Съ докладомъ сената не былъ согласенъ только Державинъ, который полагалъ ограничить испрашиваемое Завадовскимъ сенату право рѣшенія важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ безъ конфирмаціи государя тѣмъ, чтобы рѣшенія государя въ случаяхъ, указанныхъ въ докладѣ сенатѣ, были написаны имъ собственноручно, и чтобы сенатъ выжидалъ опредѣленное время до полученія резолюціи отъ государя. Державинъ также находилъ нужнымъ „испросить у государя особое и ясное законоположеніе“ относительно права апеллировать на рѣшеніе сената. Единогласные приговоры сената Державинъ предлагалъ печатать въ виду большаго возбужденія къ сенату „въ государствѣ довѣренности и наученія юриспруденціи молодыхъ людей“. Державинъ желаетъ, чтобы сенаторы присутствовали при докладѣ жалобъ государю не только въ случаяхъ несогласія между департаментами и общимъ собраніемъ сената, но и при докладѣ жалобъ на согласныя рѣшенія всего сената. „Каждый сенаторъ, имѣя право пресѣкать злоупотребленія своими представленіями во всей имперіи, имѣлъ бы нужную власть приговоры своихъ товарищей взыскать и съ исполнителей за медленность, неисправность“. Дѣлопроизводство въ сенатѣ должно быть, по мнѣнію Державина, „опредѣлено подробно“, члены же сената должны быть избраны изъ числа кандидатовъ „отъ всѣхъ другихъ присутственныхъ мѣстъ и знаменитыхъ особъ въ обѣихъ столицахъ“ [1]).

Въ этомъ же мнѣніи Державина о правахъ и преимуществахъ сената указывается имъ причина паденія правительственнаго значенія сената и средства для обезпеченія ему

---

1) „Мнѣніе сенатора Державина о правахъ, преимуществахъ и существенной должности сената“ (Чт. въ общ. ист. и древн. рос., 1858, III, Смѣсь, 125—127 с.).

перваго мѣста въ управленіи. Причина эта заключается, по взгляду Державина, въ томъ, что Петръ Первый „по частымъ его отлучкамъ и великимъ занятіямъ не имѣлъ времени учредить права его на совокупномъ и недвижимомъ основаніи; а по тогдашнимъ простымъ нравамъ, будучи со всѣми въ свободномъ и личномъ обращеніи, не имѣлъ можетъ быть и нужды раздѣлить власти между собою и назначить для каждой изъ оныхъ чины и къ себѣ имъ пути особенные, какъ къ своему средоточію, кромѣ одной власти оберегательной“. Эта послѣдняя, „по праву начальства своего надъ канцеляріей сената по кончинѣ императора во время царствованія императрицы, имѣя единственный и свободный доступъ къ престолу, вмѣстила въ себѣ всѣ другія силы и власти“. Вслѣдствіе же соединенія въ представителѣ „оберегательной власти“, подъ которымъ Державинъ, очевидно, разумѣетъ генералъ-прокурора, и разрозненнаго дѣйствія остальныхъ властей: законодательной, судебной и исполнительной „сенатъ—верховное правительство цѣлой имперіи потерялъ свою важность“ [1]). Чтобы „возстановить силу и существенную должность“ сената, Державинъ предложилъ раздѣлить обязанности правленія между четырьмя упомянутыми властями. Всѣ они соединялись, „яко въ центрѣ, въ единственной волѣ монарха“. А такъ какъ „государь не можетъ одинъ вездѣ и все управить“, то необходимо „возложить ихъ на лица министровъ просвѣщенія или законодательнаго, суднаго или юстиціи, внутренняго или исполнительнаго, оберегательнаго или генералъ-прокурора“. Сенатъ раздѣлялся, по проэкту Державина, на двѣ части: правительствующій и суд-

1) „Но какъ невозможно, писалъ Державинъ, чтобы въ одномъ человѣкѣ оберегательная власть была въ тоже время и властью судебною, исполнительною и законодательною, то естественно, что законодательная иногда не предусмотрѣла, судебная погрѣшила, исполнительная и въ правомъ дѣлѣ умедлила, оберегательная же, неся всѣ оныя власти въ себѣ, сама на себя доносить не стала“ (Чт. etc., 1858, III, 124 с.).

ный. Первую часть сената онъ называетъ еще „имперскимъ правленіемъ“. Каждая изъ частей сената, въ свою очередь, подраздѣляется на три отдѣла или департамента. Правительствующій сенатъ дѣлится: на исполнительный департаментъ или благочиніе, казенное управленіе или финансы, на просвѣщеніе или призрѣніе и воспитаніе народное. Первый департаментъ, „имперское правленіе завѣдуетъ полицейскими и всѣми вообще исполнительными дѣлами, скораго рѣшенія требующими, какъ то въ губерніи губернское правленіе; второй или хозяйственный—приходы и расходы, ревизіи счетовъ, коммерціи, банки, горныя дѣла, мануфактуру и словомъ все, что завѣдывается въ губерніяхъ казенною палатой“. Въ третьемъ департаментѣ просвѣщенія и народнаго призрѣнія сосредоточивается высшее управленіе дѣлами общественнаго призрѣнія, которыми въ губерніяхъ завѣдуютъ приказы съ такимъ же названіемъ. Судный сенатъ раздѣляется Державинымъ на гражданскій, уголовный и межевой департаменты. Въ случаѣ разногласія въ правительствующемъ или судномъ сенатѣ составляется общее собраніе всѣхъ департаментовъ каждой части сената и единогласныя ихъ рѣшенія признаются равносильными. Опредѣленія сената могли быть вновь перерѣшаемы въ немъ только по именному повелѣнію Е. И. В. въ общемъ собраніи департаментовъ сената. Каждый изъ департаментовъ сената „состоялъ подъ надзоромъ министра: первый — исполнительнаго или внутренняго министерства, третій—просвѣтильный подъ министромъ просвѣщенія“. Судебный сенатъ поручался „надзору юстицъ-министра. Министры, каждый по своей части, не иначе были, какъ опекуны только и надзиратели за успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ и понудители оныхъ, имѣющіе власть предлагать дѣло только своему департаменту и по утвержденіи его входить съ докладомъ къ И. В., и ничего сами собою вновь постановляющаго и рѣшительнаго по дѣламъ ни наказывать, ни награждать“.

На всѣхъ министровъ была возложена обязанность „пещись о лучшемъ устройствѣ и исправности части его посредствомъ сената, а никому не дано самому собою самовластно дѣйствовать. Всѣ власти изъ министерствъ стекаются къ одному ихъ центру, къ государю посредствомъ генералъ-прокурора“, который поставленъ Державинымъ во главѣ четвертаго, оберегательнаго департамента сената, состоящаго изъ всѣхъ его оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ. Каждый изъ оберъ-прокуроровъ могъ подавать на рѣшенія министровъ протесты генералъ-прокурору, „а тотъ по важности дѣла собирать общее собраніе всѣхъ департаментовъ и по разсмотрѣніи дѣла указомъ И. В. перерѣшать постановленія департаментовъ“ [1]).

Кромѣ Завадовскаго и Державина по вопросу о преобразованіи сената высказался графъ А. Р. Воронцовъ, отъ котораго дошло до насъ нѣсколько мнѣній. Одно изъ его мнѣній заключаетъ въ себѣ соображенія Воронцова о томъ, почему уголовныя дѣла о лишеніи дворянства, чиновъ и достоинства, о которыхъ говорится въ докладѣ сената, должны восходить на рѣшеніе государя. „Въ уголовныхъ дѣлахъ, говоритъ Воронцовъ, нѣтъ пользы спѣшить осужденіемъ; ибо лучше, конечно, нѣсколько винныхъ спасти, нежели одного невиннаго наказать“. Въ силу своей важности такія дѣла должны быть изъяты изъ подъ общаго правила объ единогласіи департаментскихъ рѣшеній; они „будутъ переходить въ общее собраніе сената не по разногласію только, а хотя бы и единогласно въ департаментѣ рѣшены были, для повторенія на разсмотрѣніе дѣла, которое и въ общемъ собраніи должно рѣшиться единогласно“. Рѣшенія сената по такимъ дѣламъ должны исполняться только тогда, когда докладчикъ—сенаторъ объявитъ, что „въ отмѣну рѣшенія не послѣдовало Высочайшаго соизволенія“. Воронцовъ совѣту-

---

1) Записки Державина, 441—443 с.; см. также „Мнѣніе“ Державина въ Чт. общ. ист. и др. россійскихъ, 1858, III, Смѣсь, 122—125 с.

етъ при жалобахъ на рѣшенія сената, допустимыхъ только въ исключительныхъ случаяхъ, отдавать дѣло, по примѣру Петра Великаго, на обсужденіе особаго, вышняго суда, „составленнаго изъ достаточнаго числа особъ, общее довѣріе заслуживающихъ“. Графъ Воронцовъ также обращаетъ вниманіе на необходимость подчиненія сенату всѣхъ правительственныхъ учрежденій „для лучшаго исполненія законовъ и всѣхъ препорученій о благѣ общемъ, государемъ императоромъ на бдѣніе его возложенныхъ“, и на ускореніе производства дѣлъ въ сенатѣ, за которымъ должны слѣдить всѣ члены сената[1]).

Въ уже извѣстныхъ намъ „Примѣчаніяхъ“, представленныхъ государю въ ноябрѣ 1801 г., графъ Воронцовъ говоритъ о сенатѣ, „что ежели сенатъ такъ оставить, какъ онъ есть, сдѣлавшись ничтожнымъ, особенно въ послѣдніе четыре года, то, кажется, понапрасну и имѣть оный и чинить на него издержки, а лучше бы прибавить повытій или экспедицій генералъ-прокурора, которому и дѣлами внутренними править будетъ уже удобнѣе“. Причину паденія сената Воронцовъ видитъ въ введеніи рѣшенія дѣлъ въ сенатѣ по большинству голосовъ. Воронцовъ указываетъ еще на то, что сенатъ не по собственной волѣ занялся вопросомъ о возстановленіи своихъ правъ, а по желанію самого государя, отъ котораго зависитъ сдѣлать изъ него „полезное и дѣятельное учрежденіе для выполненія его воли и намѣреній, на благѣ общемъ основанныхъ“[2]).

Можно думать, что одному изъ графовъ Воронцовыхъ, вѣроятно, А. Р. Воронцову принадлежитъ „Записка неизвѣстнаго лица о сенатѣ и государственномъ устройствѣ“, написанная въ томъ же 1801 г. (19 мая). Въ этой запискѣ

---

1) „Примѣчаніе о правахъ и преимуществахъ сената графа А. Р. Воронцова“ (Чт. etc., 1864, I, смѣсь, 108—111 с., 2) Архивъ князя Воронцова, XXIX, 461—462 с.

также говорится объ унизительномъ положеніи сената въ послѣднее царствованіе (при Павлѣ Петровичѣ), „хотя, прибавляетъ авторъ, и при генералъ-прокурорствѣ князя Вяземскаго сенатъ довольно былъ уже стѣсненъ въ своихъ дѣяніяхъ и былъ и въ резолюціяхъ имъ даваемыхъ въ совершенной зависимости отъ генералъ-прокурора“. Авторъ записки указываетъ на необходимость придать сенату—„сему верховному правительству“—политическое значеніе въ управленіи. „Сенатъ, возстановленный на коренномъ его положеніи, будетъ, сказано въ запискѣ, не токмо хранилище законовъ, но и, такъ сказать, во многихъ случаяхъ родъ власти, посредствующей между государемъ и народомъ и нѣкоторымъ образомъ ступенью многимъ облегченіямъ и смягченіямъ суровости правленія древняго, кои у самого императора весьма на сердцѣ лежитъ“. Авторъ записки предлагаетъ, подобно графу Завадовскому, чтобы на конфирмацію государя представлялись только кандидаты на высшія правительственныя должности, опредѣленіе которыхъ зависитъ отъ воли государя, а остальныхъ сенатъ опредѣлялъ самъ. „Въ сенатѣ, говорилось далѣе въ запискѣ, надобно конечно, чтобы на столѣ былъ настольный реэстръ дѣламъ, чтобы не по выбору одного дѣла къ слушанію представлялись, и чтобы не отнимались способы о дѣлѣ трактуемомъ всѣ нужныя свѣдѣнія имѣть“ [1]). Напоминаютъ „Примѣчанія“ Воронцова и слова записки о томъ, что „въ послѣдніе годы все было перековеркано, хотя и не признать нельзя, что и въ прежнія времена всѣ части не весьма были еще устроены“. Въ концѣ записки авторъ ея, указывая на то, что „Россія можетъ быть управляема только монархами, большую силу и власть имѣющими, снова настаиваетъ на установленіи власти, посредствующей между государемъ и подданными (pouvoir intermediaire), то есть, сената: такимъ образомъ можетъ

1) Архивъ князя Воронцова, XII, 456—462 с.

быть обезпечена личная безопасность и преграда отъ суровости, происходящая иногда отъ злоупотребленія власти. Для охраненія же личной безопасности каждаго предлагается заимствованіе изъ Англіи нѣкоторыхъ узаконеній (la grande charte и habeas corpus), „соглашая однакоже оныя съ нравами и настоящимъ нашимъ состояніемъ“ [2]). О такомъ же предложеніи ввести habeas corpus говорится въ протоколахъ засѣданій неоффиціальнаго комитета, при чемъ авторомъ этого проэкта названъ графъ А. Р. Воронцовъ, о которомъ Чарторыйскій выразился, что „хотя онъ старъ, однакоже идеи его молоды и онъ не держится старинныхъ предразсудковъ“ [1]).

Въ то время, какъ члены сената работали надъ составленіемъ доклада государю о правахъ и преимуществахъ сената, въ засѣданіяхъ неоффиціальнаго комитета также велись разсужденія по этому же предмету, интересовавшему государя. Въ первомъ же засѣданіи комитета (24 іюня 1801 г.) императоръ „завелъ рѣчь о необходимости назначить въ сенаторы людей, кои были бы дѣйствительно способны къ выполненію обязанностей, сопряженныхъ съ симъ званіемъ, и присоединилъ къ тому, что затрудненія выбора лицъ на такія мѣста весьма значительны“. Государь предлагалъ, чтобы каждый изъ губернаторовъ представлялъ двухъ кандидатовъ для составленія общаго выборнаго списка лицъ, достойныхъ быть сенаторами. Новосильцевъ одобрилъ эту мысль Александра, но только замѣтилъ, что „лица, указанныя губернаторами, будутъ честными людьми, но можно-ли ручаться, что всѣ они будутъ способны къ такой важной должности“ [2]). Когда докладъ сената вмѣстѣ съ приложенными къ нему мнѣніями его членовъ былъ представленъ государю, онъ поручилъ разсмотрѣть его Новосильцеву. Послѣдній въ своемъ докладѣ комитету по этому дѣлу высказалъ, что „не слѣдо-

---

1—2) Протоколы засѣданій неоффиціальнаго комитета, Богдановичъ, I, прил., 42—43 и 39—40 с.

вало считать сенатъ законодательнымъ учрежденіемъ“, какимъ онъ не былъ и при самомъ своемъ основаніи: самодержавный президентъ, какимъ былъ Петръ I въ сенатѣ, можетъ имѣть съ подчиненными ему членами только сношенія владѣльца съ управляющими. Подобная организація не позволяетъ и думать о вручении столь важной власти собранію, которое по самому составу своему не можетъ пользоваться довѣріемъ народа, и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховною властью, не допускало бы участвовать обществу въ составленіи законовъ, выходящихъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, императоръ, давъ сенату значительныя права, кромѣ вышеуказаннаго неудобства, связалъ бы себѣ руки такъ, что не могъ бы выполнить всего задуманнаго имъ на пользу общую, и встрѣтилъ бы въ невѣжествѣ этихъ людей помѣху, которая имѣла бы опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы между верховною властью и правительственными учрежденіями“. Все это привело Новосильцева къ выводу, что „слѣдуетъ ограничить сенатъ судебною властью, но въ широкомъ размѣрѣ, съ полною независимостью отъ опеки генералъ-прокурора и оберъ-прокуроровъ“.

Этотъ взглядъ Новосильцева на сенатъ, какъ только „верховную палату суда въ имперіи“, не противорѣчилъ, по его словамъ, докладу сената и присоединеннымъ къ нему мнѣніямъ [1]). На самомъ дѣлѣ согласіе между предложеніемъ Новосильцева, докладомъ и мнѣніями графа Воронцова и Державина, на которыя указываетъ Новосильцевъ, заключалось только въ общемъ воззрѣніи на сенатъ, какъ на высшее судебное учрежденіе въ имперіи. „Старые дѣльцы“ шли дальше молодыхъ сотрудниковъ государя, выражали желаніе предоставить сенату, кромѣ суда, законодательство, верхов-

---

1) Протоколы etc., 45 c.

ный надзоръ и высшее управленіе въ имперіи. Въ этомъ отношеніи были согласны между собою графы: Завадовскій и Воронцовъ, Державинъ и, спрошенный комитетомъ о преобразованіи сената, графъ Мордвиновъ [1]). Всѣ они въ этомъ случаѣ вѣрно оцѣнивали правительственное значеніе сената при Петрѣ I, который они хотѣли возстановить въ полномъ видѣ: сенатъ при Петрѣ Великомъ обладалъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно всѣми функціями управленія. Едва ли вѣрно мнѣніе покойнаго профессора Градовскаго, что сотрудники Александра Павловича не желали предоставить сенату право законодательства потому, что „на мѣстѣ сената имъ виднѣлось народное представительство“, что широкая исполнительная власть сената могла бы помѣшать осуществленію ихъ плановъ, а предоставленіе ему судебной власти подходило къ ихъ готовымъ теоріямъ объ иностранныхъ судебныхъ учрежденіяхъ [2]). Члены комитета вмѣстѣ съ самимъ императоромъ стремились къ тому, чтобы со временемъ ввести въ Россіи представительный образъ правленія. Такъ тотъ же Новосильцевъ „сообщилъ Лагарпу начертаніе организаціи общаго управленія въ такомъ видѣ, какъ онъ понималъ его въ будущемъ, когда у насъ окажется возможнымъ ввести представительный образъ правленія“ [3]). Къ отдаленному будущему относилось и предположеніе членовъ

---

1) Графъ Мордвиновъ въ своемъ мнѣніи о преобразованіи сената, указывая на необходимость строгаго разграниченія въ управленіи между законодательною, судебною и исполнительною властью, замѣчаетъ, что сенатъ долженъ быть „тѣломъ политическимъ“. Его „политическія права должны быть основаны на *знатномъ сословіи*, весьма уважаемомъ, дабы и самыя права воспріяли такое же уваженіе“. По плану Мордвинова сенатъ долженъ былъ состоять изъ лицъ, назначаемыхъ государемъ и избираемыхъ отъ губерній губернскими собраніями. Относительно сената, какъ собранія законодательнаго, Мордвиновъ замѣчаетъ, что „при изложеніи законовъ сенатъ долженъ сообразоваться болѣе съ нравственностью, нежели съ политикой“. Сенатъ же обладаетъ административными и судебными правами (В. С. Иконниковъ: „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, Спб., 1873, 58—59 с.). 2) Градовскій, 273 с. 3) Протоколы неоф. ком., 71 с.

комитета сдѣлать изъ сената представительное учрежденіе. Чарторыйскій замѣчаетъ по поводу появленія указа о преобразованіи сената, что члены комитета видѣли въ немъ „первый шагъ на пути къ образованію національнаго представительства, по которому предполагали идти и при послѣдующей дѣятельности. Идея реформы, объясняетъ далѣе свою мысль Чарторыйскій, заключалась въ томъ, чтобы отнять у сената его исполнительную функцію, оставить ему роль высшаго судебнаго учрежденія и постепенно преобразовать его въ родъ верхней палаты, въ которую со временемъ вошли бы и депутаты отъ русской знати и приняли бы участіе въ обсужденіи и разрѣшеніи разнаго рода законодательныхъ и административныхъ дѣлъ“ [1]). Изъ этихъ словъ Чарторыйскаго, какъ и изъ мнѣнія Новосильцева о докладѣ сената видно, что члены комитета не были противъ мысли о введеніи въ Россіи народнаго представительства, которая составляла основной политическій взглядъ самого государя. Члены комитета не рѣшались только, вопреки даже желанію императора, поручить законодательную функцію сенату въ настоящемъ его составѣ, при которомъ они опасались, что это собраніе „не допуститъ участвовать обществу въ составленіи законовъ, исходящихъ изъ рукъ этого собранія“. Члены комитета, видимо, считали сенаторовъ неспособными стать членами сената, какъ законодательнаго учрежденія; для нихъ „невѣжество этихъ людей“ представлялось „помѣхой“ при послѣдующихъ преобразованіяхъ, при которыхъ члены комитета предполагали возможнымъ „борьбу между верховною властью и правительственными учрежденіями“, то есть, сенатомъ. Можно думать, что въ этомъ случаѣ сказалось нѣкоторое опасеніе членовъ комитета, чтобы не ожили вновь въ средѣ русской знати, надѣленной въ качествѣ чле-

---

1) Czartoryski, Memoires etc., I, 307—308 c.

новъ сената законодательными правами, прежнія аристократическія тенденціи [1]). Въ нежеланіи членовъ комитета предоставить сенату первое мѣсто въ управленіи выразилась еще и вражда новой, европейски образованной партіи сотрудниковъ императора къ старымъ сановникамъ — членамъ сената. Мы уже знаемъ, что члены комитета хорошо понимали роль сената въ управленіи въ первые годы царствованія Александра Павловича. „Смѣшанныя функціи сената, являвшагося въ одно и тоже время судебнымъ и административнымъ учрежденіемъ, затрудняли, замѣчаетъ Чарторыйскій, ходъ внутренняго управленія и не были согласны съ новыми идеями. Но не было другаго средства прикоснуться къ древней организаціи русскаго управленія, не произведя въ немъ еще большую путаницу, какъ преобразованіе сената. Поэтому оставили за сенатомъ и его прежнія административныя функціи съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы впослѣдствіи отнять ихъ у него“ [2]). Это намѣреніе членовъ комитета лишить сенатъ его исполнительной власти, административныхъ правъ, только что закрѣпленныхъ за нимъ указомъ объ его преобразованіи, не скрылось отъ представителей старой партіи. По словамъ Державина, члены комитета при обсужденіи вопроса о преобразованіи сената „думали, какъ со временемъ открылось, раздѣлить обязанности правленія по министерствамъ“ [3]). Это предположеніе Державина подтверждается протоколами засѣданій комитета, положившаго много труда на образованіе министерствъ въ Россіи. Комитетъ находилъ необходимымъ поручить разсмотрѣніе „важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ“, то есть, законодательство государ-

---

1) На такой характеръ мнѣній членовъ сената объ его преобразованіи намекаетъ Державинъ, который говоритъ, что „графы Воронцовъ и Завадовскій хотѣли ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества сенату, какъ-то: чтобы доходами располагать и свершать смертную казнь безъ конфирмаціи государя и прочее“ (Записки Державина, 441 с.). 2) Czartoryski, ibidem, 307 p. 3) Записки Державина 442 с.

ственному совѣту [1]), для внутренняго управленія организовать вновь министерства, за сенатомъ же оставить судебную функцію, уже давно ставшую главнымъ предметомъ его дѣятельности, какъ это было извѣстно членамъ комитета и въ числѣ ихъ и Новосильцеву, который ссылался въ засѣданіи комитета 5 авг. 1801 г. на докладъ сената и мнѣнія его членовъ.

Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, посвященныхъ вопросу о преобразованіи сената, члены комитета продолжали настаивать на мнѣніи, высказанномъ Новосильцевымъ, хотя самъ императоръ склонялся на сторону проэктовъ Державина и князя Зубова, предлагавшаго обратить сенатъ въ законодательное собраніе: оба эти проэкта „заключали въ себѣ идеи, издавна нравившіяся государю“ [2]). Но послѣ выслушаннаго комитетомъ мнѣнія Державина, „гдѣ онъ предлагалъ весьма ошибочно раздѣленіе властей [3]), Новосильцевъ былъ принужденъ распространиться объ истинныхъ началахъ раздѣла властей, которыя Державинъ думалъ соединить въ сенатѣ“ [4]). При обсужденіи, предложенной государемъ, ме-

---

1, 2 и 4) Протоколы засѣданій неоффиц комитета, 53, 56—57 и 45 с. 3) Въ проэктѣ преобразованія сената Державина выразилось какъ неправильное пониманіе имъ теоріи раздѣленія властей, такъ и сущности функцій управленія. Его „оберегательная власть“, соприкасающаяся съ судебной (Градовскій, 269—270 с.), составляетъ то право высшаго, верховнаго контроля надъ ходомъ всей администраціи, которая сосредоточивается въ рукахъ законодателя и въ его органахъ—совѣщательныхъ учрежденіяхъ. Министры у Державина—только часть сената, слѣдовательно, не самостоятельные органы управленія; они не имѣютъ дѣйствительной власти въ управленіи и подчиняются каждому изъ оберъ-прокуроровъ сената. Число департаментовъ въ каждой части сената и распредѣленіе между ними дѣлъ совершенно произвольны. Первый департаментъ завѣдуетъ исполнительными дѣлами, которыя не тоже, что полиція (благосостоянія). Вѣдомство втораго слишкомъ разнообразно и обширно, но тѣмъ не менѣе не подчинено отдѣльному министру. Предметъ третьяго—народное проовѣщеніе—только часть внутренняго управленія, а не законодательство и не „народное призрѣніе“. Межевой департаментъ включенъ въ судный сенатъ, съ которымъ онъ мало имѣетъ общаго относительно компетентности. Дѣятельность сената стѣснялась и замедлялась чрезмѣрно развитою системою конт-

моріи графа Воронцова о преобразованіи сената [1]), было замѣчено, что авторъ меморіи „впалъ въ общій недостатокъ, котораго слѣдовало тщательно избѣгать, именно онъ облекалъ всею властью сенатъ, упустивъ изъ виду, что этому собранію надлежитъ предоставить судебную часть и ничего болѣе“. На замѣчаніе императора, „что все это не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной имъ цѣли—обуздать произволъ нашего управленія, ему дали почувствовать, что если онъ устроитъ хотя одну лишь судебную власть, то и это будетъ хорошо“ [2]). Къ вопросу о преобразованіи сената члены комитета возвратились снова во время пребыванія государя (въ сент. 1801 г.) для коронаціи въ Москвѣ. „Когда зашла рѣчь о запискахъ Державина и Зубова, императоръ высказался въ пользу идей послѣдняго. Тогда Новосильцевъ и Строгановъ, бывшіе только въ засѣданіи комитета, сослались на Лагарпа, котораго мнѣніе по сему предмету согласовалось съ ихъ собственнымъ убѣжденіемъ“. По поводу ссылки на Лагарпа императоръ замѣтилъ, что „онъ не хочетъ, чтобы я отказался отъ власти“ [3]). Сотрудники государя также полагали, что только такимъ образомъ онъ могъ достигнуть благой цѣли, и что предоставленіе сенату *законодательной власти* клонилось къ затрудненію правительства.

рія. Достоинство проэкта Державина заключается только въ желаніи автора согласить устройство сената съ организаціей губернскихъ учрежденій, къ чему такъ стремилась Екатерина II. Поэтому сенатъ раздѣляется Державинымъ на правительствующій и судный и въ немъ отводится большое мѣсто контролирующему элементу управленія.—1) Эта меморія Воронцова была, вѣроятно, уже извѣстная намъ „Записка неизвѣстнаго лица о сенатѣ и государственномъ устройствѣ“, такъ какъ въ ней трактовалось „о предѣлахъ, которые необходимо положить произволу властей“ (Протоколы неоф. ком., 46 с.) и сенатъ облекался всею властью. 2) Протоколы etc., 46 с. 3) Лагарпъ былъ противъ проэкта старыхъ сенаторовъ о преобразованіи сената: въ представленіи сената заключался, по словамъ Лагарпа, „длинный списокъ правъ, до того широкихъ, что почти ничего не оставалось на долю верховной власти. По мнѣнію Лагарпа, государь при помощи министровъ и совѣта можетъ и долженъ обойтись безъ сената, чтобы достигнуть благой цѣли, которая недостижима при его существованіи“ (Сухомлиновъ, Изслѣдованія etc., II, 124 с.).

Императоръ согласился съ этимъ мнѣніемъ, но стоялъ твердо за врученіе сенату *исполнительной власти*". Тогда члены комитета заговорили объ учрежденіи министерствъ. Они „замѣтили, что не слѣдуетъ себѣ связывать руки и что лучше предоставить какую-либу часть администраціи одному человѣку съ возложеніемъ на него извѣстной доли отвѣтственности, нежели отдать ее въ руки многихъ лицъ. Но на всѣ эти замѣчанія государь отвѣчалъ, что характеръ власти, которую предполагалось предоставить сенату, состоялъ въ томъ, что онъ могъ получать свѣдѣнія о всемъ происходящемъ и слѣдить за администраціей, а не имѣть на нее вліяніе". Когда Александръ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы сенату была вручена *охранительная власть* [1]), такъ какъ контроль совѣта за дѣятельностью учрежденій недостаточенъ, члены комитета „замѣтили ему, что такая охранительная власть сената будетъ призрачна, что истинная охрана заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи. Государь отвѣчалъ на это, что все это справедливо, но что предполагаемая имъ мѣра была сближеніемъ къ цѣли" [2]). Въ засѣданіи 9 дек. 1801 г графъ Строгановъ прочелъ свою записку о реформѣ сената, гдѣ авторъ изложилъ исторію вопроса объ его преобразованіи и, между прочимъ, замѣтилъ, что государь приказалъ пополнить сенатскій докладъ, невполнѣ соотвѣтствовавшій съ его мыслями, проэктами Державина и Зубова. Но члены комитета отклонили проэктъ Зубова и „предположили ограничиться однимъ проэктомъ Державина". При этомъ докладѣ Строганова о сенатѣ остальные члены комитета объяснили государю, что „они сочли нужнымъ отклониться отъ идей, заключающихся въ обоихъ проэктахъ съ тѣмъ, чтобы, во пер-

---

1) „Императоръ, говоритъ Градовскій, желалъ видѣть въ сенатѣ учрежденіе, гдѣ законъ находилъ бы защиту, а произволъ преграду" (274 с.). 2) Прот. неоф. комитета, 48—49 с.

выхъ, не отнять у правительства свободы въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ и, во вторыхъ, поставить сенатъ въ отношеніи судебной части въ большую независимость отъ его канцеляріи, что не можетъ подать поводъ къ опасеніямъ, ибо у насъ будетъ высшее судилище“ [1]). Въ засѣданіи 30 дек. государь высказалъ свои замѣчанія на проэктъ графа Строганова. Главныя изъ нихъ относились къ распредѣленію дѣлъ въ различныхъ департаментахъ и къ жалобамъ на сенатъ. Александръ Павловичъ одобрилъ сдѣланное графомъ Строгановымъ раздѣленіе властей, административной и судебной, но при перечисленіи дѣлъ, которыя подлежали, по его мнѣнію, вѣдѣнію каждаго департамента, остановился на мысли выдѣлить изъ сената дѣла военныя и по народному образованію. Члены комитета единогласно одобрили это предположеніе. Государь предложилъ „также устроить занятія сената такъ, чтобы административныя дѣла были раздѣлены между двумя департаментами, а судебныя между всѣми прочими; но графъ Строгановъ замѣтилъ, что слѣдовало бы посовѣтоваться съ кѣмъ-либо свѣдущимъ по части изстари заведеннаго порядка дѣлъ и предложилъ къ тому оберъ-прокурора перваго департамента, Резанова. Въ этомъ же засѣданіи комитета была уничтожена статья проэкта Строганова, на основаніи которой каждый изъ сенаторовъ подлежалъ исключительно лишь суду сената“ [2]). Въ засѣданіи 3 янв. 1802 г. былъ читанъ проэктъ о реформѣ сената Новосильцева, составленный имъ по порученію государя. Въ заключеніи къ этому проэкту „сенату поставлено на видъ, чтобы онъ самъ наблюдалъ за охраненіемъ своихъ правъ и требовалъ отъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему мѣстъ повиновенія на основаніи законовъ“ [3]). Въ слѣдующемъ засѣданіи комитета (6 янв.)

---

1) Протоколы etc., 56—57 с. Тоже стремленіе „освободить сенатъ отъ одолѣвавшей его канцеляріи“ (Грибовскій, 62 с.) выразилось, какъ мы видѣли, и въ дѣятельности Екатерины II, направленной на преобразованіе сената, 2—3) Протоколы засѣданій неоффиц. комитета, 58 - 59 с.

его члены разсуждали о раздѣленіи предметовъ управленія между департаментами сената. Графъ Строгановъ „предлагалъ составить первый его департаментъ исключительно изъ членовъ совѣта, которые знакомы съ основаніями различныхъ частей управленія и потому легко могутъ примѣнять ихъ ко всѣмъ случаямъ, встрѣчающимся на практикѣ По его мнѣнію, слѣдовало распредѣлить дѣла между двумя правительственными департаментами сообразно важности частей администраціи. Но это раздѣленіе дѣлъ не было одобрено государемъ, который предпочелъ болѣе основательную систему распредѣленія ихъ, такъ чтобы въ одномъ департаментѣ стекалось все, относящееся къ исполнительной части, а въ другомъ—дѣла по управленію“. Предложеніе Резанова отпоспительно увеличенія числа судебныхъ департаментовъ сената въ виду ускоренія въ немъ дѣлъ было также принято въ комитетѣ. Въ томъ же его засѣданіи былъ прочитанъ проэктъ Державина о способѣ опредѣленія сенаторовъ. Державинъ предлагалъ назначить сенаторовъ изъ общаго списка кандидатовъ, избранныхъ въ каждомъ уѣздѣ дворянами первыхъ восьми классовъ изъ лицъ первыхъ четырехъ. Но это предложеніе было отвергнуто комитетомъ, который не ожидалъ „дѣльнаго выбора“ лицъ, мало извѣстныхъ избирателямъ, и, кромѣ того, думалъ, что „дворянскіе выборы всегда у насъ много зависятъ отъ произвола сенаторовъ; въ особенности же это окажется при выборѣ кандидатовъ на важныя мѣста сенаторовъ“. Комитетъ находилъ подобныя мѣры въ Россіи еще преждевременными „и, кажется, замѣчаетъ Строгановъ, самъ государь раздѣлялъ такое убѣжденіе“ [1]). Въ запискѣ Чарторыйскаго, читанной въ засѣданіи комитета 10 февр., авторъ указываетъ на то мѣсто, какое сенатъ долженъ занять среди другихъ, проэктируемыхъ комитетомъ, высшихъ учрежденій Россіи. Чарторыйскій причислялъ къ

1) Протоколы etc., 60 с.

недостаткамъ русской администраціи, „представлявшей собою картину величайшаго неустройства“, то, что постоянно происходятъ столкновенія между сенатомъ, съ одной стороны, и генералъ-прокуроромъ и, съ другой, совѣтомъ и сенатомъ, которые оба занимаются одними и тѣми же административными дѣлами. Кромѣ того, Чарторыйскій находилъ, что „наблюденіе прокуроровъ за должностными лицами недостаточно“. Въ системѣ высшихъ учрежденій сенатъ долженъ былъ сдѣлаться верховнымъ судомъ въ имперіи и ему же долженъ быть предоставленъ надзоръ за дѣйствіями всѣхъ чиновниковъ, особенно же министровъ, которые „ежегодно представляютъ въ сенатъ свои отчеты“. Вѣдѣнію же сената „подлежатъ всякія незаконныя превышенія власти“. Государь былъ доволенъ трудомъ князя Чарторыйскаго [1]), но вопросъ о преобразованіи сената еще не былъ исчерпанъ въ засѣданіяхъ комитета. 16 марта Его Величество приказалъ его членамъ собраться для совѣщанія о сенатѣ. Наканунѣ этого засѣданія Новосильцевъ прочелъ государю проэктъ указа о преобразованіи сената, но нѣкоторыя статьи проэкта не были имъ одобрены, именно Е. В. „не одобрилъ статьи на счетъ права сената повѣрять дѣйствія министровъ и, если бы они ввели въ заблужденіе государя, представлять ему о томъ на усмотрѣніе. Чарторыйскій и Строгановъ полагали, что права сената будутъ мнимы безъ отвѣтственности министровъ. По ихъ мнѣнію, это значило бы дать просторъ самому неограниченному произволу и потому слѣдовало настаивать на помянутой отвѣтственности, уступивъ во всемъ прочемъ“. Когда въ засѣданіи была прочитана 14 статья проэкта, гдѣ „было объяснено, что безъ этого условія не могутъ существовать права сената“, императоръ спросилъ „можно ли предоставить сенату право, по утвержденіи доклада Высочайшей подписью, входить съ представленіемъ къ государю? По мнѣ-

1) Протоколы etc., 65 с.

нію комитета, нельзя было отнять у сената право поставлять на видъ несоотвѣтственныя общей пользѣ дѣйствія министровъ и чрезъ то не позволять, чтобы государь былъ обманутъ. Графъ Кочубей, сперва оспаривавшій мнѣніе своихъ товарищей, наконецъ призналъ необходимость предложенной мѣры и самъ государь изъявилъ на то согласіе“ [1]). Въ засѣданіи 17 марта обсуждался, между прочимъ, вопросъ о соглашеніи новаго образованія сената съ предположеннымъ планомъ учрежденіемъ министерствъ. Комитетъ постановилъ, чтобы губернаторы и предсѣдатели присутственныхъ мѣстъ въ чрезвычайныхъ или сомнительныхъ случаяхъ обращались къ сенату по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ его вѣдомству. Въ томъ же засѣданія былъ утвержденъ государемъ проэктъ о преобразованіи „сенатской канцеляріи [2]). Въ засѣданіи 21 апр. государь, оспаривая предложеніе Новосильцева о правѣ сената при разсмотрѣніи отчетовъ министровъ сличать ихъ съ Высочайшими указами по вѣдомству каждаго министра и потомъ подносить государю съ своимъ заключеніемъ въ видѣ доклада, замѣтилъ, что „такихъ правъ никогда не было предоставлено сенату и что это противорѣчитъ назначенію сената, какъ высшаго судилища“ [3]). Наконецъ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій неоффиціальнаго комитета (12 мая) въ немъ было принято предложеніе графа А. Р. Воронцова объ учрежденіи при сенатѣ ревизіонной коммиссіи для повѣрки счетовъ, представляемыхъ министрами [4]).

Надъ разрѣшеніемъ вопроса о преобразованіи сената вмѣстѣ съ комитетомъ работалъ и непремѣнный совѣтъ, гдѣ голоса раздѣлились. Большинство членовъ совѣта [5]) находило,

---

1, 2 и 4) Протоколы etc., 67—68, 70, 81—82 и 87 стр. 3) Очевидно, что въ этомъ случаѣ Александръ становился на точку зрѣнія членовъ комитета, которые видѣли въ сенатѣ только судебное учрежденіе. 5) Князь Куракинъ, князь Лопухинъ, графы: Зубовъ, Н. и С. П. Румянцевы, Васильевъ, генералъ-прокуроръ Беклешовъ, генералъ Вязмитиновъ и адмиралъ Мордвиновъ. Послѣдній въ

что нѣтъ никакой нужды надѣлять сенатъ новыми преимуществами, а достаточно подтвердить только тѣ права и обязанности сената, которыя онъ уже имѣлъ, и произвести нѣкоторыя необходимыя улучшенія въ распредѣленіи дѣлъ между департаментами сената и ходѣ ихъ производства. Беклешовъ, кромѣ того, предложилъ раздѣлить департаменты сената на административные и судебные, перечислилъ подробно дѣла, которыя должны подлежать обсужденію каждаго изъ нихъ и даже приложилъ при своемъ особомъ мнѣніи примѣрный штатъ канцеляріи каждаго изъ департаментовъ сената [1]). Тоже раздѣленіе между административными и судебными дѣлами сената (вышней палатой правительства и судебной палатой) предлагаетъ графъ С. П. Румянцевъ [2]). Графъ Кочубей, мало сочувствовавшій идеямъ государя и членовъ комитета о преобразованіи сената, полагалъ полезнымъ „не касаться теперь ни до какихъ коренныхъ по сенату перемѣнъ“, а только „замѣнить указъ, совѣту внесенный, другимъ, въ коемъ однѣ бы статьи, до судопроизводства относящіяся, находилися, не упоминая ничего о правахъ и преимуществахъ сената. Что же касается до уновленія чего-либо въ сенатѣ, кромѣ судопроизводства и канцеляріи, не удобнѣе-ли, замѣчалъ Кочубей, оставить сіе до того времени, когда новое законоположеніе россійское къ окончанію приведено будетъ“ [3]). Трощинскій „не видѣлъ другаго средства обратить сенатъ на прежнее его установленіе, какъ подтвердивъ его права и обязанности властію самодержавною“; но въ тоже время онъ считалъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки въ проэктѣ указа о преобразо-

---

этомъ случаѣ отступился на этотъ разъ отъ своего извѣстнаго намъ мнѣнія о сенатѣ, какъ политическомъ учрежденіи съ аристократическимъ характеромъ; теперь Мордвиновъ утверждаетъ, что „сенатъ присутственное мѣсто, а не политическій корпусъ“ и что поэтому онъ „можетъ имѣть не права, а должности, достаточно опредѣленныя данными ему повелѣніями“ (А. Г. С., Ш, 1, 18 с.).—
1—3) А. Г. С., Ш, 1, 19—31, 34—35 и 38 с.

ваніи сената [1]). Но графы Завадовскій и А. Р. Воронцовъ выступили въ совѣтѣ горячими защитниками проэкта указа, въ составленіи котораго они принимали такое большое участіе, и настаивали на томъ, чтобы въ указѣ точнѣе и опредѣленнѣе были обозначены права и преимущества сената. Графъ Завадовскій требовалъ, между прочимъ, чтобы дѣла въ сенатѣ рѣшались единогласно и чтобы „побудительные указы по дѣламъ, производящимся въ присутственныхъ мѣстахъ, выходили отъ сената, а не объявлялись бы отъ лицъ“ [2]). Графъ Воронцовъ, который высказывалъ свой взглядъ на реформу сената въ запискѣ государю и въ сенатѣ, представилъ и на этотъ разъ въ совѣтъ особое мнѣніе, гдѣ онъ смотритъ на сенатъ, какъ на „мѣсто, въ коемъ соединяются всѣ части внутренняго государственнаго управленія“. По словамъ Воронцова, „сенатъ чрезъ цѣлое почти столѣтіе былъ признаваемъ русскими государями первымъ источникомъ, чрезъ который власть ихъ и законы изливались на всю имперію, а народъ привыкъ въ немъ видѣть верховное судилище правосудія“. Указавши на то, какъ сенатъ въ послѣднія времена сдѣлался „орудіемъ прихоти и самовластія тѣхъ самыхъ лицъ, которыя поставлены были въ огражденіе его силы, съ силою закона неразрывной“, Воронцовъ предлагаетъ возстановить сенатъ въ прежнемъ его правительственномъ значеніи. Въ такомъ возстановленіи сената Воронцовъ видитъ не какую-либо „новизну, изображающую въ понятіи своемъ нѣкоторое отношеніе къ идеямъ, французскими дѣлами порожденнымъ“, а только „возвращеніе вещей къ ихъ первообразному порядку“. Воронцовъ обращаетъ особое вниманіе совѣта на то, чтобы голосъ каждаго сенатора могъ остановить дѣло въ сенатѣ, чтобы сенатъ имѣлъ право издавать „побудительные указы“ и дѣлать самодержавной вла-

---

1—2) А. Г. С, III; 1, 46—50 и 17 с.

сти представленія о неудобствахъ исполненія закона. „Въ семъ образцѣ, заключаетъ свое мнѣніе Воронцовъ, сенатъ, соединяя въ себѣ всѣ нужныя силы къ управленію дѣлъ внутреннихъ подъ властью государя, будетъ достойнымъ его исполнителемъ, исключая дѣлъ времени нетерпящихъ и съ политическими соображеніями соединенныхъ, для уваженія коихъ установленъ совѣтъ и нѣкоторые департаменты или государственныя коллегіи“ [1]).

Всѣ мнѣнія членовъ государственнаго совѣта были выслушаны въ неоффиціальномъ комитетѣ (5 мая 1802 г.) и вскорѣ послѣ этого появился (8 сен.) указъ о правахъ и обязанностяхъ сената [2]). Сенатъ былъ названъ въ немъ верховнымъ мѣстомъ имперіи, которому подчинены всѣ правительственныя мѣста, и хранителемъ законовъ, обязаннымъ заботиться о повсемѣстномъ соблюденіи правосудія. Какъ высшее административное учрежденіе, сенатъ „наблюдаетъ за собираніемъ податей и за расходами штатными, имѣетъ попеченіе о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, соблюденію общаго спокойствія и тишины и прекращенію вся-

---

1) А. Г. С., Ш, 1, 39—46 с. 2) Необходимо замѣтить, что члены неоффиц. комитета не придавали особеннаго значенія реформѣ сената. Чарторыйскій замѣчаетъ, что на его преобразованіи особенно настаивали графы Воронцовы, которые видѣли въ надѣленіи властью этого учрежденія лучшее средство для улучшенія управленія. На самомъ дѣлѣ, продолжаетъ Чарторыйскій, „сенатъ сильно измѣнился послѣ своего установленія при Петрѣ I и ему не могла быть придана та роль, которую онъ игралъ при своемъ основателѣ. О сенатѣ заходила рѣчь при всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, но отъ него осталось одно только имя, одно эхо, повторяемое публикой, которая искала найти опору тамъ, гдѣ ее не могло быть. Составъ сената изъ людей отжившихъ, лишенныхъ энергіи и ничтожныхъ, отнималъ возможность удовлетворить желаніямъ какой-либо партіи. Императоръ, преобразовывая сенатъ, ограничивалъ свои взгляды и проэкты самымъ необходимымъ и возможнымъ въ данную минуту, утѣшая себя мыслью, что мечты его юности могутъ быть осуществлены впослѣдствіи. Изданіе указа о правахъ и обязанностяхъ сената было со стороны государя только актомъ благоразумія, средствомъ для подготовки послѣдующихъ измѣненій въ управленіи. Разсуждая о сенатѣ, говорили языкомъ, понятнымъ для массы простаго народа и лестнымъ для уха русской знати“ (Memoires, I, 304—306 р.).

кихъ противозаконныхъ дѣяній во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ. Безпристрастному же и нелицемѣрному его правосудію принадлежитъ ревизія верховнаго суда по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и межевымъ (1 статья). Власть сената ограничивается единою властью И. В; иной же высшей власти онъ надъ собой не имѣетъ Единое лицо И. В. предсѣдаетъ въ сенатѣ (2—3 ст.). Указы сената исполняются всѣми, какъ собственные И. В. Одинъ государь или его именной указъ можетъ остановить сенатскія повелѣнія. Всѣ именные И. В. указы, кромѣ подлежащихъ особливой тайнѣ, должны взноситься въ сенатъ отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, которымъ они даны будутъ. Сенатъ опредѣляетъ чиновниковъ въ мѣста и производитъ въ чины“ (4—7 ст.). Указъ повелѣваетъ, чтобы всѣ учрежденія, зависящія отъ сената, обращались къ нему въ случаяхъ сомнѣній и затрудненій по дѣламъ, входящимъ въ вѣдомство сената (8 ст.). Сенатъ могъ издавать „побудительные указы“, но только по жалобамъ на губернскія правленія и палаты. „Самъ сенатъ не входитъ въ дѣла апелляціонныя и слѣдственныя прежде, нежели оныя придутъ къ нему по порядку“ (9 ст.). Сенатъ получилъ право представлять государю о „великихъ неудобствахъ“ въ исполненіи законовъ „по общимъ государственнымъ дѣламъ“ или въ случаѣ неясности и несогласія законовъ по частнымъ суднымъ дѣламъ съ существующими „узаконеніями“. Но если послѣ такого представленія сената государю „не будетъ учинено перемѣны, то законъ остается въ своей силѣ“ (10 ст.). Указъ надѣляетъ сенаторовъ важными привиллегіями. Такъ члены сената получили право объявлять именные указы (11 ст.), „представлять государю о происходящемъ вредѣ въ государствѣ и о нарушителяхъ закона, имъ извѣстныхъ“ и замѣчать всему сенату объ „упущеніяхъ законнаго порядка въ теченіи дѣлъ (12 ст.). Сенаторы могли быть судимы только въ общемъ собраніи

сената, „если бы сверхъ чаянія оказалось, чтобы кто изъ мужей почтеннаго сословія сената обличенъ былъ въ преступленіи должности сенатора“ (13 ст.). Дѣла въ департаментахъ сената должны были рѣшаться единогласно, въ общемъ же его собраніи—большинствомъ двухъ третей голосовъ (14 ст.). Указъ подробно опредѣляетъ, какъ должно поступать сенату въ случаѣ разногласія его членовъ при рѣшеніи дѣлъ. Окончательно рѣшенными въ департаментахъ сената считаются тѣ дѣла, относительно которыхъ существуетъ общее и согласное мнѣніе всѣхъ присутствующихъ членовъ и генералъ-прокурора (17 ст.). Дѣло переносится изъ департамента въ общее собраніе сената, „ежели даже одинъ сенаторъ будетъ мнѣнія противнаго прочимъ и если оберъ-прокуроръ не убѣдитъ всѣхъ къ единогласному рѣшенію“ (15 ст.). Рѣшеніе департамента останавливается и дѣло переносится въ общее собраніе сената даже въ томъ случаѣ, если сенаторъ, несогласный съ мнѣніемъ прочихъ членовъ, „былъ отсутственъ, вышелъ изъ службы или же бы умеръ“ (15—16 ст.). При обсужденіи дѣлъ въ департаментахъ сената оберъ-прокуроры и генералъ-прокуроръ должны употребить всѣ старанія къ достиженію согласія сенаторовъ прежде, чѣмъ дѣло будетъ перенесено въ общее собраніе сената (18—19 ст.). Въ случаѣ разногласія членовъ послѣдняго съ генералъ-прокуроромъ дѣло „взносится къ Императорскому Величеству“. И тогда, объявляется торжественно въ указѣ, „да предстанутъ предъ лице Его одинъ или двое изъ сенаторовъ противнаго мнѣнія съ генералъ-прокуроромъ, избранные сенатомъ къ объясненію всѣхъ причинъ, которыя заставляютъ ихъ оставаться при своемъ мнѣніи“ (20 ст.). Сенатъ долженъ подавать государю доклады и ожидать конфирмаціи своихъ рѣшеній по уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ дѣло идетъ о лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ (21 ст.). Все дѣлопроизводство въ сенатѣ должно быть доступно каж-

дому изъ сенаторовъ (22 и 24 ст.). Рѣшенія сената публикуются ежемѣсячно въ вѣдомостяхъ, гдѣ должны вестись списки гражданскихъ, уголовныхъ и межевыхъ дѣлъ, поступающихъ въ сенатъ (23 ст.). „На рѣшеніе сената нѣтъ апелляціи, но какъ могутъ быть крайности, въ коихъ возбранять всякое прибѣжище къ И. В. было бы отнять избавленіе у страждущаго, то и въ такомъ случаѣ, если бы кто жаловался на сенатъ, долженъ предварительно дать подписку въ томъ, что вѣдаетъ законы, строго запрещающіе подавать жалобы на сенатъ. Когда жалоба окажется несправедливою, жалобщикъ за подачу оной преданъ будетъ суду“ (26—27 ст.). Статья о жалобахъ „не имѣетъ обратнаго дѣйствія на дѣла, рѣшенныя до настоящаго преобразованія сената“ [1]).

Указъ о правахъ и обязанностяхъ сената представляетъ собою, какъ видно изъ его содержанія, воспроизведеніе доклада сената государю съ тѣмъ только существеннымъ въ немъ измѣненіемъ, что сенату вручена вся административная и судебная власть и только часть законодательной. Сенатъ получилъ именно право представлять государю о неудобствахъ въ исполненіи законовъ. Ему же было предоставлено право безапелляціоннаго рѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ безъ представленія своихъ приговоровъ на утвержденіе государя, исключая только тѣхъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ. Но сенату не дано было права устанавливать самому налоги, какъ желала этого консервативная партія. Сенатъ сталъ, согласно желанію государя, верховнымъ контролирующимъ мѣстомъ въ государственномъ управленіи и высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ имперіи, какъ желали этого члены комитета [2]) Но

---

1) П. С. З., XXVII, № 20,405. 2) Мы уже приводили замѣчаніе Чарторыйскаго о цѣли, которая преслѣдовалась членами комитета при преобразованіи сената. Надѣляя сенатъ судебными и нѣкоторыми законодательными правами, они желали впослѣдствіи сдѣлать изъ него верхнюю палату, состоящую, меж-

въ тоже время сенатъ явился, согласно съ мнѣніями членовъ совѣта и стараго сената, правительственнымъ установленіемъ, хотя въ указѣ и не обозначено точно раздѣленіе между правительственными и судебными департаментами и не опредѣлена компетентность тѣхъ и другихъ. Опредѣленія всѣхъ правъ сената добивались члены комитета, согласившіеся предоставить управленіе сенату только на время. Но въ указѣ обозначено только различіе между гражданскими, уголовными и межевыми дѣлами и сенату вмѣнено въ обязанность наблюдать за государственными доходами и расходами, пріискивать средства къ облегченію народныхъ нуждъ и сохраненію общаго спокойствія и безопасности. Вслѣдствіе одновременнаго учрежденія министерствъ, на которыя было возложено дѣйствительное управленіе, сенатъ утратилъ свои административныя права. Но при всемъ томъ за нимъ осталось значеніе учрежденія, поставленнаго во главѣ всѣхъ учрежденій имперіи, такъ какъ его власть ограничивалась „единою властью“ государя, предсѣдательствующаго въ сенатѣ, и сенатскіе указы приравнивались къ Высочайшимъ повелѣніямъ, которыя вносились въ сенатъ всѣми получившими ихъ учрежденіями. Члены сената надѣлены указомъ важными личными и служебными преимуществами, указывающими на тоже важное значеніе сената въ высшемъ управленіи. Согласно заявленіямъ членовъ совѣта и сената опредѣлено подробно дѣлопроизводство въ сенатѣ и редакція самого проэкта указа о преобразованіи сената подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ[1]). Но, съ другой стороны, въ этомъ указѣ не

ду прочимъ, и изъ знати. Отсюда названіе сената „почтеннымъ сословіемъ“ и предоставленіе членамъ сената права суда перовъ и другихъ важныхъ привилегій въ области управленія. Организація сената въ 1802 г, слѣдовательно, не имѣла ничего общаго съ стремленіями нѣкоторыхъ представителей русской аристократіи (Воронцовыхъ, Завадовскаго и др.) обезпечить себѣ при самодержавномъ государѣ вліяніе на дѣла управленія.—1) Такъ, напр., въ разныхъ мѣстахъ указа вставлены поправки Трощинскаго (фразы: дозволяется сенату, еслибы *по общимъ государ. дѣламъ* существовалъ указъ – 10 ст., *сверхъ чаянія*,

сказано ни слова объ отношеніи сената ни къ государственному совѣту, съ которымъ онъ относительно законодательства занималъ почти одинаковое мѣсто въ управленіи, ни къ министерствамъ, возникшимъ въ одно время съ сенатомъ. Въ организаціи вновь преобразованнаго сената мы не замѣчаемъ и соотвѣтствія въ распредѣленіи дѣлъ между тѣми его департаментами, о которыхъ упоминается въ указѣ, и мѣстными учрежденіями, гдѣ при Павлѣ I вѣдались тѣже самыя дѣла, какія были поручены и возстановленнымъ имъ коллегіямъ: „устройство сената не было сообразно съ учрежденіемъ о губерній“ [1]). Сенатъ 1802 г. былъ, слѣдовательно, далекъ отъ плана его реорганизаціи, проэктированнаго Екатериной II. Вопреки мнѣнію Сперанскаго „прикоснулись къ древнему зданію сената“, но не „укрѣпили его основаніе“ [2]). Скоро сенатъ лишился одного изъ своихъ важнѣйшихъ правъ, равнявшихъ его съ государственнымъ совѣтомъ, именно права представлять государю о неудобствахъ въ исполненіи законовъ и противорѣчіи новыхъ указовъ съ старыми узаконеніями. Сенатъ вздумалъ воспользоваться этимъ своимъ правомъ по поводу появленія указа о томъ, чтобы унтеръ-офицеры изъ дворянъ, недослужившіеся до оберъ-офицерскаго чина, не могли быть увольняемы въ отставку ранѣе 12 лѣтъ ихъ службы. Согласно мнѣнію сенатора, графа Потоцкаго, сенатъ нашелъ, что этотъ указъ противорѣчитъ предоставляемому дворянамъ жалованной грамотой дворянству праву оставлять службу во всякое время. Дѣло это по настоянію генералъ-прокурора сената Державина, ссылавшагося на указъ 8 сент. 1802 г., было внесено безъ приговора сена-

---

если бы то оказалось, что сенаторъ обличенъ былъ въ преступленіи—13 ст., голосъ сенатора имѣетъ значеніе въ дѣлѣ, *хотя бы онъ былъ отсутственъ*—15 ст.), Завадовскаго вмѣстѣ съ Трощинскимъ (дѣла въ общемъ собраніи сената рѣшаются *большинствомъ* $^2/_3$ *опыхъ*—14 ст.), Державина (рѣшенныя въ сенатѣ дѣла публикуются въ вѣдомостяхъ); ср. съ ихъ мнѣніями, – 1—2) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ“, 39—40 и 46 с.

та къ государю, при чемъ отъ сената была избрана депутація, которая должна была представить Александру Павловичу объясненія отъ каждой изъ противныхъ сторонъ. Императоръ, однако, не входилъ ни въ какія объясненія съ депутатами, а приказалъ Трощинскому только прочесть всѣ бумаги, относящіяся къ дѣлу. Спустя нѣкоторое время (21 мар. 1803 г.), послѣдовалъ указъ [1]), которымъ было отнято у сената право входить съ докладами къ государю „по его въ состоящихся указахъ сумнѣніяхъ“ [2]). Въ этомъ указѣ было разъяснено, что „подъ именемъ законовъ существующихъ, къ которымъ относится это право сената, должно разумѣть не новые законы, но прежніе“ [3]). Вслѣдъ за этимъ была отмѣнена и посылка депутацій сената при подобныхъ случаяхъ [4]). За исключеніемъ этого существеннаго измѣненія въ правахъ сената, въ теченіе всего времени первой эпохи преобразованій въ организаціи сената были произведены лишь нѣкоторыя несущественныя измѣненія относительно распредѣленія дѣлъ между отдѣльными департаментами сената и улучшенія въ немъ дѣлопроизводства. Такъ въ виду болѣе цѣлесообразнаго раздѣленія и скораго рѣшенія дѣлъ въ сенатѣ къ существующимъ уже въ немъ департаментамъ прибавлено два новыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ были упразднены временные департаменты, учрежденные при Павлѣ I [5]). Одинъ изъ этихъ новыхъ департаментовъ былъ открытъ въ Москвѣ [6]). Уголовныя и слѣдственныя дѣла были распредѣлены между 4 и 5 департаментами [7]). Пятый департаментъ, въ свою очередь, былъ раздѣленъ на два отдѣленія: одно для уголовныхъ дѣлъ, а другое для слѣдственныхъ и по отзывамъ подсудимыхъ, которые „не приговариваются къ лишенію жизни или чести и тѣлесному наказанію, протестамъ губернскихъ

---

1) П. С. З., XXVII, № 20,676. 2 и 4) Записки Державина, 462–471 стр. 3) Сперанскій, ibidem, 46 с., 5) П. С. З., XXVIII, № 21,605. 6) XXVIII, № 21,658, 7) XXVII, № 20,561.

прокуроровъ и по несоглашеніямъ губернаторовъ съ палатскими рѣшеніями“ [1]). Точно также былъ раздѣленъ третій департаментъ сената [2]) Гражданскія дѣла втораго департамента были переданы въ 4-й департаментъ сената [3]), который долженъ былъ вмѣстѣ съ 3-мъ департаментомъ разсматривать и дѣла тайной экспедиціи, вѣдавшіяся прежде въ 1 и 5 департаментахъ [4]). Компетентность 1-го департамента сената была увеличена порученными ему дѣлами 3-го департамента „по частямъ: полицейской, ученой, почтовой, медицинской и водяной коммуникаціи“ [5]). Приняты были мѣры къ опредѣленію порядка слушанія дѣлъ въ сенатѣ; повелѣно было составлять краткія записки изъ дѣлъ для прочтенія ихъ въ сенатѣ тяжущимися и сенаторами на дому и сокращенія канцелярскихъ обрядностей [6]). Московскимъ департаментамъ сената было предоставлено право рѣшенія дѣлъ въ случаѣ разногласія по большинству голосовъ безъ перенесеній ихъ въ общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сената [7]). Дѣла, поступающія въ общее собраніе за разногласіемъ, должны были рѣшаться безотлагательно [8]). Въ томъ же общемъ собраніи сената повелѣно разрѣшать всѣ дѣла, сопряженныя съ казеннымъ интересомъ [9]). Установлена была очередь въ рѣшеніи дѣлъ въ сенатѣ [10]). Изданы были также правила объ однообразномъ и успѣшномъ теченіи дѣлъ по герольдіи [11]). Вслѣдствіе одного частнаго случая неправильной жалобы на рѣшеніе сената было подтверждено правило, заключавшееся въ указѣ о правахъ и обязанностяхъ сената, о преданіи суду просителей, „коихъ жалобы на несправедливыя рѣшенія сената оказались вовсе неосновательными“ [12]). Установлены правила судопроизводства въ сенатѣ и поря-

---

1) П. С. З., XXX, № 22,901, 2) XXX, № 23,436, 3) XXX, № 23,615, 4) XXVII, № 20,434, 5) XXVIII, № 21,271, 6) XXVII, № 20,478, 7) XXVII, № 20,546, 8) XXVIII, 21,403, 9) XXVIII, № 21,249, 10) XXVIII, № 21,600, 11) XXVII, № 20,608, 12) XXVIII, № 21,356.

докъ подачи сенаторами голосовъ по судебнымъ дѣламъ[1]). Этотъ послѣдній указъ представляетъ собою дополненіе 17—19 §§ указа о правахъ и обязанностяхъ сената: названный указъ отводитъ главную роль при разрѣшеніи несогласій между сенаторами оберъ-прокурорамъ сената, какъ агентамъ министра юстиціи, надзирающимъ за дѣятельностью сената. Сенатъ наблюдалъ за исполненіемъ законовъ во всей имперіи[2]). Въ качествѣ высшаго судебнаго учрежденія сенатъ вѣдалъ всѣ уголовныя дѣла и разрѣшалъ самъ важнѣйшія изъ нихъ[3]). Всѣ слѣдственныя и уголовныя дѣла поступали въ сенатъ въ опредѣленномъ порядкѣ[4]). Въ сенатѣ же за время съ 1802 по 1810 г. разсматривались и многія административныя дѣла[5]). Такимъ образомъ, сенатъ въ это время сохранилъ значеніе высшаго контролирующаго, судебнаго и, отчасти, административнаго учрежденія въ имперіи.

Преобразованіе сената въ 1802 г было только первымъ шагомъ на пути къ реорганизаціи всего высшаго русскаго управленія на началахъ законности и опредѣленія задачъ и границъ власти правительственныхъ учрежденій[6]). Одновременно съ обсужденіемъ проэкта о реформѣ сената въ неоффиціальномъ комитетѣ вырабатывалось и новое учрежденіе министерствъ, которому члены комитета придавали большее значеніе, нежели реформѣ сената[7]). Въ одномъ изъ первыхъ

---

1) П. С. З., XXVII, № 20,477, 2) XXVII, №№ 20,372, 20,373, 20,884, 3) XXVII, №№ 20,509, 20,597, 20,561, 20,874, XXVIII, №№ 21,333, 21,498, 21,783, XXIX, №№ 21,991, 22,144, 22,279, 22,712, XXX, 22,886, 23,488, 23,586, 23,855, 23,990, 4) XXX, № 23,405, 5) XXVII, №№ 20,423, 20,619, XXVIII, №№ 21,248, 21,296, 21,309, 21,313, 21,381, 21,648, 21,736, 21,916, 21,922, XXIX, №№ 22,034, 22,080, 22,312, 22,375, XXX, №№ 23,056, 23,381, 23,815, 6) Реформой сената, говоритъ Чарторыйскій, „былъ положенъ первый камень въ созданіи правильной государственной власти“ (Memoires, I, 309 p.), 7) Чарторыйскій, напр., называлъ сенатъ „манекеномъ, которымъ можно двигать по произволу, такъ какъ иначе онъ не дѣйствовалъ бы совсѣмъ: сенатъ состоялъ изъ людей, ни къ чему неспособныхъ, и управлялся генералъ-прокуроромъ, между тѣмъ какъ сенаторы только подписывали свои имена на дѣлахъ, которыя никогда не читались ими“ (Memoires, I, 308—309 p., ср. Tourgueneff: „La Russie et les russes“, I, notes, 309 p.).

засѣданій комитета (1 іюля 1801 г.) Новосильцевъ представилъ докладъ „о способѣ работъ Е. В. съ министрами“, въ которомъ указывалъ „на обычный методъ министровъ подсовывать указы“ въ особенности по судебнымъ дѣламъ для подписи государю. Члены комитета „пришли къ заключенію, что государь никогда не долженъ непосредственно вмѣшиваться въ рѣшенія такихъ дѣлъ, подвергающія его неизбѣжнымъ ошибкамъ“. Е. В. согласился съ этимъ принципомъ, но затруднялся только относительно способовъ его выполненія, такъ какъ дѣла такого рода восходили къ нему по апелляціямъ на рѣшенія сената [1]). Въ извѣстной уже намъ запискѣ князя Чарторыйскаго, читанной имъ въ засѣданіи 10 февр. 1802 г., при изложеніи недостатковъ высшей русской администраціи указывается на то, что „министры ни въ какомъ отношеніи не подвергаются отвѣтственности“, и предлагается преобразовать всю администрацію, распредѣливши „административную власть между нѣсколькими министрами, въ рукахъ коихъ находились бы всѣ нити управленія: народное образованіе, дѣла внутреннія, финансы, юстиція, военная часть, морская часть и проч. Подъ вѣдѣніемъ министровъ должны были быть учреждены совѣты изъ старшихъ чиновниковъ министерствъ. Министры должны были ежегодно представлять въ сенатъ свои отчеты. Этотъ проэктъ Чарторыйскаго понравился государю и остальнымъ членамъ комитета. Когда потомъ въ этомъ же засѣданіи зашла рѣчь о составѣ государственнаго совѣта, то комитетъ предложилъ назначить въ него министровъ, „коихъ образъ мыслей былъ бы одинаковъ и которые поэтому могли бы всѣ отвѣчать за одну и туже ошибку“. Этимъ же путемъ будетъ устраненъ вредъ, происходящій отъ разногласія между министрами [2]). Черезъ мѣсяцъ послѣ этого засѣданія въ комитетѣ

1—2) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 40 и 65 с.

снова возвратились къ вопросу объ учрежденіи министерствъ. Графъ Кочубей предложилъ въ засѣданіи 10 марта организовать ихъ въ Россіи по образцу французскихъ министерствъ, составъ которыхъ вмѣстѣ съ обозначеніемъ занятій каждаго изъ нихъ показаны въ „народномъ французскомъ календарѣ“. Но государь нашелъ, что „у французовъ слишкомъ много подраздѣленій“ и рѣшилъ отложить обсужденіе вопроса объ образованіи министерствъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ готовъ проэктъ ихъ учрежденія, составленіе котораго было поручено имъ Оленину. Но 16 марта при разсмотрѣніи проэкта указа о преобразованіи сената Новосильцева снова зашла рѣчь объ отвѣтственности министровъ, безъ которой не могли бы имѣть значенія и права сената. Члены комитета настаивали на томъ, чтобы сенату было предоставлено право повѣрять дѣйствія министровъ; иначе въ управленіи развился бы неминуемо неограниченный произволъ послѣднихъ. Государь согласился съ необходимостью предположенной мѣры [1]). Въ слѣдующемъ засѣданіи комитета былъ возбужденъ вопросъ о соглашеніи предположеннаго плана учрежденія министерствъ съ образованіемъ сената, устраненіи всякихъ поводовъ къ столкновенію между нимъ и министерствами. Съ этою цѣлью были исключены изъ проэкта о преобразованіи сената нѣкоторыя статьи, отъ примѣненія которыхъ могли бы возникнуть такія столкновенія между министерствами и сенатомъ. Въ засѣданіи же 17 марта Новосильцевъ и Чарторыйскій сообщили о своемъ совѣщаніи по

---

1) Протоколы etc., 67—68]с. Лагарпъ самъ предлагалъ Александру Павловичу учредить министерства, но только настаивалъ на томъ, чтобы приняты были энергичныя мѣры къ ограниченію произвола министровъ и подчиненія ихъ дѣйствій личной волѣ государя. Когда однажды государь выражалъ глубокую скорбь о страшной неурядицѣ въ управленіи и невозможности добраться до настоящаго источника и корня зла, Лагарпъ прямо указалъ, какъ на лучшее средство къ достиженію этой цѣли,—учрежденіе министерствъ (Сухомлиновъ, Изслѣдованія etc., II, 117 и 125 с.).

поводу учрежденія министерствъ съ Лагарпомъ, который одобрилъ планъ предположенныхъ министерствъ. Государь замѣтилъ также, что онъ получилъ отъ Лагарпа письмо, въ которомъ послѣдній „восхвалялъ эту работу и находилъ весьма счастливою идею учрежденія министерствъ“. Въ восторгѣ отъ этой идеи былъ и графъ А. Р. Воронцовъ, который одобрилъ вполнѣ и раздѣленіе занятій въ министерствахъ [1]). Въ засѣданіи 24 марта графъ Кочубей прочелъ свою пояснительную записку къ указу объ учрежденіи министерствъ, въ которой цѣлью ихъ образованія ставилось „дать управленію ходъ, наиболѣе сообразный къ упроченію общаго благоденствія“. При изложеніи причинъ учрежденія министерствъ Кочубей обратился къ русской исторіи. „Петръ Первый, занятый введеніемъ многихъ преобразованій, не успѣлъ учредить въ управленіи, писалъ Кочубей, постояннаго и прочнаго порядка; всѣ преемники его чувствовали необходимость реформъ и это подало поводъ въ царствованіе Анны Ивановны и Елизаветы Петровны къ учрежденію конференціи и кабинета [2]). Сама Екатерина II, продолжалъ Кочубей, имѣла намѣреніе преобразовать государственное управленіе и графъ Панинъ представилъ ей планъ, въ который входило образованіе нѣсколькихъ министерствъ“ [3]). Кочубей предложилъ замѣнить коллегіи канцеляріями министерствъ. Но государь возразилъ, что „нельзя было уничтожить разомъ всѣ эти старинныя формы, и что, можетъ быть, достаточно подчинить ихъ министрамъ и впослѣдствіи уже, когда онѣ на опытѣ окажутся безполезны, замѣнить ихъ дру-

---

1) Протоколы etc., 70—71 с. 2) Отсюда видно, что члены неоф. комитета признавали связь новыхъ предполагаемыхъ ими высшихъ административныхъ учрежденій съ ранѣе существовавшими установленіями,—конференціей и кабинетомъ, которые дѣйствительно, какъ мы видѣли, имѣли, между прочимъ, значеніе министерствъ. 3) Рѣчь идетъ здѣсь объ извѣстномъ намъ докладѣ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II, который оказалъ большое вліяніе на работы членовъ комитета по вопросу о преобразованіи министерствъ (см. ниже).

гими учрежденіями". Съ государемъ согласился князь Чарторыйскій. Но графа Кочубея поддержали Новосильцевъ и графъ Строгановъ, которые полагали, что „коллегіи могли затруднить ходъ дѣлъ въ министерствахъ и что придется сдѣлать цѣлое положеніе для примѣненія этихъ устарѣлыхъ формъ къ новымъ учрежденіямъ". Возникшій по этому поводу споръ въ комитетѣ не привелъ ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Точно также члены комитета не пришли къ соглашенію и относительно мѣры участія министровъ въ изданіи указовъ по дѣламъ управленія. Кочубей предлагалъ, чтобы „указы давались на имя сената, который сообщалъ бы ихъ министрамъ по принадлежности. Такой порядокъ передачи указовъ министрамъ, по мнѣнію членовъ комитета, слагалъ съ нихъ ту отвѣтственность, которую налагало бы на нихъ скрѣпленіе указовъ ихъ подписью". На этомъ основаніи Кочубей предлагалъ отъ имени комитета, чтобы „указы давались на имя министровъ, которые доносили бы о томъ сенату". Наконецъ, остался на этотъ разъ перѣшеннымъ и вопросъ объ учрежденіи министерства коммерціи, которое желалъ образовать государь, поддерживаемый Лагарпомъ [1]).

Въ засѣданіи 11 апрѣля былъ прочитанъ проэктъ Новосильцева о раздѣленіи министерства [2]) и распредѣленіи дѣлъ между его отдѣлами. Новосильцевъ предложилъ „раздѣлить всю администрацію на восемь частей, порученныхъ министрамъ: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственнаго казначейства, иностранныхъ дѣлъ, военное министерство, морское и народнаго просвѣщенія. Министръ юстиціи долженъ былъ завѣдовать только судебными дѣлами; въ вѣдомствѣ министра внутреннихъ дѣлъ состоитъ все, относящееся къ содержа-

---

1) Протоколы засѣданій неоффиц. комитета, 73—74 ст., 2) Сначала предполагалось образовать одно министерство съ подраздѣленіемъ его на части, подвѣдомственныя министрамъ.

нію въ порядкѣ и къ удобству сообщеній, къ промышленности и управленію. Къ министерству финансовъ принадлежатъ всѣ статьи доходовъ и ассигнованіе источниковъ для отпуска суммъ въ различныя мѣста государственнаго управленія. Министръ государственнаго казначейства долженъ вести счетъ расходамъ и наблюдать за порядкомъ дохода и расхода сообразно распоряженіямъ министра финансовъ". Министры иностранныхъ дѣлъ, военный и морской остаются на прежнемъ основаніи, управляя каждый соотвѣтственной коллегіей. Министерству народнаго просвѣщенія будутъ подчинены всѣ воспитательныя учрежденія въ имперіи. Нѣсколько §§ своего проэкта Новосильцевъ посвятилъ опредѣленію правилъ относительно образа занятій министровъ. Каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть помощника,—товарища министра. Права министровъ будутъ опредѣлены инструкціями, съ которыми они должны сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. „Все же, выходящее изъ предѣловъ власти министра, подлежало рѣшенію государя на основаніи доклада, представляемаго ему министромъ и мнѣнія совѣта, а затѣмъ уже указъ, скрѣпленный подписью министра, долженствовалъ быть обнародованъ обычнымъ порядкомъ" [1]). Проэктъ Новосильцева былъ показанъ имъ Лагарпу, который замѣтилъ, что для его осуществленія нужно составить положеніе о канцелярскомъ порядкѣ. При обсужденіи этого послѣдняго вопроса Новосильцевъ указалъ на неудовлетворительность порядка дѣлъ въ русскихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ; государь замѣтилъ на это, что „нельзя было завести одного и того же канцелярскаго порядка въ судебныхъ мѣстахъ и административныхъ учрежденіяхъ". Но Александръ Павловичъ согласился съ членами комитета, что „министерства должны были начать свои дѣй-

---

1) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 77—79 с.

ствія непосредственно по своемъ учрежденіи. Первоначально новые министры должны составить свои канцеляріи изъ прежнихъ чиновниковъ и будутъ рѣшать дѣла съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, а между тѣмъ укомплектуютъ и улучшатъ свои вѣдомства, потому что нельзя надѣяться, что бы сразу устроить дѣло такъ превосходно, чтобы въ немъ не потребовалось измѣненій". Относительно составленія министрами докладовъ государю Новосильцевъ полагалъ, что всѣ они предварительно должны „подвергаться обсужденію комитета, составленнаго изъ всѣхъ министровъ, и въ случаѣ несоблюденія этой формальности каждый изъ нихъ имѣлъ право дѣлать отъ себя представленія по предмету доклада". Необходимость такой мѣры Новосильцевъ и другіе члены комитета доказывали тѣмъ, что „всѣ отрасли управленія были какъ бы звенья цѣпи, слѣдовательно, всякое новое распоряженіе долженствовало быть обсуживаемо совокупно всѣми лицами, участвовавшими въ управленіи, дабы дѣйствія одного изъ нихъ не мѣшали другому, и чтобы всѣ части государственной администраціи были направлены къ одной цѣли. Мѣра эта могла также предупредить, чтобы министры не вводили въ заблужденіе государя и, будучи связаны между собою взаимною отвѣтственностью, оставались въ точныхъ предѣлахъ своихъ обязанностей". Государь согласился съ этимъ мнѣніемъ Новосильцева, какъ и съ предложеніемъ членовъ комитета, чтобы „текущія дѣла рѣшались въ комитетѣ министровъ, а важнѣйшіе вопросы вносились на обсужденіе въ совѣтъ". Такой способъ распредѣленія дѣлъ между комитетомъ министровъ и совѣтомъ могъ ускорить ходъ управленія и облегчить дѣятельность министровъ, подлежащихъ важной отвѣтственности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи министры подчинены сенату. Для установленія отвѣтственности министровъ Новосильцевъ предлагалъ, чтобы „каждый изъ нихъ представлялъ ежегодно Е. В. отчетъ въ сво-

емъ управленіи. Этотъ отчетъ подлежалъ предварительному разсмотрѣнію сената, который сличивъ его съ донесеніями, полученными въ теченіе года, а равно съ Высочайше утвержденными докладами и указами по вѣдомству, состоящему въ управленіи министра, подносилъ бы государю свое о немъ заключеніе въ формѣ доклада". Но государь нашелъ, что такая верховная контролирующая роль сената по отношенію къ министрамъ „противорѣчитъ назначенію сената, какъ высшаго судилища". Высказано было также предположеніе, чтобы обязанности товарищей министровъ были точнѣе опредѣлены, чтобы всѣ министры были непремѣнными членами совѣта и чтобы они принимали просителей въ опредѣленные, постоянные дни. Опредѣлены были также правила устройства канцеляріи министровъ. Механизмъ занятій и обязанности каждаго изъ нихъ должны были заключаться въ инструкціяхъ министрамъ, на необходимость составленія которыхъ указалъ самъ государь [1]). На мнѣніе Лагарпа, сообщенное государемъ въ засѣданіи 5 мая, что „въ началѣ не слѣдовало гоняться за раздѣленіемъ вѣдомствъ, предоставя себѣ впослѣдствіи удобнѣйшее размѣщеніе частей по министерствамъ", члены комитета замѣтили, что такое раздѣленіе „возможно только въ подробностяхъ; главные же предметы управленія имѣютъ между собою взаимную связь, опредѣляющую въ точности ихъ мѣсто въ различныхъ вѣдомствахъ". Лагарпъ также вновь настаивалъ на учрежденіи министерства коммерціи, противъ чего возставали члены комитета, утверждавшіе, что коммерція не самостоятельная отрасль управленія, а только часть министерства финансовъ [2]). Въ послѣднемъ засѣданіи, посвященномъ вопросу объ учрежденіи министерствъ (12 мая), обсуждались въ комитетѣ нѣкоторыя предложенія графа А. Р. Воронцова относительно

1—2) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 80—82 с.

этого предмета. Воронцовъ считалъ новое учрежденіе министерствъ „необходимымъ и совершенно сообразнымъ съ настоящими обстоятельствами“. По словамъ графа, „императрица Екатерина II въ началѣ своего царствованія имѣла туже мысль, но потомъ ее оставила“. Предложенія Воронцова относились къ организаціи министерствъ. Такъ онъ полагалъ образовать девять министерствъ и въ числѣ ихъ министерство коммерціи. Государственный казначей исключался изъ числа министровъ и устранялся отъ участія въ совѣтѣ. Обязанности генералъ-прокурора и министра юстиціи соединялись въ одномъ лицѣ. Комитетъ рѣшилъ образовать министерство коммерціи, замѣнивши имъ предположенное прежде министерство государственнаго казначейства, и согласился съ приведеннымъ предложеніемъ Воронцова о министрѣ юстиціи и съ его мнѣніемъ о ревизіи счетовъ, представляемыхъ министрами, особо учрежденной при сенатѣ ревизіонной коммиссіи Комитетъ принялъ также во вниманіе нѣкоторыя замѣчанія Воронцова по поводу организаціи министерства внутреннихъ дѣлъ и—народнаго просвѣщенія. Комитетъ долго обсуждалъ вопросъ о томъ, оставить ли за послѣднимъ министерствомъ его названіе, пока, наконецъ, рѣшился не обращать вниманія „на господствующій у насъ предразсудокъ, что просвѣщеніе опасно“ и образовать въ Россіи министерство народнаго просвѣщенія [1]).

Всѣ эти разсужденія членовъ неоффиціальнаго комитета по поводу вопроса объ учрежденіи министерствъ, резюмируются Чарторыйскимъ въ его „мемуарахъ“. „Цѣлью этой реформы, говоритъ онъ, было, по примѣру большинства другихъ европейскихъ государствъ, отдѣлить министерства, опредѣлить ихъ границы, соединить въ каждомъ отдѣльномъ министерствѣ всѣ однородныя дѣла, централизовать руководство ими

---

1) Протоколы etc., 84—87 с.

и такимъ образомъ увеличить отвѣтственность главныхъ органовъ государственной власти. Члены комитета, между прочимъ, надѣялись, что образованіе министерствъ будетъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ безчисленныхъ злоупотребленій, лихоимства и воровства, которыя составляютъ большое зло въ русскомъ управленіи“ [1]). Въ началѣ манифеста объ учрежденіи министерствъ говорится поэтому объ обязанности правительства заботиться объ „утвержденіи народнаго благоденствія, исправленіи всякаго зла, пагубнаго для него, отвращеніи всѣхъ причинъ, могущихъ подать поводъ къ нарушенію общаго и частнаго спокойствія открывать нужды народа, предупреждать ихъ и благоразумно, ревностно и дѣятельно способствовать соблюденію и утвержденію необходимаго во всемъ порядка и умноженію богатства“. Эта цѣль дѣятельности правительства можетъ быть достигнута раздѣленіемъ государственныхъ дѣлъ на разныя части сообразно естественной ихъ связи между собою и порученіемъ управленія ими отдѣльнымъ министрамъ. Все управленіе государственными дѣлами раздѣляется на восемь частей, изъ которыхъ каждая составляетъ отдѣльное министерство подъ непосредственнымъ управленіемъ особаго министра: 1) министерство военныхъ сухопутныхъ, 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія (1 ст.). Изъ нихъ первыя три министерства образуются изъ трехъ первыхъ государственныхъ коллегій, изъ которыхъ каждая подчинена особому министру (2 ст.). Министръ юстиціи долженъ былъ руководиться въ своей дѣятельности инструкціей генералъ-прокурора (3 ст.). „Должность министра внутреннихъ дѣлъ обязываетъ его пещись о повсемѣстномъ благосостояніи народа, спокойствіи, тишинѣ и благоустройствѣ

---

1) Czartoryski, Memoires, I, 313 p.

всей имперіи“. Поэтому ему подчинены мѣстные представители администраціи [1]) и цѣлый рядъ центральныхъ учрежденій [2]) (4 ст.). На министра финансовъ возложены: „управленіе казенными и государственными частями, кои доставляютъ правительству нужные на содержаніе его доходы, и генеральное всѣхъ доходовъ разсигнованіе по разнымъ частямъ государственныхъ расходовъ“ [3]). Министръ финансовъ долженъ въ концѣ каждаго года составить, сообразно съ доставленными остальными министрами табелями будущихъ расходовъ на ихъ вѣдомства, общій планъ государственныхъ доходовъ и расходовъ и препроводить его на Высочайшее усмотрѣніе (5 ст.). Должность министра коммерціи остается на прежнемъ основаніи (6 ст.). Наконецъ, министръ народнаго просвѣщенія обязанъ былъ заботиться о воспитаніи юношества и распространеніи наукъ въ государствѣ [4]) (7 ст). Всѣ министры, кромѣ военнаго и морскаго, имѣютъ у себя помощниковъ,—товарищей министровъ (8 ст.). Всѣ подвѣдомственныя министерствамъ мѣста сносятся съ ними о текущихъ дѣлахъ еженедѣльными *меморіями*, а въ затруднительныхъ случаяхъ—представленіями; министры же посылаютъ къ нимъ *предложенія*. Мѣста, подчиненныя министерствамъ,

---

1) Военные и гражданскіе губернаторы, казенныя палаты по административнымъ дѣламъ и губернскіе предводители дворянства, 2) Мануфактуръ-коллегія, медицинская, главная соляная контора, главное почтовое управленіе и экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства. 3) Министру финансовъ подчинены: бергъ-коллегія, монетный департаментъ, мануфактуръ-коллегія, экспедиція о заготовленіи и храненіи вексельной бумаги и часть экспедиціи государственнаго хозяйства, завѣдующая печатаніемъ вексельныхъ и заемныхъ писемъ, лѣсной департаментъ, оброчныя статьи, хозяйственное управленіе казенными землями, государственные банки, придворные банкиры и коммиссіонеры и казенныя палаты по нѣкоторымъ финансовымъ дѣламъ. 4) Министръ народнаго просвѣщенія „имѣлъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи“: главное училищное правленіе, академію наукъ, россійскую академію, университеты и всѣ другія училища, кромѣ женскихъ, подчиненныхъ матери государя, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, типографіи, народныя библіотеки и другія учрежденія для распространенія наукъ.

могутъ не согласиться съ замѣчаніями министра на ихъ меморіи и „представить ему о томъ свои разсужденія“. Но если министръ и послѣ того настаивать будетъ на своемъ мнѣніи, то оно должно быть исполнено безпрекословно (9 ст.). Въ случаѣ невозможности для министра разрѣшить собственною властью сомнѣнія мѣстъ, подчиненныхъ министерству, или отвратить какія-либо неудобства въ ходѣ дѣлъ министръ входитъ съ докладомъ въ такихъ случаяхъ къ государю, въ которомъ излагаетъ свои соображенія относительно средствъ къ устраненію встрѣтившихся затрудненій. Докладъ министра утверждается государемъ, если только онъ не противорѣчитъ существующимъ законамъ. Въ противномъ случаѣ изготовляется, по Высочайшему повелѣнію, по дѣлу указъ, который подписывается государемъ и контрасигнируется министромъ (10 ст.). Учрежденіе обязываетъ каждаго министра прежде поднесенія государю своихъ докладовъ предварительно „предлагать ихъ прочимъ министрамъ для надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями, въ вѣдѣніи ихъ находящимися“. При несоблюденіи какимъ-либо министромъ этого правила каждый изъ остальныхъ его товарищей имѣлъ право сдѣлать государю о томъ представленіе (11 ст.). Министры должны подавать ежегодно письменные отчеты о своей дѣятельности правительствующему сенату, который разсматриваетъ ихъ въ присутствіи самихъ министровъ, требуя отъ нихъ нужныхъ объясненій, сравниваетъ министерскіе отчеты съ законами и съ рапортами сенату отъ мѣстъ представленными и съ своими замѣчаніями препровождаетъ отчеты министровъ на Высочайшее усмотрѣніе. Сенатъ же имѣетъ право требовать отъ каждаго министра объясненій въ случаѣ дошедшихъ до него свѣдѣній о злоупотребленіяхъ въ вѣдомствѣ министра (12—14 ст.). Всѣ министры—члены совѣта и присутствуютъ въ сенатѣ. Въ засѣданіяхъ совѣта всѣ дѣла разсматриваются не иначе, какъ

въ присутствіи пяти министровъ, „въ числѣ которыхъ долженъ находится и министръ, по части коего дѣло будетъ трактовано“ (15 ст.) Указъ объ учрежденіи министерствъ опредѣляетъ еще обязанности товарищей министровъ, говоритъ о необходимости для каждаго министра назначить пріемные дни для просителей и въ заключеніе предлагаетъ всѣмъ министрамъ немедленно заняться образованіемъ своихъ канцелярій (16—19 ст.) [1]).

Разсматривая учрежденіе министерствъ 1802 г., мы замѣчаемъ, что на содержаніи его отразились взгляды, разсужденія и цѣлые проэкты членовъ неоффиціальнаго комитета, особенно же Новосильцева и графа Кочубея. Образованіе министерствъ носитъ на себѣ слѣды знакомства членовъ комитета съ французскими административными учрежденіями, на что, прежде всего, обратили вниманіе лица, враждебныя новымъ реформамъ въ управленіи. По словамъ Вигеля, учрежденіе министерствъ „было списано Сперанскимъ, по порученію членовъ комитета, точь въ точь съ министерствъ, коими французская директорія надѣялась поболѣе людей привязать къ своему существованію со всѣмъ преувеличеннымъ содержаніемъ французскаго учрежденія, со всѣмъ излишествомъ должностей“ [2]). Но ходъ работъ государя съ членами комитета надъ преобразованіемъ внутренняго управленія показываетъ, что они не подражали слѣпо французскимъ образцамъ. Мы видѣли, что государь отклонилъ предложеніе Кочубея воспользоваться для раздѣленія министерствъ и опредѣленія ихъ компетентности народнымъ французскимъ календаремъ [3]). При разсужденіяхъ по поводу организаціи министерства народнаго просвѣщенія Александръ Павловичъ высказалъ прямо, что „не все то удобно вводить у насъ, что хорошо за границей, что надлежало измѣнить для насъ

---

1) П. С. З., XXVII, № 20,406. 2) Записки Вигеля, Русскій Вѣстникъ, 1864, 4 кн., 465—466 с., 3) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 67 с.

многое изъ существующаго во Франціи сообразно обстоятельствамъ, и что у насъ есть старинныя учрежденія, къ коимъ слѣдовало бы примѣнить новыя“ [1]). Государь держался этого же взгляда при обсужденіи проэкта графа Кочубея. На его предложеніе упразднить коллегіи и замѣнить ихъ канцеляріями министровъ Александръ замѣтилъ, что „нельзя было уничтожить разомъ всѣ эти старинныя формы и что можетъ быть достаточно подчинить ихъ министрамъ и впослѣдствіи уже, когда онѣ на опытѣ окажутся безполезны, замѣнить ихъ другими учрежденіями“ [2]). Самъ графъ Кочубей былъ знакомъ съ докладомъ графа Н. И. Панина, о которомъ онъ упоминаетъ въ своихъ поясненіяхъ къ указу объ учрежденіи министерствъ. Кочубей заявилъ въ комитетѣ, что „сама Екатерина II имѣла намѣреніе преобразовать государственное управленіе и что графъ Панинъ представилъ ей планъ, въ который входило образованіе нѣсколькихъ министерствъ“ [3]). И дѣйствительно Панинъ въ своемъ докладѣ говоритъ, что русскій самодержавный государь „можетъ произвести свою власть въ полезное дѣйство только разумнымъ раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому персонъ“. Панинъ находилъ вреднымъ сосредоточеніе всей административной власти въ лицѣ генералъ-прокурора, который „не можетъ разсматривать всѣ разныя въ управленіи государства надобности по перемѣнамъ временъ и обстоятельствъ“. Графъ Панинъ, слѣдовательно, считалъ необходимымъ образованіе министерствъ, раздѣленіе государственнаго управленія между нѣсколькими отдѣльными лицами (министрами), которыя могли бы своевременно удовлетворять потребности общества, заботиться „о тѣхъ государственныхъ частяхъ, кои по ихъ натурѣ требуютъ всегдашняго поправленія, частыхъ перемѣнъ и полезныхъ новостей“. Панинъ

1—3) Протоколы etc., 58 и 73 с.

видитъ причину всѣхъ неустройствъ въ управленіи до Екатерины II именно въ томъ, что „въ верховномъ государевомъ мѣстѣ части государственныя были безъ раздѣленія и никоторая никому особливо не была поручена“. Въ докладѣ Панина „государственное управленіе“ дѣлится на восемь главныхъ частей, число которыхъ и вѣдомство каждой язъ „персонъ“, завѣдующихъ ими, напоминаютъ число министерствъ и ихъ компетентность въ проэктѣ Новосильцева и самомъ учрежденіи министерствъ 1802 года. И въ томъ, и другомъ мы находимъ, хотя и подъ другими названіями, нѣкоторыя части „государственнаго правленія“ въ докладѣ Панина. Таковы: министерство юстиціи, которое у Панина носитъ названіе еще суда народа, министерство иностранныхъ дѣлъ (внѣшняя политика) и министерство внутреннихъ дѣлъ (внутренняя политика—духовный законъ и права гражданскіе). „Оборона государственная“ была организована въ видѣ военнаго и морскаго министерствъ. Въ министерство финансовъ изъ проэкта Панина вошли въ учрежденіе министерствъ: „казенныя дѣла управленія, то есть, сравненіе и доброта ходячей монеты, сумма ея во всемъ государствѣ, всѣ государственные доходы съ штатами ихъ расходовъ и государственная экономія въ сохраненіи и умноженіи обывателей и въ земледѣліи“. Въ докладѣ Панина находилась и часть управленія, куда входили: „рукодѣлія, фабрики, мануфактуры, торгъ съ дѣлами купеческими и мѣщанскими“ [1]). Всѣ эти предметы составили въ учрежденіи министерствъ вѣдомство министерства коммерціи, которое возникло еще при Павлѣ Петровичѣ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Александръ Павловичъ и члены неоффиціальнаго комитета имѣли въ виду при своихъ работахъ надъ образованіемъ мини-

1) Докладъ графа Н. И. Панина Екатеринѣ II, Рус. Архивъ, 1871, IX, 1408—1414 и 1418 с. Въ докладѣ не было только особаго министерства народнаго просвѣщенія и оно было образовано вновь въ учрежденіи министерствъ 1802 г.

стерствъ 1802 г. прежнія попытки ихъ учрежденія въ Россіи и были знакомы и съ дѣйствительнымъ состояніемъ высшей администраціи, гдѣ еще при Екатеринѣ II произошло раздѣленіе дѣлъ внутренняго управленія и порученіе ихъ императрицей отдѣльнымъ лицамъ, а при Павлѣ I появилось нѣсколько настоящихъ министерствъ [1]). Новыя министерства при Александрѣ I получили сначала даже тотъ характеръ, какой имѣли министръ коммерціи и „главные директоры“ коллегій при Павлѣ Петровичѣ. Министры 1802 года были тѣже „главные директоры“ временъ Павла I, стоявшіе внѣ коллегій, которыя сохранили свою самостоятельность и прежній способъ дѣлопроизводства [2]). Коллегіи не были въ полномъ подчиненіи министрамъ, какъ лицамъ, самостоятельно завѣдующимъ главными отраслями управленія и единственно отвѣтственнымъ за весь ходъ дѣлъ въ своихъ вѣдомствахъ [3]). „Мѣста, коими министръ управлялъ, не принадлежали, говоритъ Сперанскій, къ составу самого министерства. Они были установленія внѣшнія, ему подчиненныя“ [4]). Положеніе коллегій въ управленіи съ образованіемъ министерствъ въ 1802 г. представлялось, по описанію Вигеля, въ слѣдующемъ видѣ. „Президенты трехъ первыхъ коллегій, которыя существовали всегда и теперь были преобразованы въ министерства иностранныхъ дѣлъ, военное и морское, ходили прямо съ докладами къ царю; члены же ихъ управляли экспедиціями, на кои были раздѣлены дѣла ихъ. Прочія коллегіи не имѣли ни одинаковой съ ними важности, ни равныхъ съ ними правъ. Ихъ президенты посылали доклады коллегій чрезъ статсъ-секретарей, дѣйствовали, од-

---

1) Мысль о необходимости учрежденія министерствъ въ Россіи была даже въ средѣ консервативной партіи; въ проэктѣ Державина о преобразованіи сената всѣ дѣла внутренняго управленія распредѣляются между нѣсколькими министрами. 2) См. 9 ст. учрежденія министерствъ. 3) Градовскій, 276 с. 4) Сперанскій, 40 с.

накоже, совершенно отъ нихъ независимо и чрезъ прокуроровъ состояли только подъ наблюденіемъ генералъ-прокурора. Изъ нихъ одна только медицинская передѣлана тогда въ экспедицію; прочія же коллегіи, оставаясь пока въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями, подчинены были вѣдомству пяти вновь учрежденныхъ министерствъ. Слово „министерства“, замѣчаетъ Вигель, было мало употребляемо: ихъ знали болѣе подъ названіемъ департаментовъ, ибо при каждомъ министрѣ находилось ихъ первоначально не болѣе, какъ по одному. Только впослѣдствіи съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ превратились оныя въ канцеляріи, а подвѣдомственныя министрамъ коллегіи образовались въ департаменты“ [1]). Неудобства такого чисто внѣшняго соединенія коллегіальнаго и личнаго начала въ новыхъ министерствахъ 1802 года, которымъ могли быть довольны развѣ только люди старой партіи [2]), повели за собою скорое упраздненіе коллегій, превратившихся въ экспедиціи министерствъ. Въ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея (въ 1803 г.), въ составленіи котораго участвовалъ Сперанскій [3]), была высказана рѣшительно мысль о необходимости уничтоженія

---

1) Записки Вигеля, ibidem, 467 с. 2) Трощинскій, напр., находилъ, что такимъ устройствомъ министерствъ 1802 г. государь желалъ установить въ государственномъ управленіи ходъ, сообразный съ дѣятельностью мѣстныхъ учрежденій, для чего въ министерствахъ были сосредоточены однообразныя дѣла, что министерства были посредниками между губернскими учрежденіями и лицемъ государя, что такимъ образомъ „ускорялось движеніе дѣлъ по коллежскому обряду“, что злоупотребленія власти органами управленія предотвращалось сохраненіемъ коллежскаго обряда, установленіемъ кромѣ прокурорскаго министерскаго надзора за безостановочнымъ движеніемъ дѣлъ, контролемъ сената за дѣйствіями министровъ и опредѣленіемъ точныхъ предѣловъ власти министровъ особыми инструкціями, и что при учрежденіи министерствъ имѣлось въ виду „удержаться отъ отмѣны старыхъ и введенія новыхъ учрежденій“ (Сборн. Рус. Ист. Общ., III, 34 с.). Эту послѣднюю цѣль Александръ Павловичъ имѣлъ дѣйствительно въ виду при образованіи министерствъ. Сохранить коллегіи, однако, думали только до тѣхъ поръ, пока „онѣ на опытѣ окажутся безполезными“, что и оказалось тотчасъ же при примѣненіи учрежденія министерствъ. 3) Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго“, 99 стр.

коллегій, которыя „были учреждены, по словамъ автора доклада, въ такое время, когда не было еще точныхъ понятій о системѣ управленія и когда нужно было отдѣлить въ приказахъ часть сужденія отъ части исполненія. Многотрудные обряды коллегій, порядокъ въ нихъ дѣлопроизводства представляютъ собою слѣдующія неудобства: 1) медленность, въ дѣлахъ правленія нетерпимая, составляетъ такъ сказать существо коллежскаго обряда, 2) недостатокъ раздѣленія работы и постепеннаго ея усовершенія, 3) множество формъ, совершенно излишнихъ, и образъ письмоводства весьма затруднительный и 4) недостатокъ отвѣтственности“. Неудобства эти умножаются, когда составъ коллегій разсматривается по отношенію къ министерству. „Министръ, дѣйствуя въ коллегіи, какъ главный директоръ, не можетъ иначе управлять ею, какъ только внѣшнимъ образомъ, то есть, онъ долженъ получать отъ нея меморіи о дѣлахъ текущихъ, разсматривать ея представленія, давать на нихъ предложенія, составлять доклады, предписывать исполненіе. Министръ долженъ имѣть для каждой коллегіи свою канцелярію и свой архивъ только для того, чтобы сказать коллегіи свою резолюцію или указъ. Сіе вводитъ министра въ безполезныя подробности, развлекаетъ вниманіе, отнимаетъ время и средства обозрѣть ихъ въ совокупности“. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ графъ Кочубей полагалъ устроить все дѣлопроизводство въ министерствахъ такимъ образомъ, чтобы „теченіе дѣлъ въ нихъ было ускорено безъ вреда“ для правильнаго ихъ обсужденія и рѣшенія. „Никакъ, говорится въ докладѣ, не должно употреблять къ такому дѣлу два или три лица, которое могло кончить одно съ равнымъ успѣхомъ“. Кочубей предлагалъ образовать въ министерствахъ отдѣленія, завѣдованіе которыми поручить особымъ лицамъ, отвѣтственнымъ за ходъ дѣлъ въ отдѣленіяхъ. Каждое дѣло должно было переходить по извѣстнымъ степенямъ

въ іерархическомъ порядкѣ, на каждой изъ нихъ опо „усовершалось, пополнялось и уяснялось и, такимъ образомъ, возрастая, восходило къ начальнику отдѣленія, а отъ него къ начальнику части“ [1]).

Вслѣдствіе доклада графа Кочубея центральныя коллегіи, за исключеніемъ первыхъ трехъ, постепенно были преобразованы въ департаменты, которые введены въ самый составъ министерства. Всѣ рѣшенія теперь исходили отъ министровъ. На такихъ началахъ централизаціи и установленія единства въ отдѣльныхъ отрасляхъ управленія было преобразовано сначала министерство внутреннихъ дѣлъ, а потомъ были сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ адмиралтейской коллегіи [2]). Но этимъ преобразованіемъ министерствъ 1802 г. не устранялись другіе существенные недостатки первоначальнаго ихъ учрежденія, которое оставалось несоглашеннымъ съ правами и властью одновременно преобразованнаго сената и образованнаго въ началѣ царствованія непремѣннаго совѣта [3]). „Какое мѣсто въ порядкѣ государственныхъ установленій должны были, спрашивалъ графъ Сперанскій, занимать министерства? Съ одной стороны, они равнялись сенату, ибо независимо отъ него управляли и получали Высочайшія разрѣшенія, съ другой, они были подчинены сенату и по отчетамъ, и потому, что стояли на той же чредѣ, гдѣ были прежнія коллегіи, и потому, что сенатъ, яко установленіе

---

1) П. С. З., XXVII, № 20,852, 2) Сперанскій, 41—42 с., Дмитріевъ Ѳ., 95—96 с., 3) Графъ Завадовскій такъ отзывался о министерствахъ 1802 г. въ своемъ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову. „Новая администрація государственная въ основаніи своемъ, говоритъ онъ, благоразумна и къ устройству государства преполезнѣйшая; но спѣша одержать лучшій образъ управленія и дабы не заклепать въ долгій ящикъ, во многомъ система сшита на живую нитку. Потому старый обрядъ съ новымъ часто сталкиваются; конечно, со временемъ всѣ отдѣленія установятся въ предположенный имъ бытъ, къ чему простерто стараніе, но доселѣ еще квасъ бродитъ образуемаго хаоса. Настанутъ министры, способные довершить вещи, а первымъ и то въ славу, что проложили лучшую дорогу Архивъ князя Воронцова, XII, 272 с.).

правительствующее, оставленъ былъ въ своей силѣ. Если же они были равны сенату, то они или первый департаментъ сената были излишни, ибо и въ нихъ, и въ семъ департаментѣ дѣла были однородныя. Если они подчинены были сенату, то отъ него или черезъ него должны были получать окончательныя рѣшенія“ [1]) Компетентность сената и министерствъ опредѣлена была указами объ ихъ образованіи одинаково. По указу о правахъ и обязанностяхъ сената послѣдній долженъ былъ заботиться „о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ и соблюденію общаго спокойствія и тишины, повсемѣстномъ наблюденіи правосудія“. По указу объ учрежденіи министерствъ въ ихъ обязанность также входило „споспѣшествованіе къ утвержденію народнаго спокойствія, сохраненію и возвышенію общаго всѣмъ благосостоянія и къ воздаянію каждому должнаго отъ лица правосудія“. Вѣдомство министра внутреннихъ дѣлъ почти совпадало какъ съ кругомъ общихъ дѣлъ сената, такъ и всѣхъ министерствъ: онъ былъ обязанъ „пещись о повсемѣстномъ благосостояніи народа, спокойствіи, тишинѣ и благоустройствѣ всей имперіи“. Однородностью административныхъ дѣлъ, порученныхъ сенату и министерствамъ, нарушались единство и порядокъ въ управленіи [2]) и ослаблялось административное значеніе сената вмѣстѣ съ увеличеніемъ въ тоже время власти министровъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточилось все государственное управленіе [3]). Министры были обременены всѣми его подробностями, что приводило къ медленности въ рѣшеніи дѣлъ [4]). Графъ Сперанскій причислялъ къ существеннымъ недостаткамъ организаціи министерствъ 1802 г.: отсутствіе точности въ распредѣленіи дѣлъ между отдѣльными министерствами, бывшее естественнымъ результатомъ

---

1) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ“, 43 с., 2 и 4) Дѣла комитета 6 дек., 1826 г., Записка Дибича, № 63, 3) Czartorysski, Memoires etc., I, 314 p.

„порядка вещей, который существовалъ прежде образованія министерствъ“, неопредѣленность власти министровъ и особенно недостатокъ отвѣтственности [1]). „По общему закону министръ, говоритъ Сперанскій, не можетъ дать никакого разрѣшенія въ поясненіе или дополненіе существующихъ правилъ. Отсюда необходимость испрашивать на всѣ случаи, даже и маловажные, Высочайшихъ повелѣній; получивъ же сіи повелѣнія, отвѣтственность министровъ становится не токмо излишнею, но даже и невозможною“ [2]). „Недостатокъ отвѣтственности, писалъ впослѣдствіи Сперанскій въ своемъ знаменитомъ „Проэктѣ уложенія государственныхъ законовъ“, даетъ всѣмъ дѣйствіямъ министровъ видъ произвола и дѣлаетъ то, что вмѣсто серьозныхъ сужденій, эти дѣйствія встрѣчаютъ только такіе отзывы, которые приводятъ въ заблужденіе публику: въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе публики, не находя никакой точки опоры, теряется въ пустыхъ предположеніяхъ, все осмѣиваетъ и вмѣсто того, чтобы содѣйствовать правительству, нападаетъ и клевещетъ на него. Такое положеніе вещей, дѣйствуя обратно на правительство, производитъ въ немъ робость; оно боится браться за вопросы, требующіе силы, твердости. Оттого его дѣятельность направляется главнымъ образомъ на текущія дѣла, и вся тактика министровъ состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать важныхъ вещей, имѣя однако видъ, что они неутомимо дѣйствуютъ и хлопочутъ“ [3]). Сенатъ, предъ которымъ министры были отвѣтственны за свои дѣйствія, не могъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ, хотя бы онъ и хотѣлъ этого: всѣ мѣры по управленію принимались министрами съ Высочайшаго разрѣшенія, по указамъ государя, на которые сенатъ въ силу извѣстнаго указа 1803 г. не могъ дѣлать при-

---

1) Tourgueneff: „La Russie et les russes“, III, notes, 321 p. (extraits des projets de Speranisky), 2) Сперанскій: „О государств. установленіяхъ“, 43 с., 3) Tourgueneff, ibidem.

мѣчаній [1]). Въ первые же два, три года, когда еще дѣйствовало правило о разсматриваніи сенатомъ министерскихъ отчетовъ, „мѣра отвѣтственности министровъ была ничтожна“, потому, что отчеты обсуждались людьми, мало знакомыми съ административными дѣлами [2]). „Министры, основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій стали, замѣчаетъ Карамзинъ, между государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастье докладывать государю“, заграждали уста сенаторамъ и сія мнимая отвѣтственность была пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государемъ, сообщались сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіей правили министры“ [3]). Вслѣдствіе докладовъ государю министрами по всѣмъ дѣламъ управленія „сенатъ, говоритъ авторъ „Записки о слѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и государственнаго совѣта“, оставался въ нѣкоторомъ бездѣйствіи власти, поелику онъ докладывалъ посредствомъ одного изъ тѣхъ же министровъ и нѣкоторые изъ нихъ докладывали пустыя дѣла“. Отсюда же произошли „скоропостижныя измѣненія въ законахъ и незрѣлыя мѣры, различныя дѣла стали прикрывать однимъ закономъ или одно дѣло двумъ разнымъ законамъ подвергали“ [4]). Противъ отстраненія сената отъ контроля въ управленіи и чрезмѣрнаго увеличенія власти министровъ возставалъ графъ С. Р. Воронцовъ, который въ своемъ письмѣ къ графу Кочубею (1803 г.) замѣчаетъ, что „сенатъ, бывшій при Пет-

---

1) Сперанскій: „О государ. установленіяхъ“, 42 с., ср. Записку Дибича, Дѣла комитета 6 дек. 1826 г. Впослѣдствіи Сперанскій въ своемъ планѣ государственнаго преобразованія Россіи думалъ предоставить „Государственной думѣ“ контроль за дѣятельностью министровъ; сенатъ, какъ учрежденіе, совершенно зависящее отъ верховной власти, не могъ, по его мнѣнію, замѣнить собою собранія, составленнаго изъ выборныхъ націи (Tourgueneff, ibidem), 2 и 4) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., № 72, „Записка о слѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и государственнаго совѣта“; ср. Записки Державина, 462 с., 3) Карамзинъ: „О древней и новой Россіи“, 2285 с.

рѣ I верховнымъ совѣщательнымъ собраніемъ и мѣстомъ главнаго надзора надъ всѣми отраслями управленія, теперь сдѣлался меньше, чѣмъ нулемъ, и какъ ненужный долженъ быть упраздненъ. Сентябрскія установленія 1802 г. (то есть, министерства) были хороши, хотя имѣли свои слабыя стороны, возникшія отъ поспѣшности и плохого выбора нѣкоторыхъ министровъ; они были необходимы, потому что вносили болѣе дѣятельности въ разныя сферы управленія и въ особенности потому, что ими устроенъ комитетъ всѣхъ министровъ, долженствовавшій обсуждать всѣ дѣла въ присутствіи государя. Но польза отъ этихъ новыхъ установленій невозможна безъ надзора за министрами со стороны сената, которому министры должны были давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Теперь же сенатъ только безучастный передатчикъ министерскихъ отчетовъ государю". Графъ Воронцовъ упрекалъ Кочубея въ томъ, что онъ, „явно заявивъ себя противъ сенатскаго вмѣшательства въ дѣйствія министровъ и желая рѣшительнымъ и откровеннымъ образомъ упразднить отвѣтственность министровъ передъ сенатомъ, имѣлъ намѣреніе показать сенату, что вопреки сентябрскимъ манифестамъ 1802 г. ему нѣтъ больше никакого дѣла до того, какъ управляется государство"[1]). Власти министровъ, освободившихся отъ контроля сената, не было положено границы какими-либо наказами, общими или частными, такъ какъ имъ не было дано ни тѣхъ, ни другихъ[2]). На этотъ недостатокъ въ новомъ учрежденіи министерствъ обратилъ вниманіе назначенный министромъ юстиціи Державинъ, который въ первомъ же засѣданіи комитета министровъ „открылъ свое мнѣніе, что безъ основательныхъ инструкцій или наставленій для каждаго министра по его должности не будетъ отъ сего комитета въ государственныхъ дѣлахъ

---

1) С. Р. Воронцовъ: „О внутреннемъ управленіи Россіи", Рус. Архивъ, 1881 XIX, 2, 155—162 с., 2) Сперанскій: „О госуд. установленіяхъ*, 42 с.

никакой пользы, ни успѣха, а напротивъ будутъ впадать въ обязанности одинъ другаго, перессорятся и все пойдетъ въ безпорядкѣ". Члены комитета министровъ, особенно же графъ А. Р. Воронцовъ, возстали противъ мнѣнія Державина, „сказавъ, что въ инструкціяхъ на первый случай нѣтъ нужды и что со временемъ оныя можно дать". Но Державинъ доказалъ своимъ товарищамъ, что при отсутствіи инструкцій министрамъ всѣ и даже незаконныя ихъ рѣшенія должны исполняться безпрекословно мѣстами, подчиненными министрамъ [1]). Державинъ же указалъ на явное противорѣчіе въ указѣ объ учрежденіи министерствъ при опредѣленіи должности министра юстиціи, который долженъ былъ руководиться инструкціей генералъ-прокурора, между тѣмъ какъ „власть и обязанность послѣдняго, яко ока государева, простирается на всѣ дѣла гражданскія и государственныя" [2]). Дѣятельность министровъ ускользала отъ контроля и государственнаго совѣта, въ которомъ они были непремѣнными членами. Отъ совѣта отходятъ къ министрамъ всѣ правительственныя дѣла, законодательныя и административныя, и ему остаются только одни судебныя [3]). Но даже и въ этомъ послѣднемъ отношеніи совѣтъ долженъ былъ конкурировать съ сенатомъ, который лишился своихъ административныхъ правъ и сталъ заниматься разсмотрѣніемъ лишь однихъ судебныхъ дѣлъ [4]). Такъ министры сдѣлались всесильными въ государственномъ управленіи какъ въ центральномъ, такъ и мѣстномъ, обратились въ самовластныхъ и безотвѣтственныхъ

---

1) „Всѣ, напр., коллегіи, говорилъ Державинъ, только именемъ однимъ существуютъ, а не дѣломъ, ибо безъ всякаго разсужденія должны исполнять министерскія предложенія или повелѣнія даже такъ, что ежели бы было что явно отъ министра предложено противъ законовъ и пользъ государственныхъ, то коллегіи и никто изъ членовъ никуда не могутъ протестовать противъ онаго, но записать только у себя въ журналахъ" (Записки Державина, 456—457 с.), 2) Записки Державина, 457 с., 3) Ѳ. Дмитріевъ, 92 с. 4) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., Записка Дибича.

начальниковъ отдѣльныхъ и обширныхъ отраслей управленія [1]), распоряжавшихся въ немъ произвольно подъ покровомъ личной отвѣтственности предъ государемъ за свои дѣйствія. Противъ такого развитія произвола министровъ сильно вооружается графъ С. Р. Воронцовъ въ цитированной нами своей запискѣ: „мнѣ всегда были противны, говоритъ онъ, злоупотребленія власти и министерскій деспотизмъ, отъ котораго блекнетъ все въ цвѣтущей странѣ, который оподляетъ людей и бываетъ виновникомъ бѣдствій какъ для подданныхъ, такъ и для самого государя“ [2]). Державинъ приводитъ фактъ самовольныхъ распоряженій министровъ въ управленіи. „Министры, говоритъ онъ, безъ всякаго уваженія какого-либо государственнаго члена или совѣта и остереженій прокуроровъ подавали сами отъ себя доклады государю о милліонахъ, который ихъ и конфирмовалъ, и уже сего исправить не можно было, а потому и зачали министры тащить казну всякій по своему желанію“ [3]). Министры старались избѣгать даже и того подобія взаимнаго контроля за ихъ дѣятельностью, который устанавливался при обязательномъ для каждаго министра предложеніи своего доклада на предварительное разсмотрѣніе прочимъ товарищамъ,—комитета министровъ. Графъ Завадовскій пишетъ С. Р. Воронцову (1803 г.): „комитетъ министерскій, чѣмъ далѣе, меньше воды имѣетъ на свою мельницу. По установленію должны бы всѣ дѣла чрезъ оный проходить, но министръ безпосредственно государю дѣлаетъ доклады, о чемъ комитетъ и не вѣдаетъ Едино еще не измѣняется, что самъ государь всякій разъ присутствуетъ въ ономъ, хотя дѣла и не всегда важны“ [4]). „Комитетъ, составленный един-

---

1) Что мысль объ отвѣтственности министровъ не была имъ совсѣмъ чужда, на это указываетъ, хранящійся въ дѣлахъ Архива Госуд. Совѣта, указъ о пенсіи одному почтовому чиновнику, контрасигнированный графомъ А. Р. Воронцовымъ, 2) С. Р. Воронцовъ: „О внутреннемъ управленіи Россіи“, ibid., 3) Записки Державина, 457—458 с., 4) Архивъ кн. Воронцова, XII, 272 с.

ственно изъ министровъ, собирался, говоритъ Трощинскій, весьма рѣдко“ [1]). „Министры, пишетъ графъ С. Р. Воронцовъ князю Чарторыйскому (въ апр. 1803 г.), не вносятъ дѣла въ комитетъ (и совѣтъ), предпочитая разсуждать о нихъ наединѣ съ государемъ, отъ котораго они и получаютъ согласіе на предлагаемыя ими мѣры“. Отсюда происходитъ недостатокъ „гармоніи въ актахъ управленія, потому что нѣтъ ни одной отрасли управленія, которая не отличалась бы сложностью и не имѣла бы никакого отношенія къ другимъ. Дѣла въ комитетѣ, добавляетъ Воронцовъ, предлагаются только для проформы, такъ какъ они заранѣе рѣшены въ присутствіи императора“ [2]). Но даже и такія рѣдкія и формальныя засѣданія комитета министровъ способствовали все тому же разширенію власти министровъ. Комитетъ министровъ съ самого своего возникновенія и до преобразованія государственнаго совѣта въ 1810 г. и изданія особаго „Учрежденія комитета министровъ“ (1802—1812 г.) оставался съ неопредѣленнымъ характеромъ своей организаціи и обширными правами въ управленіи. Мы видѣли, что при образованіи министерствъ предполагалось разсматривать въ комитетѣ только текущія дѣла; здѣсь же должны были обсуждаться всѣ новыя правительственныя мѣры [3]). „Комитетъ министровъ долженъ былъ, по мысли членовъ неоффиціальнаго комитета и самого государя, явиться, замѣчаетъ Куломзинъ, такимъ учрежденіемъ, въ которомъ всѣ новыя распоряженія или предположенія отдѣльныхъ министровъ, предварительно представленныя на Высочайшее утвержденіе, подвергались бы совокупному со стороны всѣхъ министровъ обсужденію для достиженія полнаго по отношенію къ нимъ соглашенія всѣхъ вѣдомствъ, и который вмѣстѣ съ тѣмъ

---

1) Трощинскій: Записка о министерствахъ, Сб. Рус. Ист. Общ., III, 42 с., 2) Архивъ князя Воронцова, XV, 158—160 с., 3) Протоколы засѣданій неоф. комитета, 81 и 86 с.

служилъ бы какъ бы гарантіей противъ возможности нарушенія отдѣльными министрами путемъ единоличныхъ докладовъ необходимаго единства". Комитетъ министровъ, слѣдовательно, долженъ былъ служить центромъ всего государственнаго управленія, объединявшимъ разнообразныя его отрасли [1]). Согласно предположеніямъ членовъ неоффиціальнаго комитета, одобреннымъ государемъ, въ учрежденіе министерствъ была включена слѣдующая статья (15): „въ комитетѣ министровъ, составленномъ единственно изъ министровъ, трактуются дѣла обыкновенныя". „Отсюда видно, замѣчаетъ Градовскій, что законодатель желалъ сдѣлать изъ комитета министровъ нѣкоторое подобіе тѣснѣйшаго собранія государственнаго совѣта; министры, какъ ближайшіе совѣтники короны, обсуждали бы въ немъ всѣ дѣла, нетребующія по особой важности своей полнаго собранія совѣта" [2]). На самомъ дѣлѣ, однако, въ комитетѣ министровъ „трактовались" не одни только „обыкновенныя дѣла". Это обстоятельство было, вѣроятно, причиною того факта, что нѣкоторые современники Александра I придавали комитету министровъ болѣе важное значеніе, нежели какое онъ имѣлъ по учрежденію министерствъ. „Сей комитетъ по первоначальному своему образованію учрежденъ былъ, замѣчаетъ сенаторъ Барановъ, для совѣщанія и личныхъ сношеній министровъ въ предметахъ важныхъ, которые по части правительственной выходили изъ круга обыкновенныхъ дѣйствій. Но единожды отступивъ отъ сего правила и не имѣя образованной канцеляріи, верховное сіе правительство подверглось неминуемымъ замѣшательствамъ. Отъ сего видѣли мы безпрестанную колеблемость въ мѣрахъ государственныхъ, и

---

1) Куломзинъ: „Журналы комитета министровъ". Царствованіе императора Александра I (1802—1826). Томъ первый (1802—1810), Спб., 1888, 9 стр.,
2) Градовскій: „Русское государ. право", II, 102 с.

единство управленія терялось“ [1]). Но графъ Сперанскій не признаетъ за комитетомъ значенія „ни особаго мѣста, ни установленія: сей комитетъ былъ только образомъ совокупнаго доклада министровъ въ присутствіи государя“ [2]). Въ какихъ случаяхъ должны были происходить эти „совокупные доклады“ министровъ государю, объ этомъ въ учрежденіи министерствъ не было сказано. Дѣла въ комитетѣ министровъ „докладывались, по словамъ Державина, безъ всякихъ справокъ и соображеній, о которыхъ въ присутствіи императора заводить споры безъ точнаго освѣдомленія было неловко, да и непристойно“ [3]). Карамзинъ сравнивалъ комитетъ министровъ съ „совѣтомъ шести или семи разноземцевъ, изъ конхъ всякій говоритъ особеннымъ языкомъ, не понимая другихъ. Каждый изъ министровъ, имѣя нужду въ сговорчивости товарищей для своихъ особенныхъ выгодъ, самъ дѣлается сговорчивымъ“ [4]). На эту послѣднюю черту въ дѣятельности комитета министровъ разсматриваемаго періода указываетъ и авторъ „Записки о слѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и государственнаго совѣта“. „Въ министерскихъ комитетахъ, говорится въ этой запискѣ, каждый изъ видовъ собственныхъ бережъ дѣла другаго. Поэтому общее министерство не имѣло равновѣсія съ сенатомъ“ [5]). Изъ того, что комитетъ министровъ былъ „образомъ совокупнаго доклада въ присутствіи государя“ слѣдовало, что въ его отсутствіе министры могли и не предлагать своихъ дѣлъ на обсужденіе комитета. Такъ происходило при обыкновенномъ теченіи дѣлъ въ государственномъ управленіи. Въ экстренныхъ случаяхъ комитетъ министровъ становится во главѣ

---

1) Дѣла Комитета 6 дек. 1826 г., № 20, Барановъ: „Проэктъ системы гражданскаго управленія“ (напечатанъ безъ обозначенія имени автора въ „Архивѣ ист. и практ. свѣдѣній Россіи“ Калачева, III ,50—59 с.), 2) Сперанскій: „О государств. установленіяхъ“, 42 с., 3) Записка Карамзина, 2286 с., 4) Записки Державина, 458 с. и сл., 4) Дѣла комитета 6 дек. 1826 г., № 72.

всего управленія, получаетъ особыя полномочія отъ государя. Такъ именно было въ 1805 и 1808 г.г., когда Александръ Павловичъ уѣзжалъ за границу. Правила 1805 г. опредѣляли составъ и компетентность комитета министровъ, который долженъ былъ состоять изъ министровъ и ихъ товарищей (15 ст.). Въ отсутствіе государя предсѣдательствуетъ поочередно въ теченіе четырехъ дней каждый изъ его членовъ, начиная со старшаго. Комитетъ министровъ разсматриваетъ дѣла, по которымъ каждый изъ нихъ обязанъ подносить доклады Е. В., текущія дѣла, поручаемыя государемъ комитету, и тѣ, которыя министръ сочтетъ за нужное представить въ комитетъ для разрѣшенія собственныхъ своихъ сомнѣній (5 ст.). Осьмая же статья правилъ уполномочивала комитетъ министровъ разрѣшать собственною властью и тѣ дѣла, которыя „зависятъ единственно отъ Высочайшаго разрѣшенія“. Правила 1805 г. опредѣляютъ порядокъ доклада и слушанія дѣлъ въ комитетѣ министровъ и представленія ихъ на Высочайшее усмотрѣніе [1]) Въ 1808 г. полномочія комитета министровъ были разширены еще болѣе. Онъ былъ составленъ теперь только изъ однихъ министровъ (3 ст.). Кромѣ обыкновенныхъ своихъ дѣлъ, комитетъ министровъ долженъ былъ заботиться о „сохраненіи всеобщаго спокойствія и тишины гражданской и обезпеченіи народнаго продовольствія“, что входило и въ компетентность сената. Послѣдній подчинялся комитету, въ который министерство внутреннихъ дѣлъ и остальныя вѣдомства должны были представлять всѣ свѣдѣнія, относящіяся до благосостоянія и безопасности государства. Въ комитетъ же министровъ обязанъ былъ обращаться каждый изъ нихъ по всѣмъ текущимъ дѣламъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія (9 ст.). Въ силу же 23 ст. комитетъ министровъ „по зрѣломъ разсуж-

1) П. С. З., XXVIII, № 21,896, см. Куломзинъ: „Журналы комитета министровъ“, 15—16 с.

деніи и уваженіи дѣлъ и подъ собственной отвѣтственностью всѣхъ его членовъ могъ давать разрѣшенія и уполномочивать министровъ къ исполненію дѣлъ, нетерпящихъ ни малѣйшаго отлагательства и требующихъ въ обыкновенномъ порядкѣ Высочайшаго разрѣшенія“ [1]). Правила 1808 г. были подтверждены государемъ по возвращеніи его изъ за границы въ томъ же году дополнительными правилами. Отмѣнены были лишь тѣ ихъ статьи, которыя сдѣлались ненужными съ присутствіемъ государя (16—19 ст.) [2]). Такъ комитетъ министровъ сдѣлался высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ и при обыкновенномъ теченіи въ немъ дѣлъ правленія. „Такъ какъ правила 1808 г. не заключали въ себѣ точнаго опредѣленія предметовъ и предѣловъ вѣдомства комитета министровъ, то въ концѣ первой эпохи преобразованій Александра I въ комитетъ вносились, по словамъ Куломзина, безъ всякаго разбора на ряду съ наиболѣе важными вопросами законодательнаго свойства, а также вопросами, относящимися до высшей административной, финансовой и даже внѣшней политики, и самыя мелкія дѣла управленія“ [3]). Слѣдовательно, комитетъ министровъ за это время оттѣснилъ на второй планъ государственный совѣтъ и сенатъ, сталъ фактически высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, состоявшимъ изъ министровъ и обладавшимъ всѣми функціями государственнаго управленія.

Таковъ былъ окончательный результатъ административныхъ реформъ перваго періода преобразовательной дѣятельности Александра I. Она началась признаніемъ за государственнымъ совѣтомъ законодательныхъ правъ; затѣмъ послѣдовали: порученіе сенату судебной функціи и правильная ор-

---

1—2) П. С. З., XXX, №№ 23,262 и 23,352, 3) Куломзинъ: „Журналы комитета министровъ“, 19 с. „Комитетъ министровъ въ началѣ своего существованія совмѣщалъ въ себѣ, замѣчаетъ Куломзинъ, значеніе и законодательнаго учрежденія, и совѣта министровъ, и коммиссіи прошеній, и высшей инстанціи административной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и судебной власти“ (55 с. и слѣд.).

ганизація внутренняго управленія, раздѣленнаго на отдѣльныя отрасли, какъ самостоятельныя вѣдомства, которыми завѣдовали отдѣльныя лица [1]). Различныя части управленія были сгруппированы болѣе прежняго, однородныя административныя дѣла перешли въ руки министровъ, стоявшихъ во главѣ особыхъ, обширныхъ вѣтвей управленія [2]). Но благодаря неопредѣленности въ обозначеніи круга вѣдомства каждаго министра, отсутствія дѣйствительной отвѣтственности министровъ и другихъ недостатковъ въ учрежденіи министерствъ и сената въ 1802 г. также, какъ и въ образованіи государственнаго совѣта, въ государственномъ управленіи выдвинулось на первый планъ и достигло необыкновеннаго развитія личное его начало, постепенно развивавшееся въ русскомъ высшемъ управленіи. Воплотившись въ вновь образованныхъ министерствахъ и комитетѣ министровъ, личное начало взяло верхъ надъ коллегіальнымъ точно также, какъ ранѣе (при Петрѣ I) послѣднее получило преобладаніе надъ первымъ. Съ перевѣсомъ бюрократическаго принципа въ управленіи должно было ослабнуть значеніе обоихъ высшихъ учрежденій, организованныхъ на коллегіальномъ началѣ,—государственнаго совѣта и сената: оба они лишились важнѣйшихъ изъ своихъ функцій—первый правъ законодательныхъ, второй—права высшаго контроля надъ ходомъ администраціи и непосредственнаго въ ней участія. Изъ дѣлъ управленія имъ обоимъ остались, подходящія къ ихъ коллегіальной организаціи, одни судебныя дѣла, какъ отличныя по своему характеру отъ остальныхъ дѣлъ внутренняго управленія. Возстановить нарушенное равновѣсіе между высшими учрежденіями въ русскомъ управленіи и распредѣлить болѣе точнымъ и правильнымъ образомъ функціи управленія между государственнымъ совѣтомъ, сенатомъ и министерствами

---

1) Градовскій: „Высшая администрація въ XVIII в.“, 275—276 стр., 2) Ѳ. Дмитріевъ, 89—90 стр.

было главной задачею преобразовательной дѣятельности Александра Павловича во второй періодъ его реформъ, совершенныхъ имъ при помощи знаменитаго дѣятеля въ исторіи образованія русскаго государственнаго управленія, графа М. М. Сперанскаго.

ГЛАВА IV-я.

Труды графа Сперанскаго по преобразованію высшаго русскаго управленія въ первую эпоху реформъ Александра I. Вліяніе на Александра Павловича и Сперанскаго Наполеона I. „Проэктъ уложенія государственныхъ законовъ" Сперанскаго. Его-же записка: „О необходимости учрежденія государственнаго совѣта". Образованіе совѣта и его отношеніе къ министерствамъ, комитету министровъ и сенату.

Административныя реформы второй эпохи въ преобразовательной дѣятельности Александра Павловича находятся въ тѣсной связи съ его реформами въ первую половину его царствованія: въ реорганизаціи всѣхъ высшихъ русскихъ государственныхъ учрежденій въ 1810 г. отразились основныя политическія воззрѣнія самого государя и новаго энергичнаго и геніальнаго его сотрудника, графа Сперанскаго. Послѣдній сдѣлался извѣстнымъ Александру въ первое же время его царствованія; государь постепенно приблизилъ его къ своей особѣ, замѣнилъ имъ первыхъ своихъ помощниковъ въ преобразованіяхъ—членовъ неоффиціальнаго комитета. Есть основаніе думать, что Сперанскій принималъ нѣкоторое участіе и въ преобразованіи сената въ 1802 г.[1]).

---

1) Въ Архивѣ Государ. Совѣта хранится проэктъ устройства сената, написанный рукою Сперанскаго и относящійся, по нѣкоторымъ признакамъ, къ преобразованію сената въ 1802 г. (Дѣла комитета предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта, 2-я папка, 6-я тетрадь, по Архиву № 9); мы коснемся того проэкта во 2-мъ томѣ нашего изслѣдованія.

Извѣстно, что Сперанскому принадлежитъ редакція доклада графа Кочубея о преобразованіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Самъ Сперанскій упоминаетъ въ своемъ „Пермскомъ письмѣ“ къ государю о „порученіи ему чрезъ графа Кочубея составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Россіи“. Сперанскій, „мысли и сердце котораго, по его словамъ, всегда слѣдовали“ за преобразованіями первыхъ годовъ александровскаго царствованія, исполнилъ это порученіе государя „съ усердіемъ“ [1]). Можно думать, что основныя мысли этого плана вошли въ проэктъ учрежденія губернскихъ мѣстъ, написанный Сперанскимъ въ 1803—1804 г.г. [2]). Изъ названнаго проэкта видно, что уже въ это время Сперанскій имѣлъ опредѣленныя понятія о необходимыхъ реформахъ во всемъ русскомъ управленіи; многіе изъ политическихъ взглядовъ Сперанскаго, высказанныхъ въ упомянутомъ проэктѣ, получили впослѣдствіи болѣе точную, ясную и законченную форму у Сперанскаго въ его планѣ преобразованія всѣхъ правительственныхъ учрежденій. Добрая половина названнаго проэкта Сперанскаго (1803—1804 г.) посвящена сначала указанію существенныхъ недостатковъ въ организаціи государственнаго совѣта, сената и комитета министровъ, а потомъ изложенію основаній, на которыхъ должны быть преобразованы всѣ эти учрежденія. Сперанскій отмѣчаетъ отсутствіе въ ихъ устройствѣ опредѣленій о степени власти въ управленіи каждаго изъ нихъ, точнаго установленія компетентности и взаимныхъ отношеній другъ къ другу. „Всѣ они, замѣчаетъ Сперанскій, не имѣютъ собственной политической силы, а зависятъ въ бытіи и въ дѣйствіи отъ единой воли и мановенія силы самодержавной.

---

1) Богдановичъ, назв. соч., V т., приложеніе, 49 с. (письмо Сперанскаго къ Александру I изъ Перми), 2) Этотъ проэктъ, написанный рукою Сперанскаго, хранится въ Имп. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, въ отдѣленіи рукописей, въ архивѣ Рѣпинскаго подъ рубрикой: „Работа Сперанскаго 1803—1804 г.“.

Верховное начало въ Россіи—государь самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власть законодательную и исполнительную и располагающій неограниченно силами государства. А потому мѣста для каждой изъ нихъ устанавливаемыя въ разумѣ настоящей государственной конституціи не сами собою, но силой самодержавной существовать могутъ. *Они въ существѣ своемъ суть два отдѣленія государева кабинета;* но во мнѣніи народномъ представляютъ мѣста внѣшнія и умѣряютъ собою самодержавіе". Замѣтивши, что „усовершеніе мѣстнаго управленія не можетъ быть сдѣлано безъ усовершенія общаго государственнаго", Сперанскій устанавливаетъ два главныхъ рода государственныхъ установленій: законодательныя и исполнительныя. „Все то, что принадлежитъ до постановленія, усовершенія и охраненія государственнаго закона и уложенія, будетъ входить въ *первое сословіе*, которое можно назвать *сенатомъ законодательнымъ*. Все то, что принадлежитъ до постановленій временныхъ, временныхъ учрежденій и исполненія законовъ, будетъ входить во *второе сословіе*, которое можно назвать *сенатомъ исполнительнымъ*. Послѣдній раздѣляется на двѣ части: сенатъ судный и управляющій". Сперанскій предпочитаетъ названіе сената министерствомъ въ виду того, что онъ долженъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ общихъ дѣлахъ управленія (обнародованіи законовъ, производствѣ въ чины и др.) и—„необходимаго уваженія въ народѣ". Законодательный сенатъ составляется изъ членовъ, избираемыхъ государемъ. „Министры присутствуютъ въ сенатѣ законодательномъ съ голосомъ разсужденія (voix deliberation), но журналовъ не подписываютъ и мнѣній по онымъ не даютъ. Отсутствіе министра замѣняется его товарищемъ; отсутствіе обоихъ не останавливаетъ собранія. Сенаторъ законодательнаго отдѣленія не можетъ быть министромъ, не сложа съ себя сего званія, и напротивъ сенаторъ законодательнаго от-

дѣленія можетъ вмѣстѣ быть сенаторомъ суднаго". Сперанскій устанавливаетъ особую форму совмѣстныхъ засѣданій законодательнаго сената съ обоими изъ отдѣленій исполнительнаго. Именно „въ дѣлахъ верховной важности, относящихся до суда, законодательный сенатъ соединяется съ сенатомъ суднымъ и составляетъ въ семъ видѣ *судъ верховный*, могущій не только рѣшить дѣло по существующимъ законамъ, но въ недостаткѣ оныхъ или очевидномъ несходствѣ *постановить законъ новый*, не взирая на то, что постановленіе сіе учреждается по частному случаю. Въ дѣлахъ таковой же важности, относящихся до прочихъ частей управленія, сенатъ законодательный соединяется съ сенатомъ управляющимъ и составляетъ въ семъ видѣ *верховное правительство*, могущее не только рѣшить предстоящій вопросъ окончательно, по и *постановить законъ*. Въ семъ соединеніи министры имѣютъ уже голосъ рѣшительный подобно прочимъ членамъ сената законодательнаго". Канцелярія послѣдняго сената состоитъ изъ трехъ письмоводителей съ нѣсколькимя писцами. Во главѣ ея стоитъ одинъ изъ сенаторовъ, который представляетъ журналы государю. Компетентность законодательнаго сената, который долженъ собираться два раза въ недѣлю, опредѣляется Сперанскимъ слѣдующимъ образомъ. „Упражненія его суть: I) постановленія закона, гражданскаго и уголовнаго, II) усовершеніе закона, гражданскаго и уголовнаго, III) охраненіе закона въ исполненіи". Въ первомъ отношеніи сенатъ законодательный разрѣшаетъ на основаніи государственныхъ законовъ дѣла сената суднаго, неопредѣленныя закономъ, и представляетъ свои рѣшенія на утвержденіе государя. „Усовершеніе законовъ" составляетъ предметъ занятій коммиссіи о составѣ уложенія, которая управляется однимъ изъ сенаторовъ. Эта коммиссія, гдѣ работаютъ четыре юрисконсульта, занимаются только приведеніемъ въ порядокъ существующихъ законовъ. Къ „усовершенію же законовъ"

относятся „тѣ случаи, когда въ сенатѣ судномъ встрѣтится дѣло, которому изданные законы или противорѣчащи или общей пользѣ противны“. Наконецъ, что касается „охраненія закона въ исполненіи его“, какъ функціи законодательнаго сената, то „сюда принадлежатъ: 1) жалобы на министровъ, по Высочайшимъ повелѣніямъ вносимыя, 2) ревизія всѣхъ новыхъ актовъ сената исполнительнаго по отношенію ихъ не къ внутренней добротѣ ихъ, но къ кореннымъ государственнымъ законамъ“. Сперанскій, далѣе, указываетъ порядокъ дѣлъ, „коимъ они входятъ, производятся и кончатся въ сенатѣ законодательномъ“. Дѣла входятъ: I) отъ сената суднаго и II) и—управляющаго. Въ первомъ случаѣ—„1) по недостатку закона, 2) по негодности его; отъ коммиссіи—по мѣрѣ приведенія законовъ въ порядокъ. Отъ сената управляющаго впосятся всѣ мѣры, вновь имъ принимаемыя или съ отмѣной прежнихъ уставовъ соединенныя, отъ государя—жалобы, прямо на министровъ приносимыя, отъ министровъ—ихъ отчеты. Дѣла въ законодательномъ сенатѣ производятся журнальною запискою, въ которой обозначается кратко содержаніе дѣла и мнѣніе сената: *законодательный сенатъ* не есть корпусъ внѣшній политическій, но *отдѣленіе государева кабинета*, въ коемъ всегда онъ почитается присутствующимъ. Въ предварительномъ разсмотрѣніи актовъ сената исполнительнаго сенатъ законодательный наблюдаетъ только, не противны ли они законамъ существующимъ и какимъ именно, не занимаясь пользой ихъ или вредомъ, понеже разсужденіе сіе почитается уже оконченнымъ въ сенатѣ исполнительномъ. Дѣла въ законодательномъ сенатѣ оканчиваются представленіемъ государю журнальной записки. Никакого видимаго акта этотъ сенатъ представить не можетъ. Объ окончаніи дѣлъ и о выходящихъ указахъ узнаетъ онъ изъ сообщеній сената исполнительнаго, который одинъ получаетъ на имя свое указы и приводитъ ихъ въ дѣйствіе“.

Сперанскій снабдилъ своей проэктъ образованія законодательнаго и исполнительнаго сената [1]) примѣчаніями, въ которыхъ говорится, что ихъ учрежденіе „основано *на недѣлимости власти самодержавной*. Ни сенатъ законодательный, ни сенатъ исполнительный не могутъ сдѣлать движенія безъ воли государя, въ существѣ своемъ они суть непосредственныя только его орудія и собственной силы не имѣютъ. Между тѣмъ наружною важностью своею и составомъ они утверждаютъ народное мнѣніе, возводятъ его ближе къ идеямъ монархическимъ и ставятъ Россію на одной чредѣ съ прочими государствами европейскими, не отнимая ничего отъ силы ей необходимаго самодержавія“. По мнѣнію Сперанскаго, въ проэктированныхъ имъ установленіяхъ „государь благонамѣренный не найдетъ никакихъ препятствій къ совершенію своихъ предположеній. Но самодержецъ, который бы захотѣлъ употребить во зло неограниченную его волю, встрѣтилъ бы твердую преграду своимъ насиліямъ, ежели не въ самыхъ сихъ установленіяхъ, то во мнѣніи, въ увѣренности, привычкахъ народныхъ особливо, когда привычки сіи долголѣтнимъ продолженіемъ добраго царства въ сердцахъ укрѣпятся. Сіе укрѣпленіе, прибавляетъ Сперанскій, всегда было надежнѣйшимъ оплотомъ политической свободы и можетъ быть лучшей гарантіей закона“. Сперанскій указываетъ на ту черту проэктируемаго имъ „образа правленія“, что онъ „столько сближенъ съ монархическимъ, сколько конституція Россіи можетъ сіе позволить, не вводя великихъ перемѣнъ“. Но главная „польза“ этихъ учрежденій, продолжаетъ Сперанскій, „состоитъ въ удобности, какую сей образъ правленія имѣетъ, чтобы со временемъ превратиться въ совершенную монархическую систему. Въ са-

---

1) „Для различія и большаго въ народѣ впечатлѣнія каждое отдѣленіе сената должно имѣть, говоритъ Сперанскій, свойственное ему одѣяніе“.

момъ дѣлѣ, пріучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ отдѣленіи, онъ воспитываетъ, такъ сказать, духъ его къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, то есть, когда развитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣже, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное. Тогда надобно только будетъ сенатъ законодательный составить по другой лучшей системѣ, переименовавъ сенатъ судный высшимъ судомъ и основавъ его подобно прочимъ частямъ управленія на единствѣ, ввести съ нимъ въ параллельное положеніе; тогда все превратится въ истинную монархическую систему". „Но если бы, замѣчаетъ Сперанскій, сія организація и ничего другаго не представила, кромѣ раздѣленія сего неустройства, какое теперь существуетъ въ сенатѣ и въ отношеніяхъ его къ прочимъ частямъ правительства, то подъ симъ единственнымъ видомъ необходимо бы принять его было должно". Результатомъ предлагаемой Сперанскимъ реформы въ управленіи явится, по его словамъ, то, что „первымъ и скорымъ дѣйствіемъ законодательнаго сената быть можетъ и должно изданіе законовъ не новыхъ и не совершенныхъ, но прежнихъ, въ порядокъ и ясность приведенныхъ. Одна сія операція сдѣлаетъ въ Россіи добра и произведетъ въ народѣ ощущеніе болѣе, нежели многія другія". Для приведенія своего плана въ исполненіе Сперанскій совѣтуетъ предпринять цѣлый рядъ подготовительныхъ мѣръ и затѣмъ *открыть всѣ новыя учрежденія въ одно время*. „дабы вступая всѣ вмѣстѣ въ новый порядокъ вещей, представляли они стройное цѣлое, коего всѣ части покорены одному закону".

Въ этомъ проэктѣ Сперанскаго о преобразованіи выс-

шихъ государственныхъ учрежденій видно намѣреніе автора сохранить при реформахъ принципъ самодержавія и уже существующее устройство высшаго управленія въ Россіи. Въ тоже время онъ желаетъ удовлетворить постоянному стремленію Александра Павловича ввести законность въ управленіе и приблизить русское государство къ истиннымъ монархическимъ формамъ, аналогичнымъ съ западно-европейскимъ политическимъ устройствомъ. Сперанскій надѣется на достиженіе этой послѣдней цѣли только при условіи развитія въ народѣ общественнаго мнѣнія, какъ гарантіи закона болѣе прочной, нежели политическія учрежденія. Примѣняясь къ жившимъ въ сознаніи русскаго общества представленіямъ объ исконномъ высшемъ, правительственномъ значеніи сената, Сперанскій оставляетъ это названіе и за законодательнымъ учрежденіемъ. „Законодательный сенатъ“ пользуется въ его проэктѣ всѣми правами государственнаго совѣта, обладаетъ правомъ „постановлять, усовершать государственный законъ“ [1]) и „охранять законъ въ исполненіи“. Но въ тоже время „законодательный сенатъ“ является у Сперанскаго и высшимъ контролирующимъ, административнымъ и даже судебнымъ учрежденіемъ въ имперіи. Сперанскій старается опредѣлить его составъ и компетентность, хотя права законодательнаго сената въ постановленіи и усовершеніи закона и довольно сбивчивы, неточны и неполны. Министры имѣютъ рѣшительный голосъ въ совѣтѣ Сперанскаго только въ исключительныхъ случаяхъ (при соединеніи законодательнаго сената съ управляющимъ): такимъ путемъ онъ думалъ ограничить власть министровъ въ управ-

---

1) Подъ „государственнымъ закономъ“ Сперанскій разумѣетъ „законъ, опредѣляющій первоначальныя права и отношенія всѣхъ государственныхъ классовъ между собою“ (конституцію). Терминъ „уложеніе“ въ его проэктѣ „означаетъ законъ гражданскій и уголовный (code civil et criminel), управленіе—administration, правленіе—правительство, (gouvernement) устройство—составъ (organisation)“.

ленiи. Сперанскiй, однако, хочетъ обезпечить независимость административной власти, которую онъ отдѣляетъ отъ законодательной подъ названiемъ исполнительной. Но изъ сферы послѣдней выдѣляется, въ свою очередь, судебная власть, которая поручается судному сенату, какъ администрацiя— сенату управляющему. Такъ рѣшительно вносится Сперанскимъ въ устройство высшаго управленiя идея раздѣленiя властей. Но этотъ принципъ нарушается предлагаемымъ имъ соединенiемъ законодательнаго сената съ суднымъ и управляющимъ „въ дѣлахъ верховной важности“. „Сенатъ управляющiй“ надѣляется Сперанскимъ правомъ самостоятельнаго управленiя и исполненiя законовъ. Министры по проэкту отвѣтственны за свою дѣятельность предъ законодательнымъ сенатомъ, который разсматриваетъ ихъ отчеты и разбираетъ жалобы на незаконныя дѣйствiя министровъ, приносимыя государю. Въ этомъ введенiи въ организацiю высшаго русскаго управленiя принципа отвѣтственности, какъ и названiи сенатовъ, законодательнаго и исполнительнаго, „сословiями“ выражается знакомство Сперанскаго съ западноевропейскими учрежденiями и его солидарность съ основными политическими взглядами самого государя и членовъ неоффiцiальнаго комитета. Сперанскiй не рѣшается признать оба сената „публичными установленiями“, а называетъ ихъ только „отдѣленiями государева кабинета“. Причину такой его нерѣшительности можно видѣть, съ одной стороны, въ начинавшемся во время составленiя Сперанскимъ своего проэкта паденiи законодательнаго значенiя непремѣннаго совѣта [1]). Съ другой же, самъ онъ смотрѣлъ на про-

---

1) Сперанскому, который былъ близокъ къ графу Кочубею, было, безъ сомнѣнiя, извѣстно все нерасположенiе къ непремѣнному совѣту членовъ комитета и онъ хорошо былъ знакомъ съ состоянiемъ высшаго управленiя послѣ преобразованiя сената и учрежденiя министерствъ, отодвинувшихъ на второй планъ непремѣнный совѣтъ.

эктируемыя имъ преобразованія, какъ только на временныя, переходныя: онъ давалъ только въ своемъ проэктѣ „рамы“, въ которыя, онъ надѣялся, со временемъ „вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное“. Время это настало гораздо скорѣе, нежели ожидалъ самъ Сперанскій, которому самому пришлось создать новый и на этотъ разъ болѣе совершенный и обширный планъ всеобщаго преобразованія русскаго управленія и участвовать въ осуществленіи нѣкоторыхъ частей этого плана.

Появленію плана Сперанскаго и послѣдовавшимъ за нимъ новымъ реформамъ въ высшей русской администраціи предшествовало тѣсное сближеніе Сперанскаго съ Александромъ Павловичемъ, сдѣлавшееся замѣтнымъ особенно послѣ ихъ поѣздки въ Эрфуртъ для вторичнаго свиданія императора съ Наполеономъ I (въ 1808 г.) [1]). Личность послѣдняго должна была оказать сильное вліяніе на впечатлительную натуру Александра I. При всемъ своемъ безграничномъ честолюбіи Наполеонъ I былъ среди тогдашнихъ западно-европейскихъ монарховъ единственнымъ представителемъ идеи политическаго и соціальнаго обновленія жизни европейскихъ народовъ, геніальнымъ человѣкомъ, выступившимъ въ своей неутомимой дѣятельности въ ихъ средѣ во имя новыхъ принциповъ общественнаго устройства [2]), осуществленіе которыхъ составляло завѣтную цѣль всей дѣятельности и самого Алек-

---

1) Первое свиданіе Александра съ Наполеономъ произошло, какъ извѣстно, въ Тильзитѣ (1807 г.). 2) Л. ф.-Штейнъ замѣчаетъ, что Наполеонъ I былъ истиннымъ краеугольнымъ камнемъ новаго общества и что въ конституціяхъ, введенныхъ Наполеономъ I въ покоренныхъ имъ западно-европейскихъ государствахъ, „выразилась идея новаго европейскаго политическаго порядка“ надъ старымъ, феодальнымъ. Онѣ были „первымъ выраженіемъ глубокаго соціальнаго преобразованія, начавшагося въ исторіи міра съ XIX столѣтія“ (L. v. Stein: „Geschichte d. socialen Bewegung in Frankreich“, Leipzig, 1850, I, 245 и 274—275 s.).

сандра I съ первыхъ же дней его царствованія. Неудивительно поэтому, что какъ самъ Наполеонъ, такъ и французскія правительственныя учрежденія, имъ созданныя, произвели большое впечатлѣніе на Александра и его спутника Сперанскаго [1]). „Не случайно поэтому было, какъ замѣчаетъ Пыпинъ, то обстоятельство, что съ этого времени начинается новый порывъ императора Александра къ реформамъ въ русской жизни, къ которымъ, повидимому, онъ нѣсколько охладѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ распался комитетъ, работавшій такъ малоуспѣшно“ [2]). Но не отвергая извѣстнаго вліянія на Александра и Сперанскаго политическихъ взглядовъ Наполеона и французскихъ учрежденій, мы вмѣстѣ съ Пыпинымъ настаиваемъ на той мысли, что не въ этихъ взглядахъ и учрежденіяхъ нужно искать „единственный источникъ“ всѣхъ послѣдующихъ административныхъ реформъ, совершенныхъ Александромъ I при энергическомъ содѣйствіи Сперанскаго. Мы уже видѣли, что политическія убѣжденія Александра Павловича сложились еще при его воспитаніи подъ руководствомъ Лагарпа и успѣли окрѣпнуть и даже до нѣкоторой степени осуществиться при первыхъ попыткахъ преобразованія высшаго русскаго управленія (совѣта, сената и министерствъ) Знакомый намъ проэктъ Сперанскаго „Объ учрежденіи губернскихъ мѣстъ“ также доказываетъ, что и послѣдній былъ уже проникнутъ до свиданія съ Наполеономъ, жившею въ средѣ неоффиціальнаго комитета, мыслью о необходимости преобразованія всей рус-

---

1) Тьеръ приводитъ слѣдующія восторженныя слова Александра о Наполеонѣ I, высказанныя государемъ послѣ перваго съ нимъ свиданія: „какъ бы я желалъ, говорилъ Александръ, видѣться съ Наполеономъ, какъ въ Тильзитѣ, каждый день и каждый часъ. Какъ увлекательны его рѣчи и геніаленъ его духъ! Но мы такъ далеко другъ отъ друга. Впрочемъ, скоро я надѣюсь снова увидѣть Наполеона и тогда я могу удивляться ему въ средѣ государственнаго совѣта, его войскъ, повсюду, гдѣ онъ является такъ великимъ (Regnault: „Histoire du conseil d'Etat“, 68 p.). 2) Пыпинъ, н. с., 125 с.

ской администраціи, уничтоженія въ ней произвола и водворенія принципа законности. Сперанскій даже сдѣлалъ, какъ мы видѣли, попытку воплотить эту идею въ извѣстныя формы, согласныя во многомъ съ политическими воззрѣніями государя и членовъ комитета. Какъ политическіе взгляды самого Александра, такъ и—Сперанскаго должны были сдѣлаться опредѣленнѣе и полнѣе послѣ ближайшаго знакомства съ Наполеономъ I и его учрежденіями [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и твердая рѣшимость Александра осуществить въ полномъ видѣ свои политическіе планы, изъ которыхъ только немногое было приложено къ дѣлу въ первую эпоху преобразованій Вліяніе личности Наполеона и французскихъ учрежденій не было, однако, исключительнымъ, не устранило совершенно при реформѣ русскаго высшаго управленія въ 1810 г. историческихъ его основъ. Изъ Франціи были заимствованы только внѣшнія формы, образцы учрежденій, которые были видоизмѣнены реформаторами сообразно съ исконнымъ принципомъ самодержавной власти русскаго государя и существующимъ уже устройствомъ высшаго русскаго управленія. Въ этомъ можно убѣдиться при обозрѣніи „Проэкта уложенія государственныхъ законовъ“ Сперанскаго, въ которомъ содержался планъ всеобщаго государственнаго преобразованія „отъ кабинета государева до волостнаго правленія“ [2]). Этотъ планъ былъ обработанъ Сперанскимъ послѣ безпрерывныхъ, продолжительныхъ занятій его съ государемъ въ теченіе 1808—1809 г.г. Онъ былъ составленъ, по словамъ Сперанскаго, послѣ „тѣснаго его знакомства съ образомъ мыслей государя, бумагами, прежде

---

1) „Разсказываютъ, говоритъ Корфъ, будто въ Эрфуртѣ на вопросъ императора Александра его статсъ-секретарю (Сперанскому): „какъ нравится тебѣ за границей? Онъ отвѣчалъ: „у насъ люди лучше, но здѣсь лучше установленія“, и будто бы государь сказалъ: „это и моя мысль; мы еще поговоримъ о томъ, когда воротимся“ (109 с.). 2) Корфъ, 110 с.

дошедшими до Александра, чтенія разныхъ сочиненій, къ сему относящихся, и стократныхъ разговоровъ и разсужденій“ ихъ другъ съ другомъ [1]). Въ томъ же своемъ письмѣ къ Александру, изъ котораго мы только что цитировали слова Сперанскаго, послѣдній называетъ себя „близкимъ исполнителемъ намѣреній“ императора при реформахъ 1810 1812 г.г. „Во всѣхъ представленіяхъ моихъ, замѣчаетъ далѣе Сперанскій, я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать Вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить Вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги“ [2]). Поэтому-то планъ Сперанскаго, „въ существѣ своемъ не содержалъ ничего новаго: въ немъ дано было лишь систематическое расположеніе идеямъ, занимавшимъ государя съ 1801 г.“ [3]). Сперанскій такъ характеризуетъ содержаніе своего плана, который представляетъ собою, по справедливому замѣчанію профессора Сергѣевича, „памятникъ государственной мудрости императора Александра I, великодушнаго довѣрія и любви его къ подданнымъ“ [4]). „Весь разумъ сего плана, говоритъ Сперанскій, состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы“ [5]). Мы изложимъ здѣсь главныя основанія плана Сперанскаго, при чемъ остановимся болѣе подробно на послѣдней его части, гдѣ находится про-

---

1, 2, 3 и 5) Письмо Сперанскаго къ императору Александру I изъ Перми въ 1813 г., Богдановичъ, V, прилож., 49 и 56 с., 4) Сергѣевичъ: „Право и государство въ исторіи“, Сб. гос. знаній, VII, 95 с.

экть реорганизаціи государственнаго совѣта, перешедшій почти цѣликомъ въ „Образованіе“ его въ 1810 году [1]).

„Проэктъ уложенія государственныхъ законовъ“ Сперанскаго начинается введеніемъ, гдѣ излагаются основные политическіе взгляды автора и доказывается необходимость преобразованій въ русскомъ государственномъ управленіи сообразно съ этими его воззрѣніями. Сперанскій различаетъ между государственными и гражданскими законами и двумя родами первыхъ: коренными и неподвижными „состоящими въ началахъ неподвижныхъ и непзмѣняемыхъ, съ коими всѣ другіе законы должны быть соображаемы“ и преходящими, „коими опредѣляется отношеніе одного или многихъ лицъ къ государству въ одномъ какомъ-либо случаѣ“. Разсматривая свойства коренныхъ государственныхъ законовъ, которые „должны быть во всякомъ благоустроенномъ государствѣ“, Сперанскій замѣчаетъ, что „три силы дви-

---

1) При своемъ изложеніи плана Сперанскаго мы пользуемся редакціей „Проэкта“, который хранится въ отдѣленіи рукописей И. П. Библіотеки (въ Архивѣ Рѣпинскаго подъ рубрикой „Работы Сперанскаго 1809 г.“) и отрывками изъ плана Сперанскаго, помѣщенными въ сочиненіи Тургенева („La Russie et les russes“ III, notes, 292—397 p.) и воспроизведенными въ трудѣ Пыпина („Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, 150—172 с.). Сличеніе плана, написаннаго рукой самого Сперанскаго, съ отрывками изъ него у Тургенева, показываетъ, что послѣдній имѣлъ подъ руками другую редакцію плана, отличную отъ находящейся въ И. П. Библіотекѣ. Такъ у Тургенева нѣтъ перваго отдѣла введенія къ плану, гдѣ содержатся основныя политическія понятія Сперанскаго; да и во второй части введенія есть также большіе пропуски. Въ самомъ планѣ Тургеневъ совсѣмъ выпускаетъ детали въ организаціи государственнаго совѣта и новой организаціи министерствъ. За то у него мы находимъ разсужденія Сперанскаго о внѣшней и внутренней формѣ правленія вообще и въ особенности русскаго и состояніи русскаго общества во вторую эпоху реформъ Александра I, чего нѣтъ въ рукописномъ планѣ изъ архива Рѣпинскаго. Нѣкоторые отрывки изъ послѣдняго были напечатаны проф. В. И. Сергѣевичемъ въ цитированной выше его статьѣ. „Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ“ находится еще отдѣльно въ дѣлахъ комитета 6 дек. 1826 г., а весь проэктъ Сперанскаго, сходный съ „Проэктомъ“ архива Рѣпинскаго, составляетъ первую часть его сочиненія: „Обозрѣніе гражданскихъ установленій“.

жутъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источникъ ихъ въ народѣ". Силы эти сначала были въ разсѣянномъ (догосударственномъ) видѣ, когда они „не производятъ ни закона, ни правъ, ни обязанностей. Чтобы содѣлать ихъ дѣйствующими, надлежало ихъ соединить и привести въ равновѣсіе. Соединенное дѣйствіе силъ составляетъ державную власть. Сопряженія ихъ въ державной власти могутъ быть многоразличны. Изъ сихъ многоразличныхъ сопряженій коренные законы опредѣляютъ одинъ постоянный и непремѣнный способъ". Дѣйствіе силъ государственныхъ въ соединеніи составляетъ предметъ коренныхъ государственныхъ законовъ „Въ состояніи соединенія онѣ производятъ политическія права державной власти, отъ которой возникаетъ законъ и его исполненіе. Въ состояніи раздѣльномъ силы государственныя рождаютъ права подданныхъ". Если послѣдніе участвуютъ въ силахъ государственныхъ, то отсюда возникаютъ политическія права подданныхъ, безъ которыхъ „не могутъ твердо существовать и права гражданскія". Такимъ образомъ, въ составъ коренныхъ законовъ, „опредѣляющихъ всѣ существенныя части государственнаго устройства" должны входить: 1) опредѣленіе правъ державной власти, 2) законовъ, возникающихъ изъ нихъ, и 3)—правъ подданныхъ. Сперанскій обозначаетъ въ подробности и въ связи между собою всѣ отдѣльныя рубрики перваго отдѣла введенія; въ концѣ этого отдѣла говорится о „законахъ органическихъ", которыми опредѣляется способъ дѣйствія силъ государственныхъ. „Отъ троякаго свойства послѣднихъ возникаетъ троякій порядокъ ихъ дѣйствія и, слѣдовательно, три главныя установленія: законодательное, судное и исполнительное. Всѣ они соединяются въ державной власти, яко въ первомъ и верховномъ ихъ началѣ". Но „по разнообразію ихъ, пространству и многосложности ихъ предметовъ нельзя предполагать, чтобы

лице державное, само собою и непосредственно на нихъ дѣйствуя, могло сохранить съ точностью ихъ предѣлы и во всѣхъ случаяхъ сообразить всѣ различныя ихъ отношенія. Посему надлежитъ быть особенному мѣсту, гдѣ бы начальныя ихъ правила и дѣйствія были единообразно соображаемы". Отсюда же происходитъ необходимость особеннаго устройства порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго и сословія, „въ коемъ всѣ сіи распорядки должны соединяться и чрезъ которое власть державная будетъ на нихъ дѣйствовать и принимать ихъ дѣйствія". Сперанскій находитъ, что въ приведенномъ имъ распредѣленіи государственныхъ установленій „всѣ сіи части неразрывно связаны между собою", и что введеніе ихъ въ русское государственное устройство возможно потому, что „россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая устроивъ политическое бытіе своего народа можетъ и имѣетъ всѣ способы дать ему самыя правильныя формы".

Во второмъ отдѣлѣ введенія Сперанскій говоритъ „О разумѣ государственнаго уложенія". Здѣсь сначала указывается на необходимость во всѣхъ политическихъ преобразованіяхъ сообразоваться съ состояніемъ общественной жизни и—„три политическія системы, господствовавшія въ мірѣ: деспотическую, феодальную и республиканскую". Борьба между двумя послѣдними составляетъ сущность всѣхъ „политическихъ превращеній, бывшихъ въ Европѣ, гдѣ на развалинахъ феодализма основалось феодальное самодержавіе, смѣнившееся потомъ республикой". Обращаясь къ Россіи, Сперанскій называетъ удѣльный періодъ феодальнымъ, закончившимся основаніемъ самодержавія при Іоаннѣ Васильевичѣ III, и утверждаетъ, что „со времени Алексѣя Михайловича почувствована была необходимость ограничить самодержа-

віе[1]). Во всѣхъ важныхъ мѣрахъ признаваемо было, говоритъ Сперанскій, необходимымъ призывать на совѣтъ просвѣщеннѣйшую по тогдашнему времени часть народа, бояръ, и освящать мѣры сіи согласіемъ патріарха; примѣтить здѣсь должно, что совѣты сіи не были дѣломъ кабинета, но установленіемъ публичнымъ и въ самыхъ актахъ означеннымъ“ [2]). Далѣе Сперанскій упоминаетъ о стремленіи сената при восшествіи на престолъ Анны Ивановны добиться „политическаго существованія и поставить себя между народомъ и престоломъ“ и о коммиссіи о составленіи новаго уложенія при Екатеринѣ II, при чемъ сравниваетъ эту коммиссію съ французскими генеральными штатами. „Все было устроено, говоритъ Сперанскій, чтобы дать коммиссіи и въ лицѣ ея всей Россіи бытіе политическое, но все сіе было тщетно, незрѣло и преждевременно. Не только толпа сихъ законодателей не понимала ни цѣли, ни мѣры своего предназначенія, но едва ли было между ними одно лицо, одинъ разумъ, который могъ бы стать на высотѣ сего званія и обозрѣть все его пространство[3]). Такимъ образомъ, громада сія, усиліемъ одного духа, безъ содѣйствія времени составленная, отъ собственной своей тяжести пала, оставивъ по себѣ одну долголѣтпюю и горестную укоризну всѣмъ подобнымъ сему предпріятіямъ“ [4]). Сперанскій обращаетъ вниманіе на изданный при Павлѣ Петровичѣ „важный въ государственныхъ постановленіяхъ актъ о наслѣдіи престола, фамильное учрежденіе“ и другія постановленія. Изъ государственныхъ актовъ первой эпохи александровскаго царствованія Сперанскій, между прочимъ, упоминаетъ объ устройствѣ министерствъ съ отвѣтственностью и нѣкоторыхъ дру-

---

1) Отсюда начинается у Тургенева изложеніе плана Сперанскаго. 2) „Съ благословеніемъ патріаршимъ государь повелѣлъ и бояре приговорили — такъ написываются, замѣчаетъ Сперанскій, важнѣйшіе акты того времени“. 2—3) Этихъ фразъ нѣтъ у Тургенева.

гихъ важныхъ мѣрахъ правительства. Называя преждевременными „всѣ покушенія, какія правительство само собою доселѣ дѣлало къ политическому государства освобожденію“, Сперанскій отмѣчаетъ тѣ признаки, по которымъ, по его мнѣнію, можно судить о томъ, что самодержавіе въ царствованіе Александра I „имѣетъ прямое направленіе къ свободѣ“. Первымъ такимъ признакомъ является въ глазахъ Сперанскаго „перемѣна въ предметахъ народнаго уваженія“. Въ русскомъ обществѣ, замѣчаетъ онъ, уже не уважаютъ такъ, какъ прежде, „по внутреннему ихъ свойству разные чины и ленты, основанные не на разумѣ, а силѣ воображенія“ [1]). Второй признакъ заключается въ „ослабленіи силы власти“. „Съ горечью, но съ достовѣрностью можно сказать, говоритъ Сперанскій, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія. Истинная сему причина одна: образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія“ [2]). Третій признакъ—„невозможность частныхъ исправленій“. „Всѣ жалуются на запутанность и смѣшеніе нашихъ гражданскихъ законовъ и финансовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ государственныхъ законовъ, какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичныхъ установленій, порядокъ ихъ охраняющаго? [3]). Наконецъ, всеобщее неудовольствіе, сія преклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего насто-

---

1) „Предъ революціей французской, замѣчаетъ Сперанскій, вельможи сами смѣялись и надъ чинами, и надъ лентами. Въ настоящемъ смыслѣ или топѣ того времени было казаться простымъ гражданиномъ“. 2) Этой фразы нѣтъ у Тургенева. 3) „Въ настоящемъ положеніи, говоритъ Сперанскій, нельзя даже съ успѣхомъ положить какой-либо налогъ, къ исправленію финансовъ необходимо нужный: ибо всякая тяжесть народная приписуется единственно самовластію. Одно лице государя отвѣтствуетъ народу за всѣ постановленія; совѣтъ же и министры всегда во всякой мѣрѣ тягостной могутъ отречься отъ участія тамъ, гдѣ нѣтъ публичныхъ установленій“.

ящаго есть ничто другое, какъ общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вещей порядка". Сперанскій ищетъ причину этого всеобщаго неудовольствія въ разныхъ обстоятельствахъ общественной жизни того времени и приходитъ къ такому заключенію, что „всѣ вещи остались въ прежнемъ положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждетъ въ безпокойствіи, которое можно изъяснить только сильнымъ желаніемъ другаго порядка вещей". Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ Сперанскимъ признаковъ общественнаго состоянія въ Россіи въ 1808—1809 г.г. онъ заключаетъ, что „настоящая система правленія несвойственна болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время перемѣнить ее и основать новый порядокъ вещей" [1]). Въ заключеніи къ введенію Сперанскій указываетъ еще на недостаточность и неопредѣленность существующихъ законовъ (гражданскихъ и уголовныхъ и законовъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ). Но прежде, чѣмъ „опредѣлить разумъ преобразованій, необходимыхъ въ Россіи", Сперанскій считаетъ нужнымъ дать общее понятіе о формѣ правленія вообще и въ частности въ Россіи, что составляетъ первый отдѣлъ самого плана государственнаго преобразованія.

Въ своихъ разужденіяхъ о формѣ правленія Сперанскій заявляетъ, что „никакое правительство не можетъ быть законно, если оно не основано на волѣ страны, что источникъ всякой власти есть государство, страна, и что правительство существуетъ на извѣстныхъ условіяхъ и законно только до тѣхъ поръ, пока исполняетъ эти условія". Основные законы страны и ихъ обезпеченіе учрежденіями (конституціей) возникаютъ въ періодъ болѣе высшаго развитія

---

1) Сперанскій не ждетъ прочнаго результата отъ „частныхъ исправленій, пристроекъ къ настоящей системѣ" (особаго состава министерствъ, другаго распредѣленія ихъ частей, усиленія полицейскихъ и финансовыхъ установленій и проч.).

культуры народа. Эти „основные законы, полагающіе границы абсолютной власти, должны быть дѣломъ націи“. Сперанскій отличаетъ внѣшнюю форму правленія отъ внутренней. „Первая состоитъ въ грамотахъ, основныхъ законахъ, учрежденіяхъ, внѣшнимъ образомъ опредѣляющихъ взаимныя отношенія различныхъ силъ государства; вторая состоитъ въ такомъ распредѣленіи этихъ силъ, чтобы ни одна изъ нихъ не могла получить господства надъ другими“. Сперанскій не придаетъ никакого значенія внѣшней формѣ управленія и обращаетъ свое вниманіе только на внутреннюю. „Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа. А такъ какъ весь народъ въ цѣлости не можетъ блюсти за тѣмъ, чтобы правительство оставалось въ предѣлахъ, предписанныхъ закономъ, то совершенно необходимо, чтобы было сословіе, которое, становясь между имъ и правительствомъ, было достаточно просвѣщенно, чтобы понимать, какіе есть истинные предѣлы власти, достаточно независимо, чтобы не бояться ея, и достаточно связано интересами съ народомъ, чтобы никогда не имѣть покушенія измѣнить ему. Отсюда слѣдуетъ, что въ ограниченной монархіи нужно установить два большіе отдѣла: высшій классъ, обязанный блюсти за исполненіемъ законовъ, и низшій классъ, отдѣленный отъ перваго по имени и по наружности, но тожественный съ нимъ по своимъ интересамъ“. Сперанскій предлагаетъ организовать высшій классъ въ Россіи по образцу англійской аристократіи и послѣ изложенія устройства этого новаго высшаго класса опредѣляетъ положеніе и особенности низшаго класса. „Народъ, говоритъ онъ, состоитъ изъ всего того, что не входитъ въ аристократію. Дѣти перваго государственнаго сановника, кромѣ старшаго, принадлежатъ къ народу. Никакой классъ народа не можетъ имѣть исключительныхъ правъ на владѣніе той или другой собственностью; но всѣ граждане,

должны имѣть пользованіе тѣмъ, что они пріобрѣтаютъ. Народъ долженъ участвовать въ составленіи законовъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ. Народъ довѣряетъ аристократіи блюсти за исполненіемъ законовъ, такъ какъ она обязана представлять его. Всякая собственность народа наслѣдственна, но его должности избирательны. Никто не долженъ быть судимъ иначе, какъ своими равными". Сперанскій оканчиваетъ эти свои общія политическія соображенія словами Монтескье: „point de noblesse, point de monarchie".

Обращаясь къ Россіи, Сперанскій констатируетъ стремленіе русскихъ государей со времени Петра I „дать имперіи всѣ внѣшніе признаки монархическаго правленія, сохраняя въ своихъ рукахъ власть самую абсолютную" и находитъ, что въ современной ему Россіи нѣтъ еще монархическаго правленія: государь имѣетъ надъ дворянами такую-же верховную власть, какая предоставлена дворянамъ надъ ихъ крѣпостными крестьянами. Сперанскій перечисляетъ нѣкоторыя второстепенныя мѣры, которыя должно предпринять правительство для развитія народнаго благосостоянія при сохраненіи существующаго порядка. Но такъ какъ „невозможно обезпечить счастье Россіи, не касаясь нынѣшняго устройства различныхъ классовъ націи, то необходимо подвергнуть ихъ преобразованіямъ". Сперанскій предлагаетъ образовать въ Россіи высшій классъ на правѣ первородства (майората). Этотъ классъ „предназначенъ занимать первыя государственныя должности и блюсти за сохраненіемъ законовъ; онъ составитъ истинную монархическую аристократію. Низшій классъ будетъ состоять изъ всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ по праву первородства или по волѣ монарха призванъ въ классъ высшій. Низшему классу необходимо будетъ принадлежать большая часть богатствъ и образованности страны. Въ немъ нельзя будетъ установить другихъ отличій, кро

мѣ дарованій, способностей и добродѣтели". Для образованія новаго высшаго класса Сперанскій совѣтуетъ отдѣлить отъ существующаго дворянства четыре первыхъ класса дворянской іерархіи и надѣлить ихъ правами первородства. Новое „дворянство сохранитъ свою прерогативу, но только на нѣкоторое время: крѣпостное рабство на столько противорѣчитъ здравому смыслу, что оно неминуемо должно имѣть свой конецъ" [1]). Въ заключеніе перваго отдѣла самого плана Сперанскій говоритъ, что онъ „не имѣлъ въ виду ни установлять основные законы, ни излагать внѣшнюю форму, которую слѣдуетъ дать правленію, а хотѣлъ только изыскать основанія, на которыхъ эти законы должны быть утверждены".

Во второмъ отдѣлѣ плана Сперанскій говоритъ „Объ общемъ разумѣ предполагаемыхъ реформъ". „Общій предметъ преобразованія состоитъ, говоритъ онъ, въ томъ, чтобы правленіе доселѣ самодержавное постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ Отсюда необходимость установленій, дѣйствующихъ въ составленіи закона и его исполненіи". Сообразно тремъ силамъ государственнымъ Сперанскій принимаетъ и „троякій родъ сихъ установленій: одни изъ нихъ должны дѣйствовать въ образованіи закона, другія въ исполненіи, третьи—въ части судной". При разсмотрѣніи „Разума всѣхъ сихъ установленій" Сперанскій примѣняетъ свои общія положенія о внѣшней и внутренней формѣ правленія. Всѣ государственныя установленія могутъ быть организованы такъ, что „правленіе будетъ облечено всѣми такъ сказать внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его туже силу и тоже пространство самодержавія". Другой видъ при-

---

1) Сперанскій раздѣляетъ дѣло освобожденія крестьянъ изъ подъ крѣпостной зависимости ихъ отъ помѣщиковъ на двѣ эпохи: въ первую должны быть опредѣлены повинности крестьянъ по отношенію къ владѣльцамъ, а во вторую возвращено крестьянамъ древнее право свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому.

нимаетъ организація государства, когда „самодержавіе будетъ покрыто не внѣшними только формами, но ограничено внутреннею и существенною силою установленій и учреждена державная власть на законѣ не словами, но и самымъ дѣломъ. Главныя черты устройства въ первомъ случаѣ: 1) установить сословіе, которое бы представляло силу законодательную свободную, но на самомъ дѣлѣ было бы подъ вліяніемъ и въ совершенной зависимости отъ власти самодержавной; 2) власти судной дать всѣ преимущества внутренней свободы, но связать ее на самомъ дѣлѣ такимъ учрежденіемъ, чтобы она въ существѣ своемъ состояла въ власти самодержавной; 3) силу исполнительную такъ учредить, чтобы она по выраженію закона состояла въ отвѣтственности, но по разуму его была бы независима [1]). При устройствѣ второго рода всѣ установленія должны быть расположены на слѣдующихъ правилахъ: 1) законодательное сословіе должно быть такъ устроено, чтобы оно не могло совершить своихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное; 2) сословіе судебное должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора и одинъ только надзоръ за судебными формами и охраненіемъ общественной безопасности принадлежалъ правительству; 3) исполнительная власть должна быть исключительно ввѣрена правительству“. Сперанскій предпочитаетъ „въ самомъ преддверіи преобразованій рѣшительно избрать одно изъ сихъ двухъ устройствъ. Избраніе сіе опредѣлитъ и истинный его разумъ“. Первая политическая система „имѣетъ, продолжаетъ Сперанскій, только видъ законности и подъ предлогомъ единства державной власти вводитъ совершенное самовластіе, а другая ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить

---

1) „На сихъ трехъ главныхъ правилахъ, замѣчаетъ Сперанскій, основано настоящее политическое устройство Франціи“.

его и умѣрить; первая издалека готовитъ сама себѣ превращеніе, а другая при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ утвердиться, долгое время безъ важныхъ перемѣнъ постепенно слѣдовать за гражданскимъ усовершеніемъ“. Сперанскій утверждаетъ, что вторая система болѣе, нежели первая примѣнима къ славянскимъ народностямъ: „она свойственна, говоритъ онъ, народу, который имѣетъ болѣе добраго смысла, нежели пытливости, болѣе простаго и твердаго разума, нежели воображенія, коего характеръ трудно обольстить, но легко убѣдить простою истиной, словомъ, она можетъ быть болѣе свойственна такому народу, коего нѣтъ нужды прельщать и обманывать по добронравію его и нѣкоторой лѣности, всѣмъ народамъ сѣвернымъ природной“ [1]). Далѣе Сперанскій объясняетъ, какъ „общій разумъ коренныхъ законовъ, свойственныхъ настоящему положенію Россіи“ (при Александрѣ I) приложимъ къ разнымъ частямъ государственнаго уложенія. Въ рубрикѣ: „О разумѣ законовъ, державную власть опредѣляющихъ“ рѣчь идетъ сначала: „О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ законодательномъ“, который слагается изъ предложенія закона, уваженія его и утвержденія. Первая функція должна принадлежать въ Россіи правительству [2]). „Пространство имперіи, разнообразіе населенія и степень нашего просвѣщенія требуютъ, чтобы правительство имѣло всю возможную силу дѣйствовать во благо и сила сія въ одномъ только злоупотребленіи ея должна быть умѣряема“. Сперанскій опасается, чтобы въ случаѣ, „если источникъ закона поставить въ нѣкоторыхъ случаяхъ внѣ предѣловъ державной власти“,

---

1) У Тургенева есть изъ 2 отдѣла плана, изложеннаго нами до сихъ поръ, только одно первое выраженіе о цѣли предпринимаемой реформы. 2) „У другихъ народовъ, замѣчаетъ Сперанскій, законодательное сословіе и правительство участвуютъ въ немъ единственно голосами своихъ министровъ или изъясненіями ораторовъ“.

не произошли затрудненія въ дѣятельности самой державной власти и законодательнаго сословія, въ которомъ „для порядка предложеній законовъ“ пришлось бы „учредить множество сложныхъ формъ и образовъ“. „Тогда правительство будетъ поставлено въ непріятное положеніе отвергать или не давать своего утвержденія на такія предметы, кои будутъ законодательнымъ сословіемъ приняты“ [1]). Между тѣмъ какъ „*власть державная, бывъ окружена во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ дѣяніяхъ государственнымъ совѣтомъ, коего бытіе установляется не произволомъ, но кореннымъ государственнымъ закономъ, всегда будетъ болѣе имѣть способовъ предлагать законы съ зрѣлостью, нежели каждый членъ законодательнаго сословія*“ Сперанскій допускаетъ только два случая, когда отъ этого общаго порядка въ предложеніи законовъ должны быть допущены отступленія: 1) „когда какою-нибудь мѣрою правительства явное сдѣлано будетъ нарушеніе коренному государственному закону, какъ-то личной или политической свободѣ [2]), 2) Когда правительство въ установленное время не представитъ узаконенныхъ отчетовъ“. Въ обоихъ этихъ случаяхъ Сперанскій предоставляетъ законодательному сословію право „собственнымъ своимъ движеніемъ предварить правительство, предложить дѣло на уваженіе и возбудить законнымъ порядкомъ слѣдствіе противъ того министра, который предписалъ сію мѣру, и просить вмѣстѣ съ тѣмъ ея отмѣны“. Относительно „уваженія (разсмотрѣнія) законовъ“ Сперанскій замѣчаетъ, что „хотя уваженіе закона

---

1) „Извѣстно, говоритъ Сперанскій, что въ англійской конституціи искали избѣжать сей несообразности введеніемъ отказа, сокрытаго подъ предлогомъ: „le roi avisera“. Уклоненіе, несовмѣстное ни съ достоинствомъ, ни съ правотой державной власти“. 2) „Во Франціи, по словамъ Сперанскаго, право сіе дано сенату, въ Англіи нижнему парламенту. Сверхъ сего, во Франціи на словахъ существуетъ при законодательномъ корпусѣ вмѣсто трибуновъ двѣ коммиссіи: одна для охраненія личной свободы, другая—для свободы книгопечатанія“.

собственно принадлежитъ законодательному сословію, нельзя однакоже исключить изъ онаго министровъ. „Если подвержены они отвѣтственности въ мѣрахъ, ими пріемлемыхъ, то самая справедливость требуетъ дозволить имъ лично объяснять и поддерживать предложенія правительства“. Вся исполнительная власть, о которой Сперанскій говоритъ въ рубрикѣ: „О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ исполнительномъ“, должна принадлежать въ Россіи также власти державной. Но чтобы „образъ исполненія закона не отступалъ отъ его разума и не содѣлалъ самый законъ игралищемъ прихоти и произвола“, необходима отвѣтственность власти исполнительной. „Существо ея основывается на предположеніяхъ, что власть державная, предлагающая и утверждающая законъ, никогда не можетъ дѣйствовать сама собою противъ его разума, что *совѣтъ, яко сословіе, содѣйствовавшее предложенію и утвержденію закона*, не можетъ поступить противъ его разума, а посему, 3) всякая мѣра, пріемлемая въ нарушеніе закона, вмѣняется не державной власти и не совѣту ея, но подчиненнымъ ей исполнителямъ или министрамъ, кои посему лично, каждый по своей власти, подвергаются за нихъ отвѣту и сіе обязательство пріемлютъ они на себя самимъ подписаніемъ актовъ. Отсюда происходитъ, что подписаніе актовъ всегда предполагается совершенно свободнымъ“. Внѣшней формой этой отвѣтственности является обвиненіе противъ министровъ, принятое большинствомъ членовъ законодательнаго сословія. Послѣ того, какъ это обвиненіе будетъ признано имъ основательнымъ и утверждено державною властью, наряжается судъ или слѣдствіе надъ виновнымъ министромъ [1]). Судебная власть,

---

1) Изъ обѣихъ частей втораго отдѣла „Проэкта“ Сперанскаго, изложенныхъ нами („О разумѣ законовъ, державную власть опредѣляющихъ“), у Тургенева находится только одна фраза, что „инициатива новыхъ законовъ должна принадлежать исполнительной власти“.

о которой Сперанскій говоритъ въ отдѣленіи: „О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ судномъ“, имѣетъ своимъ источникомъ исполнительную власть. Поэтому „порядокъ судный принадлежитъ по существу своему власти державной“, которая ввѣряетъ отправленіе судебной власти судьямъ, „избираемыхъ тѣми самыми лицами, кои могли-бы на нее приносить жалобы. Дѣйствіе власти державной въ судѣ должно быть ограничено однимъ установленіемъ власти, надзирающей и охраняющей судные образы“.

Послѣ опредѣленія правъ державной власти Сперанскій приступаетъ къ „опредѣленію перваго и главнаго ея дѣйствія“, говоритъ „О разумѣ государственнаго уложенія въ составленіи законовъ“. Сперанскій считаетъ здѣсь нужнымъ точно опредѣлить понятіе закона, какъ предмета „уваженія“ законодательнаго сословія, не допускать какъ „распространенія понятія закона на всѣ постановленія безъ изъятія, такъ и стѣсненія его одними общими положеніями“ [1]). Сперанскій указываетъ одинъ основной источникъ „всѣхъ постановленій, коими государство управляется“ и изъ котораго оно истекаетъ, это начало: „не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ“ [2]). „Всѣ послѣдствія изъ этого начала ра-

---

1) „Во Франціи смѣшеніе понятія о законѣ, допущенное въ конституціи, есть, говоритъ Сперанскій, главная причина ея нестройности и должно содѣлаться со временемъ причиною ея премѣны. Въ конституціи сей допущены два рода законовъ: 1) La loi organique составляется въ законодательномъ сословіи, 2) Senatusconsulte organique образуется въ сенатѣ и можетъ подъ видомъ дополненія даже перемѣнить конституцію. Senatusconsulte можетъ остановить дѣйствіе закона. Такимъ образомъ, во Франціи установлено два законодательныхъ сословія: одно изъ нихъ избирается народомъ, другое совершенно почти зависитъ отъ правительства. Державная власть почти по произволу можетъ избирать тотъ изъ двухъ сихъ путей, который для видовъ ея можетъ быть удобнѣе и послушнѣе, а какъ сенатъ болѣе отъ нея зависитъ, то и предпочитаетъ она обыкновенно чрезъ его посредство проводить всѣ свои постановленія. Сословіе законодательное есть почти пустой образъ“, 2) „Безчисленныя послѣдствія, изъ сего начала возникающія, всѣ имѣютъ, замѣчаетъ Сперанскій, одно общее свойство, въ томъ состоящее, что всѣ они ограничиваютъ отдѣльную и естественную свободу человѣка и приводятъ ее въ совмѣстность съ свободой дру-

вно существенны для политической и гражданской свободы. Въ отношеніи къ свободѣ они должны быть раздѣлены на два класса: въ первомъ должно положить тѣ постановленія, коими вводится какая-либо перемѣна въ отношеніяхъ государственныхъ силъ или въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою, во второмъ тѣ, кои, не вводя никакой существенной перемѣны, учреждаютъ токмо образъ исполненія первыхъ. Первымъ принадлежитъ въ точномъ смыслѣ *толкованіе закона*, вторымъ—*уставовъ и учрежденій*. Первыя должны составлять предметъ законодательнаго сословія, вторыя же относятся къ дѣйствію власти исполнительной". Устанавливая такое различіе между закономъ, съ одной стороны, и уставами и учрежденіями съ другой, Сперанскій не рѣшается оставить оба послѣднихъ вида постановленій въ сферѣ дѣйствія исполнительной власти. „Понеже законъ, говоритъ онъ, не можетъ всего объяснить и учредить, а уставы и учрежденія, бывъ оставлены одной власти исполнительной, могли самый законъ испровергнуть, то и принято правиломъ, чтобы законъ былъ исключительно предметомъ законодательнаго сословія, но учрежденія и уставы стояли бы подъ его же отвѣтственностью". Такимъ образомъ, „дѣйствіе законодательнаго сословія раздѣляется на двѣ части: одно прямое—составленіе законовъ, другое косвенное—взысканіе отвѣта во всѣхъ уставахъ и учрежденіяхъ. Прямое дѣйствіе законодательнаго сословія не можетъ быть уничтожено безъ уничтоженія самого существа сословія, но косвенное всегда можетъ быть превращено въ прямое, если правительство того пожелаетъ: ибо симъ не уменьшается власть законодательнаго сословія, но возрастаетъ. Изъ сего слѣдуетъ: 1) что никакой законъ не можетъ имѣть силы, если онъ не будетъ составленъ въ законодательномъ сосло-

---

гихъ и, слѣдовательно, всѣ они могутъ быть признаваемы закономъ. Законъ положительный ничто другое есть, какъ ограниченіе естественной свободы человѣка".

віи, 2) что напротивъ учрежденія и уставы состоятъ во власти правительства, но съ отвѣтственностью его въ томъ, что не нарушаютъ они закона и 3), что отвѣтственность сію правительство можетъ сложить, внося уставы и учрежденія въ законодательное сословіе". Сперанскій подробно перечисляетъ всѣ роды постановленій, которыя подходятъ подъ понятіе законовъ [1]), и замѣчаетъ, что „всѣ прочіе уставы и учрежденія остаются на отвѣтственности правительства и въ его распоряженіи" [2]).

Въ третьемъ отдѣлѣ „Проэкта" Сперанскаго о „Начертаніи правъ подданныхъ" говорится о гражданскихъ и политическихъ ихъ правахъ. „Существо гражданской свободы состоитъ въ томъ, чтобы личность и ея имущество зависѣли только отъ закона". Всѣ гражданскія права не могутъ быть даны всѣмъ безразлично. Главнымъ источникомъ ихъ различія является поземельное владѣніе и собственность вообще. Сперанскій отличаетъ отъ общихъ гражданскихъ правъ, принадлежащихъ всѣмъ гражданамъ, особенныя, которыми могутъ пользоваться только лица особаго воспитанія и рода

1) „Сила и именованіе закона присвояется, говоритъ Сперанскій, слѣдующимъ постановленіямъ: 1) уложенію государственному и законамъ органическимъ, къ нему принадлежащимъ, 2) уложенію гражданскому, 3) уголовному, 4) коммерческому, 5) сельскому, 6) всѣмъ вообще дополненіямъ и изъясненіямъ предметовъ, въ уложенія сіи входящихъ. Сверхъ сего, вносятся въ законодательное сословіе и подчиняются порядку закона слѣдующіе уставы и учрежденія: 7) уставъ судебный, 8) всѣ уставы, опредѣляющіе положеніе какой-либо части въ связи ея съ другими, 9) общія и судебныя правительственныя учрежденія, какъ-то учрежденіе судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, 10) всѣ постановленія о налогахъ и общихъ народныхъ повинностяхъ, какъ временныхъ, такъ и всегдашнихъ, 11) продажа и залогъ государственныхъ имуществъ и исключительныхъ на нихъ привиллегій, 12) вознагражденія частныхъ людей за имущества, для общей пользы необходимыя", 2) „Сюда принадлежатъ: 1) постановленія о войнѣ и мирѣ, 2) всѣ великія мѣры, пріемлемыя правительствомъ къ спасенію отечества среди какихъ-либо бѣдствій, 3) всѣ частныя инструкціи, учрежденія и распоряженія, удостовѣряющія, разъясняющія и дополняющія прежніе уставы и учрежденія и разрѣшающія частныя въ нихъ сомнѣнія и затрудненія".—Всего этого отдѣленія: „О разумѣ государственнаго уложенія въ составленіи закона" также нѣтъ у Тургенева.

жизни. Политическія права принадлежатъ только собственникамъ. Отсюда три состоянія: 1) дворянство, 2) среднее сословіе и 3) рабочій классъ. Дворянство только владѣетъ населенными имѣніями и поэтому оно одно обладаетъ, кромѣ общихъ гражданскихъ правъ, политическими правами. Дворяне обязаны поступать на государственную службу и могутъ заниматься всякимъ родомъ промышленности. Среднее сословіе, состоящее изъ негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, имѣетъ общія гражданскія права и нѣкоторыя особенныя какъ гражданскія, такъ и политическія. Рабочій классъ будетъ пользоваться только общими гражданскими правами. Каждый изъ среды рабочаго класса можетъ поступить въ высшій классъ при условіи пріобрѣтенія поземельной собственности и удовлетворенія требованіямъ службы, опредѣленной закономъ для его сословія.

Въ четвертой и послѣдней главѣ „Проэкта“, которая носитъ у Сперанскаго названіе: „О духѣ органическихъ законовъ“, излагается система государственныхъ учрежденій, примѣнимыхъ къ Россіи. „Законы органическіе должны опредѣлить устройство тѣхъ установленій, которыми силы государственныя дѣйствуютъ“. Эти установленія: 1) государственный совѣтъ, 2) государственная дума, 3) сенатъ и 4) министерства. „Каждое изъ сихъ установленій соединяется въ державной власти и образуетъ первенствующее сословіе“. Сперанскій ставитъ государственный совѣтъ во главѣ всѣхъ учрежденій, видитъ въ немъ „вершину всей государственной организаціи, послѣднее ея звено“ [1]) Въ остальныхъ политическихъ учрежденіяхъ должны были заключаться всѣ власти или силы государства: законъ былъ довѣренъ государственной думѣ (національному собранію), судъ—сенату, управленіе—министерствамъ. „Дѣйствіе этихъ трехъ учрежденій со-

1) Tourgueneff, ibidem, III, 323 p.; всѣхъ подробностей организаціи государственнаго совѣта, излагаемыхъ нами, нѣтъ въ сочиненіи Тургенева.

единяется въ государственномъ совѣтѣ и чрезъ него восходитъ къ трону. Коренные государственные законы опредѣляютъ составъ государственнаго совѣта, существо и главныя формы его дѣйствія. Особенныя учрежденія опредѣляютъ подробно предметы его и образъ производства дѣлъ. Основанія коренныхъ законовъ, опредѣляющихъ совѣтъ: I) въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются, II) посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первыхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію въ порядкѣ законодательномъ, судномъ и исполнительномъ, III) никакіе законы, уставы и учрежденія не исходятъ изъ совѣта и не могутъ имѣть своего совершенія иначе, какъ безъ утвержденія державной власти, IV) совѣтъ составляется изъ особъ, Высочайшею довѣренностью въ сословіе сіе призываемыхъ, V) члены совѣта могутъ имѣть званія въ порядкѣ судномъ и исполнительномъ, VI) министры суть члены совѣта по ихъ званію, VII) въ совѣтѣ предсѣдательствуетъ императоръ или лично, или назначеніемъ одного изъ членовъ, VIII) назначеніе члена предсѣдательствующаго возобновляется повременно по Высочайшему усмотрѣнію, IX) совѣтъ раздѣляется на четыре департамента: 1) законовъ, 2) дѣлъ военныхъ, 3) гражданскихъ, духовныхъ и государственной полиціи и 4) государственной экономіи, X) каждый департаментъ имѣетъ опредѣленное число членовъ, изъ коихъ одинъ предсѣдательствующій. Члены всѣхъ департаментовъ составляютъ общее собраніе совѣта, XI) члены совѣта, при опредѣленіи коихъ не будетъ назначенъ особенный департаментъ, присутствуютъ въ об-

щихъ собраніяхъ, XII) распорядокъ членовъ по департаментамъ и ихъ предсѣдателей возобновляется повременно по Высочайшему усмотрѣнію, XIII) присутствія департаментовъ и общихъ собраній имѣютъ положенные дни; но по уваженію дѣлъ во всякое время они могутъ быть созваны особеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, XIV) всѣ постановленія, выходящія изъ совѣта по Высочайшемъ ихъ утвержденіи къ исполненію, имѣютъ слѣдующую форму: 1) законы, уставы и учрежденія и ихъ дополненія имѣютъ форму манифеста, во вступленіи къ коему означается: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, повелѣваемъ или учреждаемъ“, 2) изъясненіе законовъ, уставовъ и учрежденій, непостановляющее ничего новаго, но опредѣляющее точный разумъ прежнихъ, имѣетъ видъ докладовъ, коихъ утвержденіе имѣетъ форму: „быть по сему“ [1]). Послѣ изложенія коренныхъ законовъ государственнаго совѣта въ „Проэктѣ“ Сперанскаго слѣдуютъ „Основанія къ учрежденіямъ совѣта“. „По отдѣленію отъ сената всѣхъ предметовъ управленія они будутъ, говоритъ Сперанскій, входить въ совѣтъ чрезъ министерство и будутъ раздѣляться по департаментамъ слѣдующимъ порядкомъ. Въ департаментъ законовъ будетъ входить все то, что по существу своему составляетъ предметъ закона. Коммиссія законовъ будетъ вносить въ сей департаментъ всѣ свои работы. Въ департаментъ военныхъ дѣлъ будутъ входить предметы министерствъ военнаго и морскаго, въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ—дѣла юстиціи, управленія духовнаго и полиціи. Въ департаментъ государственной экономіи будутъ входить предметы промышленности, наукъ, торговли, финансовъ, казначейства и счетовъ. Исключая дѣлъ, кои особеннымъ наказомъ въ каждомъ министерствѣ предоставлены бу-

---

1) „Никакой частный случай, замѣчаетъ Сперанскій, не можетъ быть предметомъ доклада; онъ долженъ быть прежде возведенъ въ общій его разумъ, такъ чтобы всѣ частные случаи сами собою уже имъ опредѣлялись“.

дутъ непосредственному докладу, всѣ прочія дѣла, превышающія власть министровъ, въ общемъ наказѣ означенную, вносятся въ департаменты совѣта по принадлежности. Законы, уставы, учрежденія и ихъ дополненія, бывъ разсмотрѣны въ департаментѣ, вносятся въ общее собраніе совѣта. Общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя и коренными законами дѣйствію исполнительной власти предоставленныя, входятъ непосредственно въ общее собраніе совѣта, когда по соображенію обстоятельствъ найдено будетъ сіе нужнымъ Ежегодныя смѣты (бюджеты) приходовъ и расходовъ и чрезвычайныя финансовыя мѣры, пройдя назначенную имъ степень предварительныхъ соображеній съ департаментомъ, представляются общему собранію совѣта. Всѣ дѣла, по коимъ отдѣляется какая-либо часть казенныхъ доходовъ или интересныя въ частное владѣніе, бывъ разсмотрѣны въ своемъ департаментѣ, входятъ на уваженіе совѣта. Отчеты всѣхъ министерствъ входятъ въ общее собраніе совѣта. Сверхъ сего, министръ казначейства каждый мѣсяцъ представляетъ совѣту положеніе приходамъ и расходамъ и предлагаетъ благовременно нужныя мѣры къ совѣщанію опредѣленной въ нихъ соразмѣрности".

Къ особеннымъ учрежденіямъ, состоящимъ при совѣтѣ, принадлежатъ по „Проэкту" Сперанскаго: коммиссія законовъ, статсъ-секретари, аудиторіатъ и государственная канцелярія. О коммиссіи законовъ Сперанскій говоритъ: „поелику первое начертаніе и пріуготовленіе законовъ, уставовъ и учрежденій относится ко всѣмъ министерствамъ и не принадлежитъ ни къ одному изъ нихъ исключительно, то и слѣдуетъ коммиссіи законовъ относиться прямо въ совѣтъ посредствомъ ея управляющаго. Такимъ образомъ, всѣ законы, уставы и учрежденія будутъ вноситься сначала въ департаментъ законовъ, а оттуда въ общее собраніе и потомъ уже, слѣдуя существу ихъ, поступать или въ порядокъ

законодательный или же обращаться къ исполненію по надлежащемъ ихъ утвержденіи. При каждомъ изъ четырехъ департаментовъ совѣта, продолжаетъ Сперанскій, находится по одному статсъ-секретарю, коихъ должность есть пріуготовленіе дѣлъ, въ совѣтъ поступающихъ, дополненіе ихъ нужными свѣдѣніями и предложеніе ихъ совѣту. Сверхъ сего статсъ-секретари подъ предсѣдательствомъ одного члена совѣта составляютъ комитетъ для разсмотрѣнія прошеній, входящихъ на Высочайшее имя. Особый наказъ опредѣляетъ подробно дѣйствіе сего комитета. Отъ каждаго министерства находится при совѣтѣ по одному аудитору. Существенная ихъ должность есть доставленіе всѣхъ свѣдѣній, въ совѣтѣ нужныхъ, по дѣламъ каждаго министерства и быть помощниками статсъ-секретарей въ пріуготовленіи и въ предложеніи дѣлъ совѣту". Наконецъ, относительно устройства государственной канцеляріи въ „Проэктѣ" Сперанскаго находятся слѣдующія соображенія. „Какъ государственный совѣтъ, говорится здѣсь, есть общее средоточіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ, такъ канцелярія сія должна быть общимъ средоточіемъ окончательнаго ихъ пріуготовленія. Все, что восходитъ къ утвержденію державной власти, должно имѣть по формамъ силу самой высшей степени достоинства, точности и единства. Посему каждый законъ, уставъ и учрежденіе, въ совѣтѣ предложенные и удостоенные Высочайшаго утвержденія, получаютъ окончательную свою форму въ государственной канцеляріи. Изъ сего изъемлются тѣ только дѣла, кои по наказамъ министрамъ предоставлены особенному ихъ докладу. Государственный канцлеръ есть главный начальникъ государственной канцеляріи. Государственный секретарь управляетъ ею непосредственно. Къ составу ея принадлежатъ статсъ-секретари и аудиторы. Въ государственной канцеляріи хранятся всѣ оригинальныя постановленія законовъ, уставовъ и учрежденій и государст-

венная печать. Къ вѣдомству ея принадлежатъ всѣ государственные архивы. Въ государственной канцелярiи находятся самыя точныя свѣдѣнiя о положенiи всѣхъ частей внутренняго управленiя въ главномъ и общемъ ихъ соображенiи. Она имѣетъ пять отдѣленiй—четыре, соотвѣтствующiя департаментамъ совѣта, и пятое отдѣленiе двухъ разнородныхъ государственныхъ архивовъ. По роду дѣлъ она ограничена самымъ умѣреннымъ числомъ лучшихъ дѣлопроизводителей. Всѣ дѣла, въ совѣтъ входящiя и изъ совѣта исходящiя, идутъ чрезъ государственную канцелярiю, въ ней пiуготовляются и отъ нея по утвержденiи ихъ отправляются къ надлежащему исполненiю“ [1]).

Для организацiи остальныхъ высшихъ правительственныхъ учрежденiй, кромѣ совѣта, Сперанскiй предлагаетъ раздѣлить имперiю на четыре степени (волость, уѣздъ, губернiю и столицу) и распредѣлить по этимъ степенямъ всѣ учрежденiя въ порядкѣ законодательномъ, судномъ и исполнительномъ. Такъ законодательная функцiя вручается: волостной думѣ, уѣздной, губернской и государственной думѣ. Каждая изъ этихъ „думъ“ состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ жителями округа, и „вѣдаетъ общiя дѣла мѣстности, избираетъ депутатовъ въ однородныя мѣстныя учрежденiя,

---

1) При учрежденiи государственнаго совѣта въ „Проэктѣ“ приложенъ Сперанскимъ особый листъ, гдѣ опредѣлены вкратцѣ обязанности „установленiй, къ совѣту принадлежащихъ, и особенныхъ званiй“: предсѣдателя государственнаго совѣта и—его департаментовъ, государств. секретаря, статсъ-секретарей и ихъ помощниковъ. „Предсѣдатель совѣта назначаетъ дѣла къ предложенiю совѣта и охраняетъ порядокъ разсужденiй въ общ. собранiи совѣта“, таковы же обязанности предсѣдателей департаментовъ совѣта по отношенiю къ нимъ; „государств. секретарь управляетъ государственной канцелярiей, отвѣтствуетъ за составленiе журналовъ и постановленiй, по оным исходящихъ, статсъ-секретари производятъ дѣла по департаментамъ, ихъ помощники собираютъ свѣдѣнiя по департаментамъ и употребляемы къ производству дѣлъ въ государств. канцелярiи“. Обязанности коммиссiи законовъ, коммиссiи прошенiй и государ. канцелярiи опредѣляются также, какъ и въ самомъ учрежденiи. Рубрика: „Главныя принадлежности совѣта“ на томъ же листѣ осталась ненаполненною.

слѣдующія въ іерархическомъ порядкѣ. Кромѣ того, на всѣ „думы“ возложено составленіе списковъ значительнѣйшихъ лицъ округовъ, при чемъ уѣздная дума составляетъ эти списки на основаніи списковъ волостныхъ думъ и т. д Государственная дума состоитъ изъ депутатовъ, избранныхъ губернскими думами, и имѣетъ значеніе законодательнаго собранія, равнаго по своей важности сенату и министерствамъ. Она собирается въ силу коренпаго закона и безъ всякаго особаго созванія ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Продолжительность ея засѣданій опредѣляется количествомъ дѣлъ, ей предлагаемыхъ. Предсѣдатель государственной думы есть ея канцлеръ по самому своему званію [1]). Въ помощь ему опредѣляется особый чиновникъ подъ именемъ секретаря государственной думы. Дѣйствіе ея пресѣкается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою ея засѣданій до будущаго года и 2) совершеннымъ всѣхъ членовъ ея увольненіемъ. Отсрочка производится актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ, увольненіе—таковымъ же актомъ, но съ означеніемъ въ немъ членовъ, назначенныхъ послѣдними выборами губернской думы. Кромѣ общаго увольненія, члены государственной думы не могутъ оставить свое мѣсто, развѣ смертью или опредѣленіемъ верховнаго суда и поступленіемъ въ сенатъ и министерства. Въ сихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ мѣста членовъ занимаются непосредственно одними изъ кандидатовъ, въ спискѣ послѣдняго выбора означенныхъ. Съ первымъ собраніемъ государственной думы образуются законодательныя коммиссіи: 1)—законовъ государственныхъ, 2)—законовъ гражданскихъ, 3)—уставовъ и учрежденій, 4)—министерскихъ отчетовъ для взысканій отвѣтственности, 5)—коммиссіи представленій о государствен-

---

1) Въ изложеніи „Проэкта“ Тургеневымъ президентъ государственной думы избирается изъ числа трехъ кандидатовъ въ средѣ самой же думы и утверждается верховною властью (III, notes, 316 p.).

ныхъ нуждахъ и 7)—финансовъ. Дѣла въ государственной думѣ предлагаются отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Исключаются изъ сего: 1) представленія о государственныхъ нуждахъ, 2)—объ уклоненіи отъ отвѣтственности и 3)—мѣрахъ, нарушающихъ коренные государственные законы. Въ этихъ трехъ случаяхъ инициатива принадлежитъ самимъ депутатамъ, которые должны соблюдать формальности, предписанныя въ этомъ отношеніи. Законы предлагаются вообще правительствомъ; они обсуждаются въ государственной думѣ и утверждаются императоромъ. Дума получаетъ отчеты отъ министровъ. Въ случаѣ явнаго нарушенія конституціи дума имѣетъ право требовать отвѣта у министровъ и дѣлать по этому предмету представленія престолу. Никакой новый законъ не можетъ быть обнародованъ безъ участія думы. Всѣ законы финансовые, установленіе новыхъ налоговъ, какого бы то ни было рода, должны быть обсуждаемы въ думѣ. Законъ, принятый думой, представляется на утвержденіе императора. Законъ, отвергнутый большинствомъ голосовъ въ думѣ, останется недѣйствительнымъ. Для разсмотрѣнія законопроэктовъ дума назначаетъ изъ среды своей спеціальныя коммиссіи“ [1]).

Порядокъ судебный имѣетъ по „Проэкту“ Сперанскаго также четыре степени: 1) волостной судъ (третейскій и присяжный), 2) уѣздный съ гражданскимъ и уголовнымъ отдѣленіями, какъ первыми судебными инстанціями, 3) губернскій судъ и 4) сенатъ, который образуетъ „верховное судилище по обыкновеннымъ преступленіямъ“. Сенаторы назначаются государственной думой; каждые три года каждый

---

1) Въ „Проэктѣ“ Сперанскаго, хранящемся въ архивѣ Рѣпинскаго въ И. П. Библіотекѣ, нѣтъ изложеннаго нами текста, начиная съ фразы: „законы предлагаются вообще правительствомъ“ и оканчивая предписаніемъ о назначеніи думой спеціальныхъ коммиссій для разсмотрѣнія законопроэктовъ.

изъ департаментовъ сената избираетъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ назначается верховною властью президентомъ. Сенатъ дѣлится на четыре департамента (два гражданскихъ и два уголовныхъ), распредѣленныхъ между столицами. Всѣ судебныя дѣла подлежатъ ревизіи сената и его департаментовъ. При сенатѣ будетъ установленъ высшій верховный судъ, составленный изъ членовъ государственнаго совѣта, государственной думы и сената. Этому высшему суду подлежатъ государственныя преступленія, совершенныя министрами, членами совѣта, сенаторами, генералъ-губернаторами и т. п. Канцлеръ юстиціи въ сенатѣ будетъ хранителемъ государственной печати и начальникомъ сенатскихъ архивовъ; онъ замѣнитъ министра юстиціи въ верховномъ уголовномъ судѣ [1]). Министръ юстиціи есть блюститель судебныхъ формъ въ судопроизводствѣ, гражданскомъ и уголовномъ, какъ въ сенатѣ, такъ и во всѣхъ другихъ судахъ. Дѣла въ сенатѣ подготовляются особыми чиновниками (maîtres des requêtes), назначенными верховною властью по представленію министра юстиціи и подчиненными оберъ-прокурору, который завѣдуетъ всѣмъ дѣлопроизводствомъ въ сенатѣ. Засѣданія совѣта публичны и его рѣшенія печатаются. Наконецъ, относительно организаціи административнаго порядка Сперанскій различаетъ также государственное управленіе или министерство, управленіе губернское, уѣздное и волостное. Сперанскій предпосылаетъ новой организаціи министерствъ указанія на недостатки въ устройствѣ министерствъ 1802 г.[2]). Мѣстное управленіе во всѣхъ его сте-

---

1) Канцлеръ юстиціи сохраняетъ также общій избирательный листъ имперіи, составленный на основаніи списковъ мѣстныхъ „думъ“. Изъ числа лицъ помѣщенныхъ въ генеральномъ избирательномъ листѣ, правительство выбираетъ своихъ чиновниковъ. Отсюда же назначаются новые сенаторы въ случаѣ смерти или отставки членовъ сената. 2) Эти недостатки: 1) недостатокъ отвѣтственности министровъ, 2)—точности въ раздѣленіи дѣлъ между министерствами и 3) отсутствіе опредѣленныхъ правилъ въ ихъ дѣятельности (см. выше,

пеняхъ должно имѣть тоже единство, которое свойственно организаціи исполнительной власти вообще. Въ каждомъ административномъ округѣ завѣдованіе дѣлами управленія поручается Сперанскимъ начальнику округа (въ губерніи—губернатору, уѣздѣ—вице-губернатору), при которомъ состоитъ совѣтъ изъ мѣстныхъ поземельныхъ собственниковъ, контролирующій дѣятельность губернатора и вице-губернатора [1]). „Такимъ образомъ, заключаетъ Сперанскій, всѣ части государственной организаціи будутъ имѣть однообразное устройство; отъ министра до волостнаго правителя дѣла будутъ слѣдовать такъ сказать по прямой линіи и не будутъ, какъ теперь, безпрестанно уклоняться въ стороны, вслѣдствіе чего теряется даже слѣдъ злоупотребленій, которыя правительство хотѣло-бы уничтожить“.

Таково содержаніе того дѣйствительно, по выраженію Корфа, колоссальнаго плана всеобщаго государственнаго преобразованія Сперанскаго [2]), въ которомъ выразились политическіе взгляды автора и самого Александра Павловича. „Проэктъ“ Сперанскаго—квинтъ-эссенція всѣхъ философскихъ, юридическихъ и политическихъ, воззрѣній конца XVIII вѣка и начала XIX. Здѣсь мы находимъ взглядъ школы естественнаго

въ 3-й гл. нашего изслѣдованія). „Отвѣтственность установится, говоритъ Сперанскій, сама собою при существованіи госуд. думы, которая будетъ имѣть право требовать отъ министровъ отчетовъ въ веденіи порученныхъ имъ дѣлъ: нужно только опредѣлить правила этой отвѣтственности“. Недостатокъ точности въ распредѣленіи дѣлъ между министерствами Сперанскій думаетъ устранить новой ихъ организаціей (см. выше и 4 гл. нашего изслѣдованія). Наконецъ, для установленія опредѣленныхъ правилъ въ дѣятельности министерствъ предлагается имъ держаться строго различія между уставомъ и учрежденіемъ: это различіе должно уменьшить огромное число текущихъ дѣлъ, подъ тяжестью которыхъ стонутъ всѣ министерства.—1) Кромѣ губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ, при губернаторѣ должно было быть, по „Проэкту“ Сперанскаго, еще губернское правленіе, состоящее изъ представителей всѣхъ отраслей мѣстной администраціи; изъ соединенія казенной палаты съ губернскимъ правленіемъ образуется губернское правительство, раздѣленное на экспедиціи. При вице-губернаторѣ также есть такой-же административный совѣтъ съ соотвѣтственной организаціей. 2) Корфъ, 110 с.

права на происхожденіе общества и государства изъ естественнаго состоянія,—ограниченіе естественной свободы человѣка положительнымъ закономъ. Въ основу всей юридической жизни кладутся также общій моральный принципъ, провозглашенный той же школой (Хр. Томазіемъ), и взглядъ Ж. Ж. Руссо на народъ, какъ источникъ государственной власти. Въ связи съ этимъ послѣднимъ воззрѣніемъ находится примѣненіе Сперанскимъ къ замѣщенію должностей въ администраціи сложной избирательной теоріи аббата Сійеса. Вся организація проэктируемыхъ Сперанскимъ политическихъ учрежденій основывается, далѣе, на теоріи раздѣленія властей Монтескье, который тогда впервые познакомилъ европейское общество съ нею и съ англійскимъ политическимъ устройствомъ. Сперанскій пользуется въ своемъ „Проэктѣ“ и данными политическаго опыта, заимствованными имъ изъ Англіи и Франціи и примѣненными къ устройству центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій Россіи. Онъ предлагаетъ образовать высшій классъ здѣсь по образцу англійской аристократіи и возложить на него обязанность охранять неприкосновенность политическихъ и гражданскихъ правъ націи. Сперанскій ставитъ во главѣ всѣхъ политическихъ учрежденій государственный совѣтъ, повидимому, руководясь первенствующимъ положеніемъ аналогичнаго учрежденія во французской администраціи временъ консульства и особенно первой имперіи, когда въ совѣтѣ соединялись всѣ функціи управленія, за исключеніемъ судебной [1]). Государственная дума Сперанскаго напоминаетъ собою французскій законодательный корпусъ, который также долженъ былъ только обсуждать („уважать“) законопроэкты. Правило о періодическомъ возобновленіи состава сената въ „Проэктѣ“ было взято Сперанскимъ изъ французской конституціи 1799 г. Въ составъ же сената

1) Подробности сравненія русскаго государственнаго совѣта 1810 г. съ французскимъ совѣтомъ см. ниже—въ заключеніи.

былъ введенъ французскій институтъ maîtres des rêquêtes.

Такимъ образомъ, „Проэктъ“ Сперанскаго на столько же важенъ при оцѣнкѣ реформъ Александра I въ 1810—1811 г., какъ и протоколы Строганова при административныхъ преобразованіяхъ 1801—1802 г.: „въ обоихъ документахъ можно видѣть самый процессъ развитія политическихъ и общественныхъ элементовъ, какъ онъ обнаруживался въ высшей правительственной сферѣ, которая въ ту пору еще продолжала сохранять передовое значеніе, какое она имѣла въ первые годы царствованія“ [1]). Тѣсная связь этого плана Сперанскаго съ прежними его работами несомнѣнна. Въ уже извѣстномъ намъ его „Проэктѣ объ учрежденіи губернскихъ мѣстъ“ мы находимъ туже идею раздѣленія властей, какъ основаніе организаціи всего высшаго управленія, отдѣленіе законодательства отъ суда и управленія, которое надѣлено самостоятельными правами въ своей дѣятельности. Въ „Проэктѣ“ 1803—1804 г. ясно видно стремленіе автора соединить высшія функціи управленія въ лицѣ самого государя, которому онъ въ „Проэктѣ“ 1809 г. вручаетъ предложеніе и утвержденіе законовъ и всю исполнительную власть. Оба „Проэкта“ проникаетъ одна и таже мысль объ ограниченіи произвола въ русскомъ управленіи и приближеніи его къ „совершеннымъ монархическимъ формамъ“, которая составляла главную цѣль всей преобразовательной дѣятельности Александра Павловича. Сперанскій ставитъ въ „Проэктѣ“ 1803—1804 г. государственный совѣтъ (законодательный сенатъ) также на первомъ мѣстѣ въ управленіи и вручаетъ ему законодательство: по „Проэкту“ 1809 г. совѣтъ „содѣйствуетъ державной власти въ предложеніи и утвержденіи закона“. Наконецъ, „Проэкту“ 1803—1804 г. была извѣстна идея объ отвѣтственности министровъ, которую Сперанскій въ „Про-

---

1) Пыпинъ, н. с., 175 с.

экть“ 1809 г. считаетъ необходимымъ условіемъ законной ихъ дѣятельности. Но планъ Сперанскаго, представленный имъ государю въ 1809 г., отличался необыкновенно обширнымъ и сложнымъ содержаніемъ, охватывалъ собою всѣ отрасли управленія, центральнаго и мѣстнаго, предлагалъ организовать всѣ учрежденія на основаніи современныхъ автору политическихъ теорій, облеченныхъ у Сперанскаго въ ясную, точную и опредѣленную систему и форму. Планъ Сперанскаго, какъ и прежнія подобныя его работы, имѣлъ тѣсную связь со взглядами самого императора, его постояннымъ стремленіемъ водворить въ русскомъ управленіи законность и образовать въ странѣ прочныя политическія учрежденія. Поэтому-то, между прочимъ, введеніе къ плану начинается различіемъ между коренными и преходящими государственными законами, вошедшимъ ранѣе въ наказъ непремѣнному совѣту. Идеи плана Сперанскаго о преобразованіи русскаго управленія напоминаютъ собою разсужденія и проэкты членовъ неоффиціальнаго комитета, гдѣ также много говорилось и предлагалось государю разныхъ мѣръ для устройства русской администраціи на началахъ законности и „истинной монархіи“. Но общія политическія идеи, высказанныя въ комитетѣ въ видѣ отрывочныхъ и не всегда точно опредѣленныхъ мыслей и предложеній, въ планѣ Сперанскаго явились въ видѣ цѣльной, систематической и положительной теоріи, и здѣсь же указаны авторомъ и способы осуществленія этой политической теоріи путемъ соотвѣтственной организаціи государственныхъ учрежденій [1]). Мы уже знаемъ, что нѣкоторыя конституціонныя начала были внесены, сообразно желанію государя и членовъ комитета въ организацію сената и министерствъ въ 1802 г.: сенатъ былъ надѣленъ правомъ представлять императору о неудоб-

---

1) Пыпинъ, н. с., 176 с.

ствахъ въ исполненіи законовъ; предъ нимъ же должны были отвѣчать за свои дѣйствія всѣ министры. Сенатъ названъ „сословіемъ“ и члены его получили право суда пэровъ и другія важныя привиллегіи. Вся новая организація правительственныхъ учрежденій по плану Сперанскаго основана на началѣ представительства. Мы видѣли при изложеніи „Проэкта“ 1809 г., что его авторъ относится критически къ западно-европейскимъ учрежденіямъ, отмѣчаетъ во многихъ случаяхъ недостатки въ французскомъ и англійскомъ политическомъ быту. Сперанскій не рекомендуетъ прямаго перенесенія въ русское управленіе иноземныхъ учрежденій, а указываетъ на необходимыя въ нихъ видоизмѣненія сообразно съ условіями русской общественной и политической жизни. Такъ, напримѣръ, Сперáнскій доказываетъ, что предложеніе законовъ должно быть вручено въ Россіи правительству, которое, „бывъ окружено во всѣхъ своихъ важныхъ дѣяніяхъ государственнымъ совѣтомъ, всегда будетъ имѣть болѣе способовъ предлагать законы съ зрѣлостью, нежели каждый членъ законодательнаго сословія“ [1]). Сперанскій принимаетъ во вниманіе въ своемъ планѣ и существующее въ Россіи устройство высшихъ учрежденій: совѣта, министерствъ и сената. Послѣднему онъ, напримѣръ, придаетъ значеніе высшаго судебнаго учрежденія въ имперіи, при новой организаціи министерствъ исходитъ изъ уже даннаго имъ въ 1802 г. устройства [2]). Но желая доказать необходимость введенія въ Россіи въ царствованіе Александра I конституціоннаго политическаго устройства, Сперанскій прибѣгаетъ къ натянутымъ и неправильнымъ объясненіямъ хода русской политической исторіи, обличавшимъ въ авторѣ не-

---

1) См. выше въ изложеніи „Проэкта“ Сперанскаго, 2) Ниже мы указываемъ на то, что и при организаціи государственнаго совѣта въ 1810 г. Сперанскій также имѣлъ въ виду устройство его въ первые годы царствованія Александра I-го.

знакомство съ нею. Такъ онъ отыскиваетъ начало попытокъ ограниченія власти русскихъ государей въ собраніяхъ бояръ при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда на самомъ дѣлѣ уже сложилась самодержавная власть русскихъ государей [1]) и фраза: „государь, указалъ, а бояре приговорили“ была, по мѣткому выраженію Карамзина, „уже нѣсколько лѣтъ панихидой на усопшую аристократію боярскую“ [2]). Не сенатъ захотѣлъ воскресить при Аннѣ Ивановнѣ аристократическія преданія, а верховный тайный совѣтъ, какъ на это указывалъ позже и самъ Сперанскій [3]) О попыткѣ графа Н. И Панина ограничить власть Екатерины II Сперанскій даже не упоминаетъ. Коммиссія 1767 г. была созвана Екатериной II по иниціативѣ самой императрицы и не имѣла ничего общаго съ аристократическими тенденціями русскаго дворянства, въ средѣ котораго онѣ въ ту пору уже совсѣмъ исчезли. Противорѣчилъ историческимъ взглядамъ русскаго дворянства и майоратъ, объ отмѣнѣ котораго послѣ его введенія при Петрѣ I среднее дворянство такъ много хлопотало сначала предъ верховниками, а потомъ Анной Ивановной. „Единственное основаніе для реформы русскихъ политическихъ учрежденій“ заключалось не въ историческихъ традиціяхъ, которыхъ не было въ Россіи въ указанное имъ время, близкое къ царствованію Александра I [4]), а „въ множествѣ очевидныхъ неустройствъ“ всей русской общественной жизни и въ сознаніи наиболѣе образованныхъ людей, начиная съ самого государя, что „прежній неудовлетворительный порядокъ“

---

1) См. 1-ю главу нашей книги, 2) Карамзинъ, ibidem, 2288 с., 3) Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ“, 26 с., 4) Мы уже знаемъ, что попытка какъ верховниковъ, такъ и графа Н. И. Панина ограничить власть русскихъ государей была не выраженіемъ дѣйствительной политической самостоятельности русскаго дворянства въ XVIII ст., а лишь отголоскомъ, переживаніемъ далекой московской старины. Предлагая введеніе въ Россіи представительныхъ учрежденій съ аристократическимъ характеромъ, Сперанскій, очевидно, не зналъ, какую роль на самомъ дѣлѣ играло русское дворянство въ XVII—XVIII в.

долженъ быть улучшенъ сообразно съ новыми понятіями о „благѣ государства“ и достоинствѣ самой власти [1]). Къ недостаткамъ плана принадлежало еще противорѣчіе въ исключительномъ положеніи въ обществѣ высшаго класса, обладавшаго политическими привиллегіями, и низшаго класса общества, организованнаго на демократическомъ принципѣ. Сперанскій предлагалъ для проведенія крупныхъ реформъ въ русской общественной жизни слишкомъ несоразмѣрныя, мелочныя средства и, видимо, желалъ, чтобы „и общество, и народъ даже не почувствовали сильной перемѣны, которая произошла бы въ ихъ жизни“ [2]). При оцѣнкѣ плана Сперанскаго необходимо также имѣть въ виду, что онъ былъ выполненъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ и то съ существенными видоизмѣненіями: изъ предлагаемой въ немъ массы учрежденій былъ осуществленъ не въ полномъ видѣ только проэктъ преобразованія государственнаго совѣта и министерствъ. Въ организаціи послѣднихъ были допущены важные пробѣлы, которые должны были пополниться преобразованіемъ сената. Но эта реформа сената осталась только на бумагѣ. Отъ иден о представительствѣ осталось только нѣсколько выраженій въ „Образованіи государственнаго совѣта“. Наконецъ, относительно реорганизаціи мѣстнаго управленія не было даже сдѣлано какихъ-либо попытокъ въ духѣ „Проэкта“ 1809 г. Къ числу достоинствъ плана относится явное стремленіе автора уничтожить „безпорядокъ и хаосъ въ русскомъ управленіи“ [3]) посредствомъ систематическаго примѣненія иностранныхъ политическихъ образцовъ, современной политиче-

---

1—2) Пыпинъ, 178—179 с., 3) Tourgueneff, I notes, 329—400 p. Тургеневъ упрекаетъ Сперанскаго въ томъ, что онъ „слишкомъ много придавалъ значенія формѣ, а не сущности вещей, вѣрилъ въ всемогущество уставовъ и письменныхъ регламентовъ“ (ibidem). Но самъ же Тургеневъ признаетъ, какъ мы видѣли, что предъ реформами Сперанскаго все русское управленіе представляло собою „полный безпорядокъ“, изъ котораго оно было выведено преобразованіями 1810—1811 года.

ской теоріи [1]) къ переустройству всѣхъ административныхъ учрежденій, особенно же центральныхъ. Въ „Проэктѣ“ Сперанскаго сказалось „критическое отношеніе автора къ существующему порядку, недостатки котораго признавались тогда на самой вершинѣ правительства“ [2]). Это „критическое отношеніе“ Сперанскаго къ недостаткамъ тогдашняго государственнаго строя, особенно же государственнаго совѣта до 1810 г. выразилось и въ его „Запискѣ о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“ составляющей необходимое дополненіе къ плану Сперанскаго [3]). Государственный совѣтъ нуженъ, по словамъ автора записки, „для сосредоточенія государственныхъ дѣлъ для общаго ихъ соображенія“. Сенатъ не можетъ замѣнить его, такъ какъ „онъ въ своемъ первоначальномъ учрежденіи былъ мѣстомъ верховнаго суда и исполненія, но не общаго всѣхъ государственныхъ дѣлъ соображенія“. Ни одинъ законъ, уставъ или учрежденіе не были разсмотрѣны въ сенатѣ, куда „всѣ они были препровождаемы для исполненія и охраненія силы ихъ въ дѣлахъ частныхъ. Такимъ образомъ, тогда какъ судъ и исполненіе имѣли свое средоточіе и нѣкоторое единство въ сенатѣ, важ-

---

1) Многое изъ этой теоріи было не ново даже въ доалександровскомъ русскомъ управленіи. Мы говоримъ о теоріи раздѣленія властей, систематическое проведеніе которой началось еще при Екатеринѣ II. 2) Пыпинъ, 179 с. 3) Эта „Записка“ Сперанскаго хранится въ Арх. Гос. Совѣта, дѣлахъ общаго его собранія, небывшихъ на разсмотрѣніи отдѣльныхъ его департаментовъ (1 папка, по архиву №№ 1 и 2). Изъ двухъ редакцій „Записки“ одна вся написана рукою Сперанскаго, другая—только вполовину. Въ третьей редакціи „Записки“ воспроизведено авторомъ почти все содержаніе „Записки“ съ поправками самого Сперанскаго. Ни одна изъ редакцій не содержитъ даты о времени составленія „Записки“, хотя, очевидно, она относится къ періоду подготовительныхъ работъ Александра I и Сперанскаго по преобразованію высшихъ учрежденій (1808—1809 г.). Что „Записка“ была дополненіемъ къ плану Сперанскаго, это видно изъ ея содержанія: въ ней проводится таже главная мысль плана о необходимости искорененія личнаго произвола въ управленіи и уваженія къ закону. Предметами дѣятельности государ. совѣта считаются, какъ и въ планѣ, законы, уставы и учрежденія. При изложеніи „Записки“ мы пользуемся всѣми ея редакціями, пополняя болѣе цѣльную остальными.

нѣйшая часть государственныхъ силъ, соображеніе и составленіе закона всегда обращались внѣ его, были предметомъ личнаго довѣрія и, переходя по случаямъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, никогда не имѣли ни единства, ни надлежащаго уваженія". Обращаясь къ исторіи образованія государственнаго совѣта въ Россіи, Сперанскій замѣчаетъ, что „совѣтъ въ началѣ своемъ былъ учрежденъ для временныхъ соображеній по обстоятельствамъ военнымъ. При нынѣшнемъ царствованіи онъ получилъ нѣкоторое разширеніе, но образованіе его не окончено. Онъ остался мѣстомъ такъ сказать произвольнымъ, коего дѣйствія безгласны, неопредѣлительны и относятся, большею частью, къ дѣламъ текущимъ. Можетъли въ настоящемъ составѣ его стать онъ на чредѣ государственныхъ установленій, свойственныхъ имперіи обширной? Министерскій комитетъ есть также установленіе, никакихъ публичныхъ формъ неимѣющее; въ самомъ разумѣ его онъ предустановленъ былъ для соображенія однѣхъ мѣръ исполнительныхъ. Слѣдовательно, никогда не могъ онъ быть средоточіемъ въ порядкѣ законодательномъ". Такъ, заключаетъ Сперанскій, „важнѣйшая часть государственнаго управленія —соображеніе законовъ, уставовъ и учрежденій не имѣетъ у насъ никакого постояннаго положенія и нѣтъ мѣста, гдѣ бы дѣла государственныя постоянно и единообразно были уважаемы. Въ государствѣ сильномъ и обширномъ, продолжаетъ Сперанскій, разныя части управленія не могутъ идти съ стройностью и успѣхомъ, когда каждое движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству, когда главныя отношенія разныхъ частей не опредѣлены и не соображены между собою, когда каждое дѣло можетъ по произволу поступать въ различныя установленія, въ совѣтъ, сенатъ или комитетъ, и ни въ одномъ изъ нихъ не установлено порядка, теченію государственныхъ дѣлъ свойственнаго и единообразнаго". Далѣе Сперанскій изобража-

етъ всѣ неблагопріятныя послѣдствія такой неопредѣленности, запутанности и смѣшенія дѣлъ въ управленіи „Отсюда происходитъ, говоритъ онъ, что всѣ законы, всѣ учрежденія и мѣры правительства, даже и тѣ самыя, кои соображаемы были съ установленіями нынѣ существующими совокупно всѣми ихъ членами, имѣютъ у насъ видъ произвола и личнаго довѣрія, измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ Отсюда происходитъ та великая несвязность, которая въ законахъ нашихъ на каждомъ шагу встрѣчается. Всѣ они имѣютъ столько различныхъ свойствъ, сколько было разныхъ лицъ, кои поперемѣнно занимались ихъ составленіемъ. Отсюда происходитъ, что учрежденія наши никогда не имѣли достоинства и важности, свойственной закону. И какимъ образомъ могутъ они имѣть сію важность, когда начинались по одному личному довѣрію, соображались втайнѣ и издавались безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія? Отсюда происходитъ та великая и горестная удобность, съ коею законы наши были перемѣняемы. Если одно лице, часто дѣйствующее втайнѣ, могло предложить законъ и частнымъ соображеніемъ привесть его въ силу, то другое, пользуясь въ свою очередь, тѣмъ степенемъ довѣрія, могло отмѣнить его и ввести другое учрежденіе. Отсюда происходитъ то всеобщее убѣжденіе, самимъ опытомъ оправданное, что нѣтъ въ Россіи закона постояннаго, и что можно перемѣнить все по личнымъ случаямъ и удобностямъ. Отсюда происходитъ и та слабость въ исполненіи закона, на которую столько разъ жалобы были оглашаемы. Каждый исполнитель при первомъ затрудненіи въ законѣ находитъ удобнѣйшимъ предложить его отмѣну, нежели стараться превзойти препятствія. И понеже отмѣны сіи бывали часты и всегда производимы съ тою же удобностью, съ какой и законъ у насъ издавался, то и поселилась въ практикѣ нашихъ исполнителей несчастная привычка представлять не-

престанно о неудобствахъ, изъ чего и составилась большая часть дѣлъ, тяготящихъ всѣ департаменты и ввергающихъ вышнее управленіе въ непрерывный безпорядокъ. Тщетно власть исполнительная гремѣла подтвержденіями и угрозами. Самыя подтвержденія сіи и угрозы еще болѣе обнаруживали слабость закона.

Изъ сего, заключаетъ Сперанскій, происходятъ слѣдующія истины: 1) что въ настоящемъ порядкѣ управленія нѣтъ установленія для общаго соображенія дѣлъ государственныхъ въ отношеніи ихъ къ части законодательной, 2) что отъ недостатка сего установленія происходятъ главный безпорядокъ и смѣшеніе во всѣхъ частяхъ управленія, 3), что твердость и постоянство закона требуютъ такого установленія и 4), что, наконецъ, великія государства движутся установленіями, лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живетъ и въ теченіе многихъ столѣтій охраняетъ оныя“.

Такъ краснорѣчиво и цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ доводовъ, вытекающихъ логически одинъ изъ другаго и доказывающихъ всестороннее знакомство автора „Записки“ съ состояніемъ русскаго высшаго управленія предъ 1810 г., была доказана Сперанскимъ необходимость преобразованія государственнаго совѣта. Можно думать, что эта „Записка“ повліяла до извѣстной степени на рѣшимость государя приступить къ осуществленію плана Сперанскаго, представленнаго имъ Александру въ октябрѣ 1809 года. Государь разсматривалъ планъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и видимо колебался осуществить его въ полномъ видѣ [1]). На это колебаніе Александра Павловича, думавшаго ввести предполагаемыя реформы не вдругъ, а постепенно и начать съ переходныхъ формъ, указывалъ впослѣдствіи Сперанскій въ своемъ пермскомъ письмѣ. „Полезнѣе можетъ быть было-бы,

1) Пермское письмо Сперанскаго къ императору Александру I, Богдановичъ, V, приложеніе, 49 с.

писалъ Сперанскій государю, всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно; тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы въ дѣлахъ никакого смѣшенія. Но Ваше Величество признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе не было основательно, но въ послѣдствіи оно, замѣчаетъ Сперанскій, содѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшились вредныхъ уновленій“ [1]). Сперанскій, который самъ былъ за одновременное открытіе всѣхъ предполагаемыхъ установленій [2]), долженъ былъ сообразоваться съ измѣнившимися мыслями государя и совѣтовать ему при введеніи реформъ „избѣгать всякой торопливости“. Сперанскій предлагалъ теперь государю „каждое установленіе открывать не прежде, какъ все образованіе его будетъ изготовлено и, наконецъ, переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ такъ учредить, чтобы онъ казался самымъ простымъ и естественнымъ, новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ, чтобы ничего не отваживать и имѣть всегда способы остановиться и удержать прежній порядокъ во всей его силѣ, ежели бы паче чаянія встрѣтились къ новому какія-либо непреоборимыя препятствія“ [3]). Не теряя еще надежды на полное осуществленіе своего плана, Сперанскій назначалъ срокъ окончанія реформъ, въ немъ предложенныхъ, думалъ, что „къ 1811 году Россія воспріиметъ *новое бытіе* и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится“. Ожиданія Сперанскаго,

---

1) Пермское письмо Сперанскаго, ibidem. 2) Такое же одновременное осуществленіе реформъ въ управленіи Сперанскій предлагалъ и въ своемъ „Проэктѣ“ 1803—1804 г. 3) Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго“, 111 с.

однако, не сбылись: изъ плана осуществлены были только нѣкоторыя части, подходившія къ существующему устройству высшаго русскаго управленія. Съ цѣлью укрѣпить въ государѣ его намѣреніе преобразовать государственный совѣтъ въ дѣйствительно законодательное, хотя и не вполнѣ сообразное съ планомъ, учрежденіе, Сперанскій представилъ Александру Павловичу, свою, извѣстную намъ, „Записку о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“ [1]). Кромѣ тѣхъ общихъ соображеній, которыя были высказаны Сперанскимъ въ этой „Запискѣ“, онъ обратилъ вниманіе государя еще на ближайшіе поводы къ образованію совѣта. Причинами необходимости „разширить совѣтъ и дать ему публичныя формы“ Сперанскій выставлялъ „положеніе нашихъ финансовъ, которое требуетъ непремѣнно новыхъ и весьма нарочитыхъ налоговъ, безъ чего никакъ и ни къ чему приступить невозможно. Налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностью и подробностью доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно, очевидность сію должно замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ произвола, но точною необходимостью, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ, власть державная сохранитъ къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастья самого народа; она охранитъ себя отъ всѣхъ неправыхъ нареканій,

---

1) Что „Записка“ представлена Сперанскимъ государю послѣ плана, на это указываетъ измѣненное въ ней опредѣленіе функцій государств. совѣта: онъ названъ въ „Запискѣ средоточіемъ государственныхъ (законодательныхъ) дѣлъ для *общаго ихъ соображенія*“, чѣмъ опредѣлялась законосовѣщательная роль совѣта въ государствѣ, между тѣмъ какъ по „Проэкту“ онъ представлялся центральнымъ пунктомъ *соединенія* всѣхъ функцій управленія—госуд. думы, сената и министерствъ, во главѣ которыхъ онъ долженъ былъ стать (см. 1 и корен. законовъ по „Проэкту“). Такая перемѣна Сперанскимъ въ опредѣленіи роли совѣта въ его „Запискѣ“ находится въ связи съ укрѣпившимся намѣреніемъ государя повременить осуществленіемъ всѣхъ предполагаемыхъ учрежденій (государ. думы и др.).

заградитъ уста злонамѣренности и злословію и самые налоги не будутъ казаться столь тягостными съ той минуты, какъ признаны будутъ необходимыми“ [1]). Въ послѣдствіи Сперанскій въ своемъ „Отчетѣ въ дѣлахъ 1810 г.“, представленномъ имъ государю уже послѣ образованія совѣта, говоритъ по тому же поводу: „есть мѣры, кои одно лице, даже и всемогущее, не можетъ или не должно принимать на свою отвѣтственность. Таковы суть подати и налоги. Несвойственно и неприлично верховной власти представляться въ видѣ непрерывной нужды и умножать народныя тягости. Пусть разсчитываютъ ихъ министры, *присуждаетъ совѣтъ*, а государь долженъ только прилагать къ нимъ печать. Бываютъ, продолжаетъ здѣсь Сперанскій, и могутъ быть положенія критическія, въ коихъ тяжесть сія должна быть нарочито увеличена. Таковъ есть случай войны. Здѣсь *государь долженъ защищать отечество, а дѣло его совѣта есть измѣрять и налагать мѣру частныхъ пожертвованій. Совѣтъ долженъ въ нихъ отвѣтствовать, сколько бы они не казались чрезмѣрными.* Такимъ образомъ, власть верховная будетъ всегда сохранять свойственный ей характеръ; она будетъ имѣть менѣе произвольности, но болѣе истинной дѣйствующей силы“ [2]). „Государственный совѣтъ долженъ быть преобразованъ, утверждалъ Сперанскій, еще въ виду смѣшенія въ сенатѣ суда и управленія, которое дошло уже до такого безпорядка, что, независимо отъ общаго преобразованія, нельзя болѣе отлагать нужныя мѣры исправленія, а мѣры сіи во всѣхъ предположеніяхъ не могутъ быть иначе приняты, какъ отдѣленіемъ части управленія и назначеніемъ ей особеннаго порядка“ [3]). Кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, Спе-

---

1) Корфъ, 113—114 с.; ср. тѣ мѣста „Проэкта“ Сперанскаго 1809 г., гдѣ говорится о необходимости публичныхъ установленій. 2) Архивъ Гос. Совѣта, дѣла общаго собранія, 1 папка, 3 тетрадь, по архиву № 3; „Отчетъ за 1810 г.“ напечатанъ въ Сборн. Рус. Ист. Общ., XXI т. 3) Корфъ, 114 с.

ранскій указывалъ еще на непосредственные предлоги къ образованію государственнаго совѣта. Они заключались въ: 1) „разсмотрѣніи гражданскаго уложенія, къ совершенію коего послѣ тщетныхъ во всѣ царствованія, начиная съ Петра I, попытокъ, теперь настало время и 2) финансовъ, скрывать затрудненіе коихъ есть вѣрный способъ умножить запутанность и питать безпокойство“ [1]).

Составленный Сперанскимъ на основаніи его плана, проэктъ образованія государственнаго совѣта былъ предварительно за мѣсяцъ до открытія совѣта сообщенъ графу Н. И. Салтыкову, графу Завадовскому [2]) и князю Лопухину, которые „одобрили его словесно и письменно и оправдали всѣ его послѣдствія“ [3]). Проэктъ былъ посланъ еще графу Кочубею, который отнесся къ нему также сочувственно. „Я не могу видѣть, писалъ Кочубей Сперанскому (25 дек. 1809 г.), не только никакого неудобства къ образованію совѣта, но ласкаюсь внутренно, что оно произвести можетъ существенную пользу. Время, конечно, было обратить вниманіе на все неутройство нашего правительства. Принимая даже вещи въ самой строгой *септикъ*, можно, думаю, смѣло согласиться, что не можетъ быть уже ничего хуже того, что есть“ [3]). При своемъ письмѣ къ Сперанскому Кочубей приложилъ записку, въ которой изложилъ свои замѣчанія на проэктъ образованія государственнаго совѣта Сперанскаго. Въ началѣ своей записки графъ Кочубей указываетъ на аристократическую роль сената, какую онъ игралъ „въ монархическихъ государствахъ

---

1) Корфъ, 114 с. 2) Пермское письмо въ редакціи Шильдера (Рус. Архивъ, 1891, XII, 53 с.). 3) Ibidem. Въ дѣлахъ А. Г. С. (общаго собранія) хранится два экземпляра проэкта образованія государ. совѣта: одинъ подъ названіемъ „генеральный планъ учрежденія государ. совѣта“ написанъ на французскомъ языкѣ и поправленъ рукою Сперанскаго (1 папка, 1 тетр., № 1), другой — на русскомъ называется „проэктъ образованія госуд. совѣта“ и содержитъ поправки самого государя, относящіяся къ замѣнѣ нѣкоторыхъ названій должностей въ канцеляріи совѣта. Оба проэкта сходны съ дѣйствительнымъ его „Образованіемъ“ 1810 г. и поэтому не излагаются здѣсь нами, 3) Арх. Гос. Совѣта, дѣла общаго собранія 1 папка, 1 тетр., № 1 по архиву.

нашего времени“ (Венеціи, Швеціи и Польшѣ): здѣсь сенатъ является „не совѣщательнымъ, а законодательнымъ и вмѣстѣ исполнительнымъ сословіемъ“. Съ аристократическими сенатами въ этихъ государствахъ не имѣетъ ничего общаго государственные совѣты въ Англіи и Франціи, гдѣ они „составляютъ корпусы, единственно совѣщательные и неимѣющіе никакой власти исполнительной“. Кочубей видитъ въ русскомъ сенатѣ „смѣшеніе всѣхъ понятій“ и думаетъ, что онъ заимствованъ изъ Швеціи и занималъ при Петрѣ I-мъ мѣсто государственнаго совѣта. Кочубей разсматриваетъ доводы за и противъ новаго образованія совѣта или надѣленія его правами сената и приходитъ къ тому заключенію, что „сводя всѣ причины, которыя въ пользу того или другаго предположенія представляются, можно, кажется, то или другое принять безъ важныхъ неудобствъ“. Кочубей касается и вопроса о томъ, можно ли при образованіи нашего совѣта въ 1810 г. пользоваться иноземными образцами, особенно французскими. „Въ прежнія времена, когда революція французская всѣ перемѣны страшными представляла, ибо съ ними сопрягаемы всегда быть могли вольности и проч., всякое новое установленіе, замѣчаетъ Кочубей, вводимо быть долженствовало у насъ съ самою большою осмотрительностью. Но нынѣ, когда императоръ Наполеонъ Франціей и другими государствами деспотически управляетъ, никто упрекнуть государя не можетъ, чтобы онъ, *образуя свой совѣтъ нѣсколько на подобіе французскаго*, имѣлъ тѣ правила, коими его обвиняли. Слѣдовательно образованіе совѣта въ новомъ его видѣ не покажется вѣроятно установленіемъ, несообразнымъ съ формами нашими“. Въ концѣ своей записки Кочубей видимо склоняется на сторону новаго образованія государственнаго совѣта, допуская только, какъ временную мѣру, „присвоеніе сенату формъ государственнаго свѣта“ [1]).

---

1) Арх. Гос. Совѣта, дѣла общаго собранія (1 папка, 1 тетрадь, № 1 по ар-

Вмѣстѣ съ проэктомъ образованія государственнаго совѣта Сперанскимъ былъ составленъ „обрядъ его открытія“ [1]), согласно которому состоялось 1 января 1810 г. первое торжественное собраніе вновь образованнаго государственнаго совѣта. Въ началѣ засѣданія Александръ Павловичъ произнесъ рѣчь, „исполненную чувства, достоинства и идей, которыя никогда еще Россія не слышала съ престола“ [2]). Въ этой рѣчи, составленной Сперанскимъ и исправленной самимъ государемъ, было сказано, что „порядокъ и единообразіе дѣлъ государственныхъ требуютъ, чтобы было одно средоточіе для общаго ихъ соображенія. Въ настоящемъ составѣ управленія нѣтъ у насъ сего установленія. Какимъ образомъ въ государствѣ столь обширномъ разныя части управленія могутъ идти съ стройностью и успѣхомъ, когда каждая движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству? Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего, лица умираютъ, одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основанія государствъ. Не частными исправленіями, продолжалъ государь, не подробностями многосложными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства. Среди всѣхъ заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда меня не покидала. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на постановленіяхъ“. Далѣе Александръ Павловичъ заявлялъ, что Онъ давно живо „чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка“, и

хиву; подробное изложеніе записки Кочубея см. въ приложеніи къ нашей книгѣ). Изъ записки Кочубея видно, что въ 1809 г. думали снова возстановить прежнее значеніе сената, какое онъ получилъ въ 1802 г. Не безъ основанія коснулся этого вопроса и самъ Сперанскій въ своей „Запискѣ о необходимости учрежденія государ. совѣта“,—1) А. Г. С., ibidem, 2) Корфъ, 118 с.

что „съ началомъ новаго года“ онъ кладетъ „твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установленій,—государственному совѣту, который будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу имперіи принадлежащихъ“. Указавши на то, что призваніе лицъ, назначенныхъ въ составъ совѣта, есть знакъ высшаго довѣрія къ нимъ императора, Александръ Павловичъ выразилъ твердое намѣреніе при помощи совѣта „установить порядокъ и оградить имперію добрыми законами“. Государь обѣщался самъ раздѣлять труды членовъ совѣта и заключилъ свою рѣчь пророческимъ пожеланіемъ, чтобы „нѣкогда, въ позднія времена, когда его уже не будетъ, истинные сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при Мнѣ и Моимъ искреннимъ желаніемъ блага Россіи“ [1]). По окончаніи рѣчи императора новый государственный секретарь, Сперанскій прочиталъ манифестъ объ образованіи государственнаго совѣта, самое его „Образованіе“, списки предсѣдателей департаментовъ, членовъ совѣта и его канцеляріи и роспись дней засѣданія. Затѣмъ государь вручилъ предсѣдателю совѣта, графу Румянцеву для внесенія въ департаменты совѣта по принадлежности проэкта первой части гражданскаго уложенія и планъ финансовъ и оставилъ засѣданіе, которое закончилось принятіемъ новыми членами совѣта установленной присяги [2]).

Въ манифестѣ объ образованіи государственнаго совѣта, который былъ изданъ вмѣстѣ съ его „Образованіемъ“ [3]) за-

---

1) Даневскій, н. с., 56—57 с. Рѣчь Александра Павловича при открытіи совѣта составлена была Сперанскимъ на основаніи его же „Записки о необходимости государ. совѣта“, откуда были взяты для рѣчи многія подлинныя выраженія, какъ показываетъ это сравненіе рѣчи съ „Запиской“. 2) А. Г. С., ibid.; ср. Корфъ, н. с., 118 с. 3) П. С. З., XXXI, № 24,064.

являлось, что „истинный разумъ всѣхъ усовершеній государственнаго устройства состоялъ въ Россіи до сихъ поръ въ томъ, чтобы по мѣрѣ просвѣщенія и разширенія общественныхъ дѣлъ учреждать постепенно образъ правленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона“, и что намѣреніе продолжать это „усовершеніе внутреннихъ нашихъ установленій и оградить собственность подданныхъ добрыми законами“ не оставляло государя въ теченіе всего его царствованія. „Но законы гражданскіе, говорилось далѣе въ манифестѣ, сколь бы они не были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды. Въ числѣ сихъ установленій государственный совѣтъ издавна занималъ важное мѣсто“ и теперь получаетъ „образованіе, свойственное публичнымъ установленіямъ“. Въ манифестѣ были указаны первые предметы дѣятельности вновь образованнаго государственнаго совѣта (обсужденіе проэкта гражданскаго уложенія, предстоящее преобразованіе министерствъ и разсмотрѣніе настоящаго положенія государственныхъ доходовъ и расходовъ). Наконецъ, въ манифестѣ находились „главныя начала“ образованія государственнаго совѣта, которыя въ самомъ его „Образованіи“ составили первую главу подъ названіемъ: „коренные законы государственнаго совѣта“. „Въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ, говорится здѣсь, составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются и чрезъ него восходятъ къ Верховной Императорской власти (I п.). Посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію (II п). Никакой новой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти (III п.).

Совѣтъ составляется изъ особъ, Высочайшею довѣренностью въ сословіе сіе призываемыхъ (IV п.). Члены совѣта могутъ имѣть званія въ порядкѣ судномъ и исполнительномъ (V п.). Министры суть члены совѣта по ихъ званію (VI п.). Въ совѣтѣ предсѣдательствуетъ императоръ (VII п.). Въ отсутствіе императора мѣсто предсѣдателя занимаетъ одинъ изъ членовъ по Высочайшему назначенію (VIII п.). Назначеніе предсѣдательствующаго въ государственномъ совѣтѣ возобновляется ежегодно (IX п.). Совѣтъ раздѣляется на департаменты (X п.). Каждый департаментъ имѣетъ опредѣленное число членовъ, изъ коихъ одинъ предсѣдательствуетъ (XI п.). Министры не могутъ быть предсѣдателями департаментовъ (XII п.). Члены всѣхъ департаментовъ составляютъ общее собраніе совѣта (XIII п.). Члены совѣта, при опредѣленіи коихъ не будетъ назначенъ особый департаментъ, присутствуютъ въ общихъ собраніяхъ (XIV п.). Распорядокъ членовъ по департаментамъ возобновляется каждые полгода по Высочайшему усмотрѣнію (XV п.). Присутствія департаментовъ и общихъ собраній имѣютъ положенные дни; но по уваженію дѣлъ во всякое время они могутъ быть созваны особеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ (XVI п.). Во второй главѣ „Образованія“ рѣчь идетъ объ особенныхъ учрежденіяхъ совѣта. Совѣтъ раздѣляется на четыре департамента: 1) законовъ, 2) дѣлъ военныхъ, 3) дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и 4) государственной экономіи (1 §). Въ департаментъ законовъ входитъ все то, что по существу своему составляетъ предметъ закона. Коммиссія законовъ будетъ представлять въ сей департаментъ всѣ первоначальныя начертанія законовъ, въ ней составляемыхъ (2 §). Въ департаментъ военныхъ дѣлъ будутъ входить предметы министерствъ военнаго и морскаго (3 §). Въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ будутъ входить дѣла юстиціи, управленія духовнаго и полиціи (4 §). Къ департаменту государствен-

ной экономіи будутъ принадлежать предметы общей промышленности, наукъ, торговли, финансовъ, казначейства и счетовъ (5 §). Предсѣдатель государственнаго совѣта при его разсужденіяхъ охраняетъ надлежащій порядокъ и единство предмета; въ случаѣ разнообразія мнѣній для соглашенія ихъ излагаетъ существо и силу вопроса и потомъ объявляетъ мнѣніе, большинствомъ голосовъ принятое“ (9 §). Тѣже обязанности по отношенію къ каждому изъ отдѣльныхъ департаментовъ совѣта несутъ ихъ предсѣдатели (12—17 §§). На отвѣтственность государственнаго секретаря возлагается точность свѣдѣній, предлагаемыхъ совѣту, надлежащее ихъ изложеніе и исполненіе бумагъ по журналамъ совѣта (18—20 §§). Статсъ-секретари департаментовъ и ихъ помощники занимаются дѣлопроизводствомъ въ отдѣльныхъ департаментахъ (21—24 §§). „Образованіе“ опредѣляетъ подробно „обрядъ вступленія членовъ совѣта“, ихъ засѣданій и время послѣднихъ въ департаментахъ и общихъ собраніяхъ совѣта (25—28 §§) [1]). „Въ порядкѣ государственныхъ дѣлъ, отъ разрѣшенія и утвержденія верховной императорской власти зависящихъ, поступаютъ предварительно на уваженіе совѣта: 1) всѣ предметы, требующіе новаго закона, устава или учрежденія, 2) предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній, 3) дѣла, требующія въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла, 4) мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій, 5) общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя, 6) объявленіе войны, за-

---

1) Въ дѣлахъ Архива Гос. Совѣта хранится „Планъ размѣщенія членовъ совѣта, начертанный рукою Александра Павловича“ (Дѣла общаго собранія совѣта, 1 папка, 1 тетрадь, по архиву № 1). Этимъ „Планомъ“ должны были устраниться затрудненія, происшедшія при первомъ размѣщеніи членовъ совѣта. Отголоскомъ толковъ по этому поводу въ обществѣ явилась извѣстная басня Крылова: „Квартетъ“ (Корфъ, 118 с.).

ключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, когда по усмотрѣнію обстоятельствъ могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію, 7) ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ, въ теченіе года встрѣтиться могущихъ, и чрезвычайныя финансовыя мѣры, 8) всѣ дѣла, по коимъ отчуждается какая-либо часть государственныхъ доходовъ или имуществъ въ частное владѣніе, 9) дѣла о вознагражденіи частныхъ людей за имущества, на государственныя нужды взимаемыя, 10) отчеты всѣхъ министерствъ въ управленіи принадлежащихъ къ нимъ частей“ (29 §). Государственному совѣту не подлежатъ только: 1) „тѣ дѣла, кои особенно представлены будутъ непосредственному докладу министровъ и 2) дѣла, кои по общему министерскому наказу подлежать будутъ соображеніямъ министерскаго комитета“ (30 §). Всѣ дѣла, предоставленныя соображенію совѣта, сначала поступаютъ въ его департаменты отъ министровъ или по Высочайшему повелѣнію и изготовляются здѣсь къ докладу и предлагаются или государственнымъ секретаремъ, или статсъ-секретарями, или ихъ помощниками. Положенія, принятыя большинствомъ голосовъ, вносятся въ журналъ, при которомъ прилагаются особыя мнѣнія членовъ, несогласныхъ съ общимъ рѣшеніемъ (31, 33 и 35 §§). Въ департаментахъ могутъ присутствовать сами министры или директоры, управляющіе частями, но послѣдніе послѣ нужныхъ изъясненій по дѣламъ оставляютъ собраніе (37—38 §§). „Положенія департаментовъ, заключающія въ себѣ изъясненія точнаго разума существующихъ законовъ и приложеніе ихъ къ частнымъ случаямъ и непредполагающія новаго закона, устава или учрежденія, ни отмѣны прежнихъ постановленій или дополненія ихъ, не поступаютъ въ общее собраніе, но представляются въ журналахъ ихъ непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе (39 §). Всѣ другія дѣла, по

окончаніи ихъ разсмотрѣнія въ департаментѣ, входятъ на уваженіе общаго собранія (40 §). Во всѣхъ положеніяхъ департамента по дѣламъ частнымъ заключенія совѣта изображаются въ общемъ видѣ закона или учрежденія, дабы разрѣшеніемъ одного случая можно было объять всѣ другіе, съ нимъ однородные“ (41 §). Въ общія собранія совѣта дѣла вступаютъ или изъ департаментовъ или по Высочайшему повелѣнію (43 §). Въ общія собранія вносятся прямо: 1) „общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя и 2) внѣшнія важныя мѣры, когда по существу ихъ признано будетъ нужнымъ предоставить ихъ предварительному общему уваженію совѣта“ (44 §). „Образованіе“ устанавливаетъ подробныя и точныя правила разсмотрѣнія дѣлъ въ общемъ собраніи совѣта, гдѣ предсѣдатель руководитъ преніями, а государственный секретарь даетъ нужныя „разъясненія“. Рѣшенія, за которыя высказалось большинство голосовъ, считаются принятыми, причемъ членамъ совѣта, несогласнымъ съ общимъ рѣшеніемъ, предоставляется право подавать свои особыя мнѣнія. Послѣднія могутъ подавать поводъ къ вторичному рѣшенію дѣла въ общемъ собраніи совѣта, если на это послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе (45—56 §§). Постановленія совѣта, Высочайше утвержденныя и совѣту предъявленныя, вносятся въ одинъ журналъ общаго собранія, а всѣ положенія совѣта по дѣламъ, уваженію его представляемымъ, въ другой (57 §). Въ обыкновенныхъ собраніяхъ совѣта министры могутъ не присутствовать; вмѣсто нихъ могутъ давать всѣ нужныя объясненія по дѣламъ директора частей, неимѣющіе въ собраніи совѣщательнаго голоса (64—64 §§). Всѣ журналы совѣта, подписанные предсѣдателемъ и членами совѣта, представляются на Высочайшее усмотрѣніе. Словесныя Высочайшія повелѣнія объявляются совѣту предсѣдателемъ всего совѣта и его департаментовъ (65—66 §§). Особенному порядку разсмотрѣнія подвер-

гаются въ совѣтѣ всѣ законы, уставы и учрежденія, проэкты которыхъ вносятся государственнымъ секретаремъ въ коммиссію составленія законовъ и оттуда поступаютъ въ департаментъ законовъ, гдѣ директоръ коммиссіи „представляетъ надлежащія изъясненія по предлагаемымъ имъ начертаніямъ законовъ, уставовъ и учрежденій“. Послѣ того, какъ эти проэкты будутъ разсмотрѣны въ общемъ собраніи совѣта, куда они вносятся изъ департаментовъ, „законы, уставы и учрежденія входятъ на Высочайшее усмотрѣніе“ (67—72 §§). Относительно формы изданія постановленій совѣта его „Образованіе“ устанавливаетъ слѣдующія правила „Всѣ предметы, содержащіе въ себѣ законы, уставы или учрежденія, имѣютъ форму манифестовъ“, въ которыхъ послѣ императорскаго титута излагаются сначала кратко причины, подавшія поводъ къ появленію закона, устава или учрежденія, затѣмъ слѣдуетъ фраза: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, постановляемъ или утверждаемъ“, послѣ чего идутъ статьи закона, устава или учрежденія, мѣсто и время ихъ изданія, подпись Высочайшаго имени и контрасигнированіе предсѣдателя государственнаго совѣта (73 §). Такую же форму имѣютъ и всѣ дополненія уставовъ и учрежденій (74 §). „Но изъясненія, предписывающія только образъ исполненія или установляющія ихъ разумъ по возникшимъ сомнѣніямъ“, носятъ названіе „мнѣній государственнаго совѣта“; Высочайшая конфирмація которыхъ выражается словами: „быть по сему“ (75—76 §§). Особую же форму имѣютъ Высочайшія повелѣнія объ опредѣленіяхъ членовъ и чиновъ совѣта и особенныя Высочайшія примѣчанія, которыми государь „предлагаетъ совѣту обратить вниманіе на извѣстные предметы (78—79 §§).

За изложеніемъ организаціи самого государственнаго совѣта слѣдуетъ въ его „Образованіи“ устройство установленій, принадлежащихъ къ государственному совѣту: 1) ком-

миссіи составленія законовъ, 2) коммиссіи прошеній и 3) государственной канцеляріи. Въ первой изъ коммиссій составляются проэкты всѣхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, которые разсматриваются директоромъ коммиссіи и вносятся въ государственный совѣтъ (86 §). „Образованіе“ различаетъ три рода прошеній, поступающихъ въ коммиссію прошеній (жалобы, прошенія наградъ и милостей и проэкты), и опредѣляетъ образъ ея дѣйствій при полученіи каждаго изъ нихъ (95—113 §§). „Всѣ дѣла, входящія и исходящія изъ совѣта, производятся въ государственной канцеляріи“, гдѣ сообразно всѣмъ тремъ департаментамъ совѣта, исключая департамента законовъ [1]), находится три отдѣленія: 1) военныхъ и морскихъ дѣлъ, 2) гражданскихъ и духовныхъ и 3) государственной экономіи. На государственную же канцелярію возложены: „содержаніе и храненіе журналовъ, постановленій и архива и особенныя порученія“ (116 §). „Образованіе“ весьма подробно опредѣляетъ весь образъ производства дѣлъ въ государственной канцеляріи (117—143 §§), въ числѣ которыхъ не должны быть: 1) „дѣла, неоконченныя въ среднихъ или высшихъ мѣстахъ управленія, 2) дѣла, конхъ разрѣшеніе зависитъ отъ министровъ или властей, имъ подчиненныхъ, 3) дѣла, зависящія отъ рѣшенія сената, 4) дѣла, кои предоставлены министерскому комитету и, наконецъ, 5) дѣла текущія, когда не представлено при нихъ общаго положенія къ разрѣшенію подобныхъ случаевъ и на будущее время“ (118 §). Въ заключеніе „Образованія“ совѣта сказано, что „настоящія особенныя учрежденія государственнаго совѣта и его установленій имѣютъ быть дополняемы по усмотрѣнію нуждъ и обстоятельствъ на основаніи коренныхъ законовъ совѣта“ (144 §) [2]).

---

1) Для департамента законовъ мѣсто его канцеляріи занимала комми сія составленія законовъ (примѣч. къ 116 § „Образованія“). 2) Въ концѣ „Образованія государ. совѣта“ приложены формы журналовъ совѣта (по Высочайшимъ

„Образованіе государственнаго совѣта“, въ числѣ членовъ котораго были важнѣйшіе сановники имперіи [1]), было препровождено по Высочайшему повелѣнію вмѣстѣ съ „Запискою о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“ въ первый же день его открытія къ члену совѣта, военному министру графу Гудовичу, который долженъ былъ сообщить оба документа, „кому заблагоразсудится къ истинному понятію о семъ важномъ государственномъ установленіи“. Въ донесеніи Гудовича объ исполненіи этого Высочайшаго повелѣнія (4 янв. 1810 г.) было сказано, что „учрежденіе и образованіе сего надобного и столь важнаго правительства само по себѣ показываетъ весьма ощутительную проистекающую отъ того пользу“. Государь желалъ знакомствомъ общества съ „Образованіемъ“ достигнуть того, чтобы „всѣ благомыслящіе люди нашли въ немъ новый актъ самого твердаго Его желанія всѣми средствами дѣйствовать къ единому благу нашего отечества“ [2]). Въ тоже время Сперанскій писалъ Я. Д. Мерлину, что „государь, желая дать государственному совѣту принадлежащую ему твердость, съ особеннымъ вниманіемъ изволитъ заниматься избраніемъ людей, сословіе сіе составляющихъ и обязанныхъ содѣйствовать установленію порядка и нужной связи дѣлъ“ [3]). Александръ Павловичъ не переставалъ заботиться во все остальное время своего царствованія о составѣ совѣта и о необходимыхъ дополненіяхъ къ опредѣленіямъ о компетентности и

постановленіямъ и дѣламъ совѣта) и формы переписки совѣта съ разными учрежденіями.—1) Въ число членовъ государств. совѣта были назначены многіе члены непремѣннаго совѣта (графъ Н. И. Салтыковъ, графъ Гудовичъ, оба графа Румянцевы, оба князя Куракины, графы: Завадовскій, Кочубей и Аракчеевъ, князья Лопухинъ и Чарторыйскій, адмиралъ Мордвиновъ) и много новыхъ (два князя Голицыныхъ, графъ Потоцкій, маркизъ де-Траверсе, генералы: Философовъ, Барклай-де-Толли, Балашевъ и многіе другіе высшіе свѣтскіе чины. Всего при образованіи совѣта было назначено 35 членовъ, а во все царствованіе Александра 76 (Даневскій, 79—80 с., и IX прилож.), 2-3) Архивъ Гос. Совѣта, дѣла общаго собранія, 1 папка, 1 тетр., по архиву №№ 1 и 2.

образѣ веденія дѣлъ въ совѣтѣ. Такъ 27 марта 1810 г. рескриптомъ, послѣдовавшимъ на имя графа Румянцева, былъ учрежденъ подъ его предсѣдательствомъ „Комитетъ предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта“; на этотъ комитетъ было возложено „разсмотрѣніе окончательнаго образованія министерствъ, какъ предмета, непринадлежащаго отдѣльно ни къ одному изъ департаментовъ государственнаго совѣта“ [1]). Названный комитетъ занимался обсужденіемъ общаго учрежденія министерствъ и проэктовъ учрежденія отдѣльныхъ министерствъ (иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, военныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, полиціи и финансовъ) [2]); при разсмотрѣніи послѣдняго рода проэктовъ присутствовали и министры [3]). Въ комитетѣ предсѣдателей былъ возбужденъ вопросъ „о составленіи правилъ служащихъ дополненіемъ къ учрежденію государственнаго совѣта“ [4]); здѣсь же разсматривался предварительно проэктъ Сперанскаго объ образованіи сената [5]) и обсуждались многіе важные административные вопросы [6]). За исключеніемъ учрежденія комитета предсѣдателей департаментовъ совѣта, который дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, въ 1810—1811 г.г., „Образованіе совѣта въ 1810 г не потерпѣло существенныхъ измѣненій въ теченіе царствованія Александра I.

Относительно *компетентности* совѣта послѣдовали въ это время слѣдующія перемѣны въ „Образованіи“. Въ 1810 г. было повелѣно всѣмъ министрамъ вносить „на предварительное разсмотрѣніе государственнаго совѣта всѣ представленія о военныхъ и гражданскихъ расходахъ и издержкахъ“ [7]). Въ связи съ этимъ указомъ и самимъ „Образованіемъ“ находится оп-

---

1, 2 и 6) Ibidem. Дѣла комитета предсѣдателей (1810—1811 г.), 1 папка, 2 и 4 тетрадь, 3) См. книгу протоколовъ засѣданій комитета предсѣдателей, 51—52 с., 4) См. ниже. Рѣшенія комитета предсѣдателей обыкновенно принимались цѣликомъ въ общемъ собраніи совѣта. О дѣятельности этого комитета будетъ рѣчь во 2-мъ томѣ нашего изслѣдованія. 5) Этотъ проэктъ будетъ изложенъ нами вкратцѣ ниже и подробно во 2 т. изслѣдованія. 7) П. С. З., XXXI, №№ 24,116 и 24,164.

редѣленіе въ послѣдовавшемъ вслѣдъ за „общимъ учрежденіемъ министерствъ“ [1]), „учрежденіи министерства финансовъ“ о томъ, чтобы министръ финансовъ вносилъ въ совѣтъ въ октябрѣ каждаго года общее росписаніе государственныхъ доходовъ и расходовъ; въ теченіе же года онъ долженъ былъ испрашивать разрѣшеніе на всякія чрезвычайныя и непредвидѣнныя въ смѣтѣ расходы [2]). Нѣкоторое отступленіе отъ законодательнаго характера „Образованія“ государственнаго совѣта было допущено дозволеніемъ министру юстиціи въ 1812 г. вносить въ совѣтъ слѣдственныя и уголовныя дѣла, касающіяся коренныхъ жителей Грузіи [3]). Но судебное значеніе совѣта особенно усилилось указомъ 1813 г. о передачѣ въ него изъ комитета министровъ докладовъ и рапортовъ сенатскихъ [4]). Этотъ указъ послѣдовалъ вслѣдствіе представленія предсѣдателя совѣта и комитета, графа Салтыкова, въ которомъ говорилось, что „комитетъ министровъ заваленъ всякаго рода текущими дѣлами и особенно же чрезвычайными и нетерпящими отлагательства дѣла министерствъ: военнаго, полиціи и финансовъ“. Вслѣдствіе этого, заявлялось въ докладѣ, комитету министровъ не остается времени на разсмотрѣніе докладовъ и рапортовъ сената. Всѣ эти доклады и рапорты комитетъ просилъ проводить въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта и предоставить и впредь министру юстиціи право вносить въ него судебныя дѣла. Государь разрѣшилъ эту мѣру, вызванную особенными обстоятельствами, въ особенности въ виду того, что и по „Образованію“ 1810 г. государственный совѣтъ вѣдалъ нѣкоторыя судебныя дѣла, поступавшія въ него изъ коммиссіи прошеній

---

1) „Общее учрежденіе министерствъ“ опредѣлило точнымъ образомъ отношенія министровъ къ госуд. совѣту (см. нижс). 2) П. С. З., XXXI, № 24,688, (195 и 200 §§). 3) XXXII, № 24.965; см. еще XXXVI, № 27,783, 4) XXXII, № 25,371.

чительное количество болѣзненнотворныхъ причинъ въ организмѣ преступника и расходится съ этой школой только въ объясненіи этого явленія, видя въ болѣзненныхъ состояніяхъ у преступниковъ не генезисъ, не прирожденное что нибудь, а естественное послѣдствіе преступной жизни съ ея вредоносными для тѣлеснаго и психическаго здоровья условіями. Въ силу этого нельзя приписывать безразлично одиночному заключенію созданіе такихъ явленій, которыя вносятся осужденными въ тюрьму изъ жизни на свободѣ [123]). Конечно, въ литературѣ можно найти много указаній на болѣе частое проявленіе разныхъ страданій, напр. туберкулоза, далѣе душевныхъ болѣзней въ одиночномъ заключеніи. Но не говоря уже о томъ, что такія указанія, когда они фактически достовѣрны, относятся къ заведеніямъ, гдѣ одиночная система существуетъ безъ соблюденія той совокупности мѣръ воздѣйствія на заключеннаго, которыя разсчитаны на возбужденіе и оживленіе его умственныхъ и физическихъ функцій, нельзя не замѣтить одного важнаго обстоятельства, обусловливающаго такія указанія. При одиночной системѣ уклоненія отъ нормальнаго состоянія здоровья чрезвычайно легко и быстро подмѣчаются и обнаруживаются, тогда какъ при системѣ совмѣстнаго содержанія они легко проходятъ незамѣченными. Далѣе, нельзя оставлять безъ вниманія состава заключенныхъ, ихъ происхожденія, ихъ предшествующаго жизненнаго положенія и обстановки, всѣ эти условія могутъ вліять въ смыслѣ умноженія душевныхъ болѣзней въ мѣстѣ заключенія, и при пренебреженіи ими это явленіе можетъ быть несправедливо поставлено въ упрекъ одиночному заключенію [124]). Ферри не озаботился разсмотрѣніемъ фак-

---

[123]) Ср. сообщеніе д-ра Beauvais, излагаемое въ слѣдующемъ примѣчаніи.

[124]) Въ этомъ отношеніи весьма поучительно сообщеніе доктора Beauvais, врача одиночной тюрьмы Mazas въ Парижѣ въ засѣданіи Парижскаго тюремнаго общества 21 Марта 1888 г., вызванное тѣмъ, что при обсужденіи въ Сенатѣ проэкта Berenger объ обостреніи каторжныхъ работъ, назначаемыхъ въ замѣнъ смертной казни, одиночнымъ заключеніемъ, сенаторъ Марку сослался на отчетъ врача указанной тюрьмы о повышеніи случаевъ душевнаго заболѣванія въ періодъ 1871—1884 годовъ съ 16 на 92 случая. Въ своемъ сообщеніи д-ръ Beau-

тическихъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ тюремной статистики, а равно изъ показаній тюремныхъ должностныхъ лицъ и вообще лицъ компетентныхъ въ вопросахъ тюрьмовѣдѣнія, довольствуясь указаніемъ на спеціальную форму „пенитенціарнаго помѣщательства". А между тѣмъ существуетъ значительное число данныхъ противъ утверждаемаго имъ положенія.

Такъ имѣется рядъ свидѣтельствъ изъ практики примѣненія одиночной системы въ Америкѣ, а именно въ Филадельфійской тюрьмѣ. Уже по свѣдѣніямъ Crawford въ его отчетѣ 1834 года объ осмотрѣ Американскихъ тюремъ въ восточномъ Филадельфійскомъ одиночномъ пенитенціаріѣ немногочисленные случаи душевной болѣзни, бывшіе въ заведеніи съ открытія его въ 1829-мъ году, объясняются наличностью болѣзни у заключенныхъ въ моментъ принятія ихъ въ тюрьму [125]). По свидѣтельству врачей той же тюрьмы Hartshorne и Given въ 40-хъ годахъ одиночное заключеніе отнюдь не имѣло болѣе вреднаго вліянія на здоровье заключенныхъ, чѣмъ какая либо иная система. Въ отчетѣ 1846 года Given указываетъ, что, не смотря на большое поступленіе заключенныхъ, этотъ годъ доставилъ новыя доказатель-

---

vais объяснилъ, что нельзя ссылаться на Мазасскую тюрьму при обсужденіи вопроса о тюремномъ содержаніи. Mazas—это одиночная подслѣдственная тюрьма, въ которой идетъ постоянное передвиженіе, притомъ насеченіе ея совершенно особенное, одержимое чрезвычайнымъ возбужденіемъ вслѣдствіе тяжелыхъ впечатлѣній предварительнаго слѣдствія и подслѣдственнаго ареста. Нельзя ставить въ вину одиночному заключенію, когда обвиняемые, прибывшіе туда, дѣлаются черезъ нѣсколько дней душевно-больными, они являются съ зародышами болѣзни, которая одинаково развилась бы и при совмѣстномъ заключеніи. Къ этому д-ръ Beauvais добавилъ любопытныя свѣдѣнія о статистикѣ Mazas: тамъ вносятся въ списки въ качествѣ душевно-больныхъ какъ принятые въ состояніи болѣзни, а равно симуляторы, такъ и заболѣвшіе въ тюрьмѣ, далѣе лица, убѣжавшія изъ лечебницъ, напр. Bicêtre, и задержанныя временно въ Mazas, наконецъ отсылаемые изъ Mazas въ больницу Depôt, при чемъ разъ записанные по возвращеніи оттуда вновь записываются т. е. вдвойнѣ (Bull. Soc. gén. Pris. 1888 года стр. 397 и сл.).

[125]) Цитовано по Ducpetiaux Des progrés et de l'état actuel de la réforme penitentiare 1837 г. № I. Du système penitentiaire aux Etats Unis, извлеченіе изъ отчета Crawford стр. 15.

ства достоинствъ одиночной системы, общее санитарное состояніе заведенія едва ли уступитъ таковому другого тюремнаго заведенія. Смертность въ Филадельфійской тюрьмѣ за года 1849—1853 при 2152 заключенныхъ=0,88%. Такіе же хорошіе результаты даетъ Англійская практика примѣненія одиночнаго заключенія. По свидѣтельству врача Пентонвилльской тюрьмы Reese въ 1847 году на основаніи пятилѣтняго опыта случаи болѣе тяжкаго душевнаго заболѣванія не встрѣчались въ этой одиночной тюрьмѣ чаще, чѣмъ среди преступнаго населенія вообще, тогда какъ слабыя формы не отличались отъ наблюдаемыхъ въ свободномъ населеніи. По словамъ этого врача, хорошо удостовѣренный фактъ веселаго настроенія Пентонвилльскихъ заключенныхъ состоитъ въ полномъ противурѣчіи съ преобладаніемъ причины, чрезмѣрно воздѣйствующей на ихъ душевное состояніе. Точно также капелланъ Векфильдской тюрьмы Рейнольдсъ удостовѣряетъ въ 1850 году, что наблюденія надъ заключенными по системѣ одиночнаго заключенія привели его къ убѣжденію, что наименьшее вліяніе на происхожденіе болѣзни можетъ быть приписано этой системѣ, что наоборотъ у большинства такихъ лицъ душевныя силы укрѣпляются и улучшаются. Въ 1842—1847 годахъ въ Англійскихъ тюрьмахъ на среднее населеніе приходилось 6,3 на 1000 душевно-больныхъ, а въ Пентонвилльской одиночной тюрьмѣ лишь 1,5 таковыхъ на 1000 [126]). Первоначально установленный срокъ одиночнаго заключенія въ этой тюрьмѣ, примѣнявшійся съ 1842—1847 годъ=18—24 мѣсяцевъ Затѣмъ этотъ срокъ былъ понижень до 12—18 мѣсяцевъ, вслѣдствіе будто бы неблагопріятныхъ результатовъ первоначальнаго, болѣе долгаго срока. Однако, по свидѣтельству капеллана Пентонвилльской тюрьмы Burt въ его сочиненіи объ одиночномъ заключеніи, случаи душевной болѣзни были въ семь разъ чаще при сокращенномъ, чѣмъ при первоначальномъ срокѣ [127]).

---

[126]) Указанныя свѣдѣнія заимствованы у Füsslin, Einzelhaft стр. 393—399.

[127]) Цитата заимствована у Tallack Principles (Separation and Psychical diseases стр. 121). Tallack приписываетъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи Ан-

Точно также не подтверждается специфическое болѣзненнотворное дѣйствіе одиночнаго заключенія и по опыту Бельгіи, этой классической страны одиночнаго заключенія, которая одна изъ немногихъ Европейскихъ государствъ устроила у себя одиночное заключеніе по единому плану, объемлющему всѣ мѣста лишенія свободы. По даннымъ опыта примѣненія одиночной системы заключенія въ Бельгіи, не смотря на допущеніе одиночной системы до 10 лѣтъ (для осужденныхъ пожизненно), она не производитъ вредоноснаго вліянія на заключенныхъ. Какъ извѣстно, заявленія Бельгійскихъ тюрьмовѣдовъ Бердена и Стевенса относительно отсутствія вреднаго воздѣйствія одиночнаго содержанія на заключенныхъ, въ виду меньшаго числа душевныхъ заболѣваній въ мѣстахъ одиночнаго сравнительно съ мѣстами общаго заключенія въ Бельгіи, подверглись критикѣ и опроверженію со стороны Бельтрани Скаліа, какъ мало достовѣрныя [128]). Но въ настоящее время имѣ-

---

гліи противъ одиночнаго заключенія въ сороковыхъ годахъ „невѣжественнымъ насмѣшкамъ надъ этой системой обычнаго циника Карлейля“ и въ еще большей степени широко распространенному описанію геніальнымъ, но увлекающимся Диккенсомъ, своего краткаго посѣщенія тюрьмы въ Филадельфіи въ 1842 г. Диккенсъ нашелъ тамъ въ одиночной кельѣ одного Нѣмца, который своими слезами и разсказомъ такъ подѣйствовалъ на него, что слишкомъ довѣрчивый романистъ положилъ этотъ случай въ основу своего общаго осужденія одиночной системы, безотносительно къ способу примѣненія таковой. Указанный Нѣмецъ на много лѣтъ пережилъ Диккенса, сорокъ два года послѣ свиданія съ Англійскимъ романистомъ въ 1884 году, онъ снова явился въ ту же тюрьму, прося какъ милости дать ему убѣжище въ ней. Просьба его была исполнена и чрезъ нѣсколько недѣль онъ умеръ въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ, говоритъ Таллакъ, ошибочность впечатлѣній, полученныхъ Диккенсомъ, была обнаружена, но вліяніе ихъ на общественное мнѣніе оказалось очень вреднымъ вслѣдствіе распространенія невѣрныхъ понятій относительно природы и послѣдствій одиночнаго заключенія (указ. изд. Mischievous reactionary influence стр. 133).

[128]) Ср. Riforma penitenziaria in Italia, гдѣ Бельтрани Скаліа въ части III, Sistemi penitenziari comparati оспориваетъ благодѣтельные результаты Бельгійской одиночной системы путемъ подробнаго разбора данныхъ, представленныхъ Voisin въ его докладѣ Французской слѣдственной коммиссіи въ 1872 г. и воспроизведенныхъ у Starke Das belgische Gefängnisswesen 1877 г. а именно, что въ Гентской тюрьмѣ общаго содержанія съ 1860 по 1869 г. на среднее ежегодное число 600 заключенныхъ было 20 случаевъ душевной болѣзни, а въ Лувенской одиночной въ тотъ же періодъ и при томъ же количествѣ заключенныхъ

ются весьма точныя изслѣдованія относительно Бельгійскихъ одиночныхъ тюремъ, произведенныя въ 1888 году докторомъ Voisin. Изслѣдованія Voisin не оставляютъ желать ничего лучшаго по части точности и основательности. Изъ этого изслѣдованія видно, что въ Лувенской тюрьмѣ, гдѣ осужденные подвергаются одиночному заключенію до 10 лѣтъ, всего съ открытія заведенія въ 1860 году и до 1888 года было 30 случаевъ душевнаго заболѣванія т. е. 1,07 случаевъ на 100 въ годъ. По обозрѣніи сохраняющихся въ Лувенской тюрьмѣ актовъ медицинскаго освидѣтельствованія лицъ, заболѣвшихъ впослѣдствіи душевной болѣзнью, при поступленіи ихъ въ тюрьму, оказывается, что у 7 человѣкъ было наслѣдственное предрасположеніе къ душевному заболѣванію, 8 оказывались слабоумными или отсталыми, 3 были одержимы мозговыми страданіями, а 11 человѣкъ представляли разныя ступени душевнаго страданія. Такимъ образомъ, изъ 31 человѣка 29 оказываются предрасположенными къ заболѣванію. Затѣмъ на основаніи тщательнаго медицинскаго изслѣдованія долгосрочныхъ заключенныхъ, изъ которыхъ многіе въ моментъ изслѣдованія уже отбыли 10 и болѣе лѣтъ одиночнаго заключенія, (всего въ Лувенской тюрьмѣ было освидѣтельствовано 44 человѣка), докторъ Voisin удостовѣряетъ слѣдующіе результаты. Нравственное состояніе заключенныхъ удовлетворительное, они обнаруживаютъ нѣкоторую живость, охотно работаютъ, у нихъ замѣчается средній умственный уровень и хорошій способъ выраженія мыслей. Многіе, безграмотные при вступленіи, достигли до высшаго класса школы. Можно бы думать, что пребываніе въ теченіе 10 и болѣе лѣтъ въ одиночномъ заключеніи произвело печальное вліяніе на ихъ физическое состояніе, однако, ничего такого не оказывается. Уменьше-

---

только 13. Бельтрани Скаліа опровергаетъ выводъ сдѣланный изъ этого сравненія, указывая, что въ Лувенскую тюрьму принимаются по ея уставу люди здороваго физическаго и умственнаго состоянія, далѣе не свыше 50 лѣтъ, а также тѣмъ, что нѣкоторыя Бельгійскія заведенія совмѣстнаго заключенія даютъ еще меньшій процентъ душевныхъ заболѣваній, чѣмъ Лувенская тюрьма (стр. 174—179-я).

ніе вѣса тѣла сравнительно съ моментомъ вступленія незначительно; у 32 человѣкъ послѣ десяти и болѣе лѣтъ пребыванія въ одиночномъ заключеніи тѣлесный вѣсъ, равнявшійся 2,152 1/2 килограммамъ для всѣхъ въ совокупности, уменьшился на 22 килограмма въ моментъ изслѣдованія. Наконецъ, по части смертности въ одиночныхъ тюрьмахъ Бельгіи докторъ Voisin удостовѣрился, что она съ 1861 по 1880 годъ—1,41 на 100 въ одиночныхъ тюрьмахъ и 3,35 на 100 въ тюрьмахъ общаго содержанія. При изслѣдованіи случаевъ самоубійства въ Лувенской тюрьмѣ, которыхъ было 34 съ 1860 г., докторъ Voisin, на основаніи актовъ медицинскаго освидѣтельствованія при вступленіи такихъ лицъ въ тюрьму, нашелъ, что изъ числа самоубійцъ пять были мрачнаго характера, четверо были слабоумные или отсталые, пять были одержимы мыслью о самоубійствѣ, три—меланхолики, четыре пьяницы по профессіи, два были одержимы страданіемъ мочевыхъ органовъ, четыре были дурно уравновѣшенные и безнравственные субъекты [129]). Наконецъ, связь между одиночнымъ заключеніемъ и усиленіемъ случаевъ заболѣванія въ особенности душевнаго, а равно самоубійствъ, не подтверждается практикой примѣненія этой системы во Франціи. Извѣстный изслѣдователь тюремныхъ обывателей Ferrus объяснялъ развитіе душевной болѣзни въ тюрьмахъ преимуще-

---

[129]) L'emprisonnement cellullaire en Belgique par M. le docteur A. Voisin, Mémoire lu à l'Académie de Médecine le 1 Mai 1888 въ Bulletin de la S. G. P. 1888 г. Prémier article стр. 987 и сл. Bull. 1889 г. Deuxiéme article стр. 82 и сл. Этотъ докладъ разсматривался коммиссіей медицинской академіи, которая предложила академіи признать, что по свѣдѣніямъ, собраннымъ докторомъ Voisin въ Бельгіи, одиночное заключеніе, даже продолжительное, но хорошо устроенное, не усиливаетъ неблагопріятнаго вообще санитарнаго состоянія заключенныхъ. Предложеніе Коммиссіи было принято академіей. (Ср. въ томъ же изданіи 1889 г. Rapport à l'academie de médecine sur le mémoire de M. le docteur Voisin стр. 105 и сл.). Ср. также благопріятныя порядку одиночнаго заключенія въ Бельгіи свѣдѣнія о душевномъ состояніи заключенныхъ въ тюрьмахъ Лувенской и St. Gilles близъ Брюсселя у Riviére (въ указ. изд. Парижскаго тюремнаго общества 1889 г. стр. 832 и сл.), а равно у Joly, Combat contre le crime стр. 242 и сл., доставленныя этими авторами, на основаніи личнаго посѣщенія и наблюденія надъ заключенными.

ственно переворотомъ въ жизни, производимымъ наказаніемъ, а равно тѣмъ, что преступники люди съ извращеннымъ умомъ, испорченные разными эксцессами и развратомъ [130]). Въ 1846 году Французскій психіатръ Lélut изслѣдовалъ по порученію правительства 23 одиночныя тюрьмы Франціи и при этомъ нашелъ значительно меньшій процентъ заболѣваній, а равно смертности, чѣмъ въ тюрьмахъ общаго заключенія. По мнѣнію Lélut, высказанному имъ въ работѣ 1853 г. о транспортаціи и вліяніи одиночнаго заключенія на душевныя способности заключенныхъ, нельзя признать вреднаго вліянія указаннаго способа содержанія на заключенныхъ [131]). Далѣе парламентское слѣдствіе, учрежденное въ 70-хъ годахъ Національнымъ Французскимъ собраніемъ, дало крайне значительные матеріалы въ пользу системы одиночнаго заключенія. Такъ изъ статистическихъ таблицъ, приложенныхъ къ докладу Berenger, видно, что одиночныя тюрьмы La Roquette и Santé даютъ средній % первая 3, а вторая 8 душевныхъ заболѣваній на 1000 заключенныхъ, тогда какъ департаментскія тюрьмы общаго содержанія даютъ процентъ 22 заболѣваній на 1000 [132]) Со времени примѣненія закона 1875 г. объ одиночномъ заключеніи результаты такового относительно санитарнаго состоянія заключенныхъ весьма удовлетворительны, какъ можно судить по отчетамъ о примѣненіи одиночнаго заключенія, представляемымъ ежегодно высшему Совѣту тюремнаго управленія, согласно закону 5 Іюня 1875 года. Въ 1885 году по прошествіи 10 лѣтъ съ изданія этого закона, врачи 11-ти Французскихъ одиночныхъ тюремъ дали отзывъ объ ихъ удовлетворительномъ санитарномъ состояніи. Что касается до душевныхъ заболѣваній, то по словамъ оффиціальнаго отчета

---

[130]) Des Prisonniers 1850 г. стр. 62.

[131]) Цитовано по Füsslin, указ. соч. стр. 404 и докладу Berenger въ Enquête parlementaire T. VII. Rapport de M. Berenger de la Drôme 1874 г. стр. 56 и 57.

[132]) Ср. указ. изданіе и докладъ Berenger стр. 59 и Tableaux № VI и VII-й стр. 103 и 104. Относительно La Roquette взятъ періодъ 21 г. съ 1852—1873, а относительно Santé—7 лѣтній съ 1867—1873 годъ.

„одиночная тюрьма такъ мало располагаетъ къ разстройству умственныхъ способностей, что въ 4-хъ тюрьмахъ департамента Сены и Уазы было удостовѣрено при одиночномъ содержаніи улучшеніе нервныхъ разстройствъ, замѣченныхъ у нѣкоторыхъ заключенныхъ при вступленіи въ тюрьму, что объясняется вліяніемъ спокойнаго и правильнаго образа жизни [133]). Изъ отчета о примѣненіи одиночнаго заключенія въ 1887 году явствуетъ, что по полученнымъ администраціей свѣдѣніямъ одиночная система и въ этомъ году не имѣла вреднаго вліянія на здоровье и на душевное состояніе заключенныхъ, что работы производятся при удовлетворительныхъ условіяхъ, что заключенные работаютъ съ большей охотой и прилежаніемъ, чѣмъ въ мѣстахъ общаго заключенія [134]).

Слѣдуетъ, наконецъ, по вопросу о вредномъ вліяніи одиночнаго заключенія на тѣлесное и душевное здоровье заключенныхъ сдѣлать слѣдующее общее замѣчаніе. Спеціальное пенитенціарное помѣшательство, обусловленное будто бы одиночнымъ заключеніемъ, ставится Ферри въ упрекъ этому способу тюремнаго содержанія безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій. А между тѣмъ, какъ оказывается изъ отзывовъ компетентныхъ ученыхъ, напр. Кирна, подъ психозами одиночнаго заключенія можно разумѣть острыя психическія заболѣванія, соединенныя съ галлюцинаціями слуха, съ чувствомъ страха и возбужденія, переходящія въ формы острой меланхоліи и допускающія въ видѣ общаго правила въ наиболѣе краткое время благопріятный оборотъ къ выздоровленію [135]). Такимъ образомъ, эта форма душевнаго страданія, свойственная преимущественно преступникамъ по аффекту, представляется одною изъ самыхъ доброкачественныхъ. Далѣе, нужно замѣтить, что одиноч-

---

[133]) L'application du régime d'emprisonnement individuel (Resumé de la note officielle, presentée au Conseil supérieur des prisons per M. le directeur de l'administration penitentiaire) par Riviére въ B. S. G. P. 1885 г. стр. 715 и сл.

[134]) Отчетъ о примѣненіи одиночнаго заключенія въ 1887 году во Франціи. B. S. G. P. 1887 г. стр. 842.

[135]) Holtzendorff II. des Gfgnissw. II. 8 Buch. Gefängnisshygiene und Krankenpflege Abschn. II, von Professor Dr. Kirn § 15, стр. 219.

ное заключеніе представляется крайне благодѣтельнымъ во время эпидемій. Такъ Кирнъ прямо называетъ одиночное заключеніе лучшимъ средствомъ охраны противъ развитія эпидемій и приводитъ въ подтвержденіе сказаннаго, что Мазасская тюрьма была свободна отъ эпидемій, свирѣпствовавшихъ въ окрестностяхъ ея [136]).

Ферри утверждаетъ, что одиночное заключеніе не въ состояніи благотворно воздѣйствовать на душевный строй заключенныхъ въ смыслѣ его улучшенія. Конечно, должно признать, что благотворное вліяніе уединенія мыслимо лишь при наличности нравственнаго фонда у самого заключеннаго, что глубоко испорченный человѣкъ и при уединеніи неизмѣнитъ своего обычнаго образа мыслей и стремленій. Но нельзя упускать изъ виду, что одиночное заключеніе способно сдѣлать осужденнаго болѣе воспріимчивымъ къ мѣрамъ тюремнаго воздѣйствія, нравственно-религіозному поученію, хорошимъ внушеніямъ, попыткамъ умственнаго развитія, пріученію къ работамъ и занятіямъ [137]), при одновремен-

---

[136]) Указ. изданіе и отдѣлъ § 9, стр. 208. Докторъ Beauvais въ своемъ отчетѣ Министру внутреннихъ дѣлъ о примѣненіи одиночнаго заключенія въ Mazas съ 1871 по 1889 годъ сообщаетъ, что эпидемія гриппа, развившаяся въ Парижѣ въ концѣ 1889 года, была занесена и въ Мазасскую тюрьму, гдѣ изъ 40 должностныхъ лицъ заболѣло гриппомъ 27, изъ числа же заключенныхъ, коихъ съ 23 Декабря 1889 г. по 10 Января было 1,329, заболѣло только сорокъ, притомъ въ легкой формѣ (B. S. G. P. 1890 г. стр. 542).

[137]) Этотъ результатъ одиночнаго заключенія признается всѣми лицами, приходившими въ соприкосновеніе съ заключенными. По словамъ Англійскаго тюремнаго духовника Clay, безъ уединенія и отдѣленія заключеннаго отъ другихъ заключенныхъ, всѣ усилія духовника остаются безплодными. Пасторъ Вельтё, бывшій духовникомъ въ тюрьмахъ совмѣстнаго и одиночнаго содержанія, чрезвычайно наглядно показываетъ, насколько первое затрудняетъ нравственно-религіозное воздѣйствіе на заключеннаго, а второе содѣйствуетъ таковому (Füsslin указ. соч. стр. 70 и сл.). При парламентскомъ слѣдствіи во Франціи въ 70-хъ годахъ о тюремномъ порядкѣ воспріимчивость одиночно-заключенныхъ къ благому на нихъ воздѣйствію была удостовѣрена относительно несовершеннолѣтнихъ. Аббатъ Crozes, столь извѣстный своимъ истинно-христіанскимъ самоотверженіемъ по части утѣшенія и наставленія заключенныхъ, высказался передъ парламентской коммиссіей на основаніи собственаго 20-лѣтняго опыта за значительныя выгоды одиночнаго заключенія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ La Roquette. Вмѣстѣ съ аббатомъ Crozes и въ одинаковомъ смыслѣ давалъ показа

номъ устраненіи растлѣвающихъ вліяній со стороны другихъ заключенныхъ. Далѣе, сверхъ исправительнаго дѣйствія, одиночное заключеніе обладаетъ значеніемъ чувствительнаго зла для особо испорченныхъ и опасныхъ преступниковъ и, будучи комбинировано съ нѣкоторыми суровыми мѣрами дисциплины, существующими наприм. въ Бельгійскихъ тюрьмахъ для рецидивистовъ, можетъ лишать тюрьму значенія притягательнаго пріюта съ даровымъ тепломъ, хорошей пищей и увеселительнымъ обществомъ. И въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству тюремныхъ должностныхъ лицъ, Бельгійскіе злоумышленники, боясь одиночныхъ тюремъ своего отечества, производятъ свои операціи въ пограничныхъ мѣстностяхъ Франціи съ тюрьмами совмѣстнаго содержанія. Со времени открытія одиночной тюрьмы въ Angers замѣчено уменьшеніе преступности въ округѣ этого города [138]). Практика примѣненія одиночнаго заключенія во Франціи показала вообще уменьшеніе среди тюремныхъ сидѣльцевъ бродягъ и обычныхъ преступниковъ [139]). Такое же дѣйствіе одиночнаго заключенія на рецидивистовъ замѣчено и въ Голландіи. Вотъ что сообщаетъ по этому предмету Van Soest: „Я никогда не находилъ въ одиночныхъ кельяхъ Шевенингской тюрьмы ни одного заключеннаго, который бы приспособился къ одиночеству, и, по опыту моему, рецидивисты, постоян-

---

ніе и знаменитый основатель La Mettray Demetz. Аббатъ Crozes указывалъ, что ранѣе онъ былъ духовникомъ въ Madelonettes, тюрьмѣ совмѣстнаго содержанія, и что несовершеннолѣтніе заключенные этой тюрьмы, сравнительно съ заключенными Petite Roquette, были настоящими разбойниками. Въ одиночной кельѣ несовершеннолѣтніе дѣлали огромные успѣхи по предметамъ школьнаго обученія и точно также успѣвали въ ремеслахъ. Годовой срокъ, по мнѣнію аббата Crozes, не представляется слишкомъ длиннымъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (Enquête parlamentaire T. I. Próces verbaux de la commission, compte—rendu des dépositions des témoins стр. 25⁵—263).

[138]) L'application du régime d'emprisonnement individuel, изложеніе оффиціальнаго отчета за 1885 г. B. S. G. P. 1886 г. стр. 721.

[139]) Note au conseil Supérieur des prisons за 1887 годъ. Въ этомъ документѣ значится: Comme auparavant il est nettement constaté que le régime cellullaire est redouté des vagabonds et des habitués des prisons (B. S. G. P. 1888 года стр. 842)

но подвергаемые заключенію послѣ всякаго новаго повторенія, особенно сильно чувствуютъ его горечь. Это зависитъ отъ того, что одиночное заключеніе лишаетъ ихъ единственнаго утѣшенія, доставляемаго имъ тюрьмою совмѣстнаго содержанія, возможности хвастать своимъ мастерствомъ по части преступленій и внушать удивленіе и страхъ слабымъ товарищамъ, страдающимъ отъ ихъ пагубнаго вліянія [140]).

Ферри, далѣе, указываетъ, что одиночное заключеніе не способно противудѣйствовать разнымъ условіямъ, наталкивающимъ человѣка, освобождаемаго изъ тюрьмы, на путь преступности. Но это возраженіе можетъ быть обращено противъ всякой системы тюремнаго содержанія, и нельзя допустить, чтобы лицо, вышедшее изъ мѣста совмѣстнаго заключенія, было бы болѣе способнымъ къ жизни на свободѣ, внѣ принудительнаго порядка, чѣмъ лицо, освобожденное изъ одиночной тюрьмы. Въ виду огромной пользы такихъ институтовъ, какъ условное освобожденіе и патронатъ для лицъ освобождаемыхъ изъ тюрьмы, одиночное заключеніе не можетъ обходиться безъ нихъ, и вслѣдствіе этого Бельгійскій законъ 31 Мая 1888 г., а равно Французскій законъ 1885 г. объ условномъ освобожденіи и реабилитаціи являются существенными и цѣнными дополненіями порядка тюремнаго содержанія. Но изъ того, что одиночное заключеніе само по себѣ не составляетъ единственной и исключительной гарантіи отъ рецидивы, что, далѣе, въ извѣстныхъ странахъ существуютъ крайне неблагопріятныя соціальныя условія, содѣйствующія развитію рецидивы и переспливающія дѣйствіе хорошей тюремной системы, было бы несправедливо отрицать въ этомъ вопросѣ всякую цѣну одиночнаго заключенія. Это значило бы идти наперекоръ хорошо удостовѣреннымъ фактамъ. Такъ, въ 1886 году главный директоръ Англійскихъ тюремъ сэръ Du Cane въ письмѣ къ секретарю Гоуардовскаго общества писалъ слѣдующее по части мѣстныхъ тюремъ (local jails). „Одиночная

---

[140]) Régime pénitentiaire Hollandais въ томъ же изд. Парижск. тюремн. общ. 1892 г. стр. 400-я.

система заключенія никогда не примѣнялась столь однообразнымъ и всеобщимъ образомъ, какъ нынѣ. Всѣ наши мѣстныя тюрьмы устроены по этой системѣ, и если въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ свыше пятидесяти тюремъ было закрыто, то это показываетъ, по скольку вообще тюремная система и тюремные порядки могутъ быть причастны этому явленію, дѣйствительность одиночной системы". Со времени закона 1877 года, вводившаго одиночное заключеніе въ видѣ общаго правила въ мѣстныхъ Англійскихъ тюрьмахъ, наступаетъ пониженіе тюремнаго населенія съ 20,442 въ 1878 году до 14,966 въ 1887 году, при ростѣ населенія за то же время съ 23 до 27 1/2 милліоновъ [141]). Весьма осязательные результаты предупредительнаго вліянія одиночнаго заключенія наблюдаются въ Голландіи. По сообщенію Утрехтскаго профессора Польса въ 1851 году, когда только началось примѣненіе одиночной системы въ Голландіи, на 100000 жителей приходилось 111 осужденій за кражу. Въ 1881 г. указанная цифра 111 осужденій понижалась до 79,5, въ 1887 г. до 52,7, а въ 1889 году она равнялась 66,5, т. е. при легкомъ повышеніи, цифра осужденій была значительно низшая сравнительно съ цифрой за 40 лѣтъ назадъ [142]).

---

[141]) Tallack указ. соч. стр. 135 и Krohne Lehrbuch § 10 England стр 67.

[142]) Указанное сообщеніе было сдѣлано Польсомъ Joly и приводится послѣднимъ въ его книгѣ Combat contre la crime, Ch. VII La vie en prison стр. 254. Ср. сообщеніе объ одиночной системѣ въ Голландіи въ монографіи Польса въ Actes du Congrès de Rome T. II, Première Partie стр. 51—66. Одиночное заключеніе было введено въ Голландіи съ 1840 г., въ видѣ опыта было построено нѣсколько небольшихъ одиночныхъ тюремъ, лишь въ 1850 г. явилась большая Амстердамская тюрьма. Первоначальный высшій срокъ одиночнаго заключенія былъ назначенъ въ законѣ шестимѣсячный, въ 1854 году онъ былъ возвышенъ до 1 года, послѣ 17-ти лѣтъ судебной практики и замѣчательныхъ результатовъ новой мѣры срокъ одиночнаго заключенія былъ повышенъ до двухъ лѣтъ въ 1871 году, затѣмъ при изданіи новаго Уложенія 1881 г. до пяти лѣтъ. Ср. также въ Congrès de Stockholm II. весьма замѣчательный отчетъ Голландскаго Министра Юстиціи de Vries о результатахъ примѣненія одиночнаго заключенія въ Голландіи, изъ котораго по приложеннымъ къ отчету таблицамъ за года 1862—1871, оказывается значительно меньшій процентъ рецидивистовъ, ранѣе подвергавшихся одиночному заключенію, сравнительно съ общимъ процентомъ рецидивистовъ (стр. 538).

Дальнѣйшія возраженія Ферри противъ системы одиночнаго заключенія состоятъ въ томъ, что эта система никогда не можетъ быть строго проведена въ дѣйствительности вслѣдствіе неустранимой возможности для заключенныхъ находить средства сообщеній между собою, и что одиночное заключеніе не можетъ простираться одинаково на людей различной расы, различныхъ профессіональныхъ привычекъ, каковы осужденные городскаго и сельскаго населенія. Первое возраженіе имѣетъ чрезвычайно ограниченное значеніе, оно затрогиваетъ либо техническій недостатокъ въ устройствѣ келій, недостатокъ, замѣчаемый въ одиночныхъ тюрьмахъ прежняго времени, каковы Mazas, Petite Roquette въ Парижѣ [143]), либо недостатокъ тюремнаго надзора. Большее значеніе принадлежитъ второму возраженію, которое съ особой силой дѣлается Тардомъ, указывающимъ на искусственное пріученіе крестьянина къ городскимъ промысламъ въ тюрьмѣ, заставляющее его отказываться впослѣдствіи отъ земледѣлія и увеличивать собою тѣ соціальные классы, въ которыхъ набираются по преимуществу преступники [144]). Вопросъ о видоизмѣненіи одиночнаго заключенія, сообразно національности, расѣ, полу, возрасту, общественному положенію, какъ извѣстно возбуждался на Стокгольмскомъ конгрессѣ. Въ преніяхъ, въ которыхъ принимали участіе Vaux, Tauffer, Petersen, Chicherio, Föhring, Ploos, van Amstel, Berden, Thonisen и г-жи Davenport Hill и Arénal, Vaux допускалъ видоизмѣненія одиночной системы, согласно національности и климату, Петерсенъ сослался на непримѣненіе ея въ Баваріи къ сельскимъ

---

[143]) Относительно способа сообщеній между заключенными въ Mazas см. Macé указ. соч. гл. IV, стр. 215.

[144]) Philosophie pénale, La peine стр. 506. Тѣмъ не менѣе Tarde, хотя и съ оговорками и ограниченіями, допускаетъ одиночное заключеніе въ связи съ условнымъ освобожденіемъ, утверждая, что первое должно охранять заключеннаго отъ порчи со стороны другихъ заключенныхъ, а второе содѣйствовать его нравственному улучшенію, недостижимому въ одиночномъ заключеніи (стр. 508—517). Тѣ же возраженія противъ одиночной системы дѣлаетъ и Prins Criminalité et répression ch. V, стр. 138.

обывателямъ, а Tauffer сообщилъ интересныя данныя о вліяніи одиночнаго заключенія изъ практики Венгріи на психическое состояніе людей разныхъ національностей. По этимъ даннымъ національныя и климатическія различія вліяютъ менѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ соціально-бытовыя. Такъ Венгерцы, Славяне и Румыны, слѣдовательно южане, переносятъ хорошо одиночное заключеніе, что относительно первыхъ объясняется значительнымъ количествомъ среди нихъ пастуховъ, привычныхъ къ уединенію. Съ наибольшимъ трудомъ его переносятъ Цыгане вслѣдствіе пристрастія къ бродячей жизни. Конгрессъ постановилъ резолюцію, дѣлающую лишь небольшую уступку требованію о принятіи въ разсчетъ при примѣненіи одиночной системы національныхъ и соціальныхъ особенностей [145]). Далѣе, тотъ же вопросъ обсуждался на Римскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ, въ программѣ котораго 3-й вопросъ по 2-й секціи гласилъ такъ: не слѣдуетъ ли устроивать наказаніе лишенія свободы такимъ образомъ, чтобы оно болѣе, чѣмъ при порядкахъ, существовавшихъ доселѣ, соотвѣтствовало земледѣльческимъ странамъ и земледѣльческому населенію, чуждому промышленныхъ работъ. Послѣ оживленныхъ преній, гдѣ особенно ярко выразились противуположности воззрѣній защитника одиночнаго заключенія Стевенса и противника его, Принса, конгрессъ пришелъ къ весьма осторожному и сдержанному рѣшенію, а именно, что устройство работъ на открытомъ воздухѣ можетъ быть рекомендовано для извѣстныхъ странъ и извѣстныхъ общественныхъ слоевъ, что такія работы не могутъ считаться несовмѣстимыми съ пенитенціарными системами, примѣняемыми въ различныхъ странахъ [146]).

---

[145]) Le systéme cellullaire dans les pays, ou il fonctionne, peut être appliqué sans distinction de race, d'état social (paysan ou citadin) on de sexe, sauf a l'administration à ténir compte dans les détails des conditions particnliéres de race ou d'état social. Il n'y a de réserve a faire qu'en ce qui concerne les jeunes delinquants et si le régime cellullaire est étendu a ceux ci, il doit cheminer de manière a ne pas nuire a leur dévelcppement physique et moral (Congrès de Stockholm I, Procés verbal de la quatrième Séance стр. 303—313.

[146]) Actes du Congrès de Rome I. Troisième séance, докладъ Бруза и преніи по докладу во второй секціи (стр. 288 и сл.) и въ общемъ собраніи секцій (стр.

Если принять въ соображеніе изложенную разработку вопроса о вліяніи національности и соціальныхъ условій на примѣненіе одиночнаго заключенія, то въ возраженіи Ферри можно признать одну справедливую сторону, а именно трудность занятія работами въ одиночной кельѣ лицъ сельскаго состоянія. Эта трудность однако не представляется непреодолимою, такъ какъ въ мѣстахъ лишенія свободы вообще желательными представляются не столько работы съ характеромъ фабричнаго производства, сколько ремесленныя, приближающіяся къ кустарнымъ промысламъ. Для лицъ сельскаго сословія возможно устроивать въ одиночномъ заключеніи такія работы, имѣющія соотношеніе съ сельскими или земледѣльческими занятіями. Что касается до работъ на открытомъ воздухѣ, на которыя указываетъ резолюція Римскаго конгресса, то таковыя могутъ быть пріурочены къ періоду совмѣстнаго заключенія, слѣдующаго, при долгосрочномъ лишеніи свободы, во всѣхъ существующихъ законодательствахъ, за истеченіемъ высшаго допускаемаго срока одиночнаго заключенія. Таковы работы по постройкѣ тюремъ желѣзныхъ дорогъ и гаваней, крѣпостей и укрѣпленій, при которыхъ лица сельскаго населенія могутъ оказываться особенно годными. Что касается до спеціально земледѣльческихъ принудительныхъ работъ, то вопросъ о нихъ будетъ разсмотрѣнъ ниже въ отдѣльности, вслѣдствіе присущихъ имъ особенностей.

Остается разсмотрѣть возраженіе противъ одиночнаго заключенія, коренящееся въ громадности связанныхъ съ нимъ издержекъ.

---

347 и сл.), Questions du programme et conclusions adoptées стр. 749. С.-Петербургскій международный тюремный конгрессъ рекомендовалъ въ резолюціи своей по 2-му вопросу 2-й секціи объ отношеніи тюремнаго труда къ свободной промышленности работы на открытомъ воздухѣ, ради устраненія конкуренціи между первымъ и послѣдней и удержанія осужденныхъ изъ сельскаго состоянія при ихъ прежнихъ земледѣльческихъ занятіяхъ по освобожденіи. Далѣе, конгрессъ рекомендовалъ публичныя работы на открытомъ воздухѣ, съ отдѣленіемъ осужденныхъ отъ свободныхъ рабочихъ—по вопросу 4, о способѣ устроенія долгосрочнаго содержанія, и вопросу 10 той же секціи, объ умѣстности работъ по разчисткѣ почвы и колонизаціи. Всѣ эти резолюціи очень общія и мало опредѣленныя (Ср. Bulletin С.-Петерб. междунар. конгресса № 14, 1891 г.).

Нельзя однако ограничиваться такимъ общимъ положеніемъ, техника тюремной архитектуры постоянно идетъ впередъ, цѣна тюремныхъ сооруженій зависитъ отъ многочисленныхъ причинъ и чрезвычайно различна въ различныхъ странахъ. Римскій тюремный конгрессъ 1885 г. занимался разрѣшеніемъ вопроса, какія измѣненія могутъ быть введены въ постройку тюремъ для упрощенія и удешевленія таковыхъ, и рекомендовалъ рядъ техническихъ мѣръ относительно выбора мѣста, матеріаловъ, внутренняго устройства, какъ одиночныхъ помѣщеній, такъ и принадлежностей тюремъ, въ связи съ устраненіемъ декоративныхъ украшеній, сокращеніемъ размѣра и объема внѣшнихъ оградъ. Сверхъ того конгрессъ выразилъ пожеланіе объ устройствѣ одиночныхъ тюремъ двухъ типовъ: тюремъ для подслѣдственныхъ арестантовъ и краткосрочнаго заключенія, и тюремъ долгосрочнаго заключенія, съ устраненіемъ для первыхъ сложныхъ приспособленій, требуемыхъ для вторыхъ [147]).

Сравнительное изслѣдованіе стоимости тюремъ какъ совмѣстнаго, такъ и одиночнаго заключенія приводитъ къ результату, что „если отбытіе наказанія лишенія свободы должно быть устроено по плану, согласно дѣйствующимъ въ наше время началамъ уголовнаго права, то постройка соотвѣтствующихъ тюремныхъ зданій не можетъ быть исполнена безъ значительныхъ затратъ. Далѣе, обнаруживается, что на высоту издержекъ система заключенія имѣетъ наименьшее вліяніе; по каждой системѣ построены дорогія и дешевыя тюрьмы“ [148]). Франціи при усиленномъ изслѣдованіи вопроса

---

[147]) Ср. Actes du Congrès de Rome I. Questions du programme du Congrès et résolutions adoptées стр. 742 и сл. Доклады Herbette и Krohne по вопросу, а равно отчеты о засѣданіи конгресса въ секціи и въ общемъ собраніи секцій см. на стр. 239 и сл. 588 и сл. того же изд. I.

[148]) Krohne въ Holtzendorff H. d. Gfnw. 4. B. Die Gefängnissbaukunst § 18-й, стр. 508—510. Würdigurg der Kostenfrage. Ср. въ § 17 сравнительную таблицу стоимости постройки важнѣйшихъ Европейскихъ тюремъ совмѣстнаго и одиночнаго содержанія, начиная съ 17 ст. Кроне замѣчаетъ, что слѣдовало бы разъ навсегда разстаться съ басней о томъ, что одиночныя тюрьмы стоятъ дороже тюремъ совмѣстнаго содержанія съ ночнымъ разъединеніемъ и цитуетъ слова Stevens'a: „Quant à nos constructions, j'éstime qu'une prison commune qui conti-

о скорѣйшемъ приведеніи въ дѣйствіе закона 1875 года оказалось возможнымъ понизить цѣнность одиночной кельи противъ признаваемой ранѣе нормальною цѣны въ 6000 франковъ до 3500 и даже 3000 франковъ [149]). Чрезвычайно значительное удешевленіе стоимости одиночной кельи достигается путемъ постройки тюремъ трудомъ заключенныхъ. Въ Швеціи достигнуто такимъ путемъ пониженіе цѣны одиночной кельи до 1253 марокъ. При постройкѣ новой большой Римской тюрьмы Regina Coeli въ 1890 году, воздвигнутой хозяйственнымъ способомъ и трудомъ заключенныхъ, отдѣльная одиночная келья въ 9,78 квадр. метровъ и съ количествомъ воздуха въ 30,82 кубич. метр. обошлась въ 1800 франковъ [150]). Что касается, наконецъ, до замѣчанія Ферри относительно ограниченности круга работъ, возможныхъ при одиночномъ заключеніи, то, какъ это обнаружила наглядно Международная тюремная Выставка 1890 г., устроенная при С.-Петербургскомъ тюремномъ конгрессѣ, работы въ одиночныхъ тюрьмахъ допускаютъ большое разнообразіе. Такъ оказывается, что въ одиночныхъ тюрьмахъ Баваріи, Пруссіи, Вюртемберга существуютъ 12 классовъ производимыхъ предметовъ, въ таковыхъ Австріи, Бельгіи, Италіи—11, Даніи, Россіи—8, Норвегіи—7 [151]).

---

endrait toutes les divisions nécessaires et les dépendances indispensables coûterait autant qu'une prison cellullaire".

[149]) Ср. Herbette L'oeuvre pénitentiaire, Etudes a l'occasion de l'organisation du Musée spécial et des expositions de l'administration française 1891 г. стр. III. Въ Февралѣ 1889 г. Herbette сообщилъ Высшему Тюремному Совѣту о двухъ заключенныхъ постройкой одиночныхъ тюрьмахъ, изъ коихъ въ одной въ Sables d'Olonnes одиночная келья обошлась въ 3202, а въ другой, въ Tarbes въ 3372 франка.

[150]) Monographie de la prison judiciaire de Regina Coeli à Rome въ Bull. S. G. P. 1890 г. стр. 346 (перев. изъ Rivista di discipline carcerarie).

[151]) IV Международный Тюремный конгрессъ, Каталогъ Международной тюремной выставки. Наши отечественныя одиночныя тюрьмы выставляли издѣлія по слѣдующимъ классамъ: 1) прядильно-ткацкому, 2) веревочно-канатному, 3) издѣлія изъ соломы, 4) столярно-бондарно-токарно-малярному, 5) кузнечно-слесарному, желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій и сельско-хозяйственныхъ орудій, 6) переплетно-картонажному, 7) швальному и сапожному, арестантской одежды, надзирательскаго платья, обмундированія, разной обуви и рукодѣлія, 8)

Затѣмъ остается разсмотрѣть возраженія Ферри противъ связываемаго по новому Итальянскому Уголовному Уложенію съ ergastolo семилѣтняго одиночнаго заключенія. Нѣтъ сомнѣнія, что это весьма тяжкая и суровая мѣра. Но не слѣдуетъ забывать, что указанный способъ содержанія примѣняется къ тягчайшимъ преступленіямъ и преступникамъ и внесенъ въ уголовное уложеніе въ замѣну смертной казни. При осуществленіи такой крупной реформы, при отмѣнѣ наказанія, признаваемаго чрезвычайно многими лицами, хотя и безъ правильнаго основанія, въ качествѣ наиболѣе устрашительнаго, реформы, признававшейся возможной лишь для малыхъ государствъ, Итальянскому законодателю приходилось усвоивать замѣщающему смертную казнь наказанію характеръ значительной суровости. Къ тому же, путемъ долгосрочнаго одиночнаго заключенія относительно наиболѣе тяжкихъ преступниковъ въ значительной степени устраняется одно изъ возраженій противъ пожизненнаго заключенія, замѣняющаго смертную казнь, а именно, указаніе на опасность, грозящую какъ жизни другихъ заключенныхъ, такъ и въ особенности тюремной стражѣ со стороны нѣкоторыхъ опасныхъ преступниковъ, устраняется, далѣе, опасность побѣга и тѣхъ возстаній заключенныхъ противъ тюремнаго начальства, которыя имѣютъ особенно тревожный характеръ въ средѣ пожизненно-заключенныхъ, пребывающихъ въ совмѣстномъ состояніи. Если сравнить 7-лѣтнее одиночное заключеніе въ ergastolo съ 8-лѣтнимъ одиночнымъ заключеніемъ для той же категоріи лицъ Португальскаго Уложенія, 5-лѣтнимъ Голландскаго Уложенія, то во всѣхъ этихъ законодательствахъ, одинаково разставшихся съ смертной казнью, должно видѣть одно и тоже стремленіе, придать замѣняющему ее наказанію, вмѣстѣ съ значительной суровостью, свойство обезпечивающаго отъ новыхъ тяжкихъ посягательствъ [152]).

тюремно-строительному. (Ср. Л. И. отдѣлъ Россія губернскія и Финляндскія тюрьмы).

[152]) Въ объяснительной запискѣ къ проэкту уг. улож. 1887 года, сочетавше-

Отрицательная критика разныхъ системъ тюремнаго содержанія приводитъ Ферри, какъ было показано, къ земледѣльческимъ работамъ, какъ къ единственному карательному порядку для класса неисправимыхъ преступниковъ, подлежащихъ безсрочному или пожизненному заключенію. Авторъ при этомъ даже говоритъ о возможномъ возрожденіи нѣкоторыхъ субъектовъ, впадая въ терминологію круга мы-

---

му съ заключеніемъ въ ergastolo десятилѣтнее одиночное заключеніе, Министръ Занарделли мотивировалъ эту мѣру необходимостью суровости и устрашительности этого наказанія, а равно потребностью обезпеченія противъ побѣговъ заключенныхъ и совершенія ими новыхъ преступленій (Relazione ministeriale XXIV). При разсмотрѣніи проэкта въ правительственной коммиссіи по окончательному пересмотру его срокъ одиночнаго заключенія въ ergastolo былъ пониженъ до 7 лѣтъ (ст. 12 уложенія), согласно съ требованіями членовъ обѣихъ палатъ парламента, а равно нѣкоторыхъ значительныхъ иностранныхъ ученыхъ, какъ заявилъ Занарделли въ своемъ докладѣ Королю относительно санкціи окончательнаго текста проэкта (Relazione a S. M. Il Re. VIII). Къ указаннымъ ученымъ принадлежитъ Гольцендорфъ, замѣтившій, что противники смертной казни заплатили за ея отмѣну дорогой цѣной (Die Strafandrohungen im neuesten Ital. Strafgesetzentwurf G. S., 40, стр. 323). Сверхъ указанныхъ въ текстѣ законодательствъ и новый Австрійскій проэктъ уголовнаго уложенія 1891 г. допускаетъ отбытіе срочнаго (до 20 лѣтъ) заключенія въ смирительномъ домѣ всецѣло или частью въ одиночномъ заключеніи по усмотрѣнію суда. Это постановленіе критикуется Цукеромъ въ томъ отношеніи, что вслѣдствіе устраненія одиночнаго заключенія при пожизненномъ лишеніи свободы, опасный преступникъ вступаетъ въ общество преступныхъ товарищей, не будучи обузданъ предшествующимъ одиночнымъ заключеніемъ Цукеръ при этомъ прибавляетъ, что одиночное заключеніе предупреждаетъ, а совмѣстное, напротивъ, облегчаетъ совершеніе новаго преступленія осужденнымъ (Die neuesten Bestimmungen des Österreichischen Strafgesetzentwurfes въ Gerichtssaal 1891 г. стр. 442). По поводу работы Штосса о предполагаемомъ въ Швейцаріи единомъ союзномъ уголовномъ уложеніи, (Welche Anforderungen stellt die Kriminalpolitik an ein eidg. Strafgesetzbuch въ Zeitschrift für Schweizer Strafrecht 1891 г. стр. 245) и проэктируемаго этимъ авторомъ особаго центральнаго заведенія для тягчайшихъ, а равно профессіональныхъ преступниковъ, извѣстный Швейцарскій тюрьмовѣдъ Hürbin высказалъ мнѣніе, что требуются два такія заведенія, одно для обычныхъ преступниковъ, другое для тягчайшихъ злодѣевъ и преступниковъ, постоянно умышляющихъ побѣги. Въ тюрьмѣ для лицъ первой категоріи должно имѣть на готовѣ достаточное количество одиночныхъ тюремъ для отдѣленія худшихъ субъектовъ въ интересѣ дисциплины, что же касается до заведенія для лицъ второй категоріи, то по мнѣнію Hürbin, оно должно преимущественно быть устроено по системѣ одиночнаго заключенія, какъ это было признано въ засѣданіи Швейцарскаго тюремнаго общества въ 1879 г. (Указ. изданіе стр. 467).

слей приверженцевъ исключительно исправительной цѣли наказанія, столь чуждаго новой Итальянской школѣ. Что это, впрочемъ, не болѣе какъ нѣкоторое риторическое украшеніе, пріемъ оратора, желающаго подкупить своихъ слушателей, это несомнѣнно изъ того, что авторъ рекомендуетъ самыя нездоровыя мѣстности съ смертельнымъ климатомъ для лицъ наиболѣе тяжкаго преступнаго класса. Правда, авторъ рекомендуетъ сверхъ того земледѣльческія работы и для преступниковъ по случайному поводу или соблазну, но при разсмотрѣніи ниже спеціально этой категоріи преступниковъ Ферри ограничивается для указанныхъ лицъ требованіемъ вознагражденія за вредъ.

Въ наше время, какъ извѣстно, существуетъ теченіе научной мысли, весьма благопріятное работамъ на открытомъ воздухѣ осужденныхъ, въ томъ числѣ работамъ земледѣльческимъ и вообще колонизаціоннымъ. Но общія пожеланія и рѣшенія въ этомъ вопросѣ имѣютъ мало цѣны. Слѣдуетъ опредѣлить для какихъ преступниковъ, при какихъ условіяхъ, эти работы могутъ считаться полезными, могутъ ли такія работы составлять самостоятельный порядокъ отбытія наказанія, или только извѣстный стадій такового. Ферри высказывается за такія принудительныя работы, какъ самостоятельный порядокъ отбытія наказанія, притомъ по преимуществу для неисправимыхъ преступниковъ, съ посылкой ихъ въ самыя нездоровыя мѣстности. Спрашивается насколько допустимо такое рѣшеніе вопроса? Въ пользу своего предложенія Ферри ссылается на работы каторжниковъ въ колоніи Tre Fontane близъ Рима, далѣе на Итальянскія уголовно-земледѣльческія колоніи Pianosa, Gorgona и Capraia на островахъ средиземнаго моря, а равно Castiades въ Сардиніи. Слѣдуетъ однако замѣтить, что на основаніи инструкціи тюремнаго управленія въ эти колоніи направляются осужденные послѣ отбытія половины срока наказанія, притомъ представившіе доказательства нравственнаго улучшенія и не подвергавшіеся дисциплинарнымъ взысканіямъ въ теченіи 7 послѣднихъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ для ра-

ботъ на чистомъ воздухѣ дѣлается подборъ болѣе достойныхъ среди заключенныхъ и это совершенно понятно, такъ какъ внѣшнія работы представляются менѣе тяжкими, съ ними по необходимости связывается ослабленіе нѣкоторыхъ строгихъ правилъ тюремнаго распорядка, улучшеніе пищи, они представляютъ послѣ однообразія тюремной жизни вслѣдствіе соприкосновенія съ природой значительное развлеченіе для заключенныхъ, наконецъ надзоръ и окарауливаніе заключенныхъ затрудняется. Можно указать въ этомъ отношеніи, что и въ Ирландской прогрессивной системѣ сэра Крофтона въ промежуточныя заведенія съ земледѣльческими работами допускались лица, заслужившія того своимъ предшествующимъ добрымъ поведеніемъ. Затѣмъ, по данному вопросу цѣнныя данныя можно найти въ докладѣ военнаго инженера Орилья, представленномъ Римскому тюремному конгрессу о работахъ осужденныхъ по сооруженіи укрѣпленій въ окрестностяхъ Рима [153]). Этотъ авторъ въ своей работѣ даетъ весьма существенныя указанія, какіе преступники должны допускаться къ работамъ на открытомъ воздухѣ. Различая преступниковъ инстинкта (прирожденныхъ неисправимыхъ Ферри) и преступниковъ по случайному поводу или соблазну, авторъ въ совершенномъ согласіи съ Итальянской антропологической школой придаетъ наказанію для первыхъ значеніе исключенія изъ общества, долженствующаго притомъ служить средствомъ воздѣйствія на чувство страха путемъ примѣрности. А между тѣмъ, по мнѣнію Орилья, работы на открытомъ воздухѣ лишены всякаго устрашающаго характера. И въ самомъ дѣлѣ, положеніе каторжника-рабочаго гораздо выгоднѣе положенія свободнаго рабочаго. И тотъ и другой въ дождливые дни теряютъ заработную плату; но первому нечего безпокоиться о пропитаніи;

---

[153]) Le travail des condamnés a l'air libre d'aprés les experiences faites a Rome par la direction du génie militaire, Actes du Congrès de Rome III. I. Partie стр. 169—204. Этотъ докладъ вмѣстѣ съ описаніемъ хода работъ по сооруженію укрѣпленій долженъ былъ служить по мысли автора отвѣтомъ на рядъ вопросовъ программы Римскаго конгресса, въ томъ числѣ на вопросъ 3-й 2-й секціи, (ср. выше стр. 414).

недостатокъ работы не создаетъ для него лишенія, какъ для втораго, а даетъ ему отдыхъ. Авторъ даже думаетъ, что при современномъ пенитенціарномъ порядкѣ работы на открытомъ воздухѣ являются побужденіемъ къ преступности. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя разсчитывать на исправительное дѣйствіе ихъ по отношенію къ старымъ каторжникамъ, виновникамъ самыхъ страшныхъ преступленій, и рецидивистамъ. Поэтому, пенитенціарныя колоніи, разсчитанныя на работы на открытомъ воздухѣ, должны бы учреждаться для виновниковъ менѣе тяжкихъ преступныхъ дѣяній, для преступниковъ по случайному поводу или соблазну, и спеціально для бродягъ и праздношатающихся. При этихъ условіяхъ наказаніе получило бы значеніе дѣйствительнаго, надзоръ за заключенными, представляющій значительныя затрудненія при работахъ, былъ бы менѣе затруднителенъ и стоилъ бы менѣе, и результаты соотвѣтствовали бы поставленной задачѣ. Вообще слѣдовало бы осуждать къ работамъ на открытомъ воздухѣ не лицъ, которыя по опредѣленію новѣйшихъ криминологовъ неспособны къ приспособленію къ общественной средѣ вообще (т. е. неисправимыхъ), а неспособны къ приспособленію только къ опредѣленной средѣ[514]).

И такъ, вотъ практикъ, который самъ завѣдывалъ работами преступниковъ, самъ принадлежитъ къ той же школѣ, какъ Ферри, самъ признаетъ классификацію преступниковъ новой Итальянской школы, даже оперируетъ принятыми въ ней опредѣленіями, и который на основаніи опытныхъ данныхъ приходитъ къ результату, какъ разъ противуположному съ положеніемъ Ферри объ избраніи земледѣльческихъ и колонизаціонныхъ работъ, какъ занятія для преступниковъ, стоящихъ на высшей ступени классификаціи. До какой степени предложенія Ферри относительно эксплуатаціи труда неисправимыхъ преступниковъ представляются мало зрѣ-

---

[154]) Указ. монографія II. Généralités стр. 186 и 187, Exemple utile de la peine стр. 190 и 191, Formation des colonies pour le travail a l'air libre стр. 192 и 193.

лыми и легкомысленными, это явствуетъ также изъ доклада Бельтрани-Скаліа министру внутреннихъ дѣлъ, составляющаго объяснительную записку къ новому итальянскому тюремному уставу 1891 года и имѣющаго особо важное значеніе, такъ какъ Ферри дѣлаетъ свои предложенія по отношенію къ Италіи. Указавъ, что тюремная администрація съ давняго времени (съ 1865 года) заботилась о разчисткѣ пустынныхъ и безплодныхъ мѣстъ трудами заключенныхъ, возбудила вопросъ о полезности улучшенія Agro Romano такимъ же способомъ, и наконецъ примѣняла трудъ заключенныхъ къ большимъ работамъ по устройству укрѣпленій и фортовъ, Бельтрани-Скаліа заявляетъ, что нельзя, однако, устраивать такого рода работъ въ мѣстностяхъ истинно нездоровыхъ. Слѣдуетъ признать по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ, чтобы тюремная администрація при отсутствіи разрѣшающаго закона обладала полномочіями: 1) высылать срочно осужденныхъ на работы по разчисткѣ земель, гдѣ пропорція больныхъ колеблется отъ 36 до 40%, а смертность отъ 8 до 10%, съ тѣмъ чтобы такихъ ослабленныхъ и немощныхъ лицъ возвращать въ видѣ бремени ихъ семействамъ, или обременять ими больницы и пріюты. 2) Посылать притомъ вмѣстѣ съ ними должностныхъ лицъ и стражей съ ихъ семействами. 3) Отягощать бюджетъ немалыми издержками на постройки, содержаніе, передвиженіе и вознагражденіе посылаемыхъ лицъ съ единственной цѣлью улучшенія земель, которыя бы слѣдовало продавать потомъ по высокимъ цѣнамъ, но которыхъ, при настоящемъ упадкѣ цѣнъ на недвижимую собственность, никто покупать не станетъ. Скажутъ, что тюремная администрація могла бы продавать такія земли по дешевой цѣнѣ. Но тюремная администрація не въ правѣ тратить съ убыткомъ публичныя средства. Если же скажутъ, что работы по оздоровленію нездоровыхъ мѣстностей должны быть предоставлены пожизненно-заключеннымъ, то такой способъ былъ бы несогласенъ съ закономъ, по которому такія лица отбываютъ заключеніе въ ergastolo. Во всякомъ случаѣ не надо забывать, что выгоды работъ на открытомъ воздухѣ имѣ-

ютъ неизбѣжный противувѣсъ въ числѣ побѣговъ осужденныхъ.... „Въ подобныхъ вопросахъ нельзя достаточно рекомендовать сдержанности и осторожности, чтобы не вдаваться въ предпріятія, могущія потребовать не мало денежныхъ и человѣческихъ жертвъ, чтобъ не упорствовать въ излюбленныхъ измышленіякъ при обнаруженіи на опытѣ ихъ ошибочности, чтобы сопротивляться соблазнительнымъ надеждамъ, противуполагающимъ значительнымъ издержкамъ нынѣшняго дня сомнительные барыши далекаго будущаго [155]).

Драгоцѣнныя свѣдѣнія по предмету затрудненій, обусловленныхъ разчисткой земель въ нездоровыхъ мѣстностяхъ, о пенитенціарномъ значеніи и финансовыхъ жертвахъ, свойственныхъ колонизаціоннымъ работамъ осужденныхъ вообще, имѣются въ отчетѣ Беранже 1873 года Французской парламентской коммиссіи о личномъ осмотрѣ докладчикомъ трехъ уголовныхъ земледѣльческихъ колоній въ Корсикѣ. Беранже представилъ свѣдѣнія объ уголовныхъ колоніяхъ: Кьявари, Кастеллучьо и Казабіанда, принимающихъ заключенныхъ изъ центральныхъ домовъ Франціи. Первая колонія, основанная вмѣстѣ со второй въ 1855 г. занимаетъ 2,119 гект. земли, пріобрѣтенныхъ за 700,000 франковъ. Среднее населеніе=650—700 заключенныхъ. Страшная смертность, доходившая до 82%, въ первомъ году основанія колоніи, понизилась въ слѣдующемъ году до 14%. Въ 1873 году санитарное состо-

---

[155]) Relazione § XXXI стр. LXXV. Итальянскія пенитенціарныя земледѣльческія колоніи на островахъ Pianosa, Capraia, Gorgona и Castiades на островѣ Сардиніи сопряжены съ значительной потерей для казны. Такъ, напримѣръ, съ 1 Января 1875 г. по 20 Іюня 1885 г. издержано казной на нихъ 15,518,375,09 лиръ, доходу получено 9,783,086,61 л. т. е. потеря=5,735,288,48. Въ трехъ первыхъ колоніяхъ были заняты работами въ среднемъ числѣ 939 осужденныхъ, изъ нихъ 737 земледѣльческими работами, подъ надзоромъ 129 должностныхъ лицъ и стражей, и въ 10 лѣтъ при этомъ большомъ числѣ людей разчищено всего 300 гектаровъ и проведено 16 километровъ дорогъ. Въ Castiades съ 285 осужденныхъ, назначенныхъ къ производству земледѣльческихъ работъ, цѣнность земель повысилась съ 448,074 до 1,100,078,72, лиръ съ расходомъ въ 1,585,641 лиру. Постройки обошлись въ 869,963,01 и были оцѣнены въ 589,142,74 лиръ (Изъ доклада королевск. слѣдственной коммиссіи объ Эритрейской колоніи въ Gazetta ufficiale 1891 Riv. di discipline carcerarie 1891 г. стр. 598).

яніе—удовлетворительное. Не смотря на обработку 750 гект., Кьявари, по мнѣнію докладчика, навсегда останется бременемъ для казны. Издержки по ея устройству вмѣстѣ съ цѣной перевозки осужденныхъ достигаютъ до суммы 300,000 фр. Ежегодные расходы—200,000 фр. Одна дирекція обходится въ 100,000 фр. Кастеллучьо располагаетъ 325 гект. земли, уступленными въ пользованіе городомъ Аяччьо и нѣкоторымъ количествомъ земли, пріобрѣтеннымъ казною на 50,000 фр. Санитарное состояніе—неблагопріятное. Въ 1871 г. поступленіе въ больницы=76% населенія. Самъ докладчикъ нашелъ въ больницѣ 49 человѣкъ на населеніе 300 человѣкъ. Лихорадки рѣдко убиваютъ, но крайне ослабляютъ людей, отчего страдаютъ работы, а иногда и нравственный строй заключенныхъ. Издержки на устройство и эксплоатацію колоніи равняются двумъ съ половиною милліонамъ, доходъ не превышаетъ 20,000 фр. Ежегодныя издержки равняются 200,000 фр., что при числѣ отъ 300—400 заключенныхъ составляетъ расходъ въ 500, 600 или 700 фр. на человѣка. Казабіанда простирается на 3000 гект., изъ коихъ 900 находятся въ обработкѣ. Представляя чрезвычайно благопріятныя условія для сельской культуры, эта колонія страдаетъ въ лѣтнее время отъ крайне вредоносныхъ для здоровья болотныхъ испареній. Смертность, достигавшая въ первые три года отъ 18—24%, заставила прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ по осушенію большаго озера и вмѣстѣ съ тѣмъ къ устроенію временнаго поселка въ лѣсистой мѣстности въ горахъ, Мармано. Въ устроенные тамъ бараки съ 15 Іюня по 10 Октября перебирается администрація колоніи, больные и всѣ заключенные, признанные медиками неспособными выносить малярію въ равнинѣ. Остальные заключенные остаются въ колоніи, откуда дважды въ недѣлю доставляются въ поселокъ больные. При этомъ приспособленіи смертность понизилась до 2—3%, но появились неблагопріятныя послѣдствія по части работъ и управленія. Въ Казабіанда не достаетъ рукъ, въ Мармано ихъ слишкомъ много. Всѣ издержки увеличиваются, съ

чѣмъ соединяются и разныя злоупотребленія. Въ 1871 г., вслѣдствіе прорыва плотинъ рѣкой, вновь явились лихорадки, болѣе гибельныя, чѣмъ когда либо, и смертность быстро поднялась до 7 процентовъ. При посѣщеніи колоніи докладчикомъ въ Мармано было 170 больныхъ при 79 больныхъ въ Казабіанда.

По мнѣнію Беранже земледѣльческія работы даютъ основаніе для нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ. Этотъ порядокъ содержанія болѣе соотвѣтствуетъ человѣческому достоинству, чѣмъ тюрьма, но подъ условіемъ отдѣленія дурныхъ отъ хорошихъ лицъ. А между тѣмъ администрація этого не дѣлаетъ, не считаетъ себя даже вправѣ этого дѣлать. На вопросъ, предложенный Беранже одному директору колоніи, отчего заключенные не распредѣляются на классы, при удобствѣ къ тому построекъ и при работахъ на большихъ пространствахъ, директоръ отвѣчалъ, что это было бы возможно лишь при предоставленіи ему полной свободы относительно издержекъ. Все дѣлается въ колоніи въ виду наиболѣе выгодной эксплуатаціи труда осужденныхъ, которые группируются сообразно своимъ силамъ и способностямъ. Всякое нравственное улучшеніе составляетъ неизбѣжное увеличеніе бюджета.

На основаніи указанныхъ данныхъ Беранже выставилъ слѣдующія предложенія: для земледѣльческихъ колоній требуется мѣстность безусловно здоровая, требуется тщательный подборъ лицъ, посылаемыхъ въ колонію, лицъ, подающихъ надежду на исправленіе. Слѣдовало бы, далѣе, содѣйствовать поселенію лицъ, отбывшихъ наказаніе вблизи колоніи путемъ концессіи или отдачи участковъ земли въ аренду [156]).

---

[156]) Enquête parlementaire II стр. 247 и сл. Такія же неблагопріятныя свѣдѣнія о Корсиканскихъ уголовныхъ колоніяхъ даетъ и бывшій директоръ Французской тюремной администраціи Choppin въ своемъ докладѣ Римскому тюремному конгрессу о pénitenciers agricoles (Bull. Париж. тюрем. общества 1883 г.). Авторъ настаиваетъ на невыгодности земледѣльческихъ колоній для государства. Администрація извлекаетъ изъ земледѣльческихъ работъ менѣе, чѣмъ частныя лица. Она производитъ меньшее количество зерноваго хлѣба и по болѣе дорогой цѣнѣ.—Весьма обширное примѣненіе земледѣльческихъ работъ сдѣлано въ Алжи-

Тѣ вѣскія предостереженія противъ увлеченія земледѣльческими и вообще колонизаціонными работами осужденныхъ, которыя сами собою слѣдуютъ изъ докладовъ Беранже и Бельтрани Скаліа, подтверждаются отзывами тюрьмовѣдовъ другихъ странъ. Такъ Таллакъ, допуская сельскія работы для ограниченнаго числа обычныхъ преступниковъ, достигшихъ извѣстной ступени правильно-организованной, постепенной дисциплинарной системы, высказывается противъ большихъ хозяйственныхъ предпріятій, учреждаемыхъ государствомъ и разсчитанныхъ на трудъ осужденныхъ. Замѣтивъ, что „благонамѣренные, но легкомысленные и мало освѣдомленные филантропы, предлагаютъ такія мѣропріятія въ большихъ размѣрахъ по отношенію къ пустыннымъ мѣстностямъ въ отечествѣ или заморскихъ колоніяхъ, Таллакъ перечисляетъ темныя стороны предлагаемаго порядка: незначительныя выгоды, извлекаемыя изъ земледѣльческихъ работъ, недостатокъ полезнаго воздѣйствія на заключенныхъ, зависть и конкурренція со стороны мѣстныхъ фермеровъ и рабочихъ, трудность контроля за большими массами людей при работахъ въ открытыхъ мѣстахъ. Таллакъ съ удареніемъ указываетъ на вредъ „предоставленія злоумышленникамъ огуломъ“ (on a wholesale scale) особыхъ удобствъ для занятій и заработка, тогда какъ честный рабочій съ такимъ трудомъ отыскиваетъ ихъ, вслѣдствіи чего создается общественная опасность: преступленіе получаетъ притягательную силу, пороку какъ бы дается премія [157]).

По отзыву прусскаго директора тюреннаго заведенія Caldewey, не смотря на существующія въ Пруссіи работы осужденныхъ на открытомъ воздухѣ (канализація болотъ, лѣсонасажденія, устройство загражденій отъ наводненій), Прусскія тюремныя должностныя

рѣ и по видимому вслѣдствіе очень благопріятныхъ условій съ успѣхомъ. Помимо собственной эксплуатаціи земельныкъ угодій, администрація отдаетъ осужденныхъ въ работы частнымъ собственникамъ или предпринимателямъ. Побѣги, при громадныхъ незаселенныхъ пространствахъ, крайне рѣдки. (Ср. Herbette L'Oeuvre pénitentiaire Ch. 14).

[157]) Principles стр. 191. Criminal Colonisation impracticable.

лица противъ такихъ работъ. Такое отношеніе мотивируется авторомъ слѣдующими обстоятельствами: порча заключенныхъ при такихъ работахъ почти неизбѣжна, объ индивидуализирующемъ порядкѣ отбытія наказанія не можетъ быть и рѣчи, чувство чести у осужденныхъ убивается публичной выставкой ихъ, воздѣйствіе на нихъ путемъ тюремной школы невозможно. Къ тому же большинство заключенныхъ при такихъ работахъ не чувствуетъ наказанія [158]).

Большаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что лица, наиболѣе стоящія за наружныя работы арестантовъ, допускаютъ таковыя съ точно указываемыми ограничительными условіями. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ докладъ Австрійскаго прокурора Лейтмайера С.-Петербургскому конгрессу по вопросу 2-му 2-й секціи о конкурренціи тюремнаго труда свободной промышленности. Лейтмайеръ горячо рекомендуетъ указанныя работы на основаніи увлекательнаго отчета о регулированіи русла горныхъ потоковъ и рѣкъ въ Штиріи и Каринтіи. Но при этомъ авторъ видитъ въ нихъ учрежденіе, соотвѣтствующее промежуточнымъ заведеніямъ Ирландской системы. Поэтому, допущеніе къ этимъ работамъ ставится авторомъ въ зависимость отъ примѣрнаго поведенія осужденнаго, отъ полнѣйшаго удостовѣренія, что участіе его въ такихъ работахъ не представится опаснымъ для общественнаго спокойствія и не поведетъ къ нарушенію закона. Согласно съ этимъ, допущеніе къ работамъ на открытомъ воздухѣ должно слѣдовать за періодомъ одиночнаго и извѣстнаго періода совмѣстнаго заключенія, опредѣляемаго согласно продолжительности всего срока наказанія [159]). Далѣе и Chicherio, директоръ пенитенціарія въ Лу-

---

[158]) Bl. f. Gfk. XXIII, 1889 г. Sträflings Arbeit und freie Arbeit in Preussen стр. 48 и 49.

[159]) IV Congrès pénitentiaire international, Travaux préparatoires 2 Question II Section. Fas. 10 b. стр. 20 и 21. Ср. въ вышедшихъ въ свѣтъ въ концѣ 1892 года Actes du Congrès pénitentiaire international de St. Petersbourg 1890 г. St. Petersbourg 1892 г. I стр., отчетъ о засѣданіи 2-й секціи по вопросу 2-му, въ какой мѣрѣ тюремный трудъ представляется вреднымъ для свободной промы-

гано въ докладѣ по тому же вопросу предлагаетъ допускать къ земледѣльческимъ работамъ въ видѣ награды заключенныхъ, представившихъ доказательства исправленія, притомъ съ сохраненіемъ за такими работами карательнаго характера [160]).

Въ виду всего вышеизложеннаго относительно опыта земледѣль-

шленности, какимъ образомъ должно организовать трудъ заключенныхъ въ видахъ возможнаго устраненія вредной конкурренціи. По означенному вопросу Лейтмайеръ указалъ на слѣдующіе результаты, достигаемые работами осужденныхъ на открытомъ воздухѣ: устраненіе конкурренціи свободному труду, значительныя денежныя сбереженія при исполненіи общеполезныхъ предпріятій, весьма удовлетворительныя санитарныя условія для осужденныхъ, наконецъ нравственное улучшеніе и подготовленіе такихъ лицъ къ состоянію полной свободы. Rivier возразилъ, что онъ не можетъ согласиться относительно приписываемаго работамъ на открытомъ воздухѣ свойства—устраненія вредной конкурренціи свободному труду со стороны тюремнаго, далѣе, по мнѣнію Rivier, рекомендуемыя Лейтмайеромъ работы возможны въ гористыхъ мѣстностяхъ Штиріи и Каринтіи съ рѣдкимъ населеніемъ, гдѣ ихъ наблюдалъ докладчикъ, но онѣ представляли бы затрудненія въ равнинахъ съ плотнымъ населеніемъ Франціи и Бельгіи. Допущеніе осужденныхъ къ работамъ на открытомъ воздухѣ производило бы въ окрестномъ населеніи чувство страха вслѣдствіе близкаго соприкосновенія съ преступниками и возможности побѣга ихъ. Cedrun de la Pedraja замѣтилъ, что при устройствѣ работъ, о которыхъ говоритъ Лейтмайеръ въ Испаніи, была бы создана конкурренція на почвѣ земледѣльческаго и родственныхъ ему промысловъ, которымъ отдаются большинство Испанскихъ рабочихъ. Противъ Rivier возражалъ Prins, утверждая, что преступники при работахъ на открытомъ воздухѣ внушаютъ окрестному населенію не столько страхъ, сколько состраданіе (?), и указывая на наружныя работы въ исправительныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ Бельгіи. Наконецъ, Соломонъ сослался на успѣхъ производившихся арестантами работъ въ Псковской и Волынской губерніи. Слѣдуетъ замѣтить, что работы на открытомъ воздухѣ въ Бельгіи производятся въ заведеніяхъ для бродягъ и несовершеннолѣтнихъ, поэтому такія работы вслѣдствіе относительной безобидности производящихъ ихъ лицъ, конечно, немогутъ вліять въ томъ, указанномъ Rivier, смыслѣ на свободное населеніе, какъ работы, производимыя подвижными отрядами болѣе тяжкихъ преступниковъ. Сущность резолюціи конгресса см. выше въ прим. 146 къ стр. 415. Въ отечественной литературѣ точную и правильную оцѣнку затрудненій, сопряженныхъ съ полевыми работами осужденныхъ дѣлаетъ г. Таганцевъ въ IV выпускѣ Лекцій 1892 г. § 843 стр. 593. Авторъ допускаетъ ихъ для тюремъ расположенныхъ далеко отъ населенныхъ центровъ. Но при этомъ условіи вопросъ о такихъ работахъ переходитъ уже на почву вопроса о ссылкѣ.

[160]) IV Congrès penitentiaire international Travaux préparatoires II Section Deuxième Question.

ческихъ работъ въ обширномъ смыслѣ, производимыхъ силами осужденныхъ въ разныхъ странахъ Европы, должно прійдти къ заключенію, что предложеніе Ферри въ его общности, устраняющее всякія другія системы карательнаго содержанія, притомъ для лицъ высшей преступности, лишено основанія. Указанныя работы, по свидѣтельству тюремной практики разныхъ странъ, вслѣдствіе присущихъ имъ, указанныхъ выше особенностей, должны быть стадіемъ смягченнаго отбытія наказанія и предполагаютъ заключенныхъ, совершенно отличныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ отъ прирожденныхъ или обычныхъ преступковъ, составляющихъ классъ неисправимыхъ. Замѣчательно, что самъ Ферри за нѣсколько страницъ передъ тѣмъ высказывается за очищеніе страны отъ тяжкихъ злодѣевъ посредствомъ заморской ссылки, а затѣмъ, въ разбираемомъ мною мѣстѣ предлагаетъ въ видѣ внутренней ссылки создать опасный для окружающаго населенія очагъ преступности. Усвоеніе особо репрессивнаго характера работамъ путемъ назначенія неисправимыхъ въ самыя нездоровыя мѣстности недопустимо по соображеніямъ самого очевиднаго свойства, вслѣдствіе недостойно лицемѣрнаго характера, присущаго этой мѣрѣ замаскированной смертной казни, вслѣдствіе необходимости сопровожденія осужденныхъ должностными лицами и стражей, причемъ наказаніе пріобрѣтаетъ рѣзкій недостатокъ пораженія совершенно неповинныхъ лицъ. Но если эти соображенія могутъ отвергаться представителями новой школы, какъ сентиментальныя, то устройство карательныхъ работъ въ нездоровыхъ мѣстностяхъ должно быть отвергнуто по соображеніямъ чисто практическимъ, какъ это видно изъ опыта французскихъ уголовныхъ колоній въ Корсикѣ. Этотъ опытъ удостовѣряетъ невозможность правильнаго хода работъ по случаю многочисленныхъ заболѣваній и вслѣдствіе трудности поддержанія дисциплины. Нельзя не отмѣтить наконецъ финансовой и экономической стороны въ этомъ вопросѣ. Значительныя денежныя затраты, трудно окупающіяся, которыя удостовѣряются примѣромъ Италіи и Франціи, дозволяютъ прибѣгать къ

рекомендуемому Ферри порядку не иначе, какъ по тщательномъ соображеніи многочисленныхъ условій. Поразительно замѣчаніе Беранже, что финансовая сторона въ земледѣльческихъ уголовныхъ колоніяхъ можетъ вступать въ рѣзкое противурѣчіе съ интересомъ нравственнаго улучшенія осужденныхъ, котораго ожидаетъ Ферри. Наконецъ, съ точки зрѣнія экономической оказывается, что занятіе осужденныхъ земледѣльческими работами, какъ это явствуетъ изъ отзывовъ Tallack и Pedraja, далеко не вездѣ устраняетъ зло конкурренціи тюремнаго труда—свободному. Дозволительно усомниться, чтобы въ Италіи было иначе. Во всякомъ случаѣ должно признать, что Ферри, дѣлая свое предложеніе, не обратилъ никакого вниманія на реальныя условія, на поученія опыта, и что вышеприведенныя слова Бельтрани-Скаліа о необходимости трезваго отношенія по данному вопросу какъ бы прямо примѣняются къ нему.

V.

Остается разсмотрѣть карательный порядокъ для двухъ менѣе тяжкихъ классовъ преступниковъ: по случайному поводу (d'occasione) и по страсти или вѣрнѣе аффекту (di passionè). Первый классъ въ антропологической классификаціи Ферри представляется особо смутнымъ и неудовлетворительно очерченнымъ, это зависитъ отъ того, что преступность лицъ этого класса не можетъ объясняться условіями, коренящимися въ тѣлесномъ организмѣ, самъ Ферри указываетъ на преобладающее воздѣйствіе соціальныхъ условій на таковыхъ преступниковъ [161]). А между тѣмъ новая Итальянская школа не можетъ поступиться кореннымъ положеніемъ, что всякій преступникъ со стороны тѣлесной и психической анормальное существо. Нельзя далѣе упускать изъ виду, что классъ преступниковъ d'occasione обнимаетъ чрезвычайно различныхъ субъектовъ, отличныхъ другъ отъ друга какъ по различію объективнаго элемента правонарушенія, такъ и степени преступнаго помы-

---

[164]) Ср. 1 вып. наст. труда гл. 3 стр 336 и сл. и 354 и сл.

шленія. Этимъ объясняется, почему Ломброзо и Гарофало включаютъ обычныхъ преступниковъ въ число delinquenti d'occasione [162]). Ферри пытается отличить преступниковъ по случайному поводу, дѣлающихся обычными, отъ таковыхъ, которые лишены этого признака. Но такое различеніе хорошо только на бумагѣ, въ дѣйствительности же оно крайне трудно. Поэтому, связывать съ классомъ преступниковъ d'occasione только вознагражденіе за вредъ и убытки значитъ жертвовать самыми настойчивыми потребностями правосудія въ угоду доктринѣ и желанію рѣзкаго различенія отдѣльныхъ классовъ по отвѣтственности. Отдѣлъ, посвященный карательному порядку для преступниковъ по случайному поводу въ Nuovi orizzonti производитъ по своей краткости и безсодержательности такое впечатлѣніе на читателя, что авторъ не имѣетъ ничего сказать по этому предмету. Соотвѣтствующій отдѣлъ Sociologia criminale пополненъ авторомъ благодаря подоспѣвшему, горячо обсуждаемому въ литературѣ вопросу о различныхъ средствахъ замѣны краткосрочнаго лишенія свободы, вопросу, унаслѣдованному отъ Римскаго тюремнаго конгресса С.-Петербургскимъ, ставшему предметомъ пристальнаго разсмотрѣнія Международнаго Союза уголовнаго права и юристовъ разныхъ странъ.

Все то, что говорится Ферри въ разсматриваемомъ отдѣлѣ о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, не выходитъ за предѣлы самыхъ общихъ положеній и пожеланій. Для автора прошли безслѣдно недавнія занятія указанныхъ собраній криминалистовъ и тюрьмовѣдовъ, значительныя литературныя работы послѣдняго времени, столь крупныя явленія общественной и частной иниціативы по этому предмету во Франціи [163]). Съ другой стороны, критикуя

---

[162]) Ср. 1 вып. наст. труда гл. 3 стр. 329, гл. 4 стр. 413.

[163]) По вопросу о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ въ наше время является теченіе, настаивающее на слѣдующихъ требованіяхъ: повышеніе періода безусловной невмѣняемости, отмѣна вопроса о разумѣніи, замѣна обусловленной утвердительнымъ разрѣшеніемъ его карательной отвѣтственности учрежденіемъ государственной опеки. Это стремленіе выразилось въ докладахъ С.-Петербургскаго Юридич. общества, гг. Дриля, Correvon, Marro С.-Петербургскому Тюремно-

постановку вопроса о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ въ Ита-

---

му междунар. конгрессу по вопросу объ отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (Travaux préparatoires, I Section 5-me Question). 1-я секція конгресса по докладу (corapport) г. Дриля приняла слѣдующую резолюцію: вопросъ о винѣ и разумѣніи лицъ моложе 16 лѣтъ замѣняется вопросомъ, требуется ли публичная опека, требуется ли воспитаніе или исправительный порядокъ содержанія. Выборъ того или другого мѣропріятія опредѣляется мотивомъ совершеннаго несовершеннолѣтнимъ дѣянія, степенью его развитія, средою, въ которой онъ жилъ и предшествующими событіями его жизни. Возрастъ служитъ важнымъ показателемъ нравственнаго состоянія ребенка, несовершеннолѣтніе отъ 16—20 подлежатъ судебной отвѣтственности отъ простаго выговора и до нормальнаго, положеннаго въ законѣ за преступное дѣяніе наказанія. Однако общее собраніе конгресса, не обсуждая вопроса, постановило передать его слѣдующему конгрессу (Actes I. VIII. Résolutions votées par le Congrès стр. 798—799. Отчетъ о засѣданіи 1 секціи тамъ же стр. 135—151, 204—218). Съѣздъ Международнаго союза уголовнаго права въ Бернѣ въ 1890 г., согласно съ заключеніями докладчика г. Фойницкаго, постановилъ слѣдующую резолюцію: недостигшіе 14 лѣтъ несовершеннолѣтніе не подлежатъ уголовной отвѣтственности. Вопросъ о разумѣніи лицъ, перешедшихъ этотъ возрастъ, замѣняется вопросомъ, требуется ли для нихъ публичное воспитаніе, опредѣленіе способа такого воспитанія признанныхъ виновными несовершеннолѣтнихъ, а равно заброшенныхъ дѣтей должно приспособляться къ ихъ индивидуальности (Mitteilungen der J. K. V. II. 1891 г. докладъ Фойницкаго стр. 45, отчетъ о засѣданіи 13 Августа 1890 г. по указ. вопросу стр. 108 и сл.). Далѣе Коммиссія Нѣмецкой группы Международнаго союза уголовнаго права въ Галле въ 1891 году постановила слѣдующія предложенія: возвысить періодъ безусловной невмѣняемости несовершеннолѣтнихъ до 16 лѣтъ, подвергать таковыхъ лицъ воспитанію подъ надзоромъ государства, предоставить судьѣ несовершеннолѣтнихъ свыше 16 лѣтъ либо приговаривать къ наказанію, либо помѣщать въ воспитательное заведеніе. (Замѣчательно, что по поводу Бернскаго Съѣзда Ферри въ примѣч. къ стр. 752 Sociologia съ неодобреніемъ замѣчаетъ, что Съѣздъ держался стариннаго раздѣленія періодовъ ввзраста и средствъ предупредительныхъ и карательныхъ). Наравнѣ съ этимъ теченіемъ должно указать на другое—выражающееся въ требованіи одиночнаго содержанія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Въ 1889 г. на Съѣздѣ нѣмецкихъ тюрьмовѣдовъ въ Фрейбургѣ обсуждался вопросъ о системѣ заключенія для тѣхъ отдѣльныхъ заведеній или помѣщеній, куда за силою ст. 57 Герм. уголов. уложенія направляются несовершеннолѣтніе. Собраніе высказалось за одиночное содержаніе несовершеннолѣтнихъ, въ особенности при подслѣдственномъ арестѣ. При преніяхъ на Съѣздѣ санитарный совѣтникъ Беръ заявилъ, что онъ убѣдился по собственнымъ наблюденіямъ въ тѣлесномъ благосостояніи мальчиковъ 12—16 лѣтъ, находящихся въ одиночномъ заключеніи въ Plötzensee. Дѣти, поступавшія тѣлесно-захудавшими, благодаря соотвѣтственному уходу, нормально развивались относительно питанія и роста. То же было замѣчено и относительно умственнаго развитія. Не малая доля заключенныхъ

ліи, Ферри ни словамъ не поминаетъ о реформахъ Итальянскаго

поступала изъ сельскихъ мѣстностей, а не изъ Берлина. Въ десятилѣтіе 1879—1889 г. средняя ежедневная заболѣваемость несовершеннолѣтнихъ=0,21% въ minimum'ѣ и 0,75% въ maximum'ѣ, она была вчетверо меньшей сравнительно съ заболѣваемостью взрослыхъ одиночно-заключенныхъ. Не было ни настоящихъ душевныхъ болѣзней, ни случаевъ самоубійства. „По моимъ наблюденіямъ и опытамъ ничто не показываетъ вреднаго вліянія одиночнаго заключенія на несовершеннолѣтнихъ, переносящихъ его очень хорошо“ (Bl. f. Gfk. XXVI, 1890 года стр. 67—97). Ср. также докладъ Rivier объ одиночномъ содержаніи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ Комитету защиты преслѣдуемыхъ передъ судомъ дѣтей въ Bull. Париж. Тюрем. общ. № 6, 1892 г. стр. 761, гдѣ авторъ на основаніи хорошихъ результатовъ, достигаемыхъ въ La petite Roquette, требуетъ одиночнаго содержанія при подслѣдственномъ арестѣ и въ пенитенціарныхъ колоніяхъ для вновь поступающихъ лицъ, а равно трудно поддающихся исправленію и осужденныхъ къ краткому лишенію свободы. Комитетъ принялъ эти заключенія, одобривъ одиночное заключеніе до 1 года (тамъ же № 7, 1892 года, стр. 1015-я). Французскій законъ 24-го Іюля 1889 года объ охранѣ дѣтей, подвергающихся дурному обращенію и нравственно-заброшенныхъ, въ связи съ Антверпенскимъ конгрессомъ 1890 года, внесъ много оживленія въ практическія мѣропріятія должностныхъ и частныхъ лицъ на пользу преступныхъ и порочныхъ несовершеннолѣтнихъ. Изъ наиболѣе важныхъ явленій можно указать на принятый Сенскимъ трибуналомъ порядокъ особаго дознанія о задержанныхъ по обвиненію въ проступкахъ несовершеннолѣтнихъ, для выясненія суду наиболѣе желательной въ данномъ случаѣ мѣры: оправданія, отдачи родителямъ, осужденія въ тюрьму или помѣщенія en correction. Далѣе, на—Comité de defense de l'enfance poursuivie devant les tribunaux, учрежденіе, сложившееся по иниціативѣ Guillot въ 1890 года и имѣющее согласно 1-й ст. устава цѣлью „содѣйствовать улучшенію карательной системы относительно несовершеннолѣтнихъ, организовать съ участіемъ адвокатуры защиту обвиняемыхъ дѣтей и изучать вопросы относительно охраны и покровительства дѣтей (Bull. S. G. P. 1891 г. стр. 145—146, 463). Всѣ эти мѣропріятія прекрасно освѣщены въ книгѣ Tomel и Rollet 1892 г. Les enfants en prison. Въ главѣ: Les enfants traduits en justice сообщается о систематической практикѣ Сенскаго трибунала, по которой дѣти до 16 лѣтняго возраста оправдываются и отсылаются en correction до 20 лѣтъ. Замѣчательно въ этой главѣ указаніе, что сами несовершеннолѣтніе, по совѣту своихъ защитниковъ, приносятъ жалобы на приговоры, присуждающіе ихъ къ краткосрочному заключенію и просятъ аппеляціонный судъ объ envoi en correction (стр. 281). Сравн. сверхъ указанной работы по вопросамъ дѣтской преступности и отвѣтственности вышеуказ. соч. Herbette L'oeuvre penitentiaire гл. II, Joly Combat contre la crime гл. III. Les enfants à préserver гл. IV. Les enfants a réformer ou à punir, Raux, Nos jeunes detenus, Aschrott—Die Behandlung der verwahrloster und verbrecherischer Jugend 1892 г. (предложеніе реформы Германскаго Уложенія).

уголовнаго уложенія и новаго тюремнаго устава по этому вопросу [164]).

---

[164]) Согласно ст. 54 и 55-й новаго Итальянскаго Уголовнаго Уложенія для несовершеннолѣтнихъ, совершившихъ преступное дѣяніе въ возрастѣ отъ 9—14 лѣтъ и признанныхъ судомъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, а равно для таковыхъ же, находившихся при совершеніи преступленія въ возрастѣ отъ 14—18 лѣтъ, каторжная тюрьма (ergastolo) замѣняется смирительнымъ домомъ (reclusione), всѣ другія наказанія смягчаются, при томъ въ большей мѣрѣ для перваго, въ меньшей для втораго возраста. Когда наказаніе состоитъ въ лишеніи свободы и обвиняемый во время осужденія не достигъ еще 18 лѣтъ, отбытіе наказанія происходитъ въ особыхъ домахъ исправленія (case di correzione). Эти заведенія, на основаніи Regolamento generale 1891 г. P. II, c. III, дѣлятся на дома для несовершеннолѣтнихъ осужденныхъ къ reclusione, detenzione, (заточеніе) и arresto. Каждый изъ этихъ домовъ исправленія дѣлится на двѣ секціи: для лицъ 16 лѣтняго возраста и для перешедшихъ за этотъ возрастъ (ст. 490 Regol.). Къ заключеннымъ въ Case di correzione примѣняются общія правила тюремнаго регламента соотвѣтствующихъ карательныхъ заведеній для взрослыхъ съ слѣдующими отступленіями: допускаются разныя смягченія дисциплинарнаго порядка, рабочій день не превышаетъ 8 часовъ, заключенные обучаются практически земледѣлію и ремесламъ, на прогулку дается больше времени, прогулка можетъ замѣняться гимнастикой и военными упражненіями, вознагражденіе за трудъ, а равно доля вознагражденія, отдаваемая въ распоряженіе заключеннаго, меньше, чѣмъ въ карательныхъ заведеніяхъ для взрослыхъ, сверхъ того къ тремъ классамъ заключенныхъ, существующимъ въ карательныхъ заведеніяхъ для взрослыхъ (ordinaria, di prova e di merito), въ case di correzione присоединяется четвертый, соотвѣтствующій переходнымъ заведеніямъ для взрослыхъ. Заслуживаетъ особаго вниманія правило, что изъ числа достигшихъ 21 года заключенныхъ переводятся въ соотвѣтствующія карательныя заведенія для взрослыхъ лишь худшіе субъекты. Заключенные хорошаго поведенія заканчиваютъ отбытіе наказанія въ case di correzione (ст. 490—493 и § XLVIII-й Relazione Beltrani-Scalia). На ряду съ case di correzione Итальянскій тюремный уставъ вводитъ riformatori для порочныхъ и заброшенныхъ несовершеннолѣтнихъ. Существуетъ три вида riformatori: a) Заведенія воспитанія и исправленія (Istituti di educazione e correzione) для содержанія помѣщаемыхъ по распоряженію предсѣдателя гражданскаго трибунала не достигшихъ 9 лѣтняго возраста дѣтей, совершившихъ преступное дѣяніе, влекущее ergastolo, reclusione или detenzione. b) Заведенія исправительнаго воспитанія (Istituti di educazione correzionale). Они принимаютъ по распоряженію той же власти несовершеннолѣтнихъ до 18 лѣтняго возраста, лишенныхъ родителей или не получающихъ воспитанія отъ родителей, опороченныхъ относительно поведенія (diffamti) или предающихся праздности, нищенству, бродяжеству, непотребству. c) Наконецъ заведенія родительскяго исправленія (Istituti di correzione paterna) для порочныхъ дѣтей, помѣщаемыхъ по просьбѣ родителей согласно 299 ст. Codice civile по распоряженію предсѣдателя суда. Несовершеннолѣтніе, помѣщае-

Изъ различныхъ средствъ, предлагаемыхъ въ замѣну краткосрочнаго заключенія, Ферри одобряетъ единственно принудительныя работы безъ лишенія свободы въ смыслѣ принужденія къ вознагражденію за вредъ и убытки. Авторъ однако умалчиваетъ о томъ, гдѣ и когда оказывалось возможнымъ съ успѣхомъ примѣнять эту мѣру, не соединяя ее съ лишеніемъ свободы. Не смотря на кажущуюся желательность этой мѣры, опытъ показываетъ крайнюю трудность ея осуществленія [165]).

По поводу критики Ферри указанныхъ средствъ я остановлюсь

мые въ заведеніи исправительнаго воспитанія, равномѣрно могутъ помѣщаться и въ честныя семьи (ст. 53 Уг. Улож., ст. 113, 114 и 116-я. Legge di sicurezza 30 Іюня 1889 г. и ст. 12 Ordinam. degli stabiliment carcerarii).

[165]) Ср. въ Actes du Congrès de Rome I. стр. 188—190, заявленія г. Фойницкаго о нашей отечественной мѣрѣ отдачи крестьянъ и мѣщанъ въ заработки (ст. 85 Улож. и 8 Уст. о наказ. нал. Мир. Суд.) и о крайнихъ затрудненіяхъ, связанныхъ съ нею, далѣе обсужденіе вопроса на 2-мъ съѣздѣ Международнаго союза уголовнаго права въ Берлѣ, гдѣ эта мѣра предлагалась въ качествѣ эквивалента денежнаго штрафа и гдѣ вопросъ былъ отложенъ по значительной трудности его разрѣшенія, вслѣдствіе высказанныхъ противъ этой мѣры возраженій, до слѣдующаго собранія (Mittel. II. стр. 108). Обстоятельныя замѣчанія противъ практической осуществимости принудительныхъ работъ у Цукера въ указ. выше ст. въ Gerichtssaal 1891 г. стр. 48 и сл. Весьма поучительны пренія, происходившія на послѣднемъ Съѣздѣ Международнаго союза уголовнаго права въ Христіаніи по поводу принудительныхъ работъ безъ лишенія свободы, предлагавшихся Листомъ при невозможности взысканія съ осужденнаго пени, въ связи съ обостреннымъ арестомъ, какъ средствомъ принужденія къ работамъ (ср. Mitteil. III. Anträge des Prof. v. Liszt стр. 220 и 221). Противъ этого предложенія особенно вѣскія возраженія сдѣлалъ профессоръ Хагерупъ, указавъ, что предлагаемая мѣра ведетъ въ Норвегіи къ вредной конкурренціи, встрѣчаетъ затрудненія въ разнообразіи профессій, наконецъ въ слишкомъ значительной мѣрѣ отрываетъ осужденнаго отъ семьи. Принудительныя работы взамѣнъ неуплаченной денежной пени, введенныя въ Норвегіи съ 1799 года, были, по словамъ Хагерупа, отмѣнены въ 1842 г. вслѣдствіе плохихъ, полученныхъ отъ нихъ результатовъ. Листъ видоизмѣнилъ свои первоначальныя, заключенія въ слѣдующій редакціи: Замѣна денежной пени тюрьмою при несостоятельности осужденнаго не допускается. Несостоятельные къ платежу отработываютъ наложенную на нихъ пеню и въ случаѣ отказа принуждаются къ работамъ въ тюремныхъ помѣщеніяхъ. Но затѣмъ, вслѣдствіе указанія на несомнѣнное противурѣчіе въ этихъ положеніяхъ, Листъ взялъ первое изъ нихъ назадъ. Въ резолюціи, предложенной собранію и принятой имъ, о принудительныхъ работахъ не упоминается (ср. указ. изд. отчетъ о засѣданіи 25 Августа 1891 г. стр. 236—265).

на двухъ, которыя при обсужденіи этого вопроса обращаютъ на себя наибольшее вниманіе: на выговорѣ и условномъ освобожденіи.

Что касается до судебнаго выговора, то онъ представляетъ старинное учрежденіе, извѣстное Римскому праву [166]), старо-французскому праву (correction par la bouche des juges, Domat), средневѣковому Итальянскому. Изъ новѣйшихъ законодательствъ выговоръ извѣстенъ Испанскому (кодексамъ 1822, 43 и 1870 года въ видѣ reprension publica и privada), Португальскому (represenzao и censura въ кодексахъ 1852 и 1866 года), Мальтійскому кодексу, Итальянскимъ партикулярнымъ законодательствамъ: Неаполитанскому 1819 г. и Сардинскому 1859 г. (подъ именемъ ammonizione), Тосканскому 1853 г. [167]), наконецъ новому Итальянскому уложенію 1889 г. по которому, выговоръ (ripresnsione giudiziale) согласно ст. 26 можетъ примѣняться къ осужденному взамѣнъ заточенія или ареста не свыше мѣсяца, запрета выѣзда изъ извѣстной мѣстности (confino) и денежнаго взысканія не свыше 300 лиръ. Выговоръ опредѣляется въ указанной статьѣ, какъ „предостереженіе, обращенное судьей къ подсудимому въ публичномъ засѣданіи, приспособленное къ личнымъ особенностямъ его и обстоятельствамъ дѣла, и указывающее на постановленіе нарушеннаго закона и послѣдствія проступка“. Если подсудимый не явится въ засѣданіе для выслушанія выговора или приметъ его съ пренебреженіемъ, то выговоръ замѣняется наказаніемъ, назначеннымъ въ законѣ. По статьѣ 27-й уложенія для замѣны нормальнаго наказанія выговоромъ требуются слѣдующія гарантіи. Подсудимый обязывается лично, а, по требованію судьи, и съ представленіемъ нѣсколькихъ поручителей, относительно платежа опредѣляемаго судьей штрафа на случай, если въ срокъ, установлен-

---

[166]) Cp. Paulus in fr. 3 De officio praefecti vigilum D. I. 15. Aut fustibus castigat los qui negligentius ignem habuerunt, aut severa interlocuzione comminatus fustium castigationem remittit.

[167]) Подробныя указанія на эти законодательства ср. у Alimena, La riprensione giudiziale e la sospensione di pena, Rivista penale XXVII. стр. 55).

ный приговоромъ, онъ совершитъ новый проступокъ. При неисполненіи указанныхъ условій примѣняется назначенное въ приговорѣ наказаніе. Въ Германскомъ уголовномъ уложеніи выговоръ допускается для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ по дѣламъ о полицейскихъ нарушеніяхъ (ст. 57). Въ Невшательскомъ Уложеніи выговоръ въ публичномъ засѣданіи суда внесенъ въ лѣстницу наказанія (ст. 8). Выговоръ также проэктированъ въ видѣ avertissement въ проэктѣ Француз. уголов. уложенія. Наконецъ наше отечественное уложеніе о наказаніяхъ знаетъ выговоръ, замѣчаніе и внушеніе въ количествѣ свыше 100 случаевъ, одинаково какъ дисциплинарную, такъ и легчайшую карательную мѣру. Выговоръ, какъ карательное средство, вызываетъ со стороны большинства теоретиковъ и практиковъ крайне отрицательное отношеніе. Такъ на Римскомъ конгрессѣ по вопросу о замѣнѣ краткаго лишенія свободы другими средствами, не смотря на благопріятные выговору доклады Тейхмана и Ночито, Гарофало, Дрейфусъ, Фойницкій высказались относительно полнѣйшей недѣйствительности и тщеты выговора, какъ карательнаго средства (Actes. I стр. 189—190). При обсужденіи того же вопроса въ 1-й секціи Парижскаго тюремнаго общества противъ выговора возражали Bérenger, Dubois, Rivière: первый замѣтилъ, что подсудимый, получившій выговоръ, выходитъ изъ суда съ поднятой головой, какъ тріумфаторъ. Dubois высказалъ мнѣніе, что выговоръ неспособенъ произвести серьезнаго дѣйствія на подсудимыхъ при темпераментѣ frondeur et profondement gouailleur Французскаго населенія. Принятіе выговора съ пренебреженіемъ подсудимымъ, по мнѣнію Dubois, обезоруживало бы юстицію и дискредитировало бы ея въ глазахъ публики. Согласно съ этимъ 1-я секція тюремнаго общества постановила резолюцію, что выговоръ не долженъ быть принятъ во французскомъ законодательствѣ, и проэктировало условное осужденіе при осужденіи къ тюрьмѣ не болѣе 1 мѣсяца (Bulletin 1888 года стр. 147—149). При обсужденіи вопроса о выговорѣ по поводу доклада Rivier въ Парижскомъ обществѣ рѣчь шла о сравнитель-

номъ преимуществѣ этой мѣры и условнаго осужденія, выговоръ нашелъ защитниковъ въ Petit и Lacointa, указывавшихъ на умѣстность его примѣненія въ легчайшихъ случаяхъ, гдѣ при отсутствіи такой мѣры судья былъ бы склоненъ къ оправданію, и по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ (тамъ же стр. 256—267). На 1-мъ съѣздѣ Международнаго союза уголовнаго права въ Брюсселѣ противъ выговора, ссылаясь на его недѣйствительность, высказались Garofalo, Kleinfeller, von Liszt, Benedikt. Van Hamel и Leveillé признавали значеніе выговора для нѣкоторыхъ случаевъ проступковъ (Mitteilungen I. стр. 161 и 162). Наконецъ изъ 12 лицъ, представившихъ доклады С.-Петербургскому конгрессу по вопросу 4-му 1-й секціи: по какого рода проступкамъ, при какихъ условіяхъ и въ какой мѣрѣ слѣдовало бы допустить въ законодательствѣ выговоръ или предостереженіе въ замѣну другаго наказанія, или отсрочку исполненія наказанія до тѣхъ поръ, пока осужденный не подвергнется новому осужденію, авторы этихъ докладовъ, касавшіеся судебнаго выговора, за исключеніемъ Petit, Pessina и Вульферта, отрицали всякое его значеніе. Въ засѣданіи 1 секціи конгресса выговоръ былъ отвергнутъ въ качествѣ карательнаго средства, замѣняющаго лишеніе свободы [168]).

---

[168]) Противниками выговора въ представленныхъ докладахъ были von Liszt, Garofalo, Thalberg, Dreifus, Макаровъ, Коммиссія С.-Петерб. Юрид. Общества. Kirchenheim и Puibaraud допускаютъ эту мѣру для несовершеннолѣтнихъ и женщинъ. Ср. въ актахъ С.-Петерб. конгресса I стр. 153—203 отчетъ о засѣданіи по 4-му вопросу 1 секціи. Сверхъ трехъ выше указанныхъ авторовъ докладовъ, благопріятныхъ выговору, за выговоръ высказался въ указанномъ засѣданіи еще Alimena. Приверженцами выговора, какъ уголовнаго взысканія, является въ литературѣ: Bonneville de Marsangy (De l'amélioration de la loi criminelle II. De l'admonition répressive стр. 213—247. Holtzendorff въ Allgemeine Deutsche Strafrechtszeitung 1864 года стр. 652-я по поводу книги de Marsangy, а равно въ Gerichtssaal 1887 г. по поводу Римскаго конгресса „Die Richtungen des Strafvollzugs стр. 1—35, Zucker въ Gerichtssaal 1891 г. указ. ст. стр. 52. Alimena въ указ. статьѣ, далѣе Krohne въ Lehrbuch стр. 283, Stoos въ Zeitschrift für Schweizerisches Strafrecht 1892 г. стр. 475 и 476 (возражая противъ критики условнаго осужденія Бури, авторъ, однако, признаетъ, что „опасаясь за нарушеніе простоты и правильности отправленія правосудія, за вредъ общему предупрежденію отъ введенія условнаго осужденія, онъ самъ склоняется въ

Неблагопріятная оцѣнка выговора обусловливается главнымъ образомъ самой постановкой вопроса о немъ, какъ о нормальномъ средствѣ замѣны краткаго лишенія свободы. Выговоръ таковымъ средствомъ въ видѣ общаго правила служить не можетъ. Тѣмъ не менѣе, выговоръ имѣетъ несомнѣнное, хотя и ограниченное значеніе, по которому весьма желательно его сохраненіе въ законодательствѣ при обставленіи его извѣстными условіями.

Выговоръ выражаетъ въ самой чистой формѣ то порицаніе, которое составляетъ существенную черту всякой карательной угрозы [169]). Если къ этому элементу и не присоединяется физическаго принужденія, то тѣмъ не менѣе, какъ справедливо замѣчаютъ Bonneville de Marsangy, Holtzendorff и Petit, существуютъ правонарушенія, которыя представляются столь малозначительными, столь лишенными по особенностямъ вины дѣятеля и по объективнымъ условіямъ дѣянія того противуправнаго характера, которое предполагается закономъ, что поставленіе подсудимому на видъ его дѣянія, торжественное порицаніе его составляетъ достаточную реакцію. Въ такихъ случаяхъ важно охранить авторитетъ закона оставитъ чувствительный слѣдъ въ памяти подсудимаго, дать предостереженіе на будущее. Къ случаямъ, гдѣ умѣстенъ выговоръ, относятся проступки по неосторожности, гдѣ можно говорить о culpa levissima (ст. 110-я Уложенія назначаетъ въ этихъ случаяхъ внушеніе), нѣкоторые умышленные проступки противъ личности.

пользу выговора въ легчайшихъ случаяхъ. напр. кражи вслѣдствіе крайней нужды или нарушенія домоваго права въ состояніи запальчивости"). Миттельштедтъ, признавая здравую мысль, лежащую въ основаніи условнаго осужденія, но высказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Schematismus и Formalismus, внесеннаго въ самобытный Американскій институтъ Европейскими юристами, предлагаетъ внести въ карательныя постановленія особенной части уголовнаго уложенія дополненія, по которымъ безукоризненыя дотолѣ лица могли бы подвергаться въ легчайшихъ случаяхъ выговору, и повтореніе однороднаго проступка послѣ присужденія къ выговору считалось бы увеличивающимъ обстоятельствомъ (Schuld und Strafe Gerichtssaal 1892 г. стр. 247—248).

[169]) Ср. мой докладъ С.-Петербургскому международному тюремному конгрессу по 4-му вопросу 1-й секціи въ Travaux préparatoires и мою рѣчь въ засѣданіи секціи по этому вопросу въ Actes. I, указ. отчетъ.

Достойными такой мѣры являются по преимуществу лица, совершающія впервые въ жизни незначительный проступокъ, въ особенности несовершеннолѣтніе и женщины. Выговоръ имѣетъ ту выгоду, что въ указанныхъ случаяхъ судья находитъ желанный исходъ изъ тяжелаго положенія, либо погрѣшить передъ своимъ долгомъ и оправдать подсудимаго, либо присудить его къ несоразмѣрному винѣ наказанію. Говорятъ выговоръ не репрессивенъ? Но, спрашивается, можно ли доказать, что выговоръ, примѣняемый судьей къ проступкамъ, которые in concreto представляются ничтожной уголовной величиной, примѣняемый съ разборомъ, конечно, производитъ вредное дѣйствіе въ смыслѣ общаго предупрежденія, или содѣйствуетъ повторенію проступка со стороны лица, къ которому выговоръ примѣненъ? На это можно отвѣчать только отрицательно [170]). Рядъ писателей, а за ними и Ферри, ставятъ дилемму, что подсудимый или сохранилъ чувство чести, и тогда выговоръ излишенъ и составляетъ ненужное пораженіе чести, самый порядокъ суда — достаточное наказаніе для такого лица, или подсудимый нечувствителенъ, и тогда выговоръ безполезенъ и недѣйствителенъ (Liszt, Garofalo и Макаровъ). Но эта дилемма мало убѣдительна. Можно согласиться, что сама процедура суда воздѣйствуетъ на сохранившаго чувство чести подсудимаго, но именно поэтому и желательно, чтобы судья могъ воспользоваться этимъ воздѣйствіемъ, усилить его путемъ торжественнаго акта и упрочить его въ сознаніи подсудимаго. Нельзя далѣе говорить о пораженіи чувства чести публичностью выговора, какъ о какомъ то недостаткѣ, такъ какъ всякое даже легчайшее лишеніе свободы составляетъ несравненно болѣе тяжкое пораженіе чести [171]).

---

[170]) По словамъ такого авторитетнаго практика, какъ Шварце, выговоръ — достойное вниманія средство, примѣнявшееся съ большимъ успѣхомъ и нерѣдко съ большимъ, чѣмъ тюрьма. Цитата заимствована изъ вышеуказ. статьи Цукера.

[171]) Г. Макаровъ, доказывая принижающій характеръ выговора, ссылается на связь выговоровъ и внушеній по русскому праву съ церковными наказаніями что будто бы явствуетъ изъ замѣны ст. 16 XV т. Св. зак. 1842 г., въ которой значились „церковныя наказанія“, статьей 34 Улож. 1845 г., вводившей выгово-

Указываютъ далѣе, что выговоръ можетъ быть принятъ подсудимымъ съ пренебреженіемъ. Но это возраженіе легко устраняется, когда означенная мѣра поставлена въ законѣ на ряду съ болѣе тяжкимъ карательнымъ средствомъ, и когда судья уполномочивается въ указываемомъ случаѣ примѣнять это карательное средство къ подсудимому (ст. 26 Итальян. Угол. Улож.). Можно конечно допустить, что выговоръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, среди напримѣръ Парижскаго населенія, долженъ считаться менѣе умѣстной мѣрой. Но это свойство не составляетъ особенности выговора и присуще другимъ карательнымъ мѣрамъ.

И такъ, выговоръ можетъ считаться карательнымъ средствомъ, несомнѣнно обладающимъ значеніемъ въ законодательствѣ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) онъ долженъ имѣть значеніе наказанія замѣняющаго, поставленнаго рядомъ съ другимъ болѣе тяжкимъ, лишенія свободы, подлежащаго примѣненію судьей къ особо заслуживающимъ пощады и снисхожденія случаямъ. 2) Исполненіе его должно происходить при обстановкѣ, придающей ему значеніе серьезности и примѣрности (въ публичномъ засѣданіи суда, путемъ обращенія судьи къ подсудимому со словомъ порицанія по поводу совершеннаго). 3) Неприличное или неуважительное поведеніе подсудимаго должно влечь примѣненіе наказанія болѣе тяжкаго, поставленнаго на ряду съ выговоромъ. 4) Совершеніе новаго проступка послѣ примѣненія выговора должно составлять по закону увеличивающее обстоятельство.

Несравненно большей популярностью, чѣмъ старая въ законодательствахъ мѣра выговора пользуется новѣйшая и модная мѣра

ры и внушенія. Труды пенитенціарной коммиссіи С.-Петербургскаго Юридич. Общества 1890 г., докладъ г. Макарова С.-Петербургскому тюремному конгрессу ст. 39. Противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что ст. 34 Уложенія дѣйствительно замѣнила ст. 16 Свода, но выговоры и внушенія не замѣнили церковныхъ взысканій, перенесенныхъ изъ лѣстницы наказаній, которой одинаково были посвящены ст. 16 Св. и 34 Уложенія, въ другія статьи Уложенія. Такъ церковное покаяніе указано въ ст. 61-й Уложенія 1845 года.

условнаго осужденія, или, какъ нѣкоторые хотятъ называть ее, условной отсрочки отбытія наказанія [172]).

---

[172]) Литература по вопросу условнаго осужденія уже теперь весьма значительна. Сюда относятся: Mitt. der Internationalen Criminalistischen Vereinigung I, доклады Брюссельскому Съѣзду 1889 г. Принса, Ламмаша, Гарофало и отчетъ о засѣданіи того же Съѣзда, далѣе Erste Landersversammlung Gruppe deutsches Reich въ Halle 1890 г., Mitt. Ш. матеріалы по вопросу условнаго осужденія, парламентскія пренія по Probation first offenders bill, пренія въ Парижскомъ тюремномъ Обществѣ 1890 г., пренія на Голландскомъ и Скандинавскомъ Съѣздахъ юристовъ, а равно въ Венгерскомъ Юридическомъ обществѣ, отчетъ о третьемъ Съѣздѣ союза въ Христіаніи въ Августѣ 1891 г. (принятіе условнаго осужденія относительно денежныхъ взысканій), докладъ Бельгійскаго Министра о дѣйствіи института въ 1890 г., Enquête Венгерскаго Министерства Юстиціи, отзывъ профессора Влассича, сообщеніе Гернерта объ условномъ осужденіи въ Австріи. Liszt Kriminal politische Aufgaben въ Zeitschrift IX стр. 462 и 737 и X стр. 51. Hippel Vorschläge zur Einführung der bedingten Verurteilung in Deutschland G. S. 1890 г. XVIII, стр. 199. Kirchenheim Bedingte Bestrafung, тамъ же стр. 51. Gillischewsky Über die bedingte Verurteilung тамъ же стр. 272. Fuld Die kurzzeitigen Freiheitsstrafen тамъ же стр. 444-я. Appelius Die bedingte Verurteilung 1890 г. Aschrott Ersatz kurzzeitiger Strafen 1889 г. Simonson Für die bedingte Verurteilung, 1890 г. Mumm Die Gefängnisstrafe und die bedingte Verurteilung 1891 г. Lammasch въ Zeitschrift Листа IX Über Zwecke und Mittel der Strafe стр. 448. Zucker въ Gerichtssaal 1891 г. Über einige kriminal. Zeit und Streit fragen стр. 105, а равно въ Archiv für Strafrecht Noch einige Bemerkungen über die bedingte Strafnachsicht 39, 1891 г. стр. 105. Loebell тамъ же 39, 1890 г. Die bedingte Verurteilung стр. 20. Rosenfeld, Welche Strafmittel sollen an die Stelle der kurzzeitigen Freiheitsstrafe gesetzt werden 1890 года. Stenglein Der 21 Deutsche Juristentag zu Köln 3 Abtheilung G. S. 1891 г. стр. 401. Grueber Erfahrungen über die bedingte Verurteilung тамъ же стр. 357. Buri Determinismus und bedingte Verurteilung G. S. 1892 г. стр. 321. Gautier A propos de la condamnation conditionelle въ Zeitschrift. f. Schweizerisches Strafrecht 1890 г. Stooss указ. выше въ прим. 168 статья, Jagemann Die internationale criminalistische Vereinigung въ Bl. f. Gfk. 24, 1889 г. стр. 1 и сл. Wach Reform der Freiheitsstrafe 1890 г. Setti La condanna condizionale въ Rivista di discipline carcerarie 1890 г. Таганцевъ Лекціи вып. 4-й стр. 1832, Случевскій С.-Петербургскій Международный тюремный конгрессъ въ Юридич. лѣтописи 1890 г. Schütze Die sogenannte bedingte Verurteilung въ Allgem. Österr. Gerichtszeitung 1890 г. Finger Zur Frage des Strafsystems 1890 г. (Двѣ послѣднія работы я не имѣлъ въ рукахъ). Mittelstädt вышеуказ. статья. Worms Condamnations conditionelles въ Bulletin Société générale des Prisons 1891 г. стр. 370. Parmentier тамъ же стр. 436 о законѣ 27 Марта 1891 г. Tallack Principles стр. 229, а равно отчетъ Гоуардовскаго общества за 1892 годъ о примѣненіи Probation first offenders стр. 4-я. Act. IV Congrès pénitentiaire travaux préparatoires, Rap-

Условное осужденіе (condamnation conditionelle, bedingte Verurteilung) въ смыслѣ Бельгійскаго закона 1888 г. и Французскаго 1891 года, угрожая отбытіемъ опредѣленнаго въ приговорѣ наказанія въ случаѣ совершенія осужденнымъ въ теченіе опредѣленнаго срока новаго преступленія, содержитъ спеціальное предупрежденіе противъ рецидивы путемъ милости съ одной стороны, болѣе неминуемой, болѣе приближенной угрозы наказанія съ другой. Этимъ оно сближается съ институтомъ ручательства добраго поведенія Англійскаго права, сущность котораго также въ угрозѣ опредѣленнымъ денежнымъ взысканіемъ на случай неисполненія обѣщанія правомѣрнаго поведенія. Условное осужденіе возникло и развилось на Европейскомъ материкѣ изъ потребности отыскать карательное средство, могущее замѣнить признаваемое крайне вреднымъ краткосрочное лишеніе свободы. Убѣжденіе относительно желательности и необходимости такихъ замѣняющихъ средствъ, а равно и преимуществъ условнаго осужденія, какъ нормальнаго замѣняющаго средства, создало новому институту чрезвычайно много приверженцевъ. Постепенный ростъ новаго учрежденія въ законодательной практикѣ представляется съ 1888 года побѣдоноснымъ шествіемъ, ознаменованнымъ горячимъ одобреніемъ его на Съѣздахъ Брюссельскомъ и Гальскомъ Международнаго союза уголовнаго права въ 1889 и 1890 годахъ, сочувственнымъ отношеніемъ къ нему Парижскаго тюремнаго общества, принятіемъ его въ Французскомъ законѣ 1891 года, внесеніемъ его въ проэктъ новаго Австрійскаго уложенія 1889 г. Цѣлый рядъ статей и монографій

---

ports Pessina, Garofalo, v. Liszt, Kirchenheim, Wulffert, Sloutschewsky, Petit, Thalberg, Dreifus, Puibaraud, Taganzeff, а равно Actes I, вышеуказ. отчетъ о засѣданіи 1-й секціи по 4-му вопросу. Далѣе Verhandlungen des 21 Deutschen Juristentages доклады Hugo Meyer и Seuffert по вопросу: Ist die bedingte Verurtheilung im Strafrecht einzuführen, B. I стр. 206 и 227, а равно отчетъ о засѣданіи 3 секціи 10 Сентября 1891 г. по этому вопросу (B. III, стр. 289 и сл.). Собраніе постановило, что условное осужденіе умѣстно для подсудимыхъ, ранѣе не осужденныхъ за преступленія, проступки и правонарушенія, по преступнымъ дѣяніямъ, влекущимъ арестъ или тюрьму не свыше 3-хъ мѣсяцевъ, и должно зависѣть отъ мотивированнаго въ приговорѣ убѣжденія судьи.

въ литературѣ содѣйствовалъ популярности этого учрежденія въ публикѣ. Былъ моментъ, когда наиболѣе ревностный приверженецъ условнаго осужденія Листъ говорилъ, что ему становится жутко отъ побѣды, одержанной новымъ институтомъ безъ борьбы [173]). Очень скоро однако выступили противники, Кирхенгеймъ, Вахъ, Польсъ, позднѣе Бури и Миттельштедтъ. На С.-Петербургскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ условное осужденіе встрѣтило оппозицію со стороны вліятельныхъ и значительныхъ членовъ, въ томъ числѣ изъ русскихъ г.г. Неклюдова и Таганцева. Конгрессъ по 1-й секціи сначала допустилъ условное осужденіе лишь по дѣламъ о политическихъ нарушеніяхъ, а затѣмъ постановилъ оставить вопросъ открытымъ [174]). Позднѣе въ 1891 г. на Съѣздѣ Союза Сѣверо-Западныхъ тюрьмовѣдовъ Германіи условное осужденіе было отвергнуто въ качествѣ средства замѣны краткосрочнаго лишенія свободы. Съ другой стороны 2-й Съѣздъ Нѣмецкой группы Международнаго Союза уголовнаго права въ Галле въ 1892 году т. е. годъ спустя послѣ провозглашенія имъ условнаго осужденія, какъ наиболѣе пригоднаго и полезнаго суррогата краткосрочнаго лишенія свободы, усердно занялся вопросомъ о реформѣ мѣстъ краткосрочнаго лишенія свободы и тѣмъ наглядно удостовѣрилъ, что условное осужденіе, по его мнѣнію, не можетъ устранить потребности въ этой карательной мѣрѣ. Сообразно съ этимъ, не смотря на успѣхъ условнаго осужденія среди Венгерскихъ и Скандинавскихъ юристовъ, не смотря на побѣду, одержанную приверженцами этого института на Германскомъ Съѣздѣ юристовъ 1891 г. въ литературѣ замѣчается со стороны его приверженцевъ болѣе умѣренности, сознаніе необходимости болѣе сдержанной постановки вопроса. Можно сказать, что краткаго времени, прошедшаго съ 1889 года, было достаточно, для того, чтобы чрезвычайное увлеченіе новымъ институтомъ

---

[173]) Въ Deutsches Wochenblatt. 1890 г. Цитата взята у Цукера Gerichtssaal стр. 80.

[174]) Ср. Actes I, отчетъ о засѣданіи 1-й секціи по 4-му вопросу, а равно резолюція конгресса (стр. 798).

улеглось, чтобы у приверженцевъ института явились колебанія и сомнѣнія относительно его [175]).

Оцѣнка условнаго осужденія должна быть различна, смотря по задачамъ, которыя приписываются этому учрежденію. И въ самомъ дѣлѣ, въ первые моменты увлеченія новымъ учрежденіемъ [176]), приверженцы условнаго осужденія придавали ему значеніе нормальной мѣры, призванной, если не совершенно замѣнить, то въ значительной степени упразднить краткосрочное лишеніе свободы. Какъ вѣрно замѣчаетъ Цукеръ, (Gerichts. стр. 89), такая точка зрѣнія только повредила приверженцамъ новаго учрежденія. Низводя краткосрочное лишеніе свободы на степень единственно наказанія за неисполненіе возложенной судомъ и принятой на себя подсудимымъ обязанности, указанная точка зрѣнія давала большое основаніе возраженіямъ Ваха, Кирхенгейма, Неклюдова, Бури. И въ самомъ дѣлѣ нельзя не опасаться, вмѣстѣ съ означенными писателями, ослабленія общаго предупрежденія, принесенія его въ жертву спеціальному, поколебанія въ народномъ сознаніи связи о слѣдованіи наказанія за преступленіемъ, даже разсчета на безнаказанность при первомъ преступленіи, если бы виновники проступковъ до 6 мѣсяцевъ, напримѣръ, согласно Бельгійскому закону, при единственномъ условіи неосужденія ранѣе къ тюрьмѣ, неизмѣнно подлежали только условному осужденію. Съ другой стороны, этой точкѣ зрѣнія дѣлалось справедливое возраженіе, что вредъ краткосрочнаго лишенія свободы зависитъ отъ дурнаго устройства

---

[175]) Ср. въ Zeitsch. f. Schweiz. Strafr. вышеуказ. статью Штосса, который въ секціи С.-Петерб. конгресса очень обстоятельно защищалъ условное осужденіе.

[176]) Миттельштедтъ съ обычной выразительностью характеризуетъ провозглашеніе новой мѣры на Брюссельскомъ съѣздѣ участіемъ въ этомъ результатѣ трехъ категорій лицъ совершенно разнообразныхъ стремленій: сентиментальныхъ особъ, видѣвшихъ въ условномъ осужденіи зрѣлище растроганнаго судьи, бросающагося въ объятія подсудимаго, практиковъ, протестовавшихъ противъ краткосрочнаго лишенія свободы, и рыцарей „Дамоклова меча“, придававшихъ повѣшенной надъ головой подсудимаго угрозѣ значеніе сильнѣйшаго психологическаго воздѣйствія и отличнѣйшей цѣлебной силы (Gerichtssaal 1892 г. Schuld und Strafe стр. 250).

тюремъ, отъ содержанія арестантовъ въ общемъ заключеніи, и что съ устраненіемъ этихъ недостатковъ и приданіемъ краткосрочному лишенію свободы болѣе суроваго характера, возраженія противъ него устраняются[177]).

Условному осужденію можетъ быть поставлена болѣе опредѣленная и тѣсная задача и сообразно съ этимъ опредѣлится его соотношеніе къ другимъ карательнымъ средствамъ, въ томъ числѣ лишенію свободы. Можно усвоивать условному осужденію значеніе мѣры, приспособленной къ случаямъ, особенно заслуживающимъ вниманія и пощады (rückssichtswürdigen Fällen), къ лицамъ, неосужденнымъ ранѣе за преступленія и проступки, не подвергавшимся лишенію или ограниченію въ правахъ и имѣющихъ осѣдлость (Австрійскій проэктъ по редакціи парламентскаго комитета), въ виду ничтожной объективной важности дѣянія, наличности смягчающихъ обстоятельствъ, молодости характера и прошедшаго дѣятеля (обстоятельства, предусматриваемыя Англійскимъ Probation of first offenders Act). При такихъ ограничительныхъ условіяхъ условное осужденіе теряетъ значеніе спеціально замѣняющей краткосрочное лишеніе свободы мѣры. Судьѣ дается болѣе опредѣленное руководящее правило, изъ начала о твердомъ сочетаніи кары съ проступкомъ дѣлается изъятіе, не подрывающее этого начала. Въ связи съ указаннымъ требованіемъ является желательнымъ опредѣленіе и болѣе низкаго maximum'a мѣры наказанія въ судейскомъ приговорѣ, допускающаго условное осужденіе. Въ отличіе отъ Бельгійскаго закона, установляющаго довольно высокій maximum (6 мѣсяцевъ), и Французскаго, совершенно не знающаго такового, можно ограничивать этотъ maximum тюремнымъ заключеніемъ не свыше мѣсяца (Aschrott указ. соч. ст. 48), или пол-

---

[177]) Слѣдуетъ отмѣтить, что на Брюссельскомъ съѣздѣ г. Фойницкій первый обратилъ вниманіе на то, что недостатки, приписываемые современной карательной системѣ, свойственны не столько краткосрочному лишенію свободы, сколько дурному устройству тюрьмы, и заявилъ, что вмѣстѣ съ одобреніемъ условнаго осужденія съѣздъ долженъ высказаться за новую организацію тюремнаго заключенія (Mit. I. стр. 153 и 154).

тора мѣсяца (Simonson указ. соч. стр. 35). Какъ замѣчаетъ послѣдній авторъ, ревностный приверженецъ условнаго осужденія, при болѣе широкой области примѣненія этой мѣры, создавался бы поводъ къ большой неравномѣрности въ практикѣ и слѣдовало бы опасаться слишкомъ „значительнаго нарушенія правоваго сознанія“ (тамъ же стр. 34). Далѣе, существеннымъ представляется вопросъ, не должны ли быть указаны въ законѣ тѣ проступки, по которымъ допускается условное осужденіе? Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать справедливымъ утвердительный отвѣтъ Ламмаша (Mit. J. C. V, I. стр. 11) и его указаніе, что тамъ, гдѣ требуется не столько строгость, сколько настойчивость репрессіи, условное осужденіе не должно имѣть мѣста. Уголовно-политическія соображенія могутъ побуждать законодателя при тщательномъ соображеніи данныхъ судебной практики и статистики не допускать условнаго осужденія относительно проступковъ, имѣющихъ эндемическій характеръ, проступковъ, которыхъ виновники особенно легко укрываются отъ правосудія, проступковъ, борьба съ которыми затрудняется вслѣдствіе явнаго или тайнаго покровительства извѣстнымъ виновникамъ проступковъ въ населеніи. Если и нельзя согласиться съ Гарофало (Mit. J. C. V, I стр. 111), что условное осужденіе должно быть поставлено въ зависимость отъ согласія потерпѣвшаго отъ проступка, то такое ограниченіе, какъ это справедливо указываетъ и г. Таганцевъ (Лекція IV, стр. 1842), требуется по дѣламъ, подлежащимъ преслѣдованію въ порядкѣ частнаго обвиненія. Наконецъ, условное осужденіе можетъ быть поставлено въ связь съ выговоромъ, при чемъ судьѣ можетъ быть предоставлено или дѣлать подсудимому только выговоръ, или вмѣстѣ съ выговоромъ постановлять опредѣленіе объ условномъ осужденіи [178]).

---

[178]) Сочетаніе выговора съ отсрочкой приговора о наказаніи, по Англійскому образцу, представляетъ новое Невшательское Уложеніе 1891 г. въ главѣ IX, посвященной постановленіямъ, общимъ проступкамъ противъ имущественныхъ правъ. Сущность статей 398—402 слѣдующая: Когда цѣнность вещей, добытыхъ

Обращаясь къ критикѣ Ферри условнаго осужденія, можно сказать, что эта критика представляетъ только два замѣчанія, заслуживающія вниманія. Авторъ, во первыхъ, возражаетъ противъ сочетанія этой мѣры съ случаями совокупности проступковъ. Съ этимъ замѣчаніемъ, ранѣе сдѣланнымъ Ламмашемъ (Mitteil I. стр. 40), котораго авторъ не называетъ, нельзя не согласиться, если признавать указанную мѣру умѣстною единственно въ случаяхъ незначительной съ объективной и субъективной стороны тягости. Далѣе, Ферри требуетъ чтобы условное осужденіе давалось не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы подсудимый вознаградилъ потерпѣвшаго или обезпечилъ ему вознагражденіе относительно причиненнаго вреда. Можно согласиться и съ этимъ требованіемъ: при наличности указаннаго ограниченія условное осужденіе способно получить болѣе серьезное значеніе въ глазахъ какъ потерпѣвшаго, такъ и

кражей, злоупотребленіемъ довѣрія или обманомъ не превышаетъ ста франковъ, когда виновный не достигъ 25 лѣтъ и учинилъ полное сознаніе, судъ можетъ отсрочить постановленіе приговора о наказаніи. Въ этомъ случаѣ судъ дѣлаетъ подсудимому выговоръ и приглашаетъ его вести себя впредь хорошо. Подсудимый отдается судомъ на срокъ не свыше 3 лѣтъ подъ надзоръ, которому подчиняются условно-освобожденные. Если во время испытанія условно отпущенный судомъ подаетъ поводы къ жалобамъ, то онъ задерживается и приводится къ судьѣ для постановленія приговора. При безукоризненномъ поведеніи подсудимаго въ теченіе испытательнаго срока, уголовное преслѣдованіе противъ него считается погашеннымъ, но совершеніе новаго проступка въ теченіи 10 лѣтъ считается рецидивой. Комитетъ Гоуардовскаго Общества замѣчаетъ относительно первообраза постановленій Невшательскаго Уложенія, Англійскаго порядка Probation of first offenders Act., что при всей полезности этого порядка, дающаго возможность оставлять признанныхъ виновными лицъ на свободѣ подъ условіемъ хорошаго поведенія, необходимость письменнаго изложенія рѣшенія о виновности часто составляетъ препятствіе для примѣненія этого акта. Во многихъ случаяхъ крайне незначительныхъ проступковъ желательно избѣгать такого письменнаго удостовѣренія, и дѣйствительно, въ практикѣ встрѣчаются нерѣдко примѣры, что судьи, съ намѣреніемъ примѣнить законъ по его духу, ограничиваются отпускомъ подсудимаго по сдѣланіи ему предостереженія (admonition). Комитетъ Гоуардовскаго общества, поэтому, считаетъ полезнымъ измѣненіе Probation first offenders Act въ смыслѣ такой практики (Howard Association Annual Report October 1892 г. The Probation of first offenders стр. 4). За предлагаемую связь выговора и условнаго осужденія—Alimena въ указ. статьѣ стр. 576—577.

публики, сверхъ того и возбужденное чувство потерпѣвшаго при этомъ можетъ быть успокоено. Всѣ остальныя соображенія Ферри противъ условнаго осужденія такого свойства, что будучи лишены всякаго серьезнаго значенія, они представляются поучительными въ смыслѣ крайне неблагопріятномъ новой школѣ. Въ самомъ дѣлѣ этотъ вопросъ служитъ новымъ поводомъ для повторенія лишній разъ несбыточныхъ мечтаній о судѣ психопатологовъ и криминальныхъ антропологовъ, для прославленія классификаціи съ „животрепещущими“ преступниками. Можно видѣть наглядно, какъ далека отъ жизни эта псевдо-позитивная школа, какъ извѣстныя дефиниціи, выражаясь терминомъ г. Дриля, не даютъ возможности ея представителямъ среди оживленнаго научнаго спора, происходящаго о новомъ учрежденіи на почвѣ вопросовъ практическаго отправленія правосудія, внести въ него живое слово [179]).

Что касается, наконецъ, до отдѣла, посвященнаго порядку отвѣтственности лицъ послѣдняго класса преступниковъ, по страсти, то этотъ отдѣлъ возбуждаетъ не менѣе возраженій, чѣмъ предшествующіе [180]). И въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основывается понижающее вину значеніе взрыва страсти? Авторъ никакихъ объясненій относительно свойства побужденій, источника, условій происхожденія и развитія страсти не дѣлаетъ. Но развѣ страсть сама по себѣ обладаетъ понижающимъ вину значеніемъ? Развѣ тягчайшіе преступники не отдаются своимъ страстямъ, и развѣ всякое преступное дѣло не связывается съ какой нибудь страстью? Правда, авторъ въ предшествующемъ отдѣлѣ, посвященномъ классификаціи преступниковъ, характеризуетъ преступниковъ по страсти неопороченной ранѣе жизнью, открытымъ совершеніемъ преступленія, раскаяніемъ послѣ совершеннаго дѣла, указывая при томъ

---

[179]) Слѣдуетъ отмѣтить, что Гарофало выгодно отличается отъ Ферри способностью изслѣдованія и обсужденія извѣстныхъ учрежденій независимо отъ догматовъ доктрины. Ср. его докладъ объ условномъ осужденіи въ Mitteil. I, стр. 52.

[180]) Ср. по части класса преступниковъ по страсти, вып. 1-й моего труда глава 3-я стр. 342—343

на отвергнутую любовь, на оскорбленіе чувства чести, какъ на мотивы дѣяній такихъ преступниковъ [181]). Но и эти скудныя указанія ничему не помогаютъ: при наличности указанныхъ данныхъ мыслимы виновники дѣяній, стоящихъ на высокой ступени виновности. Возьмемъ ли мы женщинъ, обезображивающихъ своихъ покинувшихъ ихъ любовниковъ сѣрной кислотой и притомъ далеко не всегда по безкорыстнымъ побужденіямъ, возьмемъ ли мы знаменитаго Шамбижа, такія лица, несомнѣнно входящія въ классъ преступниковъ по страсти, отнюдь не заслуживаютъ снисходительнаго отношенія. Ферри объясняетъ свое снисходительное отношеніе къ типическимъ преступникамъ по страсти безсиліемъ относительно ихъ угрозы тюремнымъ заключеніемъ. Но новая школа вообще признаетъ полную недѣйствительность тюремнаго лишенія свободы, слѣдовательно нельзя примѣнять этого аргумента къ преступникамъ по страсти. Къ тому же если указанное наказаніе вообще недостаточно, то что выигрывается принужденіемъ таковыхъ лицъ къ одному гражданскому вознагражденію? Наконецъ спрашивается, почему невозможна болѣе энергическая репрессія? Авторъ различаетъ между преступниками по страсти лицъ, для которыхъ карательнаго возмездія не полагается, и затѣмъ другихъ лицъ, также вовлеченныхъ страстью въ преступленіе, но уравниваемыхъ по отвѣтственности съ преступниками по случайному поводу. Однако никакихъ основаній для такого различенія не дается и для читателя оно остается смутнымъ.

VI.

Въ послѣдней главѣ своей Criminologia Гарофало излагаетъ раціональную систему наказанія, основанную на принципѣ „приспособленія“ въ замѣну принципа „уголовной пропорціи“ [182]).

---

[181]) Sociologia criminale Cap. I, стр. 181 и 182.

[182]) Я пользуюсь для критики заключительнаго отдѣла сочиненія Гарофало послѣднимъ изданіемъ Criminologia, Seconda edizione 1891. Par. III, Cap. IV.

Прежде всего Итальянскій ученый останавливается на классѣ „assassini“, т. е. (тягчайшихъ убійцъ), всецѣло лишенныхъ нравственнаго чувства и исполненныхъ инстинктивной жестокостью.

Il sistema razionale di penalità (стр. 457—492). Для уясненія послѣдующаго изложенія читателю необходимо припомнить предшествующіе отдѣлы Criminologia объ „аномаліи преступниковъ“ и о „законѣ приспособленія“, изложенные и разобранные въ первомъ выпускѣ моей книги 1887 г. глава четвертая § III и IV. Слѣдуетъ замѣтить, что Гарофало въ этомъ изданіи отступилъ нѣсколько отъ классификаціи преступниковъ, принимавшейся имъ въ первомъ Итальянскомъ изданіи 1885 г. Тамъ онъ различалъ преступниковъ инстинктивныхъ (istintivi), болѣе благовидное названіе для nati, прирожденныхъ, каковой послѣдній терминъ успѣлъ вывѣтриться, и по случайному поводу (fortuiti). Къ этимъ двумъ главнымъ классамъ примыкали у Гарофало delinquenti endemici, соединительное звено между убійцами инстинктивными и по случайному поводу, и ladri fortuiti т. е. воры по случайному поводу (ср. выпускъ 1 моей книги гл. IV § IV стр. 406—421). Въ послѣднемъ Итальянскомъ изданіи (1891 г.) какъ впрочемъ и во Французскомъ сокращенномъ изданіи (1888 г.). Гарофало держится видоизмѣненной классификаціи, предложенной имъ на Римскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи 1885 г., различая: assassini (тягчайшіе убійцы), violenti o energici (насильственники) и ladri o neurastenici (воры въ обширномъ смыслѣ слова). Assassini для Гарофало—преступники типическіе (tipici еще новое выраженіе, какъ будто было недовольно терминовъ istintivi и nati), т. е. стоящіе на высшей ступени преступности и почти всегда представляющіе совокупность антропологическихъ и психологическихъ особенностей. Непосредственно слѣдующая ступень занимается двумя классами: первый violenti (насильственники, они же эндемическіе преступники), т. е. представители преступности извѣстной мѣстности, второй—ladri въ смыслѣ разнообразныхъ виновниковъ преступныхъ дѣяній противъ собственности. Эти два класса отличаются отъ assassini тѣмъ, что тогда какъ у первыхъ полное отсутствіе нравственнаго чувства, у двухъ послѣднихъ недостатокъ или отсутствіе элементарныхъ чувствованій, чувства человѣколюбія у насильственниковъ, честности у воровъ (ср. Criminologia изд. 1891 г. Parte II C. I L'anomalie dei delinquenti). Если впрочемъ сравнить двѣ классификаціи Гарофали, прежнюю и послѣднюю, то окажется, что разница между ними сводится къ нѣкоторому съуженію однихъ терминовъ (вмѣсто istintivi являются assassini), расширенію другихъ, вмѣсто ladri fortuiti—ladri, обнимающіе виновниковъ нарушеній имущественныхъ правъ вообще, далѣе присвоеніе послѣднимъ эпитета неврастениковъ, по примѣру Бенедикта, и болѣе опредѣленная постановка класса violenti, замѣнившихъ impulsivi перваго изданія и наполняющихъ промежутокъ между убійцами и ворами. Существенный фонъ классификаціи, поэтому, остался тотъ же, что и прежде, съ различіемъ болѣе рѣшительнаго поворота къ объективнымъ признакамъ преступнаго дѣянія (лишенія жизни, похищенія имущества) и болѣе прямолинейнаго пользованія понятіемъ естественнаго преступленія (относит. этого понятія ср. вып. 1-й моей книги глава IV § 1-й).

Для характеристики этого класса Гарофало считаетъ недостаточнымъ критерій предумышленія или засады, обыкновенно принимаемый юристами. Виновникъ убійства по внезапному побужденію можетъ обладать наиболѣе уродливой природой убійцы. Быстрота осуществленія умысла въ дѣйствіи не имѣетъ никакого отношенія къ менѣе или болѣе испорченной природѣ преступника, она можетъ сочетаться съ полнымъ отсутствіемъ человѣколюбивыхъ инстинктовъ. И, наоборотъ, предумышленное убійство можетъ быть совершено человѣкомъ, неимѣющимъ кровожадной натуры. Гольцендорфъ уже показалъ, что предумышленіе нельзя противупоставлять страсти, которая можетъ обнаруживаться либо медленнымъ, либо внезапнымъ процессомъ. Конечно, въ наиболѣе частыхъ случаяхъ виновникъ преступленія съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ является болѣе злостнымъ, чѣмъ таковой, совершающій преступленіе по внезапному движенію души. За то въ другихъ случаяхъ убійство по внезапному побужденію раскрываетъ инстинктивную жестокость: человѣкъ въ раздраженномъ состояніи заводитъ ссору съ первымъ встрѣчнымъ и закалываетъ его. Предумышленіе можетъ считаться указаніемъ инстинктивной жестокости въ связи съ мотивомъ и способомъ исполненія. Человѣкъ, изъ за пустой ссоры

Классъ насильственниковъ своимъ широкимъ содержаніемъ какъ бы представляетъ реакцію противъ попытокъ отмѣтить спеціальными антропологическими признаками входящіе въ него отдѣльные виды, какъ наприм. grassatori (разбойниковъ), stupratori (виновниковъ насилія противъ женской чести), попытокъ, надъ которыми трудились Ферри, Ломброзо и Марро. Любопытно, что теперешняя классификація Гарофало напоминаетъ весьма старую классификацію, а именно у Данте въ Inferno, пѣснь XI терц. 26—66. Данте различаетъ violenti и ladri, точь въ точь какъ Гарофало, не выдѣляя только изъ числа первыхъ убійцъ, какъ дѣлаетъ этотъ послѣдній, и сверхъ того различая отъ двухъ первыхъ группъ группу traditori (измѣнниковъ), которыхъ Гарофало не касается вслѣдствіе своеобразнаго пониманія естественнаго преступленія. Нѣтъ надобности говорить, что, дѣлая такія указанія, я далекъ отъ мысли строить какія либо догадки, подобно Ломброзо, относительно генезиса новой школы (ср. 1-й выпускъ моего труда гл. 1-ю стр. 6-ю). Въ видѣ курьоза можно указать на книгу Nino Mendola La criminologia del Inferno, Catania 1888 г. гдѣ авторъ заявляетъ, что Данте былъ величайшій уголовный антропологъ.

вонзающій ножъ въ животъ товарищу или пріятелю, долженъ считаться assassino, тягчайшимъ убійцей, а между тѣмъ по существующему законодательству онъ за убійство въ дракѣ подвергается лишь срочному наказанію. Напротивъ, убійца обольстителя своей жены, совершившій хладнокровно месть, подвергается смертной казни или безсрочному лишенію свободы. Критеріи различенія тягчайшихъ убійцъ (assassini) отъ другихъ должны, слѣдовательно, почерпаться изъ обстоятельствъ преступнаго дѣянія, раскрывающихъ инстинктивную жестокость и полное отсутствіе нравственнаго чувства.

Сюда относятся: 1) Убійство корыстное, ради достиженія выгоды, или избѣжанія вреда, или доставленія себѣ удовольствія. Въ послѣднемъ случаѣ возможны патологическія явленія (Papavoine, John the ripper), или же желаніе можетъ быть нормальное, и только способъ его удовлетворенія свидѣтельствуетъ о нравственной аномаліи. 2) Совершеніе убійства безъ всякаго со стороны жертвы повода, способнаго вызвать къ наспльственной реакціи человѣка нормальнаго. Подъ эту же группу дѣяній подходятъ отцеубійство и убійство благодѣтеля изъ за незначительнаго неудовольствія, вызваннаго жертвой, убійство изъ мести, по ничтожному въ глазахъ нормальнаго человѣка поводу, убійство безобиднаго или неизвѣстнаго убійцѣ лица изъ за испытанія силы мускуловъ или искусства въ употребленіи оружія (убійство по животной злобности, brutale malvagità). 3) Совершеніе убійства съ крайней жестокостью, съ продолжительными мученіями или истязаніями, немыслимое безъ чрезвычайной нравственной аномаліи, полнѣйшаго отсутствія чувства человѣколюбія. Въ двухъ послѣднихъ классахъ могутъ одинаково встрѣчаться преступники душевно-здоровые и душевно-больные и эпилептики. Во всѣхъ случаяхъ для опредѣленія типа тягчайшаго убійцы безразличны полъ и степень развитія, если только виновный сознаетъ свойство совершаемаго и достигъ того возраста, въ которомъ нельзя надѣяться на преобразованіе инстинкта (возрастъ въ 15—16

лѣтъ). Къ такимъ преступникамъ, неспособнымъ ни къ какому приспособленію, должна бы примѣняться наиболѣе безусловная форма исключенія изъ общества. Громадность зла, на которое они способны, не допускаетъ хотя бы отдаленной возможности повторенія. Смерть есть, поэтому, единственно реально-годное средство для тягчайшихъ убійцъ не душевно-больныхъ“ [183]).

II-й классъ преступниковъ (насильственники, violenti, или импульсивные) характеризуется авторомъ недостаточностью чувства человѣколюбія въ связи съ разными предразсудками, неправильнымъ пониманіемъ чести и обязанности мести. Аномалія у такихъ преступниковъ тѣмъ болѣе уменьшается, чѣмъ большею была провокація. Когда же извѣстное событіе есть провокація исключительно для преступника, (а не для окружающей его среды), это означаетъ, что онъ анормальное существо, чрезмѣрно воспринимающее внѣшнія впечатлѣнія, но тѣмъ не менѣе опасное для общества.

Вслѣдъ за тѣмъ Гарофало перечисляетъ и обсуждаетъ различные случаи провокаціи. Требуется снисхожденіе къ убійству, совершенному мужемъ или отцомъ надъ женою и дочерью въ объятіяхъ любовника, а равно надъ послѣднимъ. То же должно сказать о пособничествѣ къ самоубійству изъ за чувства дружбы къ самоубійцѣ, далѣе о внезапномъ убійствѣ въ видѣ реакціи противъ незаконнаго и нестерпимаго нападенія на честь. По нашей системѣ, замѣчаетъ авторъ убійство, неожиданно вызванное тягчайшимъ оскорбленіемъ, лежитъ на крайней границѣ области „естественнаго преступленія“. Нѣтъ аномаліи у дѣятеля и нѣтъ нарушенія нравственнаго чувства. Во всѣхъ такихъ случаяхъ карательное средство „исключенія изъ общества“ должно состоять въ удаленіи изъ мѣстности, гдѣ проживаетъ семейство убитаго, развѣ таковое дастъ согласіе на оставленіе преступника въ прежнемъ мѣстѣ жительства.

Гарофало исключаетъ дуэль изъ указанныхъ категорій преступныхъ дѣяній, такъ какъ въ ней „не существуетъ естествен-

---

[183]) Criminologia Cap. IV, стр. 457—465.

наго преступленія, хотя бы условія дуэли были разсчитаны на смертный исходъ". Однако авторъ полагалъ бы возлагать извѣстную отвѣтственность на секундантовъ. Но дуэль изчезаетъ, когда доказано, что она была коварно вызвана, съ цѣлью маскировать убійство.

Болѣе трудными представляются случаи, гдѣ убійство совершается ради отмщенія важной обиды, причиненной семейной чести [184]). Въ этихъ случаяхъ на лицо эндемическое преступленіе, отличное отъ обусловленнаго провокаціей лишь меньшей широтой территоріальнаго пространства, среди котораго дѣйствія убитаго противъ убійцы считаются важной обидой. Таковъ характеръ убійствъ изъ мщенія въ Сардиніи, Романьѣ, Калабріи, Сициліи, виновники которыхъ не могутъ считаться, не смотря на предумышленіе, тягчайшими убійцами. Тѣмъ не менѣе существуетъ нарушеніе чувства человѣколюбія, предумышленіе, каковъ бы ни былъ мотивъ, указываетъ на жестокій характеръ. Съ другой стороны внѣшнія условія, господствующія понятія объ обязательной мести значительно уменьшаютъ нравственную аномалію дѣятеля. Поэтому карательнымъ средствомъ относительно убійцы изъ справедливой мести или печали должно служить частичное исключеніе такого лица изъ общества, релегація на острова или въ отдаленную колонію, или въ отдаленное селеніе, гдѣ виновный, находясь на свободѣ, былъ бы подъ надзоромъ. Если преступникъ молодъ, релегація можетъ прекращаться при вступленіи въ бракъ, при рожденіи дѣтей, при наступленіи старости, т. е. событій, замиряющихъ страсти и дающихъ мѣсто новымъ привязанностямъ. По истеченіи испытательнаго періода (отъ 5—10 лѣтъ), судъ, на основаніи отчетовъ о свойствѣ характера осужденнаго, долженъ бы разрѣшать вопросъ о продолженіи или прекращеніи релегаціи. Сверхъ того: 1) релегація не должна прекращаться ранѣе вознагражденія убійцей семейства жертвы, 2) освобожденному должно

---

[184]) Гарофало отличаетъ таковую важную обиду отъ неожиданной, тягчайшей и нестерпимой, о которой говорится выше, какъ о провокаціи къ убійству.

быть воспрещено селиться въ мѣстѣ жительства родственниковъ убитаго и мѣстѣ совершенія преступленія.

Для менѣе тяжкихъ случаевъ достаточно принужденіе къ денежному вознагражденію въ пользу потерпѣвшаго, а равно денежнаго взысканія въ пользу казны. Къ такимъ менѣе тяжкимъ видамъ относятся нораненіе въ дракѣ (въ смыслѣ неважнаго проступка, а не окопченнаго покушенія на убійство путемъ огнестрѣльнаго оружія, или нападенія вслѣдствіе безобидной провокаціи женщины или ребенка), далѣе жестокое обращеніе не тяжкаго свойства, угрозы, диффамація. Порядокъ взысканія вознагражденія съ состоятельныхъ лицъ долженъ быть строгій. Потерпѣвшее лицо должно получить право залога на недвижимость виновнаго и право привиллегіи на движимость съ первыхъ шаговъ предварительнаго слѣдствія, а не съ момента окончательнаго приговора. Несостоятельный виновникъ проступка долженъ обязываться къ уплатѣ долга изъ ежедневнаго заработка за вычетомъ необходимаго для удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей. При невозможности такого способа уплаты свободный трудъ долженъ быть замѣненъ принудительнымъ по возведеніи укрѣпленій и разчисткѣ почвы, до тѣхъ поръ, пока не будетъ покрыта сумма, слѣдующая потерпѣвшему. Подвергнутые принудительному труду формируются въ отряды и получаютъ вознагражденіе не меньшее сравнительно съ свободными рабочими. За выдачей имъ доли заработка, остатокъ поступаетъ въ кассу штрафовъ въ пользу государства и потерпѣвшаго. Тюрьма могла бы оставаться за побѣгъ изъ ссылки или нарушеніе запрета о пребываніи въ извѣстномъ мѣстѣ, а равно какъ средство вынужденія денежнаго вознагражденія.

Гарофало, далѣе, останавливается на группѣ преступныхъ дѣяній, наказываемыхъ, по его мнѣнію, современнымъ законодательствомъ съ крайней слабостью, каковы истязанія, тѣлесныя поврежденія съ намѣреніемъ обезображенія или ослѣпленія, а равно причиненія болѣзни, причиненія увѣчья, похищеніе женщинъ и изнасилованіе, незаконное задержаніе съ цѣлью обольщенія или изна-

сплованія. Всѣ эти дѣянія могутъ давать основаніе предполагать въ ихъ виновникахъ крайнюю испорченность. Виновникъ изнасилованія, многократный рецидивистъ по части плотскихъ преступленій, потомокъ душевно-больныхъ и алькоголиковъ, безъ сомнѣнія неисправимый, можетъ быть тягчайшимъ убійцей и, вслѣдствіе этого, подлежитъ заключенію на неопредѣленное время. Когда указанныя преступныя дѣянія являются съ характеромъ одиночнаго проступка, т. е. дѣломъ преступника по случайному поводу, то карательнымъ средствомъ должна быть срочная релегація на вышеуказанныхъ основаніяхъ. Авторъ останавливается на несовершеннолѣтнихъ виновникахъ преступленій противъ жизни, а равно посягательствъ на половую честь. Очень часто кровожадные инстинкты выражаются съ дѣтства рядомъ насильственныхъ дѣйствій, ударовъ, легкихъ, но не извиняемыхъ провокаціей тѣлесныхъ поврежденій. Въ такихъ липахъ скрывается прирожденный преступникъ, который позднѣе даетъ себя знать страшнымъ преступленіемъ, но котораго антропологъ могъ бы распознать давно. Конечно, одни черепныя уродливости не могутъ служить достаточнымъ показателемъ прирожденнаго преступника, но онѣ пріобрѣтаютъ нѣкоторую важность, дополняя собою типическую физіономію инстинктивнаго убійцы или вора, не смотря на незначительную объективную тягость проступка. Но этого мало, къ физіономіи должны присоединяться спеціальныя психологическія особенности (отсутствіе нравственнаго чувства, раскаянія, тщеславіе и т. д.) и наконецъ наслѣдственность порока, болѣзни и преступленія, называемая Гарофало regina di prove. При помощи этихъ четырехъ критеріевъ: природы преступленія, психологіи преступника, съ одной стороны, антропологіи и наслѣдственности съ другой, можно открыть типъ тягчайшаго убійцы даже въ виновникѣ незначительныхъ проступковъ. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Гарофало, вѣролтность въ близкомъ будущемъ тяжкаго убійства оправдываетъ предупредительную мѣру. Такою мѣрою можетъ быть помѣщеніе въ manicomio criminale для испытанія въ теченіе

неопредѣленнаго времени съ цѣлью обнаруженія какой либо психопатологической формы. Если бы этого не удалось, слѣдовало бы сдѣлать рядъ опытовъ въ уголовныхъ колоніяхъ или мѣстахъ релегаціи и освобождать паціента лишь при увѣренности, что всякая опасность миновалась. Въ случаѣ рецидивы или удостовѣренія полнѣйшаго отсутствія нравственнаго чувства паціентъ долженъ быть высланъ и брошенъ на пустынный островъ, среди дикихъ племенъ (?!) [185]).

Переходя къ карательному порядку для третьяго класса преступниковъ, лишенныхъ всецѣло или частью чувства честности, Гарофало характеризуетъ тягчайшій видъ этого класса происхожденіемъ отъ душевно-больныхъ или преступниковъ, многократнымъ повтореніемъ другихъ естественныхъ преступленій, отсутствіемъ нищеты. При этихъ условіяхъ можно говорить о прирожденномъ или неисправимомъ ворѣ. Эта характеристика относится равномѣрно и къ виновникамъ мошенничества и подлога, составляющихъ съ ворами одинъ большой классъ. Для обороны отъ такихъ преступниковъ необходима форма исключенія изъ общества, хотя и не абсолютная. Клептоманы, пироманы, эпилептики воры и зажигатели должны направляться въ manicomio criminale. Воры, зажигатели, виновники мошенничества и подлога душевноздоровые съ устойчивымъ инстинктомъ преступности и всѣ преступники обычные подлежатъ переселенію въ отдаленныя земли съ рѣдкимъ населеніемъ, гдѣ условіемъ существованія долженъ быть настойчивый трудъ. Можетъ случиться, что инстинктъ самосохраненія преодолѣетъ нравственную неврастенію. Если же этого не случится, если обнаружится полный недостатокъ энергіи къ честному труду, если ссыльный найдетъ возможность продолжать свою вредоносную дѣятельность въ колоніи и окажется неприспособленнымъ къ новому обществу, принявшему его, то онъ долженъ быть

---

185) Cap. IV. II—VI, стр. 466—478. Гарофало даетъ этой мѣрѣ спеціальное названіе—Deportazione con abbandono.

выброшенъ изъ колоніи, его жизнь будетъ жизнью дикаря, онъ умретъ отъ холода и голода, сдѣлается рабомъ туземцевъ, если не погибнетъ отъ ихъ копій.

Этой дилеммѣ: или честный трудъ, или неизбѣжная смерть отъ голода, Европейскія колоніи обязаны своими замѣчательными результатами въ Австраліи. Гарофало при этомъ разбираетъ и старается опровергнуть возраженія противъ вѣчной ссылки обычныхъ преступниковъ, доходя до утвержденія, что „возраженія криминалистовъ лишены всякаго основанія“. Противъ возраженія о неравномѣрности дѣйствія ссылки на разныхъ лицъ, Гарофало ограничивается легкимъ замѣчаніемъ, что будто бы всякій одинаково чувствуетъ тяжелое чувство при покинутіи навсегда отечества, и что неравномѣрность свойственна во всякомъ случаѣ и лишенію свободы по различію чувствительности осужденныхъ. На замѣчаніе о томъ, что въ Англіи были случаи совершенія преступленія съ цѣлью попасть въ колонію, Гарофало отвѣчаетъ, что это случалось при исключительныхъ условіяхъ, (при открытіи золотоносныхъ розсыпей въ Австраліи), и что существуетъ большое количество преступниковъ, которыхъ привлекаетъ и тюрьма. Наконецъ, противъ замѣчанія, что въ скоромъ времени не останется пустынныхъ и незанятыхъ земель, годныхъ для устроенія ссылки, авторъ ссылается на пріобрѣтеніе С.-Американскими штатами отъ Перу группы островъ Галапагосъ, на релегацію рецидивистовъ во Франціи, на удержаніе въ Россіи Сибирской ссылки, на ссылку на Андаманскіе острова въ Индіи и на вотумъ пенитенціарнаго конгресса въ Калькуттѣ въ 1877 году объ ограниченіи области ссылки обычными преступниками, какъ это предлагаетъ и авторъ. Для Италіи могли бы пригодиться для ссылки ея территоріи въ Африкѣ съ присоединеніемъ необитаемыхъ острововъ, куда можно бы выбрасывать самыхъ опасныхъ злодѣевъ, снабдивъ ихъ инструментами для работъ, снарядами для рыбной ловли и оружіемъ для охоты. Гарофало признаетъ значительность издержекъ, потребныхъ на первоначальное устройство ссылки. Такъ Франція употребила на этотъ

предметъ до 100 милліоновъ франковъ. Но огромное сбереженіе получается въ балансѣ тюремъ, при изъятіи изъ нихъ до 40% обычныхъ преступниковъ. Къ тому же ссыльные легко найдутъ средства къ жизни въ земледѣльческихъ занятіяхъ, тогда какъ въ однихъ каторжныхъ тюрьмахъ въ Италіи треть заключенныхъ сидятъ праздными.

По отношенію къ ворамъ по случайному поводу (ladri occasionali) предлагаются разныя мѣры, сообразно причинамъ толкнувшимъ ихъ на преступный путь. Новичковъ воровъ, впавшихъ въ преступленіе по праздности, невѣжеству и заброшенности, слѣдуетъ забирать въ рабочіе отряды, расположенные въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются однако промышленныя заведенія или публичныя работы, съ вознагражденіемъ ихъ заработной платой и съ отдѣленіемъ изъ нея доли на погашеніе штрафа въ пользу государства и вознагражденія потерпѣвшаго. Осужденный получалъ бы содержаніе лишь при наличности заработка, съ альтернативой работать или умирать съ голоду. Срокъ наказанія не долженъ быть заранѣе опредѣленный, отбытіе наказанія должно бы прекращаться лишь съ пріобрѣтеніемъ способности и навыка къ работѣ, и послѣ удовлетворенія потерпѣвшаго.

Виновники кражи, подлога, мошенничества, ставшіе преступниками вслѣдствіе исключительнаго соблазна, должны принуждаться къ полнѣйшему вознагражденію потерпѣвшаго изъ заработка мѣсячными или годовыми долями вмѣстѣ съ денежнымъ штрафомъ на покрытіе судебныхъ издержекъ. Принужденіе къ работамъ ограничивается нѣкоторымъ числомъ лѣтъ, пропорціонально похищенной суммы и возрасту виновнаго. На ряду съ указанными мѣрами, исключеніе изъ общества можетъ быть допущено на первый разъ въ видѣ лишенія политическихъ правъ, запрета отправленія публичныхъ должностей, либеральныхъ профессій. Для несовершеннолѣтнихъ, впавшихъ въ преступность вслѣдствіе дурныхъ примѣровъ въ семействѣ или подражанія дурнымъ товарищамъ, требуются пенитенціарныя земледѣльческія колоніи, подобно существующимъ

въ Англіи, Бельгіи, Голландіи, Франціи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ[186]).

Изъ указаннаго порядка отвѣтственности Гарофало выдѣляетъ рядъ преступныхъ дѣяній, подлежащихъ по его мнѣнію спеціальной отвѣтственности.

Таковы: 1) Растрата, мздоимство или лихоимство должностныхъ лицъ. Эти преступленія должны влечь лишеніе должностей и права на службу, штрафъ въ пользу государства и принудительное вознагражденіе за причиненный вредъ путемъ неопредѣленнаго по сроку заключенія, когда виновный состоятеленъ, путемъ принудительной работы при несостоятельности, на вышеуказанныхъ основаніяхъ. 2) Поджогъ, разрушеніе или поврежденіе имущества изъ мести или корысти должны наказываться по общему правилу принудительнымъ вознагражденіемъ за вредъ, развѣ повтореніе или важность преступнаго дѣянія обнаруживаютъ устойчивость или важность опаснаго инстинкта, въ этомъ случаѣ требуется средство, назначаемое для инстинктивныхъ или душевно-больныхъ преступниковъ т. е. заключеніе на неопредѣленное время въ manicomio criminale. 3) Злостное банкротство должно влечь за собой принудительное вознагражденіе убытковъ съ лишеніемъ права торговли и права занятія публичныхъ должностей. 4) Бо́льшія затрудненія представляетъ поддѣлка и сбытъ фальшивыхъ монетъ и фальшивыхъ кредитныхъ бумагъ. Требуется пресѣчь перемѣщеніе виновныхъ лицъ на продолжительное время, чтобы прекратить сношенія ихъ съ товарищами и уничтожить ассоціацію. Эта группа преступленій является первою, для которой требуется предустановленное наказаніе. Такое же наказаніе должно примѣняться и къ другимъ видамъ подлога, каковы: подлоги должностныхъ лицъ, врачей и экспертовъ, причемъ виновный подлежитъ исключенію изъ служебнаго или профессіональнаго порядка.

Существуетъ, наконецъ, рядъ подлоговъ: подмѣнъ лица при со-

---

[186]) Cap. IV. VI—VIII, стр. 478—487.

ставленіи брачнаго контракта, присвоеніе званія или должности путемъ подлога, разныя ложныя удостовѣренія. По признаку безчестности они входятъ въ понятіе естественнаго преступленія, но въ нихъ преобладаетъ не столько этотъ признакъ, сколько признакъ публичнаго обмана, и въ виду этого наказаніе должно полагаться съ единственною цѣлью охранить авторитетъ закона.

Гарофало замѣчаетъ, что это отступленіе не противурѣчитъ началамъ принятой имъ системы, установляющей исключеніе изъ общества и вознагражденіе, какъ двѣ всеобщія формы репрессіи, соотвѣтствующія естественному преступленію, чистому и простому. Въ смѣшанныхъ видахъ преобладаніе политической безнравственности надъ естественной ведетъ къ преобладанію репрессіи въ видѣ кары надъ формой исключенія (остающейся однако въ видѣ лишенія правъ).

Къ виновникамъ, наконецъ, слѣдующихъ преступленій: бигаміи, скрытія правъ состоянія и подмѣна ребенка, могущихъ имѣть самыя тяжкія послѣдствія, должны примѣняться мѣры тождественныя съ тѣми, которыя примѣняются къ виновникамъ тѣлесныхъ поврежденій и незаконнаго задержанія, а именно релегація на неопредѣленное время.

Оканчивая разсматриваемую главу и вмѣстѣ съ тѣмъ свою „Criminologia“, Гарофало отмѣчаетъ, что типическое современное наказаніе, тюрьма съ предустановленнымъ срокомъ содержанія, почти исчезло изъ построенной системы, всецѣло покоящейся на началахъ исключенія и вознагражденія. Оно оставляется лишь для дѣяній, въ которыхъ элементъ спеціальной безнравственности не несовмѣстимъ съ основными чувствованіями альтруизма, на которыхъ покоится современная нравственность. „Въ такихъ актахъ неповиновенія наказаніе не можетъ опредѣляться нашими критеріями; оно должно имѣть характеръ кары, болѣе или менѣе строгой сообразно потребностямъ устрашенія или другимъ правительственнымъ потребностямъ. Наше изслѣдованіе не прости-

ралось на этотъ родъ преступниковъ, на нихъ, поэтому, не могутъ распространяться и наши окончательные выводы“ [187]).

VII.

Разсматриваемый отдѣлъ Criminologia представляетъ для критика двѣ стороны: построеніе трехъ классовъ преступниковъ и предложеніе соотвѣтствующихъ имъ карательныхъ мѣръ.

Характеристика тягчайшихъ убійцъ (assassini) у Гарофало дѣлается путемъ перечисленія цѣлаго ряда случаевъ преступленій противъ жизни, при чемъ изъ способа дѣйствій, свойства побужденій и обстановки выводится нравственная аномалія преступника. Эти подобранные авторомъ случаи чрезвычайно близко подходятъ къ случаямъ лишенія жизни въ дѣйствующихъ законодательствахъ. Такъ они соотвѣтствуютъ п. 1 ст. 365, п. 1, 3, 6 ст. 366 новаго Итальянскаго уголовнаго уложенія, п. 4, 7, 8 ст. 2-й Отечественнаго проэкта уголовнаго уложенія (посягательства противъ личности). Указанное обстоятельство крайне существенно: сколько говорится и пишется объ отвлеченномъ и метафизическомъ характерѣ дѣйствующихъ законодательствъ, а между тѣмъ представителямъ натуралистическаго метода приходится черпать изъ этихъ законодательствъ характеристику аномалій преступнаго человѣка, который, если говорить словами Биндинга, поступаетъ точно такъ, какъ извѣстное дѣяніе описывается въ уголовномъ законѣ. Въ одномъ отношеніи Гарофало существенно расходится съ Итальянской юридической школой въ лицѣ знаменитыхъ ея представителей Carmignani, Niccolini, Carrara, Brusa, по вопросу о предумышленіи, примыкая, впрочемъ, къ знаменитымъ изслѣдованіямъ Гольцендорфа: Mord und Todesstrafe и Psychologie des Mordes. Въ указанныхъ работахъ Гольцендорфъ, какъ извѣстно, оспоривалъ придаваемое предумышленію значеніе, указывая, что признакъ предумышленія въ законодательствахъ покоится на

---

[187]) Cap. IV. VIII—IX, стр. 487—493.

разнообразныхъ и спорныхъ критеріяхъ, допускаетъ переходныя комбинаціи: обдуманности и аффекта, не можетъ служить показателемъ особой испорченности или низости дѣятеля. Опредѣленіе различной виновности и преступности, поэтому, должно исходить не отъ предумышленія, а отъ свойства мотивовъ дѣятеля.

Слѣдуетъ согласиться съ Гарофало, слѣдующимъ Гольцендорфу, что виновникъ убійства по внезапному побужденію можетъ стоять какъ по свойству побужденій, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, несравненно ниже, чѣмъ убійца заранѣе обдумавшій свое дѣло. Изъ сказаннаго, однако не слѣдуетъ чтобы предумышленіе было лишено всякаго повышающаго вину значенія, а слѣдуетъ, что оно должно служить второстепеннымъ критеріемъ, въ связи съ первостепеннымъ, характеромъ побужденій дѣятеля, какъ это признаютъ два новѣйшіе талантливые изслѣдователя вопроса, Alimena и Impallomeni, отстаивающіе значеніе предумышленія, какъ отягчающаго вину психологическаго фактора, хотя по разнымъ основаніямъ [188]). И въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ согласиться съ первымъ, что при наличности двухъ дѣяній, совершенныхъ по тождественнымъ побужденіямъ и при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, сочетаніе съ однимъ изъ нихъ предумышленія способно перевѣшивать тягость такового сравнительно съ другимъ, лишеннымъ этого признака.

Но въ чемъ же коренится такое значеніе предумышленія? Едва ли можно согласиться съ объясненіемъ Алимена, по словамъ котораго въ предумышленіи, представляющемъ сплоченный рядъ однородныхъ душевныхъ состояній, выражается всецѣло характеръ дѣятеля (указ. соч. стр. 114). Это объясненіе нельзя считать удовлетворительнымъ, такъ какъ характеръ дѣятеля можетъ рѣзко выражаться и помимо предумышленія. Нельзя признать справедливымъ и замѣчанія Гарофало, что предумышленіе—признакъ жесто-

---

[188]) Bernardino Alimena La premeditazione in rapporto alla psicologia, al diritto, alla legislazione comparata 1887. Giovan Battista Impallomeni Il carattere dei moventi nel omicidio premeditato 1888.

каго характера, такъ какъ оно вызываетъ то же возраженіе, какъ и объясненіе Алимена. Наиболѣе удовлетворительнымъ представляется основаніе, выставленное Каррара и защищаемое Impallomeni [189]). Оно состоитъ въ томъ, что предумышленіе уменьшаетъ шансы самообороны со стороны потерпѣвшаго вслѣдствіе зрѣлаго разсчета средствъ и времени преступникомъ, а въ связи съ этимъ уменьшается и общая безопасность. Такимъ образомъ, оцѣнка предумышленія, исходя отъ субъективнаго состоянія, переноситъ центръ тяжести на объективную сторону дѣянія. Понятно, что такое воззрѣніе спеціализируетъ понятіе предумышленія и требуетъ установленія его въ законѣ не какъ неизмѣннаго, а относительнаго квалифицирующаго обстоятельства. Но затѣмъ недостаточно указывать на первенствующее значеніе при оцѣнкѣ субъективной стороны виновника убійства свойства побужденій. По справедливому замѣчанію Impallomeni, говорить единственно, какъ это дѣлаетъ Гольцендорфъ, объ этическихъ мотивахъ, значитъ оставаться при слишкомъ общихъ понятіяхъ. Еще хуже говорить, какъ это дѣлаетъ Ферри, и какъ мнѣ приходилось подробно указывать ранѣе [190]), о мотивахъ соціальныхъ и анти-соціальныхъ. Мотивъ in abstracto можетъ быть и нравственнымъ, но въ связи съ извѣстной обстановкой, съ извѣстными обязанностями, извѣстной личностью и съ извѣстнымъ дѣйствіемъ, такой мотивъ можетъ совершенно утрачивать свое общее свойство. Поэтому слѣдуетъ остановиться на опредѣленной серіи мотивовъ, обладающихъ устойчивымъ значеніемъ въ смыслѣ пониженія виновности. Такое значеніе при убійствѣ принадлежитъ мотивамъ, побуждающимъ къ противудѣйствію противъ несправедливаго посягательства и, слѣдовательно, проистекающимъ отъ правомѣрнаго въ существѣ помышленія, получившаго лишь воплощеніе въ неправомѣрномъ дѣяніи [191]).

---

[189]) Impallomeni указ. соч. стр. 10-я.

[190]) Ср. 1-й вып. наст. труда гл. 2-ю § V стр. 231—252.

[191]) Ср. Impallomeni указ. соч. стр. 21. Этотъ авторъ напоминаетъ, что извиняющее значеніе указанныхъ въ текстѣ мотивовъ было формулировано Ro-

Второй классъ преступниковъ насильственныхъ, обнимая чрезвычайно разнообразныя преступныя дѣянія противъ личности, вызываетъ слѣдующія замѣчанія: авторъ прежде всего останавливается на случаяхъ убійства, вызванныхъ тяжкой и невыносимой провокаціей. Отношеніе къ таковымъ случаямъ убійства, свойственное доктринѣ Гарофало, лежитъ и въ основаніи современныхъ законодательствъ и повліявшей на нихъ доктрины, при чемъ и основанія къ такому снисхожденію въ сущности тождественны, такъ какъ современныя законодательства и доктрина, слѣдуя въ этомъ отношеніи постановленіямъ Римскаго права, принимаютъ въ разсчетъ справедливое раздраженіе и приписываютъ проникнутому этимъ справедливымъ элементомъ аффекту понижающее наказаніе значенія. Но при сходствѣ отношенія современной доктрины и ученія Гарофало къ подобнымъ случаямъ остается коренное различіе въ наказуемости: у Гарофало они остаются безъ отвѣтственности, такъ какъ удаленіе виновнаго изъ мѣста жительства семейства убитаго въ сущности полицейская мѣра предупрежденія, притомъ столько же въ интересѣ виновнаго, сколько и потерпѣвшихъ. Современныя законодательства облагаютъ такіе случаи наказаніемъ лишенія свободы, хотя бы и не тяжкаго, и такого рода наказаніе совершенно оправдывается необходимостью общаго предупрежденія, необходимостью утвержденія въ общемъ сознаніи цѣнности и неприкосновенностя человѣческой жизни, хотя бы и при наличности вины обидчика.

Авторъ бѣгло касается вопроса о дуэли. Вопросъ о ней не исчерпывается тѣмъ, что дуэль не можетъ быть отнесена къ есте-

---

magnosi въ Genesi del delitto penale (§ 1350) и что Niccolini требовалъ принятія судьей въ соображеніе такихъ мотивовъ, не смотря на наличность предумышленія (Questioni di diritto. P. III Scuse). Такимъ образомъ, у старыхъ писателей, къ которымъ вслѣдствіе невѣдѣнія и легкомыслія приверженцы новыхъ направленій обращаются нерѣдко съ пренебреженіемъ, мы находимъ оцѣнку психологической стороны преступленія, которая остается вѣрною и для нашего времени. Alimena и Impallomeni исходятъ въ своихъ работахъ отъ положеній Romagnosi, Carrara и Niccolini.

ственному преступленію, хотя бы условія дуэли были разсчитаны на смертный исходъ. Прежде всего нельзя согласиться съ этимъ положеніемъ. Очевидно, что если естественное преступленіе, согласно опредѣленію Гарофало, есть нарушеніе чувства человѣколюбія, то дуэль при указанныхъ условіяхъ подойдетъ подъ это понятіе. Напротивъ, надо признать весьма вѣрнымъ замѣчаніе автора, что понятіе дуэли должно устраняться, когда она была коварно вызвана съ цѣлію маскировать убійство. Но этого мало: понятіе дуэли должно быть поставлено въ еще болѣе тѣсные предѣлы. Въ самомъ дѣлѣ, снисходительное отношеніе законодательства къ дуэли, не смотря на печальныя кровавыя послѣдствія, которыя отъ времени до времени вносятъ смущеніе въ нашъ мирный порядокъ жизни, покоится на двухъ основаніяхъ: на соглашеніи двухъ выходящихъ на дуэль лицъ относительно возможнаго исхода дуэли и на господствующихъ въ обществѣ воззрѣніяхъ, требующихъ дуэли въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ удовлетворенія и возстановленія чести. Особенно важное значеніе принадлежитъ второму основанію: указанныя воззрѣнія обладаютъ строгой обязательностію для лицъ извѣстнаго сословія. Но если законодатель принимаетъ въ разсчетъ послѣднее основаніе, то снисходительное отношеніе въ законѣ должно бы строго ограничиваться случаями дуэли, въ коихъ либо проявляется указанный мотивъ чести, или по крайней мѣрѣ ничто по обстоятельствамъ дѣла не говоритъ противъ этого мотива. Вслѣдствіе этого всякій разъ, когда было бы доказано, что поводъ къ дуэли былъ поданъ умышленно и искусственно при отсутствіи указаннаго мотива, что мотивомъ дуэли было корыстное чувство, желаніе избавиться отъ неудобнаго свидѣтеля, имѣющаго въ рукахъ доказательства позорящихъ обстоятельствъ, что дуэль была вызвана бреттеромъ, составившимъ себѣ профессію изъ дуэли и извлекающимъ изъ нея разныя выгоды путемъ прямаго или косвеннаго вымогательства, то участникъ дуэли, относительно котораго были бы установлены указанныя объстоятельства, долженъ бы былъ подвергаться въ случаѣ убійства или причиненія ранъ не привил-

легированной, а нормальной отвѣтственности за такія преступленія, притомъ усиленной [192]).

Группа болѣе тяжкихъ насильственниковъ, объединяемыхъ въ понятіи эндемическаго преступленія, строится изъ чрезвычайно разнообразныхъ преступленій противъ личности, при чемъ опредѣленіе подвидовъ группы по большей или меньшей степени аномалій не отличается опредѣленностью. Къ этому присоединяется требованіе неопредѣленнаго заранѣе по сроку наказанія (релегаціи) для дѣяній высшей тягости, отдѣленнаго чрезвычайно широкимъ разрывомъ отъ наказанія для дѣяній меньшей тягости, двойнаго денежнаго вознагражденія въ пользу государства и потерпѣвшаго. Въ результатѣ получается слѣдующее: огромная группа преступныхъ дѣяній, такъ сказать, скрадывается и растворяется въ понятіи эндемическаго преступленія, а уголовныя угрозы, утрачивая значеніе легко распознаваемыхъ карательныхъ величинъ, улетучиваются въ видѣ неопредѣленныхъ по мѣсту и времени видовъ релегаціи. Авторъ упрекаетъ современное законодательство за слабость къ означеннымъ преступленіямъ. Однако, слѣдуетъ сказать, что тогда какъ наприм. изнасилованіе по Гарофало должно

---

[192]) Ср. относительно различной оцѣнки дуэли, сообразно свойству побужденій дуэлистовъ, Hälschner, Gerichtssaal 1883 Der Thatbestand des Zweikampfs стр. 191, гдѣ авторъ, впрочемъ, ограничивается бѣглыми замѣчаніями, напр. что грубый забіяка не заслуживаетъ полагаемой въ законѣ custodia honesta. Вѣрная оцѣнка побужденій дуэлистовъ у Carrara Programma del corso di diritto criminale Parte speciale V, стр. V Tit. 3 Del duello § 290. Судья, оцѣнивая дуэль, говоритъ Каррара, долженъ принимать въ разсчетъ causa дуэли со стороны какъ относительной правомѣрности ея, такъ и бо̀льшаго давленія на опредѣленіе воли. Поэтому наказуемость дуэли должна бы уменьшаться сообразно силѣ и разумности мотива, побуждавшаго къ ней. Любопытныя бытовыя черты, говорящія въ пользу указаннаго въ текстѣ различенія случаевъ дуэли, въ Итальянской общественной жизни, а равно описаніе дѣйствій профессіональныхъ дуэлистовъ ср. въ Nuova Antologia 1888 г. Vol. XVI, fasc. XIV Le Corte d'onore стр. 234 и 237. Ср. также статью Berenini въ Archivio di psichiatria V Alcune considerazioni sulla respousabilità giuridica dei duellanti, гдѣ авторъ требуетъ безнаказанности дуэли, даже окончившейся смертью одного изъ участниковъ, въ виду соглашенія жертвы на бой и наличности правомѣрнаго мотива чести.

влечь, если оно совершено въ видѣ одиночнаго проступка, релегацію, правда неопредѣленную по сроку, но съ періодомъ отъ 5—10-ти лѣтъ испытанія, которымъ можетъ и оканчиваться наказаніе, современныя законодательства облагаютъ это преступленіе несравненно болѣе значительными и притомъ несомнѣнными пораженіями. Трудно найти предложеніе, лучше характеризующее новую школу, какъ порядокъ содержанія, предлагаемый для несовершеннолѣтняго, заподозрѣннаго въ качествѣ будущаго „кровожаднаго прирожденнаго преступника“. Гарофало беретъ драчливаго мальчика и, въ виду совершаемыхъ имъ насильственныхъ дѣйствій, ударовъ, тѣлесныхъ поврежденій, легкихъ, но неоправдываемыхъ провокаціей, требуетъ при наличности данныхъ, соотвѣтствующихъ четыремъ критеріямъ, цѣлаго ряда испытательныхъ дѣйствій надъ несовершеннолѣтнимъ. Можно еще понять помѣщеніе въ manicomio criminale на испытаніе, хотя позволительно спросить, умѣстно ли это заведеніе, долженствующее быть складомъ всевозможныхъ уродливостей человѣческаго рода, для содержанія несовершеннолѣтняго? Какія далѣе испытанія будутъ произведены надъ несовершеннолѣтнимъ въ уголовныхъ колоніяхъ или въ мѣстѣ релегаціи, авторъ не говоритъ. Однако можно опасаться, что принятіе разныхъ мѣръ въ виду тяжкаго подозрѣнія, тяготѣющаго на несовершеннолѣтнемъ, при полной неизвѣстности для него, за что онъ безсрочно содержится, такъ какъ нельзя же сказать ему, въ чемъ его подозрѣваютъ, способно крайне вредно повліять на пацієнта. И въ самомъ дѣлѣ, различныя испытанія не могутъ зависѣть отъ хорошаго поведенія. Хорошее поведеніе можетъ быть объяснено притворствомъ, и во всякомъ случаѣ, что значитъ оно сравнительно съ преступникомъ—прадѣдомъ, со стекловиднымъ взглядомъ убійцы, брахикефалическимъ черепомъ и классическими ушами? Возможно, что при такихъ условіяхъ характеръ несовершеннолѣтняго, никогда не бывшій хорошимъ, испортится въ конецъ, по отпускѣ на свободу онъ постарается отомстить за испытаніе какимъ либо крупнымъ проступкомъ, и тогда значеніе критеріевъ черепа и фи-

зіономіи, психическихъ свойствъ и наслѣдственности получитъ блестящее подтвержденіе [193]).

Что касается до третьяго и послѣдняго класса преступниковъ воровъ, обнимающаго виновниковъ кражи, обмана, подлога, то Гарофало ничего не прибавляетъ существеннаго къ характеристикѣ этихъ лицъ, которая была дана имъ ранѣе въ предшествующихъ отдѣлахъ Criminologia.

VIII.

Въ системѣ карательныхъ средствъ автора нормальными является смертная казнь для перваго класса, вѣчная и временная ссылка, денежное взысканіе съ принудительными и замѣняющими мѣрами для втораго и третьяго. Manicomio criminale, наконецъ, представляется вспомогательной или замѣняющей мѣрой какъ для нѣкоторыхъ инстинктивныхъ преступниковъ (?), такъ и душевнобольныхъ. Вопросы о смертной казни и спеціальныхъ уголовныхъ пріютахъ были разсмотрѣны выше въ отдѣльности. Остается разсмотрѣть ссылку и денежное взысканіе.

Подъ ссылкой въ самомъ общемъ смыслѣ можно разумѣть принудительное удаленіе и переселеніе осужденнаго для отбытія наказанія въ заморскія земли или отдаленныя государственныя терри-

---

[193]) Весьма естественно, что подобныя предложенія производятъ сильное предубѣжденіе противъ криминальныхъ антропологовъ и медиковъ, что очень наглядно выразилось на Антверпенскомъ конгрессѣ 1890 г. посвященномъ покровительству нравственно заброшенныхъ дѣтей и патронату. Предложеніе подвергать таковыхъ дѣтей прежде помѣщенія ихъ въ семьи медицинскому освидѣтельствованію для разрѣшенія вопроса, можетъ ли эта мѣра приниматься безъ вреда для семьи, въ которую долженъ поступить ребенокъ, было отвергнуто въ секціи и въ общемъ собраніи. Генеральный прокуроръ Van Schoor воскликнулъ по поводу заявленія Бенедикта въ пользу этого предложенія: „Vous voulez donc rendre les enfants fous en les livrant si souvent à l'examen des médecins“. Докторъ Ладамъ, не смотря на порицаніе имъ такого образа дѣйствій собранія, очень вѣрно замѣчаетъ „Avouons que c'est un peu notre faute. Jusqu'a présent la science dite Anthropologie criminelle a plutôt fait parler d'elle par les théories audacieuses qu'elle proclame que par de recherches sérieuses et démonstratives (Archives d'anthropologie criminelle 1891 г. стр. 72 и 73)

торіи, съ обязательнымъ пребываніемъ въ мѣстѣ переселенія и отбытія наказанія пожизненно или на продолжительный срокъ. Карательное значеніе ссылки можетъ усиливаться вслѣдствіе прибавленія къ ней тюремнаго лишенія свободы въ мѣстѣ переселенія и занятія ссыльнаго тяжкими работами. Различіе простой ссылки или соединенной съ заключеніемъ и работами, различіе мѣстностей ссылки и различія въ правонарушеніяхъ сосланныхъ, различія въ срокѣ создаютъ рядъ видовъ ссылки, различныхъ по карательному содержанію. Ссылка въ смыслѣ самостоятельнаго наказанія, соединенная съ тюремнымъ лишеніемъ свободы или безъ такового, въ настоящее время встрѣчаетъ, если не всеобщее, то весьма распространенное отрицательное отношеніе въ литературѣ [194]). Не смотря

---

[194]) Въ нашей отечественной литературѣ заслуга основательнаго изслѣдованія ссылки принадлежитъ профессору Фойницкому (Ссылка на западѣ 1881 г.), далѣе, соотвѣт. отдѣлъ Ученія о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ 1881 г. Авторъ приходитъ къ отрицательному заключенію относительно ссылки въ виду трудности выбора непаселенной мѣстности и опредѣленія лицъ, подлежащихъ ссылкѣ, трудности устроенія мѣстъ заключенія и водворенія ссыльныхъ, тягости издержекъ, вреднаго вліянія на свободное населеніе и противурѣчія задачамъ исправленія (Ученіе о наказ. ч. III отд. II гл. 2-я § 1 Оцѣнка ссылки). Къ противникамъ ссылки равномѣрно принадлежатъ Кистяковскій Элементарный Учебникъ § 451, далѣе г-нъ Ядринцевъ Сибирь какъ колонія (Глава VIII. Ссылка въ Сибирь). Г. Спасовичъ, признавая за ссылкой въ своемъ Учебникѣ уголовнаго права II § 97-й свойства обезпечительности, устрашительности и исправительности, указываетъ на разныя затрудненія, связанныя съ ея устройствомъ. Въ докладѣ С.-Петербургскому Тюремному конгрессу о неисправимыхъ преступникахъ, г. Спасовичъ характеризуетъ ссылку, какъ временный палліативъ, освобождающій государство отъ необходимости преобразовывать свою пенитенціарную систему (Указ. изд. С.-Петерб. Юридическ. общества стр. 154-я). Г. Сергѣевскій высказывается за колонизаціонно-исправительную ссылку для государствъ, обладающихъ большими незаселенными пространствами (Русск. Угол. Право изд. 2-е 1890 стр. 149). Наконецъ, защитникомъ ссылки въ нашей литературѣ является г. Таганцевъ. Настаивая на необходимости строгой разборчивости относительно выбора мѣстности для ссылки, а равно облагаемыхъ ссылкой дѣяній, авторъ допускаетъ ссылку какъ самостоятельное наказаніе за нѣкоторое ограниченное число преступленій и въ качествѣ мѣры, дополняющей лишеніе свободы за важнѣйшія преступленія, а равно незначительные проступки рецидивистовъ. Единственною ареной серьезныхъ нападковъ на ссылку авторъ признаетъ ее практическую сторону, трудность осуществленія (Лекціи IV § 832-й). Въ указ. мѣстѣ г. Таганцевъ перечисляетъ защитниковъ ссылки во Французской

на то, что вопросы тюрьмовѣдѣнія, при накопляющемся запасѣ опыта и наблюденій, нерѣдко въ наше время подвергаются пере-

---

литературѣ временъ второй имперіи и третьей республики Pariset, Ferrus, Barbaroux, Alauzet, Dépret, Breton, Michaux, Garraud, Ortolan, замѣчая, что изъ извѣстныхъ противниковъ ссылки можно назвать только Berenger, да изъ новыхъ Joly, такъ какъ Rossi и Boitard относятся къ предшествующему періоду. Но при этомъ не упоминается объ ученой дѣятельности Lucas, оспоривавшаго ссылку съ 1836 г. (Théorie de l'emprisonnement, т. 3), возстававшаго противъ идеи закона 1885 г. о релегаціи въ 1878 г. въ сообщеніи Французской Академіи, La transportation pénale ou la politique de débarras, и противъ современнаго порядка каторжныхъ работъ во Франціи въ книгѣ "De l'état anormal en France de la répression" 1885 г. Къ старымъ писателямъ, противникамъ ссылки, указаннымъ г. Таганцевымъ, должно прибавить еще (Lepelletier, Système pénitentiaire 1853 г. гл. XI). Къ новѣйшимъ противникамъ ссылки во Франціи, сверхъ Joly, принадлежатъ: Tarde Philosophie pénale стр. 513. Baudouin Des colonies pénales B. S. G. P. 1885 г. James Nattan La transportation, то же изд. 1886 года. Къ нимъ примыкаетъ и Бельгіецъ Prins, Criminalité et répression 1885 г. Современные приверженцы ссылки во Франціи Leveillé, Desportes, Lanessan (хотя всѣ они и противники современнаго устроенія ея во Франціи). Интересное слѣдствіе было произведено выдающимся противникомъ ссылки Beltrani Scalia (La deportazione 1874 г., а равно Riforma penitenziaria 1879 г.) въ 1873 г. путемъ письменнаго запроса разныхъ ученыхъ относительно ихъ мнѣній о ссылкѣ (Riv. di discip. carcer. 1874 г. стр. 177—226). Въ отвѣтахъ своихъ высказались противниками ссылки: въ Швеціи— D' Olivercrona, въ Голландіи — Pols, Grevelinck, въ Германіи—Röder и Holtzendorff, (послѣдній, отвергая ссылку для политическихъ преступниковъ и преступниковъ общаго права, признаетъ исправительно колонизаціонную ссылку доступною только для Россіи), въ Бельгіи—Thonissen, въ Италіи—Brusa, Tolomei. Условно, съ многочисленными оговорками, допускаютъ ссылку Итальянцы De Falco, Ellero, Pessina, первый—до окончанія тюремной реформы, второй—въ качествѣ замѣняющаго наказанія, третій—въ качествѣ послѣдняго стадія отбытія наказанія. Объ Итальянскомъ защитникѣ ссылки Cerruti, авторѣ фантастическихъ статей, ср. указ. соч. Beltrani Scalia. Buccellati выказалъ въ отвѣтѣ Бельтрани Скаліа странное мнѣніе: наравнѣ съ политическими преступниками и закоренѣлыми преступниками, осуждаемыми въ Италіи къ domicilio coatto, онъ полагалъ бы отправлять въ заморскія владѣнія душевно-больныхъ преступниковъ. Въ Англіи къ старымъ противникамъ ссылки Bentham, Howard, Makintosh, Campbell, Grey, Whately, Bannister въ наше время присоединяются Tallack, Du Cane, Chapwike. Armengol y Cornet въ письмѣ къ Бельтрани Скаліа указываетъ, что нѣтъ ни одного ученаго въ Испаніи, благопріятнаго ссылкѣ. Чрезвычайно сильная и обстоятельная критика у Donna Concepcion Arenal въ Estudios penitenziarios стр. 165—169. Въ Германіи противникомъ ссылки, сверхъ указаннаго выше Röder, надо признать Гольцендорфа, какъ вслѣдствіе его доклада Стокгольмскому конгрессу, такъ и въ особенности вслѣдствіе его отзыва въ Handb. des Gfw. I,

смотру, едва ли можно ожидать, чтобы такое отношеніе къ ссылкѣ измѣнилось. И въ самомъ дѣлѣ, на основаніи богатаго опыта Англійской, Французской, отечественной ссылки, слѣдуетъ признать, что ссылка институтъ, покоящійся на самыхъ невѣрныхъ устояхъ, зависящій отъ факторовъ, крайне трудно поддающихся разсчету и предвидѣнію. Какъ выражался полковникъ Джеббъ, какія бы мѣры не принимались относительно устроенія ссылки, всегда приходится дѣлать выборъ изъ нѣсколькихъ золъ. Основная идея ссылки освобожденіе метрополіи отъ преступниковъ чрезвычайно проста. И вмѣстѣ съ тѣмъ трудно вообразить болѣе сложный карательный механизмъ въ виду того, что ссылка требуетъ отдаленной перевозки осужденныхъ, устройства мѣстъ заключенія вдали отъ

стр. 429, гдѣ почтенный ученый заявляетъ, что ссылка въ качествѣ карательнаго средства не представляетъ ни одного вѣрнаго преимущества сравнительно съ туземнымъ отбытіемъ наказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ много затрудненій и недостатковъ. Противъ ссылки также высказывается рѣшительно Krohne въ Lehrbuch § V, Die Deportation. Рядъ собраній спеціалистовъ высказался противъ ссылки. На Лондонскомъ конгрессѣ 1872 года (см. Pears Prisons стр. 40), графъ De Foresta, приверженецъ устроенія каторжныхъ работъ въ заморскихъ колоніяхъ, встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны Hastings. Конгрессъ воздержался постановить резолюцію. Стокгольмскій конгрессъ 1878 года въ своей резолюціи постановилъ, что ссылка представляетъ такія трудности исполненія, которыя не допускаютъ принятія ея во всѣхъ странахъ и не дозволяютъ надѣяться, чтобы она могла осуществить всѣ требованія хорошаго отправленія правосудія. Собраніе Рейнско-Вестфальскаго тюремнаго общества въ 1879 г., признало ссылку неосуществимымъ и нецѣлесообразнымъ средствомъ, наконецъ Съѣздъ Тюрьмовѣдовъ въ Фрейбургѣ въ 1886 года, согласно докладамъ Строссера и Сихарта (Bl. f. Gfk. 21, 1886 г.), постановилъ слѣдующую резолюцію. Принятіе наказанія ссылки въ германское уголовное уложеніе не можетъ быть одобрено, въ виду, по крайней мѣрѣ, опытовъ другихъ странъ и при условіяхъ нашего колоніальнаго строя, по слѣдующимъ основаніямъ. Ссылка не дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ, она не содѣйствуетъ нравственному исправленію сосланныхъ лицъ, напротивъ заключаетъ въ себѣ пагубныя свойства, какъ для туземцевъ, такъ и для свободныхъ поселенцевъ въ колоніи; она менѣе служитъ цѣли обезпеченія, чѣмъ исполненіе нормальнаго наказанія въ туземныхъ тюрьмахъ и сверхъ того соединяется съ несоразмѣрными издержками при ея примѣненіи. Можно обходиться безъ ссылки, какъ карательнаго средства, если государство, церковь и общество въ полной мѣрѣ примѣняютъ наличныя средства предупрежденія и пресѣченія противъ преступности (Bl. f. Gfk. 22, 1887 г. отчетъ о засѣд. 17 Сентября 1886 г. стр. 103—104).

метрополіи, устройства тяжкихъ карательныхъ работъ, наконецъ, устроенія правильнаго порядка жизни въ новомъ мѣстѣ для ссыльныхъ, водворенія ихъ. Какимъ же карательнымъ цѣлямъ должна служить ссылка? Цѣль общаго предупрежденія и устрашенія достигаются весьма мало, такъ какъ представленія о разныхъ выгодахъ, предстоящихъ для осужденнаго въ видѣ легкаго заработка, пріобрѣтенія земельнаго участка, даже быстраго обогащенія, способны перевѣшивать представленія о карательныхъ лишеніяхъ, соединенныхъ съ ссылкой, и даже создавать соблазнъ въ непмущемъ населеніи. Приданіе репрессивнаго характера ссылкѣ требуетъ особо суровыхъ пріемовъ, которые вообще не болѣе легко достижимы при ссылкѣ, чѣмъ при тюремномъ лишеніи свободы въ метрополіи, въ виду работъ на открытомъ воздухѣ, легкости побѣговъ, затрудненій по надзору за осужденными. Остаются цѣли обезпеченія и исправленія. Но, какъ справедливо указываетъ Гольцендорфъ, цѣль обезпеченія только тогда оправдывала бы ссылку, если бы было доказано, что хорошо устроенныя тюремныя заведенія въ метрополіи въ меньшей мѣрѣ способны содѣйствовать этой цѣли, что устройство такихъ заведеній требуетъ больше денежныхъ средствъ, чѣмъ ссылка, что мѣры полицейскаго надзора и патроната менѣе ссылки годны для предупрежденія рецидивы [195]). Опытъ показываетъ, что значительное число побѣговъ бываетъ при ссылкѣ [196]). Что касается до цѣ-

---

[195]) Congrès de Stock. I, докладъ Гольцендорфа стр. 18 и 19.

[196]) Наша Сибирская ссылка, не смотря на громадность разстояній, отдѣляющихъ ссыльнаго отъ метрополіи, даетъ большое число побѣговъ. Съ 1827 по 1847 годъ въ числѣ ссыльныхъ по свѣдѣніямъ Тобольскаго приказа значилось 18,328 возвращенныхъ бѣглыхъ. По свѣдѣніямъ 1869—1871 года, представленнымъ чиновнику Министерства внутреннихъ дѣлъ Власову, съ Кара-Нерчинскихъ пріисковъ изъ 7462 человѣкъ бѣжало 1016. За то же время съ Амура, Сахалина, Забайкальскихъ работъ бѣжало 1430 человѣкъ. Процентъ бѣглыхъ доходитъ мѣстами до 50% (г. Ядринцевъ, Сибирь, какъ колонія 2 изд. 1892 г. гл. VIII ссылка въ Сибирь и состояніе ссыльныхъ стр. 268 и 269). Съ острова Сахалина, по свидѣтельству г. Чеховича бѣжало въ 1889 году 30, 37% средняго годоваго состава, если же взять прежніе годы и всю массу бѣжавшихъ въ тоже время каторжныхъ, то отношеніе ихъ по общему составу выразится въ 60% (въ Сборникѣ Помощь Голодающимъ, 1892 г., Бѣглые на Сахалинѣ стр. 236). По от-

ли исправленія, то она достигается съ большимъ трудомъ. Скопленіе и смѣшеніе осужденныхъ, притомъ въ полной праздности, неизбѣжно во время перевозки. Каторжныя работы въ обширномъ смыслѣ не допускаютъ отдѣленія менѣе порочныхъ отъ совершенно испорченныхъ лицъ, такимъ образомъ, совмѣстное содержаніе становится общимъ правиломъ. Утилитарныя задачи, требующія примѣненія физическихъ силъ ссыльныхъ, оставляютъ вообще мало мѣста для исправительныхъ пріемовъ воздѣйствія [197]). Тѣ же соображенія въ полной мѣрѣ примѣняются и къ простой ссылкѣ безъ принудительныхъ работъ. Нечего, поэтому, удивляться что свидѣтельства, относящіяся къ Англійской, Французской, отечественной ссылкѣ, одинаково говорятъ о ссыльныхъ, какъ о вредоносномъ элементѣ для безопасности лицъ и имуществъ въ колоніи, для правовъ мѣстныхъ жителей [198]). Вотъ почему указанія на испра-

---

чету главнаго тюремнаго Управленія за 1890 годъ при взросломъ ссыльномъ населеніи Сахалина въ 9974 челов. въ этомъ году бѣжало и пропало безъ вѣсти 130 человѣкъ (стр. 325). По даннымъ Гвіанской ссылки съ 31 Марта 1852 года по 31 Декабря 1874 г. изъ числа 20,914 ссыльныхъ было не менѣе 2,151 бѣжавшихъ и исчезнувшихъ.

[197]) На это съ удареніемъ указываетъ Legrand, врачъ морскаго вѣдомства на основаніи видѣннаго имъ въ новой Каледоніи: Une colonie pénitentiaire, La nouvelle Calédonie въ Archives d'anthropologie criminelle 1893 г. стр. 96). Ранѣе на это указывалъ д'Оссонвиль, говоря о promiscuité organisée Гвіанской и Каледонской каторги, въ связи съ болѣе слабой, чѣмъ въ метрополіи, дисциплиной (Les établissements pénitentiaires en France et aux colonies). Поразительныя свѣдѣнія объ увеселительномъ образѣ жизни каторжниковъ въ мѣстахъ заключенія въ Новой Каледоніи, о привольномъ для нихъ способѣ работъ въ chantiers и camps у Dénis, ancies sous directeur de l'administration pénitentiaire à la nouvelle Caledonie, Révue nouvelle 1884 года, Le Bagne d'aujourd'hui. Эти свѣдѣнія не были опровергнуты администраціей и повидимому послужили толчкомъ для современныхъ преобразовательныхъ мѣръ.

[198]) Разсѣяніе преступности изъ одного мѣста, говоритъ Гольцендорфъ, влечетъ сосредоточеніе ея въ другомъ, (Congrès de Stock. I, 20). Г. Таганцевъ замѣчаетъ противъ заявленія Мехелина на Стокгольмскомъ конгрессѣ относительно несоотвѣтствія снабженія колоній отребьями человѣчества цивилизаторской роли Европы, что „такія возраженія едва ли нуждаются въ опроверженіи“ (указ. соч. стр. 1514-я). Однако, не говоря уже о томъ, что Бельтрани Скаліа говорилъ на конгрессѣ въ томъ же смыслѣ, что такія же возраженія противъ ссылки дѣлались Франклиномъ, Люка, можно привести рядъ фактическихъ данныхъ

вительныя свойства присущія ссылкѣ, коренящіяся въ возможности легкой и быстрой ассимиляціи ссыльныхъ свободнымъ населеніемъ въ

въ пользу того, что „ссылка въ высшей степени неблагопріятно вліяетъ на нравственный уровень той страны, куда направляются ссыльные и задерживаетъ развитіе въ ней гражданственности“ (Фойницкій Ученіе о наказаніи стр. 305-я). Такъ Анучинъ указываетъ связь высокаго развитія преступности въ Пермской губерніи въ связи съ бродяжествомъ бѣглыхъ ссыльныхъ изъ Сибири, Изслѣдованія о процентѣ сосланныхъ въ Сибирь въ періодъ 1827—1846 годовъ (стр. 207-я). По удостовѣренію Максимова, значительное развитіе преступности замѣчается въ губерніяхъ Пермской и Оренбургской, Казанской и Симбирской, а равно въ Тобольской губ., населенной лицами, освобожденными изъ арестантскихъ ротъ и непринятыми обществами (Сибирь и каторга изд. II, ч. 2-я стр. 103). Г. Ядринцевъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ печальныхъ результатовъ ссылки. Такъ, по мѣстной статистикѣ, преступность Сибири превосходитъ всѣ другія мѣстности. Первенствующее мѣсто на лѣстницѣ преступленій занимаютъ опаснѣйшія преступленія (убійство), далѣе имѣются специфическія, особенно свойственныя Сибири преступленія (бродяжество и поддѣлка денежныхъ знаковъ). Усиленіе преступленій идетъ въ неимовѣрно быстрой пропорціи, совершеніе преступленій падаетъ въ большинствѣ на ссыльныхъ. Сверхъ того, по отзыву г-нъ Ядринцева, ссылка отражается неблагопріятно и въ другихъ отношеніяхъ на Сибири: развитіемъ разврата, незаконныхъ сожитій, увеличеніемъ незаконныхъ рожденій, растлѣвающимъ вліяніемъ на общественную жизнь вслѣдствіе близкаго соприкосновенія всѣхъ слоевъ общества съ ссыльными, поколебаніемъ понятій собственности и гражданственности, наконецъ распространеніемъ сифилиса, заносимаго партіями (указ. соч. стр. 279—286). По отзыву Пріамурскаго генералъ-губернатора барона Корфа положеніе ссыльныхъ въ Сибири является вполнѣ угрожающимъ для цѣлаго края, пришедшаго благодаря ссылкѣ въ состояніе полной развращенности. Во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1885 г. Иркутскаго генералъ губернатора значится, что къ 1 Января этого года въ Восточной Сибири числилось ссыльныхъ 99000 мужчинъ и 11600 женщинъ, но что почти половина изъ этого числа безвѣстно отсутствуетъ, составляя бездомный людъ, который постоянно держитъ населеніе въ страхѣ за его жизнь и имущество (тамъ же стр. 311, 313 и 315). Страшное развитіе преступности въ Австраліи при Англійской ссылкѣ вызывало не разъ требованія объ ея отмѣнѣ. „Лѣтописи Botany Bay, Port Jackson, Norfolck Island, Macquarie Harbour и другихъ Австралійскихъ штрафныхъ поселковъ свидѣтельствуютъ.... о порядкахъ, приближающихся къ пандемоніуму. Оскорбленное человѣчество съ негодованіемъ принудило Англійское правительство бросить систему, окончившуюся глубокимъ позоромъ“ (Tallack, Principles стр. 71 и 72). На Стокгольмскомъ конгрессѣ генеральный инспекторъ тюремъ въ Австраліи Hinde высказался въ своемъ докладѣ въ томъ смыслѣ, что опытъ ссылки въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, Тасманіи и Западной Австраліи показалъ необходимость ея упраздненія въ странѣ, населенной въ значительной степени свободными лицами. Бѣдствія, обусловленныя въ молодыхъ колоніяхъ присутствіемъ сосланныхъ туда лицъ, значительно боль-

колоніи, гдѣ ссыльные будто бы встрѣчаютъ меньше недовѣрія въ мѣстныхъ жителяхъ, чѣмъ лица, отбывшія наказаніе въ метрополіи, далеко не всегда оказываются справедливыми. Можно, конечно, сослаться на эманципистовъ въ Австраліи, на состоятельныхъ людей, вышедшихъ изъ класса ссыльныхъ. Но какъ это было и въ Австраліи, по мѣрѣ появленія свободныхъ поселенцевъ и прилива капиталовъ, по мѣрѣ того какъ уменьшается потребность въ рабочей силѣ ссыльныхъ, послѣдніе, по замѣчанію Lucas, составляютъ расу паріевъ, они объединяются въ видѣ ненавистнаго для свободнаго населенія штрафнаго класса, и доступъ въ ряды полноправныхъ гражданъ имъ крайне затрудняется. Къ этимъ обстоятельствамъ, препятствующимъ видѣть въ ссылкѣ исправительныя свойства, присоединяются: пожизненность выселенія изъ отечества, свойственная болѣе тяжкимъ видамъ ссылки, трудность устроенія семейной жизни и преобладаніе незаконныхъ связей [199]).

Если, такимъ образомъ, задачамъ карательной дѣятельности ссылка удовлетворяетъ въ весьма несовершенной степени, то съ ней соединяется сверхъ того два коренные недостатка: громадность требуемыхъ ссылкой издержекъ и затрудненіе центральнаго контроля за ходомъ карательнаго порядка. Послѣдній недостатокъ удостовѣряется опытомъ Французской ссылки въ Каледоніи. Въ указанной странѣ заведенные мѣстной администраціей съ 1882 года

ше, чѣмъ благо для страны, которая отъ нихъ освобождается (Congrès de Stockholm I. стр. 731). Ср. по части Французской ссылки въ Новую Каледонію и развитія въ этой странѣ преступности въ особенности между liberés, Moncelon Le bagne et la colonisation pénale a la nouvelle Calédonie par un témoin oculaire 1886 г. а также вышеуказ. статью очевидца Legrand, оба они говорятъ о бродяжествѣ, повальномъ пьянствѣ, о преступленіяхъ противъ собственности со стороны какъ бѣглыхъ, такъ и отбывшихъ каторгу лицъ, держащихъ колонію въ осадномъ положеніи.

[199]) Ср. у Фойницкаго (Уч. о нак. стр. 303—304) указанія на несоотвѣтствіе помянутыхъ въ текстѣ условій колонизаціоннымъ цѣлямъ ссылки, а равно осуществленію исправительныхъ задачъ. Авторъ отмѣчаетъ неблагопріятныя послѣдствія лишенія правъ и недостатокъ воспитательныхъ мѣръ. Гольцендорфъ замѣчаетъ въ докладѣ Стокгольмскому конгрессу, что ссылка ведетъ часто къ привиллегіи осужденнаго—кормиться на счетъ администраціи (стр. 19 и 20).

порядки содержанія каторжныхъ, а равно политика колонизаціи признаны центральнымъ управленіемъ нынѣ очень неудовлетворительными и вызываютъ рядъ преобразовательныхъ распоряженій (ср. Bull. Société génèrale des Prisons 1889 года, инструкцію Секретаря Колоній губернатору Новой Каледоніи, Instructions sur la transportation en Calédonie стр. 884—889).

Аргументація Гарофало въ пользу ссылки облекается въ форму возраженій противъ главныхъ положеній противниковъ ссылки. Противъ положенія о неравномѣрности ссылки, вслѣдствіе различнаго воздѣйствія на разныхъ преступниковъ, Гарофало ссылается на всеобщность болѣзненнаго чувства разлуки съ родиной навсегда. Этотъ доводъ въ устахъ антрополога-криминалиста является неожиданнымъ. Писателей юридической школы упрекаютъ за сужденіе о психологическомъ строѣ преступниковъ по собственному опыту, а между тѣмъ именно такъ поступаетъ Гарофало. Любовь къ родинѣ и печаль при разлукѣ съ нею, естественныя у честныхъ эмигрантовъ, обусловленныя семейственными и общественными отношеніями ихъ, приписываются неприспособленнымъ къ обществу лицамъ, состоящимъ въ постоянной съ нимъ войнѣ. Гарофало сверхъ того указываетъ, что если ссылка неравномѣрна, то неравномѣрна и тюрьма по различному воздѣйствію на различныхъ лицъ. Положеніе это справедливо, но оно не устраняетъ той специфической неравномѣрности, которая лежитъ въ ссылкѣ и вслѣдствіе которой принудительное выселеніе изъ родины является крайне тяжелымъ и мучительнымъ для однихъ лицъ, и не только малозначительнымъ зломъ, а даже желательнымъ сравнительно исходомъ для другихъ [200]). Гарофало оспариваетъ совершеніе преступленій съ цѣлью подвергнуться ссылкѣ въ видѣ болѣе общаго явленія, допуская лишь исключительные случаи, бывшіе при открытіи золотоносныхъ

---

[200]) Яркую характеристику неуравнительности ссылки по различію значенія принудительной разлуки съ родиной для различныхъ по нравственному строю лицъ ср. у короля Оскара Om Straff och Straffanstalter 1840 г. Этотъ же тезисъ былъ развитъ Бельтрани Скаліа на Стокгольмскомъ конгрессѣ.

розсыпей въ Западной Австраліи. Точно также и г-нъ Таганцевъ признаетъ неубѣдительнымъ указаніе противниковъ ссылки на примѣры совершенія преступленія ради даровaго переѣзда въ мѣста, привлекающія эмиграцію, а равно на добровольное согласіе Французскихъ каторжниковъ 1852 г. относительно отправки ихъ въ ссылку. „Съ одной стороны мы знаемъ случаи совершенія преступленій не только ради будущей тюрьмы, но и смертной казни, а съ другой никто не могъ указать числа такихъ вызванныхъ ссылкой преступленій". Тяжкія совершенныя во Франціи maisons centrales преступленія не могутъ ставиться на счетъ ссылки, указывая на неустройство этихъ домовъ (указ. соч. стр. 1514). Противъ обоихъ авторовъ, Итальянскаго и отечественнаго, должно замѣтить, что соблазнъ, вызываемый ссылкой къ совершенію новыхъ преступленій, есть явленіе, засвидѣтельствованное рядомъ точныхъ данныхъ, что свидѣтельствуетъ объ его общности. Приравнивать къ нему случаи, имѣющіе отношеніе къ тюрьмѣ или къ смертной казни, нѣтъ основанія. Желаніе попасть въ тюрьму иногда вызывается голодомъ, холодомъ у лицъ, находящихся въ состояніи полной нищеты и ведетъ обыкновенно къ незначительному проступку. Далѣе, извѣстны случаи совершенія преступленія изъ за смертной казни лицами невмѣняемыми. Въ разсматриваемомъ случаѣ, напротивъ мы имѣемъ дѣло съ чрезвычайно сильнымъ соблазномъ, обусловленнымъ ожиданіемъ сравнительно болѣе привольной жизни въ колоніи—у лицъ свободнаго населенія, желаніемъ разнообразія, любопытствомъ, ожиданіемъ большей свободы и большей возможности побѣга—у лицъ осужденныхъ и отбывающихъ тюремное лишеніе свободы въ метрополіи.

Практика Англіи представляетъ намъ убѣдительныя данныя относительно сказаннаго анормальнаго воздѣйствія ссылки на лицъ первой категоріи. Въ 1833 году Англійскимъ Секретаремъ внутреннихъ дѣлъ Stanley была издана инструкція объ исполненіи большей доли наказанія въ штрафныхъ поселкахъ и дорожныхъ командахъ, причемъ эта мѣра рекомендовалась въ особенности по

отношенію „gentleman convicts“, благопріятное положеніе которыхъ, по мнѣнію правительства, являлось соблазномъ къ совершенію преступленій вообще (Du Cane, Punishment and prevention of crime V, стр. 139).

Далѣе, на недостатокъ предупредительнаго воздѣйствія угрозы ссылки указываетъ явленіе постояннаго усиленія преступности въ Англіи въ то время, когда она высылала своихъ преступниковъ въ Австралійскія колоніи. По свидѣтельству сэра Du Cane, въ 30-хъ годахъ нашего вѣка число осужденныхъ преступниковъ при 15-ти милліонномъ населеніи Великобританіи=43000 конвиктовъ въ Новомъ Уэльсѣ и Ванъ Дименовой землѣ, всего же отбывающихъ наказаніе (вмѣстѣ съ находившимися въ Гибралтарѣ и Бермудахъ) было около 50000. Напротивъ, въ 1888 г. въ Англіи при населеніи 27 милліоновъ число конвиктовъ=11000 человѣкъ (указ. соч. стр. 133)[201]).

По отношенію къ Франціи имѣется рядъ данныхъ, подтверждающихъ указанный соблазнъ у лицъ осужденныхъ. Допустимъ, что случай согласія 3000 каторжныхъ на перевозъ ихъ изъ bagnes въ Гвіану представляется, какъ утверждаетъ г. Таганцевъ, случаемъ исключительнымъ, обусловленнымъ заманчивой перспективой, представленной осужденнымъ Французскимъ правительствомъ относительно будущей жизни въ Гвіанѣ. Изъ циркуляра Министра внутреннихъ дѣлъ 1842 г. видно, что въ то время заключенные въ maisons centrales совершали преступленія съ цѣлью попасть въ bagnes, вслѣдствіе чего Министромъ сдѣлано было распоряженіе о занятіи таковыхъ лицъ тягчайшими работами въ maisons centrales. Далѣе, въ циркулярѣ министра Персиньи отъ 23 Іюля 1853 г. указывалось, что нѣсколько лицъ, содержавшихся въ центральныхъ домахъ, соверша-

---

[201]) Berenger приводитъ въ связь съ ссылкой увеличеніе преступности съ 1805 по 1850 годъ въ Англіи (Répression pénale I стр. 158). Prins дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Dans un climat sain, ou le travail s'offre, l'exil ainsi entendu n'est pas un châtiment, mais un bonheur envié par bien des gens“ и цитуетъ мнѣніе Моллесворта въ 1838 г. объ отсутствіи устрашительности ссылки (Criminalité et repression стр. 187).

ли убійства и поджоги, съ цѣлью ими признанной, подвергнуться осужденію въ каторжныя работы и требовать перемѣщенія въ Французскую Гвіану по декрету 1852 года. Министръ, напоминая, что такіе разсчеты практиковались во всѣ времена въ центральныхъ домахъ заключенными, которымъ нравился строй жизни въ bagnes, указывалъ, что всякое совершенное въ центральномъ домѣ преступленіе, должно влечь содержаніе въ одиночной кельѣ [202]). Явленіе, констатированное въ 40 и 50-хъ годахъ, повторилось во Франціи въ концѣ 70-хъ годовъ и по закону 25-го Декабря 1880 года совершающіе въ тюрьмахъ преступленія, съ цѣлью подвергнуться ссылкѣ въ Новую Каледонію, отбываютъ за нихъ наказаніе въ тюрьмахъ во Франціи. Такимъ образомъ, говоритъ Люка, законъ 1854 г. не только увеличилъ недостатокъ устрашительности каторжныхъ работъ, но и произвелъ еще путаницу въ степеняхъ лѣстницы наказаній, сдѣлавши желательнымъ для преступниковъ не низшую ступень, réclusion, а высшую, транспортацію, хотя бы цѣной новаго преступленія. Поэтому транспортація замѣнила въ области преступныхъ дѣяній устрашеніе притяженіемъ [203]). Наконецъ, какъ было указано выше, французская коммиссія по распредѣленію рецидивистовъ удостовѣряетъ обнаруженное у осужденныхъ по оффиціальнымъ документамъ желаніе высылки, преимущественно въ Новую Каледонію (ср. стр. 393-ю).

Далѣе Гарофало указываетъ противъ положенія, что ссылка возможна въ наше время лишь какъ временная мѣра, на пріобрѣтеніе Соединенными штатами С. Америки острововъ Галлапагосъ, на Ново-Каледонскую ссылку, на примѣръ нашего отечества. Не останавливаясь на Соединенныхъ штатахъ, такъ какъ самъ Гарофало не указываетъ на устройствѣ тамъ пока ссылки, слѣдуетъ сказать, что

---

[202]) Указ. документы были представлены Парламентской Коммиссіей 1872 г. директоромъ тюремнаго управленія Jaillant (Enquête parlem. Т. 2-й, стр. 302 и 303-я).

[293]) De l'état anormal de la répression, стр. 48.

Ново-Каледонская релегація, согласно указаннымъ выше даннымъ (стр. 391—395) едва ли можетъ служить примѣромъ, заслуживающимъ подражанія. Что касается нашей Сибирской ссылки, возбуждающей къ себѣ интересъ на Западѣ въ наше время [204]), то оцѣнка ея недостатковъ установлена самымъ положительнымъ и непререкаемымъ образомъ. Коммиссія государственнаго совѣта о тюремномъ преобразованіи въ 1878 году, на основаніи весьма значительныхъ мотивовъ относительно утраты Сибирской ссылкой всякаго карательнаго значенія, признала нужнымъ, согласно предположеніямъ министра юстиціи, оставить ссылку на поселеніе въ Сибирь единственно за дѣянія, не обнаруживающія порочной нравственности, а проистекающія изъ увлеченій, заблужденій, общественныхъ предразсудковъ или фанатизма. Редакціонная коммиссія по составленію проэктаа новаго уголовнаго уложенія также предположила сохранить ссылку на поселеніе, какъ мѣру взысканія для нѣкоторыхъ преступленій, оправдывающихъ удаленіе преступника изъ мѣста прежняго жительства, но не требующихъ болѣе или менѣе долгосрочнаго его заключенія (угол. уложеніе, объясненія, часть общая 1885 г. стр. 41—47). Въ концѣ 1886 года Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на заявленія Сибирскихъ властей о крайнемъ разстройствѣ системы ссылки въ Сибирь и выразить непремѣнную Высочайшую волю, чтобы вопросъ о ссылкѣ былъ подвергнутъ наискорѣйшему разсмотрѣнію въ смыслѣ возможнаго упорядоченія его и ограниченія повсемѣстнаго распространенія ссыльныхъ. Въ виду этихъ Высочайшихъ указаній начальникомъ главнаго тюремнаго управленія была составлена подробная записка, содержавшая предположенія о замѣнѣ ссылки на поселеніе и на житье—лишеніемъ свободы, о замѣнѣ ссылки на водвореніе за бродяжество каторжными работами, о сохраненіи ссылки по приговорамъ общества лишь относи-

---

[204]) Ср. въ Bull. Париж. Тюр. Общ. 1890 г. стр. 837. Séance 21 Novembre Conférence de Mr. Demetrius Komorsky inspecteur des prisons et de la transportation en Russie.

тельно удаленія порочныхъ членовъ. Составленный на основаніи этихъ предположеній проэктъ объ ограниченіи ссылки въ Сибирь былъ внесенъ въ Государственый совѣтъ, но вопросу о реформѣ ссылки не суждено было получить окончательнаго разрѣшенія и приступлено къ новымъ подготовительнымъ работамъ (Обзоръ десятилѣтней дѣятельности Главнаго тюремнаго управленія 1879—1889 г. стр. 83 и 84).

Указанныя данныя даютъ надежду г. Ядринцеву, что ссылка въ Сибирь скоро будетъ прекращена. „Весь вопросъ сводится ко времени ея уничтоженія и къ финансовымъ практическимъ средствамъ, дающимъ возможность замѣнить ее другою формою наказанія, какую найдетъ новый кодексъ болѣе удобною.... Освобожденіе Сибири отъ уголовной ссылки, рядомъ съ открытіемъ поприща для свободной колонизаціи, будетъ благодѣяніемъ для всего края, оздоровленіемъ общества и открытіемъ новыхъ нормальныхъ и здоровыхъ путей его гражданскому развитію“ (указан. соч. стр. 316—317).

Изъ изложеннаго видно, что сохраненіе ссылки въ нашемъ отечествѣ обусловливается не достоинствами ея, а лишь временной необходимостью ея сохраненія за невозможностью ея замѣны нынѣ же системой другихъ карательныхъ средствъ. Слѣдуетъ признать справедливымъ замѣчаніе г. Таганцева, что едва ли можно питать радужныя надежды на скорую и успѣшную тюремную реформу въ нашемъ отечествѣ (указ. соч. стр. 1516).

Указаніе Гарофало на резолюцію Калькутской конференціи 1877 года относительно ссылки на Андаманскіе острова представляется слабымъ доводомъ. Въ Актахъ Стокгольмскаго конгресса имѣется извлеченіе изъ протоколовъ этой конференціи, подъ заглавіемъ: La transportation aux iles Andamanes. Бельтрани Скаліа въ засѣданіи секціи конгресса по вопросу о ссылкѣ сослался на слѣдующія положенія, имѣющіяся въ этихъ протоколахъ: депортація на Андаманскіе острова предпочитается преступниками тюрьмѣ, ожидаемыя отъ депортаціи выгоды могутъ быть достигаемы на

материкѣ Индіи, значительная доля рабочей силы отвлекается отъ тюремъ депортаціей, которая къ тому же поглощаетъ значительныя суммы, хватившія бы на переустройство тюремъ въ Индіи (Congrès de Stockholm I. стр. 199). Что касается до резолюціи конференціи, на которую ссылается Гарофало, то она гласитъ, что собраніе постановило не высылать изъ Индіи срочно осужденныхъ, за исключеніемъ обычныхъ преступниковъ, въ виду того, что высылкой этихъ лицъ удовлетворяется требованію Андаманскихъ властей о присылкѣ извѣстнаго количества срочно-осужденныхъ, и что обычные преступники будутъ высылаться на долгій срокъ, для исправительнаго на нихъ воздѣйствія и вмѣсто краткосрочнаго лишенія свободы, не допускающаго такого воздѣйствія (Congrès II стр. 700—711). Изъ этой резолюціи видно, что если она совпадаетъ съ предложеніемъ Гарофало относительно категоріи подлежащихъ высылкѣ лицъ, то высылка мотивируется требованіями рабочей силы со стороны Андаманской колоніи и соображеніями исправительнаго воздѣйствія, т. е. совершенно иными, чѣмъ тѣ, которыми руководится Гарофало [205]).

---

[205]) Въ виду указаній Гарофало на примѣры современной релегаціи, слѣдуетъ привести новый Португальскій законъ о высылкѣ рецидивистовъ 21-го Апрѣля 1892 года. По этому закону подлежатъ релегаціи въ Африканскія колоніи Португаліи лица, подвергшіяся: 1) тремъ осужденіямъ къ уголовнымъ наказаніямъ, 2) двумъ къ уголовнымъ наказаніямъ и двумъ къ исправительной тюрьмѣ, 3) одному къ уголовному наказанію и четыремъ къ исправительной тюрьмѣ и 4) шести осужденіямъ къ послѣднему наказанію, и сверхъ того осужденные за бродяжество и предоставленные за силою 256 уголовнаго уложенія въ распоряженіе правительства (ст. 1 и 10-я). Отъ примѣненія новаго закона изъемлятся точно указанныя преступныя дѣянія, нѣкоторыя политическія, дуэль, неосторожныя причиненія смерти и повреждения здоровья, проступки противъ чести, оскорбленія публичной нравственности въ печати (ст. 5 и заключительное примѣчаніе). Высылка при указанныхъ условіяхъ опредѣляется не иначе, какъ по приговору суда (ст. 6-я). Ссыльный на мѣстѣ ссылки пользуется совмѣстными съ его положеніемъ гражданскими правами, правительство обязывается доставлять ему работы, но ссыльный можетъ заниматься и всякими другими работами въ случаѣ ихъ большей выгодности для него, сравнительно съ предложенными правительствомъ. Онъ даже можетъ просить о перевозкѣ его въ опредѣленную мѣстность заморскихъ колоній при удостовѣреніи имъ, что въ этой мѣстности онъ въ состояніи легче найти заработокъ. При недоставленіи

Остается вопросъ объ издержкахъ на ссылку, котораго касается Гарофало. Начнемъ съ ссылки отечественной. По разсчетамъ гг. Власова и Юферова стоимость передвиженія арестанта до Сибирской границы, за вычетомъ расходовъ на этапное управленіе доходитъ до 140—142 рублей. Г. Фойницкій принимаетъ стоимость передвиженія арестанта до Сибирской граници въ 200—250 рублей. Г-нъ Ядринцевъ, ссылаясь на записку о тюремно-ссыльной реформѣ комитета тайнаго Совѣтника Зубова, по которой стоимость передвиженія одного арестанта до мѣста ссылки—300 р., т. е. сумму, достаточную на содержаніе арестанта въ теченіе 4 лѣтъ въ самой дорогой тюрьмѣ Европейской Россіи, опредѣляетъ стоимость передвиженія ссыльныхъ при существующемъ контингентѣ ссыльныхъ въ 4.800,000 рублей. Установляя содержаніе половины пересыльной стражи, согласно разсчету г. Лохвицкаго не менѣе, чѣмъ въ 2.000,000 рублей, а всѣхъ расходовъ на ссылку болѣе пяти милліоновъ, авторъ получаетъ стоимость каждаго арестанта въ 800 рублей [206]).

ссыльному работы правительство принимаетъ на себя содержаніе такового (ст. 1, 8, 9, прилож. къ ст. 10). Ссылка соединается съ обязательнымъ мѣстопребываніемъ, съ запретомъ подъ страхомъ двухъ лѣтняго лишенія свободы всякой отлучки безъ разрѣшенія (ст. 12). Указанныя въ ст. 1-й лица четвертой группы послѣ трехъ лѣтъ, лица первыхъ трехъ группъ, а равно всѣ ссыльные, когда ссылка примѣняется во второй разъ—послѣ шести лѣтъ, могутъ получить полную свободу съ правомъ возвращенія въ отечество, удостовѣривъ свое безукоризненное поведеніе за все время. (Ср. Bl. f. Gfk. 1892 г. стр. 62 и 66 и B. S. G. P. 1892 г. № 7-й стр. 1035). Новая мѣра составляетъ преобразованіе существующей въ Португаліи по закону 1869 года ссылки въ Африканскія владѣнія. По части ея ср. матеріалы, доставленные Torres-Campos Бельтрани Скаліа, изъ которыхъ, по мнѣнію этого автора, оказывается, что ссылка, не составляя отдѣла пенитенціарной системы, служила для Португальскаго правительства средствомъ пополненія убыли населенія вслѣдствіе смертоноснаго климата въ своихъ многочисленныхъ колоніяхъ и представляла смѣшеніе въ одномъ мѣстѣ чрезвычайно различныхъ по степени преступности лицъ (Rivista di discipline carcerarie 1874 г. стр. 194—201 приложенія къ монографіи La deportazione). Разумѣется, относительно новаго закона надо подождать опыта его дѣйствія.

[206]) Указ. соч. стр. 290—293. Авторъ сверхъ того опредѣляетъ стоимость содержанія обществами ежегодно ссыльныхъ (при средней цифрѣ 12000 человѣкъ) въ 880000 рублей. На весь контингентъ ссыльныхъ въ Сибири (202,834

Относительно стоимости Французской ссылки имѣются слѣдующія данныя: съ 1852 по 1896 г. включительно расходъ пенитенціарнаго управленія по Гвіанской ссылкѣ=116.857,865 фр. Съ 1863 по 1890 г. такіе же расходы по Каледонской ссылкѣ=94.801,663 фр. всего 211.689,528 франковъ (докладъ Chautemps относительно колоніальнаго бюджета Французской Палатѣ депутатовъ въ Ноябрѣ 1892 г. въ B. S. G. P. того же года стр. 1172). По указанію адмирала Фуришона въ 1872 году передъ Парламентской коммиссіей (Enquête parlem. I, стр. 271) ссыльный въ Гвіанѣ стоилъ 1100 фр., а по словамъ Мишо (тамъ же стр. 271), содержаніе ссыльнаго въ Новой Каледоніи стоитъ 381 франкъ, но при легкости побѣга, прибавлялъ Мишо, надзоръ долженъ быть болѣе усиленный, и тогда расходы могутъ быть значительнѣе. По отзыву Мишо перевозка ссыльныхъ обходится: въ Гвіану до 400 франк., а въ Новую Каледонію—до 900 франковъ (тамъ же стр. 146-я). По докладу Le Myre de Vilers 1890 г. относительно бюджета пенитенціарнаго вѣдомства колоній издержки транспортаціи въ 1890 году=10.309,711 фр. что при числѣ менѣе 10,000 лицъ, отбывающихъ наказаніе, даетъ на каждаго ссыльнаго 1031 фр. Кредиты на релегацію=3.391,931 фр., что при среднемъ числѣ 3000 ссыльныхъ=1,130 франковъ на каждаго. Если бы, по словамъ докладчика, судьи не колебались вслѣдствіе соображенія, что релегація въ Гвіанѣ въ сущности медленная смертная казнь, примѣнять законъ 1885 г. по духу его и во всей строгости, то число подвергнутыхъ релегаціи достигало бы до 10,000 человѣкъ, а расходъ на нихъ доходилъ бы до 11.300,000 фр. Присоединивъ къ этой цифрѣ указанный расходъ на транспортацію, получается сумма въ 21.609,711 фр.

человѣка) потребуется на прокормленіе 15.009,766 рублей. Вычисленные и признанные 40000 бродягъ одни стоятъ крестьянству ежегодно 2.960,000 рублей. Къ этому надо прибавить содержаніе тюремъ городами и мѣстными обществами, добавочные расходы на содержаніе этаповъ, подводную повинность для партій, больничные расходы на переселенцевъ, недоимки ихъ, уплачиваемыя населеніемъ и убытки отъ преступленій ссыльныхъ (тамъ же стр. 293).

А такъ какъ по свѣдѣніямъ директора тюремнаго управленія расходъ на долгосрочныхъ заключенныхъ во Франціи вмѣстѣ съ перевозкой ихъ=90 сантимамъ на человѣка, то 20,000 лицъ подвергнутыхъ релегаціи и траспортаціи стоили бы при содержаніи въ maisons centrales только 6.500,000 фр. т. е. на 15.050,000 менѣе. При теперешнемъ же составѣ осужденныхъ къ транспортаціи и релегаціи содержаніе такихъ лицъ въ метрополіи равнялось бы 4.264,000 фр., а такъ какъ они стоятъ въ колоніи 13.101,000 то получается излишекъ въ 9.437,000 франковъ [207]).

Изъ указанныхъ цифръ стоимости Французской ссылки видно, насколько правъ Гарофало, утверждая, что Франція будто бы дѣлаетъ сбереженія по тюремному бюджету, удаляя изъ тюремъ обычныхъ преступниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гарофало опредѣляетъ преступленія обычныхъ преступниковъ въ 40% всѣхъ совершаемыхъ въ этой странѣ преступленій. Легко видѣть, какихъ громадныхъ суммъ достигали бы издержки Франціи на релегацію при высылкѣ такого процента преступниковъ, если припомнить, что каждый осужденный къ релегаціи обходится ежегодно государству свыше 1000 франковъ и что сумма всѣхъ осужденныхъ въ 1888 году равняется 142,185 человѣкъ (ср. Code penitentiaire 1890 г. стр. 35).

Наконецъ относительно Австралійской ссылки имѣются слѣдующія данныя: въ парламентской коммиссіи 1856 года подъ-секретарь Элліотъ опредѣлялъ стоимость каждаго осужденнаго го-

---

[207]) Bull. S. G. P. 1890 г. Revue pénitentiaire III Budget des colonies стр. 814—816. Въ томъ же изданіи подъ заглавіемъ La Question pénitentiaire Coloniale нѣкто подъ бутвой Q, опровергаетъ разсчетъ Myre de Vilers слѣдующимъ образомъ: сравнивая расходъ на содержаніе осужденнаго въ метрополіи и колоніи, De Vilers не принялъ во вниманіе обязанности колоніальнаго пенитенціарнаго управленія поддерживать отбывшихъ наказаніе (liberés). За вычетомъ расходовъ, которые бы оставались на тюремномъ управленіи и при отмѣнѣ ссылки, при принятіи въ соображеніе нѣкоторыхъ доходовъ, упущенныхъ изъ виду de Vilers (напр. отъ труда каторжныхъ), расходъ при 18,600 transportés, rélegués и liberés=639 фр. на человѣка или 1 фр. 75 сантимовъ въ день, вмѣсто 2 фр. 86 сантимовъ, показанныхъ de Vilers (стр. 933—936).

сударству въ 35—40 фунт. стерлинговъ. По полученнымъ отъ сэра Дюкэна Бельтрани Скаліа свѣдѣніямъ стоимость каждаго ссыльнаго въ періодъ 1850—1870 г. равнялась 256 фун. стерлинговъ (La deportazione стр. 153).

За разсмотрѣніемъ аргументаціи Гарофало въ пользу ссылки вообще, должно оттановиться на спеціальной мѣрѣ вѣчной ссылки для инстинктивныхъ и обычныхъ преступниковъ, какъ ее рекомендуетъ авторъ, т. е. высадкѣ на пустынные острова. Это самый зрѣлый плодъ позитивныхъ тенденцій новой школы, такъ какъ и Ферри[208]), и Гарофало оба сходятся въ почти одинаковыхъ выраженіяхъ относительно этой мѣры.

Очевидно, что рекомендовать такую мѣру значитъ отдаваться культу отвлеченныхъ понятій, излюбленныхъ новой школой, культу не только жестокому, но и чуждому всякаго сознанія дѣйствительности и практическихъ условій.

Прежде всего ожидать, чтобы отчаянные воры, отправленные въ какую нибудь колонію, были бы способны по собственному почину заняться честнымъ трудомъ немыслимо. Такія лица, предоставленныя самимъ себѣ, разумѣется будутъ бродяжничать, какъ это дѣлаетъ огромное множество нашихъ Сибирскихъ ссыльныхъ. Поэтому, нормальнымъ способомъ будетъ высадка на пустынные острова, а если уже идти на эту мѣру, то нечего дѣлать какихъ то безполезныхъ опытовъ поселенія въ колоніи.

Далѣе, спрашивается, какая страна рѣшится снаряжать суда, отправлять должностныхъ лицъ и стражу для выкинутія въ пустыню осужденныхъ? Не слѣдуетъ ли ожидать самыхъ отвратительныхъ и кровавыхъ эпизодовъ, борьбы и возстаній со стороны такихъ исключаемыхъ изъ общества лицъ во время перевозки и высадки? „Словомъ, нельзя серьезно говорить о предположеніи превратить состояніе Робинзона Крузе въ государственный институтъ“[209]). Странное ослѣпленіе! Гарофало даже проэктируетъ на-

---

[208]) Ср. выше стр. 354.

[209]) Закревскій, Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы. Вторая

править „стоки нечистотъ“ (impuri elementi) въ Африканскія владѣнія Италіи, съ прибавленіемъ какихъ либо пустынныхъ острововъ. Но, какъ указываетъ Бельтрани Скаліа, Италія слишкомъ бѣдна для опыта ссылки и не можетъ подражать Франціи [210]). На ссылку, защищаемую Гарофало, будь она предложена въ Итальянскомъ парламентѣ далъ бы согласіе, конечно, одинъ депутатъ— Ферри.

Кромѣ вѣчной ссылки для обычныхъ воровъ, Гарофало проэктируетъ ссылку не пожизненную, а на неопредѣленное время для болѣе тяжкихъ изъ насильственниковъ, а равно виновниковъ нѣкоторыхъ преступленій противъ семейственныхъ правъ и правъ состоянія, срочную для менѣе тяжкихъ преступниковъ первой группы, и наконецъ простой запретъ пребыванія въ мѣстѣ совершенія преступленія для виновниковъ преступленій противъ личности, вызванныхъ особо извинительнымъ побужденіемъ. Карательнаго содержанія этихъ видовъ ссылки авторъ почти совсѣмъ не касается, требуя единственно надзора за сосланными. Я покажу, что дѣлая свои предложенія, авторъ даетъ нѣкоторый сколокъ современной Итальянской высылки, составляющей въ свою очередь нѣкоторое воспроизведеніе Римской relegatio in insulam.

Въ Италіи до сихъ поръ сохраняется институтъ предупредительнаго предостереженія (ammonizione) въ связи съ полицейскимъ надзоромъ и назначеніемъ принудительнаго мѣстопребыванія по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. На основаніи закона 1865 года объ общественной безопасности этотъ порядокъ состоитъ въ слѣдующемъ. Предостереженіе примѣняется преторомъ къ тунеядцамъ и бродягамъ, къ лицамъ подозрѣваемымъ (sospetti) относительно полевыхъ кражъ и незаконной пастьбы скота на чужихъ пастьбищахъ, наконецъ къ подозрѣваемымъ относительно проступ-

---

часть (Журн. Гражд. Уг. Права 1891 г. Кн. 10-я стр. 71). Авторъ замѣчаетъ, что предлагаемая Гарофало мѣра „новаго рода удобреніе людьми“.

[210]) Le colonia Eritrea e la deportazione въ Rivista di discipline carcerarie 1891 г. стр. 165 и сл.

ковъ противъ лицъ и имуществъ, контрабанды, маффіи, каммор-ры, и опороченнымъ въ поведеніи. Въ силу предостереженія лица первой группы обязываются заняться правильнымъ и постояннымъ трудомъ, лица второй—порядочно впредь вести себя, а лица третьей—не подавать повода къ дальнѣйшимъ подозрѣніямъ. Получившія предостереженіе лица въ случаѣ нарушенія возложенной на нихъ обязанности подвергаются осужденію къ тюрьмѣ и ограниченіямъ свободы передвиженія. Состояніе ammonito безсрочное, оно можетъ прекращаться по распоряженію полиціи, лишь для лицъ второй категоріи оно прекращается послѣ трехъ лѣтъ. Изъ числа указанныхъ лицъ обособляются осужденные къ принудительному мѣстопребыванію (domicilio coatto). Эта мѣра составляетъ послѣдствіе нарушенія обусловленной предостереженіемъ обязанности со стороны лицъ первой и третьей группы, а равно нарушенія правилъ о полицейскомъ надзорѣ. Виновники указанныхъ нарушеній подвергаются по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ высылкѣ и принудительному мѣстопребыванію на материкѣ или островахъ Италіи до 5 лѣтъ.

Итальянская литература очень богата изслѣдованіями по юридической и бытовой сторонѣ „принудительнаго мѣстопребыванія“. Классическая монографія Луккини „объ учрежденіяхъ предупредительной полиціи“ бросаетъ яркій свѣтъ на значеніе этой мѣры. Приведу изъ этой работы отзывы компетентныхъ лицъ.

Такъ, министръ Вилла указывалъ въ рѣчи своей 1879 года, что принудительное мѣстопробываніе ведетъ къ праздности, создаетъ „состояніе гнилости нравственной и матеріальной“. Министръ Депретисъ указывалъ, что эта мѣра заставляетъ осужденнаго оставлять свою семью въ нищетѣ, а нищета ведетъ ее къ преступности. Директоръ уголовной колоніи принудительно-поселенныхъ Педротти такъ характеризуетъ эту мѣру: отлученные отъ своихъ семей поселенцы вносятъ на малые острова развратъ и деморализацію; ихъ нельзя заставить работать за невозможностью устроенія фабрикъ и земледѣльческихъ колоній. Неизбѣжная праздность соз-

даетъ нищету, толкаетъ на преступленіе, ведетъ къ пьянству. Среди нихъ развиваются анархическія и опасныя для общежитія стремленія[211]).

Существующій институтъ внутренней или домашней Итальянской релегаціи на острова представляетъ возможность оцѣнки предложеній Гарофало относительно безсрочной и срочной релегаціи для разныхъ насильственниковъ. Авторъ не даетъ читателю никакихъ указаній, чтобъ лица, для которыхъ требуется имъ релегація, могли бы оказываться въ лучшихъ условіяхъ существованія, чѣмъ современные Итяльянскіе coatti. Поэтому, можно только удивляться, что предлагаемыя реформы воспроизводятъ порядки, какъ мы видѣли, осужденные лицами, близко ихъ знающими. Правда, можно замѣтить, что Итальянская домашняя релегація поражаетъ крайне негодные элементы, что Гарофало, напротивъ, имѣетъ въ виду виновниковъ проступковъ противъ личности, при томъ менѣе

---

[211]) Lucchini Gli istituti di polizia preventiva въ Atti del II Congresso giuridico internazionale стр. 963. Такую же мрачную картину domicilio coatto рисуетъ и другой директоръ уголовной колоніи на островѣ Favignana Alongi въ Archives d'anthropologie criminelle 1889 г. Le domicile forcé, рѣшительно высказываясь противъ этого института вслѣдствіе скопленія развратнѣйшихъ лицъ и невозможности организаціи обязательныхъ работъ. Порядокъ ammonizione и domicilio coatto излагался мною на основаніи закона объ общественной безопасности 1865 года въ виду наблюденій, сдѣланныхъ при дѣйствіи этого закона. Въ 1889 году этотъ законъ измѣненъ новымъ закономъ объ общественной безопасности, вышедшимъ одновременно съ новымъ Уголовнымъ Уложеніемъ. Новый законъ внесъ улучшенія въ систему предупредительнаго предостереженія и принудительнаго мѣстопребыванія, обставивъ объявленіе предостереженія судебными формами, допустивъ обжалованіе его. Domicilio coatto является болѣе ограниченной мѣрой и примѣняется при наличности: 1) двухъ осужденій за нарушеніе обязанности, возложенной въ силу предостереженія, 2) двухъ осужденій за проступки противъ лицъ и имуществъ, 3) двухъ осужденій за сопротивленіе или насильственныя дѣйствія противъ должностныхъ лицъ, 4) одного осужденія за нарушеніе, указанное въ 1-мъ пунктѣ и одного осужденія за одинъ изъ указанныхъ въ 3-мъ пунктѣ проступковъ. Распоряженію Министра о назначеніи domicilio coatto предшествуетъ заключеніе провинціальной коммиссіи изъ должностныхъ лицъ административнаго и судебнаго вѣдомства, подлежащее обжалованію въ состоящую при Министерствѣ коммиссію. Принудительно осужденный можетъ до окончанія назначеннаго ему срока получить условное освобожденіе.

тяжкихъ. Но среди этихъ осужденныхъ, за исключеніемъ изъ нихъ инстинктивныхъ преступниковъ, остаются убійцы хотя бы изъ мщенія, виновники тѣлесныхъ поврежденій, похищенія женщинъ и изнасилованія, и эти опасныя личности оставляются въ состояніи полусвободы подъ чьимъ то надзоромъ, на зло и на горе обывателямъ мѣстности, назначенной для ихъ пребыванія.

Послѣдняя общая мѣра предлагаемая Гарофало одинаково для преступниковъ втораго и третьяго класса,—это денежные штрафы и вознагражденіе потерпѣвшаго. Было выше указано по поводу подобныхъ же воззрѣній Ферри, что сочетаніе одного денежнаго вознагражденія за вредъ и убытки съ проступками, хотя бы и неважными, представляется нежелательнымъ и неправильнымъ (стр. 347). Вопросъ о денежныхъ штрафахъ разрѣшается Гарофало очень поверхностно. Авторъ связываетъ денежные штрафы какъ съ проступками противъ личности, такъ и противъ имуществъ. А между тѣмъ, по справедливому замѣчанію Вальберга, въ денежныхъ штрафахъ всего слабѣе слышится пульсъ юстиціи [212]). По замѣчанію Фридмана, денежные штрафы не представляются въ общественномъ сознаніи зломъ болѣе чувствительнымъ, чѣмъ податная тягость, воздѣйствіе денежнаго штрафа на самихъ осужденныхъ чрезвычайно неравномѣрно, что составляетъ неразрывно связанную съ этимъ карательнымъ средствомъ общественную несправедливость [213]). При такимъ условіяхъ, не смотря на то, что денежные штрафы обладаютъ безспорно и хорошими сторонами, законодательства вслѣдствіе вѣрнаго чувства соединяютъ ихъ, какъ исключительную мѣру съ спеціальными и притомъ незначительными проступками, допуская ихъ при болѣе важныхъ по роду преступныхъ дѣяніяхъ лишь въ связи съ лишеніемъ свободы, какъ обостряющее средство. Сочетаніе исключительно денежнаго штрафа съ проступками кражи

---

[212]) Holtzendorff Handb. des deutsch. Strafrechts. II. Die Strafmittel стр. 522.

[213]) Verhandlungen des 22 Deutschen Juristentags II. 1892 r. Gutachten Dr. Otto Friedmann: Sind Aenderungen des geltenden Rechts erwünscht in Betreff des Verhältnisses zwischen Geld und Freiheitsstrafe стр. 104.

и мошенничества, какъ это дѣлаетъ Гарофало, хотя бы in concreto и неважными, недостаточно принимаетъ въ разсчетъ родовой характеръ этихъ дѣяній, соединенныхъ съ безчестнымъ помышленіемъ въ лицѣ ихъ виновниковъ, такъ какъ этому характеру назначеніе одного денежнаго штрафа не соотвѣтствуетъ.

Для реализаціи какъ взысканія вознагражденія, такъ и денежнаго штрафа, Гарофало проэктируетъ на случай несостоятельности осужденнаго рабочіе отряды, въ которые включаются какъ менѣе тяжкіе насильственники, такъ и воры по случайному поводу или исключительному соблазну [214]), виновники мошенничества и подлога съ тѣмъ, чтобы заработокъ ихъ шелъ на погашеніе штрафа въ пользу государства и причиненнаго потерпѣвшему вреда. Какія работы имѣются въ виду для указанныхъ лицъ? Повидимому отвѣтъ на этотъ вопросъ для самого автора очень неясенъ. Въ одномъ мѣстѣ говорится о публичныхъ работахъ, въ другомъ—объ этихъ работахъ и промышленныхъ заведеніяхъ, притомъ въ уединенныхъ мѣстахъ, а въ третьемъ о родѣ работъ не упоминается. Во всякомъ случаѣ для автора существенно, что, какъ онъ самъ указываетъ на это съ гордостью, оказалось возможнымъ обойтись въ его карательной системѣ безъ тюрьмы. Но стоитъ только спросить: какъ же удерживать и принуждать къ работамъ всѣхъ этихъ несостоятельныхъ къ платежу денежныхъ взысканій забіякъ, воровъ и мошенниковъ? Разумѣется, если не содержать ихъ въ принудительномъ порядкѣ жизни, иными словами, въ мѣстѣ лишенія свободы, то никакія принудительныя работы невозможны. А если къ этому прибавить, чтъ въ виду различія тѣлосложенія и особенностей осужденныхъ, ихъ прежняго состоянія и занятій, различій по степени порочности и склонности къ побѣгу, занимать работами на открытомъ воздухѣ всѣхъ этихъ лицъ неудобно, то окажется необходимость въ работахъ тюремныхъ, т. е. производи-

---

[214]) Говоря о случаяхъ исключительнаго соблазна, Гарофало имѣетъ въ виду случаи растраты лицами, имѣющими въ рукахъ чужія деньги, наприм. кассирами, адвокатами (Criminologia, стр. 485).

мыхъ въ оградѣ тюрьмы. Лишь такимъ образомъ можетъ быть достигнуто разнообразіе работъ съ одной стороны и отсутствіе конкурренціи свободному труду. Такимъ образомъ денежныя взысканія, въ случаѣ несостоятельности виновника, приводятъ къ тюрьмѣ. Самъ Гарофало допускаетъ необходимость тюрьмы, какъ средства вынужденія денежнаго вознагражденія. Но эта частная уступка не устраняетъ необходимости болѣе широкаго примѣненія тюрьмы. Я указывалъ, какъ Листъ на съѣздѣ въ Христіаніи, исходя изъ желательности большаго расширенія денежныхъ штрафовъ въ законодательствѣ и ограниченія тюремнаго лишенія свободы, пришелъ по вопросу о замѣнѣ таковыхъ въ случаяхъ несостоятельности къ необходимости принудительныхъ работъ въ тюремномъ помѣщеніи (ср. выше прим. 165 къ стр. 436). Этотъ примѣръ крайне поучительный, онъ показываетъ, что нѣкоторыя требованія содержатъ внутреннее противурѣчіе.

Въ предложеніяхъ Гарофало очень существенно опредѣленіе срока работъ для осужденнаго моментомъ удовлетворенія государства и потерпѣвшаго. Конечно, слѣдуетъ признать правильнымъ вычетъ изъ заработка осужденнаго доли на покрытіе вознагражденія въ пользу потерпѣвшаго. Но ставить въ зависимость окончаніе срока наказанія отъ полнаго удовлетворенія потерпѣвшаго и государства не приходится. Предлагаемая мѣра на практикѣ повела бы къ извращенію порядка отбытія наказанія, къ постановленію на задній планъ цѣлей и задачъ карательной дѣятельности [215]). Она непремѣнно соединялась бы съ крайне несправедливымъ неравенствомъ, создавая преимущества для болѣе способнаго, болѣе искуснаго рабочаго сравнительно съ менѣе способнымъ и искуснымъ, не смотря на то, что первый можетъ оказываться гораздо болѣе виновнымъ и менѣе заслуживающимъ сокращенія времени отбытія наказанія, чѣмъ второй. Самъ авторъ ограничиваетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ осужденному представляется совершенно

---

[215]) Ср. вып. 1 гл. 4 стр. 499.

невозможнымъ покрыть своей работой причиненный имъ вредъ, срокъ принудительныхъ работъ нѣкоторымъ числомъ лѣтъ, пропорціонально похищенной суммѣ. Здѣсь вводится контробандой ненавистный авторъ принципъ пропорціональнаго наказанія по отношенію къ денежнымъ взысканіямъ.

Изъ общей группы имущественныхъ преступленій Гарофало выдѣляетъ особо корыстные проступки должностныхъ лицъ, преступленіе поджога безъ корыстной цѣли, злостное банкротство, подлоги должностныхъ лицъ, нѣкоторые подлоги, не разсчитанные на похищеніе, поддѣлка денежныхъ знаковъ. Три послѣднія группы дѣяній объявляются внѣ естественнаго преступленія по признаку преобладанія политической безнравственности надъ естественной. На этомъ основаніи наказаніе за эти дѣянія должно служить премущественно охранѣ авторитета закона, оно должно быть предустановленнымъ, а не неопредѣленнымъ по сроку, имѣть характеръ кары, а не исключенія изъ общества. Конечно, можно допустить, что подлоги должностныхъ лицъ, совершенные, какъ предполагаетъ Гарофало, безъ причиненія вреда государству или частнымъ лицамъ, и другіе подлоги, лишенные корыстной цѣли, должны отличаться спеціальной отвѣтственностью отъ дѣяній, направленныхъ на похищеніе или присвоеніе. Но если такія дѣянія, имѣющія болѣе формальный характеръ нарушенія закона, облагаются предустановленнымъ наказаніемъ, то къ нимъ никакъ не можетъ приравниваться поддѣлка денежныхъ знаковъ, которая также выдѣляется изъ общей карательной системы автора и облагается предустановленнымъ наказаніемъ. Для этого преступленія авторъ полагаетъ лишеніе свободы, дабы пресѣчь дальнѣйшее существованіе преступной ассоціаціи. Но почему оно предустановленное по сроку — это остается необъяснимымъ. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя же допускать въ этомъ преступленіи преобладаніе политической безнравственности надъ „естественной“. Поддѣлка денежныхъ знаковъ давно утратила значеніе одного нарушенія государственной релегаціи. Она по преимуществу обладаетъ характеромъ преступленія, нарушающаго важное

благо общественнаго кредита. Она — истинно соціальное преступле-ступленіе и въ качествѣ такового подходитъ подъ понятіе „естественнаго“. Если неопредѣленное по сроку наказаніе требуется вообще въ виду опасности воспроизведенія преступной дѣятельности виновнымъ, то такое наказаніе должно бы примѣняться къ виновникамъ поддѣлки денежныхъ знаковъ.

Такова карательная система Гарофало. Приведу отзывъ о ней г. Закревскаго „Если изложенная..... система наказаній можетъ быть названа „раціональною“, то мы затрудняемся сказать, какая система заслуживаетъ названія раціональной. Трудно было бы привести лучшій аргументъ въ пользу хорошо устроенной тюремной системы, какъ изложивъ именно подобную систему для замѣны тюремнаго заключенія“ [216]).

---

[216]) Указ. соч. стр. 72.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Генезисъ новой Итальянской антрополого-позитивной школы. Главные отдѣлы ея изслѣдованій: уголовная антропологія, уголовная соціологія, примѣненіе основныхъ выводовъ этихъ ученій къ теоріи и практикѣ уголовнаго права. Распространеніе новой школы въ Италіи и внѣ Италіи. Общіе выводы и заключенія.

Вслѣдъ за анализомъ ученій новой школы по отдѣльнымъ возбужденнымъ ею вопросамъ требуется представить результаты предшествующаго критическаго разбора, показать, въ чемъ состоитъ общее значеніе трудовъ Итальянской антрополого-позитивной школы уголовнаго права. Но прежде чѣмъ сдѣлать это, нельзя не оглянуться назадъ. Естественно спросить, откуда взялось это теченіе, кто были его предшественники, какой матеріалъ они получили отъ нихъ и что они съ нимъ сдѣлали?

Исходныя точки новой Итальянской школы уголовнаго права можно указать въ френологической школѣ Галля и Шпурцгейма, а равно въ изслѣдованіяхъ надъ преступниками и тюремными сидѣльцами, возникшихъ подъ вліяніемъ теоріи Галля и отмѣченныхъ именами Lauvergne [1]), Ferrus [2]), Appert [3]), Lepelletier de la Sarthe [4]), Moreau Christophe [5]). Далѣе, воззрѣнія новой школы сложились подъ вліяніемъ внесеннаго Морелемъ въ психопатологію ученія о человѣческомъ вырожденіи и наслѣдственномъ помѣшательствѣ, а равно изслѣдованій, посвященныхъ вопросу о

---

[1]) Les forçats, considerés sous le rapport physiologique, moral et intellectuel, observés au bagne de Toulon 1841.

[2]) Des prisonniers, de l'emprisonnement et des prisons. 1850.

[3]) Bagnes, prisons et criminels 4 т. Paris 1836.

[4]) Systême penitentiaire 1856 г. бо̀льшая часть книги посвящена bagnes и изслѣдованіямъ типовъ каторжниковъ съ портретами ихъ.

[5]) Le monde des coquins 1863 г.

преступности Деспина. Сверхъ того съ одной стороны Итальянскіе антропологи-криминалисты пытались подтвердить и освятить свои научныя стремленія руководящими воззрѣніями Дарвина, пользовались общими соціологическими и психологическими началами, заимствованными у Спенсера, съ другой стороны они позаимствовали существенныя стороны своего ученія изъ матеріалистической философіи, какъ это особенно замѣтно на книгѣ Ферри „Negazione del libero arbitrio“, гдѣ авторъ подкрѣпляетъ свои взгляды на человѣческую волю рядомъ выписокъ изъ Systême de la nature Гольбаха.

I.

Какъ извѣстно Галль въ своихъ изслѣдованіяхъ пытается вывести происхожденіе психическихъ свойствъ человѣка изъ строенія и функцій мозга [6]). Его ученіе въ крупныхъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ: нравственныя и умственныя качества человѣка прирожденныя, ихъ дѣйствіе и отправленіе опредѣляются мозговой организаціей. Мозгъ представляетъ совокупность органовъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ основной склонности, чувствованію или инстинкту. Развитіе, усиленіе и ослабленіе нравственныхъ и умственныхъ качествъ зависитъ отъ развитія, усиленія или ослабленія органовъ. Чрезмѣрное развитіе, а равно слабость или недостаточность развитія какой либо способности производятъ пороки и недостатки. Такъ склонность къ убійству зависитъ отъ преувеличенія инстинкта собственной защиты или хищнаго инстинкта (instinct carnassier), склонность къ кражѣ отъ преувеличенія

---

6) Главное сочиненіе—Sur les fonctions du cerveau et sur celles de chacune de ses parties Paris 1822 г. 6 томовъ. О Галлевской френологіи ср. Dr. Ackermann Die Gallsche Hirn, Schedel und Organen Lehre. Изложеніе ученія Шпурцгейма у Bruyères La phrénologie, le geste et la physionomie demontrée par 120 Portraits. 1847. Ср. также Wundt Gehirn und Seele въ Essays, Таганцевъ Курсъ I стр. 40, въ особенности Неклюдовъ приложеніе второе къ 1-му вып. Учебникъ Бернера, очеркъ теорій, отрицающихъ право наказанія III. стр. 56—61

врожденнаго инстинкта собственности, наконецъ недостаточное развитіе органа любви къ потомству приводитъ женщинъ къ дѣтоубійству [7]).

Исходя отъ предположенія, что мозговые органы даютъ отпечатокъ на поверхности черепа по мѣрѣ своего развитія, Галль сличалъ наблюдаемыя имъ у людей склонности, чувствованія и способности съ долженствующими, по его мнѣнію, указывать на развитіе или недостатокъ развитія таковыхъ возвышеніями и углубленіями на черепѣ, и, сообразно этимъ признакамъ, пріурочивалъ тѣ или другія найденныя имъ психическія качества къ извѣстнымъ долямъ мозга.

Такимъ образомъ Галль пришелъ къ опредѣленію 27 основныхъ способностей и къ распредѣленію ихъ въ мозгу [8]). Самъ Галль примѣнилъ свои воззрѣнія о врожденности психическихъ свойствъ, объ ихъ зависимости отъ мозговой организаціи, къ вопросамъ уголовнаго законодательства. Онъ совѣтовалъ обращать вниманіе при отправленіи правосудія болѣе на внутреннее состояніе преступника, чѣмъ на его дѣяніе, дабы имѣть возможность предупреждать преступленія, исправлять преступниковъ способныхъ къ исправленію и обезпечивать общество отъ неисправимыхъ. Наравнѣ съ лицами, у которыхъ низшія склонности уравновѣшиваются высшими, Галль признавалъ наличность дурныхъ организацій съ ничѣмъ неустранимыми, устойчивыми и пагубными свойствами, не знающихъ раскаянія и угрызеній совѣсти. Для такихъ преступниковъ Галль считалъ необходимою обостренную смертную казнь, такъ какъ простая смертная казнь для нихъ неустрашительна [9]). Ученіе Галля даетъ много точекъ сближенія съ Итальянской антропологической школой. Коренящіеся въ мозговыхъ органахъ инстинкты, обусловленные преобладаніемъ низшихъ прирожденныхъ

---

[7]) Т. I. стр. 189—200 Т. II. стр. 93 и сл., 363 и сл. Т. IV. стр. —64 64—98. Т. III. стр. 446 и 447.

[8]) Т. III, стр. 173—179.

[9]) Т. I, стр. 349—358, 368.

инстинктовъ неисправимыя организаціи, очертанія черепа, представляющія откровенія свойствъ характера, всѣ эти положенія ученія Галля принадлежатъ съ несущественными видоизмѣненіями и Итальянской школѣ. Точно также и воззрѣнія на карательную дѣятельность общія у Галля съ нею. При этомъ любопытно отмѣтить, что какъ Итальянская антрополого-позитивная школа, не смотря на ея реалистическія тенденціи, въ значительной степени проникнута матеріалистической метафизикой, такъ и френологическая теорія Галля возникла, какъ указываетъ Вундтъ, изъ давно распространенныхъ въ мозговой анатоміи воззрѣній подъ одновременнымъ вліяніемъ школьной философіи 18 столѣтія [10]).

Деспинъ является предшественникомъ новой Итальянской школы уголовнаго права какъ по своей общей психологической теоріи, такъ и въ особенности по характеристикѣ психологическаго строя тягчайшихъ преступниковъ [11]).

Деспинъ различаетъ въ человѣкѣ способности интеллектуальныя и нравственныя или инстинктивныя. Первыя путемъ перцепціи, вниманія, памяти, даютъ познаніе внѣшняго міра. Вторыя дѣйствуютъ въ человѣкѣ самопроизвольно. Онѣ—прирожденныя, коренятся въ тѣлесной организаціи, проявляются въ зависимости отъ ея различныхъ состояній, передаются наслѣдственно. Онѣ открываютъ человѣку какъ нравственныя, такъ и органическія потребности, и служатъ двигающимъ началомъ его дѣятельности. Къ этимъ способностямъ между прочимъ принадлежатъ привязанности, вѣра и надежда, эстетическое и нравственное чувство. Послѣднее открываетъ человѣку знаніе добра и зла, даетъ ему свободу воли. Свобода воли состоитъ въ томъ, что при борьбѣ двухъ желаній, безнравственнаго и нравственнаго, мотивъ обязанности присоединяется къ послѣднему и обусловливаетъ рѣшеніе. Наравнѣ съ добрыми инстинктивными способностями Деспинъ признаетъ

---

[10]) Essays, Gehirn und Seele стр. 92.
[11]) Psychologie naturelle 1868 г. 3 vol.

дурныя, извращенныя чувства и склонности; первыя противудѣйствуютъ вторымъ, но вторыя могутъ заглушать первыя, когда же первыя отсутствуютъ, то вступаютъ въ силу извращенныя чувства [12]).

Въ отдѣлѣ, посвященномъ психологіи аномалій, Деспинъ изучаетъ состояніе помѣшательства (folie), свойственное, по его мнѣнію, какъ душевно-больнымъ, такъ и тягчайшимъ преступникамъ. Помѣшательство у послѣднихъ, называемое Деспиномъ нравственнымъ или резонирующимъ, не составляетъ болѣзни, а психическую аномалію, прирожденную. Она выражается въ постоянномъ состояніи страсти, создающемъ непреодолимыя извращенныя желанія и ослѣпляющемъ разумъ. У преступниковъ съ такою аномаліей врожденное отсутствіе нравственнаго чувства, сильнѣйшая нравственная нечувствительность, отсутствіе раскаянія и угрызенія совѣсти и крайняя непредусмотрительность. Нравственное помѣшательство зависитъ отъ особаго строенія мозга, строенія порочнаго, но совмѣстнаго съ здоровымъ. Напротивъ, у душевно-больныхъ помѣшательство обусловливается патологическимъ состояніемъ мозга. Однако между нравственнымъ и патологическимъ помѣшательствомъ существуетъ несомнѣнная связь, что доказывается происхожденіемъ преступниковъ отъ душевно-больныхъ [13]). Отъ тягчайшихъ преступ-

---

[12]) Указ. соч. Т. I, стр. 399, 425—431, 602.

[13]) Указ. соч. Т. I, стр. 258-я и сл. Т. II, стр. 1—3, 165—279-я. Деспинъ сильно колеблется относительно характеристики мозговой организаціи тягчайшихъ преступниковъ. На стр. 3-й II т. душевно-больной и нравственно-помѣшанный здоровый различаются тѣмъ, что у перваго мозговая болѣзнь вызываетъ страсти, подавляющія разумъ, у втораго страсти даются здоровымъ мозгомъ и являются естественными по его характеру (sont naturelles a son caractére). На стр. 280 того же тома Деспинъ говоритъ объ infirmité du cerveau, compatible avec la santé у преступниковъ, вслѣдствіе чего выраженіе infirmité передано у меня терминомъ порочность. Наконецъ въ т. III на стр. 528 Деспинъ утверждаетъ, что аномалія въ инстинктивныхъ способностяхъ зависитъ отъ аномальной дѣятельности мозга, не вліяющей одновременно на умственныя способности. И такъ три разныя объясненія: здоровый мозгъ, порочный или немощный мозгъ и наконецъ аномальная дѣятельность. Достойно вниманія, что такія же колебанія повторяются и у Ломброзо.

никовъ, одержимыхъ нравственнымъ помѣшательствомъ, Деспинъ отличаетъ преступниковъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ преходящей страсти и испытывающихъ вслѣдъ за тѣмъ чувство раскаянія, далѣе лицъ съ слабымъ нравственнымъ чувствомъ, вовлекаемыхъ въ преступленіе развращенными закоренѣлыми преступниками, лицъ, у которыхъ разъ они попадаютъ на путь преступленія нравственное чувство совсѣмъ подавляется, тѣмъ не менѣе способныхъ возвратиться къ добру при поставленіи ихъ въ хорошую среду [14]).

Теорія Деспина представляетъ чрезвычайно ясный первообразъ главныхъ положеній новой Итальянской школы уголовнаго права. Она выставляетъ рядъ произвольныхъ психологическихъ положеній, представляетъ смѣшеніе идеалистическихъ и матеріалистическихъ воззрѣній и вноситъ въ наблюденіе преступниковъ предвзятыя теоретическія воззрѣнія, заимствованныя у Шотландскихъ философовъ, какъ наприм. понятіе объ особомъ нравственномъ чувствѣ. Очевидно отъ Деспина идетъ представленіе о прирожденномъ преступникѣ, котораго Гарофало и Ферри называютъ совершенно въ смыслѣ Деспина инстинктивнымъ, идетъ и классификація преступниковъ (прирожденныхъ, по случайному поводу и страсти), непатогическая аномалія преступниковъ у Гарофало. Сліяніе у Ломброзо нравственнаго помѣшательства и прирожденной преступности просто повторяетъ мысль Деспина.

Извѣстный Морель своими изслѣдованіями о человѣческомъ вырожденіи и о связанныхъ съ этимъ явленіемъ душевныхъ болѣзняхъ также повліялъ на ходъ мысли и наиболѣе общія положенія Итальянской антрополого-позитивной школы. Въ Traité des dégénérescences humaines Морель излагаетъ сложный процессъ болѣзненнаго отклоненія человѣчества отъ первоначальнаго нормальнаго типа въ силу разныхъ болѣзненнотворныхъ причинъ физическаго и нравственнаго порядка, процессъ, результаты котораго закрѣпляются наслѣдственностью. Причины вырожденія, по Морелю, быва-

---

[14]) Т. II, стр. 215—218.

ютъ физическія—хроническое отравленіе вслѣдствіе нездоровыхъ климатическихъ условій, вслѣдствіе злоупотребленія алькоголемъ и наркотическими веществами, голоды, эпидеміи; общественныя—вредныя для здоровья промыслы, бѣдность; патологическія въ видѣ предшествующей болѣзни или болѣзненнаго темперамента, а равно въ видѣ прирожденныхъ или пріобрѣтенныхъ въ дѣтствѣ немощей; нравственныя—въ видѣ нравственнаго зла, наконецъ—наслѣдственныя вліянія. Эти причины служатъ для Мореля основаніемъ для классификаціи вырожденныхъ существъ. Такія существа „составляютъ группы или семьи, почерпающія свои отличительныя свойства въ природѣ причинъ, содѣлавшихъ ихъ таковыми, какъ они есть, болѣзненное отклоненіе отъ нормальнаго типа человѣчества [15]). Вырожденіе по Морелю проявляется въ явленіяхъ одинаково физическаго и нравственнаго порядковъ Къ явленіямъ перваго порядка относятся разныя уродливости черепа (микрокефалія, рахитическая форма, скошенный лобъ), верхнихъ и нижнихъ конечностей, неправильности въ посадкѣ зубовъ, пріостановка роста, грыжа, зобъ. Къ явленіямъ нравственнаго порядка относятся смятеніе и ослабленіе умственныхъ силъ, порочность инстинктовъ [16]). Таково понятіе вырожденія физическаго и нравственнаго, при установленіи котораго Морель позаботился объ устраненіи двухъ заблужденій. Вырожденіе, по заявленію Мореля, не должно смѣшивать съ возвращеніемъ къ первоначальному типу. Такое возвращеніе при вырожденіи немыслимо, вырожденіе есть установившееся болѣзненное состояніе и вырожденный подвергается прогрессивному упадку [17]). Съ другой стороны Морель энергически протестуетъ противъ распространенія понятія о вырожденіи на нѣкоторыя племена дикарей Новаго Свѣта и Африки въ силу ихъ низкаго умственнаго раз-

---

[15]) Prolégomènes Premiére Section стр. 1—7-я, Deuxième Section стр. 47—63, 74.

[16]) Traité des dégénérescences passim и въ особенности атласъ портретовъ къ этому изданію съ объясненіями.

[17]) Prolégomènes стр. 6-я.

витія. Такой признакъ, по Морелю, не означаетъ непремѣнно болѣзненнаго состоянія вырожденія. У нѣкоторыхъ несчастныхъ расъ умственныя способности находятся въ скрытомъ состояніи, требуются лишь благопріятныя условія для пріобщенія ихъ къ прогрессу человѣческаго рода. Умственный упадокъ, обусловленный болѣзненнымъ отклоненіемъ отъ нормальнаго типа человѣчества, до такой степени отличается отъ умственно низкаго уровня, обусловленнаго условіями жизни нѣкоторыхъ дикарей, что наиболѣе культурный Европеецъ гораздо меньше разнится отъ какого нибудь Бушмана, чѣмъ отъ вырожденнаго существа [18]).

Особо важное значеніе принадлежитъ по отношенію къ Итальянской школѣ ученію Мореля о связанныхъ съ явленіемъ вырожденія наслѣдственныхъ душевныхъ болѣзняхъ [19]). Между 1 и 4-мъ классомъ наслѣдственно-предрасположенныхъ къ душевнымъ страданіямъ, между невропатами и идіотами, у Мореля вставлялись два класса съ особенно вредоносными свойствами. Ко второму классу авторъ относитъ лицъ, душевная болѣзнь которыхъ выражается скорѣе безумными дѣйствіями, чѣмъ безумными рѣчами, эксцентричностью, безпорядочностью и глубокой безнравственностью ихъ поступковъ. Съ замѣчательными умственными способностями у нихъ сочетается безсиліе къ разумной и полезной дѣятельности. Не смотря на частныя блестящія черты, они поражены умственнымъ, а иногда и нравственнымъ безплодіемъ. Опасныя, совершаемыя ими въ парокспизмѣ болѣзни дѣйствія, инстинктивно дурныя тенденціи часто вызываютъ вмѣшательство власти, подвергающей ихъ лишенію свободы. Они удивляютъ поверхностныхъ наблюдателей кажущейся ясностью ума (manie raisonnante, moral insanity). Со стороны физіологической они отличаются нервнымъ темпераментомъ, значительной раздражительностью, расположеніемъ къ излишествамъ, очертаніями головы и аномаліями половыхъ органовъ, кромѣ того перемежаемостью припадковъ. Наконецъ, третій классъ составляетъ

---

[18]) Prolégomènes стр. 36—46.

[19]) Traité des maladies mentales Paris 1859.

переходную ступень отъ втораго къ четвертому. Болѣзненная наслѣдственность у лицъ этого класса обнаруживается съ ранняго возраста. Они выучиваются съ трудомъ и забываютъ быстро. Прирожденныя склонности ко злу даютъ, по мнѣнію автора, основаніе называть ихъ инстинктивными маніаками — поджогъ, кражи, бродяжество, преждевременная склонность къ разврату наполняютъ ихъ нравственное существованіе, и эти несчастные въ огромной пропорціи поступаютъ въ тюрьмы и исправительные пріюты для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Признаки физическаго вырожденія, какъ наприм. порочное строеніе головы, малый ростъ, безплодіе встрѣчаются болѣе часто въ этомъ классѣ, чѣмъ въ предшествующемъ [20]).

Въ работахъ этихъ трехъ предшественниковъ Итальянской антрополого-позитивной школы являются вполнѣ готовыми главные элементы ея ученія. Къ этимъ элементамъ она прибавила существенаго весьма немного, все новое, что она привнесла, представляется или чрезвычайно мало солиднымъ, или весьма спорнымъ.

II.

Первостепенною по значенію для Итальянской антрополого-позитивной школы уголовнаго права является ея антропологическая доктрина преступности, выработанная Ломброзо и вслѣдъ за нимъ развитая Ферри, Гарофало, Марро, Морселли. На этой доктринѣ покоится главнымъ образомъ попытка построенія своеобразной теоріи уголовнаго права, на ней же покоятся, какъ на фундаментѣ, и требованія практическихъ реформъ. Сколько бы ни говорили представители Итальянской школы о томъ, что они наравнѣ съ антропологическимъ принимаютъ и соціальный факторъ преступности, первый остается у нихъ преобладающимъ и руководящимъ. Стоитъ только мысленно вычесть изъ изслѣдованій школы Ломброзо антропологическую доктрину, и станетъ ясно, какъ день, что

---

[20]) Ср. VIII. Classification des maladies mentales, I groupe Aliénations héréditaires стр. 258—260.

остается чрезвычайно немного. Безъ этой доктрины классификація преступниковъ была бы иная, не было бы „естественнаго преступленія“ Гарофало, не было бы господствующаго въ системѣ наказаній принципа исключенія изъ общества, не было бы культа смертной казни и отрицанія пенитенціарной системы. Лишившись антропологической доктрины, новой школѣ пришлось бы закрыться.

Въ первомъ выпускѣ моего труда я сдѣлалъ подробный разборъ этой доктрины, содержащейся въ главномъ сочиненіи Ломброзо „L'uomo delinquente“ и работахъ его указанныхъ сотрудниковъ [21]). Этотъ разборъ привелъ меня къ заключенію о полной неудовлетворительности антропологическаго обоснованія и объясненія преступности. Прежде всего, не смотря на приписываемый себѣ новой школой позитивный методъ, пріемы Ломброзо крайне несоотвѣтствуютъ научному изслѣдованію. Къ такимъ пріемамъ слѣдуетъ отнести: постоянное смѣшеніе факта и образа или подобія, неразличеніе фактовъ и гипотезъ, неустойчивость терминовъ (преступность, аномалія), различеніе явленій и послѣдующее ихъ отождествленіе чисто произвольнымъ образомъ (напр. берутся преступники, затѣмъ эти преступники объявляются нравственно помѣшанными и у полученныхъ такимъ образомъ pazzi morali указываются черты, ранѣе усвоенныя преступному человѣку), изысканіе самыхъ экспентрическихъ способовъ объясненія вмѣсто болѣе естественныхъ, крайнее легковѣріе и значительное отсутствіе критики, крайне широкія обобщенія на основаніи немногихъ явленій и случайныхъ признаковъ. Всѣ главные выводы автора построены на фактахъ, плохо изслѣдованныхъ, недостаточно провѣренныхъ, сгруппированныхъ подъ вліяніемъ двусмысленныхъ и неясныхъ понятій. Такова теорія преступности растеній и животныхъ, называемая Бинсвангеромъ „заблужденіемъ спекулятивнаго апріористическаго образа мыслей, который въ борьбѣ за удержаніе и развитіе единства свойствъ въ смыслѣ естественнаго порядка накладываетъ на

---

[21]) Ср. главу первую, главу третью § II и главу четвертую § III.

явленія метафизическій отпечатокъ“ [22]). Таково, далѣе, усвоеніе нравственнаго помѣшательства и склонности къ преступности дѣтскому возрасту, какъ общаго явленія, положеніе о воспроизведеніи Европейскимъ ребенкомъ дикаря по закону онтогенін и филогенін [23]). Таково положеніе о наличности у преступника многочисленныхъ тѣлесныхъ клеймъ, антропологическихъ и патологическихъ аномалій, соединяющихся въ видѣ преступнаго типа. Это положеніе покоится на рядѣ изслѣдованій и измѣреній надъ живыми людьми и надъ черепами и доказывается при помощи самыхъ неправильныхъ пріемовъ аргументаціи. Такъ наличность тѣлесныхъ клеймъ у преступнаго человѣка удостовѣряется путемъ оказанія таковыхъ на изслѣдованныхъ Ломброзо преступникахъ, признаваемыхъ имъ прирожденными, но съ другой стороны такое свойство этихъ преступниковъ доказывается въ свою очередь наличностью этихъ клеймъ. Далѣе, извѣстная классификація преступниковъ Ферри демонстрируется на фотографіяхъ по чертамъ физіономіи, при отсутствіи какихъ либо точныхъ свѣдѣній о принадлежности тѣхъ или другихъ лицъ къ той или другой категоріи. Когда же Ломброзо пытается сравнивать извѣстное количество преступниковъ съ непреступными лицами съ цѣлью подтвердить положеніе, что тѣлесныя аномаліи встрѣчаются особенно часто у первыхъ, то получается невѣроятная путаница, среди непреступныхъ лицъ отыскиваются порочныя и подозрительныя, и, разумѣется, при этихъ условіяхъ ни-

---

[22]) Указ. соч. русскій переводъ стр. 32 и 33.

[23]) Нельзя пріискать болѣе наглядиаго доказательства пристрастія въ новой школѣ къ причудливымъ и произвольнымъ объясненіямъ. Несостоятельность указаннаго тезиса опровергается даже данными, приводимыми самимъ Ломброзо (ср. 1-й вып. моего труда главу 1-ю). Тѣмъ не менѣе его повторяетъ и Ферри, поддерживая странное объясненіе. А между тѣмъ въ настоящее время Французскій изслѣдователь Corre приводитъ слѣдующій фактъ, состоящій, по его словамъ, въ противурѣчіи съ сближеніемъ Европейскаго ребенка высшей расы съ взрослымъ человѣкомъ низшей: ребенокъ негръ развивается ранѣе, чѣмъ бѣлый ребенокъ, и среди бѣдныхъ, нецивилизованныхъ расъ западной Африки и Индо-Китая, которыхъ посѣтилъ авторъ, онъ нашелъ бо́льшее количество добрыхъ качествъ у ребенка, чѣмъ въ томъ же раннемъ возрастѣ среди расъ цивилизованныхъ (Les criminels, Théories стр. 383).

какого результата не получается [24]). Замѣчательно, что наиболѣе основательный и точный изслѣдователь уголовной антропологіи Марро, послѣ обширныхъ изслѣдованій надъ значительнымъ числомъ преступниковъ, пришелъ къ чрезвычайно скромному выводу изъ найденныхъ имъ аномалій, именно относительно недостаточнаго питанія центральной нервной системы [25]). Слѣдуетъ замѣтить, что Ломброзо и его сотрудники, увлекаясь мыслью о прирожденномъ характерѣ аномалій, совершенно упускаютъ изъ виду, что многія изъ найденныхъ ими аномалій представляются явленіемъ не первичнымъ, не предвѣстниками преступности, а явленіемъ вторичнымъ, послѣдствіемъ преступной жизни. Это подтверждается изслѣдованіями Марро, который нашелъ всего болѣе патологическихъ особенностей, т. е. особенностей пріобрѣтенныхъ. Къ тому же рядъ признаковъ, признававшихся Ломброзо аномаліями, оказался по изслѣдованіямъ другихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Марро, признаками нормальными. Многочисленныя изысканія Ломброзо надъ прирожденнымъ преступникомъ, произведенныя подъ вліяніемъ руководящей мысли о различіяхъ душевно-больнаго и преступника, завершаются неожиданнымъ результатомъ. Прирожденный преступникъ, объявляемый продуктомъ атавизма т. е. воспроизведеніемъ съ тѣлесной и психической стороны первобытнаго человѣка, дикаря, сливается съ нравственно-помѣшаннымъ и эпилептикомъ. Въ этомъ заключительномъ построеніи сочетаются весьма спорное біологическое понятіе, весьма спорная патологическая форма и наконецъ хорошо извѣстное нервное страданіе, вступающее въ противурѣчіе съ атавизмомъ. Подробное разъясненіе несостоятельности этой тройственной комбинаціи было сдѣлано мною въ 1-мъ выпускѣ моей книги [26]). Достаточно указать, что въ силу ея прирожденный преступникъ выбываетъ изъ области уголовнаго права. Вмѣсто при-

---

[24]) Указанный опытъ сличенія, подробно разсмотрѣнный мною (вып. 1-й стр. 62—66), какъ нельзя лучше подтверждаетъ истину замѣчательнаго, приводимаго ниже сообщенія Manouvrier о неразрѣшимости задачи.

[25]) J caratteri dei delinquenti стр. 446.

[26]) Глава 1-я § VI—VIII.

рожденнаго преступника является душевно-больной человѣкъ, одинъ изъ вырожденныхъ Мореля. Такой выводъ и сдѣланъ цѣлымъ рядомъ ученыхъ. Правда, при безцеремонности относительно фактовъ и объясненій, Итальянскіе уголовные антропологи постоянно готовы соединять всѣ возможныя объясненія. Такъ Ломброзо настаиваетъ на томъ, что атавизмъ вполнѣ совмѣстимъ съ пріостановкой развитія, съ душевной болѣзнью, съ вырожденіемъ. Но, какъ я указывалъ выше, самъ Морель предостерегалъ противъ такого смѣшенія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ отождествлять обладающаго мощной тѣлесной организаціей, неиспорченнаго излишествами цивилизаціи человѣка раннихъ періодовъ исторіи съ вырожденнымъ человѣкомъ, продуктомъ ряда вредоносныхъ для тѣлеснаго здоровья условій? Атавизмъ и вырожденіе взаимно исключаютъ другъ друга. По вѣрному замѣчанію Colajanni преступность, при поставленіи ея въ зависимость отъ атавизма, составляла бы не дегенерацію, а регенерацію, возвращеніе человѣка къ первоначальнымъ естественнымъ свойствамъ, при чемъ былъ бы правъ Альбрехтъ, считавшій нравственность аномаліей [27]). Когда при сближеніи этихъ двухъ противурѣчащихъ другъ другу понятій ссылаются на современныхъ дикарей, то ясно сознаешь, что Морель былъ неизмѣримо выше многихъ современныхъ психологовъ и уголовныхъ антропологовъ. Его защита дикихъ племенъ отъ безразличнаго усвоенія имъ явленія вырожденія вполнѣ подтверждается современной наукой. Такъ этнографъ Ратцель заявляетъ, что „не антропологическія, а культурныя степени составляютъ главнымъ образомъ картину человѣчества. Сравнительное изученіе дикихъ расъ за послѣдніе годы не даетъ основанія мнѣнію, что низшія расы представляютъ переходъ отъ животнаго къ человѣку. Въ культурномъ отношеніи эти народы стоятъ ниже насъ и представляютъ слой подъ нами, тогда какъ по естественному образованію и отчасти способностямъ они сходны съ нами. Этотъ слой не слѣдуетъ разсматри-

---

[27]) Sociologia criminale I—VIII Natura del delitto стр. 431. Относительно Альбрехта ср. 1 вып. моего труда стр. 402.

вать какъ предыдущую низкую ступень развитія, черезъ которую мы сами должны были пройти, но какъ слой, состоящій изъ остановившихся, оттѣсненныхъ и отставшихъ элементовъ“ [28]).

На развалинахъ Ломброзовскаго прирожденнаго преступника остается явленіе вырожденія, признаваемое рядомъ писателей, какъ напримѣръ Féré [29]), Laurent [30]), Virgilio [31]), Sergi [32]), von Liszt [33]), у насъ г-номъ Дрилемъ [34]), наиболѣе общей основой преступности. Понятіе тѣлеснаго и сопутствующаго ему психическаго вырожденія крайне удобно, какъ единое и цѣлостное объясненіе. Но при этомъ оно перестаетъ быть научнымъ. Вырожденіе—сложное и широкое состояніе. Въ поясѣ вырожденія находятся одинаково какъ dégénérés supérieurs или partiels, такъ и идіоты, а между этими двумя ступенями слабоумные въ разной мѣрѣ. Необходимо при томъ отличать вырожденіе, какъ состояніе отклоненія отъ нормальнаго средняго человѣка, и дегенеративныя формы душевной болѣзни. Будемъ ли мы видѣть въ вырожденіи различные виды неврастеніи, физической, нравственной и даже эстетической, какъ предлагаетъ Бенедиктъ, или нервное истощеніе какъ хочетъ Фере, ясно, что ко всѣмъ преступникамъ это понятіе непримѣнимо. И дѣйствительно, вырожденіе въ смыслѣ физическаго и нравственнаго упадка приписывается по преимуществу обычнымъ нищимъ и бродягамъ, среди которыхъ могутъ быть конечно много опасныхъ лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчается значительное число субъектовъ, никогда не совершающихъ сколько нибудь значительнаго проступка [35]). Такимъ образомъ, Тардъ спра-

---

[28]) Цитовано по указ. монографіи Бинсвангера стр. 24—26.

[29]) Dégénéréscence et criminalité.

[30]) Les Habitués des prisons de Paris.

[31]) Sulla natura morbosa del delitto 1874 г.

[32]) Relazione tra la delinquenza le malattie mentali Riv. Carcer. 1886.

[33]) Apperçu des applications de l'anthropologie criminalle (докладъ Брюссельскому конгрессу въ Archives Лакасанія 1892 г.).

[34]) Малолѣтніе преступники 1884 года, а также докладъ Брюссельскому конгрессу.

[35]) Ср. вып. 1-й моего труда главу третью стр. 319. Приведенное въ ука-

ведливо заявляетъ, что истинные и настоящіе преступники, отмѣчаемые излишкомъ энергіи и отваги, могутъ считаться наименѣе вырожденными [36]). Точно также Топинаръ, указавъ въ числѣ условій преступности на душевную болѣзнь, алкоголизмъ, болѣзненныя расположенія, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Однако масса преступниковъ коренится не тамъ.... она исходитъ отъ дурныхъ примѣровъ, совѣтовъ, увлеченій, отъ развращенія нравственнаго и религіознаго чувства, плода несчастнаго воспитанія, коему не чуждъ и психологическій кризисъ 19 столѣтія“ [37]). Когда нѣкоторые авторы, какъ напримѣръ Laurent, выводятъ передъ нами различныхъ вырожденныхъ въ тюрьмѣ, то здѣсь приходится сдѣлать замѣчаніе, которое постоянно напрашивается при различныхъ объясненіяхъ преступности, а именно о смѣшеніи причины и слѣдствія [38]). Что тюрьма представляетъ многочисленные примѣры психическаго и тѣлеснаго вырожденія, это совершенно естественно объясняется свойствами существованія преступниковъ, но нисколько не доказываетъ генезиса преступности. Наконецъ, слѣдуетъ указать на мнѣніе спеціалиста, по которому вырожденіе и преступность находятся въ обратномъ отношеніи между собою, преступность тѣмъ болѣе рѣдка, чѣмъ болѣе интенсивнымъ является вырожденіе. Это мнѣніе принадлежитъ Парижскому психіатру Morandon de Montiel, который въ пользу его ссылается на наиболѣе частое явленіе преступности у душевно-больныхъ, страданіе которыхъ наименѣе обусловливается вырожденіемъ, каковы страдающіе бредомъ преслѣдованія и острые галлюцинирующіе меланхолики. Во избѣжаніе недоразумѣній авторъ оговаривается, что онъ различаетъ опасныхъ и преступныхъ душевно-больныхъ, изъ которыхъ первые соверша-

---

занномъ мѣстѣ показаніе Марро подтверждается и Laurent, который указываетъ примѣры извѣстныхъ ему лицъ, осужденныхъ много разъ за нищенство и бродяжество и ни разу за кражу (Les Habitués des prisons de Paris глава IV стр. 40 –52-я).

[36]) Philosophie pénale ср. V. Le criminel VII стр. 235.

[37]) Revue d'anthropologie 1887 г. Anthropologie criminelle стр. 688.

[38]) Ср. 1-й вып. моего труда гл. 1-ю стр. 39, 143.

ютъ преступленіе безсознательно (наприм. вырожденные идіоты), а вторые подъ вліяніемъ сознательнаго, хотя болѣзненнаго мотива. Перебирая разныя формы вырожденія, авторъ указываетъ, что наприм. dégénérés impulsifs борятся со своимъ импульсомъ и хотя изнемогаютъ въ борьбѣ съ нимъ, но тотчасъ послѣ этого склонны либо повиниться, либо воспрепятствовать наступленію преступнаго результата (пироманы и клептоманы). Другое явленіе, свидѣтельствующее о борьбѣ больнаго съ побудомъ, это наступающее послѣ преступнаго дѣла облегченіе. Переходя къ формѣ folie morale, авторъ отрицаетъ связь ея съ преступной склонностью. По мнѣнію автора, одержимыя этимъ страданіемъ лица отличаются больше безнравственностью, чѣмъ склонностью къ преступленіямъ, ихъ преступныя дѣянія по свойству своему обыкновенно маловажныя. Нравственное извращеніе дѣлаетъ изъ человѣка не столько преступника, сколько грязнаго развратника [39]). Въ виду широкаго объясненія преступности явленіемъ вырожденія нельзя не припомнить, что геніальный изслѣдователь этого явленія Морель, какъ бы предчувствуя злоупотребленіе, которое будетъ сдѣлано изъ его изслѣдованій эпигонами, самъ позаботился положительно удостовѣрить фактъ, при непризнаніи котораго, по его словамъ, нарушаются всѣ положенія о справедливомъ и несправедливомъ, добрѣ и злѣ въ человѣчествѣ, фактъ совмѣстимости нравственнаго зла съ здоровымъ организмомъ и организма нездороваго или недостаточнаго съ нор-

---

[39]) Archives d'anthropologie criminelle, De la criminalité et de la dégénérescence 1892 г. стр. 39. Авторъ утверждаетъ, что если различать душевно-больныхъ, совершающихъ преступленіе съ твердымъ и сознательнымъ намѣреніемъ отъ тѣхъ, которые при хорошемъ надзорѣ безобидны, то преступность среди первыхъ несомнѣнно меньшая, чѣмъ среди лицъ здоровыхъ душевно. Авторъ цитуетъ значительные результаты, полученные Semal при изслѣдованіи вліянія одиночнаго заключенія въ Бельгіи—изъ 526,313 заключенныхъ оказалось 514 душевно-больныхъ, т. е. среднимъ числомъ 100 на 100000 заключенныхъ, тогда какъ по исчисленію 1868 и 1878 г. 132 душевно-больныхъ приходятся на 100000 жителей. Мало этого, изъ 514 только 192 заболѣли послѣ помѣщенія въ тюрьму, что даетъ пропорцію одного больнаго на 3229 осужденныхъ, тогда какъ въ свободномъ населеніи одинъ больной приходится на 527 жителей (стр. 291—292).

мальнымъ отправленіемъ умственныхъ и нравственныхъ способностей. Всякій, говоритъ Морель, можетъ найти примѣры въ подтвержденіе этихъ положеній (Traité des dégénérescences стр. 490 примѣчаніе).

Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ свѣтъ 1-й выпускъ моей работы, главные выводы котораго изложены выше, борьба противъ уголовно-антропологической доктрины Ломброзо особенно усилилась. Это движеніе проявилось въ рядѣ критическихъ работъ [40])

---

[40]) Я здѣсь дополняю списокъ критическихъ работъ, указанныхъ въ 1-мъ выпускѣ настоящаго труда, работами, появившимися уже послѣ выхода его въ свѣтъ. Первое мѣсто принадлежитъ изложенной въ текстѣ критикѣ Топинара L'anthropologie criminelle въ Revue d'anthropologie Novembre 1887 г. Во Франціи въ послѣднее время сложилась цѣлая школа, ставшая въ прямую противуположность къ Итальянской школѣ. Французская школа настаиваетъ на общественномъ генезисѣ преступности. Главный представитель этого направленія Archives d'anthropologie criminelle et des sciences pénales съ Лакасанемъ и Тардомъ во главѣ. Ср. воззрѣнія Лакасання въ предисловіи къ Laurent Habitués des Prisons. Критику доктрины Ломброзо можно найти въ слѣдующихъ работахъ: Riant Les irrésponsables devant la justice 1888. Tarde Philosophie pénale 1890, ср. также Etudes pénales et sociales 1891. Guillot Les prisons de Paris 1890. Joly; Три монографіи: Le crime 1890. La France criminelle 1891 и Le combat contre le crime 1892. Frankotte L'anthropologie criminelle 1891. Dortel L'anthropologie criminelle et la responsabilité medico-légale 1891. Désjardin въ Revue des deux Mondes 1891. Crime et peine. De Vence Les erreurs et dangers de l'anthropologie criminelle, Revue pénitentiaire, (B. S. G. P.) № 3, 1892. Vidal Principes fondamentaux de la penalité 1891. Proal Le crime et la peine 1892. Joly и Guillot, по словамъ Laurent, представляютъ во Франціи спиритуалистическую школу, тѣмъ не менѣе у Joly въ его трехъ работахъ больше здороваго реализма, чѣмъ во всѣхъ трудахъ Итальянской позитивной школы. Укажу на работы, не имѣющія цѣлью—критики доктрины Ломброзо, даже исходящія отъ многихъ общихъ съ нимъ воззрѣній и стремленій, тѣмъ не менѣе содержащія цѣнныя критическія замѣчанія: Corre Les criminels, caractéres physiques et psychologiques 1889, Féré Désgénérescence et criminalité 1889, Laurent Les Habitués des prisons 1891. Важнѣйшія критическія разборы въ Германіи: Krohne Lehrbuch der Gfk. § VI, Binnswanger Geistesstorung und Verbrechen въ Deutsche Rundschau XV, 1888 г. стр. 409-я, русскій переводъ въ Архивѣ психіатріи Ковалевскаго 1889, Kirn Bl. f. Gfk. 1889 г. Liszt Kriminal politische Aufgaben въ его Zeitschrift (ср. цитату выше на стр. 51 прим. 61). Ср. также Lammasch Criminalpolit. Studien, G. S. 1891. Kleutgen Viertelsjahrschrift für gerichtliche Medicin 1889, Über das sogenannte moralische Irrsein. Hölder Über die körperlichen und geistigen Eigenschaften der Verbrecher въ Archiv der anthropologischen Gesellschaft 1889. H. I Lutz Über Atavismus въ Allg. Z. f. Psych.

и въ рядѣ конгрессовъ уголовной антропологіи, а именно Парижскаго 1889 г., слѣдовавшаго за Римскимъ 1885 г. и Брюссельскаго 1892 г. Необходимо указать крупные моменты этого явленія, со стороны какъ нападенія, такъ и вызванной имъ защиты Ломброзовской доктрины, нашедшей себѣ мѣсто въ послѣднихъ по времени сочиненіяхъ Ферри и Ломброзо. Прежде чѣмъ перейти къ конгрессамъ уголовной антропологіи умѣстно указать главныя черты наиболѣе тяжелой для Итальянской школы критики Топи-

---

1889, 46 Band I Heft. Geistesstörung und Verbrechen, Vortrag von Dr. Kirn, 1892 г. Ср. также Gretener Cesare Lombroso's Verbrecher von Geburt, Bern. 1891 г. Въ Испанской литературѣ критикѣ Ломброзо посвящена книга d'Aramburu y Zuloaga La Nueva Ciencia penal. Въ Англійской литературѣ можно указать на замѣчательную критику Maudsley въ Journal of mental science July 1887, On crime and criminals стр. 159—167. Maudsley заявляетъ, что общей преступной организаціи не существуетъ и что нѣтъ настолько хорошо обоснованной теоріи уголовной антропологіи, которая заслуживала бы принятія въ преобразованное уголовное право. Ср. также Ireland въ Нью-Іоркскомъ Medico legal Journal 1891 г. № 1 Is criminal Anthropology a science. Авторъ относится отрицательно къ этой наукѣ въ лицѣ ея Итальянскихъ представителей. Въ Итальянской литературѣ укажу слѣдующія важнѣйшія работы: Colajanni Sociologia criminale 2 т. 1889 г. обстоятельная, сильная и вѣрная критика уголовно-антропологической Итальянской доктрины, далѣе Magri Una nuova teoria generale della criminalità 1891 г. Impallomeni въ Riv. penale XXXI La nuova scuola di diritto penale al Congresso di Parigi. Книга Lucchini I semplicisti въ 1892 году появилась во Французскомъ переводѣ подъ заглавіемъ Le droit pénal et les nouvelles théories. Эта безпощадная критика, написанная реалистомъ въ наукѣ, соединяющая вполнѣ научное содержаніе съ необыкновенно остроумной формой, имѣетъ громадный успѣхъ во Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи, какъ видно изъ газетныхъ отчетовъ. Во Франціи ей посвящена новая книга Vidal Etat actuel de l'anthropologie criminelle 1892. „Cette publication française, говоритъ Видаль, est une juste réponse à l'oeuvre de propagande des adversaires, qui ont répandu hors de l'Italie leurs principaux écrits et ont obtenu la traduction française de l'Homme criminel, de l'Homme de genie". Въ русской литературѣ можно указать на весьма согласное критическое отношеніе нашихъ криминалистовъ, а равно спеціалистовъ по естественнымъ наукамъ къ доктринѣ Ломброзо. Ср. Таганцевъ Лекціи вып. I § 5—8, вып. II § 34[9], вып. III § 736. Сергѣевскій Русское Уголовное Право 1890 г. стр. 82. Спасовичъ указ. выше на стр. 61 работа, Закревскій указ. ст. Анучинъ Изученіе психо-физическихъ типовъ въ Вѣст. Европы 1890, а равно Обнинскій Иллюзіи позитивизма въ Жур. Гражд. и Угол. права (1890—91 г.) обѣ статьи противъ г. Дриля, представляющаго Итальянское ученіе in partibus infidelium. Наконецъ Э. Радловъ Чезаре Ломброзо и уголовная антропологія въ Русскомъ Обозрѣніи 1892 г. № 8.

нара—критики, имѣвшей громадное значеніе, какъ въ виду авторитета автора въ антропологіи, такъ и въ виду несомнѣннаго вліянія ея на ходъ указанныхъ конгрессовъ. Топинаръ начинаетъ съ указанія, что типъ въ антропологіи понятіе сложное. Существуетъ серія типовъ: типъ коллективный—случайный, семейный, расовый, зоологическаго вида, рода, порядка и класса. Типъ коллективный случайный имѣетъ отношеніе къ преступникамъ въ смыслѣ типа извѣстной общественной группы, но онъ является и исчезаетъ съ общественными условіями, давшими ему жизнь и не передается наслѣдственно. Единаго коллективнаго типа къ тому и не бываетъ, возможны только отдѣльные типы, соотвѣтствующіе различію среды, въ которой преступникъ находится. Какъ спеціально профессіональный, этотъ типъ не можетъ быть и прирожденнымъ. Нельзя допустить и расоваго типа преступника. Первичныя расы не тождественны съ расами исторіи, а расы исторіи—не современныя расы. Расы измѣняются въ силу скрещиванія и уступаютъ мѣсто новымъ расамъ (стр. 658—663). Замѣтивъ, что Ломброзо не уяснилъ себѣ понятія о типѣ, Топинаръ показываетъ, что типъ прирожденнаго преступника построенъ у Ломброзо на основаніи разнородныхъ категорій (убійцъ, воровъ, мошенниковъ, насилователей), которые то различаются, то соединяются, причемъ случайные преступники нигдѣ не отличены по документамъ произведенныхъ изслѣдованій отъ душевно-больныхъ или прирожденныхъ. Типъ въ 40%, исчисляемый Ломброзо относительно прирожденныхъ преступниковъ—не типъ, что сказать о типѣ брехикефаліи при 60% долихокефаловъ? (стр. 664). Далѣе, Топинаръ указываетъ на отсутствіе методическаго пользованія антропологическими пріемами изученія серіальныхъ и среднихъ чиселъ, сближеніе данныхъ, полученныхъ разными способами изслѣдованія, несовершенство и недостаточность способовъ измѣренія въ изслѣдованіяхъ Ломброзо относительно 383 череповъ преступниковъ (стр. 664—671). „Вопросъ о емкости череповъ у преступниковъ не рѣшенъ и, смотря по документамъ, можетъ быть рѣшенъ какъ угодно“. По предме-

ту черепныхъ аномалій Топинаръ находитъ смѣшеніе аномалій и нормальныхъ явленій. Къ нормальнымъ явленіямъ относятся надбровныя дуги, скуловыя дуги, ассиметрія черепа. Послѣдняя указываетъ не на низменность, а на превосходство. Большое число выясняющихся изъ таблицъ Ломброзо дефектовъ черепа не составляетъ типа, они во всякомъ случаѣ встрѣчаются и у нормальныхъ людей. Топинаръ, наконецъ, обращается къ атавизму. Указавъ, что приводимыя у Ломброзо доказательства атавизма несостоятельны, что средне-затылочная ямка, найденная въ 10% у преступниковъ, встрѣчается у 15% непреступныхъ лицъ, что нельзя объяснять атавизмомъ явленія педерастіи и эстетическихъ вкусовъ, и что не существуетъ связей между антогеніей и филогеніей, Топинаръ объясняетъ явленія, приписываемыя атавизму, пріостановкой развитія вслѣдствіе случайныхъ причинъ. „Нѣтъ, между человѣческимъ видомъ и его филогеническими праотцами, между первобытными и современными расами всякая связь изчезла. Ни преступность, ни типъ преступника не составляютъ реверсіи“ (стр. 683—684).

Ранѣе мнѣ приходилось указывать на сильное сопротивленіе на Римскомъ конгрессѣ 1885 года, оказанное ученію объ уголовной эпилепсіи[41]). Еще болѣе сильное разочарованіе ожидало ново-Итальянскую школу уголовнаго права на Парижскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи 1889 г. Наиболѣе жгучихъ вопросовъ касались доклады Manouvrier по вопросу 2-му, существуютъ ли анатомическія особенности преступниковъ, и Magnan по 5-му вопросу о дѣтскомъ возрастѣ въ связи съ расположеніемъ къ преступности. Manouvrier предварительно выставилъ рядъ весьма цѣнныхъ положеній, прямо направленныхъ противъ Итальянской школы. Изъ несомнѣнно существующей связи между физіологіей (со включеніемъ психологіи) съ анатоміей не слѣдуетъ однако, чтобы значеніе дѣйствій всегда соотвѣтствовало формѣ или строенію ор-

---

[41]) Ср. вып. 1-й моего труда главу первую § VI.

гановъ, отъ которыхъ они исходятъ. Одни и тѣ же органы могутъ производить безконечное число дѣйствій, подлежащихъ соціологической оцѣнкѣ. Отдѣльное лицо можетъ дѣйствовать на тысячу ладовъ, не измѣняясь физіологически и анатомически, не переставая дѣйствовать сообразно своей организаціи, подобно инструменту, могущему издавать и хорошіе и дурные звуки. Преступленіе, важное нарушеніе закона, не есть физіологическая, а соціологическая матерія. Преступленіе не связывается непремѣнно съ физіологическими особенностями, дурными или неблагопріятными. При равенствѣ всѣхъ прочихъ условій истинныя достоинства могутъ содѣйствовать, истинные недостатки препятствовать его возникновенію. Въ заключеніе Manouvrier высказался весьма скептически по вопросу, представляютъ ли преступники больше аномалій, чѣмъ честные люди въ виду недостатковъ документовъ наблюденій. Если для созданія криминальнаго типа пришлось бы отвлекать особенности отъ 100—1000 преступниковъ, то получился бы **козелъ отпущенія**, арлекинъ и больше ничего[42]).

Не менѣе значителенъ по своимъ выводамъ и докладъ Magnan, прямо направленный противъ ученія Ломброзо о распространенности нравственнаго помѣшательства въ дѣтскомъ возрастѣ, объ отсутствіи нравственнаго чувства, естественномъ предрасположеніи къ преступности. Magnan заявляетъ, что такое положеніе представляетъ ошибочное истолкованіе наблюдавшихся явленій. Усвоиваемыя Ломброзо вообще дѣтскому возрасту черты Magnan относитъ къ наслѣдственно вырожденнымъ, изслѣдованіе которыхъ принадлежитъ исключительно клиникѣ. При этомъ Magnan удостовѣрилъ важный результатъ собственныхъ наблюденій, что у такихъ лицъ, болѣзнено-вырожденныхъ, физическія аномаліи бываютъ едва очерчены или совсѣмъ отсутствуютъ[43]).

Пренія на конгрессѣ были весьма неблагопріятны для Ломброзо. Уже въ первомъ засѣданіи конгресса по поводу сообщенія Лом-

---

[42]) Actes du II Congrés d'anthropologie criminalle 1889, стр. 28—35.

[43]) Тамъ же стр. 53—63.

брозо о послѣднихъ изслѣдованіяхъ уголовной антропологіи, Manouvrier заявилъ о глубокихъ разногласіяхъ съ Итальянскимъ авторомъ. Связывая дѣйствія человѣка съ организаціей, Итальянская школа, говоритъ Manouvrier не вводитъ никакой новой идеи. Нововведеніемъ является столь тѣсное сочетаніе преступленія съ анатомическими условіями, что оно дѣлается функціей, физіологическимъ результатомъ. Это—доктрина новая, но ложная. Въ засѣданіи конгресса въ противность исключительно антропологической доктринѣ Ломброзо, Manouvrier, г. Дрилемъ, Лакасаннемъ, Пульезе и Тардомъ было указано на соціальную сторону преступленія. Бруардель назвалъ поиски за преступной аномаліей мечтою (illusoire). Единственнымъ защитникомъ доктрины Ломброзо изъ не-Итальянцевъ явился докторъ Баженовъ [44]).

Въ Августѣ 1892 года въ Брюсселѣ состоялся третій криминально-антропологическій конгрессъ. Этотъ конгрессъ былъ кульминаціонной точкой рѣзкаго, критически-отрицательнаго отношенія къ доктринѣ Ломброзо, которое явственно проявилось на Римскомъ конгрессѣ 1885 г. и достигло еще болѣе яркаго развитія на Парижскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи 1889 г. Брюссельскій конгрессъ происходилъ въ отсутствіе Итальянскихъ антропологовъ-криминалистовъ, что нѣсколько ослабило строгость несомнѣнно выразившагося на конгрессѣ осужденія Ломброзовской доктрины въ

---

[44]) Ср. въ томъ же изданіи отчеты о засѣданіяхъ Конгресса: 2-мъ, 12 Августа 1889 г. по докладу Ломброзо о новѣйшихъ данныхъ уголовной антропологіи (стр. 152—169), 4-мъ, 13 Августа по докладу Manouvrier (стр. 194—204), 6-мъ, 14 Августа по докладу Гарофало объ опредѣленіи принадлежности виновнаго въ преступленіи лица къ извѣстной категоріи преступниковъ (стр. 251—253), 8-мъ, 16 Августа по докладу Magnan (стр. 302—324, 324—346). Весьма любопытны возраженія, сдѣланныя въ шестомъ засѣданіи Ломброзо со стороны Бенедикта, указавшаго на диллетантизмъ обыкновенно практикуемыхъ краніологическихъ изслѣдованій, возраженія, вызвавшія гнѣвное возраженіе Ломброзо о крайнемъ несогласіи ихъ съ научнымъ прошедшимъ Бенедикта (ср. указ. изд. стр. 257 и 258). Сверхъ указ. Актовъ конгресса ср. Observations и communications Paris 1889, представленныя Эрбеттомъ конгрессу уголов. антропол., а равно Gauckler Le congrés d'anthropologie criminelle de Paris (Aout 1889), въ Revue critique de législation 1889.

виду отсутствія ея защитниковъ. Тѣмъ не менѣе, „выражаясь фигурально на Брюссельскомъ конгрессѣ происходило ничто иное, какъ торжественныя похороны..... Ломброзовскаго преступнаго человѣка со всѣми его аттрибутами“ [45]).

Результаты этого конгресса такъ резюмируются въ отчетѣ Archives d'anthropologie criminelle: 1) Полное исчезновеніе преступнаго типа и прирожденнаго преступника Ломброзо. 2) Единогласіе собранія относительно ничтожества (inanité) Ломброзовской доктрины. 3) Попытки новаго построенія доктрины исключительно на опытномъ методѣ. 4) Попытки сближенія права и біологіи, примиренія детерминизма и свободы воли. 5) Сознаніе необходимости сближенія и сочетанія уголовнаго права и уголовной антропологіи.

Нельзя не признать весьма существенными въ смыслѣ большаго и большаго разсѣянія тумана въ наукѣ докладовъ Cuylitzs объ общественномъ генезисѣ клеймъ преступности, изслѣдованій Thiry и Francotte надъ заключенными въ Лютихской тюрьмѣ, не давшихъ никакихъ указаній на аномаліи преступниковъ. Столь же важны заключенія докладчиковъ Houzé и Warnots, что аномаліи преступниковъ либо зависятъ отъ тератологическихъ причинъ, либо представляютъ этническія особенности, видоизмѣняющіеся отъ

---

[45]) Криминально-антропологическій конгрессъ въ Брюсселѣ въ Русск. Вѣдомостяхъ № 249, 1892 г. Ср. также отчетъ въ Archives d'anthropologie criminelle 1892 г. № 15, далѣе въ Вопросахъ философіи и психологіи № 1, 1893 г. сообщеніе г. Чижъ, а равно статью г. Закревскаго объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы въ Журн. Гражд. и Угол. Права 1893 г. № 1. Г-нъ Закревскій между прочимъ упоминаетъ о докладѣ г. Дриля на означенномъ конгрессѣ „объ основныхъ принципахъ уголовно-антропологической школы“, замѣчая, что попытка эта едва ли можетъ считаться удачною.... „упомянутый докладъ заключалъ въ себѣ въ значительной степени воспроизведеніе Итальянской фразеологіи, отошедшей, уже, какъ мнѣ кажется, въ область прошедшаго“. Указ. докладъ г. Дриля совершенно совпадаетъ съ изложеніемъ „началъ“ въ его статьѣ „Антропологическая школа и ея критики (Юрид. Вѣстникъ 1890 г. № 12), написанной противъ статей г-на Обнинскаго „Иллюзіи позитивизма“. Разборъ статьи г. Дриля по предмету этихъ „началъ“ въ моей работѣ: „Методы, содержаніе и задачи науки уголовнаго права“, Ярославль, 1891 года.

племени къ племени, даже отъ общины къ общинѣ, что ассиметрія напр. общее правило, а не исключеніе, что торчащія уши даютъ 75% у туберкулозныхъ, а въ одномъ Фламандскомъ селеніи были найдены въ пропорціи 25%, что носовой показатель также этническій признакъ, что анатомическій типъ прирожденнаго преступника Ломброзо должно отвергнуть, что преступный типъ могъ бы быть установленъ лишь при изслѣдованіи лицъ одной и той же мѣстности, одного и того же общественнаго класса, взятыхъ изъ числа преступниковъ и непреступниковъ въ одинаковомъ числѣ, что дѣленіе на преступниковъ и непреступниковъ представляется произвольнымъ, что извѣстное количество преступниковъ представляютъ вырожденныхъ, не составляющихъ, однако, никакой спеціальной категоріи. Тѣмъ не менѣе, эти доклады лишь полнѣе и яснѣе раскрываютъ то, что и ранѣе представлялось несомнѣннымъ. Особенно же важнымъ представляется сообщеніе Manouvrier по поводу назначенной Парижскимъ конгрессомъ уголовной антропологіи коммиссіи изъ семи антропологовъ для представленія сравнительныхъ наблюденій относительно двухъ серій: ста преступниковъ въ составѣ привлеченныхъ въ одинаковомъ числѣ убійцъ, насильственниковъ и воровъ, и ста честныхъ людей извѣстныхъ по своему личному и семейному прошедшему. Сообщеніе Manouvrier указываетъ на основаніи превосходнѣйшаго, строго логическаго и глубокаго анализа вопроса, что задача, поставленная коммиссіи, которая впрочемъ и не приступала къ занятіямъ, заключаетъ въ самой себѣ невозможность ея разрѣшенія. Такая невозможность обусловливается какъ чисто техническими затрудненіями (необходимостью изслѣдованія не двухъ сотенъ, а можетъ быть тысячи лицъ), такъ и чисто логическими. Къ послѣднимъ принадлежатъ: недостаточность различенія преступныхъ и непреступныхъ лицъ по признаку наличности или отсутствія осужденія при изслѣдованіи вопроса о глубочайшихъ физіо-психологическихъ корняхъ преступности, а равно необходимость сличенія лицъ преступныхъ и непреступныхъ при наличности полнѣйшаго равенства

всѣхъ важнѣйшихъ условій: обстановки дѣтства и молодости, воспитанія, общественнаго положенія [46]).

Это сообщеніе Manouvrier, не смотря на отрицательные выводы, имѣетъ громаднѣйшее научное значеніе. Оно показываетъ чрезвычайно наглядно: во 1-хъ, что позитивный или экспериментальный методъ требуетъ для успѣшности результатовъ предварительнаго рѣшенія ряда общихъ вопросовъ, предполагаемыхъ опытомъ, путемъ логическаго анализа, во 2-хъ, что ходячее мнѣніе „о необходимости изученія преступниковъ всѣми доступными наукѣ средствами“ крайне недостаточно считается съ этими общими вопросами, которые могутъ и недопускать извѣстныхъ экспериментальныхъ средствъ по отношенію къ преступникамъ—въ 3-хъ, оно показываетъ, наконецъ, какую цѣну надо придавать многочисленнымъ изслѣдованіямъ преступности, при которыхъ вопросы, возбужденные Manouvrier, и въ голову не приходили наблюдателямъ.

Противъ посыпавшихся на нее отовсюду возраженій Итальянская антрополого-позитивная школа, какъ и раньше [47]), выступаетъ съ рядомъ попытокъ защиты. Поучительно указать на главные пріемы этой полемики.

Я не стану входить въ разсмотрѣніе недавнихъ сочиненій Ломброзо, появившихся на французскомъ языкѣ [48]) и содержащихъ

---

[46]) Указ. № Archives. Question préalable dans l'étude comparative des criminels et des honnêtes gens (Rapport presenté en son nom personnel par Manouvrier стр. 587-я).

[47]) Polemica in difesa della scuola criminale positiva. 1886 г.

[48]) L'anthropologie criminelle et ses récents progrés 1890. Nouvelles recherches de psychiatrie et d'anthropolog'e criminelle 1892. Въ предисловіи къ первому сочиненію авторъ утверждаетъ, что логика и грубый здравый смыслъ величайшіе враги истины и что при помощи силлогизмовъ и лупы можно доказать, что солнце движется, а земля неподвижна. Эта пустая книжка вышла въ русскомъ переводѣ съ предисловіемъ г. Берлина и послужила поводомъ для прекрасной, указ. выше статьи г. Радлова. Г. Радловъ, оцѣнивъ по достоинству какъ самую книжку, такъ и пустоту предисловія, отмѣчаетъ, что новая работа

отвѣтъ по адресу Парижскаго конгресса, Маньяна, Топинара. Ломброзо почти постоянно прибѣгаетъ къ однимъ и тѣмъ же пріемамъ, повторяетъ на всѣ лады свои старыя, разбитыя критикой возраженія, возвеличиваетъ самого себя, доказываетъ, что всѣ его противники въ сущности съ нимъ согласны или отдѣлывается чрезвычайно странными сравненіями. Такъ на возраженія противъ атавизма Ломброзо отвѣчаетъ, что съ атавизмомъ выходитъ тоже, что съ облаками, которыхъ очертанія видны издали и недоступны зрѣнію вблизи, или съ нѣкоторыми картинами, которыя вблизи—куча красокъ, а издали прекрасныя работы (L'homme criminel стр. XVI). Какъ замѣчаетъ Колаянни, необходимо, значитъ, предаваться оптическому обману, чтобы находить аналогію между преступникомъ и дикаремъ (указ. соч. I стр. 468).

Въ первомъ выпускѣ моей книги я разбиралъ защиту Ферри главныхъ данныхъ уголовной антропологіи Ломброзо. Въ Sociologia criminale Ферри опять возвращается къ этой защитѣ, въ виду новыхъ нападеній. Не имѣя возможности входить въ разборъ всей этой полемики, я укажу на возраженія Ферри—Габелли, Топинару, Колаянни, а равно на послѣднее по времени у Ферри обоснованіе генезиса преступности.

Ферри разбираетъ одно изъ возраженій, сдѣланныхъ противъ антропологическаго типа преступника остроумнымъ Габелли. Возраженіе это состоитъ въ слѣдующемъ: при измѣнчивости оцѣнки человѣческихъ дѣяній въ разныхъ странахъ и разное время, при обязательности въ нѣкоторыя эпохи отцеубійства и наказуемости другихъ дѣяній, какъ напримѣръ, колдовства, тогда какъ въ наше время первое—тягчайшее дѣяніе, а второе не наказуемо, должно допустить, что и преступники будутъ измѣняться отъ одного вре-

---

Ломброзо блещетъ полнымъ отсутствіемъ логики и здраваго смысла. Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что Ломброзо характеризуетъ свои писанія какъ нельзя лучше собственными словами: „Въ сочиненіяхъ маттоидовъ встрѣчаются стремленія къ несбыточному, постоянныя противурѣчія, многословіе и надъ всѣмъ этимъ царитъ хвастовство“ (стр. 857).

мени къ другому. Отцеубійца доисторическаго времени, не считаясь преступникомъ, не будетъ значитъ обладать антропологическими особенностями преступниковъ, а колдуны среднихъ вѣковъ будутъ обладать ими. На это возраженіе Ферри отвѣчаетъ чрезвычайно длинной и смутной аргументаціей. Антропологическія особенности являются наиболѣе частыми и выразительными въ основныхъ формахъ преступности, наименѣе подверженныхъ колебаніямъ по мѣсту и времени: убійствѣ и кражѣ. Если извѣстные случаи убійства въ извѣстную эпоху были дозволеннымъ или даже и должнымъ дѣломъ, то этимъ не устраняется преступность убійства даже въ доисторическія времена, когда оно являлось анти-соціальнымъ. Историческая измѣнчивость относится къ преступнымъ дѣяніямъ, составляющимъ временный продуктъ извѣстныхъ соціальныхъ условій, и виновники которыхъ состоятъ подъ меньшимъ дѣйствіемъ антропологическаго фактора. Напротивъ, у виновниковъ дѣяній, принадлежащихъ къ основнымъ формамъ преступности, одинаково оцѣнивавшимся во всѣ времена, надо предполагать и въ отдаленныя отъ насъ эпохи тѣ же особенности, какъ у нынѣшнихъ преступниковъ. Но если даже и допустить абсолютную измѣнчивость оцѣнки преступныхъ дѣяній, то для уголовной антропологіи дѣло не въ легальной оцѣнкѣ и не въ легальномъ терминѣ, а въ личномъ мотивѣ къ дѣйствію. Преступникъ для антрополога-криминалиста—человѣкъ съ анти-соціальнымъ мотивомъ. Поэтому, если сроди дикаго племени отцеубійство составляетъ дозволенное дѣйствіе, то виновникъ его—нормальный человѣкъ. Если, напротивъ, величайшимъ преступленіемъ считается прелюбодѣяніе или похищеніе съѣстныхъ припасовъ, то естественно такія преступленія будутъ совершаться лицами съ анти-соціальными инстинктами, антропологически соотвѣтствующими вору или убійцѣ нашего времени. И, наоборотъ, анормальный антропологически человѣкъ доисторической древности совершитъ дѣянія наиболѣе анти-соціальныя въ данной средѣ, онъ будетъ напр. колдуномъ; родись онъ въ наше время, онъ будетъ не колдуномъ или прелюбодѣемъ (?!), а

убійцей или разбойникомъ. Общественная среда даетъ форму преступленію, коренящемуся въ біологическомъ факторѣ [49]).

Нельзя придумать злѣйшей критики на Итальянскую школу, какъ приведенное мѣсто. Логика, которая подвергается такимъ упрекамъ со стороны Ломброзо и Ферри, жестоко отомстила за себя на силлогизмахъ Ферри. Возраженіе Габелли столь же просто, сколько остроумно: оно противуполагаетъ исторической измѣнчивости преступленія—явленіе клеймъ тѣлесной организаціи, явленіе, признаваемое слѣдствіемъ нѣкотораго естественнаго и строгаго закона, и потому не могущее видоизмѣняться параллельно общественной оцѣнкѣ извѣстныхъ дѣяній. Отвѣтъ Ферри, его ссылка на основныя и неизмѣнныя формы преступности, его предположеніе, что доисторическіе убійцы и воры носили такія же клейма, какъ и нынѣшніе, очень характеристичны. Не говоря уже о томъ, что указанное предположеніе покоится на воздухѣ, авторъ, благодаря своей догадкѣ, попадаетъ изъ Сциллы въ Харибду. И въ самомъ дѣлѣ не онъ ли на стр. 55-й Sociologia criminale ставитъ Ломброзо въ величайшую научную заслугу мысль о воспроизведеніи въ нынѣшнемъ преступникѣ органическихъ и психическихъ особенностей первобытнаго человѣчества, анормальныхъ для насъ, нормальныхъ для того времени. Понятно, что изъ этого слѣдуетъ. Если нашъ преступникъ соотвѣтствуетъ по своимъ особенностямъ первобытному человѣку вообще съ его анормальными для новаго времени чертами, то онъ не можетъ соотвѣтствовать какимъ то анормальнымъ преступникамъ доисторическаго времени. Нужно выбирать одно изъ двухъ объясненій: или атавизмъ, или основныя формы преступности, неизмѣнныя во всѣ времена. Соединять эти два объясненія не допускаютъ логическіе законы: тождества и двойственности. Когда Ферри отъ основныхъ формъ преступности перескакиваетъ къ анти-соціальному мотиву, то этотъ новый доводъ не только не помогаетъ, но окончательно портитъ

---

[49]) Sociologia criminale Cap. I. стр. 81—84.

все дѣло. Въ самомъ дѣлѣ изъ объясненій самого Ферри явствуетъ, что этотъ анти-соціальный мотивъ проникаетъ дѣйствіе, совершенное вопреки общественнаго порицанія или запрета. Но при такихъ условіяхъ мы изъ области уголовной антропологіи немедленно переходимъ въ область общественныхъ запретовъ. Антропологическій факторъ исчезаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ нарушеніе запрета можетъ создавать антропологическую аномалію? Мы возвращаемся къ справедливому недоумѣнію Габелли. Общественно-юридическій факторъ побиваетъ факторъ антропологическій, какъ ранѣе атавизмъ побивалъ основныя и непзмѣнныя формы преступности[50]).

Ферри слѣдующимъ образомъ защищаетъ тезисъ о преступномъ антропологическомъ типѣ противъ Топинара. Не только въ уголовной, но и въ общей антропологіи, типъ не всегда представляетъ рѣзко выраженныя черты. Преступный типъ встрѣчается не во всѣхъ категоріяхъ преступниковъ одинаково, болѣе часто среди прирожденныхъ, чѣмъ среди преступниковъ по случайному поводу, такъ какъ послѣдніе исходятся болѣе подъ давленіемъ соціальныхъ, чѣмъ антропологическихъ факторовъ. 40% съ преступнымъ типомъ обусловливается именно смѣшеніемъ преступниковъ разныхъ категорій, въ чемъ повиненъ Ломброзо, если же взять 100 прирожденныхъ убійцъ и 100 простыхъ карманниковъ, то у первыхъ онъ встрѣтился бы безъ исключенія, а у послѣднихъ онъ совсѣмъ бы не встрѣтился. „Допустивъ, что даже одинъ разъ на тысячу случаевъ, я способенъ установить особенности прирожденнаго убійцы и съумѣю указать въ тюрьмѣ на лицо съ такими особенностями, которое окажется осужденнымъ за убійство, этого одного факта достаточно противъ всякой критической выходки для удостовѣренія преступнаго типа“. Допущеніе одного профессіональнаго типа преступниковъ, какъ это дѣлаютъ Топинаръ и Тардъ, не-

---

[50]) Ферри забылъ при своей аргументаціи, что гораздо болѣе осторожный Гарофало не распространяетъ своего „естественнаго преступленія“ на первобытнаго человѣка и современныхъ дикарей. Ср. Criminologia изд. 1891 г. стр. 8-я.

возможно, въ виду такихъ аномалій, какъ напримѣръ скошенный лобъ и огромныя челюсти, которыя общественными условіями не объясняются. Но профессіональный типъ мыслимъ у преступниковъ по случайному поводу, ставшихъ впослѣдствіе обычными, причемъ нельзя отрицать наслѣдственную передачу его, что нерѣдко замѣчается въ семьяхъ, гдѣ дѣти представляютъ профессіональный типъ отца. Утверждая, такимъ образомъ, реальность преступнаго типа, Ферри однако заявляетъ, что хотя такой типъ выдѣляется изъ совокупности органическихъ признаковъ, но наиболѣе рѣшительными изъ нихъ являются линіи и черты физіономіи, аномаліи скелета имѣютъ дополнительное значеніе. По глазамъ и по челюстямъ авторъ можетъ отличить кровожаднаго преступника отъ всякаго другаго [51]).

Не трудно показать слабость защиты преступнаго типа сравнительно съ нападеніемъ со стороны Topinard. Наличность типа не рѣзко выраженнаго есть настойчивое побужденіе для ученаго пріостановиться рѣшеніемъ и сказать рекомендованное Вирховымъ ignoramus Когда Ферри утверждаетъ, что у 100 прирожденныхъ убійцъ преступный типъ долженъ встрѣтиться безъ исключенія, то онъ забываетъ, что для всѣхъ, непринадлежащихъ къ Итальянской школѣ лицъ, прирожденный преступникъ такое же сомнительное явленіе, какъ и преступный типъ. Ссылка на доказательное значеніе одного изъ тысячи случаевъ распознанія прирожденнаго убійцы крайне не убѣдительна. Такой ничтожный результатъ указывалъ бы на безполезную трату силъ и времени по изслѣдованію массы живыхъ и мертвыхъ преступниковъ. Кромѣ того, Ферри показываетъ этимъ доводомъ чрезвычайно ясно, что личное субъективное убѣжденіе для него несравненно дороже, чѣмъ научное обсужденіе и научные доводы. Теорія Галля потеряла свой кредитъ, не смотря на то, что приверженцы ея указывали на много случаевъ удачнаго распознаванія Галлемъ психическихъ свойствъ на-

---

[51]) Sociologia criminale Cap. I, стр. 105—115.

блюдаемыхъ имъ лицъ. Что касается до скошеннаго лба и огромныхъ челюстей, то первый признакъ, по наблюденіямъ Marro, мало опредѣленный. Значительное развитіе челюстей, правда, усвоивается какъ особенно твердый признакъ у преступниковъ, со стороны многихъ уголовныхъ антропологовъ, въ томъ числѣ Marro и Corre. Но относительно этого признака имѣется указаніе, устраняющее значеніе его, какъ показателя преступности, и связывающее его съ общественными, а не съ физіологическими условіями. Такъ Драго указываетъ, что развитіе челюстей, зависящее отъ большаго упражненія этого органа, обнаруживается наприм. у крестьянъ Аргентинской республики, постоянно пускающихъ въ ходъ зубы при запряжкѣ лошади, и встрѣчается, поэтому, у лицъ извѣстныхъ общественныхъ классовъ, безъ соотвѣтствующаго вырожденія умственнаго и нравственнаго [52]). Указаніе на обычную непосредственную передачу профессіональнаго типа не можетъ считаться вѣрнымъ. Конечно, пріобщенный къ промыслу отца съ дѣтства, крестьянскій мальчикъ, сынъ земледѣльца или рыбака, можетъ усвоивать профессіональный типъ, но это будетъ зависѣть не отъ наслѣдственной передачи. Если же взять дѣтей лицъ, коимъ приписываютъ профессіональный типъ, напр. адвоката, медика, военнаго, ученаго, то трудно ссылаться на общеизвѣстный фактъ передачи профессіональнаго типа. Въ концѣ концевъ Ферри придаетъ вмѣсто болѣе устойчивыхъ особенностей человѣческаго скелета преимущественное значеніе чертамъ физіономіи. И такъ— поворотъ отъ инструментовъ антропологіи, отъ антропометрическихъ измѣреній, къ чтенію на лицѣ, по примѣру Лафатера.

Требуется указать въ заключеніе на послѣднее по времени разрѣшеніе Ферри вопроса объ общей основѣ преступности. Перебравъ имѣющіяся въ литературѣ объясненія, какъ то: біологической нормальности (Albrecht), атавизма органическаго и психическаго (Lom-

---

[52]) I criminali nati per Luigi Drago, переводъ съ Испанскаго Busdraghi 1890, стр. 26. Это показаніе тѣмъ важнѣе, что Drago не противникъ, а приверженецъ новой школы.

broso) или только психическаго (Colajanni), дегенераціи (Morel, Sergi, Féré, Zuccarelli), недостатка питанія центральной нервной системы (Marro), нравственной аномаліи (Despine, Garofalo, Fioretti, Battaglia), сложныхъ соціальныхъ вліяній (Tarde, Laccassagne, Topinard), авторъ находитъ, что всѣ они заключаютъ въ себѣ частичную истину, примѣняются къ какой либо отдѣльной категоріи преступниковъ. Въ дѣйствительности біологическій факторъ преступности состоитъ въ чемъ то с п е ц и ф и ч е с к о м ъ, что доселѣ еще не опредѣлено (?), но безъ чего необъяснимо различіе дѣятельности двухъ лицъ, біологически одинаковыхъ и живущихъ въ одинаковыхъ условіяхъ. Преступность, въ особенности прирожденная, есть спеціальная форма біологической аномаліи, отличная отъ всѣхъ другихъ аномалій, опредѣляющая данное преступленіе при наличности данной физической и соціальной среды. Этой аномаліи можетъ быть дано названіе преступнаго н е в р о з а, къ ней присоединяются атавизмъ, вырожденіе, но она — специфическій факторъ. Далѣе Ферри приписываетъ преступленію сложную природу и сложный генезисъ, столько же біологическій, сколько и соціальный. Ни одно преступленіе необъяснимо безъ преступнаго невроза и безъ содѣйствія факторовъ соціальнаго и физическаго.

Авторъ при этомъ останавливается на возраженіи Colajanni противъ исключительно-антропологическаго генезиса преступности. Возраженіе это состоитъ въ томъ, что при сравненіи географическаго и пропорціональнаго распредѣленія преступности въ различныхъ провинціяхъ Италіи съ нѣкоторыми статистическими данными о вырожденіи въ населеніи, въ южныхъ провинціяхъ оказывается меньше эпилептиковъ, глухонѣмыхъ, душевно-больныхъ, одержимыхъ пеллагрой и наибольшее развитіе преступности, обратное явленіе наблюдается въ Сѣверной Италіи.

Ферри возражаетъ Колаянни путемъ указанія, что между вырожденіемъ и преступнымъ неврозомъ, какъ специфическимъ и отличнымъ отъ всѣхъ другихъ біологическимъ факторомъ, представляется альтернативная компенсація, обычная во всѣхъ естествен-

ныхъ силахъ. Преступный неврозъ долженъ считаться, какъ указывалъ Maudsley, чѣмъ то сосредоточивающимъ въ себѣ и выводящимъ наружу патологическія и дегенеративныя условія. Если такія условія проявятся въ преступленіи, они непроявятся другимъ образомъ. Если они проявятся въ самоубійствѣ или душевной болѣзни, то тѣмъ самымъ устранятся источники преступности [53]).

Эти послѣднія объясненія Ферри показываютъ, что автору приходится покидать позиціи, прежде занятыя и въ которыхъ оставаться становится труднымъ, что, какъ справедливо замѣчаетъ Лукини, онъ все болѣе и болѣе удаляется отъ Ломброзо. И въ самомъ дѣлѣ, какъ далеко отъ этихъ объясненій до „преступленія, какъ естественнаго явленія, подобнаго зачатію, рожденію и смерти (Ломброзо)“. Корни преступности сводятся къ чему то неопредѣлимому и мистическому. Всѣ аномаліи, которымъ придавалось столько вѣры, отступаютъ на задній планъ, а терминъ „преступнаго невроза“ только скрываетъ безсиліе объясненія. Опредѣленіе преступленія, какъ продукта всѣхъ трехъ порядковъ факторовъ, можетъ быть принято сторонниками всевозможныхъ взглядовъ на преступность, такъ какъ оно оставляетъ открытымъ вопросы о свойствѣ дѣйствія каждой группы факторовъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ было указано, Manouvrier признаетъ связь физіологическаго фактора съ человѣческимъ дѣяніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ преступленіе не физіологическимъ, а соціальнымъ событіемъ.

Что касается до разбора возраженія Колаянни, то Ферри при этомъ вмѣсто фактовъ, указываемыхъ Колаянни, подставляетъ факты совсѣмъ иного свойства. Изъ статистическихъ данныхъ Колаянни очевидно, что значительная доля преступности въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Италіи выпадаетъ на долю людей, свободныхъ отъ вырожденія. Поэтому объяснять, какъ это дѣлаетъ Ферри, преступность указанныхъ лицъ вырожденіемъ, находящимъ себѣ исходъ въ

---

[53]) Sociologia criminale Cap. 1. стр. 115—136.

преступленіи, значитъ искажать приводимые факты. При этомъ и ссылка на Maudsley совершенно неправильна: этотъ авторъ говоритъ о преступникахъ слабоумныхъ и эпилептикахъ и утверждаетъ по отношенію къ нимъ, что преступленіе—выходъ (emonctoire) для ихъ болѣзненныхъ стремленій, безъ котораго они сдѣлались бы душевно-больными [54]). Очевидно Maudsley имѣетъ въ виду случаи рѣзко выраженнаго вырожденія, а потому его слова непримѣнимы къ населенію Итальянскихъ провинцій, гдѣ явленіе преступности не совпадаетъ съ вырожденіемъ.

III.

Представителемъ новой Итальянской антропологo-позитивной школы по дисциплинѣ уголовной соціологіи, какъ ученія объ общественныхъ условіяхъ преступленія, является преимущественно Ферри, подобно тому какъ Ломброзо—главный мастеръ по антропологической доктринѣ, а Гарофало по реформѣ уголовно-правовой теоріи и пенологіи. Въ послѣднемъ изданіи своего главнаго сочиненія Ферри подъ именемъ уголовной соціологіи разумѣетъ науку о преступленіи въ естественномъ и соціальномъ отношеніяхъ и о средствахъ борьбы съ нимъ, науку, въ которую входятъ въ качествѣ отдѣльныхъ главъ уголовная антропологія и уголовное право. Какъ бы ни опредѣлять предметъ уголовной соціологіи и ея отношеніе къ уголовной антропологіи, во всякомъ случаѣ главнымъ предметомъ первой дисциплины будетъ изученіе общественныхъ условій преступности и при томъ главнымъ образомъ по методу уголовной статистики. Это признаетъ и Ферри, который утверждаетъ, что криминалистъ соціологъ для изученія соціальной стороны преступности долженъ обращаться къ уголовной статистикѣ.

Въ посвященномъ статистическому изученію указанной стороны преступленія отдѣлѣ Nuovi orizzonti [55]), а равно таковомъ

---

[54]) Le crime et la folie, франц. изд. стр. 30.

[55]) Ср. 1 вып. главу третью § VI.

же отдѣлѣ Sociologia criminale [56]), Ферри выставляетъ классификацію трехъ группъ факторовъ антропологическихъ (тѣлесной организаціи и психическихъ свойствъ), соціальныхъ и физическихъ и показываетъ дѣйствіе этихъ факторовъ на ходъ преступности по даннымъ уголовной статистики различныхъ государствъ съ 1826 по 1882 годъ Это изслѣдованіе приводитъ авторъ къ заключенію о преобладающемъ значеніи въ движеніи преступности соціальныхъ факторовъ въ виду наибольшей многочисленности проступковъ по случайному поводу и по привычкѣ. Общимъ результатомъ является неподвижность болѣе тяжкой преступности одновременно съ постояннымъ подъемомъ менѣе тяжкой. Опредѣленіе уровня преступности авторъ приписываетъ закону преступнаго насыщенія, по которому въ данной, соціальной средѣ, при данныхъ индивидуальныхъ и соціальныхъ условіяхъ, должно совершаться опредѣленное количество преступленій, подобно тому какъ въ данномъ количествѣ воды можетъ растворяться только опредѣленное количество химическаго вещества. Изъ закона преступнаго насыщенія выводятся два послѣдствія: неточность положенія Кеттле о постоянномъ единообразіи явленія преступности, такъ какъ при измѣненіяхъ естественной и соціальной среды уровень преступности не можетъ не измѣняться, а равно отсутствіе приписываемой уголовнымъ наказаніемъ дѣйствительности, такъ какъ преступленія увеличиваются и уменьшаются не въ силу наказаній, примѣняемыхъ судомъ, а по другимъ причинамъ. Послѣднее положеніе авторъ доказываетъ на статистикѣ уголовныхъ приговоровъ Франціи и Италіи, удостовѣряющей будто бы постоянное усиленіе строгости репрессіи и одновременное возрастаніе преступности. На основаніи этихъ выводовъ авторъ приходитъ къ нравственной динамикѣ предупрежденія, къ системѣ цѣлой сѣти предупредительныхъ мѣръ, охватывающихъ всѣ области общественной жизни, къ такъ называемымъ sostitutivi penali, обладающимъ сравнительно съ

---

[56]) Cap. Secondo стр. 203 и сл.

наказаніями важнымъ преимуществомъ—отсутствіемъ насильственнаго характера[57]).

Этотъ отдѣлъ изслѣдованій Ферри даетъ поводъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ. Преобладаніе соціальныхъ факторовъ въ ходѣ преступности подтверждаетъ столь сильно указываемое въ литературѣ послѣдняго времени преобладаніе общественнаго элемента въ преступленіи надъ біологическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умаляетъ значеніе прирожденныхъ преступниковъ, а слѣдовательно и антропологической доктрины. То, что высказывается Ферри въ виду данныхъ уголовной статистики, высказывается крайне рѣзко на основаніи личныхъ наблюденій изслѣдователемъ Сицилійской маффіи, Allongi. Этотъ авторъ, полицейскій чиновникъ, замѣчаетъ, что если бы преступныя сообщества Сициліи держались прирожденными преступниками, то, при меньшинствѣ таковыхъ и при постоянномъ пораженіи ихъ юстиціей, указанныя сообщества должны были распадаться, а между тѣмъ они всегда находятъ новыхъ членовъ[58]). Отмѣченное Ферри явленіе преступнаго насыщенія возводится на степень точнаго закона, соотвѣтствующаго естественному химическому закону, тогда какъ никакого закона не оказывается, а имѣется лишь уподобленіе. Далѣе, слѣдуетъ признать крайне тенденціознымъ положеніе объ усиленіи преступности въ Италіи и Франціи съ 1826 по 1881 годъ въ связи съ усиленіемъ репрессіи въ этихъ странахъ за этотъ періодъ. Усиленіе репрессіи выводится изъ уменьшенія оправдательныхъ приговоровъ ассизныхъ судовъ въ первой странѣ и усиленіи строгости таковыхъ же судовъ въ Италіи. Но Ферри при этомъ не принимаетъ въ разсчетъ ни степени строгости приговоровъ, ни способа отбытія назначеннаго судомъ наказанія относительно первой страны. А между тѣмъ, существуетъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что при увеличивавшемся въ этотъ періодъ устраненіи смертной казни

---

[57]) Ср. подробное изложеніе и критику этого отдѣла ученія Ферри въ 1-мъ выпускѣ моего труда глава третья § VI.

[58]) La maffia гл. IV, стр. 153.

путемъ замѣны ея лишеніемъ свободы по судебнымъ приговорамъ, не было создано одновременно достаточно репрессивнаго карательнаго средства въ замѣнъ смертной казни, и что дѣйствія уголовнаго правосудія сверхъ того ослаблялось допущеніемъ въ излишествѣ какъ смягчающихъ обстоятельствъ, такъ и краткосрочнаго лишенія свободы. Точно также усиленіе репрессіи въ Италіи не согласуется ни съ Итальянской судебной статистикой, ни съ показаніями практиковъ, двухъ сотоварищей Ферри по направленію— Setti и Garofalo [59]).

Указанная аргументація о недѣйствительности уголовныхъ наказаній приводитъ къ уголовнымъ замѣстителямъ. Нельзя не замѣтить, что если эта мѣра рекомендуется въ виду насильственнаго характера, присущаго уголовнымъ наказаніемъ, то во всякомъ случаѣ Итальянская антрополого-позитивная школа съ (я принципомъ исключенія изъ общества только усилила этотъ характеръ. Съ другой стороны и среди уголовныхъ замѣстителей Ферри есть доброе число не лишенныхъ такого характера. Система уголовныхъ замѣстителей Ферри представляетъ преувеличеніе и искаженіе вѣрной мысли крупныхъ предшествующихъ писателей: Бентама, Беккаріа, Роменьоза, Карминьяни, Эллеро о необходимости мѣръ предупрежденія преступности наравнѣ съ мѣрами карательными. Вмѣсто немногихъ, принципіальныхъ и хорошо обдуманныхъ мѣръ, система уголовныхъ замѣстителей представляетъ сѣть всевозможныхъ мѣропріятій какъ общихъ, такъ и грубо-эмпирическихъ частныхъ (съ американскими цѣпями безопасности и дворниками при домахъ включительно), при чемъ упускается изъ виду, что многія изъ предлагаемыхъ мѣръ предполагаютъ новыя наказанія для нарушителей связанныхъ съ ними предписаній, что, какъ указываетъ Гарофало, удаляемыя ими спеціальныя условія преступности не устраняютъ возможности новыхъ проявленій преступности и что интересъ предупрежденія преступности, путемъ извѣстныхъ

---

[59]) Ср. вып. 1-й, главу третью § VI стр. 355—358 относительно данныхъ въ пользу изложенныхъ въ текстѣ положеній.

мѣръ, можетъ достигаться цѣною нарушенія другихъ чрезвычайно важныхъ интересовъ [60]).

IV.

Данныя уголовной антропологіи и соціологіи прилагаются представителями новой школы къ теоріи и практикѣ уголовнаго права и такимъ образомъ получается рядъ основныхъ построеній, каковы: естественное преступленіе Гарофало, позитивный критерій наказуемости его же, соціальная отвѣтственность Ферри, классификація преступниковъ и новая система карательныхъ средствъ въ связи съ указанными классами, наконецъ реформа уголовнаго процесса [61]).

Гарофало мотивируетъ конструкцію естественнаго преступленія совершенно вѣрнымъ положеніемъ, а именно, что нельзя разсуждать о преступности и преступникахъ, не опредѣливъ заранѣе понятія о преступномъ дѣяніи. Естественное преступленіе опредѣляется, какъ нарушеніе основныхъ чувствованій человѣколюбія и честности, сообразно средней мѣрѣ развитія ихъ въ высшихъ культурныхъ расахъ. Это преступленіе, сильно затрогивающее нравственное чувство и вносящее смятеніе въ соціальную жизнь, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальное преступленіе. Подъ естественное преступленіе подводятся преступныя дѣянія противъ личности, какъ нарушающія чувство человѣколюбія, и противъ имущества, какъ нарушающія чувство честности. Сообразно съ этимъ Гарофало разли-

---

[60]) Ср. изложеніе и разборъ системы уголовныхъ замѣстителей въ главѣ третьей § IV перваго выпуска моего труда.

[61]) Къ настоящему отдѣлу относятся сверхъ сочиненій указ. выше въ примѣчаніи 40-мъ еще слѣдующія работы, посвященныя преимущественно приложеніямъ антрополого-соціологическихъ данныхъ къ уголовному праву, а именно: Tolomei I vecchi e i nuovi orizzonti del diritto penale 1887. Brusa Il nuovo positivismo nella giustizia penale 1887. Innamorati I nuovi orizzonti del diritto penale e l'antica scuola Italiana 1887. Impallomeni Il Principio specifico della penalità въ Rivista penale 1891 г. стр. 221 и сл. Далѣе указанныя выше работы Alimena и Carnevale, Vaccaro Genesi della leggi penali 1890 г.

чаетъ три класса преступниковъ: убійцъ, насильственниковъ и воровъ въ обширномъ смыслѣ[62]).

Какъ указываетъ самъ авторъ, въ его конструкціи естественнаго преступленія выразилась оппозиція формальному понятію юристовъ на преступленіе, какъ дѣянію, запрещенному въ законѣ. Но эта опозиція, со стороны позитивиста, не имѣетъ надлежащаго основанія. Конечно, запретъ дѣянія въ законѣ формальный признакъ. Но этотъ признакъ вызывается жизненно-реальными мотивами. Запретъ и наказуемость преступнаго дѣянія обусловливается необходимостью карательной охраны наиболѣе существенныхъ интересовъ, входящихъ въ правопорядокъ, въ согласіи съ нравственно-правовыми воззрѣніями общества на тягость преступныхъ дѣяній и необходимость такой охраны. Правовое сознаніе, объединенное и выраженное въ уголовномъ законѣ, представляется гораздо болѣе крѣпкимъ основаніемъ, чѣмъ чувствованія человѣколюбія и честности, притомъ въ видѣ наименѣе возвышенной и чистой доли нравственнаго чувства. Къ тому же законодательство представляется факторомъ нравственно-правового развитія, оно можетъ опережать и воспитывать существующія въ обществѣ воззрѣнія и чувствованія. Самъ Гарофало указываетъ, что обманъ лошадей и антиковъ считается позволительнымъ въ обществѣ. А законодатель, стоя на почвѣ болѣе широкихъ правовыхъ воззрѣній, можетъ признавать такіе обманы наказуемымъ мошенничествомъ. Значитъ обоснованіе области естественнаго преступленія извѣстными чувствованіями можетъ вести къ застою въ состояніи этихъ чувствованій и въ законодательствѣ. Сверхъ того понятіе объ естественномъ преступленіи не примѣняется къ ряду наказуемыхъ дѣяній, не нарушающихъ человѣколюбія и честности, но требующихъ, какъ это признаетъ самъ авторъ, наказуемости, въ виду существенныхъ потребностей государства. Такимъ образомъ, понятіе естественнаго преступленія является неполнымъ и недостаточнымъ объясненіемъ[63]).

---

[62]) Ср. подробное изложеніе и критику теоріи Гарофало объ естественномъ преступленіи въ 1-мъ выпускѣ моего труда глава четвертая § IV.

[63]) D'Aramburu возражаетъ противъ понятія естественнаго преступленія,

Къ сказанному, далѣе, слѣдуетъ прибавить, что естественное преступленіе у Гарофало построено искусственно въ виду понятія объ его анормальномъ виновникѣ. Естественному преступленію, какъ нарушенію наиболѣе коренныхъ нравственныхъ чувствованій, симметрично соотвѣтствуетъ виновникъ такого преступленія, лишенный этихъ чувствованій анормальный человѣкъ. Въ отличіе отъ такой теоретической конструкціи мы видимъ въ карательной системѣ Гарофало виновниковъ естественнаго преступленія, облагаемыхъ такими легкими мѣрами репрессіи, что остается только подивиться, какъ мало требуется репрессивной энергіи противъ нѣкоторыхъ анормальныхъ лицъ[64]).

Въ связи съ естественнымъ преступленіемъ строится у Гарофало и позитивный критерій наказуемости по признаку temibilità, т. е. внушаемаго преступникомъ страха, принимающій въ разсчетъ какъ объективную важность преступленія, такъ и въ особенности недостатокъ нравственнаго чувства, удостовѣряемый предшествующей жизнью, психологическими и тѣлесными особенностями преступника. Чувство страха забудущее, опасеніе новыхъ и

что наука и законодательство ставятъ между нравственностью и преступленіемъ твердое понятіе права и такимъ образомъ имѣютъ для своихъ теорій и предписаній болѣе твердую основу, чѣмъ подчиненныя колебаніямъ чувствованія (указ. соч. El delito стр. 102). Точно также и Тардъ справедливо называетъ понятіе объ естественномъ преступленіи смутнымъ обобщеніемъ, искусственно скрывающимъ понятія права и обязанности, какъ будто преступленіе не предполагаетъ естественно нарушенія права и обязанности, а не нарушеніе только чувствованія (Philosophie pénale гл. II стр. 71). Ср. ту же точку зрѣнія въ 1-мъ вып. моего труда стр. 389. Противъ естественнаго преступленія высказывается также Vaccaro Genesi delle leggi penali 1890 г., опредѣляющій преступленіе, какъ недостатокъ приспособленія къ данному юридическому порядку, и утверждающій, что всякое уголовное преступленіе есть естественное.

[64]) Слѣдуетъ отмѣтить, что понятіе естественнаго преступленія было гораздо ранѣе Гарофало выставлено Каррара, который отличая его отъ соціальнаго, видитъ въ немъ нападеніе на блага частныхъ лицъ и относитъ къ нему тѣ же преступныя дѣянія, какъ и Гарофало (Programma del corso di diritto criminale parte generale § 160—163). Нельзя не сказать что, хотя Гарофало и иначе обосновываетъ свою теорію, есть тѣмъ не менѣе черты сходства въ его теоріи съ мыслью знаменитаго Пизанскаго ученаго. Гарофало однако ни словомъ не упоминаетъ о Каррара.

новыхъ повтореній преступной дѣятельности отъ виновнаго, вотъ что лежитъ въ основаніи temibilità. Такимъ образомъ получается сведеніе объективнаго элемента преступнаго дѣянія на степень показателя субъективнаго — при важности перваго, непринятіе такового въ разсчетъ при его малой важности и значительности субъективнаго элемента, опредѣленіе наказуемости исключительно въ виду субъективнаго элемента въ послѣднемъ случаѣ. Такое преувеличеніе субъективнаго элемента ведетъ къ крайне гадательной оцѣнкѣ виновниковъ менѣе важныхъ преступныхъ дѣяній. И въ самомъ дѣлѣ, въ крупныхъ злодѣяніяхъ, тамъ, гдѣ опасность преступника удостовѣряется, такъ сказать, самымъ дѣломъ, опредѣленіе внушаемаго преступникомъ опасенія не отличается отъ оцѣнки вины по существующимъ уголовно-правовымъ воззрѣніямъ. Напротивъ, при незначительныхъ проступкахъ указанный критерій устрашительности примѣняется въ силу разныхъ психо-физическихъ презумпцій (наслѣдственности, антропологическаго типа) въ виду имѣющей развиться въ будущемъ преступной личности. Опасность такой оцѣнки для правосудія, указанная въ предшествующей главѣ на стр. 470, не нуждается въ подробныхъ разъясненіяхъ.

Обширное мѣсто отводится новой Итальянской школой въ лицѣ Ферри полнѣйшему отрицанію свободы воли и нравственной вмѣняемости, конструкціи отвѣтственности въ полнѣйшей независимости отъ этихъ понятій. Послѣ обширнаго разбора работъ Ферри по этому предмету [65]) требуется напомнить въ краткихъ чертахъ воззрѣнія Ферри. Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія крайняго фаталистическаго или матеріалистическаго детерминизма, на точкѣ зрѣнія, установленной имъ еще въ одной изъ раннихъ работъ, гдѣ мозгъ и человѣческая мысль приравниваются къ электрической банкѣ и развиваемой ею энергіи, а душа признается, согласно изреченію Гольбаха, тѣломъ, разсматриваемымъ съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ его функцій, болѣе скрытныхъ [66]). Признавая

---

[65]) Вып. 1-й моей работы глава вторая, глава третья § II.

[66]) Teorica dell' imputabilita e la negazione del libero arbitrio 1879 г. стр.

единственно механическую причинность, утверждая согласно съ этимъ полнѣйшую несвободу человѣческихъ волевій, настаивая на томъ, что возможно единственно признавать либо абсолютную свободу, либо полную несвободу воли, Ферри пытается поставить вопросъ объ отвѣтственности на почву, отрѣшенную отъ соприкосновенія съ человѣческой волей.

Не входя вновь въ разсмотрѣніе капитальнаго вопроса о свободѣ воли или нравственной свободѣ, замѣчу только, что Ферри со своимъ фаталистическимъ детерминизмомъ стоитъ одиноко среди криминалистовъ, какъ защитниковъ, такъ и противниковъ нравственной свободы — индетерминистовъ и детерминистовъ. И въ самомъ дѣлѣ, и тѣ, и другіе признаютъ за лицами здраваго душевнаго состоянія способность принимать опредѣленія уголовнаго закона въ основаніе своей дѣятельности, расходясь только въ оцѣнкѣ этой способности. Детерминисты видятъ въ ней опредѣляемость человѣческой воли, исключающую свободу, защитники нравственной свободы болѣе правильно, по моему мнѣнію, указываютъ, что такая способность предполагаетъ возможность подавленія непосредственныхъ чувственныхъ побужденій, влекущихъ въ иномъ направленіи, и воздержаніе отъ неправомѣрнаго дѣйствія, что и составляетъ свободу. Какъ бы то ни было, тѣ и другіе говорятъ о волевой винѣ, о состояніи вмѣняемости, необходимомъ для вины, вмѣненія и отвѣтственности, о болѣзненныхъ душевныхъ состояніяхъ, устраняющихъ вмѣняемость и вмѣненіе. Такимъ образомъ, коренныя понятія о нравственной вмѣняемости и отвѣтственности составляютъ общее достояніе юридической школы уголовнаго права, не смотря на различіе воззрѣній относительно нравственной свободы [67]).

---

222 и 223. Часть первая этого сочиненія посвящена „отрицанію свободы воли“. Ферри въ настоящее время отказался отъ теоріи вмѣняемости, изложенной въ этомъ сочиненіи, но всецѣло поддерживаетъ отдѣлъ объ отрицаніи свободы воли (ср. Sociologia criminale главу 3-ю стр. 380).

[67]) Въ недавно вышедшемъ трудѣ г. Чижъ, Лекціи судебной психопатологіи, авторъ обстоятельно трактуетъ вопросъ о свободѣ воли. Вотъ его заключитель-

Для Ферри понятія нравственной вмѣняемости, личной вины и отвѣтственности—остатки старой никуда не годной метафизики и поэтому онъ строитъ совершенно новую теорію соціальной отвѣтственности недѣлимаго.

Вдохновляясь примѣромъ оборонительной функціи въ царствѣ зоофитовъ, въ общежитіяхъ животныхъ, у первобытныхъ народовъ съ ихъ институтомъ коллективной мести, авторъ стремится къ сведенію государственно-карательной функціи исключительно къ самоохранѣ общества. Понятіе объ отвѣтственности получается слѣдующимъ образомъ: въ мірѣ какъ физическомъ, такъ и біологическомъ, извѣстныя дѣйствія непремѣнно сопровождаются опредѣлен-

---

ные выводы: „Мы обладаемъ свободною волею, это столь же непреложная для насъ истина, какъ и то, что мы мыслимъ, слѣдовательно существуемъ. Въ практическомъ отношеніи совершенно одинаково, можно ли согласовать съ научными воззрѣніями наше убѣжденіе о нравственной свободѣ или нельзя. Человѣкъ потому свободенъ, что онъ твердо убѣжденъ въ своей свободѣ, это убѣжденіе приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и самое существованіе свободы“ (стр. 169). Юристамъ часто совѣтуютъ прислушиваться къ словамъ медиковъ, приведенныя соображенія именно заслуживаютъ этого. Во Французской литературѣ среди защитниковъ нравственной свободы слѣдуетъ указать на Joly и Proal. Первый стоитъ на точкѣ зрѣнія практическаго житейскаго понятія свободы и различаетъ лицъ несвободныхъ, подчиненныхъ безсознательнымъ вліяніямъ, отъ лицъ, опредѣляющихся на основаніи чувствованій, интересовъ, идей. Допуская, что въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о детерминизмѣ, авторъ справедливо указываетъ, что въ нихъ детерминизмъ—совершенно различнаго свойства (Le combat contre le crime стр. 27-ая). Proal въ своей работѣ Crime et peine посвящаетъ обстоятельную главу вопросу o. libre arbitre. Авторъ констатируетъ многочисленные примѣры изъ собственной судебной практики чувства нравственной отвѣтственности у преступниковъ. Если это и не аргументъ въ пользу объективнаго бытія нравственной свободы, то существенный фактъ, съ которымъ должно считаться уголовное право. Ferri, вновь пересматривающій въ Sociologia criminale разныя новыя попытки обоснованія отвѣтственности, ссылается на убѣжденіе преступниковъ о своей полной несвободѣ (Cap. III, стр. 479). Недостаточною является новѣйшая теорія нравственной отвѣтственности Тарда, основанная на личномъ тождествѣ и общественномъ сходствѣ дѣятеля (Philosophie pénale Ch. VI). Она, по моему мнѣнію, правильно объясняетъ безотвѣтственность душевно-больныхъ и даетъ основаніе цѣли общаго предупрежденія. Она исключаетъ отвѣтственность дикаря, очутившагося въ культурномъ обществѣ. Но больше этого она едва ли что нибудь объясняетъ. Тѣмъ не менѣе эта попытка заслуживаетъ вниманія, какъ вызванная сознаніемъ необходимости сохранить понятіе о нравственной отвѣтственности.

ной санкціей. Кто слишкомъ далеко высунулся по неосторожности въ окно, падаетъ и убивается, неумѣренная ѣда ведетъ къ разстройству желудка. То же самое проявляется и въ мірѣ общественномъ. Кто толкнетъ другаго въ толпѣ, встрѣчаетъ реакцію словомъ или дѣломъ. Если во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ реакція или санкція, вызванная дѣйствіемъ, не зависитъ отъ нравственнаго элемента въ вызвавшемъ реакцію дѣятелѣ, то и общественное противудѣйствіе относительно анти-соціальныхъ дѣяній не нуждается въ нравственной оцѣнкѣ таковыхъ—безсознательной традиціи, оставшейся отъ предшествующихъ фазисовъ теологическаго и нравственнаго. За отсутствіемъ основаній для отвѣтственности въ лицѣ, авторъ считаетъ нужнымъ перенести ее на общество. Такимъ образомъ получается положеніе, что всякій человѣкъ отвѣчаетъ за противуправное дѣяніе единственно въ силу того, что онъ живетъ въ обществѣ. Но авторъ тотчасъ же дѣлаетъ скачекъ, при которомъ всѣ аналогіи съ зоофитами, высшими животными и процессами желудка оставляются въ сторонѣ. Не смотря на всеобщій характеръ соціальной отвѣтственности, она качественно и количественно (а слѣдовательно существенно) измѣняется согласно спеціальнымъ условіямъ педѣлимаго и общества. Сообразно съ этимъ являются четыре вида соціальныхъ санкцій: 1) средства предупредительныя (sostitutivi penali), 2) средства возмѣщающія или гражданскаго права, 3) средства карательныя и 4) средства исключенія изъ общества, выдѣленія навсегда негодныхъ элементовъ не поддающихся ассимиляціи. Критерій наиболѣе приспособленной формы реакціи противъ конкретныхъ случаевъ неправомѣрныхъ дѣяній получается путемъ заимствованія у Гарофало его понятія temibilità съ дополненіемъ его двумя признаками: 1) свойствомъ болѣе или менѣе анти-соціальнымъ дѣянія, зависящимъ отъ свойства нарушеннаго права, а равно опредѣляющаго къ дѣйствію мотива, 2) принадлежностью виновнаго къ той или другой антрополого-соціологической категоріи преступниковъ.

Не говоря уже о странномъ сочетаніи отвѣтственности съ не-

дѣлимымъ, тогда какъ предварительно объявляется невозможнымъ вывести понятіе отвѣтственности изъ личности, не говоря о грубыхъ и совершенно ребяческихъ аналогіяхъ, очевидное дѣло, что независимость общественной отвѣтственности отъ волевой вины, провозглашаемая Ферри, имъ же самимъ устраняется, какъ только допускаются разныя формы реакціи и санкціи, а въ особенности при наличности конкретнаго критерія отвѣтственности. Останавливаясь на указанномъ критеріѣ отвѣтственности, должно отмѣтить, что при заимствованіи критерія у Гарофало, Ферри искажаетъ его, такъ какъ къ содержащимся уже въ немъ implicite элементамъ свойства дѣянія и свойства дѣятеля, эти элементы прибавляются explicite. Что касается до анти-соціальныхъ мотивовъ, то они попеременно принимаются въ разсчетъ то какъ условія преступности дѣянія, то какъ субъективный признакъ вины. Первое значеніе, придаваемое мотивамъ, глубоко не вѣрное. Мотивъ по общему правилу не создаетъ и не отмѣняетъ преступности дѣянія, не вліяетъ на формальный составъ преступленія. Затѣмъ мотивы у Ферри различаются, какъ болѣе и менѣе анти-соціальные. Но при принятіи въ разсчетъ одновременно и свойства мотивовъ, и классификаціи преступниковъ, соотношеніе этихъ двухъ элементовъ является смутнымъ. Слѣдуетъ ли руководствоваться при наличности менѣе тяжкаго мотива у лицъ высшаго преступнаго класса, свойствомъ мотива или значеніемъ класса? Можетъ ли прирожденный преступникъ заслуживать снисхожденія при извинительномъ мотивѣ? Этихъ вопросовъ конструкція Ферри не разрѣшаетъ. Указанное положеніе, подробно изложенное мною въ 1-мъ выпускѣ моего труда, было въ послѣднее время выставлено Испанскимъ ученымъ Монтеро, который спросилъ Ферри, какъ думаетъ онъ сочетать свойство мотивовъ съ категоріей душевно-больныхъ преступниковъ. Ферри пришлось отвѣчать, что при лишеніи кого либо жизни душевно-больнымъ, находившимся по отношенію къ убитому въ состояніи необходимой обороны, наличность соціальнаго мотива должна вести къ заключенію душевно-больнаго въ обыкновенную лечебницу, а не въ

manicomio criminale[68]) И такъ, мы будемъ знать, что душевно-больной, не смотря на правомѣрное дѣйствіе, можетъ подвергаться исключенію изъ общества, хотя бы и въ видѣ нѣкоторой custodia honesta. Наличность соціальнаго мотива не освобождаетъ его отъ соціальной санкціи въ виду принадлежности къ извѣстному классу лицъ.

Во всякомъ случаѣ понятіе о мотивахъ соціальныхъ и анти-соціальныхъ противурѣчитъ первоначальному положенію, что человѣкъ безразлично отвѣтственъ за все имъ совершаемое въ виду жизни въ обществѣ. Къ тому же мотивы уходятъ въ темную нераспознаваемую область. Оспаривая нравственную свободу, самъ Ферри училъ, что никогда нельзя узнать всѣхъ мотивовъ человѣческаго дѣянія[69]). Отвѣчая на другое возраженіе Монтеро, а именно, что если подъ мотивами понимать намѣреніе, то получается возвращеніе къ нравственной свободѣ или по крайней мѣрѣ къ неприкосновенности разума, какъ основѣ вмѣненія, Ферри утверждаетъ, что подъ мотивами въ психологіи разумѣются всѣ дѣйствующія въ данный моментъ условія, въ томъ числѣ чувствованія, составляющія главныя опредѣленія человѣческихъ дѣйствій, будь они сознательныя или безсознательныя[70]). Такимъ образомъ авторъ договаривается до безсознательныхъ соціальныхъ и анти-соціальныхъ мотивовъ.

И такъ, связавъ человѣческія общества путемъ метафизическаго синтеза съ обществами зоофлтовъ, объявивъ отвѣтственность недѣлимаго независимою отъ качества волевой вины, Ферри тѣмъ не менѣе вноситъ въ понятіе отвѣтственности отвергнутое имъ начало въ видѣ соціальныхъ и анти-соціальныхъ мотивовъ.

Другимъ изъ основныхъ построеній новой школы является классификація преступниковъ, выставленная Ферри и которой придерживается и Ломброзо, тогда какъ другіе писатели новой школы,

---

[68]) Sociologia criminale Cap. terzo стр. 570.
[69]) Negazione del libero arbitrio стр. 92—102.
[70]) Sociologia criminale Cap. terso стр. 571.

Пулья, Гарофало, Марро принимаютъ другую классификацію [71]). Исходя отъ различія установленнаго много ранѣе, различія преступниковъ обычныхъ и преступниковъ, лишенныхъ этого признака, Ферри расширяетъ рамки классификаціи и выставляетъ пять категорій преступниковъ: душевно-больные, прирожденные, обычные по пріобрѣтенной привычкѣ, по случайному поводу или соблазну и наконецъ преступники по страсти. Эта классификація вызываетъ слѣдующія возраженія: пять классовъ преступниковъ построены по разнымъ критеріямъ: первые два — по антропологическому, третій и четвертый — по критерію создающихъ преступность общественныхъ условій, пятый — по критерію этико психологическому. Такимъ образомъ эта классификація, какъ указываетъ самъ Ферри — генетическая, исходящая отъ причинъ преступной дѣятельности. Но съ одной стороны нѣтъ никакихъ основаній отличать четыре класса преступниковъ отъ душевно-больныхъ, такъ какъ душевно-больнымъ можетъ одинаково быть преступникъ любаго класса. Съ другой стороны, не смотря на различіе положенныхъ въ основу отдѣльныхъ классовъ причинъ, всѣ классы тянутъ другъ къ другу и незамѣтно сливаются. Такъ, не говоря уже о томъ, что душевно-больные почти неразличимы отъ прирожденныхъ, въ особенности послѣ того, какъ Ломброзо слилъ ихъ съ нравственно-помѣшанными и эпилептиками, обычные преступники тянутъ къ прирожденнымъ вслѣдствіе общихъ съ первыми признаками рецидивы, ранней преступности, антропологическихъ клеймъ и неисправимости, одни изъ преступниковъ по случайному поводу представляютъ приготовительное состояніе, какой то стажъ для поступленія въ классъ преступниковъ обычныхъ, а другіе относятся къ преступникамъ по страсти, какъ видъ въ разновидности. Преступники по страсти, послѣдній низшій членъ классификаціи, сближаются съ высшимъ по присущему нѣкоторымъ лицамъ этого класса безумному темпераменту. Это сближеніе между отдѣльными классами тѣмъ болѣе значитель-

---

[71]) Ср. по части этого отдѣла 1-й вып. моего труда главу третью § 5, главу четвертую § 4-й.

но, что всѣмъ классамъ приписывается общее свойство физической и психической аномальности въ различной только степени. Недостатки этой классификаціи объясняются ея происхожденіемъ. Первоначально Ломброзо распространилъ на всѣхъ преступниковъ тѣ черты, которыя въ позднѣйшемъ третьемъ изданіи были усвоены преступнику прирожденному, и на неправильность этого первоначальнаго пріема ему указалъ Ферри, предложивъ свою пяти-членную классификацію. Эта классификація имѣла цѣлью, при оставленіи въ неприкосновенности найденнаго „преступнаго человѣка“ и низведеніи его со степени родоваго на степень видоваго понятія, поставить на ряду съ нимъ другіе преступные виды, представляющіе переходныя ступени, разжиженіе преступнаго яда, но вмѣстѣ съ тѣмъ неподрывающіе мысли объ естественномъ, физіологическомъ происхожденіи преступленія. Не смотря на утвержденіе Ферри, что съ предложенной имъ классификаціей согласились въ существѣ всѣ представители новой школы, Пулья и Гарофало отдѣлились отъ него, при чемъ первый въ своей классификаціи соединилъ прирожденныхъ и обычныхъ, второй выставилъ двухъ-членную классификацію: инстинктивныхъ и случайныхъ, а со времени Парижскаго конгресса принялъ новую вышеуказанную классификацію, различая убійцъ, насильственниковъ и воровъ [72]).

Достойно, далѣе, вниманія, что Марро, наиболѣе строго научный дѣятель Итальянской антропологической школы, классифицировалъ изслѣдованныхъ имъ преступниковъ по родамъ преступныхъ дѣяній въ связи съ найденными имъ особенностями—атипическими, атавистическими и патологическими [73]). За такого рода классифи-

---

[72]) Исправляю при этомъ описку, вкравшуюся у меня въ предшествующей главѣ примѣч. 182 къ стр. 451, гдѣ сказано, что новая классификація была предложена Гарофало на Римскомъ конгрессѣ.

[73]) На Римскомъ конгрессѣ Марро, указавъ на возможность классификаціи по причинамъ, находящимся внутри и внѣ организма, прибавилъ къ этому, что всякая этіологическая классификація, въ томъ числѣ и Ферри, не есть естественная, такъ какъ всякая группа охватываетъ нѣсколько формъ преступности. Затѣмъ Марро сослался на свои изслѣдованія преступности въ пользу того,

кацію Марро подвергся упреку Ферри, замѣтившему, что Марро придаетъ слишкомъ большое значеніе легальной формѣ преступленія и что одно и тоже преступное дѣяніе можетъ быть совершено какъ прирожденными, такъ и случайными преступниками [74]). Но дѣло въ томъ, что Марро, не подчиняясь слѣпо доктринѣ Ломброзо, не допускаетъ единаго типа прирожденнаго преступника, предопредѣленнаго ко всякаго рода преступленіямъ [75]). Рѣзкая и вѣрная критика классификаціи преступниковъ была представлена на Римскомъ конгрессѣ Біанки и Бенедиктомъ, изъ которыхъ первый указалъ, что категоріи преступниковъ инстинкта, по страсти, по случайному поводу составляютъ petitio principii, такъ какъ требуется еще установить соотношеніе организма со страстью, а Бенедиктъ утверждалъ, что всѣ преступники—прирожденные, каковое объстоятельство не исключаетъ значенія внѣшняго повода [76]). Въ классификаціи Ферри крайне неопредѣленными являются въ особенности категоріи d'occasione и per passione. Laurent справедливо отмѣтилъ необходимость различія delinquant d'accident и d'occasion, при чемъ первый можетъ считаться лицомъ, совершающимъ проступокъ неожиданно для себя, вслѣдствіе исключительнаго состоянія непредусмотрительности, тогда какъ второй, при наличности сложившагося расположенія къ преступленію, спокойно и разсчетливо совершаетъ его [77]).

Указанныя попытки классификаціи, по мысли ихъ авторовъ, стремятся къ достиженію практической задачи: сочетанія съ каждымъ

что преступники различаются по своимъ особенностямъ сообразно проявленію ихъ преступной склонности. (Actes, Deuxième Séance стр. 133 и 134). Такимъ образомъ естественною Марро признаетъ классификацію по преступнымъ дѣяніямъ.

[74]) Sociologia criminale Cap. Secondo стр. 195.

[75]) Ср. 1-й вып. моего труда главу четвертую стр. 4—415 прим. 65.

[76]) Акты Римскаго конгресса стр. 137—144.

[77]) Указ. соч. гл. III стр. 28—37. Такая двойственность отмѣчается избраннымъ мною въ 1-мъ вып. моего труда терминомъ для передачи слова „delinquente d'occasione," а именно: преступникъ по случайному поводу (accident) или соблазну (occasion).

классомъ преступниковъ соотвѣтствующей ему по качеству отвѣтственности. При этомъ указанное выше явленіе, а именно, что различные классы преступниковъ тянутъ къ другъ другу и незамѣтно сливаются между собою, какъ нельзя болѣе потверждается системой предлагаемыхъ для нихъ мѣръ отвѣтственности. Такъ Ферри требуетъ для прирожденныхъ преступниковъ, обычныхъ по пріобрѣтенной привычкѣ, по случайному поводу или соблазну, по страсти, работъ колонизаціонныхъ или земледѣльческихъ, съ различіемъ по тяжести работъ и съ назначеніемъ лишь денежныхъ взысканій для виновниковъ менѣе тяжкихъ дѣяній. Какъ было показано, способъ отбытія наказанія для обычныхъ преступниковъ отдѣляется неуловимой чертой отъ такового же для прирожденныхъ. Спрашивается, какая выгода достигается при этомъ классификаціей преступниковъ въ отличіе отъ существующей классификаціи преступленій? Выгоды нѣтъ никакой, существующая система точно также степенитъ лишеніе свободы сообразно съ тягостью и опасностью дѣяній, и личностью виновнаго, допуская для отдѣльныхъ менѣе тяжкихъ дѣяній денежныя взысканія, правда съ неизмѣннымъ уголовнымъ характеромъ.

Менѣе возраженій вызываетъ съ формальной стороны карательная система Гарофало, такъ какъ въ сущности онъ связываетъ ее не съ классами преступниковъ, а съ классами опредѣленныхъ преступленій. При этомъ онъ пользуется классификаціонными критеріями Ферри въ качествѣ элемента, видоизмѣняющаго, усиливающаго или уменьшающаго отвѣтственность въ предѣлахъ класса. Такъ, напримѣръ, въ классѣ воровъ, для которыхъ нормальнымъ наказаніемъ служитъ вознагражденіе вреда и убытковъ и принудительныя работы, обычные воры подвергаются вѣчной ссылкѣ.

Какъ было указано выше, карательныя системы Ферри и Гарофало являются мало цѣлесообразными и трудно осуществимыми. Принципъ исключенія изъ общества достигается главнымъ образомъ безграничнымъ примѣненіемъ ссылки въ разныхъ видахъ. Другой принципъ-денежныхъ взысканій и принудительныхъ работъ въ замѣну тюремнаго лишенія свободы достигается лишь въ теоріи, прак-

тически послѣднее карательное средство можно ограничить, вовсе же устранить его оказывается невозможнымъ.

Такимъ образомъ, юридическая классификація преступныхъ дѣяній по признаку нарушеннаго блага представляется болѣе удовлетворительною, чѣмъ классификація преступниковъ по критеріямъ уголовной антропологіи и соціологіи, подъ условіемъ надлежащаго принятія въ разчетъ при извѣстныхъ проступленіяхъ обычной или профессіальной преступности. Признаки случайнаго повода и соблазна, а равно заслуживающаго снисхожденія аффекта должны приниматься въ разсчетъ въ качествѣ обстоятельствъ, видоизмѣняющихъ вину и отвѣтственность [78]).

Наконецъ, по части реформъ уголовнаго процесса, проэктированныхъ Итальянской антрополого-позитивной школой, предшествующее изложеніе [79]) даетъ основаніе для слѣдующей оцѣнки. Съ одной стороны чрезвычайно сильное реакціонное движеніе къ принципамъ и практикѣ дореформеннаго инквизиціоннаго процесса, съ другой стороны требованія суда, замѣщеннаго антропологами-криминалистами и медиками и обращеннаго изъ учрежденія практическаго правосудія въ учрежденіе оффиціальныхъ испытателей преступной личности въ ея прошедшемъ и будущемъ. Оба эти стремленія сливаются подъ предлогомъ излишней гуманности и слабости нынѣшняго суда и во имя общественной безопасности и борьбы съ преступленіемъ угрожаютъ личной свободѣ и безопасности лицъ, могущихъ подвергаться преслѣдованію, не будучи виновными Неправильное привлеченіе къ суду невинныхъ лицъ есть неизбѣжное зло, которое можно ослабить, но не уничтожить совершенно. Итальянская антрополого-позитивная школа своимъ порядкомъ научнаго суда грозитъ усиленіемъ этого зла.

---

[78]) Подробное обоснованіе указанныхъ положеній ср. въ 1-мъ выпускѣ главы третьей § V ст. 346 и 347.

[79]) Глава первая настоящаго выпуска.

V.

Возникшая съ начала семидесятыхъ годовъ нашего столѣтія съ Ломброзо, Ферри, Гарофало, Пулья во главѣ новая школа уголовнаго права [80]) возбудила, какъ извѣстно, большой интересъ въ Италіи и внѣ Италіи и сдѣлала не мало усилій для пропаганды новаго ученія, для которой спеціально должны были служить конгрессы уголовной антропологіи [81]). Въ Италіи новая школа получила довольно значительное распространеніе, хотя и преимущественно среди преподавателей судебной медицины и психіатріи въ университетахъ (Morselli, Tamburini, Virgilio, Tamassia, Bianchi, Filippi, Bonomi). Къ нимъ надо отнести и трехъ частныхъ преподавателей уголовной соціологіи Riccardi, Zuccarelli и Sergi въ Моденѣ, Неаполѣ и Римѣ. Университетскихъ преподавателей права она считаетъ четырехъ: Ferri въ Пизѣ и Berenini въ Пармѣ, Schiatarella въ Палермо, Rava въ Павіѣ. Къ первоначальному органу новой школы Archivio di Psichiatria etc, выходящему съ 1880 г. въ послѣднее время присоединились періодическія изданія Anomalo и Scuola positiva. Въ первое время Итальянская школа зачисляла въ число „своихъ“ иностранныхъ ученыхъ при малѣйшемъ предлогѣ къ тому. Въ 1884 г. Гарофало повѣдалъ міру о филіальной отрасли Итальянской новой школы въ Россіи, въ которой вмѣстѣ съ гг. Дриллемъ и Минцловымъ были отнесены гг. Фойницкій, Сергѣевскій, Таганцевъ и Колоколовъ. Послѣ статьи пишущаго эти строки въ Журналѣ Гражд. и Угол. права 1886 года „Русскіе позитивисты въ уголовномъ правѣ“, а равно статей г. Лихачева въ Archives d'anthropologiec riminelle, Итальянскіе новаторы нѣсколько разочаровались относительно воспріимчивости нашего отечества къ пропагандѣ новыхъ идей, хотя и въ послѣднемъ французскомъ изданіи L'homme criminel г. Колоко-

---

[80]) Большія подробности о возникновеніи новой Итальянской школы и ея членахъ имѣются въ 1-мъ вып. моего труда глава первая стр. 1—4.

[81]) Въ предисловіи къ Sociologia criminale Ферри указываетъ, что это сочиненіе должно служить какъ руководствомъ, такъ и средствомъ пропаганды.

ловъ все еще числится въ спискахъ дѣятелей новой школы, а въ Sociologia criminale г. Фойницкому приписывается наравнѣ съ Pinero и Vieiro въ Южной Америкѣ и Lucas въ Португаліи „защита метода и основныхъ индукцій уголовной соціологіи“. Что касается до другихъ Европейскихъ странъ, то, по свидѣтельству Ломброзо, „новая школа почти совершенно не имѣетъ приверженцевъ съ творческой мыслью, ея приверженцы попадаются спорадически и при томъ они мало ревностные“ (предисловіе къ ниже указываемой книгѣ Драго). Во всякомъ случаѣ таковыми можно признать во Франціи Lebon, Bournet, Gauthier (Ломброзо называетъ еще Laurent, но онъ принадлежитъ къ школѣ Lacassagne, Corre, но этотъ авторъ совершенно самостоятельнаго направленія), въ Англіи Havelock Ellis (The criminal 1890 г. книга совершенно компилятивная), въ Испаніи Talladriz, издатель журнала Revista de antropologia criminal и авторъ доклада о соотношеніяхъ преступности и этнографіи въ Актахъ Парижскаго конгресса, Salillas, авторъ книги Vida penal in Espana, въ Португаліи De Mattos (A locura etc) d'Azvedo Castello Branco (Estudios penitenciarios), въ Южной Америкѣ сверхъ двухъ вышеуказанныхъ лицъ еще Meija и Del Drago [82]).

Ферри ссылается на Международный союзъ уголовнаго права и на Французское изданіе Archives d'anthropologie criminelle, какъ учрежденія, примыкающія къ новой Итальянской школѣ. Но первое общество, не смотря на то, что въ его основныхъ положеніяхъ говорится о необходимости принятія въ разсчетъ антро-

---

[82]) Ср. книгу Del Drago Les hombres di presa, вышедшую въ Итальянскомъ переводѣ Busdraghi въ 1890 г. подъ заглавіемъ Criminali nati и предисловіе Ломброзо, у котораго я беру указаніе на Castello Branco, мнѣ неизвѣстнаго. Нужно замѣтить, что какъ Drago, такъ и Ramos Mejia, написавшій введеніе къ этой книгѣ, оба принадлежатъ къ разряду antropologistes raisonnables, выражаясь словами Leveillê о Гарофало, и во многомъ исправляютъ Ломброзовскія воззрѣнія относительно атавизма, татуировки, психологическихъ свойствъ преступниковъ. Книга de Mattos также вышла въ Итальянскомъ переводѣ подъ заглавіемъ La pazzia 1890 г. Въ томъ же предисловіи Ломброзо называетъ приверженцевъ новой школы въ Россіи гг. Троицкаго (психіатра), Дриля, Баженова, г-жу Тарновскую, рядомъ съ которыми незаслуженно названъ и пишущій эти строки.

пологическихъ изслѣдованій, отнюдь не воспринимаетъ Итальянской доктрины въ цѣломъ и остается по отношенію къ ней самостоятельнымъ. Что касается до втораго изданія, то хотя Ферри называетъ его спеціальнымъ органомъ новой школы, болѣе чистосердечный и менѣе политичный Ломброзо (которому нельзя не воздать справедливости по части искренности) утверждаетъ по адресу учредителей этого журнала, „что они выбрали заглавіе въ качествѣ вывѣски для своей лавочки, чтобы дать себѣ видъ новаторовъ, тогда какъ они...— самые упорные, хотя и мало серьезные противники уголовной антропологіи, и выставили своимъ знаменемъ исключительную важность соціальныхъ вліяній, идею старую престарую.... доказывая тѣмъ яснѣе дня свое безплодіе и полное непониманіе азбуки новаго ученія (указ. книга Драго, предисловіе). Если оставить въ сторонѣ бранчивую форму, остается вполнѣ вѣрное положеніе о совершенно отличномъ отъ Итальянскаго направленіи этого спеціальнаго, по словамъ Ферри, органа его.

VI.

Въ предшествующемъ изложеніи были сведены наиболѣе общіе результаты критики отдѣльныхъ моментовъ ученія Итальянской антропологo-позитивной школы, содержащейся въ первомъ и настоящемъ выпускахъ моего труда. Они приводятъ къ слѣдующей общей характеристикѣ ея.

Не смотря на названіе позитивной, которая указанная школа сама даетъ себѣ, ко всѣмъ ея кореннымъ воззрѣніямъ примѣшивается сильная струя матеріалистической метафизики, идущая отъ Système de la natura Гольбаха, L'homme machine La Mettrie, отъ болѣе недавнихъ воззрѣній Бюхнера, Молешотта, Фохта т. е. хорошо извѣстная философская система, обновленная и воспроизведенная подъ этикетомъ положительнаго изслѣдованія [83]). „Основой

---

[83]) Ср. указаніе на связь Итальянской школы съ упомянутымъ ученіемъ у Proal указ. соч. стр. 4—11.

всему служатъ, замѣчаетъ г. Радловъ, матеріалистическія воззрѣнія, господствовавшія нераздѣльно въ шестидесятыхъ годахъ въ Европѣ“ [84]). Указанная метафизическая струя проявляется въ сведеніи преступленія на степень естественнаго явленія, преступности,— функціи организма у Ломброзо, въ объясненіи психологическихъ свойствъ рядомъ присущихъ человѣку наслоеній разныхъ эпохъ, коимъ приписываются механическія свойства, какъ это дѣлаютъ Сержи, а за нимъ Гарофало [85]), въ опредѣленіи человѣка, какъ одушевленной машины превращенія силъ, въ сближеніи общественной реакціи противъ неправомѣрныхъ дѣйствій съ раздражительностью протистовъ, съ соціальной обороной пчелъ у Ферри, однимъ словомъ во всѣхъ психо-физическихъ и соціологическихъ обобщеніяхъ новой школы. Вездѣ общественныя явленія сводятся къ естественнымъ, для статистическихъ явленій выковывается законъ по подобію химического, процессуальныя учрежденія, такъ напр. судъ присяжныхъ, обсуждаются на основаніи безграничнаго по своей общности и безразличію метафизическаго принципа эволюціи.

Наравнѣ съ указанной чертой должно указать на особенно свойственную новой Итальянской школѣ черту—крайнее пренебреженіе относительно исторической и этической стороны уголовнаго права. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній Итальянскіе уголовные антропологи постоянно подыскиваютъ имъ подтвержденія и при этомъ крайне неразборчиво обращаются съ историческими фактами, какъ мнѣ приходилось не разъ указывать въ 1-мъ выпускѣ моего труда. Вслѣдствіе этого Ломброзо ничего не находитъ у первобытныхъ и дикихъ народовъ кромѣ повальной преступности, Гарофало усвоиваетъ современнымъ дикарямъ въ видѣ общаго явленія состояніе вырожденія [86]), Ферри ничего не видитъ въ кровной

---

[84]) Указ. соч. стр. 858.

[85]) Ср. вып. 1-й главу четвертую стр. 423.

[86]) Ср. характеристику высокаго нравственнаго развитія нѣкоторыхъ дикихъ племенъ юж. Америки у Уалласа, Малайскій Архипелагъ русск. пер. стр. 620.

мести, кромѣ природнаго инстинкта, проявляющагося въ чисто внѣшнемъ воздаяніи, а въ нравственной винѣ и отвѣтственности остатка теократическаго періода. Велѣдствіе указанной черты и судъ присяжныхъ признается институтомъ первобытной юстиціи негоднымъ для культурнаго времени. При такомъ невѣрномъ освѣщеніи историческихъ фактовъ всѣ основанныя на нихъ построенія конечно оказываются висящими на воздухѣ. Эта же черта пренебреженія историческими изслѣдованіями естественно ведетъ къ полнѣйшему непризнанію нравственной стороны уголовнаго права. И въ самомъ дѣлѣ, на всемъ этомъ мрачномъ фонѣ различныхъ естественныхъ факторовъ, темныхъ механическихъ пружимъ, двигающихъ тѣлеснымъ организмомъ и его придатками, психическими процессами, который неизмѣнно представляется умственному взору при изученіи работъ Итальянскихъ уголовныхъ антропологовъ, одно естественное преступленіе Гарофало, при всей недостаточности конструкціи, напоминаетъ о нравственномъ началѣ въ уголовномъ правѣ. А между тѣмъ это начало несомнѣнно проявляется, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ законодательства [87]), оно лежитъ въ основѣ современнаго государственнаго строя, оно въ видѣ народныхъ правовоззрѣній опредѣляетъ оцѣнку преступныхъ дѣяній и въ видѣ негодованія къ преступнику создаетъ общественныя силы, служащія помѣхою преступленію, опорою для правосудія. Специфическая сторона, въ которой выражается связь уголовнаго права съ нравственностью, элементъ порицанія въ видѣ угрозы наказанія, и связанная съ нимъ цѣль общаго предупрежденія, нравственная вина преступника, ложащаяся на него по сужденію населенія заслуженная укоризна, однимъ словомъ вся та сторона наказанія, которая помимо его эмпирической полезности, создаетъ его нравственное значеніе и изъ насильственнаго акта дѣлаетъ актомъ, одобряемымъ общественной совѣстью, совсѣмъ затерялась въ этой совокуп-

---

[87]) Рядъ указаній въ этомъ отношеніи можно найти у Proal указ. соч. Ch. remier Le crime et l'atavisme.

ности механическихъ средствъ обороны, не принимающихъ въ расчетъ воздѣйствія на умъ и чувствованія какъ преступника, такъ и непреступныхъ лицъ. Поэтому крайне правъ былъ Гольцендорфъ, когда на Римскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи 1885 года онъ говорилъ представителямъ Итальянской школы, что при усиліяхъ преобразовать уголовное право „не слѣдуетъ вырывать съ корнемъ этическаго начала, на которомъ покоилась старая доктрина“ [88]). Тотъ же авторъ утверждаетъ, что современное тюрьмовѣдѣніе не можетъ, оставаясь въ связи съ преемственно развившимся уголовными законодательствами и нравственнымъ народнымъ сознаніемъ, принять принципіальныхъ выводовъ уголовной антропологіи и поставить матеріалистическій принципъ нѣкоторой тюремной терапіи, состоящій въ связи съ объявленіемъ полной несвободы воли преступника и человѣка вообще, на мѣсто установившихся принциповъ нравственности и права [89]). Далѣе и Тардъ, не смотря на то, что онъ ревностный защитникъ реализма въ уголовномъ правѣ, произноситъ слѣдующія совершенно вѣрныя слова по адресу Итальянской школы: „Своимъ непризнаніемъ или недостаточнымъ признаніемъ юридическаго элемента существеннаго для всякой солидной теоріи уголовнаго права, новая школа поставила себя въ частичное противурѣчіе съ основными условіями общественнаго порядка. Никакой народъ не можетъ обходиться безъ понятія права, злоумышленникъ есть нѣчто большее, чѣмъ существо, опасное для интересовъ, это нарушитель правъ, что предполагаетъ понятіе обдуманной воли, чего при нарушеніи интересовъ не предполагается. При этомъ становится понятнымъ, что преступное дѣяніе вызываетъ кару иную, чѣмъ возмѣщеніе вреда и предупрежденіе будущихъ повторныхъ преступленій. Эта кара—торжественное возстановленіе права, публично и оскорбительно попраннаго виновнымъ, (Travaux récents sur la psychologie criminelle въ Revue

---

[88]) Actes стр. 150.

[89]) Handb. des Gfw. I Wissenschaftliche Grundlagen der Gefängnisskunde § 7 Die Bezichungen..... zu der Naturwissenschaft стр. 23.

philosophique 1887 года). Эти два совершенно согласные отзывы съ одной стороны знаменитаго нѣмецкаго криминалиста, котораго Итальянская школа безъ достаточнаго основанія зачисляла въ ряды своихъ, Французскаго писателя съ другой стороны, цѣнимаго указанной школой, какъ критика ея работъ, чрезвычайно хорошо характеризуютъ указанную сторону ея коренныхъ воззрѣній [90]).

VI.

Возможно ли однако допустить, чтобы цѣлое направленіе, представителями котораго являются натуралисты, психіатры, юристы въ Италіи, направленіе, нашедшее приверженцевъ, хотя и немногочисленныхъ за ея предѣлами, представлялось совершенно безплоднымъ? На основаніи вышеизложенной критики слѣдуетъ отвѣчать, что новая школа не внесла положительныхъ результатовъ въ теорію и практику уголовнаго права, что она не дала, выражаясь словами Maudsley, такой теоріи уголовной антропологіи, которая бы заслуживала принятія въ преобразованное законодательство. Что касается до обработки другихъ вспомогательныхъ дисциплинъ, уголовной соціологіи и психологіи, то и въ этихъ областяхъ изслѣдованія новой школы не дали никакого научнаго вклада. Правда Ферри были произведены весьма цѣнныя и значительныя уголовно-статистическія работы, но къ сожалѣнію эти прекрасныя работы служили автору для крайней искусственной и натянутой аргументаціи въ пользу теоретическихъ построеній [91]). Въ цѣломъ новая школа по части изученія общественныхъ факторовъ сдѣлала весьма мало и ея работы не выдерживаютъ сравненія съ работами Тарда, Жоли и Колаянни. Въ области уголовной психологіи она по-

---

[90]) Tarde въ указанныхъ словахъ воспроизводитъ теоріи Карьара и Буччелати о redintegrazione del ordine giuridico путемъ наказанія, не отдавая себѣ отчета относительно связи хода собственной мысли съ этими знаменитыми представителями Итальянской юридической школы.

[91]) Ср. въ первомъ вып. моего труда, главу вторую § III, третью § V. стр. 318—323 и § VI стр. 349—359.

вторяда въ сущности одностороннія положенія Десшина, прибѣгая къ крайне несовершеннымъ пріемамъ изслѣдованія [92]) и ставя свои общія положенія въ зависимость отъ нынѣ разбитаго положенія объ органическомъ генезисѣ преступности [93]). Когда ссылаются на положительные результаты Итальянской школы, то обыкновенно указываютъ единственно на изобрѣтеніе антропологическихъ измѣреній Бертильона, изобрѣтеніе чрезвычайно полезное, но честь котораго принадлежитъ во всякомъ случаѣ не Итальянской школѣ, а наукѣ общей антропологіи и выработаннымъ ею пріемамъ. Замѣчательно вдобавокъ, что Бертильонъ противникъ положеній о прирожденной преступности и неисправимости въ смыслѣ Итальянской школы [94]). Всего чаще можно слышать заявленія о заслугахъ Ломброзо и вообще новой Итальянской школы въ смыслѣ сообщенія наукѣ уголовнаго права плодотворнаго движенія, нарушенія научнаго застоя и косности, обусловленныхъ метафизическими пристрастіями. На этомъ настаиваютъ не только приверженцы Итальянской школы, какъ наприм. у насъ гг. Дриль и Чижъ [95]), но и писатели, относящіеся весьма строго къ существу ея изслѣдованій. Такъ Листъ, указавъ на полное отсутствіе научнаго характера въ работахъ Ломброзо, тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что Ломброзо разбудилъ будто бы науку изъ глубокаго метафизическаго сна, что благодаря

---

[92]) Ср. разборъ этихъ пріемовъ въ первомъ вып. моего труда, глава первая стр. 92 примѣч. 132.

[93]) По замѣчанію г. Спасовича Итальянской школѣ нехватило времени на психологическія наблюденія, а соціологія, хотя и входила въ ея намѣренія, но осталась ей чужда, такъ что мы имѣемъ только Sostitutivi penali, соціалистическія утонія (Новыя направленія стр. 456).

[94]) Ср. Акты Париж. конгресса уголов. антропологіи, отчетъ о засѣданіи 17-го Августа, въ которомъ Бертильонъ заявилъ, что въ тотъ день, когда директоры тюремъ увѣруютъ въ уголовную антропологію, они сдѣлаются тѣмъ самымъ склонными пренебрегать своими обязанностями по нравственному улучшенію заключенныхъ (стр. 383).

[95]) Уже послѣ Брюссельскаго конгресса г. Дриль продолжаетъ повторять слишкомъ извѣстныя заявленія о могучемъ толчкѣ, данномъ наукѣ Ломброзо, о выходѣ, благодара ему, вопроса о преступности изъ области кабинетныхъ теорій и метафизики, постановленіи его на степень научной проблемы, допускающей научное рѣшеніе (Русская Мысль 1893 г. № 2-й. Что говорилось на между-

ему началось усиленное изученіе преступности [96]). Когда слышатся такія заявленія, то можно подумать, что сами Нѣмецкіе ученые позабыли своихъ Фейербаха, Миттермайера, Фридрейха, Глазера,

---

народномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ стр. 91). Все это говорится послѣ того, какъ проблема о преступности, поставленная Ломброзо, изъята изъ научнаго обращенія, когда гораздо болѣе частная и простая проблема сравнительнаго изслѣдованія преступныхъ и непреступныхъ лицъ оказывается чуть ли неразрѣшимою. И г. Чижъ продолжаетъ говорить послѣ указаннаго конгресса о важности значенія уголовной антропологіи и въ частности направленія Ломброзо, о плодотворности трехъ конгрессовъ уголовной антропологіи, изъ которыхъ первый былъ событіемъ, второй очистилъ Итальянскую школу отъ ея ошибокъ, а третій доказалъ безуспѣшность попытокъ опровергнуть основы уголовной антропологіи и занялся изученіемъ практическихъ вопросовъ вытекающихъ изъ новаго ученія, напр. вопроса о неисправимыхъ (Вопросы философіи и психологіи, третій международ. конгрессъ по криминальной антропологіи стр. 28). Но во первыхъ уголовная антропологія и направленіе, данное ей Ломброзо—двѣ вещи разныя. Во вторыхъ, если Рямскій конгрессъ былъ событіемъ, то событіемъ неблагопріятнымъ для новой Итальянской школы. Далѣе Парижскій конгресъ, благодаря почтеннымъ французскимъ ученымъ, дѣйствительно раскрылъ многочисленныя научныя заблужденія Итальянскихъ криминалистовъ-антропологовъ, но Итальянская школа не очистилась отъ нихъ, а настаиваетъ на нихъ больше, чѣмъ когда либо. Что касается до Брюссельскаго конгресса, удостовѣрившаго твердость основъ уголовной антропологіи, то спрашивается, о какихъ основахъ говоритъ г. Чижъ. Основы ли это Manouvrier, или Tarde, Guillot, Joly, или Laurent, Féré и Benedict, или Gaukler, или Warnots, Honzé, Frankotte? Сколько именъ, сколько основъ! Если подъ основами г. Чижъ разумѣетъ основныя начала, изложенныя въ докладѣ г. Дриля, то, не касаясь ихъ по существу, замѣчу, что положенія этого доклада—столь мало опредѣленныя и столь двумысленныя, что при первой попыткѣ воспользоваться ими для ученія о преступленіи и наказаніи, сдѣлать изъ нихъ практическое примѣненіе, онѣ вызовутъ непремѣнно многочисленныя разногласія. И въ самомъ дѣлѣ, на конгрессѣ указанный докладъ былъ понятъ одними, наприм. гг. Закрегскимъ и Гауклеромъ, какъ воспроизведеніе доктрины Ломброзо, при чемъ Гауклеръ упрекаетъ г. Дриля за смѣшеніе началъ Итальянской школы и позитивной школы ея противниковъ (Les tendances nouvelles du droit pénal, Extrait de la Revue critique de législation et de jnrisprudence 1892 г.), другими, какъ рядъ положеній независимыхъ отъ Итальянской школы (см. отчетъ Розенфельда о Брюссельскомъ конгрессѣ въ Zeitschrift Листа № 2 1893 г.). Что касается наконецъ до практическихъ мѣропріятій, внушенныхъ Итальянской школой, то если бы г. Чижъ справился съ Актами С.-Петербургскаго международ. конгресса, то онъ нашелъ бы, что этотъ конгрессъ по составу своему гораздо болѣе компетентный, чѣмъ Брюссельскій, далъ по вопросу о неисправимыхъ рѣшеніе, въ которомъ выразилось ясное разногласіе съ радикальной постановкой этого вопроса Итальянской школой.

[96]) Zeitschrift IX Criminal. polit. Aufgaben стр. 468.

Шварце, Гольцендорфа, Меркеля, цѣлую фалангу ученыхъ, высоко державшихъ знамя истинно научнаго реализма и слѣдившихъ за ходомъ законодательствъ и отправленіемъ правосудія, придававшихъ огромное значеніе уголовной психологіи и статистикѣ. Приписываемое, далѣе, наукѣ уголовнаго права состояніе застоя вовсе не согласуются съ жизненнымъ характеромъ, присущимъ этой наукѣ во Франціи. Такіе дѣятели, какъ Berenger, Lucas, Bonneville de Marsangy, въ наше время Guillot, Molinier, Leveillé, Garraud, Joly, Tarde, отличаются особенно сильной отзывчивостью къ практическимъ вопросамъ уголовнаго права, да и вообще метафизическое направленіе, имѣвшее многихъ представителей въ Германіи, было всегда совершенно чуждо Французскимъ ученымъ. Современные Французскіе изслѣдователи уголовной психологіи и общественныхъ факторовъ преступности завоевали себѣ именно въ наши дни и притомъ при принципіальной оппозиціи Итальянской школы Ломброзо чрезвычайно почетное положеніе.

Если обратиться къ Англіи, то окажется, что научная мысль и практическая дѣятельность въ сферѣ уголовнаго права совершенно чужды въ этой странѣ общенія съ Итальянской школой, даже Maudsley, внушившій многія коренныя идеи Ломброзо, отказался отъ всякой солидарности съ указанной школой. А между тѣмъ, если вспомнить о почтенномъ Гоуардовскомъ обществѣ, неусыпно слѣдящемъ за вопросами преступности и наказуемости въ цѣломъ мірѣ, разработывающемъ ихъ въ своихъ повременныхъ изданіяхъ, о значительномъ развитіи тюрьмовѣдѣнія въ указанной странѣ, блестящихъ результатахъ по части устроенія мѣстъ отбытія наказанія и уменьшенія преступности, то должно признать, что и по отношенію къ этой странѣ, какъ и Франціи, Итальянской школѣ не пришлось вносить обовленія и прогресса въ науку и законодательство.

Отрицая за Итальянской школой наличность крупныхъ заслугъ въ научномъ и практическомъ отношеніи, можно признать за ея работами гораздо болѣе скромное значеніе. Это значеніе коренится

въ ея критикѣ господствующаго научнаго и законодательнаго направленія уголовнаго права, критикѣ, долженствовавшей показать полную непригодность такового. Этого новой школѣ не удалось, тѣмъ не менѣе указанная критика вѣрно затрогивала слабыя стороны оспориваемаго направленія и была въ этомъ отношеніи весьма полезна. Такъ новая Итальянская школа совершенно справедливо порицала вялость и недостаточность репрессивной юстиціи, она совершенно вѣрно указывала на необходимость обезпеченія общественной безопасности отъ оставляемыхъ на свободѣ душевнобольныхъ, освобожденныхъ отъ уголовнаго преслѣдованія, она была совершенно права относительно недостаточности существующей въ законодательствахъ и судебной практикѣ борьбы съ рецидивой, относительно недостаточнаго принятія въ разсчетъ въ процессуальномъ строѣ нѣкоторыхъ странъ интересовъ потерпѣвшаго отъ преступленія. И такъ значеніе этой школы сводится къ критикѣ частныхъ неблагопріятныхъ явленій современнаго научнаго и практическаго строя уголовнаго права[97]).

VII.

Жизненность направленія классической или юридической школы уголовнаго права въ отличіе отъ антрополого-позитивной наглядно обнаруживается въ томъ, что въ Италіи рядомъ съ быстро успѣвшей обветшать и выдохнуться Ломброзовской школой выдвигается новое теченіе мысли, состоящее въ тѣснѣйшей связи съ преемственной со временъ Беккаріа славной Итальянской школой и въ частности съ ученіемъ Карминьяни. Карминьяни опредѣлялъ

---

[97]) Въ виду возможнаго возраженія, что мною недостаточно оцѣнены выставленныя новой Итальянской школой положенія, какъ наприм. различеніе факторовъ преступности, классификація преступниковъ, различіе наказуемости сообразно различнымъ классамъ, я укажу на совершенно вѣрное замѣчаніе Луккини, что въ работахъ представителей ея встрѣчается много понятій, которыя, будучи строго выдержаны, представлялись бы вѣрными, но которыя вслѣдствіе поверхностнаго къ нимъ отношенія и преувеличенія ихъ значенія дѣлаются источникомъ абсурдныхъ и парадоксальныхъ теорій (Le droit pénal, стр. 389).

право наказанія, какъ охрану общественной безопасности (difesa della sicurezza sociale). Способъ охраны онъ видѣлъ въ предупредительномъ дѣйствіи угрозы наказанія на душевный строй всѣхъ гражданъ, достигаемомъ при несомнѣнности примѣненія наказанія. Этимъ Карминьяни отличался отъ Фейербаха и его теоріи психологическаго принужденія, которая отвергалась Карминьяни, какъ невѣрное уподобленіе физическому принужденію на тѣло. Усвоивая указанную цѣль наказанію, Карминьяни наравнѣ съ карательной обороной (difesa repressiva) требовалъ установленія предупредительной обороны (difesa preventiva) въ видѣ ряда государственныхъ мѣръ, направленныхъ на предупрежденіе преступности.[98]) Такимъ образомъ, у Карминьяни наказаніе, не утрачивая своего строго юридическаго характера, являлось глубоко проникнутымъ общественнымъ характеромъ, совершенно согласно настойчивымъ требованіямъ нашихъ дней, по цѣли, способу дѣйствія и тѣснѣйшей связи съ иными, сверхъ карательныхъ средствъ, средствами предупрежденія. Изъ сказаннаго видно, что формально конструкція у Ферри общественной обороны и отвѣтственности была прямо заимствована у Карминьяни, при чемъ, конечно, мысль послѣдняго была искажена приданнымъ этому понятію своеобразнымъ содержаніемъ. Основныя построенія Карминьяни, развитыя Каррара въ его теоріи охраны правопорядка путемъ наказанія[99]), послужили въ самое послѣднее время исходной точкой для новѣйшаго направленія въ наукѣ уголовнаго права Италіи, представителями котораго являются Alimena и Carnevale, и которому первый придаетъ названіе Naturalismo critico, а второй—terza scuola di diritto penale[100]). Это направленіе стремится къ научному реализму, но при этомъ, какъ говоритъ Alimena, оно по содержанію критическое. Эта су-

---

[98]) Teoria delle leggi della sicurezza sociale Tomo III. Parte I Cap. IV и V, Parte II Cap. III Cap. I, II, III.

[99]) Ср. характеристику ученія Каррара въ 1-мъ вып. настоящаго труда глава третья стр. 448.

[100]) Работы Alimena и Carnevale указаны выше въ главѣ третьей стр. 314 примѣч. 15-е.

щественная черта выражается въ крайне счастливомъ избѣжаніи коренныхъ заблужденій антропологo-позитивной школы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ правильномъ усвоеніи наиболѣе цѣнныхъ и жизненныхъ отдѣловъ ученія юридической Итальянской школы уголовнаго права. Главная заслуга Alimena въ точномъ указаніи самостоятельнаго значенія дисциплины уголовнаго права и уголовнаго законодательства, сознаніе о которомъ затерялось въ Ломброзовской школѣ. Отвергая безразличное понятіе общественной отвѣтственности у Ферри, Alimena отличаетъ юридическую оборону путемъ наказанія отъ всѣхъ другихъ видовъ общественной обороны (противъ душевно-больныхъ лицъ, вредныхъ животныхъ), тѣмъ, что она дѣйствуетъ не въ качествѣ матеріальной силы, а нравственнаго опредѣленія участниковъ общества силою угрозы наказанія. Воздѣйствіе угрозы при этомъ бываетъ общее, путемъ созданія или укрѣпленія нравственнаго чувства, либо спеціальное путемъ созданія личнаго мотива, присоединяющагося къ другимъ мотивамъ, воздерживающимъ отъ преступленія, при томъ не въ видѣ только страха лишенія свободы, но и опасенія потери добраго имени, опасенія за будущность семьи и т. д. Наибольшая дѣйствительность наказанія выражается въ медленномъ, наслѣдственномъ усиленіи нравственнаго чувства. Изъ цѣли общаго предупрежденія Alimena выводитъ важное положеніе, на которомъ я не разъ настаивалъ въ настоящемъ трудѣ [101]), что законодатель долженъ ставить на первомъ мѣстѣ преступленіе, а не преступника, что угроза должна быть формулирована по отношенію къ преступленію, а не преступнику. Этимъ Alimena оправдываетъ и необходимость соотвѣтствія тягости наказанія съ объективной тягостью преступленія. Наконецъ изъ специфическаго способа дѣйствія юридической обороны выводится и самостоятельность уголовнаго права въ виду уголовной соціологіи [102]).

---

[101]) Ср. вып. 1-й главу третью стр. 262, настоящій вып. главу третью § II стр. 313 и сл.

[102]) Въ настоящее время мы встрѣчаемся съ требованіемъ, предъявляемымъ не

Весьма близки къ воззрѣніямъ Alimena и воззрѣнія Carnevale, изложившаго свои коренныя положенія въ статьѣ (Una terza scuola di diritto penale). Авторъ исходитъ отъ чрезвычайно тонкой критики работъ Ферри, при чемъ отмѣчаются увлеченія біологической стороной преступленія со стороны этого писателя, его произвольное отождествленіе общества и тѣлеснаго организма, шаткость его положенія о равенствѣ всѣхъ создающихъ преступленіе факторовъ при одновременной защитѣ доктрины о прирожденномъ

только Ферри, но и Гауклеромъ, Коллинни, по которому наука уголовнаго права должна войти въ составъ уголовной соціологіи, (со включеніемъ уголовной антропологіи и психологіи). Очевидно, что осуществленіе этого требованія ничего не внесло бы кромѣ смуты. Необходимость независимости и самостоятельности дисциплины уголовнаго права, раздѣльности отъ указанныхъ дисциплинъ была обоснована мною выше въ 1-мъ вып. моего труда глава третья § 1, стр. 262—264. Наука уголовнаго права имѣетъ опредѣленное содержаніе, какъ ученіе о преступленіи и наказаніи въ качествѣ явленій юридическихъ. Напротивъ уголовная соціологія въ обширномъ смыслѣ представляетъ собраніе разнообразныхъ свѣдѣній объ условіяхъ или факторахъ преступленія, а равно о бытовыхъ условіяхъ, при которыхъ происходитъ и существуетъ институтъ наказанія. Такимъ образомъ уголовное право имѣетъ въ виду юридическіе или нормативные законы, а уголовная соціологія законы бытовые или естественные. Сліяніе обѣихъ дисциплинъ поэтому невозможно. Другое основаніе противъ сліянія уголовнаго права и уголовной соціологіи состоитъ въ томъ, что послѣдняя выставляетъ массу вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію не уголовнаго права, а другихъ областей права (гражданскаго, полицейскаго, права управленія, финансоваго права и политической экономіи).. Уголовное право можетъ имѣть дѣло съ соціальными условіями преступленія на столько, по сколько они могутъ подлежать специфическому орудію уголовнаго права—наказанію. Иное дѣло видѣть въ уголовной соціологіи вспомогательную для науки уголовнаго права дисциплину. Изъ вспомогательной соціологической дисциплины юридическая наука черпаетъ матеріалъ и по обработкѣ такового утилизируетъ его для своихъ непосредственныхъ цѣлей. Въ пользу различенія дисциплинъ уголовнаго права и уголовной соціологіи высказываются Garraud Archives d'anthropologie criminelle et sciences pénales, I, Rapports du droit pénal et de la sociologie criminelle, Liszt Lehrbuch изд. 4-е, Strafrecht und Criminalpolitik § 1, Lucchini, указ. соч. далѣе Закревскій указ. статья Журн. Гр. и Угол. Права 1893 г. Чрезвычайно сильно высказывается противъ смѣшенія уголовнаго правосудія съ соціальной политикой, областей юстиціи и полиціи и превращенія наказанія во врачебное средство общественныхъ золъ Миттельштедтъ (Gerichtssaal 1892 г. Schuld und Strafe стр. 3—14-я). Различіе соціологическаго и юридическаго изслѣдованія и необходимости раздѣльности дисциплинъ уголовнаго права и уголовной соціологіи весьма основательно установлено у Сергѣевскаго Русское Уголов. Право 2 изд. стр.14—19.

преступникѣ. Далѣе Carnevale защищаетъ три основныя положенія: 1) самостоятельность уголовнаго права вслѣдствіе специфическаго свойства наказанія, какъ мотива чувствительнаго зла, воздѣйствующаго на волю путемъ примѣрности наказанія 2) причинность, а не фатализмъ преступленія, такъ какъ детерминизмъ доказываетъ только одно, что при данныхъ условіяхъ и въ данный моментъ невозможно иное воленіе, иначе необходимость совершеннаго, а не имѣющаго совершиться акта. 3) Необходимость соціальной реформы, какъ системы предупредительныхъ средствъ противъ преступленія въ смыслѣ болѣе широкомъ, чѣмъ это понимали школа классическая и антрополого-позитивная. Подъ соціальной реформой Карневале понимаетъ такое преобразованіе соціальнаго строя, при которомъ всякаго рода антагонизмъ, въ особенности экономическій, былъ бы ослабленъ до полнаго исчезновенія [103]). Такова эта terza scuola. Въ ея основныхъ положеніяхъ много вѣрнаго и плодотворнаго. Тонкая и трезвая мысль ея представителей снова вводитъ разумное размежеваніе областей различныхъ дисциплинъ, восходитъ къ болѣе общимъ и широкимъ задачамъ карательной дѣятельности, возстановляетъ основы уголовнаго права на почвѣ разумной и общительной природы человѣческой и возвращаетъ подобающее мѣсто строго юридическому элементу, который изгонялся изъ уголовнаго правовѣдѣнія, какъ человѣческая душа изъ нѣкоторыхъ современныхъ психологическихъ изслѣдованій. Воззрѣнія Alimena и Carnevale не столько terza scuola, сколько обновленная Итальянская scuola giuridica. Правда, сами Alimena и Carnevale говорятъ о себѣ, какъ о представителяхъ направленія столь же отличнаго отъ классической, какъ и отъ антрополого-позитив-

---

[103]) Я не могу согласиться съ послѣднимъ положеніемъ Carnevale. И въ самомъ дѣлѣ требованіе соціальной реформы либо совпадаетъ съ требованіями крайней соціалистической школы, требованіями, игнорирующими нравственную и юридическую невозможность такого переворота, либо съ требованіями Романьоза и Карминьяни относительно системы предупредительныхъ средствъ.

ной школы. Но что высказываемое мною положеніе представляется по существу вѣрнымъ, это доказывается сличеніемъ ихъ воззрѣній съ ученіемъ Карминьяни. Къ тому же научному направленію слѣдуетъ присоединить и Lucchini, талантливаго реалиста и тѣмъ не менѣе убѣжденнаго приверженца юридической школы, далѣе Impallomeni, который въ своихъ трудахъ исходитъ отъ основныхъ началъ, заложенныхъ Романьози [104]). У всѣхъ у нихъ общее стремленіе къ разумному реализму, къ поставленію рядомъ съ физическимъ принужденіемъ идеальнаго момента. Это теченіе въ Италіи не представляется изолированнымъ. Оно имѣетъ со одной стороны близкое общеніе съ представителями научной школы во Франціи, съ другой стороны оно близко сходится въ нѣкоторыхъ главныхъ положеніяхъ съ теченіемъ Нѣмецкой науки, во главѣ котораго надо поставить покойнаго Гольцендорфа и которое въ наши дни числитъ въ числѣ своихъ представителей Меркеля, Ваха, Бара, и Ламмаша.

Достойно вниманія, что это возстановленіе, это возрожденіе юридической Итальянской школы въ видѣ новѣйшаго теченія научной мысли совпадаетъ съ возникновеніемъ новаго уголовнаго уложенія 1889 г., зрѣлаго плода доктрины указанной школы, въ которое идеи антропологo-позитивной школы доступа не получили, вслѣдствіе чего оно служитъ мишенью для ея полемическихъ стрѣлъ. Извѣстно, какъ законодательство, создающееся подъ созвѣздіемъ извѣстнаго научнаго ученія, въ свою очередь воздѣйствуютъ на него, сообщаетъ ему новую жизненность и свѣжесть. Въ Италіи готовится реформа уголовнаго процесса, вызываемая новымъ уложеніемъ, въ которую, по всѣмъ признакамъ, идеалы Ломброзовской школы также мало найдутъ себѣ мѣста. По изданіи его, послѣ полнаго введенія новаго тюремнаго устава, Италія представитъ возрожденіе практическаго строя своего правосудія, соотвѣтственнаго потребностямъ настоящаго, но тѣсно связаннаго съ ея славными

---

[104]) Il principio specifico della penalità въ Rivista penale 1891 г. стр. 227.

научными и законодательными традиціями. Итальянское уложеніе встрѣтило въ разныхъ странахъ отъ представителей самыхъ разнообразныхъ научныхъ теченій выраженія сочувствія и одобренія, оно было одинаково благопріятно оцѣнено въ Англіи, Германіи, Франціи,—это показываетъ, что лежащія въ основѣ его правовоззрѣнія глубоко коренятся въ сознаніи наиболѣе культурныхъ странъ. Такимъ образомъ есть основаніе предполагать, что конецъ нашего вѣка, послѣ пронесшейся, говоря словами г. Сергѣевскаго, грозовой тучи въ видѣ ученія Ломброзо, не представитъ въ области научной мысли, радикальной противуположности движенію научной мысли конца прошлаго столѣтія. Завѣты Беккаріа и Говарда остаются по прежнему близки научнымъ дѣятелямъ и практикамъ нашихъ дней, эти два дѣятеля духовно соприсутствуютъ на международныхъ собраніяхъ юристовъ и тюрьмовѣдовъ по тѣмъ же вопросамъ, которые нѣкогда волновали и одушевляли ихъ великодушныя сердца. Разумный реализмъ въ смыслѣ наиболѣе успѣшнаго служенія потребностямъ и благамъ общежитія, наполненіе карательныхъ средствъ цѣлесообразнымъ содержаніемъ, будетъ, конечно, расти и усиливаться въ законодательствахъ, какъ этого требовали два указанные героя гуманности и вмѣстѣ съ тѣмъ представители направленной на практическія реформы мысли. Но этотъ реализмъ не устранитъ нравственно идеальнаго момента въ содержаніи карательной угрозы, въ способѣ суда надъ подсудимымъ и въ порядкѣ отбытія наказанія. Замѣчательно, что современные реалисты, при различеніи обычныхъ и случайныхъ преступниковъ и при предложеніи для послѣднихъ условнаго, лишеннаго физическаго принужденія осужденія, сами высказываются за указанный моментъ. Замѣчательно, далѣе, что сознаніе этого момента такъ сильно свойственно тюрьмовѣдамъ, столь близко соприкасающимся съ преступниками и изъ которыхъ многіе не допускаютъ неисправимости преступниковъ. До какой степени этотъ моментъ, не смотря на утилитарныя цѣли, почти исключительно занимающія большинство криминалистовъ нашихъ дней, тѣмъ не менѣе крѣпко держится въ

общемъ сознаніи—это между прочимъ наглядно удостовѣряется Брюссельскимъ конгрессомъ, гдѣ собраніе уголовныхъ антропологовъ съ сочувствіемъ приняло горячую рѣчь теолога, аббата de Bäets о томъ, что преступленіе есть не соціальное, а нравственное явленіе.

Замѣченныя описки и опечатки.

Напечатано:			Должно быть:
Страница		Строка	
9		9 и 12 сверху: онѣ	они
20		6 сверху: представляются	предоставляются
32	прим. 36	3 сверху: ихъ	отъ
33		3 сверху: упрекъ, Гарофало	упрекъ Гарофало
50	прим. 61	3 снизу: не	на
54	прим. 64	тамъ же стр. 471—477	тамъ же стр. 471—477 Аргументація Ферри заимствована изъ статьи Гарофало Arch. di psich. III.
60		2 сверху: объ	о
80		19 снизу: Miraglia	Mirabelli
117		17 сверху: матеріальное	матеріальный
126		10 снизу: прилагаемомъ	предлагаемомъ
127		3 сверху: судей	судьи
137	прим. 15	4 сверху: неприкосновенность	неприкосновенности
168		9 сверху: обусловленномъ	обусловленному
184		5 сверху: публичномъ	не публичномъ
186		14 сверху: его	ее
187		4 снизу: до	для
210	прим. 65	2 сверху: уменьшеніе	умноженіе
222		3 снизу: 1880	1889
278		8 сверху: этомъ смыслѣ	отрицательномъ смыслѣ
287		4 сверху: Дальдорфской тюрьмѣ	Дальдорфскомъ заведеніи
296		11 сверху: заключеніями. Комиссіей палаты	заключеніями комиссіи палаты
198		11 сверху: проэктовъ Французскаго и Итальянскаго	проэктовъ Французскаго и Итальянскаго и Итальянскаго закона
307		14 снизу: Миннесотѣ, Нью-Іоркъ	Миннесоты, Нью-Іорка
312		11 сверху: предположеніе	предложеніе
349	прим. 63	11 сверху: авторитета	авторитетъ
359		11 сверху: отупленію	отупѣнію
361		14 снизу: частныя	честныя
364		2 снизу: вознагражденію вреда.	вознагражденію вреда, для болѣе тяжкихъ дѣяній такихъ преступниковъ—мѣстную высылку или безсрочную отдачу въ земледѣльческую колонію съ менѣе строгой дисциплиной, сравнительно съ двумя высшими классами
386		6 сверху: наравнѣ	рядомъ
412		8 снизу: сообщеніе	сообщенію
414		4 сверху: вліяютъ	значатъ
416		1 снизу: Франціи	во Франціи

420	11 сверху:	вредъ	вредъ въ менѣе тяжкихъ случаяхъ.
463	13 сверху:	или корысти	а не корысти
472 прим. 194	3 сверху	1881	1889
496	2 снизу	релеганіи	регаліи
517	12 сверху:	антогеніи	онтогеніи

Дополненіе къ стр. 448 прим. 178.

Комбинацію выговора и условнаго осужденія предлагаетъ Seufert въ законопроэктѣ, приложенномъ къ его докладу 21-му съѣзду нѣмецкихъ юристовъ Ist die bedingte Verurteiluug im Strafrecht einzuführen (Verhandlungen des 21 deutschen Juristentags I, стр. 227—273).

Дополненіе 2-е къ стр. 546-й.

Въ 1889 году Ломброзо въ выпущенномъ имъ въ свѣтъ 2-мъ томѣ L'uomo delinquente изслѣдуетъ преступниковъ-эпилептиковъ, по страсти, душевно-больныхъ и криминалоидовъ. Что касается до первыхъ, то относящійся къ нимъ отдѣлъ (Parte I гл. I—VII) воспроизводитъ съ несущественными дополненіями изслѣдованія, разобранныя мною въ 1-мъ вып. моего настоящаго труда, глава 1-я § VII стр. 131—151. Ничего оригинальнаго не представляетъ отдѣлъ о преступникахъ по страсти, (P. II cap. I и II), гдѣ преступленія такихъ лицъ сближается съ явленіемъ самоубійства. Господствующая черта—отсутствіе антрэпологическихъ клеймъ, крайняя рѣдкость уголовнаго типа. Подъ именемъ преступниковъ по страсти описывается крайне неразборчиво множество лицъ, въ число которыхъ попадаютъ и числившіяся въ 1-мъ томѣ въ числѣ нравственно-помѣшанныхъ (Agnoletti). Обширный отдѣлъ посвященъ душевно-больному преступнику (pazzo criminale, Parte III). Отличительная черта этого отдѣла-сближеніе въ крайней степени душевно-больнаго съ прирожденнымъ преступникомъ и нравствено-помѣшаннымъ, несмотря на установленныя въ первомъ томѣ различія. По части delinquente d'occasione (Parte IV). Ломброзо приходитъ къ существенному разногласію съ Ферри относительно наибольшаго развитія у такихъ преступниковъ рецидивы по проступкамъ малой важности и проявленія преступности въ раннемъ возрастѣ, тогда какъ тягчайшіе преступники (т. е. прирожденные) представляютъ наименѣе явленіе рецидивы и наступленіе преступности въ болѣе позднемъ возрастѣ (стр. 386 и 387). Delinquenti d'occasione дѣлятся на pseudo criminali, criminaloidi, d'abitudine и epilettoidi. Къ псевдопреступникамъ относятся виновники проступковъ по неосторожности и вообще дѣяній, выходящихъ за предѣлы естественнаго преступленія. Criminaloidi совершаютъ преступное дѣяніе подъ давленіемъ соблазна, но при наличности расположенія къ преступности. Обычные преступники признаются нормальными отъ рожденія, но дѣлающимися преступниками по недостатку воспитанія. Далѣе, авторъ останавливается на скрытыхъ преступникахъ, (latenti) которые могутъ быть и прирожденные, лицахъ, не совершающихъ преступленіе по отсутствію надобности и повода (каковы богачи). Наконецъ, авторъ останавливается на epilettoidi. Субстратъ эпилепсіи, по мнѣнію Ломброзо, даетъ себя чувствовать въ рядѣ субъектовъ, принадлежащихъ къ перечисленнымъ классамъ, хотя и въ болѣе слабой мѣрѣ, чѣмъ у прирожденныхъ преступниковъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ

ЛИЦЕЕМЪ.

№ 33.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. М. Х. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.
1893.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго юридическаго Лицея.

Директоръ *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридич. Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 33-го Юридической Библіографіи.

1. *Д. И. Эварницкій:* „Исторія запорожскихъ казаковъ“. Томъ I-й. С.-Петербургъ 1892. 533 стр. *В. Щегловъ* . . . . . 1—38

2. *Др. Никодим Милаш,* Православно-црквено право по обштим црквено-правним изворима и посебним законским наредбама, које важе у поједиим самоуправним црквама. Задар. 1890. *Н. Суворовъ* . 39—48

1. *Д. И. Эварницкій:* „Исторія запорожскихъ казаковъ“. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1892. 533 стр.

Г. Эварницкій извѣстенъ въ нашей литературѣ многочисленными изслѣдованіями по исторіи запорожскихъ казаковъ. Но до сихъ поръ онъ въ своихъ работахъ занимался собираніемъ матеріала для этой исторіи, архивнаго и археологическаго [1]). Настоящій трудъ Эварницкаго представляетъ собою опытъ подробной исторіи запорожскихъ казаковъ, составленный на основаніи всѣхъ извѣстныхъ автору матеріаловъ. Нельзя, однако сказать, чтобы всѣ они были расположены въ его книгѣ въ строгомъ, систематическомъ порядкѣ. Въ расположеніи и содержаніи отдѣльныхъ главъ замѣчается отсутствіе у автора опредѣленнаго плана для изслѣдованія, разныя части котораго мало соединены между собою одной общей идеей. Объ одномъ и томъ же предметѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ книги; напр., о вольностяхъ запорожскихъ казаковъ — въ началѣ и срединѣ книги. Характеристика семейной ихъ жизни поставлена послѣ того, какъ авторъ описалъ все общественное устройство казаковъ. Но если изложеніе книги и страдаетъ нѣкоторою несистематичностью, за то содержаніе ея отличается богатствомъ. Въ ней мы находимъ полную и цѣльную картину всей жизни запорожскихъ казаковъ, оказавшихъ такую большую услугу дѣлу колонизаціи южныхъ окраинъ московскаго государства и защитѣ ея населенія отъ многочисленныхъ враговъ русской народности. Мы отмѣтимъ нѣкоторыя мѣста книги Эварницкаго, гдѣ идетъ рѣчь о соціальномъ строѣ быта запорожскихъ казаковъ, представлявшаго собою такъ много

---

[1]) На этотъ подготовительный характеръ прежнихъ работъ указываетъ самое ихъ названіе: «Сборникъ матеріаловъ для исторіи запор. казаковъ», «Архивные матеріалы для исторіи казаковъ» и др.

оригинальнаго по своимъ особенностямъ и симпатичнаго по глубокой и беззавѣтной преданности великой идеѣ охраны православія и русской народности противъ козней католическаго духовенства—іезуитовъ и нападеній поляковъ и татаръ на беззащитное южно-русское населеніе. Для насъ сочиненіе Эварницкаго интересно, кромѣ того, еще въ томъ отношеніи, что оно даетъ типичный образецъ образованія общества путемъ добровольнаго соглашенія между собою его членовъ со всѣми достоинствами и недостатками этого вида общенія между людьми.

Въ началѣ книги Эварницкій вслѣдъ за опредѣленіемъ границъ вольностей запорожскихъ казаковъ, мѣстности, на которую простирались ихъ владѣнія, описываетъ тѣ естественныя, физическія условія, среди которыхъ появилось и жило такъ долго казачество. Авторъ подробно разсматриваетъ гидрографію, топографію и климатъ запорожскаго края. Его интересуютъ также производительность земли, флора, фауна и явленія, сопровождающія перемѣну временъ года. Эварницкій вполнѣ вѣрно оцѣниваетъ всю важность физическихъ условій мѣстности для развитія безопасности и политической силы запорожскихъ казаковъ. „Здѣсь за неприступными порогами Днѣпра, среди безчисленныхъ острововъ, непроходимыхъ камышей, дремучихъ и вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь въ безплодныхъ и знойныхъ поляхъ, въ безводныхъ и дикихъ степяхъ, здѣсь-то удальцы, замѣчаетъ авторъ, и находили себѣ надежное убѣжище и всеобъемлющую колыбель. Сюда не могла досягать ни рука королевскаго чиновника, ни рука пана—узурпатора, ни власть короннаго гетмана, ни даже грозные универсалы грозныхъ королей польскихъ; здѣсь же молодцамъ ни почемъ были ни татары, ни турки, ни лѣтній зной, ни зимній холодъ, ни страшное безводье, ни губительная засуха, ни дикій звѣрь“ (77 с.). Въ Запорожье стекались люди со всѣхъ сторонъ и по разнымъ причинамъ. Здѣсь находили себѣ пріютъ всѣ оскорбленные и униженные за свою вѣру и народность, испытавшіе незаслуженныя истязанія, а также и тѣ, которыхъ влекла сюда воля, добыча, молодечество, слава. Были даже и преступники, вліяніе которыхъ на остальное населеніе парализовалось

строгими законами запорожцевъ. Но всякій, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ подчиняться извѣстнымъ условіямъ, при которыхъ только допускался пріемъ въ сичу (182 с.). Цвѣтъ запорожскаго казачества составляли сичевые казаки—безбрачные, отличившіеся на войнѣ. Это были природные украинцы—товарищество, лицарство, войско. Лишь товарищество представляло собою такое же „народоправство“ на югѣ Россіи, но только въ болѣе широкой степени развитія, какими были народоправства на сѣверѣ Руси—въ Псковѣ и Новгородѣ. Что дѣлалъ вѣчевой колоколъ на сѣверѣ, то дѣлали на югѣ литавры, сзывавшія своими звуками весь народъ на площадь для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ страны. Внѣшнимъ выраженіемъ казацкой общины была „рада“—войсковой совѣтъ, народное вѣче, гдѣ могли присутствовать всѣ безъ исключенія сичевые казаки. При рѣшеніи дѣлъ господствовало полнѣйшее равенство между всѣми членами общины Запорожская община доходила до осуществленія полнаго идеала демократіи, невѣдомаго ни въ древнемъ мірѣ, ни въ средніе вѣка, ни въ новое время. Начало равенства примѣнялось въ Запорожьѣ буквально вездѣ и всюду: во время общихъ собраній, при выборахъ войсковыхъ старѣйшинъ, всемъ управленіи, во всѣхъ запорожскихъ школахъ, при общей трапезѣ, раздѣлѣ имущества и даже въ частной жизни. Ни знатность рода, ни сословное происхожденіе, ни старшинство лѣтъ не имѣли въ сичи никакого значенія: брались въ разсчетъ только одни личныя достоинства,—храбрость, умъ, находчивость, опытъ. Такъ въ Запорожьѣ терялась всякая единичная личность, такъ какъ всѣ дѣла рѣшались сообща. Безъ товарищества не могла ничего сдѣлать самая высшая власть въ Запорожьѣ—кошевой атаманъ (188—190 с). Выходъ изъ сичи былъ также свободенъ для всѣхъ, какъ и доступъ въ нее и „въ этомъ полнѣйшемъ своеволіи заключалось все основаніе далекой славы Запорожской Сичи, какъ лона для всѣхъ, по волѣ и по неволѣ приходившихъ въ нее“ (193 стр.).

Но не смотря на такое чрезмѣрное развитіе личности въ Запорожьѣ, вся жизнь въ сичи опредѣлялась строгимъ обычаемъ,

Въ качествѣ первобытнаго общества, въ которомъ нѣтъ еще опредѣленныхъ законовъ, а существуютъ лишь извѣстные обычаи и преданія съ характеромъ непреложнаго закона, запорожскіе казаки жили лишь по однимъ обычаямъ. Ими опредѣлялись все общественное и политическое устройство, гражданско-юридическія отношенія, домашняя и экономическая жизнь и отношенія къ сосѣдямъ запорожцевъ. Эварницкій останавливается на каждой изъ этихъ сторонъ соціальной жизни. Избраніе войсковаго старшины, происходившее всегда съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ, совершалось ежегодно, а иногда и ранѣе. Причемъ, въ этой чертой смѣнѣ старшины товарищество видѣло надежную гарантію политической свободы всего Запорожья (215 с.), которое издавна управлялось своимъ начальствомъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ кошевой атаманъ, соединявшій въ своихъ рукахъ военную, административную, судебную и духовную власть, однако, кошевой атаманъ не былъ неограниченнымъ властителемъ запорожскаго войска Власть его ограничивалась тѣмъ, что онъ долженъ былъ ежегодно отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ всему казачеству. Обыкновенно также кошевой смѣнялся каждый годъ или утверждался въ своей должности тоже ежегодно. Наконецъ, кошевой былъ въ постоянной зависимости отъ рады, совѣта всего „низоваго запорожскаго товарищества“ (218—220 с.). Къ войсковой старшинѣ причислялись, кромѣ кошеваго, судья, эсаулъ, писарь, куренные атаманы и бывшіе войсковые старшины. Послѣдніе пользовались громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ въ средѣ запорожскихъ казаковъ. Это были столбы всего низоваго войска, носители всѣхъ его преданій и строгіе исполнители казацкихъ обычаевъ (231 с.). Подобно тому, какъ въ политической жизни запорожцевъ обычай опредѣлялъ весь ея строй, такъ и въ области гражданскаго и уголовнаго суда запорожскіе казаки руководились „стародавнимъ обычаемъ, словеснымъ правомъ и здравымъ смысломъ“. Преслѣдовались преимущественно имущественныя и уголовныя преступленія, за которыя полагались одинаково строгія показанія. Строгость уголовныхъ и вообще всѣхъ законовъ у запорожцевъ объясняется ихъ военнымъ бытомъ, за-

прещеніемъ браковъ, которое лишало запорожцевъ смягчающаго вліянія на нравы женщины, и еще тѣмъ, что въ сичу приходили больше люди сомнительной нравственности (239 с.). Обычай безженства Эварницкій объясняетъ военнымъ образомъ жизни запорожцевъ, а также и тѣмъ, что требованіе отъ всякаго сичеваго казака ставить благо общества выше своего собственнаго заставляло поневолѣ отказаться отъ всѣхъ семейныхъ обязательствъ (288 с.). Замѣной семейной жизни между казаками было побратимство, при которомъ возникала братская привязанность и дружба на всю жизнь. Сичевые казаки обыкновенно вели скромный образъ жизни и нерѣдко уходили при приближеніи старости въ монастыри, предварительно справивши бурное „прощаніе съ свѣтомъ“ (303 с.). Авторъ долго останавливается на описаніи характера запорожскихъ казаковъ, который вытекалъ изъ особенныхъ условій ихъ общественной жизни и, въ свою очередь, оказывалъ на нее извѣстное вліяніе. Отличительною чертою характера запорожскихъ казаковъ была ихъ глубокая религіозность и искренняя набожность, которыя какъ-то странно вязались съ ихъ нерѣдко широкой и разгульной жизнью. Причину такого сильнаго развитія въ запорожцахъ религіознаго чувства авторъ видитъ въ постоянныхъ войнахъ, какія они вели съ разными своими недругами (306 с.). Едва ли, однако, безпрерывная война, которая составляла какъ бы профессію запорожцевъ, могла способствовать развитію религіознаго въ нихъ чувства. Вѣрнѣе это чувство скоро исчезло бы подъ вліяніемъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ обычаевъ войнъ XV—XVIII в., когда терялось всякое уваженіе къ человѣческой личности и ея нравственному достоинству. Настоящей причиной религіозности запорожцевъ является то, что защита вѣры предковъ и православной церкви составляла, по замѣчанію самого Эварницкаго, основу и цѣль всей жизни запорожцевъ. Поэтому-то не было ничего страннаго въ томъ, что религіозность и искренняя набожность казаковъ уживались съ самыми бурными проявленіями молодечества, отваги и удальства запорожцевъ. Какъ вообще во всякомъ примитивномъ обществѣ, нравственность казаковъ не отличалась опредѣленностью,

а была смѣсью возвышенныхъ качествъ характера съ самыми низменными свойствами и чертами природы дикаря, соединеніемъ свѣтлыхъ сторонъ съ темными, неприглядными. Самой выдающейся чертой характера запорожцевъ была высокая любовь къ личной свободѣ, по которой они предпочитали лютую смерть позорному рабству. Воинъ по призванію, запорожецъ естественно питалъ глубокое уваженіе къ старымъ заслуженнымъ воинамъ и вообще ко всѣмъ „военнымъ степенямъ“. Запорожцы были добродушны, щедры, обладали открытымъ характеромъ, склоннымъ къ искренней и вѣрной дружбѣ. Среди запорожцевъ господствовала чисто первобытная простота нравовъ, честность и гостепріимство. Въ тоже время казаки отличались наклонностью къ насмѣшливости, мечтательности, пѣснямъ и музыкѣ. Запорожцы выказывали полное равнодушіе къ смерти и были очень искусны на войнѣ, гдѣ они поражали своею изворотливостью, умомъ и беззавѣтною отвагой и мужествомъ. Къ числу темныхъ сторонъ характера запорожцевъ относятся: хвастовство своими подвигами и оружіемъ, легкомысліе, непостоянство, безпечность, лѣнь и страсть къ бражничеству и пьянству (276—286 с.). Но безпечная праздность, которой предавались запорожцы въ свободное отъ войны время, не мѣшала быть имъ хорошими хозяевами. Запорожскій край былъ богатъ плодородными землями, которыми казаки владѣли на правѣ общей собственности, гармонировавшей со всѣхъ ихъ примитивнымъ строемъ. Въ тоже время запорожцамъ была извѣстна и частная поземельная собственность. Но запорожцы занимались также и скотоводствомъ, рыболовствомъ, охотою за дикими звѣрями, огородничествомъ, садоводствомъ и всякаго рода другими домашними хозяйственными дѣлами (461—482 с.). Особенно широко была развита въ Запорожьѣ торговля, благодаря запорожскимъ „вольностямъ“ и естественнымъ условіямъ мѣстности, гдѣ жили казаки, удобнымъ путямъ сообщенія. Торговля у нихъ была и морская, и сухопутная. Торговали же издавна въ Запорожьѣ „чумаки, представлявшіе собою, по словамъ Эварницкаго, зачатокъ національнаго малороссійскаго купечества, основанный на началахъ чисто товарищеской ассоціаціи“ (495—6 с.). Чумаки вывозили изъ Крыма преимущественно соль.

Запорожскіе казаки имѣли опредѣленные источники доходовъ: военную добычу, доходы отъ торговли, подымную подать, винную продажу, дань отъ перевозовъ и, наконецъ, царское жалованье (хлѣбное и денежное). Но что особенно выгодно отличало запорожцевъ отъ великороссійскаго общества XVII и XVIII в., такъ это высокая степень развитія въ средѣ низоваго товарищества грамотности и начитанности. Главнѣйшій процентъ грамотныхъ людей давала Запорожью кіевская духовная академія. Но, кромѣ того, въ самомъ Запорожьѣ было немало школъ (520 с. и сл.). Наконецъ, запорожцамъ были извѣстны и почтовыя учрежденія, такъ важныя для необходимаго развитія культуры общества (527 с. и сл.).

Таково вкратцѣ содержаніе книги Эварницкаго, гдѣ дается цѣльная картина всей жизни запорожскихъ казаковъ. Какъ полное описаніе ихъ быта въ XVI—XVIII ст., трудъ автора имѣетъ несомнѣнно важное историческое значеніе. Въ книгѣ Эварницкаго такъ много матеріалу, что авторъ не могъ справиться съ нимъ и расположить его въ строго систематическомъ порядкѣ. Поэтому его книга можетъ быть названа развѣ сводомъ всего матеріала по вопросу о запорожскихъ казакахъ, но далеко не научной монографіей.

В. Щегловъ.

---

2. Karl Bergbohm: „Iurisprudenz und Rechtsphilosophie“. Erster Band. Enleitung. Erste Abhandlung: Das Naturrecht der Çegenwart. Leipzig. 1892. 552 s.

Профессоръ Юрьевскаго Университета, Бергбомъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія интересный вопросъ о современномъ состояніи философскаго изученія права. Приступая къ своей работѣ, авторъ спѣшитъ заранѣе разъяснить недоумѣніе, которое можетъ быть вызвано заглавіемъ его труда. Зачѣмъ писать, спрашиваетъ онъ, объ естественномъ правѣ, которое давно уже от-

жило свое время, и подвергать критикѣ теорію, имѣющую теперь лишь историческій интересъ? Развѣ въ наукѣ права не господствуютъ принципы исторической школы права? Оба эти вопроса разрѣшаются авторомъ въ томъ смыслѣ, что онъ категорически заявляетъ о продолжающемся чрезмѣрномъ вліяніи идеи школы естественнаго права на всю юриспруденцію, которое вытѣсняетъ изъ науки права взгляды Савиньи и Пухты и ихъ послѣдователей. Въ своемъ сочиненіи, первой его части Бергбомъ задается цѣлью доказать, на сколько, въ дѣйствительности вся юридическая литература въ общей и отдѣльныхъ ея отрасляхъ проникнута началами естественнаго права (Vorwort). Во второй же авторъ самъ предпринимаетъ критику всего ученія школы естественнаго права и ревизію взглядовъ на право школы исторической. Мы изложимъ вкратцѣ содержаніе обѣихъ частей книги Бергбома, изъ которыхъ можно хорошо познакомиться съ современнымъ состояніемъ теоретической или философской разработки общихъ вопросовъ права, сильными и особенно слабыми мѣстами общей теоріи права.

Въ обширномъ введеніи къ своему сочиненію, Бергбомъ прежде всего констатируетъ ослабленіе участія философіи въ разрѣшеніи проблеммъ права въ теченіе послѣдняго полустолѣтія. Философы обратили теперь свое особенное вниманіе на этику, на что указываетъ цѣлая масса спеціальныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ морали. Основательное же изученіе спеціалистомъ философомъ какого-либо вопроса изъ области общаго ученія о правѣ въ настоящее время — неслыханное событіе. Причина этого страннаго явленія кроется, по словамъ автора, въ томъ, что разнузданная философская спекуляція потерпѣла тяжелое пораженіе преимущественно въ сферѣ права и государства. Философія можетъ вернуть утраченную ею область права и государства, если она примѣнитъ къ изученію ихъ тѣ же пріемы, которые употребляются ею по отношенію къ другимъ спеціальнымъ наукамъ (5—6 s.). Авторъ высказывается за безусловную необходимость общей работы юристовъ и философовъ въ наукѣ философіи права. Юриспруденція можетъ стать истинной наукой лишь тогда, гово-

рить онъ, когда всѣ изслѣдованія въ ней будутъ проникнуты философскимъ элементомъ и результаты, добытые ею, будутъ согласны съ выводами всѣхъ остальныхъ наукъ. *Мы должны имѣть философію права* и если профессіональные философы не хотятъ помочь намъ въ этомъ, то намъ юристамъ остается самимъ заняться философскимъ изслѣдованіемъ права (7 s). Разсматривая современную литературу философіи права у европейскихъ народовъ, Бергбомъ находитъ, что еще теперь можно отличать среди ученыхъ представителей четырехъ старыхъ направленій Первое — это церковно-схоластическое направленіе, которое придерживается юридическихъ и политическихъ взглядовъ св. Ѳомы Аквинскаго и находитъ себѣ сторонниковъ среди романскихъ народовъ, особенно же католическихъ, а иногда и протестантскихъ богослововъ. Другую категорію составляютъ приверженцы спекулятивной философіи Гегеля, нашедшей немало горячихъ послѣдователей среди ученыхъ Италіи. Существуетъ также, исчезнувшая быстро въ Германіи, но не въ южной Европѣ (Италіи и Испаніи) школа Гербарта. Наконецъ, попрежнему и даже во многихъ отношеніяхъ сильнѣе, нежели ранѣе, господствуетъ повсюду ученіе школы естественнаго права, съ которымъ сливаются воззрѣнія всѣхъ названныхъ трехъ направленій въ современной юриспруденціи. Точно также трудно найти среди современныхъ ученыхъ представителей только одного изъ указанныхъ философскихъ направленій; обыкновенно ученыя философскія изслѣдованія обнаруживаютъ въ ихъ авторахъ эклектиковъ (9—10 s.). Также консервативна, какъ континентальная философская литература о правѣ, англійская юридическая теорія. На континентѣ знаютъ старыхъ англійскихъ философовъ, Гоббеса и Локка, и новыхъ, Бентама и Д. С. Милля, но объ „аналитической школѣ“ англійскихъ юристовъ по эту сторону канала не имѣютъ никакого понятія. Въ свою очередь, и въ Англіи незамѣтно какого-либо ощутительнаго вліянія нѣмецкихъ школъ права на національную юридическую литературу. Философія права отъ Гроція до Гегеля, ученіе исторической школы, сочиненія позднѣйшихъ нѣмецкихъ философовъ, Тренделенбура и Іеринга зна-

комы англичанамъ только поверхностно. Всѣ новѣйшіе успѣхи нѣмецкой философіи права совершенно неизвѣстны англичанамъ. Не смотря на это видимое отчужденіе другъ отъ друга, между англійскимъ и нѣмецкимъ ученіемъ о правѣ существуетъ поразительное сходство относительно метода и всего реалистическаго образа воззрѣній (12 s.). Матеріальный принципъ англійской школы коренится въ утилитаризмѣ, отцомъ котораго считается Локкъ, а теоретическими основателями Бентамъ и Милль. Формальное же ученіе о правѣ у англичанъ представляетъ собою удивительную смѣсь двухъ враждебныхъ теорій философа абсолютиста Гоббеса и конституціоннаго либерализма. Неограниченное положеніе государя переносится въ Англіи на короля и парламента, фактически концентрируется въ послѣднемъ. Основателемъ современной англійской аналитической школы является Джонъ Аустинъ. Содержаніе теоретическихъ понятій англійскихъ юристовъ соотствуетъ, отчасти, общему ученію о правѣ юристовъ континентальныхъ. Они разсуждаютъ о правѣ въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ, возникновеніи права, его интерпретаціи и кодефикаціи и пр. Напрасно, однако, у нихъ искать философскаго изслѣдованія идеи права, закона въ государствѣ, наказанія, собственности, наслѣдственнаго права и пр. Англичане довольствуются изученіемъ фундамента отдѣльныхъ областей юриспруденціи; къ спекулятивнымъ же построеніямъ они не обнаруживаютъ никакого расположенія. Поэтому-то естественное право не нашло въ ихъ средѣ прозелитовъ (14—15 s.). Авторъ жалуется на недостаточное развитіе общихъ юридическихъ и политическихъ понятій въ нѣмецкой наукѣ права, хотя представители отдѣльныхъ ея частей охотно снабжаютъ свои спеціальныя сочиненія введеніями общеюридическаго характера. Бергбомъ недоволенъ пестротою и неустойчивостью взглядовъ на общіе вопросы права, обнаруживаемыхъ нѣмецкими учеными; но онъ, все-таки, доволенъ тѣмъ, что разработка общихъ понятій права въ изслѣдованіяхъ и учебникахъ по отдѣльнымъ частямъ науки о правѣ считается теперь въ ней необходимой. Только въ общей теоріи права могутъ быть сравниваемы соотвѣтственныя понятія отдѣль-

ныхъ частей юриспруденціи и легко можетъ быть установлена связь высшихъ юридическихъ принциповъ съ родственными праву науками; лишь здѣсь сближаются юристы отдѣльныхъ спеціальностей и положительная и философская юриспруденція сливаются въ одно цѣлое Вредны въ этой области все далѣе и далѣе развивающаяся спеціализація среди юристовъ и слѣпая ихъ привязанность къ теоріи исторической школы. Поэтому-то замѣчается то явленіе, что спеціалисты при разработкѣ темъ беруть матеріалъ для своихъ изслѣдованій лишь изъ своихъ отдѣльныхъ областей, не обращая вниманія на другія части науки о правѣ. Теорія же Савиньи и Пухты о возникновеніи права, хотя и образовала нѣкогда сильное оружіе противъ школы естественнаго права, но она, все-таки, не содержитъ единственную истину о всякомъ образованіи права. Мы раздѣляемъ основную идею историческаго направленія, но мы должны имѣть философію права, вполнѣ сообразную съ современнымъ состояніемъ знанія. Ея девизомъ слѣдуетъ избрать извѣстное выраженіе Р. ф. Іеринга: „изслѣдовать право на основаніи теоріи истор. школы, но руководиться не одной только ею“ (25 s.).

Обращаясь къ характеристикѣ взглядовъ современныхъ нѣмецкихъ юристовъ, Бергбомъ констатируетъ общую у нихъ тенденцію къ критическому изслѣдованію основныхъ юридическихъ понятій съ точки зрѣнія положительнаго права. Ученые имѣютъ обычай въ своихъ соціальныхъ работахъ указывать на ихъ отношенія къ цѣлому, всей наукѣ права. Появляется много работъ, посвященныхъ изслѣдованію основныхъ юридическихъ понятій, и возникла мысль объ общей теоріи права. Такой порывъ къ обобщенію нѣкоторыхъ главныхъ понятій юриспруденціи рано или поздо приведетъ къ систематической философіи права на новыхъ основаніяхъ. Эта философія права будущаго станетъ философіей положительнаго права, которая, однако, не можетъ разорвать связи съ прошлымъ этой науки. Современнымъ философамъ недостаетъ единодушія во многихъ важныхъ отношеніяхъ. Еще не установлено, какое мѣсто должны занять среди другихъ наукъ проблеммы науки права, какія границы достовѣрнаго знанія о

правѣ, какой методъ болѣе соотвѣтствуетъ предмету правовѣдѣнія и какъ должно быть опредѣлено понятіе права? Обо всѣхъ этихъ вопросахъ у теоретиковъ существуетъ необозримая масса различныхъ противорѣчивыхъ и неясныхъ мнѣній. Впрочемъ, это разнорѣчіе мыслей и запутанность юридическихъ понятій въ наше время до нѣкоторой степени естественны: мы видимъ, какъ стородавнія понятія и идеи умирающей философіи права смѣшиваются съ родственными элементами грядущей философіи права. Эта послѣдняя имѣетъ своимъ предметомъ институты положительнаго права, на основаніи которыхъ и производятся всѣ изслѣдованія, и зависитъ въ своемъ развитіи отъ успѣха другихъ духовныхъ наукъ (психологіи). Препятствія къ коллективной и прогрессивной работѣ въ области общей теоріи права лежатъ въ пренебреженіи къ терминологіи, отсутствіи единодушія и согласія относительно основныхъ понятій права и недостаткѣ систематизаціи основныхъ юридическихъ понятій (36—37 s.). Въ важномъ значеніи твердо установленной терминологіи для каждой развитой науки едва ли кто можетъ сомнѣваться. Между тѣмъ, въ сферѣ общихъ юридическихъ понятій существуетъ полная неопредѣленность, а изъ смѣшенія понятій возникаетъ и безпорядокъ въ идеяхъ. Такъ каждое изъ основныхъ понятій въ наукѣ права имѣетъ самыя различныя значенія; таковы понятія: источникъ права, законъ, распоряженіе, юридическое положеніе, преступленіе, вина и проч. Особенно разнообразно пониманіе права—этого центральнаго пункта всей юриспруденціи. Такъ подъ правомъ разумѣютъ правовую норму, юридическое полномочіе субъекта, его самого, правообразующую силу, юридическій порядокъ, науку и литературу о правѣ и каждое юридическое учрежденіе. Различаютъ далѣе субъективное право, какъ сумму правомочій субъекта, объективное, какъ юридическую норму. Послѣднее обозначаютъ нерѣдко, какъ дѣйствующее или положительное право (46—49 s.). Для устраненія этого зла въ наукѣ права авторъ не совѣтуетъ уничтожать всѣ старыя юридическія понятія и замѣнять ихъ новыми, которыя только еще болѣе запутаютъ юридическій языкъ. Бергбомъ настаиваетъ лишь

на томъ, чтобы каждое юридическое понятіе имѣло свое собственное и единственное значеніе, соотвѣтствующее его существу. Всѣ ненужныя въ наукѣ права выраженія должны быть изгнаны изъ нея навсегда и безповоротно. Такъ, напр., слово „законъ“ можетъ имѣть одно значеніе—закона въ матеріальномъ смыслѣ—или еще и въ формальномъ смыслѣ. Также подъ правомъ нужно понимать право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ: право всегда означаетъ своеобразныя предписанія, правила жизни; притомъ, можетъ быть рѣчь только о правѣ положительномъ, возникшемъ исторически (63 s.).

Въ недостаткѣ опредѣленныхъ основныхъ юридическихъ понятій виновата, прежде всего, школа естественнаго права, которая создавала свои юридическія теоріи a priori, не провѣряя ихъ фактами реальной жизни, а наоборотъ подводя послѣдніе подъ свои взгляды. Истор. школа, отрицая существованіе всякаго права внѣ положительнаго, поставила извѣстные тезисы объ его образованіи и основала новый методъ обработки права. Но ея принципы не вытѣснили идеи естественнаго права, которыя продолжаютъ до сихъ поръ вліять на науку права. Это замѣтно какъ въ области частнаго, такъ и публичнаго права, особенно же уголовнаго. Вся современная общая теорія права состоитъ изъ нѣкоторыхъ положеній о возникновеніи и образованіи права, нѣсколькихъ устарѣлыхъ понятій объ обычномъ правѣ, субъективномъ правѣ,—остатковъ изъ эпохи господства обычнаго права. Вся настоящая философія права находится въ состояніи разработки, въ переходной стадіи, когда обыкновенно встрѣчаются неразрѣшимыя противорѣчія и неопредѣлившіяся понятія. Большинство основныхъ юридическихъ понятій нуждается въ полномъ ихъ пересмотрѣ и переработкѣ: общія юридическія понятія равно необходимы какъ для теоретика, такъ и для практика юриста. Понятіе права, этотъ кульминаціонный пунктъ всѣхъ юридическихъ понятій, сужденій и системъ и основное понятіе всей юриспруденціи, является въ высшей степени нетвердымъ, неточнымъ и неяснымъ. Опредѣленіе понятія права должно заключать въ себѣ всю полноту юридическаго содержанія и должно быть едино.

Содержаніе права, его идеи и принципы имѣютъ исторію, но не понятіе права по его существу (73—74 s.). Пестрота понятій о правѣ открывается особенно ярко въ сравнительно-историческихъ изслѣдованіяхъ, изученіи культуры давно прошедшихъ временъ и отдаленнѣйшихъ странъ, гдѣ предоставляется полный просторъ досужей фантазіи и ученому остроумію. Но и между настоящими юристами не наблюдается согласія относительно понятія права. Бергбомъ хочетъ помочь этому горю и даетъ самъ свое понятіе права. Чтобы его опредѣлить, нужно, говоритъ онъ, исходить изъ того права, которое дѣйствительно, функціонируетъ на самомъ дѣлѣ, какъ право. Самое понятіе права есть сложное понятіе, въ которомъ нужно различать двѣ главныя составныя части. Первую образуютъ признаки высшаго понятія, подъ которое право подходитъ въ качествѣ видоваго. Сюда принадлежитъ, прежде всего, представленіе о правѣ, какъ нормативномъ, абстрактномъ правилѣ, которому всѣ должны слѣдовать. Затѣмъ отсюда вытекаетъ, что нормы права относятся къ организаціи общей жизни людей, ихъ совмѣстнымъ дѣйствіямъ и сношеніямъ другъ съ другомъ. Второй главный составной признакъ права есть его видовой признакъ. Здѣсь рѣчь идетъ о силѣ и авторитетѣ юридической нормы, какъ обязательнаго правила человѣческихъ дѣйствій (81—82 s.). Бергбомъ упрекаетъ современныхъ ученыхъ юристовъ въ пренебреженіи къ индуктивному методу при юридическихъ опредѣленіяхъ и рекомендуетъ принимать во вниманіе при нихъ реальныя состоянія и событія и цѣнить въ опредѣленіяхъ кромѣ правильности еще плодотворность образованныхъ понятій (84 s.). Наконецъ, авторъ констатируетъ недостатокъ въ современной юриспруденціи систематической связи между юридическими основными понятіями, не смотря на важную роль ихъ въ наукѣ, гдѣ они занимаютъ первое мѣсто. Философія права въ смыслѣ центральнаго мѣста высшихъ юридическихъ понятій и послѣдняго отвѣта на проблеммы права, нѣкогда важнѣйшая часть научной литературы, теперь не существуетъ. Между тѣмъ, высшія понятія и основные принципы права составляютъ не менѣе органическую систему, какъ и понятія, принципы и корен-

ныя основанія догмъ отдѣльныхъ частей науки права и, подобно послѣднимъ, могутъ быть поняты только въ ихъ связи. Въ доказательство этой послѣдней мысли Бергбомъ приводитъ новѣйшее направленіе въ наукѣ права, гдѣ Биндингомъ, Бирлингомъ, Тономъ и др. началось изслѣдованіе основныхъ свойствъ права: во всѣхъ изслѣдованіяхъ современныхъ ученыхъ исходнымъ пунктомъ и цѣлью является общее понятіе права. Всѣ они рано или поздо составятъ законченную систему права, хотя до сихъ поръ ученые еще не имѣютъ яснаго сознанія о способѣ ихъ объединенія въ одно логическое цѣлое. Бергбомъ опасается, чтобы недостатокъ общаго ученія о правѣ не привелъ бы со временемъ къ потерѣ сознанія объ единствѣ права и всей науки о правѣ. Авторъ показываетъ, какъ вредно отражается это отсутствіе философіи права на отдѣльныхъ основныхъ юридическихъ понятіяхъ и въ юридической жизни общества, и ждетъ помощи отъ литературы и академическаго, университетскаго преподаванія (100—102 s.). Въ заключеніи къ введенію Бергбомъ излагаетъ подробно планъ своего изслѣдованія, въ первомъ отдѣлѣ котораго должна идти рѣчь о „развитіи и дѣйствіи естественнаго права въ прошедшемъ“,—во второмъ отдѣлѣ изслѣдоваться вопросъ „о формахъ и распространеніи естественнаго права въ настоящемъ“. Въ третьемъ же и послѣднемъ отдѣлѣ своей книги Бергбомъ, намѣренъ заняться основательной критикой естественнаго права и пересмотромъ всего ученія о правѣ исторической школы.

Обращаясь къ современному общему ученію о правѣ, Бергбомъ констатируетъ въ немъ дуализмъ. Понятіе права болѣе, чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ, является съ раздвоеннымъ характеромъ. Издавна думаютъ, что кромѣ положительнаго права существуетъ еще другое право, высшее и противоположное положительному, источникъ, основаніе и образецъ послѣдняго. Это неположительное право обыкновенно называютъ естественнымъ правомъ Конечно, теорія и методъ исторической школы произвели сильное преобразованіе въ юриспруденціи, такъ что теперь въ Европѣ нѣтъ юриста, который не придерживался бы въ своихъ изслѣдованіяхъ взглядовъ истор. школы. Но идея естественнаго права,

не смотря на это, не изчезла до сихъ поръ въ наукѣ. Высказываютъ сомнѣнія относительно естественнаго или разумнаго права, но опровергаютъ только грубыя его формы. Только Шталь подвергъ серьезной критикѣ идеи естественнаго права, хотя вслѣдъ за этимъ самъ впалъ въ другую ошибку. Въ современной философіи права не исчезла склонность къ идеализированію права, изученію его по спекулятивному и раціоналистическому методу. Въ тоже время въ положительной наукѣ разсматриваютъ отдѣльныя системы положительнаго права по принципамъ исторической школы. Вообще не слѣдуетъ исключительно этому или другому методу, а обыкновенно смѣшиваютъ произвольно оба метода. Въ юридическихъ понятіяхъ, теоріяхъ и проблеммахъ замѣчается соединеніе существующаго и выдуманнаго права, причемъ этой мозаикѣ реальнаго и идеальнаго права придаютъ иногда титулъ высшей юриспруденціи. Этотъ дуализмъ, раздѣляемый всѣми, кто только не разсуждаетъ о правѣ, до такой степени проникаетъ всю науку о правѣ, что невозможно начать изученіе какого-либо юридическаго вопроса безъ того, чтобы не натолкнуться на безчисленные контроверзы объ естественномъ, разумномъ, идеальномъ правѣ. Всѣ изслѣдованія, относящіяся къ философіи права, принято даже называть прямо естественнымъ правомъ (109—117 s.). Бергбомъ считаетъ такое состояніе науки права невыносимымъ и думаетъ, что безусловно необходимо изгнать изъ науки права всякую мысль о томъ, что кромѣ положительнаго права есть еще какое-то отличное, особенное отъ него естественное право, которое скрывается подъ различными формами въ наукѣ права. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ точно опредѣлено, что такое это естественное право. Для этого слѣдуетъ сначала выдѣлить изъ его понятія всѣ посторонніе, чуждые ему элементы. Такъ, очевидно, подъ понятіе естественнаго права совершенно не подходитъ то право, которое образуется въ примитивномъ обществѣ путемъ обычая: это обычное право, все-таки, положительное право общества. Нужно также избѣгать отождествленія философіи права съ естественнымъ правомъ, причемъ, то и другое вмѣстѣ считаютъ предметомъ, недо-

стойнымъ серьезной науки. На самомъ дѣлѣ философія права есть лишь особый способъ изученія того же самаго положительнаго права, отдѣльныя части котораго составляютъ остальныя отрасли науки права. Не нужно далѣе забывать, что многое въ трудахъ по естественному праву представляетъ собою выводы изъ изученія положительнаго права. Если писатели XVII ст. объясняли право изъ отдѣльныхъ свойствъ природы человѣка, то въ этомъ случаѣ они только изучали право съ философской точки зрѣнія. Когда Кантъ выводитъ необходимость правоваго порядка изъ идеи свободы и совмѣстной жизни индивидовъ, то это не есть разумное право. Если, наконецъ, Гегель, видитъ въ правѣ и государствѣ осуществленіе нравственной идеи, то на этотъ его взглядъ также нельзя смотрѣть, какъ на апріористическую конструкцію права. Иначе всякое философствованіе о правѣ нужно отнести къ естественному праву. Ученіе Канта и примыкающей къ нему конституціонно-либеральной школы о правовомъ государствѣ, представительствѣ взято ими изъ Англіи и Франціи. Также и ученіе Гегеля объ истинно нравственномъ государствѣ заключаетъ въ себѣ идеализированіе прусскаго протестантскаго государства. Оба эти философа выработали свои системы въ историческихъ рамкахъ существующаго права и государства. Повидимому, они развиваютъ понятіе права изъ извѣстнаго общаго принципа, дедуктивно. На самомъ дѣлѣ они доходятъ до этого принципа путемъ изученія положительныхъ юридическихъ институтовъ. Только то въ системахъ Канта, Гегеля и др. относится къ естественному праву, что обозначается имъ универсальнымъ правомъ, не смотря на то, что оно не имѣетъ такого значенія.

Самъ Бергбомъ понимаетъ подъ естественнымъ правомъ каждое представленіе о немъ, которое независимо отъ существующаго права, не имѣетъ связи съ дѣйствительными источниками права. Естественное право—обязательная норма для правовой жизни и образованія права, хотя бы оно и противорѣчило положительному праву (127—131 s.). Всякій, кто только не устанавливаетъ правовыя нормы, которыя не принадлежатъ къ положительному

праву, тѣмъ самымъ исповѣдуетъ естественное право. Всякое право всегда опирается на фактахъ реальной жизни; естественное право не есть продуктъ историческихъ событій, оно не возникаетъ изъ воли дѣйствительнаго лица или какихъ-либо явленій жизни и не представляетъ собою вывода изъ наблюденія надъ этой жизнью общества. Сторонники естественнаго права понимаютъ различнымъ образомъ его отношеніе къ положительному праву. Но всегда первое въ ихъ глазахъ и въ противоположность послѣднему есть только истинное и высшее право. Во имя этого полнѣйшаго естественнаго права отрицаютъ положенія дѣйствительнаго права и пополняютъ принципами перваго всѣ пробѣлы послѣдняго. Авторъ находитъ всѣ подобныя представленія о правѣ опасными для него и настаиваетъ на полномъ ихъ изгнаніи изъ науки права (135 s.). Бергбомъ, однако, считаетъ необходимымъ точно обозначить, какой именно способъ изученія права приводитъ къ установленію права въ смыслѣ естественнаго. При опредѣленіи права можно и даже должно обращаться къ природѣ человѣка, искать корня права въ ея силахъ и свойствахъ. Слѣдуетъ лишь избѣгать такого пути въ изученіи права, когда при совершенномъ игнорированіи всякаго конкретнаго процесса образованія права выводятъ *прямо* обязательные принципы права или его конкретную догму изъ произвольно открываемыхъ элементовъ человѣческой природы. Важно въ данномъ случаѣ не столько то, откуда исходятъ изслѣдователи, сколько результаты, къ которымъ они приходятъ. Можно для объясненія возникновенія права вѣрить въ гипотезу объ „естественномъ состояніи“ и въ тоже время не думать о правѣ съ точки зрѣнія естественной школы. Можно также находить источникъ обязательности юридическихъ нормъ въ договорѣ, общей волѣ, народномъ духѣ, правѣ сильнаго, въ признаніи и содѣйствіи всѣхъ и быть далекимъ отъ доктрины этой школы. Только, если при юридическихъ принципахъ пренебрегаютъ положительнымъ матеріаломъ или же выдаютъ за право свои субъективные взгляды, тогда мы можемъ говорить о вредѣ такого образа юридическихъ воззрѣній въ духѣ школы естественнаго права. При обобщеніяхъ въ наукѣ

права тогда поступаютъ согласно съ ученіемъ этой школы, когда ставятъ прямо извѣстные общіе принципы и положенія, не обращая никакого вниманія на то, что ихъ содержаніе опредѣляется нравственными и политическими убѣжденіями, взглядами на мотивы и цѣли человѣческихъ учрежденій, опытомъ относительно дѣйствія тѣхъ или другихъ правилъ и т. д. Наконецъ, нельзя обвинять въ принадлежности къ школѣ естественнаго права всякаго, кто относится критически къ положительному праву, недоволенъ его организаціей. Въ сущности въ духѣ школы естественнаго права всякое представленіе о правѣ, которое не тождественно съ положительнымъ правомъ въ положеніяхъ и институтахъ, но тѣмъ не менѣе выказываетъ притязаніе быть высшимъ принципомъ для всей юридической жизни общества. Тотъ методъ ведетъ къ созданію подобныхъ взглядовъ и теорій права, при которомъ нормы права черпаются изъ субъективныхъ убѣжденій автора, а не объективныхъ способовъ познанія дѣйствующаго права, или же изъ источниковъ, чуждыхъ области права (140—141 s.).

Обращаясь къ исторіи естественнаго права, Бергбомъ кратко просматриваетъ ученіе о правѣ древнихъ грековъ и римлянъ и отмѣчаетъ среди нихъ сторонниковъ и противниковъ доктрины естественнаго права. Терминъ „естественное право“ сталъ употребляться, по замѣчанію автора, въ этомъ смыслѣ уже въ новое время, такъ какъ въ древности, особенно у римлянъ подъ естественнымъ правомъ разумѣли тѣ отношенія, которыя являются всегда одинаковыми при всякомъ измѣненіи и разнообразіи человѣческой общей жизни (155—156 s.). Доктрина среднихъ вѣковъ, образовавшаяся подъ вліяніемъ церковнаго ученія, раздѣлила все право на двѣ части: измѣнчивыя человѣческія правила и вѣчно одинаковые принципы откровеннаго, божественнаго и естественнаго права. Человѣческое право имѣло своей задачей предуготовить практическую примѣнимость принциповъ естественнаго права, ослабить ихъ строгость, но ни въ какомъ случаѣ устранить. Появившееся въ XVII ст. подъ видомъ естественнаго права, общее ученіе о правѣ начинаетъ освобождаться какъ отъ

власти церковной догмы, сковывавшей всѣ знанія, такъ и оковъ схоластическаго метода. Быть можетъ, эманципація философіи права отъ церковной догмы и христіанской моральной философіи могла быть совершена лишь путемъ преувеличеннаго представленія о правѣ, свободномъ отъ всякаго авторитета. Для того, чтобы въ юридической жизни установить полную независимость, обратились къ примѣненію къ ея опредѣленію идей естественныхъ наукъ: право поэтому должно было, подобно естественному закону, явиться съ значеніемъ правила, повсюду дѣйствительнаго, неписаннаго, независимаго отъ человѣческой воли и выведеннаго разумомъ изъ человѣческой природы. Впрочемъ, до такого понятія права философы XVII ст. еще не дошли. Разумъ у нихъ тождественъ съ мышленіемъ. Ученіе объ естественномъ состояніи и образованіи изъ него общества они разсматриваютъ абстрактнымъ, формальнымъ образомъ. Не дѣйствительный, историческій человѣкъ служитъ философамъ XVII ст. основаніемъ для объясненія безпрерывно смѣняющихся жизненныхъ фактовъ и права и государства, а абстрактная схема человѣческой природы, отвлеченной отъ историческихъ ея проявленій. Какое-либо одно изъ свойствъ этой природы ставится ими какъ принципъ, изъ котораго затѣмъ выводится весь юридическій и политическій порядокъ. Однако, результаты a priori построенныхъ философами XVII ст. системъ права и государства представляли собою не воображаемый юридическій порядокъ, а только искаженную абстракцію существующаго тогда положительнаго права. Принципіальнаго его отрицанія въ пользу воображаемаго другаго права не было даже въ системахъ писателей первой половины XVIII ст. Обнаружившаяся оппозиція противъ доктрины естественнаго права въ XVII—XVIII ст. была нерѣшительною и поэтому не произвела никакого вліянія (163 s.).

Со второй половины XVIII ст. доктрина естественнаго права стала лозунгомъ движенія низшихъ классовъ европейскаго общества и подъ вліяніемъ сочиненій Руссо пріобрѣла родикальныя тенденціи. Естественнымъ слѣдствіемъ вновь провозглашенной аксіомы, что всѣ люди равны было признаніе абсолютнаго права

для всѣхъ временъ и народовъ. На мѣстѣ ранѣе поставленныхъ естественныхъ свойствъ человѣческой природы (стремленія къ общежитію, самосохраненія) ставятъ теперь абстрактныя понятія свободы, равенства, народнаго суверенитета, откуда вытекало понятіе о первоначальныхъ правахъ всѣхъ людей, независимыхъ отъ всякихъ временныхъ и мѣстныхъ условій. Свобода личности была перенесена Кантомъ изъ естественнаго состоянія въ общественное, гдѣ право создавалось государствомъ, отъ котораго только зависѣло признаніе дѣйствительности обычнаго права. Новая, раціоналистическая школа права въ отличіе отъ старой не только не хотѣла, хотя бы косвенно, понять и признать положительное право, но совершенно отрицала его. Единственнымъ источникомъ права явился разумъ; наука должна была создать нормальное право внѣ положительнаго и на основаніи лишь одного разума, прирожденной человѣку идеи права. Практическое зерно ученія о разумномъ правѣ — евангеліе свободы индивидуума и его неотчуждаемыхъ правъ легко могъ добыть каждый въ системахъ разумнаго права. Послѣднее быстро получило большую популярность и оказало сильное вліяніе на ходъ 1-й французской революціи (169—172 s.). Въ XIX ст. естественное право стало уже вполнѣ законченной системой, измѣнилось только его содержаніе: теперь стали вкладывать въ схему разумнаго права произвольно выдуманный матеріалъ. Абсолютисты, реакціонеры, конституціоналисты всѣ вѣрятъ въ абсолютную независимость всемогущаго законодателя отъ всякихъ историческихъ условій и организовать право и государство сообразно своимъ воззрѣніямъ. Причемъ, каждый требовалъ, чтобы его взгляды были признаны истиннымъ выраженіемъ разума. Бергбомъ констатируетъ тотъ фактъ, что во всѣхъ главныхъ философскихъ направленіяхъ первой половины XIX ст. понятіе естественнаго права играло главную или второстепенную роль: у послѣдователей Канта, Краузе и его учениковъ, Аренса и Рёдера, Гербарта съ его послѣдователями, Шталя и Гегеля съ его учениками. Естественное право проникло даже въ законодательные сборники, гдѣ было признано за источникъ права. Противники разумнаго права въ револю-

ціонный періодъ оказали едва замѣтное вліяніе на образъ юридическаго мышленія западно-европейскаго общества. Таковъ былъ извѣстный утилитаристъ *Бентамъ*. Лишь постепенно нѣкоторые осторожные представители гуманныхъ наукъ освобождаются изъ подъ ига раціоналистическаго догматизма. Таковы были: историкъ Шлецеръ, философъ Шеллингъ, моралистъ Шлейермахеръ, юристъ Гуго и романтики (Адамъ Мюллеръ). Историческая школа права положила конецъ господству разумнаго права въ юриспруденціи, не входя, однако, въ критику его основаній. Такъ именно поступилъ Савиньи, который просто противопоставилъ историческому праву историческое. Рѣзкая и безпощадная критика Фр. Шталя, ясно отождествлявшаго естественное право съ раціоналистической философіей права со включеніемъ Гегеля, закончилась тѣмъ, что онъ самъ сталъ исповѣдовать тѣ же принципы естественнаго права только съ церковной и конфессіональной окраской. Послѣ того насталъ конецъ всевластію априористической философіи права, но только не господству многихъ ея принциповъ въ наукѣ. Послѣдніе долго продолжали находить защиту среди философовъ (Роттека, Шиллинга) и лишь одни ѣдкіе сарказмы со стороны современныхъ ученыхъ (Іеринга и др). Въ настоящее время у ученыхъ погасаетъ довѣріе въ безусловную основательность историческаго взгляда на право, съ одной стороны; съ другой же, остается немало сторонниковъ неисторическаго права, враждебныхъ исторической школѣ (190—195 s.). Причины такого продолжительнаго господства идеи естественнаго права въ наукѣ авторъ ищетъ въ миновавшихъ теперь условіяхъ его развитія и его дѣйствія на науку и самую жизнь общества.

Издавно существовавшее въ наукѣ стремленіе отыскать однообразные и постоянные законы явленій затормозилось въ средніе вѣка церковнымъ (католическимъ) взглядомъ, контрастомъ всего земнаго загробному, человѣческаго божественному. Въ вѣкъ просвѣщенія была возвѣщена полная свобода въ теоріи и жизни отъ всякаго авторитета, кромѣ единственнаго—разума. Все существующее зданіе нравственнаго міра, громадное разнообразіе существующихъ

отношеній должны были быть уничтожены и вмѣсто нихъ найдены наукой вѣчныя и универсальныя повелѣнія разума. Отношеніе этого естественнаго права къ положительному опредѣлялось или такъ, что отъ послѣдняго оставляли только согласное съ первымъ, или же, пользуясь эластичностью языка, особенно же юридическихъ понятій, ставили цѣлый рядъ положеній, примѣняя произвольно ихъ въ теоріи и практикѣ съ субъективнымъ ихъ значеніемъ. Аналогію творчеству разума въ области права находили въ произвольномъ созданіи его законодателемъ. Объ осчастливленіи и улучшеніи человѣческаго общества практическая философія раціоналистовъ думала очень мало. Всѣ здравыя сомнѣнія противъ ихъ ученія о свободѣ смолкали въ виду контраста положительнаго произвольнаго права съ идеальнымъ правомъ, которое находило свою санкцію въ высшей инстанціи—разумѣ. Философія XVIII ст. разрушила оковы свободы мысли, и ея отголоскомъ въ юриспруденціи было ученіе о разумномъ правѣ; практическое же стремленіе къ преобразованію общества помогло уничтожить всѣ препятствія къ свободѣ дѣйствія (204 s.). Не такъ слабы, какъ научныя основанія, были практическія и политическія условія развитія доктрины естественнаго и разумнаго права. Извѣстно то тяжелое и невыносимое состояніе общества, которое вызвало школу естественнаго права. Недостатки, пробѣлы въ законахъ были такъ велики, что открывался полный просторъ произволу судьи и кабинетной юстицію. Полицейское государство преслѣдовало только одни фискальные интересы. Чѣмъ хуже были реальныя отношенія, юридическія и политическія, тѣмъ живѣе обнаруживались тоскливые порывы къ лучшему, идеальному праву, постоянно усиливавшеся при безпрерывныхъ актахъ деспотической опеки государства. Жестокіе уголовные законы, всевластная полиція и строгая цензура заглушали всѣ проявленія личной дѣятельности и всякую прямую критику общественныхъ порядковъ. Системы разумнаго права содержали въ себѣ болѣе критику существовавшаго права, нежели настоящую философію права; онѣ были важнымъ средствомъ въ борьбѣ за преобразованіе права. Надъ всею критикой

возвышались требованія права или разума, которыя должны были сдѣлаться положительнымъ правомъ. Результатомъ практически-политической тенденціи теоріи естественнаго права было различіе между теоретическимъ и практическимъ правомъ, полное измѣненіе воззрѣній о принципахъ юридическаго и политическаго порядка и совершенное паденіе юриспруденціи, какъ науки (205—212 s.). Не сущность идей естественнаго права была причиной его необыкновеннаго вліянія, а агитаторская сила практическихъ обѣщаній, скрытыхъ подъ ними. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя благодѣтельныя дѣйствія ученія школы естественнаго права несомнѣнны. Она указала тотъ путь, на которомъ совершались реформы въ юридической и политической жизни общества, которое въ XVIII ст. представляло собою жалкую картину: повсюду варварство и бѣдность, рабство и униженіе, несправедливость и произволъ. Естественное право обѣщало и освободило людей отъ сотни цѣпей, которыми оно было опутано въ экономической и духовной своей жизни. Свобода совѣсти и научнаго изслѣдованія была цѣлью всѣхъ системъ естественнаго права, которое помогло защитѣ частныхъ правъ и реформѣ уголовнаго суда. Европейское общество также обязано естественному праву освобожденіемъ отъ кастовыхъ различій, феодальныхъ порядковъ, патримоніальнаго деспотизма и невыносимой опеки всезнающаго полицейскаго государства. Изъ естественнаго же права вытекло понятіе правомѣрнаго государства (Rechtsstaat) и философско-юридическія основанія конституціонализма. Наконецъ, подъ вліяніемъ доктрины естественнаго права развилась обширная работа надъ общественными реформами законодателя, были провозглашены принципы публичности для всѣхъ актовъ дѣятельности власти и свободы печати. Къ вреднымъ результатамъ развитія естественнаго права авторъ относитъ разрушительную его тенденцію, примѣненіе которой къ практикѣ привело къ противопоставленію всемогущей, рѣзко централизованной государственной власти и атомистическаго общества. На почвѣ естественнаго права развился извѣстный принципъ: „laissez faire“, такъ гибельный для слабаго. Наконецъ, на счетъ вреднаго вліянія ученія естественнаго права нужно от-

нести и широкое и произвольное толкованіе нормъ положительнаго права при ихъ примѣненіи судьей въ области гражданской и уголовной юстиціи. Что касается вліянія доктрины естественнаго права на науку права, то вредъ отъ нея здѣсь значительно перевѣшиваетъ оказанную наукѣ ею пользу. Правда, доктрина естественнаго права дала толчекъ къ образованію науки государственнаго и особенно международнаго права, какъ и важнѣйшія понятія уголовнаго права (о сущности и цѣли наказанія) образовались также, благодаря естественному праву. Но все философское ученіе о правѣ приняло подъ его вліяніемъ совершенно ложное направленіе. Всѣ юридическія понятія получили отвлеченный характеръ, реальные факты были подведены подъ произвольныя гипотезы, въ которыхъ шла рѣчь объ основаніяхъ не дѣйствующаго, а будущаго права. Философія права была унижена до роли агитаціоннаго средства въ общественныхъ движеніяхъ. Вездѣ и всюду выдвигалась теорія объ отвлеченномъ правѣ, выведенномъ изъ одного разума и поэтому положившемъ рѣзкую границу между теоріей и практикой (213—232 s.).

Весь второй отдѣлъ сочиненія Бергбома посвященъ имъ разсмотрѣнію формъ и распространенія естественнаго права въ современной юридической литературѣ у всѣхъ европейскихъ народовъ. Авторъ доказываетъ здѣсь посредствомъ тщательнаго изученія научныхъ трудовъ послѣднихъ 50 лѣтъ ту свою главную мысль, что вѣра въ право, независимое отъ положительнаго, въ настоящее время не только не исчезла, но процвѣтаетъ вполнѣ; ею проникнуты всѣ главнѣйшіе труды по наукѣ права въ европейскомъ обществѣ. Для доказательства этой своей мысли Бергбомъ раздѣляетъ по рубрикамъ всѣ эти сочиненія, начиная съ произведеній нѣмецкихъ ученыхъ. Особенно сильно распространены взгляды естественнаго права въ Германіи, гдѣ находится немало авторовъ, придерживающихся прямо теоріи естественнаго или разумнаго права, или же того и другаго вмѣстѣ. Также идея естественнаго права выражается у писателей, которые стремятся сохранить связь между наукой о правѣ и этикой и упускаютъ изъ виду границы между правомъ и моралью (251 s. uf.). На-

конецъ, присягаютъ тому же естественному праву и ученые съ религіознымъ и церковнымъ направленіемъ, какъ католики и протестанты, такъ и евреи. Фр. Шталь, который выдаетъ себя за сторонника взглядовъ исторической школы, отрицаетъ естественное право во всѣхъ его формахъ и даже подвергаетъ его рѣзкой критикѣ, но въ тоже время ставитъ философіи права задачу создать ученіе объ общемъ, высшемъ правѣ на основаніи божественныхъ законовъ; эти послѣдніе — источникъ всего положительнаго права, которое, слѣдовательно, зависитъ у Шталя отъ естественнаго права съ религіознымъ лишь оттѣнкомъ (269—273 s). Кромѣ ученыхъ, прямо придерживающихся теоріи естественнаго права въ Германіи, есть еще много писателей, которые проводятъ въ своихъ трудахъ туже теорію, но только подъ другими формами. Сюда принадлежатъ всѣ тѣ философы и юристы, которые защищаютъ мысль о философскомъ или чистомъ правѣ, существующемъ внѣ условій и границъ положительнаго права и предшествующемъ послѣднему. Въ эту же категорію нужно внести и всѣхъ философовъ, которые отыскиваютъ въ правѣ образецъ высшей справедливости (Gerechte in sich) или же приписываютъ праву качества: общаго, универсальнаго, вѣчнаго, истиннаго и высшаго права. Нѣкоторые писатели говорятъ о правѣ, которое должно быть или же идеальномъ правѣ. Причемъ, въ послѣднемъ случаѣ подъ идеаломъ разумѣютъ не высшую цѣль развитія положительнаго права, а право, существующее объективно и внѣ положительнаго. Есть еще взглядъ на право, которое появится въ будущемъ (werdende Recht), но которое, конечно, не-настоящее право. Затѣмъ, необходимо отмѣтить писателей, которые придаютъ разныя имена своимъ взглядамъ на право, понимая его въ сущности въ смыслѣ естественнаго права. Нѣкоторые исповѣдуютъ анонимное естественное право, выводятъ его изъ правовой идеи, правоваго смысла или чувства и идеи справедливости. Цивилисты — нѣмцы часто разсматриваютъ частное право, какъ абстрактное право; нѣкоторые же публицисты употребляютъ фиктивное понятіе права совершенно неяснаго содержанія. Представители сравнительной юриспруденціи слишкомъ

разширяютъ понятіе права. Наконецъ, сторонники историко-философскаго метода въ юриспруденціи (напр., Блюнчли) разсматриваютъ право съ точки зрѣнія своихъ личныхъ, политическихъ, нравственныхъ и гуманныхъ, воззрѣній (291—308 s.).

Что касается юридической литературы другихъ европейскихъ народовъ, то у скандинавскихъ и славянскихъ народовъ вообще мало встрѣчается трудовъ съ философско-юридическимъ характеромъ. Народы же романскіе—французы, итальянцы и испанцы—не проводятъ рѣзкой границы между общей теоріей права или философіей права и догматическимъ изложеніемъ отдѣльныхъ частей юриспруденціи. У всѣхъ нихъ господствуетъ вполнѣ безъ всякой оппозиціи школа естественнаго права. Такъ французскіе писатели при изученіи всѣхъ вопросовъ законодательства, суда и политики приводятъ въ числѣ доказательствъ и на ряду съ писаннымъ правомъ естественное право. Между ними встрѣчаются какъ сторонники стараго естественнаго права, такъ и новаго разумнаго, идеальнаго права, а также и права, существующаго ранѣе положительнаго. Туже склонность къ идеѣ естественнаго права можно замѣтить среди французскихъ писателей религіозно-церковнаго направленія и—въ области международнаго права. Теорія исторической школы извѣстна итальянцамъ, среди которыхъ, однако, находится болѣе сторонниковъ доктрины естественнаго права стараго и новаго образца. Итальянскіе писатели придерживаются этической школы, культивируютъ естественное право подъ разными названіями и совсѣмъ безъ имени. Въ Италіи же не вымерла вѣра въ прирожденныя или абсолютныя права человѣка. Наконецъ, въ италіанской литературѣ международнаго права сохранились слѣды естественнаго права. Тѣже явленія въ сферѣ юридической литературы замѣчаются и въ Испаніи и Португаліи (309—330 s.). Обращаясь къ народамъ сѣверной и восточной Европы, Бергбомъ находитъ, что англичане и родственные имъ народы вообще обнаруживаютъ презрѣніе къ доктринѣ естественнаго права. Только шотланды выказываютъ себя сторонниками естественнаго (этическаго) права. Англійская аналитическая школа юристовъ или совершенно умалчиваетъ объ ес-

тественномъ правѣ, или же дѣлаетъ о немъ лишь краткія замѣчанія. Среди американцевъ также встрѣчается нѣсколько отдѣльныхъ философовъ, взгляды которыхъ напоминаютъ естественное право; въ англійско-американской литературѣ международнаго права до сихъ еще осталось различіе между естественнымъ и положительнымъ правомъ. Англичане называютъ международное право просто „позитивною моралью“. У нидерландцевъ ученіе исторической школы имѣло рѣшительный успѣхъ, а естественное право вполнѣ исчезло изъ нидерландской юридической литературы. Тоже можно сказать о скандинавскихъ народахъ Бергбомъ находитъ идеи естественнаго права въ Финляндіи и среди русскихъ ученыхъ, которые считаютъ необходимыхъ отличать философское право отъ положительнаго и признаютъ въ области международнаго права необходимое право. Наконецъ, нѣкоторые остатки естественнаго права можно констатировать и у венгровъ. Въ заключеніе ко второму отдѣлу своей книги Бергбомъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что многіе современные ученые прямо выдаютъ себя за позитивистовъ и въ тоже время говорятъ о философскомъ правѣ, чистой идеѣ права и проч.. По словамъ автора, въ различіи права отъ правила, матеріальнаго и формальнаго права проглядываетъ также мысль объ отличіи положительнаго права отъ естественнаго, какъ и въ встрѣчающихся нерѣдко выраженіяхъ: „господствующіе принципы, признанныя положенія“ и др. Слѣды естественнаго право можно найти въ каждой изъ отдѣльныхъ частей науки о правѣ: въ сферѣ частнаго права, уголовнаго; въ послѣднемъ апріористическій способъ изслѣдованія преобладаетъ болѣе, нежели во всѣхъ остальныхъ частяхъ юриспруденціи. Такъ называемое философское государственное право представляетъ собою соединеніе отвлеченныхъ положеній, претендующихъ на универсальное значеніе. Наконецъ, международное право почти все состоитъ изъ принциповъ естественнаго права, на которое указываютъ выраженія у многихъ писателей юристовъ: „натура вещей, справедливость, теоретическое право“ и др. Результатъ всего обозрѣнія юридической литературы Бергбомомъ тотъ, что вопреки работѣ исторической школы и ея послѣдова-

телей естественное; идеальное право сохранило свою магическую привлекательность для огромнаго числа юристовъ и философовъ (331—354 s).

Собираясь приступить къ критикѣ естественнаго права, Бергбомъ замѣчаетъ о трудности этой задачи: идея естественнаго права имѣетъ эндемическій характеръ и ея источники и формы неистощимы. Отрицаютъ природу человѣка или его разумъ, какъ источникъ права, и въ тоже время говорятъ о философскомъ правѣ; на смѣну абсолютнаго, вѣчнаго, неизмѣннаго права выступаетъ идеальное, высшее право. Всѣ системы естественнаго права проводятъ одну и туже мысль: есть идеи, принципы, источники, изъ которыхъ могутъ быть выведены юридическія понятія и сужденія, независимыя отъ положительнаго права. Вотъ противъ этой-то мысли и должна быть направлена критика, которая должна отвѣтить на вопросъ, какое значеніе для науки права можетъ имѣть идея о правѣ, независимомъ отъ положительнаго права? Бергбомъ сначала разсматриваетъ отношеніе естественнаго права къ положительному правовому порядку, а затѣмъ и къ понятію права. Авторъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы естественное право могло пополнять пробѣлы въ положительномъ правѣ, которое абсолютно полно и не имѣетъ такихъ пробѣловъ. Право опредѣляетъ внѣшнія отношенія и дѣйствія людей; все же другое, неурегулированное правомъ, находится внѣ его, представляетъ собою не пробѣлы въ правѣ, а собраніе жизненныхъ фактовъ, еще неопредѣленныхъ правомъ. Вопросъ о послѣднихъ не относится къ числу юридическихъ вопросовъ. Лишь отвергая границу между областью права и остальнымъ міромъ фактическихъ отношеній, можно утверждать, что въ правѣ есть пробѣлы, которые должно пополнять естественное право. Въ принципахъ положительнаго права часто можно найти рѣшенія на вопросы относительно того, опредѣляются ли правомъ извѣстныя отношенія, сходныя по существу съ указанными въ нормѣ права. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ говорить о пробѣлахъ въ знаніи права у того или другаго лица, а не въ самомъ правѣ. Послѣднее не нуждается въ дополненіяхъ, такъ какъ его внутренняя плодовитость, логиче-

ская сила распространенія его понятій удовлетворяютъ каждый мигъ нуждѣ въ юридическихъ сужденіяхъ Естественное право также не въ состояніи разрѣшить всѣ противорѣчія и коллизіи въ правѣ. Право есть не собраніе законовъ, между которыми есть противорѣчія, ни собраніе разнорѣчивыхъ мнѣній, а гармоническая система повелительныхъ предписаній. Какъ естественное право не можетъ пополнять положительное, такъ, наоборотъ, положительное не дополняетъ естественное. Въ понятіи естественнаго права, какъ высшей идеальной системы права, содержатся всѣ его части, заключается опредѣленіе всѣхъ внѣшнихъ отношеній людей между собою, всѣхъ возможныхъ положеній и случаевъ въ ихъ жизни. Если же въ идеальномъ правѣ нельзя найти пробѣловъ, то положительное право не можетъ служить ему дополненіемъ. Такимъ образомъ, положительное и естественное право не могутъ служить дополненіемъ другъ къ другу: они прямо взаимно исключаютъ другъ друга. Естественное право не можетъ быть ни критическимъ масштабомъ, ни основаніемъ положительнаго права. Разъ право существуетъ въ обществѣ, какъ формальное, обязательное право, не можетъ быть и рѣчи о томъ, хорошо оно или дурно. Каждая критика права основывается на началахъ, лежащихъ внѣ области права, а поэтому эти послѣднія не въ состояніи быть для него критеріемъ. Неположительные право не можетъ быть базисомъ положительнаго права. Послѣднее находитъ свое основаніе и оправданіе въ одномъ томъ, что оно существуетъ. Нѣтъ смысла и въ томъ, чтобы естественное разумное право было санкціонировано положительнымъ, если только первое признается за право Для школы естественнаго права „критическій масштабъ“ и „основаніе“ по отношенію къ положительному праву одно и тоже и ведутъ обыкновенно къ одной цѣли —уничтоженію части или всего положительнаго права. Вся эта критика отношенія естественнаго права къ положительному приводитъ автора къ результату, что право, какъ основаніе всякаго порядка между людьми можетъ быть *одно* и не заключаетъ въ себѣ никакихъ противорѣчій и пробѣловъ. Принимать, кромѣ того, въ качествѣ параллельнаго или высшаго права есте-

ственное, разумное и вообще неположительное право значитъ вносить въ науку полную запутанность понятій и проповѣдывать анархію, такъ что *каждое дуалистическое ученіе о правѣ просто невозможно въ дѣйствительной юридической жизни общества* (362—407 s.).

Теперь Бергбомъ изслѣдуетъ болѣе точно понятіе естественнаго права и старается доказать, что его качества противорѣчатъ относительности позитивнаго права и несоединимы вообще съ понятіемъ права, которое не можетъ быть названо вѣчной, универсальной или абсолютной нормой (Recht an sich). Вѣчны и универсальны лишь правовые принципы для всегда одинаковыхъ отношеній и дѣйствій человѣка. Самое же содержаніе права постоянно опредѣляется многими и разнообразными культурными условіями, жизненными отношеніями людей, ихъ взглядами на цѣли своей дѣятельности и средства къ ихъ достиженію и проч. Нельзя также говорить о „необходимомъ, имѣющемъ появиться, идеальномъ и теоретическомъ правѣ“. Право необходимо въ томъ смыслѣ, что имъ опредѣляются извѣстныя жизненныя отношенія. Понятіе необходимости употребляется въ точномъ видѣ лишь въ естественныхъ наукахъ, гдѣ оно означаетъ безусловную и неразрывную связь причины съ слѣдствіемъ, которой право не имѣетъ. Право, имѣющее явиться въ будущемъ (werdende), еще не дѣйствительное право и поэтому о немъ не можетъ быть и рѣчи: юристы, какъ и натуралисты не могутъ предсказывать появленія будущихъ законовъ. Невозможно, далѣе, называть право „идеальнымъ“; право-обязательное правило жизни, идеалъ — лишь возможная, отдаленная цѣль развитія человѣческой дѣятельности и, между прочимъ, въ области права. Наконецъ, придавать праву эпитетъ „теоретическое“ значитъ смѣшивать ученыя воззрѣнія на право съ положительными его предписаніями, обязательными для членовъ общества (408—440 s.). Разсматривая „мнимые источники естественнаго права“ — природу человѣка, его разумъ, мораль и религіозный законъ, — Бергбомъ замѣчаетъ, что всѣ они, отличные по существу отъ права, могутъ быть мотивами къ объясненію возникновенія права, но не его базисомъ. Законы ра-

зума, морали, религіи не юридическія нормы. Праву противорѣчитъ *неправо*, а не неразумное, безнравственное, религіозное. Разумная природа человѣка, нравственно-религіозное содержаніе его убѣжденій также вліяютъ на образованіе права. Каждое позитивное право можетъ имѣть послѣднее свое основаніе въ высшихъ силахъ, но эти послѣднія еще не составляютъ объективно высшаго права. Изъ общей массы велѣній разума, предписаній морали и религіи трудно выбрать нормы права, стараться выдавать свои субъективныя, автономныя нормы индивидуума за объективно обязательное право значитъ сдѣлать самого себя законодателемъ, создать на основаніи собственнаго стремленія къ независимости оковы для свободы другихъ людей. Что касается, наконецъ, правоваго чувства,—смысла,—сознанія и правовой идеи, то всѣ эти „источники права“ имѣютъ чисто субъективное происхожденіе. Всѣ они смѣшаннаго происхожденія и обыкновенно признаются прирожденными органами права. Но это означаетъ, что и все право должно имѣть одно и тоже содержаніе. Трудно представить себѣ, какъ возможно выдѣленіе юридическихъ случаевъ изъ юридическаго чувства, сознанія и пр. Всякое различіе юридическаго сознанія отъ нравственнаго заимствуется извнѣ. Люди родятся не съ одинаковымъ общимъ этическимъ сознаніемъ, чувствомъ и т. д.; разнообразіе всѣхъ этихъ свойствъ человѣческой природы зависитъ отъ различнаго воспитанія, образованія и опыта. Правовое чувство, сознаніе и идея обыкновенно различны у людей и дѣйствіе ихъ разнообразно среди нихъ. Изъ правоваго чувства, сознанія и идеи выведенное юридическое сужденіе всегда происходитъ путемъ аналогіи относительно того или другаго факта. Ясность правоваго чувства и пр. обусловливается полнотою юридическихъ знаній. Не правовая идея дѣлается правомъ, а та или другая человѣческая потребность, опредѣляемая юридической нормой Правовая идея тоже, что справедливость въ юридическихъ отношеніяхъ, гдѣ ею опредѣляется направленіе юридическихъ сужденій и заключеній, но не самыя правовыя нормы. Правовая идея относится къ числу практическихъ идей, которыя имѣютъ чисто внѣшнее, опытное

происхожденіе и значеніе. Вся эта критика естественнаго права приводитъ Бергбома къ заключенію, что оно не можетъ быть принято ни какъ научная истина, ни какъ практическое, жизненное правило (441—479 s).

Въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ своей книги Бергбомъ подвергаетъ критикѣ теорію исторической школы права и въ заключеніе высказываетъ свои замѣчанія о томъ, что такое дѣйствительная историческая теорія образованія права и каковъ принципъ истинной исторической теоріи. Авторъ не касается обыкновенныхъ, общепризнанныхъ недостатковъ во взглядахъ Савиньи и Пухты: преувеличеннаго значенія обычнаго права, игнорированія важной роли законодателя въ образованіи права и др.. Бергбомъ останавливается на ученіи корифеевъ школы о правовомъ сознаніи, обычномъ правѣ и законѣ, ихъ взглядѣ на роль юристовъ и науки права въ его образованіи. Философія права Савиньи и Пухты придаетъ всему праву національное и историческое основаніе. Всякое право у нихъ собственно обычное право въ обширномъ смыслѣ. Высшій источникъ права— юридическое сознаніе народа, въ которомъ принимаютъ существенное участіе въ качествѣ членовъ народа законодатель и юристы. Авторъ открываетъ въ ученіи Савиньи и Пухты о правѣ элементы доктрины естественнаго права. Современные юристы рѣшительно отвергаютъ возможность объясненія развитія права въ исторіи изъ народнаго духа или народнаго сознанія. Точно такое же проблемматическое значеніе имѣетъ юридическое сознаніе народа при опредѣленіи содержанія права. Въ качествѣ же ближайшаго источника права юридическое сознаніе народа принимаетъ характеръ обязательной юридической нормы. Между тѣмъ, въ такомъ пониманіи его явно выражается сродство взглядовъ Савиньи и Пухты съ воззрѣніями естественной школы права. Всѣ системы естественнаго права основываютъ право на субъективныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ отдѣльныхъ лицъ и признаютъ источники права, которые на самомъ дѣлѣ не въ состояніи произвести никакого права. Юридическое сознаніе историковъ права также нѣчто субъективное, индивидуальное, связано безусловно

съ психо-физической природой отдѣльнаго лица. Историки совершенно игнорируютъ этотъ фактъ: въ ихъ глазахъ народное сознаніе о правѣ вполнѣ самостоятельное, независимое отъ сознанія отдѣльныхъ лицъ. Но ни одно общество съ развитымъ самознаніемъ невозможно безъ индивидовъ, изъ которыхъ каждый обладаетъ своимъ личнымъ сознаніемъ. Опытъ же показываетъ, что содержаніе юридическаго сознанія народа у отдѣльныхъ его членовъ всегда различно. Слѣдовательно, историческая школа предоставляетъ опредѣленіе того, что есть право, произволу отдѣльныхъ лицъ. Необходимо замѣтить, что сознаніе отдѣльнаго лица не есть нѣчто вполнѣ готовое съ опредѣленнымъ содержаніемъ. На самомъ дѣлѣ оно представляетъ собою абстракцію цѣлаго ряда актовъ дѣятельности и событій въ жизни индивидуума, опредѣляется въ своемъ содержаніи не извнутри, а извнѣ; по отношенію къ праву сознаніе о немъ содержитъ совокупность признаковъ, заимствованныхъ изъ объективно существующаго права. Утверждая, что положительное право съ его формами вытекаетъ a priori изъ правоваго сознанія, Савиньи и Пухта тѣмъ самымъ примыкаютъ къ дуалистическому ученію естественнаго права: для нихъ юридическое сознаніе народа есть ближайшій источникъ права, которое образовалось безъ всякаго историческаго процесса. Основатели исторической школы утверждаютъ, что *содержаніе юридическаго сознанія народа есть право;* но этотъ взглядъ равняется анонимному естественному праву, такъ какъ имъ устанавливается неположительное право, какъ результатъ понятія права безъ всякихъ позитивныхъ признаковъ. Это право исторической школы фактически основывается на произволѣ отдѣльныхъ лицъ—юристовъ и неюристовъ. Немыслимо отдѣлять юридическое народное сознаніе отъ сознанія отдѣльныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый всегда готовъ выдавать свое субъективное юридическое сознаніе о правѣ за общее, народное правовое сознаніе. Сами Савиньи и Пухта едва ли могли быть довольны такимъ понятіемъ права, которое должно было стать принудительною нормой, не смотря на свой неопредѣленный, смѣшанный и субъективный характеръ (480—502 s.).

Бергбомъ находитъ противорѣчіе и въ ученіи Савиньи и Пухты объ образованіи права и его источникахъ. Прежде всего, они не обращаютъ никакого вниманія на принудительность въ правѣ, какъ необходимый элементъ въ его понятіи, вслѣдствіе чего ихъ понятіе права противорѣчитъ положительному. Потомъ они не отличаютъ происхожденія содержанія юридическихъ нормъ отъ ихъ обязательности. И, наконецъ, не уясняютъ значенія слова „источникъ права“. Все право вытекаетъ у нихъ изъ таинственнаго народнаго духа, состоитъ изъ простыхъ возбужденій сознанія, чѣмъ вполнѣ уничтожается его обязательность. Всѣ измѣненія въ правѣ тождественны съ измѣненіями правоваго сознанія, генезисъ котораго, а слѣдовательно и право ускользаетъ отъ наблюденія. Если же всякое право возникаетъ въ безформенномъ видѣ, тогда можно говорить лишь о средствахъ познанія права, а не его формахъ. Историки же права называютъ въ одно и тоже время обычай, законъ и мнѣнія юристовъ и средствами къ познанію права, и формами его образованія. Юридическое сознаніе народа, слѣдовательно, не есть источникъ права, такъ какъ оно становится правомъ только чрезъ обычай и не можетъ измѣнять дѣйствія законовъ. Рецепція римскаго права въ Германіи совершенно непонятна при взглядѣ на юридическое сознаніе, какъ источникъ права. Элементъ естественнаго права находится во взглядѣ Савиньи и Пухты на науку права, какъ самостоятельный источникъ права. Научные взгляды не могутъ превратиться прямо въ обязательныя нормы права; юристы принимаютъ въ образованіи права такое же участіе, какъ и всѣ остальные люди. Утверждать, что юристы могутъ создавать право, значитъ впадать въ ошибку доктрины естеств. права, которая допускала произвольное участіе каждаго въ образованіи права. По словамъ автора, все ученіе Савиньи и Пухты представляетъ собою безпрерывную борьбу между реалистическимъ взглядомъ на сущность права и отвлеченной философіей естественнаго права. Оба они признавали только положительное историческое право; но ни тотъ, ни другой не могли точно выразить свои взгляды вслѣдствіе особенныхъ условій, при которыхъ они явились и раз-

вились въ теченіе долгаго времени, когда еще вполнѣ господствовало апріористическое направленіе въ философіи права. Савинью и Пухта, подобно своимъ современникамъ (Гегелю, Шталю, Краузе), не могли освободиться изъ подъ его вліянія и были въ состояніи лишь выставить противъ разумнаго права свой взглядъ на народный духъ и народное юридическое сознаніе, какъ источникъ права (503—531 s.).

Въ заключеніе своей критики ученія исторической школы права Бергбомъ дѣлаетъ нѣсколько своихъ замѣчаній о различіи между неисторической и исторической теоріей права и устанавливаетъ принципъ истинной исторической теоріи права. Неисторическія теоріи всѣ тѣ, которыя рядомъ съ положительнымъ правомъ принимаютъ какое-либо другое, неположительное (универсальное, абсолютное, идеальное и пр.), признаютъ различные мотивы образованія права (естественныя нужды, нравственныя и религіозныя убѣжденія и пр.) за ихъ источникъ и, наконецъ, тѣ, которыя довольствуются признаніемъ правоваго чувства, сознанія, идеи, какъ тоже источниковъ права. Бергбомъ находитъ взглядъ Савинью и Пухты на право не вполнѣ историческимъ: ихъ теорія не даетъ объясненія образованія дѣйствительнаго права. Научный методъ ихъ изслѣдованія права могъ указать на развитіе матеріальнаго содержанія права, но не помочь созданію формальной теоріи права, въ которой идетъ рѣчь о происхожденіи юридической природы всего историческаго права. Бергбомъ предпринимаетъ выяснить понятіе историческаго права, которое безсознательно заключалось въ взглядахъ Савинью и Пухты, опредѣлить принципъ истинной исторической теоріи права, дѣйствительнаго его образованія. Историки права исходили изъ понятія положительнаго права, но они не обращали вниманія на необходимость систематизаціи тогдашняго пестраго, смѣшаннаго германскаго права и видѣли въ правѣ лишь органическое образованіе индивидуально развитаго народнаго духа, положительное право являлось въ ихъ глазахъ результатомъ историческаго процесса его образованія. Истинный историческій принципъ права можно открыть, если мы будемъ отличать содержаніе права отъ его формы.

Содержаніе права опредѣляется массою разнаго рода мотивовъ (моралью, религіей, потребностями человѣческой природы, политическими причинами и пр.), которые не составляютъ права, которое появляется въ качествѣ жизненнаго обязательнаго правила путемъ примѣненія юридической нормы въ теченіе долгаго времени, создаваемой разными органами права. О правѣ мы узнаемъ изъ всякаго рода юридическихъ памятниковъ. Качество же права оно получаетъ вслѣдствіе разныхъ историческихъ событій и формъ образованія права (обычнаго права и закона). Наконецъ, Бергбомъ опредѣляетъ значеніе историческаго принципа образованія права такимъ образомъ, что для его появленія въ обществѣ необходимо, чтобы извѣстная компетентная въ немъ сила придала „существенному нормальному содержанію права столь же существенную юридическую форму“ (532—550 s.).

Таково богатство содержанія обширнаго сочиненія профессора Бергбома, который обнаруживаетъ въ немъ необыкновенную эрудицію, знакомство со всей европейской литературой философіи права. Авторъ, какъ видимъ, далъ полную картину состоянія этой науки, указалъ на всѣ слабыя стороны современной общей теоріи права. Отрицательная, критическая сторона, однако, значительно перевѣшиваетъ въ книгѣ положительную. Авторъ разоблачаетъ вполнѣ всѣ недостатки доктрины естественнаго права и смѣло срываетъ маску съ разныхъ скрытыхъ формъ, подъ какими она скрывается у современныхъ ученыхъ юристовъ. Въ своемъ увлеченіи предпринятой задачей Бергбомъ только не замѣчаетъ, что новая исторія философіи права не исчерпывается двумя школами—естественной и исторической,—забываетъ объ органической школѣ права и лишь мелькомъ затрогиваетъ вопросъ о реалистической школѣ, особенно взглядахъ ея основателя, Р. ф. Іеринга. Авторъ совершенно правильно различаетъ старую школу естественнаго права во главѣ съ Г. Гроціемъ отъ новой—раціоналистической (Кантомъ и др.), но, какъ намъ кажется, слишкомъ расширяетъ, съ одной стороны, понятіе естественнаго права, а съ другой съуживаетъ. Бергбомъ отказываетъ въ положительномъ характерѣ всѣмъ юридическимъ взглядамъ, лишеннымъ объективнаго элемента, хотя въ понятіе

права и входятъ неизбѣжно нѣкоторые субъективные элементы въ формѣ психологическихъ данныхъ и логическихъ заключеній. Взгляды Г. Гроція и его послѣдователей относятся къ доктринѣ естественнаго права, какъ это признаетъ и самъ авторъ, который въ тоже время считаетъ настоящимъ естественнымъ правомъ лишь „разумное право“ Канта и его послѣдователей. Бергбомъ слишкомъ много приписываетъ вліянію естественнаго права въ дѣлѣ обществ. реформъ XVIII—XIX ст., которыя явились результатомъ цѣлаго ряда другихъ общественныхъ условій (умственнаго развитія общества, матеріальной культуры, дѣятельности государства и др.). Хорошо выясняя условія появленія и продолжительнаго господства ученія естественнаго права, Бергбомъ не объясняетъ, почему же эта доктрина такъ упорно держится до сихъ поръ въ наукѣ права Разгадка этого послѣдняго факта кроется, на нашъ взглядъ, въ совпаденіи стремленія всего естественнаго права развить свободу личности съ дѣйствительнымъ осуществленіемъ въ текущемъ столѣтіи этого принципа доктрины естественнаго права, во имя котораго произведено было много благотворныхъ перемѣнъ въ жизни европейск. общества XVIII—XIX вѣка. Въ заключеніе мы должны отмѣтить истинно положительную точку зрѣнія Бергбома, на которой онъ стоитъ при критикѣ естественнаго права, собственномъ опредѣленіи понятія права и своемъ стремленіи выяснить существенныя черты истинной исторической теоріи образованія права, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи авторъ не сказалъ ничего новаго, что не заключалось бы въ взглядахъ Савиньи и Пухты на образованіе права.

В. Щегловъ.

2. *Др. Никодим Милаш*, Православно-црквено право по обштим црквено-правним изворима и посебним законским наредбама, коіе важе у поіединим самоуправним црквама. Задар, 1890

Трудъ съ выписаннымъ заглавіемъ представляетъ собою изложеніе православнаго церковнаго права по общимъ церковно-правовымъ источникамъ и по особеннымъ законнымъ опредѣленіямъ, дѣйствующимъ въ отдѣльныхъ автокефальныхъ церквахъ. Въ одномъ отношеніи трудъ этотъ имѣетъ несомнѣнную цѣнность, насколько именно восполняется имъ большой пробѣлъ въ православной церковной литературѣ въ отношеніи къ устройству и управленію нынѣшнихъ автокефальныхъ церквей греческихъ, славянскихъ и румынскихъ. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ руководство д-ра Милаша страдаетъ важными недостатками и, вмѣсто разъясненія, можетъ способствовать затемнѣнію понятій. Начать съ источниковъ. Общіе источники онъ дѣлитъ: 1) на основные, которые содержатся въ основномъ каноническомъ сборникѣ, завершившемся въ 883 г. въ формѣ номоканона въ XIV титуловъ, и къ которымъ причисляются еще авторомъ разныя канонческія предписанія изъ подлинныхъ и неподлинныхъ сочиненій Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и св. Анастасія, синодальные отвѣты цареградскаго патріарха Николая, каноны Никифора Исповѣдника и канониконъ Іоанна Постника 2) на дополнительные, къ которымъ относятся синодальныя опредѣленія константинопольскихъ патріарховъ, начиная съ X столѣтія и *до настоящаго времени*, 3) на вспомогательные, каковы разсужденія и отвѣты разныхъ византійскихъ канонистовъ и византійскіе императорскіе законы. Авторъ откровенно объясняетъ, почему онъ причисляетъ къ основнымъ источникамъ церковнаго права такія статьи, какъ отвѣты цареградскаго патріарха Николая, каноны Никифора и Іоанна Постника, — потому, говоритъ авторъ, что въ аѳинской синтагмѣ послѣ канонарія Іоанна Постника поставлены заключительныя слова: τέλος τῶν ἱερῶν κανόνων (конецъ священныхъ каноновъ), ergo все предшествующее этимъ заклю-

чительнымъ словамъ нужно считать канонами, въ отличіе отъ всего нижеслѣдующаго; аѳинская же синтагма, продолжаетъ авторъ, *одобрена* синодами *главныхъ* нынѣшнихъ помѣстныхъ церквей и, въ первомъ ряду, цареградскимъ патріаршимъ синодомъ. Авторъ очевидно смѣшиваетъ *одобреніе ученаго изданія къ употребленію* и *законодательную санкцію* всего того, что содержится въ одобренномъ къ употребленію изданіи. Не считать ли намъ и соборовъ IX столѣтія (861 и 879 гг.) за вселенскіе на томъ основаніи, что аѳинскіе издатели помѣстили ихъ въ одномъ томѣ съ вселенскими соборами? А если, по словамъ автора, даже и одобреніе состоялось не во всѣхъ, а только въ *главныхъ* помѣстныхъ церквахъ, то оказывается, что нельзя даже говорить о всецерковномъ одобреніи, а не только о всецерковномъ дѣйствіи аѳинскаго ученаго изданія. По какимъ затѣмъ соображеніямъ авторъ различаетъ дополнительные отъ вспомогательныхъ источниковъ, этого съ указанной точки зрѣнія автора на аѳинскую синтагму и понять нельзя; и тѣ, и другіе содержатся въ аѳинской синтагмѣ. А замѣчаніе, которое дѣлается на стр. 132-й, что *всѣ общіе источники* имѣютъ общеобязательное значеніе для всей церкви, и что по нимъ должна управляться, даже безъ возможности диспензаціи (стран. 73), всякая помѣстная церковь, желающая оставаться въ единствѣ вселенскаго православія, окончательно повергаетъ читателя въ недоумѣніе: зачѣмъ же было дѣлать различіе между разными категоріями общихъ источниковъ (основные, дополнительные, вспомогательные), если примѣненіе тѣхъ и другихъ и третьихъ одинаково необходимо для того, чтобы помѣстная церковь оставалась въ единствѣ вселенскаго православія? Пусть бы читатель и зналъ, и памятовалъ, что и соборныя правила, и каноны Никифора, Николая Грамматика и Іоанна Постника, и отвѣты разныхъ константинопольскихъ хартофилаксовъ и проч. и даже византійскіе *гражданскіе* законы (не говоря о церковныхъ императорскихъ законахъ), занесенные въ сборникъ Властаря, который, въ свою очередь, помѣщенъ въ аѳинской синтагмѣ и, вслѣдствіе „одобренія“ ея, eo ipso „канонизованъ“,— что все это должно практически дѣйствовать въ помѣстной церк-

ви желающей оставаться православною. Практика, конечно, не послушалась бы этого теоретическаго положенія, но самое положеніе было бы покрайней мѣрѣ правильнымъ логическимъ выводомъ изъ вышеприведенныхъ разсужденій.

Взглядъ автора на обычное право также поражаетъ странностію. По его мнѣнію (стр. 45), обычное церковное право тѣмъ отличается отъ обычая въ области гражданскихъ отношеній, что гражданскій обычай можетъ существовать самостоятельно, основываясь на *непосредственномъ общественномъ убѣжденіи*, тогда какъ церковный обычай стоитъ всегда въ зависимости отъ извѣстнаго *преданія*, предполагаетъ преданіе и служитъ однимъ изъ способовъ выраженія преданной истины (т е. отъ апостоловъ по преданію сохранившейся). Должно сознаться, что обычное церковное право у насъ совсѣмъ не разработано, но съ достовѣрностію можно сказать, что будущій изслѣдователь церковныхъ обычаевъ въ разныхъ православныхъ странахъ не въ состояніи будетъ указать на то апостольское преданіе, которое лежитъ въ основаніи каждаго отдѣльнаго обычая. Интересно было бы напримѣръ узнать, на какомъ преданіи основывается обычай устраненія епископовъ отъ совершенія таинствъ крещенія, мѵропомазанія, покаянія, брака, или обычай возведенія монаховъ на епископскія каѳедры, на какомъ преданіи утверждается наслѣдственность церковно-приходскихъ должностей или обязанность опредѣляемыхъ на священническія и дьяконскія должности вступить предварительно въ бракъ, какое преданіе лежитъ въ основаніи обычая возлагать вѣнки на гробы умершихъ, вознаграждать приходское духовенство въ одной мѣстности зерновымъ хлѣбомъ, въ другой печенымъ, въ третьей шерстью, льномъ, масломъ и т п. и притомъ въ опредѣленные, разные въ разныхъ мѣстностяхъ, сроки, и въ опредѣленной, различной въ различныхъ мѣстностяхъ, мѣрѣ. На стр. 133 авторъ говоритъ, что нѣкоторыя помѣстныя церкви (три восточные патріархата—александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій, церкви кипрская, синайская и черногорская) не имѣютъ *особенныхъ* источниковъ церковнаго права и управляются по общимъ источникамъ (указаннымъ выше). Такимъ образомъ, если повѣрить автору, во всѣхъ этихъ церквахъ, въ томъ

числѣ и въ черногорской, не существуетъ никакого мѣстнаго или національнаго обычнаго права, которымъ бы, при отсутствіи писанныхъ церковныхъ законовъ, регулировался церковный порядокъ съ большимъ соотвѣтствіемъ народному складу жизни, чѣмъ „общими“ источниками церковнаго права, а скорѣе можно думать, что въ каждой изъ указанныхъ церквей, и въ черногорской въ особенности, существуютъ церковные обычаи, которые притомъ рискованно было бы производить отъ апостольскаго преданія.

Къ церковно-историческимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ руководствѣ д-ра Милаша, нужно относиться съ большою осторожностію, такъ какъ они нерѣдко грѣшатъ неточностію Напр. на стр. 85 и сл. сообщаются далекія отъ исторической истины свѣдѣнія о предсѣдательствѣ на древнихъ вселенскихъ соборахъ, между тѣмъ какъ, при помощи хотя бы Гефеле, можно было легко извлечь изъ *источниковъ* болѣе правдивыя свѣдѣнія. На стр. 290 утверждается недоказуемое существованіе въ эпоху I вселенскаго собора самостоятельной церкви въ Іоркѣ, а на слѣдующей страницѣ ошибочно утверждается, что азійскій діэцезъ въ послѣдующее за I всел. соборомъ время былъ присоединенъ къ восточному (въ тѣсномъ смыслѣ) діэцезу, забывается Понтъ и видимымъ образомъ смѣшиваются двѣ Кесаріи: каппадокійская (въ Понтѣ) и палестинская. Тутъ же церковь Первой Юстиніаны неточно называется самостоятельною, между тѣмъ какъ юридическое положеніе архіепископа Первой Юстиніаны было опредѣлено императоромъ, создателемъ этой каѳедры, въ такихъ выраженіяхъ: „Archiepiscopus primae Justinianae, patriae nostrae, semper habeat sub jurisdictione sua episcopos provinciarum Daciae mediterraneae et Daciae ripensis, Triballeae, Dardaniae et Mysiae Superioris et Pannoniae, atque hi ab eo creentur, ipse vero a proprio synodo creetur et in ipsis provinciis ei subjectis locum teneat sedis apostolicae romanae secundum ea, quae a sanctissimo papa Vigilio constituta sunt“ (Nov. Justiniani CXXXI, c. 3).

На стр. 417 утверждается, что императорская подпись подъ опредѣленіями вселенскихъ соборовъ не составляла юридической необходимости, что она была не юридическою санкціей соборныхъ

опредѣленій, а лишь выраженіемъ подчиненія со стороны императора соборному опредѣленію, какъ несомнѣнной истинѣ. Факты говорятъ другое. Шестой вселенскій соборъ, послѣ того какъ всѣ епископы подписались подъ его опредѣленіями, обратился къ императору съ слѣдующею просьбою: „просимъ благочестивую и бовѣнчанную вашу державу, какъ мы умоляли и въ произнесенномъ вашему благочестивому царству привѣтственномъ словѣ, дать посредствомъ вашей высочайшей подписи *утвержденіе* произнесенному нами и подписанному опредѣленію, прочтенному и предъ вашею богомудрою свѣтлостію. Дѣян. всел. соб. въ рус. перев. VI, 312—313 (у Mansi, XI, 415: διὰ θείας ὑμῶν ὑποσημειώσεως το κῦρος παρασχέσθαι). А потомъ еще соборъ обратился съ дополнительною просьбою: „просимъ богомудрую державу государя, для большаго обезпеченія и утвержденія православной вѣры, выдать пяти патріаршимъ престоламъ списки съ прочитаннаго въ присутствіи вашей свѣтлѣйшей державы опредѣленія за подписью членовъ собора и съ вашимъ благочестивымъ подписаніемъ". Точно также на седьмомъ вселенскомъ соборѣ патріархъ поднесъ императрицѣ Иринѣ и сыну ея Константину соборныя опредѣленія и „вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ просилъ *запечатлѣть его и утвердить* своими благочестивыми подписями" (Дѣян. VII, стр. 628 у Mansi: ἐπισφραγίσαι καὶ ἐπιβεβαιῶσαι δι᾽ εὐσεβῶν αὐτῶν ὑπογραφῶν).

Большою неточностію грѣшатъ сужденія автора о хорепископахъ и періодевтахъ древней церкви: хорепископы и періодевты будто бы *управляли и судили* въ качествѣ подчиненныхъ епископу органовъ, въ мѣстныхъ округахъ, на которые распадалась епископская епархія (см. стр. 282 и 439). На самомъ дѣлѣ никакихъ *мѣстныхъ округовъ*, съ посредствующими между епископомъ и приходами административными и судебными *инстанціями*, на востокѣ никогда не существовало, что не безызвѣстно и самому автору (стр. 362).

На стр. 266 авторъ говоритъ, что вопросъ о числѣ степеней духовной іерархіи есть вопросъ не каноническій, а догматическій, каноническое же право основывается въ этомъ случаѣ на ученіи церкви, и если церковь учитъ, что основныхъ степеней

въ духовной іерархіи три, не болѣе и не менѣе, то каноническое право и должно принять это число, какъ нѣчто готовое. Общее отношеніе каноническаго права къ церковному ученію авторъ опредѣляетъ, конечно, правильно; но вопросъ въ томъ, существуетъ ли твердо установленное церковное ученіе по данному пункту, и если напр. 13 прав. трулльскаго собора, относящее иподьякона прямо къ священнослужителямъ (ἱερώμενοι, θυσιαστηρίῳ προσεδρεύοντες), то для канониста должно возникнуть серьезное затрудненіе: гдѣ онъ долженъ видѣть выраженіе церковнаго ученія—въ трулльскомъ ли канонѣ, или въ разсужденіяхъ д-ра Милаша, или ни въ томъ, ни въ другомъ?

Разсуждая объ иновѣрномъ рукоположеніи и о возможности признанія его въ православной церкви, авторъ неправильно ссылается (стр. 264) на 1-е правило собора 879 г. въ церкви св. Софіи, въ которомъ будто бы *православная* церковь высказалась относительно признанія священства за лицами, рукоположенными въ *римско-католической* церкви. На соборѣ 879 г. и западная и восточная церковь разсматривались еще какъ составныя части единой православной каѳолической церкви, безъ того рѣзкаго разграниченія между восточною и западною церквами, какъ *особыми вѣроисповѣдными* обществами, которое обозначилось позднѣе. Авторъ или не знаетъ, или забылъ, или игнорируетъ, что общеніе между востокомъ и западомъ продолжалось долгое время и послѣ собора 879 г. и выражалось въ такихъ фактахъ, какъ сношенія съ Римомъ съ цѣлью получить согласіе папы на осужденіе четвертаго брака, участіе Рима въ константинопольскихъ соборахъ, вписаніе имени папы въ церковные диптихи для упоминанія въ церковныхъ молитвахъ и даже совмѣстное совершеніе патріархомъ константинопольскимъ и римскими легатами въ 923 г. литургіи съ совмѣстнымъ пріобщеніемъ св. Таинъ.

Въ отдѣлѣ о бракѣ также допускаются разныя неправильности, напр. возрастъ, насиліе и страхъ, обманъ отнесены къ препятствіямъ, препятствующимъ только, а не уничтожающимъ бракъ, какъ скоро онъ состоялся (стр. 554 и сл.), а „недѣвичность невѣсты“ считается препятствіемъ, уничтожающимъ бракъ (стр. 550), равно какъ недостатокъ согласія родителей. Отдѣлъ

о бракѣ долженъ былъ показать автору, какъ трудно поддерживать теорію „общихъ“ источниковъ, обязательныхъ для всѣхъ православныхъ церквей, даже безъ возможности диспензаціи. И самъ онъ вынужденъ констатировать, что между тѣмъ какъ, по „общему“ церковному праву, бракъ воспрещается *до 7-й степени* включительно, въ королевствѣ греческомъ онъ воспрещается до 6-й степени включительно, а въ русской до 4-й. А если принять въ соображеніе, что у насъ возможны бываютъ браки не только въ четвертой степени родства и свойства, а даже во второй степени свойства (напр. бракъ между сводными братьями и сестрами, бракъ съ сестрою умершей жены), то окажется, что русское брачное право еще дальше отстоитъ отъ „общаго“ церковнаго права, чѣмъ констатировано авторомъ.

Наиболѣе же важный недостатокъ разбираемой книги состоитъ въ сбивчивости и смутности понятія о помѣстной церкви. То онъ утверждаетъ, что съ самаго начала существовали въ христіанствѣ помѣстныя церкви, разумѣя подъ помѣстною церковью каждую епископскую церковь, причемъ за всѣми епископами признается равная власть (стр. 213—215, 220—221), то понимаетъ подъ помѣстною церковью совокупность епископскихъ церквей, такъ что и всѣ церковныя провинціи въ предѣлахъ римской имперіи оказывались бы съ этой точки зрѣнія помѣстными церквами, но уже съ „первопрестольниками“, имѣющими такія права власти, которыхъ остальные епископы не имѣютъ, то наконецъ приводитъ синодальную грамоту патріарха Каллиника II отъ 1697 г. въ которой уже изображаются послѣдовательно многія градаціи: „какъ небесныя тѣла великими и малыми звѣздами освѣщаютъ всю вселенную,... такъ и въ святой церкви руководятъ христіанскимъ благочестивымъ народомъ на пути свѣта епископы, какъ малыя звѣзды, а ихъ превосходитъ свѣтлостію священный соборъ митрополитовъ, надъ которымъ возвышается тріада архіепископовъ: ахридскаго, кипрскаго и пекскаго, а надъ всѣми ими стоитъ божественная четверица патріарховъ цареградскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, какъ звѣзды, изъ которыхъ проистекаетъ первоначальный свѣтъ“ (см. стр. 287—288). Странно, почему тутъ московскій патріархъ

не отнесенъ къ звѣздамъ ни первой, ни даже средней величины. Сбивчивость понятія о помѣстной церкви невыгодно отражается даже и на той части книги, которая, какъ выше было замѣчено, имѣетъ серьезныя достоинства, т. е. въ которой излагаются устройство и управленіе нынѣшнихъ автокефальныхъ церквей. Излагая напр. организацію православной румынской церкви въ Венгріи, авторъ говоритъ, что верховную управу въ ней составляютъ: 1) народно-церковный соборъ, 2) митрополитская консисторія и 3) архіерейскій синодъ, или, излагая организацію болгарскаго экзархата, называетъ, въ качествѣ центральныхъ учрежденій, св. синодъ и экзархійскій совѣтъ (стр. 327 и 328). А впослѣдствіи оказывается, что „личныя права, которыя имѣютъ первые епископы въ помѣстныхъ самостоятельныхъ церквахъ суть тѣ же самыя, которыя имѣли въ старое время митрополиты какъ *самостоятельныя главы помѣстныхъ церквей* (созывать, открывать и закрывать соборъ, предсѣдательствовать въ немъ и руководить имъ, вести надзоръ, не только путемъ полученія донесеній, но и посредствомъ личнаго объѣзда, разрѣшать споры и вести текущія дѣла впредь до созванія собора, даже деволюціонное право и проч. (см. стр. 332). Мало того, авторъ утверждаетъ даже, что изъ этихъ и подобныхъ имъ *правъ власти* проистекло и *первенство чести* первыхъ епископовъ въ своихъ областяхъ, которое обязанъ всякій признавать за ними, и которое гарантировано законами отдѣльныхъ государствъ (стр. 333). Но любопытно было бы знать, на чемъ авторъ обосновываетъ право константинопольскаго патріарха заключать конкордатъ съ австро-венгерскимъ правительствомъ о мѣстномъ управленіи православною церковью въ Босніи и Герцеговинѣ (стр. 137).

Наконецъ нельзя не указать на новый церковный догматъ, провозглашаемый авторомъ руководства. Неопогрѣшимое церковное ученіе, по мнѣнію автора можетъ быть устанавливаемо не вселенскимъ только соборомъ, а и другимъ путемъ. Если соборъ не можетъ состояться, тогда отдѣльная помѣстная церковь высказываетъ свое сужденіе, а остальныя церкви присоединяются къ нему, изъявляя свое согласіе, и отдѣльное сужденіе, выраженное во имя всѣхъ епископовъ, является общимъ голосомъ всей церк-

ви (стр. 216). И въ другомъ мѣстѣ авторъ разсуждаетъ: „Помимо вселенскихъ соборовъ, церковь можетъ и въ обыкновенномъ своемъ состояніи высказаться въ случаѣ, если окажется необходимою общая законодательная власть А это бываетъ тогда, когда всѣ архипастыри церкви, хотя бы они не собрались на соборъ и оставались бы каждый на своемъ мѣстѣ, выразятъ единодушно и согласно ученіе о предметѣ, относительно котораго явилась бы потребность выслушать голосъ вселенской церкви. Если въ отдѣльной церкви возникаетъ вопросъ, имѣющій общецерковное значеніе, то іерархи этой церкви подвергаютъ его разсмотрѣнію на своемъ помѣстномъ соборѣ и опредѣленія его сообщаютъ остальнымъ помѣстнымъ церквамъ, которыя и принимаютъ ихъ къ руководству въ своемъ управленіи; или же, если данный помѣстный соборъ не считаетъ себя компетентнымъ опредѣлять, то обращается ко всѣмъ другимъ автокефальнымъ церквамъ, испрашивая ихъ мнѣнія, и когда всѣ формулируютъ свое мнѣніе въ соотвѣтственномъ опредѣленіи, тогда оно и провозглашается во имя всецѣлой церкви и имѣетъ одинаковое значеніе и важность, какъ если бы было провозглашено на вселенскомъ соборѣ“ (стр. 418). Такъ явились, говоритъ авторъ, подтверждая свою мысль примѣрами, православное исповѣданіе кіевскаго митрополита Петра Могилы, затѣмъ исповѣданіе православной вѣры восточной церкви, утвержденное на іерусалимскомъ соборѣ 1672 г. и окружное посланіе восточныхъ патріарховъ 1848 г. (отвѣтное на энциклику Пія IX, приглашавшую восточныхъ епископовъ на вселенскій соборъ).

Такимъ образомъ къ непогрѣшимости вселенскихъ соборовъ присоединяется еще непогрѣшимость корреспондирующихъ между собою епископовъ! Положеніе, могущее имѣть обильныя послѣдствія для нашихъ богослововъ, а въ небогословѣ могущее вызвать вопросъ довольно затруднительный. Если непогрѣшимый догматъ можетъ быть устанавливаемъ, въ виду затруднительности составленія вселенскаго собора, корреспондирующими между собою епископами, то не еще ли проще и цѣлесообразнѣе дѣйствуютъ католики, предоставляя одному авторитетному лицу изрекать непогрѣшимыя сужденія по вопросамъ — вѣры и нравственности? Этотъ способъ установленія догматовъ имѣетъ покрайней мѣрѣ то достоинство,

что онъ много удобнѣе продолжительной и хлопотливой корреспонденціи между епископами.

Еще одно замѣчаніе. Д-ръ Милашъ, занимающій крѣпкую позицію въ вопросѣ объ „общихъ“ источникахъ церковнаго права, не совсѣмъ твердъ въ вопросѣ о символическихъ книгахъ православной церкви. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, которыми онъ поясняетъ свою мысль о непогрѣшимости сносящихся между собою епископовъ (стр. 419 и ср. 79), видно, что православное исповѣданіе Петра Могилы и утвержденное на іерусалимскомъ соборѣ 1672 г. исповѣданіе православной вѣры восточной церкви авторъ считаетъ разными книгами, тогда какъ на іерусалимскомъ соборѣ подтверждено было исповѣданіе же Петра Могилы, и напротивъ не знаетъ „посланія патріарховъ восточно-каѳолической церкви о православной вѣрѣ“ въ Великобританію 1723 г. А что касается отвѣтнаго посланія восточныхъ патріарховъ на энциклику Пія IX и причисляемаго также авторомъ на стр. 72 къ символическимъ книгамъ пространнаго христіанскаго катихизиса, составленнаго митрополитомъ Филаретомъ, то исторія не говоритъ о какихъ либо помѣстныхъ соборахъ, на которыхъ бы они были одобрены, и о какихъ либо сношеніяхъ по этому предмету между епископами помѣстныхъ церквей. Если стать на ту точку зрѣнія (которая и есть на самомъ дѣлѣ православная), что только принятое всею церковью ученіе есть непогрѣшимый догматъ, что, слѣдовательно, никакой церковный органъ, самъ по себѣ, не обладаетъ непогрѣшимостію (вселенскій ли соборъ, или епископы, установляющіе извѣстное ученіе путемъ взаимныхъ сношеній, или, наконецъ, римскій папа единолично), и печать непогрѣшимости сообщается ученію только общецерковнымъ признаніемъ,—то вопросъ о путяхъ, которыми проникаетъ въ церковное сознаніе извѣстная формула ученія, и объ органахъ, которыми она устанавливается, какъ объектъ общецерковнаго воспріятія и усвоенія,—вопросъ этотъ получаетъ рѣшительно второстепенное значеніе

Н. Суворовъ.

S0041270
СФ СПбГУ